

Американская революция

Джон Фиск

**THE
AMERICAN REVOLUTION**

BY
JOHN FISKE

With Many Illustrations

TWO VOLUMES IN ONE

Published for
THE EDUCATIONAL PRESS
By
HOUGHTON MIFFLIN COMPANY
BOSTON

Содержание

[АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАВА I НАЧАЛО](#)

[ГЛАВА II КРИЗИС](#)

[ГЛАВА III КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС](#)

[ГЛАВА IV НЕЗАВИСИМОСТЬ](#)

[ГЛАВА V ПЕРВЫЙ УДАР ПО ЦЕНТРУ](#)

[ГЛАВА VI ВТОРОЙ УДАР ПО ЦЕНТРУ](#)

[ГЛАВА VII САРАТОГА](#)

[ТОМ II](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАВА VIII ФРАНЦУЗСКИЙ СОЮЗ](#)

[ГЛАВА IX ВАЛЛИ-ФОРДЖ](#)

[ГЛАВА X. МОНМУТ И НЬЮПОРТ.](#)

[ГЛАВА XI ВОЙНА НА ФРОНТЕРЕ](#)

[ГЛАВА XII ВОЙНА НА ОКЕАНЕ](#)

[ГЛАВА XIII ГОД КАТАСТРОФ](#)

[ГЛАВА XIV БЕНЕДИКТ АРНОЛЬД](#)

[ГЛАВА XV ЙОРКТАУН](#)

[СНОСКИ:](#)

[ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА](#)

[Исправления](#)

[Транскрипции](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга Проекта Гутенберга «Американская революция»

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и в большинстве других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Американская революция

Автор: Джон Фиск

Дата выпуска: 2 ноября 2012 г. [электронная книга № 41266]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: английский

Благодарности: Шарлин Тейлор, К. Д. Уикс, Чарльз Франкс и команда онлайн-корректоров

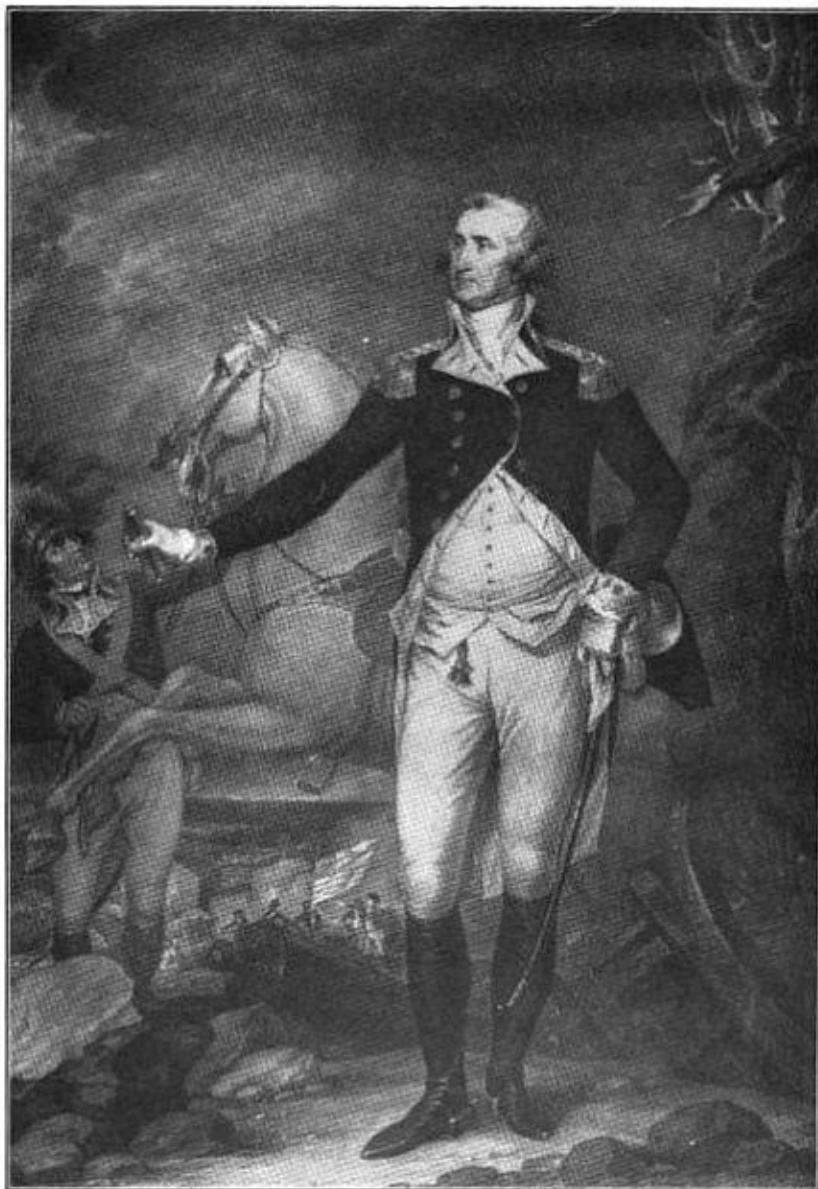
*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА:

Было внесено очень мало исправлений. Те немногие исправления, которые были сделаны, были вызваны очевидными опечатками и каталогизированы в примечании в конце текста. Несколько пропущенных знаков препинания были незаметно добавлены там, где для них было место на печатной странице.

Включено несколько изображений документов. Транскрипции этих текстов также приведены в примечаниях в конце книги и связаны с каждой подписью ссылкой «См. транскрипцию».

Этот текст состоит из двух томов с отдельными оглавлениями и нумерацией страниц. Оба оглавления ссылаются на оригинальную нумерацию страниц. Каждая запись направляет читателя на соответствующую страницу в каждом томе. Нажав на эти выделенные тексты, читатель вернется на соответствующую страницу оглавления. Почти все темы были напечатаны в виде примечаний на полях. В зависимости от вашего устройства для чтения, вы можете видеть эти темы в виде выровненных по правому краю блоков или выделенных фраз в тексте.

ВАШИНГТОН В ТРЕНТОНЕ

Автор: Джон Трамбалл

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ДЖОНА ФИСКА

С многочисленными иллюстрациями

ДВА ТОМА В ОДНОМ

**Издано для THE EDUCATIONAL PRESS
ИЗДАТЕЛЬСТВОМ HOUGHTON MIFFLIN COMPANY
BOSTON**

**АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1891, ДЖОН ФИСК
АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1896, ХОУГТОН, МИФФЛИН И КОМПАНИЯ
АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1919, АББИ М. ФИСК
ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ, ВКЛЮЧАЯ ПРАВО НА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ
ЭТОЙ КНИГИ ИЛИ ЕЕ ЧАСТЕЙ В ЛЮБОЙ ФОРМЕ**

**The Riverside Press
КЭМБРИДЖ, МАССАЧУСЕТС
ПЕЧАТАНО В США**

МЭРИ ХЕМЕНВЕЙ

**В ЗНАК ПРИЗНАНИЯ РЕДКОЙ ДАЛЬНОВИДНОСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ДУХА, КОТОРЫЕ
СПАСЛИ ОТ РАЗРУШЕНИЯ ОДНО ИЗ САМЫХ БЛАГОРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗДАНИЙ
АМЕРИКИ И СДЕЛАЛИ ЕГО ЦЕНТРОМ ПРЕПОДАВАНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ И
ПРИНЦИПОВ ХОРОШЕГО ГРАЖДАНСТВА, Я ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ**

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I НАЧАЛО

СТРАНИЦА

Отношения между американскими колониями и британским правительством в первой половине XVIII века	1
Лорды Торговой палаты	2
Заработная плата губернаторов	3
Сэр Роберт Уолпол	4
Мнения лордов-торговцев о необходимости объединения колоний	5
Слабость чувства единства	6
Конгресс в Олбани	6
План Франклина по созданию федерального союза (1754)	7, 8
Отклонение плана Франклина	9
Ширли рекомендует принятие закона о гербовом сборе	10
Повестки о предоставлении помощи	11
Главный судья Нью-Йорка	12
«Оправдание» Отиса	13
Расходы на французскую войну	14
Решения Гренвилля	15
Ответ колоний	16
Принятие Закона о гербовом сборе	17
Патрик Генри и дело Парсонса	18
Резолюции Вирджинии по поводу Закона о гербовом сборе	19
Конгресс по закону о гербовом сборе	20
Декларация ассамблеи Массачусетса	22
Сопrotивление Закону о гербовом сборе в Бостоне	23
И в Нью-Йорке	24
Дебаты в Палате общин	25, 26
Отмена Закона о гербовом сборе	26, 27
Министерство герцога Графтона	28
Чарльз Тауншенд и его законы о доходах	29
Нападение на ассамблею Нью-Йорка	32
Парламент не должным образом представлял интересы британского народа	32, 33
Сложность проблемы	34
Представительство американцев в парламенте	35
Г-н Гладстон и буры	36
Смерть Тауншенда	37
Его политическое наследие Георгу III.	37
Характер Георга III.	38, 39
Английские партии в период с 1760 по 1784 год	40, 41
Георг III как политик	42
Его главная причина для конфликта с американцами	42, 43

ГЛАВА II КРИЗИС

Характер лорда Норта	44
Джон Дикинсон и «Письма фермера»	45

Циркулярное письмо Массачусетса	46, 47
Инструкции лорда Хиллсборо Бернарду	48
«Прославленные девяносто два»	48
Принудительный набор граждан в флот	49
Дело шлюпа «Либерти»	49-51
Закон Генриха VIII о «измене, совершенной за границей»	52
Сэмюэл Адамс принимает решение (1768)	53-56
Прибытие войск в Бостон	56
Письма «Виндекса»	58
Дебаты в парламенте	59, 60
Все законы Тауншенда, за исключением закона о введении пошлины на чай, должны быть отменены.	61
Отзыв губернатора Бернарда	61
Характер Томаса Хатчинсона	62
Резолюции Вирджинии относительно законов Тауншенда	63
Поведение войск в Бостоне	64
Нападение на Джеймса Отиса	64
«Бостонская резня»	65
Некоторые из его уроков	69
Лорд Норт становится премьер-министром	72
Действия нью-йоркских купцов	73
Ассамблеи созываются в необычных местах	74
Налоги в Мэриленде	74
«Регуляторы» в Северной Каролине	74
Дело шхуны «Гаспи»	75, 76
Заработная плата судей Массачусетса	76
Предложение Джонатана Мэйхью (1766)	77
Комитеты по переписке в Массачусетсе	78
Межколониальные комитеты переписки	79
Возрождение вопроса о налогообложении	80
Изобретательный план короля по обману американцев с целью заставить их покупать чай Ост-Индской компании	81
Как Бостон стал полем битвы	82
Советы, торжественно запрошенные и данные городами Массачусетса	82-84
Прибытие чая; собрание в Старом Юге	84, 85
Чайные корабли поставлены под охрану	85
Затягивающие маневры Ротча	86
Большое городское собрание в Старом Юге	87, 88
Чай, брошенный в гавань	88, 89
Моральное величие сцены	90, 91
Как парламент воспринял эту новость	91-93
Закон о Бостонском порту	93
Закон о регулировании	93-95
Закон о расстреле граждан	96
Размещение войск в городах	96
Закон о Квебеке	96
Генерал Гейдж отправлен в Бостон	97, 98
<u>ГЛАВА III</u>	
<u>КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС</u>	
Протест лордов-вигов	99

Убеждение, что американцы не будут сражаться	100
Убеждение, что Массачусетс не получит поддержки от других колоний	101
Новости о законопроекте о портах	101
Сэмюэл Адамс в Салеме	103, 104
Массачусетс отменяет Закон о регулировании	105
Джон Хэнкок и Джозеф Уоррен	106
Резолюции округа Саффолк	108
Провинциальный конгресс в Массачусетсе	109
Первое заседание Континентального конгресса (5 сентября 1774 г.)	110, 111
Дебаты в парламенте	112, 113
Уильям Хоу назначен главнокомандующим войсками в Америке	113
Ричард, лорд Хоу, назначен адмиралом флота	114
Франклин возвращается в Америку	115
Настроения в средних колониях	116
Ошибочные надежды лорда Норта на захват Нью-Йорка	117
Дела в Массачусетсе	101
Речь доктора Уоррена в Старом Юге	119
Попытка подкупить Сэмюэля Адамса	120
Приказ об аресте Адамса и Хэнкока	121
Поездка Пола Ревера	122, 123
Питкэрн открывает огонь по ополченцам в Лексингтоне	124, 125
Войска отбиты в Конкорде; их опасное положение	126, 127
Отступающие войска спасены лордом Перси	128
Отступление продолжилось из Лексингтона в Чарлстаун	129
Восстание в стране; британцы осаждены в Бостоне	130
Реакция на новости в Англии и Америке	130
Резолюции округа Мекленбург	133
Легенда о «Декларации независимости» Мекленбурга	133-135
Бенедикт Арнольд и Итан Аллен	135
Захват Тикондероги и Краун-Пойнта	136
Второе заседание Континентального конгресса	141
Назначение Джорджа Вашингтона командующим Континентальной армией	142
Осада Бостона	145
Прокламация Гейджа	145
Американцы занимают холмы Банкера и Брида	146
Прибытие Путнэма, Старка и Уоррена	147
Гейдж решает попробовать штурм	148, 149
Первая атака отбита	149
Второй штурм отбит	150
Порох Прескотта заканчивается	150
Третья атака увенчалась успехом; британцы захватили холм	151
Потери британцев и американцев	151, 152
Чрезмерные потери; значение сражения	153
Ее моральные последствия	154
ГЛАВА IV	
НЕЗАВИСИМОСТЬ	
Прибытие Вашингтона в Кембридж	155
Офицеры Континентальной армии: Дэниел Морган	156
Бенедикт Арнольд, Джон Старк, Джон Салливан	157

Натаниэль Грин, Генри Нокс	158
Израиль Путнэм	159
Горацио Гейтс и Чарльз Ли	160
Личные особенности Ли	161, 162
Доктор Бенджамин Черч	163
Трудная работа для Вашингтона	164
Отсутствие государственной организации	165
Новое правительство Массачусетса (июль 1775 г.)	166
Конгресс направляет последнюю петицию королю	167
Король издает прокламацию и пытается нанять войска из России	168-170
Екатерина отказывается; король нанимает немецких солдат	170
Возмущение в Германии	171
Сожжение Фалмута (Портленд)	171
Последствия всего этого для Конгресса	172, 173
Вторжение Монтгомери в Канаду и захват Монреаля	174, 175
Поход Арнольда через пустыню штата Мэн	176
Штурм Квебека (31 декабря 1775 г.)	177
Полный провал попытки захватить Канаду	178
Осада Бостона	179
Вашингтон захватывает Дорчестер-Хайтс (4 марта 1776 г.)	180, 181
Британские войска эвакуируются из Бостона (17 марта)	182
Движение к независимости; временный флаг (1 января 1776 г.)	184
Последствия найма «мирмидонов»	185
Томас Пейн	185
Его брошюра под названием «Здравый смысл»	186, 187
Громогласные заявления и ответные заявления	188
Шотландцы в Северной Каролине	188
Сэр Генри Клинтон отправляется в Каролину	189
Сражение у Мура-Крик; Северная Каролина провозглашает независимость	189
Действия Южной Каролины и Джорджии	190
События в Вирджинии; прокламация лорда Данмора	190
Стычка у Грейт-Бридж и сожжение Норфолка	191
Вирджиния провозглашает независимость	192
Действия Род-Айленда и Массачусетса	192
Резолюция, принятая Конгрессом 15 мая	193
Инструкции от городского собрания Бостона	194
Предложение Ричарда Генри Ли в Конгрессе	194
Дебаты по предложению Ли	195, 196
Действия других колоний; Коннектикут и Нью-Гэмпшир	196
Нью-Джерси	197
Пенсильвания и Делавер	197
Мэриленд	199
Ситуация в Нью-Йорке	200
Заговор Трайона	201
Заключительное обсуждение предложения Ли	202
Голосование по предложению Ли	203
Форма Декларации независимости	204
Томас Джефферсон	204, 205
Декларация была сознательным выражением трезвых мыслей	206, 207

американского народа.

ГЛАВА V

ПЕРВЫЙ УДАР ПО ЦЕНТРУ

Лорд Корнуоллис прибывает на место событий	208
Битва при форте Моултри (28 июня 1776 г.)	209-211
Британский план завоевания долины Гудзона и разделения Объединенных колоний на две части	212
Бесплодная попытка лорда Хоу вести неофициальные переговоры с Вашингтоном	213
Военная проблема в Нью-Йорке	214-216
Важность Бруклинских высот	217
Битва на Лонг-Айленде (27 августа 1776 г.)	218
Хау готовится к осаде Хайтс	220
Но Вашингтон ускользает со своей армией	221
И лишает британцев самой золотой возможности, которая когда-либо им предоставлялась	221-223
Конференция на Статен-Айленде	223, 224
Генерал Хоу захватывает город Нью-Йорк 15 сентября	224
Но миссис Линдли Мюррей спасает гарнизон	225
Атака на Харлем-Хайтс	225
Новая проблема перед Хоу	225, 226
Он движется на Трогс-Нек, но Вашингтон меняет базу	227
Озадаченный планами Уайта, Хоу пробует новый план	228
Приказы Вашингтона в связи с чрезвычайной ситуацией	228
Конгресс вмешивается в ситуацию и еще больше ее запутывает	229
Хау захватывает форт Вашингтон штурмом (16 ноября)	230
Вашингтон и Грин	231
Возмутительное поведение Чарльза Ли	231, 232
Грин едва спасается из форта Ли (20 ноября)	233
Ли интригует против Вашингтона	233, 234
Вашингтон отступает в Пенсильванию	234
Подкрепление прибывает от Шуйлера	235
К счастью для американцев, британцы захватывают Чарльза Ли (13 декабря)	235
Времена, испытывавшие души людей	238, 239
Вашингтон готовится к ответному удару	239
Он пересекает Делавэр и прорывает центр британских войск в Трентоне (26 декабря)	240, 241
Корнуоллис прибывает, чтобы исправить катастрофу	242
И думает, что он поймал «старого лиса» в Ассанпинке (2 января 1777 г.)	242
Но Вашингтон готовит мат	243
И снова разрывает британскую линию в Принстоне (3 января)	244
Общее отступление британцев в Нью-Йорк	245
Ситуация полностью изменилась	246
Великолепное полководческое искусство Вашингтона	247
Последствия в Англии	248
И во Франции	249
Прибытие Франклина во Францию	250
Секретная помощь от Франции	251
Лафайетт отправляется в Америку	252

Усилия по реорганизации Континентальной армии	252
Услуги Роберта Морриса	255
Недоброжелательность между штатами	256
Чрезвычайные полномочия, предоставленные Вашингтону	257-258
ГЛАВА VI	
ВТОРОЙ УДАР ПО ЦЕНТРУ	
Вторжение сэра Гая Карлтона в Нью-Йорк	259
Подготовка Арнольда	260
Битва при острове Валькур (11 октября 1776 г.)	260
Конгресс повышает пятерых младших бригадиров выше Арнольда (19 февраля 1777 г.)	262
Характер Филипа Шуйлера	263
Горацио Гейтс	264
Гейтс интригует против Шуйлера	265
Его неподобающее поведение перед Конгрессом	266
Обвинения против Арнольда	267, 268
Арнольд наносит поражение Трайону при Риджфилде (27 апреля 1777 г.)	269
Подготовка к летней кампании	269
Военным центром Соединенных Штатов был штат Нью-Йорк.	270
Второй удар должен был быть нанесен по центру; план кампании	271
План был непродуманным: он слишком сильно разделил британские войска и дал американцам преимущество внутренних линий.	272-274
Фатальная ошибка Жермена: он переоценил силу тори	274
Слишком много неизвестных величин.	275
Игнорирование опасности со стороны Новой Англии	276
Небрежность Жермена; депеша, которая так и не была отправлена	277
Бургойн наступает на Тикондерогу	277, 278
Филлипс захватывает гору Дефайанс	279
Эвакуация Тикондероги	279
Битва при Хаббардтоне (7 июля)	280
Одна ласточка не делает лета	280
Радость короля; гнев Джона Адамса	282
Гейтс был главным виновником	282
Начало трудностей Бергойна	283
Скайлер мудро эвакуирует форт Эдвард	284
Враги собираются в тылу Бергойна	285
Использование индейских вспомогательных войск	285
Обращение Бергойна к вождям	286
Берк высмеивает обращение	286
История Джейн Маккреа	287, 288
Индейцы покидают Бергойна	289
Важность Беннингтона; Бергойн направляет против него немецкие войска	290
Старк готовится принять немцев	291
Битва при Беннингтоне (16 августа); почти вся немецкая армия взята в плен на поле боя	292, 293
Реакция на новости; число врагов Бергойна увеличивается	294
Наступление Сент-Леджера на форт Стэнвикс	295
Херкимер выдвигается против него; план Херкимера	296

Провал плана	297
Тайенданегеа готовит засаду	298
Битва при Орискани (6 августа)	298
Вылазка полковника Уиллетта; первое поднятие флага США	300-301
Смерть Херкимера	301
Арнольд прибывает в лагерь Шуйлера	302
И добровольно предлагает отбить форт Стэнвикс	303
Ян Йост Кайлер и его хитрость	304
Бегство Сент-Леджера (22 августа)	305
Опасная ситуация Бергойна	306
Скайлер заменен Гейтсом	306
Положение двух армий (19 августа — 12 сентября)	307
ГЛАВА VII	
САРАТОГА	
Почему сэр Уильям Хоу отправился в Чесапикский залив	308
Чарльз Ли в плену	308
Измена Чарльза Ли	311
Безумие наступления на Филадельфию как «столицу мятежников»	314, 315
Последствия совета Ли	315
Мастерская кампания Вашингтона в Нью-Джерси (июнь 1777 г.)	316, 317
Неопределенность в отношении следующих действий Хоу	317, 318
Письмо Хоуга Бургойну	318
Комментарии Вашингтона и Грина	319, 320
Предполагаемая причина Хоу была надуманной и бесполезной	320
Судьба Бергойна была практически решена, когда Хоу прибыл в Элктон	321
Причины, по которым Вашингтон предложил сражение	321
Он выбирает очень сильную позицию	322
Битва при Брэндивайн (11 сентября)	322-326
Умение Вашингтона задержать врага	326
Британцы входят в Филадельфию (26 сентября)	326
Значение фортов Мерсер и Миффлин	327
Ситуация в Джермантауне	327
Смелый план Вашингтона	328
Битва при Джермантауне (4 октября)	329
Хау захватывает форты Мерсер и Миффлин	333
Бергойн осознает роковую ошибку Жермена	333
Тем не менее он пересекает реку Гудзон	334
Первая битва у Фриманс-Фарм (19 сентября)	335
Ссора между Гейтсом и Арнольдом	336-337
Перебои с поставками Бургойна	338
Вторая битва у Фриманс-Фарм (7 октября); полное поражение британцев от Арнольда	338
Британская армия окружена	341
Сэр Генри Клинтон поднимается по реке, но уже слишком поздно.	34
Серебряная пуля	343
Бургойн сдается (17 октября)	343, 344
Великодушие Шуйлера	345
Недобросовестность Конгресса	346
Поведение Конгресса было просто непростительным	350
Что стало с плененной армией	350, 351

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ГЛАВА I НАЧАЛО

В течение семидесяти лет, прошедших между свержением династии Стюартов и победой Вольфа на высотах Авраама, отношения между американскими колониями и британским правительством в целом были мирными, и история колоний, за исключением великой и романтической борьбы с Новой Францией, была бы почти лишена ярких событий. Учитывая постоянную угрозу со стороны Франции, британскому правительству было явно неразумно раздражать колонии или делать что-либо, что могло бы ослабить их лояльность, и поэтому их в значительной степени оставили в покое. Тем не менее, вряд ли к ним относились с большой либеральностью, поскольку тогда, как и сейчас, это не было в привычке правительств, и если их привязанность к Англии по-прежнему оставалась сильной, то это было вопреки общему поведению метрополии. Лорды торговли С 1675 года общий надзор за колониями осуществлялся постоянным комитетом Тайного совета, называвшимся «Лорды комитета по торговле и плантациям» и известным под названием «Лорды торговли». Губернаторы часто направляли в этот совет подробные отчеты о работе колониальных законодательных органов, о состоянии сельского хозяйства и торговли, о доходах колоний и о том, как расходуются государственные средства. В частных письмах губернаторы также изливали свои жалобы лордам торговли (), и эти жалобы были многочисленными и громкими. За исключением Пенсильвании и Мэриленда, которые были похожи на наследственные монархии, а также Коннектикута и Род-Айленда, где губернаторы избирались народом, колониальные губернаторы теперь неизменно назначались короной. В большинстве случаев они были склонны высоко ценить королевские прерогативы и почти во всех случаях не могли понять политическую позицию колонистов, которые, с одной стороны, гордились своей связью с Англией, а с другой — именно потому, что были англичанами, не желали ни при каких обстоятельствах уступать ни йоты своих древних свобод. Кроме того, благодаря повсеместному распространению народных собраний и непосредственному контролю над управлением государственными делами политическая жизнь Америки была как реально, так и внешне более свободной, чем в Англии того времени; и древние свободы англичан, если и не были лучше сохранены, то, по крайней мере, более явно утверждались. Естественным следствием этого было то, что королевские губернаторы постоянно пытались делать то, что народ не позволял им делать, они находились в состоянии хронической вражды со своими собраниями и непрерывно жаловались лордам Торговой палаты. Они представляли американцев как раздорный и буйный народ, увлеченный странными политическими причудами, не желающий подчиняться законам и стремящийся разорвать связи с Британской империей. Таким образом, они многое сделали для того, чтобы вызвать недружелюбные чувства по отношению к колониям, хотя не было недостатка в выдающихся англичанах, которые слишком хорошо понимали американские дела, чтобы позволить своим мнениям так легко поддаваться влиянию. На лордов торговли эти искаженные представления произвели такое сильное впечатление, что время от времени они посылали инструкции о приостановлении действия *хабеас корпус* или об ограничении свободы печати. Иногда их действия были абсурдно произвольными. В Нью-Гэмпшире люди утверждали, что, как свободнорожденные англичане, они имеют право выбирать своих представителей (), но губернатор, напротив, считал, что это не право, а лишь привилегия, которую корона может удерживать, предоставлять или отменять по своему усмотрению. Чтобы поддержать королевскую прерогативу, губернатору было поручено издать предписания о проведении выборов в некоторых городах, а в других — отказать в этом; но сопротивление народа этой тирании

было настолько решительным, что лорды Торговой палаты сочли лучшим уступить. Заработная плата губернатора В Массачусетсе () на протяжении более тридцати лет продолжалась непрекращающаяся полемика между Генеральным судом и сменявшими друг друга королевскими губернаторами Шутом, Бернетом и Белчером по поводу заработной платы губернатора. Лорды Торговли настаивали на том, чтобы губернатору выплачивалась фиксированная зарплата, но, опасаясь, что это сделает губернатора слишком независимым, Генеральный суд упорно отказывался устанавливать зарплату, а вместо этого ежегодно выделял губернатору субсидии, следуя давней традиции парламента. Этот метод, без сомнения, был неудобен для губернаторов, но колонисты справедливо ценили его как одну из гарантий народной свободы, и перед их упорным отказом корона была вынуждена уступить. Аналогичные споры в Нью-Йорке и Южной Каролине привели к аналогичным результатам, а в Вирджинии ассамблея более одного раза отказывалась голосовать за выделение средств на том основании, что свободы колонии находились в опасности.

СИР РОБЕРТ УОЛПОУЛ

Подобные жалобы, которые из года в год поступали в Министерство торговли и не теряли ничего в том, как они были изложены, в значительной степени способствовали формированию в Англии мнения о том, что Америка была страной беззакония, которая остро нуждалась в сильном правительстве. Время от времени предлагались различные планы по ограничению полномочий колониальных ассамблей, усилению власти губернаторов, введению титулованной знати, обложению колонистов налогами по решению парламента или ослаблению чувства местной независимости путем объединения нескольких колоний в одну. До тех пор, пока не были урегулированы французские проблемы, ни один из этих планов не был реализован. Сэр Роберт Уолпол Однажды сэру Роберту Уолполу был предложен план обложения колоний налогами (), но мудрый старый государственный деятель отклонил его со смехом. «Что?! — воскликнул он. — Половина Старой Англии уже против меня, и вы думаете, что я хочу, чтобы против меня выступила и вся Новая Англия?» Время от времени либеральные хартии Род-Айленда и Коннектикута подвергались угрозе, но ничего из этого не вышло. Но в одном направлении лорды торговли были более активны. Одним из их самых заветных планов было создание союза всех колоний под единым руководством, но это не должен был быть союз того рода, который американцы, проявив совершенное государственное искусство, впоследствии создали для себя. Это не должен был быть союз, основанный на идее священности местного самоуправления, а союз, который должен был быть достигнут, насколько это возможно, за счет местного самоуправления. Считалось, что объединение всех колоний под единым наместником серьезно ослабит власть каждой местной ассамблеи, в то же время такой союз, без сомнения, сделает военную мощь колоний гораздо более доступной в случае войны.

В 1764 году губернатор Массачусетса Фрэнсис Бернард писал, что «для максимально эффективного устройства американских правительств необходимо уменьшить их количество; в некоторых местах объединить и консолидировать, в других — разделить и перенести, а в целом разделить по естественным границам, а не по воображаемым линиям. Если бы для североамериканских провинций была установлена только одна форма правления, это значительно облегчило бы их реформирование». Еще в 1701 году Роберт Ливингстон из Нью-Йорка высказывал подобные предложения, а в 1752 году Динуидди из Вирджинии рекомендовал объединить северные и южные колонии в две большие конфедерации.

Желательность создания союза колоний признавали также все наиболее либерально настроенные американские государственные деятели, хотя и с совершенно иной точки зрения. Они соглашались с королевскими губернаторами и лордами Торговой палаты в том, что существует острая необходимость в концентрации военной мощи колоний, и считали, что этой цели лучше всего можно достичь с помощью некоего федеративного союза. Но в то же время они считали, что целостность местного самоуправления каждой колонии имеет первостепенное значение и что никакая система федерации, которая в какой-либо степени существенно нарушила бы эту целостность, не будет осуществима. Создать федеративный союз на таких условиях было нелегкой задачей; это была задача, под силу самому великому государственному деятелю любого времени. В то время это, несомненно, было безнадежной задачей. Необходимость союза не ощущалась населением в целом. Слабость чувства союза. Симпатии между различными колониями были слабыми и могли быть подавлены предрассудками, возникающими из-за соперничества или различий в социальной структуре. Для бостонского купца виргинский плантатор по-прежнему был почти иностранцем, хотя и тот, и другой были чистокровными англичанами. Коммерческая ревность была очень сильной. Споры о границах были не редкостью. В 1756 году Джорджия и Южная Каролина фактически вступили в конфликт из-за судоходства по реке Саванна. Джеремайя Даммер в своей знаменитой работе «Защита хартий Новой Англии» заявил, что колонии никогда не смогут объединиться, а Бернаби считал, что если Великобритания утратит контроль, то от Мэна до Джорджии разгорится затяжная гражданская война.

Конгресс в Олбани. В 1754 году перспектива неминуемой войны с французами побудила нескольких королевских губернаторов созвать конгресс всех колоний, который должен был пройти в Олбани. Основной целью встречи было обеспечение дружбы шести наций и организация общей стратегии действий против французов. Второй целью было подготовка плана конфедерации, который можно было бы убедить принять все колонии. Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Пенсильвания и Мэриленд — только семь из тринадцати колоний — направили своих представителей на этот конгресс. Народ проявил мало

му движению. Похоже, что никаких публичных собраний в его честь. Среди газет единственной, которая горячо одобряла его, была, *Philadelphia Gazette*, редактируемая Бенджамином Франклином, которая была лозунгом и девизом «Объединяйтесь или умрите!».

и Франклина, не менее чем широта его ума, позволили ему выработать взгляды на политические потребности того времени, чем у большинства его современников. Как уроженец Массачусетса, проживавший в

Пенсильвании, он, можно сказать, принадлежал к двум очень разным колониям; кроме того, он провел достаточно времени в Лондоне, чтобы хорошо познакомиться с британскими идеями. План Франклина по созданию союза, 1754 г. Во время сессии Конгресса в Олбани была сделана первая попытка создать постоянный союз тринадцати колоний. Этот план в основном был разработан Франклином. Законодательное собрание каждой колонии должно было раз в три года выбирать представителей для участия в федеральном Большом совете, который должен был собираться ежегодно в Филадельфии, городе, до которого можно было добраться за двадцать дней пути как из Южной Каролины, так и из Нью-Гемпшира. Этот Большой совет должен был выбирать своего спикера и не мог быть распущен, отложен или продлен более чем на шесть недель за один раз, за исключением случаев, когда на это было дано согласие самого совета или специальный приказ короны. Великий совет должен был заключать договоры с индейцами и регулировать торговлю с ними, а также обладать исключительной законодательной властью по всем вопросам, касающимся колоний в целом. С этой целью он мог взимать налоги, набирать солдат, строить форты и назначать всех гражданских чиновников. Его законы должны были представляться королю на утверждение, и королевское вето, чтобы вступить в силу, должно было быть использовано в течение трех лет.

В этот Великий Совет каждая колония должна была направлять определенное количество представителей, пропорциональное ее вкладу в континентальную военную службу; при этом ни одна колония не могла направлять менее двух и более семи представителей. За исключением вопросов общего значения, которые должны были решаться Великим Советом, каждая колония сохраняла за собой полномочия по принятию законов. В чрезвычайных ситуациях любая колония могла самостоятельно защищаться от иностранного вторжения, а федеральному правительству запрещалось привлекать солдат или моряков без согласия местного законодательного органа.

Высшая исполнительная власть должна была принадлежать президенту или генерал-губернатору, назначаемому и оплачиваемому короной. Он должен был назначать всех военных офицеров с одобрения Великого совета () и иметь право вето на все акты Великого совета. Деньги могли выпускаться только по совместному распоряжению генерал-губернатора и совета.

Этот план, по словам Франклина, «не совсем соответствует моим представлениям, но это все, что я смог добиться». Следует отметить, к чести его автора, что этот план, который впоследствии стал известен как «План Олбани», предусматривал создание самодостаточного федерального правительства, а не простого союза. Как правильно замечает Фротингем, «он был призван наделить представителей народа полномочиями принимать законы, непосредственно затрагивающие интересы отдельных лиц, и назначать должностных лиц для их исполнения, но при этом не вмешиваться в исполнение законов, действующих в отношении тех же лиц, местными должностными лицами». Он создал бы «государственную власть, столь же обязательную в своей сфере, как и местные органы власти в своих сферах». В этом отношении он был гораздо более совершенным, чем план конфедерации, согласованный в Конгрессе в 1777 году, и послужил ценным прецедентом для более тщательно проработанной и совершенной Федеральной конституции 1787 года. По своим основным чертам это был благородный план, и великий государственный деятель, который его разработал, уже предвидел огромный рост Американского союза, хотя еще не предвидел отделения колоний от метрополии. По его словам, менее чем через столетие великая страна за Аппалачами должна стать «густонаселенным и могущественным владением», и он рекомендовал немедленно основать две новые колонии на Западе — одну на озере Эри, другую в долине Огайо — с свободными уставными правительствами, подобными правительствам Род-Айленда и Коннектикута.

Whitely

Но общественное мнение еще не было готово к принятию смелых и всеобъемлющих идей Франклина. Из королевских губернаторов, которые стремились к объединению колоний на любых условиях, никто не выступил против этого плана, за исключением Деланси из Нью-Йорка, который хотел сохранить за губернаторами право вето на все выборы представителей в Великий совет. На это было справедливо возразили, что такое право вето фактически уничтожит свободу выборов и превратит Великий совет в собрание марионеток губернаторов. Отказ от плана Со стороны народа было много возражений. Делегаты из Новой Англии в целом были наименее настроены против союза, однако Коннектикут настаивал, что право вето генерал-губернатора может оказаться губительным для всего плана, что концентрация всех военных сил в его руках будет сопряжена с опасностью для свободы и что даже право взимать налоги, находящееся в руках ассамблеи, столь удаленной от местных интересов, едва ли совместимо с сохранением древних прав англичан. После долгих дебатов ассамблея в Олбани решила принять план Франклина, и его копии были разосланы во все колонии для рассмотрения. Но нигде он не встретил одобрения. Сам факт, что королевские губернаторы были все за него — хотя их поддержка в настоящее время, без сомнения, определялась главным образом соображениями военной целесообразности — был вполне достаточен, чтобы вызвать непреодолимое предубеждение против него со стороны народа. Законодательный орган Массачусетса, по-видимому, был единственным, кто отнесся к нему с уважением, хотя большое городское собрание в Бостоне осудило его как подрывающее свободу. Пенсильвания отклонила его без обсуждения. Ни одна из ассамблей не поддержала его. С другой стороны, когда он был отправлен в Англию для рассмотрения лордами Торговой палаты, он только раздражил и возмутил их. Как они справедливо заметили, это был план союза, «самодостаточный», а со времен конфедерации Новой Англии корона с крайней ревностью относилась ко всем попыткам согласованных

действий между колониями, которые не исходили от нее самой. Кроме того, лорды Торговой палаты в настоящее время рассматривали свой собственный план реорганизации правительств колоний, создания постоянной армии, обеспечения соблюдения законов о судоходстве и взимания налогов по поручению парламента. Соответственно, идеям Франклина уделялось мало внимания. Хотя королевские губернаторы одобрили план Олбани, в отсутствие какого-либо другого плана объединения, более отвечающего их представлениям, они не испытывали к нему реальной симпатии. Ширли рекомендует закон о гербовом сборе В 1756 году Ширли написал лордам Торговой палаты, убеждая их в крайней необходимости объединения американских колоний, чтобы противостоять французам; в то же время он пренебрежительно отзывался о плане Франклина, считая, что он содержит принципы управления, непригодные даже для одной колонии, такой как Род-Айленд, и тем более непригодные для большой американской конфедерации. Он настаивал, что союз должен быть осуществлен актом парламента, и с помощью той же власти должен быть создан общий фонд для покрытия расходов на войну — цель, которая, по мнению Ширли, могла быть достигнута наиболее быстро и безболезненно с помощью «гербового сбора». Поскольку Ширли в течение пятнадцати лет был губернатором Массачусетса, а теперь был главнокомандующим всеми войсками в Америке, его мнение имело большой вес у лордов Торговой палаты; и поскольку те же взгляды повторяли Динуидди из Вирджинии, Шарп из Мэриленда, Харди из Нью-Йорка и другие губернаторы, идея о том, что парламент должен облагать американцев налогами, глубоко укоренилась в сознании британских чиновников.

Ордера на помощь Однако ничего не было сделано до тех пор, пока не была завершена работа по французской войне. В 1761 году было решено применить Закон о судоходстве, и один из налоговых инспекторов в Бостоне обратился в высший суд за «ордером на помощь», или общим ордером на обыск, чтобы иметь возможность входить в частные дома и искать контрабандные товары, но без указания конкретных домов или товаров. Такие общие ордера были разрешены законом, принятым во время плохого правления Карла II, а закон Вильгельма III в общих чертах предоставлял налоговым инспекторам в Америке полномочия, аналогичные тем, которыми они обладали в Англии. Но Джеймс Отис показал, что выдача таких ордеров противоречила всему духу британской конституции. Выдавать такие универсальные ордера, позволяющие слугам таможни по одному лишь подозрению, а возможно, и из личной вражды, вторгаться в дом любого гражданина, не неся ответственности за любую грубость, которую они могут там совершить, — такова, по его словам, была «такая власть, осуществление которой стоило одному королю Англии головы, а другому — трона»; и он прямо заявил, что даже закон парламента, санкционирующий столь грубое нарушение извечных прав англичан, будет считаться недействительным. Главный судья Хатчинсон выдал ордера на помощь, и как толкователь закона он, без сомнения, поступил правильно; но аргументы Отиса подняли вопрос о том, обязаны ли американцы подчиняться законам, в принятии которых они не участвовали, и его страстная речь произвела на людей такое сильное впечатление, что эта сцена в зале суда с тех пор запомнилась — и не без оснований — как начало Американской революции.

James Otis

Главный судья Нью-Йорка В том же году произвольный характер правительства проявился в Нью-Йорке. До этого времени главный судья колонии занимал свою должность только при условии хорошего поведения и мог быть уволен колониальной ассамблеей. Теперь главный судья мог быть уволен только короной, что было прямым ударом по независимому отправлению правосудия в колонии. Ассамблея попыталась защитить себя, отказавшись назначить фиксированную зарплату главному судье, после чего король распорядился, чтобы зарплата выплачивалась из ренты за государственные земли. В то же время всем королевским губернаторам были разосланы инструкции не назначать судей на срок, превышающий «по усмотрению короля»; и чтобы показать, что это было сказано всерьез, губернатор Нью-Джерси был в следующем году категорически уволен за назначение судьи «на время хорошего поведения».

В 1762 году в Массачусетсе возник вопрос, явно касающийся права народа контролировать расходование своих собственных денег. Губернатор Бернард без разрешения ассамблеи отправил на север несколько кораблей для защиты рыбных промыслов от французских каперов, в результате чего были понесены расходы в размере около 400 фунтов стерлингов. Ассамблее было приказано выплатить эту сумму, но она отказалась это сделать. «Оправдание» Отиса: «Для народа не имело бы большого значения, — сказал Отис в ходе дебатов по этому вопросу, — подчиняться ли ему Георгу или Людовику, королю Великобритании или королю Франции, если оба они были бы деспотами, как и оба они были бы, если бы оба могли взимать налоги без одобрения парламента». Это смелое заявление было встречено криком «Измена!» со стороны одного из менее здравомыслящих членов, и Отис, которому впоследствии пришлось ответить за свои слова, опубликовал

«Оправдание», в котором он утверждал, что права колониальной ассамблеи в отношении расходования государственных средств столь же священны, как и права Палаты общин.

George Grenville

В апреле 1763 года, всего через три года после вступления на престол Георга III, Джордж Гренвилл стал премьер-министром Англии, а Чарльз Тауншенд — первым лордом торговли. Тауншенд уделял значительное внимание американским делам и, как полагали, знал о них больше, чем кто-либо другой в Англии. Но его исследования привели его к выводу, что колонии должны быть лишены самоуправления и что в Америке должна быть сохранена постоянная армия за счет налогов, произвольно налагаемых на население парламентом.

Расходы на войну с Францией Гренвилл был далек от одобрения таких крайних мер, как эти, но он считал, что на колонии должен быть наложен налог, чтобы помочь покрыть расходы на войну с Францией. Однако на самом деле, как верно заметил Франклин, колонии «набрали, оплатили и снарядили почти двадцать пять тысяч человек во время последней войны, что равно числу солдат, присланных из Великобритании, и намного превышает их долю. Для этого они глубоко задолжали, и все их поместья и налоги заложены на многие годы вперед для погашения этого долга». Тот факт, что колонии внесли более чем справедливую долю в расходы на войну, что их вклад даже превысил их возможности, был открыто признан парламентом (), который в период с 1756 по 1763 год несколько раз голосовал за выплату колониям крупных сумм в качестве частичной компенсации за их чрезмерные расходы. Таким образом, парламент явно не имел права использовать погашение военного долга как повод для введения в колониях нового и необычного налога, причем в условиях, когда уплата такого налога казалась равносильной отказу от их прав как свободных английских общин.

Решения Гренвилля В марте 1764 года Гренвилл представил в Палате общин серию декларативных резолюций, в которых объявил о намерении правительства увеличить доходы в Америке за счет введения обязательной маркировки различных коммерческих и юридических документов, газет и т. д. марками стоимостью от трех пенсов до десяти

фунтов. Однако прошел год, прежде чем эти резолюции вступили в силу в виде официального закона.

Это свидетельствует о том, что в то время метрополия отставала от колоний в политическом развитии, поскольку единственная забота, которую испытывали британские чиновники в отношении этой меры, по-видимому, заключалась в том, насколько американцы будут готовы расстаться со своими деньгами. Для американцев это был вопрос, далекий от фунтов, шиллингов и пенсов, но в Англии это ни в коем случае не было правильно понято. Добрый Ширли, хотя и прожил так долго в Массачусетсе, полагал, что доход можно наиболее легко и спокойно получить с помощью гербового сбора. Из всех видов прямых налогов, пожалуй, ни один не вызывает меньшего раздражения. Но позиция американцев имела мало общего с простой удобностью; она с самого начала основывалась на глубочайших принципах политической справедливости, и ни угрозы, ни уговоры не могли ее поколебать.

Омгем колоний Первое обдуманное действие в отношении предлагаемого Закона о гербовом сборе было предпринято на городском собрании в Бостоне в мае 1764 года. На этом памятном городском собрании Сэмюэл Адамс подготовил ряд резолюций, которые содержали первое официальное и публичное отрицание права парламента облагать колонии, входящие в Союз (), налогами без их согласия; и в то время как эти резолюции были приняты ассамблеей Массачусетса, одновременно всем другим колониям было разослано циркулярное письмо, в котором излагалась необходимость согласованных и согласованных действий в отношении столь серьезного вопроса. В ответ на это ассамблеи Коннектикута, Нью-Йорка, Пенсильвании, Вирджинии и Южной Каролины присоединились к Массачусетсу в протесте против предлагаемого Закона о гербовом сборе. Все эти меморандумы отличались ясностью аргументации и простотой и достоинством языка.

Все они исходили из принципа, что, как свободнорожденные англичане, они не могут быть законно обложены налогами Палатой общин, если они не представлены в этом органе. Но было добавлено условие, что если колониальным ассамблеям будет представлено письмо от государственного секретаря от имени короля с просьбой выделить часть своих общих ресурсов на нужды Британской империи, они, как и прежде, с радостью предоставят щедрые суммы денег в знак своей лояльности и заинтересованности во всем, что касается благосостояния могущественной империи, к которой они принадлежали. Эти умелые и умеренные меморандумы были отправлены в Англию, и чтобы подкрепить их личным тактом и дипломатией, Франклин отправился в Лондон в качестве представителя колонии Пенсильвания.

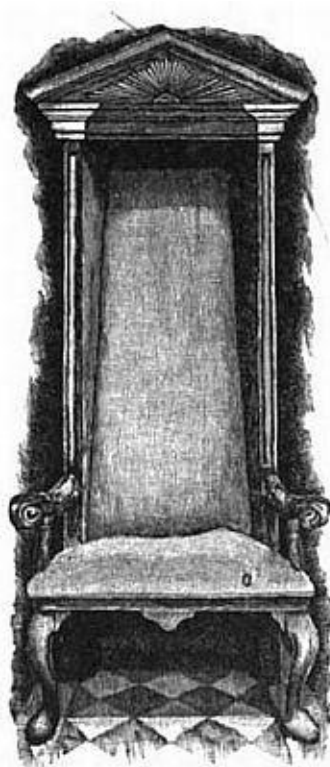
Закон о гербовом сборе Альтернатива, предложенная колониями, была практически такой же, как и уже используемая система реквизиций, неэффективность которой в обеспечении доходов была в полной мере доказана французской войной. Поэтому парламент отклонил ее, и в начале 1765 года был принят Закон о гербовом сборе. Стоит отметить, что Франклину сразу не пришла в голову мысль о том, что американцы будут сопротивляться его исполнению. Согласие казалось ему, на данный момент, единственной безопасной

Charles Thomson

политикой.

В письме своему другу Чарльзу Томсону он сказал, что не мог помешать принятию Закона о гербовом сборе так же, как не мог помешать закату солнца. «Этого, — говорит он, — мы не могли сделать. Но раз оно уже зашло, мой друг, и может пройти много времени, прежде чем оно вновь взойдет, давайте сделаем эту ночь как можно лучше. Мы все еще можем зажечь свечи. Бережливость и трудолюбие во многом помогут нам компенсировать ущерб». Но Томсон в своем ответе, проявив более верную дальновидность, заметил: «Я очень боюсь, что вместо того, чтобы зажечь свечи, о которых вы упомянули, вы услышите о делах тьмы!» Новость о принятии Закона о гербовом сборе была встречена в Америке взрывом возмущения. В Нью-Йорке закон был перепечатан с изображением черепа вместо королевского герба и продавался на улицах под названием «Глупость Англии и гибель Америки». В Бостоне зазвонили церковные колокола, а флаги на кораблях были приспущены.

КРЕСЛО СПИКЕРА, ПАЛАТА БУРГЕСОВ

Дело Парсонса Но первое официальное вызов прозвучал из Вирджинии. Полтора года назад известный судебный процесс, известный как «Дело Парсонса», привлек внимание общественности к молодому человеку, которому суждено было занять высокое место среди современных ораторов. Судебный процесс, который принес Патрику Генри известность, был одной из капель, показавших, как сильно в то время в Америке усилилась тенденция к независимости. Табак еще не перестал быть законным платежным средством в Вирджинии, и в соответствии со старым законом каждый священник официальной церкви имел право на шестнадцать тысяч фунтов табака в качестве годового жалованья. В 1755 и 1758 годах, под сильным давлением французской войны, ассамблея приняла законы об облегчении налогового бремени, позволяющие все публичные сборы, включая зарплаты духовенства, выплачивать либо натурой, либо деньгами по фиксированной ставке два пенса за фунт табака. Политика этих законов была совершенно неразумной, поскольку они предполагали частичное отказание от долгов, но в качестве оправдания приводилось крайнее бедственное положение общества, и все, как духовенство, так и миряне, сначала согласились с ними. Но в 1759 году табак стоил шесть пенсов за фунт, и духовенство стало недовольным. Их жалобы дошли до ушей Шерлока, епископа Лондона, и закон 1758 года был незамедлительно ветоирован королем в совете. Духовенство подало иски о взыскании невыплаченной части своих зарплат; в тестовом деле преподобного Джеймса Мори суд принял решение в их пользу на основании королевского вето, и оставалось только определить перед присяжными размер ущерба. В этот раз Генри впервые появился в суде и, после нескольких робких и неловких предложений, произнес красноречивую речь, в которой он утверждал незыблемое право Вирджинии принимать законы для себя и заявил, что, отменяя благотворный указ по просьбе привилегированного класса в обществе, «король, из отца своего народа, превращается в тирана и теряет всякое право на повиновение». В зале суда раздались крики «Измена!», но присяжные немедленно вынесли вердикт о возмещении ущерба в размере одного пенни, и Генри стал народным кумиром Вирджинии (). Духовенство тщетно пыталось обвинить его в измене, утверждая, что его преступление было не менее отвратительным, чем то, за которое был казнен старый лорд Ловат. Но жители округа Луиза ответили на это в 1765 году, избрав его своим представителем в колониальной ассамблее.

ПАТРИК ГЕНРИ ВЫСТУПАЕТ С РЕЧЬЮ О ТАРКИНЕ И ЦЕЗАРЕ

Резолюции: Патрика Генри Едва Генри занял свое место в ассамблее, как пришла весть о принятии Закона о гербовом сборе. В комитете по делам колоний () он подготовил ряд резолюций, в которых провозгласил, что колонисты имеют право на все свободы и привилегии подданных по рождению и что «налогообложение народа самим народом или лицами, избранными им для своего представительства, ... является отличительной чертой британской свободы, без которой древняя конституция не может существовать». Далее было заявлено, что любая попытка передать право взимать налоги любому другому органу, кроме колониальной ассамблеи, является угрозой не только для американской, но и для британской свободы; что народ Вирджинии не обязан подчиняться каким-либо законам, принятым с нарушением этих основополагающих принципов; и что любой, кто будет утверждать обратное, должен считаться врагом народа. Именно в ходе оживленной дискуссии, которая последовала за этими резолюциями, Генри произнес те памятные слова, в которых он рекомендовал Георгу III обратить внимание на примеры Тарквиния, Цезаря и Карла I. До того, как было проведено голосование по всем резолюциям, губернатор Фокиер распустил ассамблею, но резолюции были напечатаны в газетах и встречены с одобрением по всей стране.

S T A M P - O F F I C E,
Lincoln's-Inn, 1765.

A

T A B L E

Of the Prices of Parchment and Paper for the Service
of *America.*

Parchment.		Paper.	
Skins 18 Inch. by 13, at Four-pence	} each.	Hoten at Seven-pence	} each Quire.
22 — by 16, at Six-pence		Fools Cap at Nine-pence	
26 — by 20, at Eight-pence		D ^r with printed Notices } at	
28 — by 23, at Ten-pence		for Indentures } 1 s.	
31 — by 26, at Thirteen-pence		Folio Post at One Shilling	
		Demy — at Two Shillings	
		Medium at Three Shillings	
		Royal — at Four Shillings	
		Super Royal at Six Shillings	

Paper for Printing

News.		Almanacks.	
Double Crown at 14 s.	} each Ream.	Book — Crown Paper at 10 s. 6d.	} each Ream.
Double Demy at 19 s.		Book — Fools Cap at 6 s. 6d.	
		Pocket — Folio Post at 20 s.	
		Sheet — Demy at 13 s.	

[См. транскрипцию](#)

Конгресс по закону о гербовом сборе Тем временем законодательный орган Массачусетса по предложению Отиса разослал всем колониям циркулярное письмо с призывом созвать общий конгресс для согласования мер сопротивления закону о гербовом сборе. Первый теплый отклик поступил из Южной Каролины по инициативе Кристофера Гадсдена, богатого купца из Чарльстона и ученого, владевшего восточными языками, человека редкой проницательности и крайне либерального духа. 7 октября предложенный конгресс собрался в Нью-Йорке, в его состав вошли делегаты из Массачусетса, Южной Каролины, Пенсильвании, Род-Айленда, Коннектикута, Делавер, Мэриленда, Нью-Джерси и Нью-Йорка, всего из девяти колоний, которые здесь упомянуты в порядке дат, когда они выбрали своих делегатов. В Вирджинии губернатору удалось предотвратить собрание законодательного органа, так что эта великая колония не направила делегатов; по разным причинам Нью-Гэмпшир, Северная Каролина и Джорджия также не были представлены на конгрессе. Но мнение всех тринадцати колоний было тем не менее единодушным, и те, кто не присутствовал, немедленно заявили о своем полном согласии с тем, что было сделано в Нью-Йорке. На этом памятном собрании, состоявшемся под прицелом орудий британского флота и в непосредственной близости от штаба генерала Гейджа, главнокомандующего регулярными войсками в Америке, была принята серия резолюций, отражающих дух решений Патрика Генри, хотя и сформулированных в несколько более примирительном тоне, а также были направлены меморандумы королю и обеим палатам парламента. Из всех присутствующих делегатов Гадсен занял самую широкую позицию, выступая как за свободу, так и за совместные действия колоний. Он возражал против направления петиций

в парламент, опасаясь, что тем самым будет неявно и невольно признана его верховная власть. «Подтверждение наших основных и общих прав как англичан, — сказал он, — можно с достаточной уверенностью требовать на основании хартий, но любая дальнейшая зависимость от них может оказаться фатальной. Мы должны стоять на широкой общей почве тех естественных прав, которые мы все чувствуем и знаем как люди и как потомки англичан. Я желаю, чтобы хартии не заманили нас в ловушку, побуждая разные колонии действовать по-разному в этом великом деле. Если это произойдет, все будет кончено. На континенте не должно быть ни одного жителя Новой Англии, ни одного жителя Нью-Йорка, а только мы все — американцы». Так думал и говорил этот широко мыслящий житель Южной Каролины.

Декларация ассамблеи Массачусетса В то время как все это происходило в Нью-Йорке, ассамблея Массачусетса под руководством Сэмюэля Адамса, который только что занял в ней свое место, составила очень умелый государственный документ, в котором, среди прочего, было заявлено, что «Закон о гербовом сборе полностью отменяет те условия, на которых наши предки, с большим трудом и кровью и за свой счет, заселили эту страну и расширили владения его величества. Он ведет к разрушению взаимного доверия и привязанности, а также равенства, которые должны всегда существовать между всеми подданными его величества в этой обширной и протяженной империи; и что хуже всего, если американские подданные его величества не будут управляться в соответствии с известными и установленными правилами конституции, со временем их умы могут стать недовольными». Это умеренное и достойно заявление было встречено аплодисментами многих в Англии, а другими высмеяно как «бредовые высказывания группы диких энтузиастов», но от занятой здесь позиции Массачусетс впоследствии никогда не отступал.

Сопrotивление Закону о гербовом сборе в Бостоне Но дух сопротивления проявлялся не только в этих формальных и приличных действиях. Первое объявление о введении Закона о гербовом сборе привело к появлению группы тайных обществ рабочих, известных как «Сыны свободы», в аллюзии на знаменитую фразу из одной из речей полковника Барре. Эти общества торжественно поклялись сопротивляться исполнению этого ненавистного закона. 14 августа в тихом городке Бостоне произошли необычные события. На рассвете на большом вязе висело чучело таможенника Оливера, а рядом с ним висел сапог, символизирующий покойного премьер-министра лорда Бьюта; из верхушки сапога торчала гротескная голова с рогами, олицетворяющая дьявола. С наступлением ночи «Сыны свободы» сняли эти фигуры и пронесли их на носилках по улицам до Кинг-стрит, где разрушили каркас дома, который, как предполагалось, должен был быть построен для таможенной службы. Оттуда они отнесли балки этого каркаса на Форт-Хилл, где жил Оливер, и развели костер перед его домом (), в котором сожгли чучела. Через двенадцать дней толпа разграбила роскошный дом главного судьи Хатчинсона, выбросила его посуду на улицу и уничтожила ценную библиотеку, которую он собирал тридцать лет и которая содержала много рукописей, потеря которых была совершенно непоправимой. Как обычно бывает с толпами, месть обрушилась не на того, поскольку Хатчинсон сделал все возможное, чтобы предотвратить принятие Закона о гербовом сборе. В большинстве колоний сотрудники, отвечавшие за сбор гербового сбора, были вынуждены уйти в отставку. Ящики с марками, прибывшие на корабле, были сожжены или брошены в море. Ведущие купцы согласились больше не импортировать товары из Англии, а богатые граждане показали пример, одеваясь в одежду из домотканого сукна. Юристы согласились закрывать глаза на отсутствие гербовой марки на юридических

документах, а редакторы с насмешкой выпускали свои газеты с изображением черепа на месте, где должна была быть гербовая марка. В Нью-Йорке присутствие войск на мгновение вдохновило вице-губернатора Колдена на смелую позицию в защиту закона. Он говорил о том, чтобы открыть огонь по людям, но его предупредили, что в этом случае он будет быстро повешен на фонарном столбе, как капитан Портеус из Эдинбурга. Процессия с факелами, несущая изображения Колдена и дьявола, ворвалась в каретный сарай губернатора, захватила его лучшую колесницу, пронесла ее по городу с изображениями и, наконец, сожгла колесницу и изображения на Боулинг-Грин на глазах у Колдена и гарнизона, которые смотрели с Батареи, ошеломленные яростью, но боялись вмешиваться. Гейдж не осмелился использовать войска, опасаясь развязать гражданскую войну, и на следующий день разбитый Колден был вынужден сдать все марки общему совету Нью-Йорка, который сразу же запер их в мэрии.

Больше ничего не требовалось, чтобы доказать невозможность введения в действие Закона о гербовом сборе. Закон, которому можно было так грубо противостоять на глазах у главнокомандующего, явно не мог быть приведен в исполнение без войны. Но никто не хотел войны, и в Англии начали пересматривать этот вопрос. В июле министерство Гренвилля ушло в отставку, и премьер-министром стал маркиз Рокингем, а Конвей, который был одним из самых энергичных противников Закона о гербовом сборе, стал государственным секретарем по делам колоний. Новое министерство, возможно, было бы рады оставить вопрос об обложении Америки налогами в подвешенном состоянии, но это было уже невозможно. Дебаты в Палате общин Дебаты по поводу предложенной отмены Закона о гербовом сборе были одними из самых острых, которые когда-либо слышались в Палате общин. Гренвилл и его друзья, теперь находившиеся в оппозиции, искренне утверждали, что никакое требование не может быть более справедливым и более благородным, чем то, которое недавно было предъявлено американцам. Не может быть ни малейшего сомнения в искреннем убеждении Гренвилля и его сторонников в том, что они были полностью правы, а американцы, сопротивляясь Закону о гербовом сборе, руководствовались исключительно низкими и вульгарными мотивами. Чтобы опровергнуть это грубое заблуждение относительно позиции американцев, Питт поспешил с больничной койки в Палату общин и выступил с речами, в которых он признался, что радуется сопротивлению американцев, и заявил, что, если бы они покорным образом подчинились мерам Гренвилля, они показали бы себя достойными только рабства. Он ясно указал, что американцы отстаивают те вечные принципы политической справедливости, которые должны быть самыми дорогими для всех англичан, и что победа над колониями будет дурным предзнаменованием для английской свободы, будь то в Старом Свете или в Новом. «Будьте осторожны, — сказал он, — не продолжайте эту необдуманную политику. В таком деле ваш успех будет рискованным. Америка, если она падет, падет как сильный человек, обнимающий столпы Конституции». Не может быть более здоровой политической философии, чем та, которая содержалась в этих пламенных словах Питта. Из всей истории европейского мира со времен поздней Римской республики, нет более важного урока, чем тот, что свободный народ не может деспотически управлять зависимым народом, не подвергая опасности свою собственную свободу. Поэтому Питт настаивал на немедленной отмене Закона о гербовом сборе и на том, чтобы причиной отмены было явно указано, что закон «был основан на ошибочном принципе». В то же время он рекомендовал принять Декларативный акт, в котором суверенная власть парламента над колониями должна была быть решительно утверждена во всем, кроме прямого налогообложения. Аналогичные взгляды были изложены в Палате лордов с большой эрудицией и умением лордом Камденом, но ему яростно противостоял лорд Мэнсфилд, и когда вопрос был поставлен на голосование, единственными пэрами, поддержавшими лорда Камдена, были лорды Шелбурн, Корнуоллис, Полет и Торрингтон. Отмена Закона о гербовом сборе В конечном итоге было принято решение о безоговорочной отмене Закона о гербовом сборе

и одновременном принятии Декларативного акта, в котором мнения Питта и Камдена были проигнорированы, а парламент утвердил свое право принимать законы, обязательные для колоний «во всех случаях». Жители Лондона встретили отмену с восторгом, и Питт и Конвей, появившись на улице, были встречены громкими аплодисментами, в то время как Гренвилл был встречен бурными освистываниями. В Америке эта новость произвела сенсацию. В каждом городе разжигались костры, а во всех законодательных органах голосовали за обращение с благодарностью к королю. Декларативному акту уделялось мало внимания, его считали лишь уловкой, призванной спасти гордость британского правительства. По всей стране разразился единодушный всплеск лояльности, и никогда еще народ не был так далек от мятежа, как в тот момент.

Спор был урегулирован. В вопросе принципа последнее слово осталось за британцами. Правительство замечательно вышло из своего затруднительного положения, и очевидным и понятным курсом для британских государственных деятелей было не допускать возникновения еще одного такого прямого конфликта между колониями и метрополией. Навязывать еще один такой конфликт, пока память о предыдущем еще свежа в умах всех, было бы чистым безумием. Безосновательно поднимать этот вопрос, как сделал Чарльз Тауншенд в течение следующего года, было одной из тех ошибок, которые хуже преступлений.

ПОХОРОННАЯ ПРОЦЕССИЯ ЗАКОНА О ГЕРБОВОМ СБОРЕ

В июле 1766 года, менее чем через шесть месяцев после отмены Закона о гербовом сборе, пало министерство Рокингхэма, и формирование нового министерства было поручено Питту, человеку, который лучше всех ценил значение американских колоний. Но состояние здоровья Питта не позволяло ему взять на себя тяжелые обязанности премьер-министра. Он принял великую печать и, приняв графство Чатем, перешел в Палату лордов. Министерство герцога Графтона Герцог Графтон стал премьер-министром под руководством Питта (); Конвей и лорд Шелбурн были государственными секретарями, а Камден стал лордом-канцлером — все трое были горячими друзьями Америки

и разделяли крайне американскую точку зрения на конституционные вопросы, которые в последнее время были предметом споров; вместе с ними был Чарльз Тауншенд, злой дух администрации, в качестве канцлера казначейства. На первый взгляд может показаться странным, что такое министерство могло вызвать новую ссору с Америкой. Но болезнь Чатема вскоре одолела его, так что он был вынужден оставаться дома, страдая от мучительной боли, и не мог ни руководить, ни даже уделять должного внимания деятельности своих коллег. Из остальных членов министерства только Конвей и Тауншенд были в Палате общин, где и решались все дела; и когда лорд Чатем был выведен из строя, а герцог Графтон не имел никакого значения, самым влиятельным человеком в кабинете, несомненно, был Тауншенд. Когда Тауншенд предложил закон о повышении американских доходов, это сразу же вызвало предубеждение против него, просто потому что каждый американец хорошо знал, каковы были взгляды Тауншенда. Такому человеку было бы трудно даже принять примирительную позицию, не вызвав подозрений в своих мотивах; и если бы вопрос с Великобританией сводился просто к сбору доходов на основе государственных принципов, было бы хорошо поручить это дело кому-то вроде лорда Шелбурна, к которому американцы испытывали доверие.

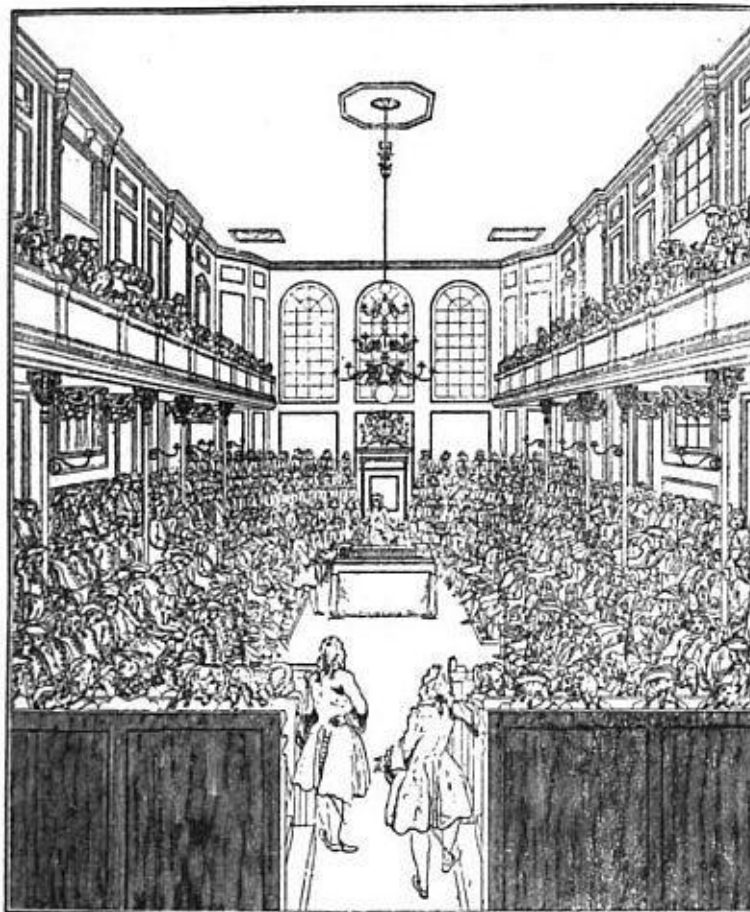

Townshend

В 1767 году Тауншенд рискнул сделать то, что в настоящее время было бы невозможно для любого английского министерства. В прямом противоречии с политикой Чатема и остальных его коллег, полагаясь на благосклонность короля и на свою способность уговорить или запугать Палату общин, он ввел ряд новых мер по обложению Америки налогами. «Я ожидаю, что меня уволят за мои усилия», — сказал он в Палате с легкомысленным вызовом; и действительно, он был очень близок к этому. Как только Чатем узнал о происходящем, он собрал достаточно сил, чтобы отправиться в Лондон и настоять на увольнении Тауншенда. Но лорд Норт был единственным человеком, которого можно было представить на месте Тауншенда, а лорд Норт, который никогда не любил обижать короля, отказался от этой должности. Прежде чем Чатем смог найти выход из своего затруднительного положения, его болезнь снова свалила его с ног, и Тауншенд не только не был уволен, но и остался практически верховным в кабинете министров. Новые меры по обложению Америки налогами

были вскоре приняты. В ходе дебатов по Закону о гербовом сборе утверждалось, что, хотя парламент не имеет права вводить прямой налог на американцев, он все же может должным образом регулировать американскую торговлю с помощью портовых пошлин. На этом различии настаивал Питт, и оно было фактически признано американцами, которые время от времени подчинялись актам парламента, введившим пошлины на товары, ввозимые в колонии. Законы Тауншенда. Более того, когда их обвинили в непоследовательности за то, что они подчинялись таким актам, но сопротивлялись Закону о гербовом сборе, несколько ведущих американцев явно приняли различие между внутренним и внешним налогообложением и заявили о своей готовности подчиняться последнему, но решительно

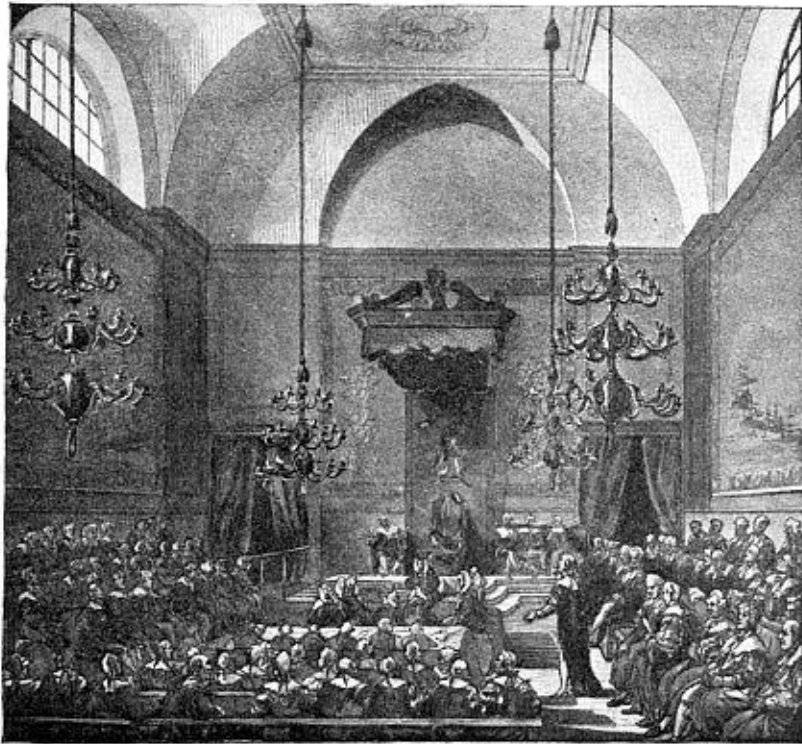
сопротивляться первому. Тауншенд был теперь готов, как он заявил, принять их слова на веру. Для этого он начал с того, что с презрением отверг различие между внутренним и внешним налогообложением и заявил, что парламент обладает несомненным правом облагать американцев налогами без их согласия; но поскольку были высказаны возражения против прямого налога, он был готов прибегнуть к портовым пошлинам — мере, с которой американцы были логически обязаны согласиться. Соответственно, пошлины были введены на вино, масло и фрукты, если они ввозились в Америку напрямую из Испании или Португалии; на стекло, бумагу, свинец и краски для художников; и, наконец, на чай. Доходы от этих пошлин должны были направляться на выплату фиксированной зарплаты королевским губернаторам и судьям, назначаемым по усмотрению короля. Корона также была уполномочена создавать общий гражданский список в каждой колонии и назначать зарплаты и пенсии по своему усмотрению. В Бостоне должен был быть создан совет налоговых комиссаров для всей страны, наделенный чрезвычайными полномочиями; общие судебные приказы о помощи были явно узаконены и разрешены.

ПАЛАТА ОБЩИН

Таким образом, Тауншенд решил принять слова американцев за чистую монету. Его курс был явным предупреждением американцам, что, если они уступят сейчас, то могут ожидать принятия нового Закона о гербовом сборе или других мер прямого налогообложения; и поэтому он просто вызвал сопротивление. Чтобы не осталось никаких сомнений по этому поводу, цель, для которой должны были использоваться доходы, ясно показывала, что задачей законодательства было не регулирование торговли, а утверждение британского господства над колониями за счет их политической свободы. Предусматривая создание в каждой колонии гражданского списка, подотчетного только короне, оно наносило самоуправлению Америки еще более смертельный удар, чем закон о гербовом сборе.

Нападение на ассамблею Нью-Йорка Оно вмешивалось во «внутреннюю полицию» каждой колонии и, таким образом, вступив в силу, ввело бы самую досадную форму тирании. Специальный закон, сопровождавший законы Тауншенда о доходах, еще больше раскрыл характер и намерения британского правительства. Колония Нью-Йорк была обязана предоставлять определенные припасы для регулярных войск, расквартированных в городе под командованием генерала Гейджа, а колониальная ассамблея настаивала на предоставлении этих припасов по-своему, игнорируя специальные инструкции из Англии. За это правонарушение парламент принял закон, приостанавливающий законодательные функции ассамблеи Нью-Йорка до тех пор, пока она не выполнит инструкции относительно поставок для армии. Не нужно говорить, что прецедент, заложенный в этом законе, если бы он был однажды признан, фактически аннулировал бы законодательную независимость всех колониальных ассамблей.

ПАЛАТА ЛОРДОВ

Парламент не должным образом представлял британский народ Мы, возможно, удивляемся, что британский парламент был склонен принимать такие смелые законы, причем большинством голосов. Но мы должны помнить, что в те дни английская система представительства была настолько несовершенна и настолько переросла в злоупотребления, что закон парламента ни в коем случае не мог отражать среднее мнение народа. Палата общин находилась под таким сильным коррумпирующим влиянием аристократии и была настолько недостаточно контролируема общественным мнением, что практически в любое время красноречивый, решительный и беспринципный министр мог провести через нее такие меры, которые никогда не были бы приняты ни одним из реформированных парламентов после 1832 года. Возможно, нелегко с уверенностью сказать, каково было настроение народа в Англии в 1767 году в отношении политики Чарльза Тауншенда. Сельское население было гораздо более невежественным, чем сегодня, и на его политические взгляды сильно влияли помещики — достойные люди, но не отличавшиеся гибкостью ума или широтой взглядов. Но в качестве примера наиболее интеллигентного народного мнения в Англии того времени, вероятно, не будет несправедливо привести мнение города Лондона, который обычно выступал на стороне свободного правительства. В парламенте не прозвучало более мудрого совета по поводу спора о Нью-Йорке, чем тот, который дал олдерман Бекфорд, отец прославленного автора «Ватека», когда сказал: «Поступайте как лучшие врачи и лечите болезнь, не делая ничего». Во многих других важных случаях в ходе этого несчастного спора город Лондон высказывал мнения, к которым король и парламент должны были бы прислушаться. Но даже если бы Палата общин в 1767 году так же ясно отражала настроения народа, как она делает это с 1832 года, отнюдь не факт, что она знала бы, как успешно решить американский вопрос. Эта проблема была действительно новой в политической истории, и не было адекватного прецедента, который мог бы помочь государственным деятелям справиться со сложной комбинацией соображений, связанных с ней (). Что касается отношений англичан в Англии с короной и парламентом, то британская конституция наконец достигла такой стадии, когда

она работала довольно гладко (). Казалось, что были предусмотрены все возможные непредвиденные обстоятельства. Но когда дело дошло до отношений англичан в Америке с короной и парламентом, ситуация оказалась совсем другой. Этот случай имел свои особые условия, которые британская конституция в умелых руках, несомненно, смогла бы удовлетворить, но как раз в это время британская конституция оказалась в очень неумелых руках и полностью не смогла удовлетворить требованиям ситуации. Сложность проблемы Главная сложность заключалась в том, что, с одной стороны, американский принцип «нет налогообложения без представительства» был несомненно правильным и справедливым, а с другой стороны, освобождение любой части Британской империи от юрисдикции парламента казалось равносильным разрушению политического единства империи. Любой английский государственный деятель не мог не считать это самым прискорбным результатом, и никто из английских государственных деятелей не чувствовал это так сильно, как лорд Чатем.

Существовало только два возможных способа урегулирования этого разногласия. Либо американские колонии должны были избирать представителей в парламент в Вестминстере, либо право взимать налоги должно было оставаться за их собственными законодательными органами. Первый вариант был серьезно рассмотрен видными политическими мыслителями как в Англии, так и в Америке. В Англии ее одобрительно оценил Адам Смит, а в Америке — Бенджамин Франклин и Джеймс Отис. В 1774 году некоторые лоялисты на первом Континентальном конгрессе рекомендовали такой план. Представительство американцев в парламенте В 1778 году, после свержения Бергойна, сам король начал одобрительно относиться к такому выходу из спора. Но эта альтернатива, без сомнения, с самого начала была весьма утопичной и непрактичной. Трудности на пути к обеспечению чего-либо, похожего на равенство представительства, вероятно, были бы непреодолимыми; а сложность справедливого разделения юрисдикции между местным колониальным законодательным органом и американской делегацией в парламенте в Вестминстере намного превысила бы любые трудности, возникшие при попытке наладить отношения между несколькими штатами и общим правительством в нашем федеральном союзе. Даже сегодня расстояние, которое уже само по себе делает такой план практически неосуществимым, было бы еще более фатальным препятствием в дни Чатема и Тауншенда. Если даже с учетом значительного расширения политического горизонта, которое произошло за сто лет нашего опыта федерализма, трудность такого союза все еще кажется столь великой, то можно с уверенностью сказать, что тогда она оказалась бы совершенно непреодолимой. Единственным практичным решением было бы откровенное и искреннее признание британским правительством принципиальной правоты американской позиции, согласно которой, в полном соответствии с духом английской конституции, право взимать налоги в Америке принадлежало только колониальным законодательным органам, в которых только и могли быть адекватно представлены американские свободные граждане. На самом деле не было никаких оснований опасаться, что такой шаг поставит под угрозу единство империи. Насколько ошибочны были эти опасения со стороны английских государственных деятелей, лучше всего показывает тот факт, что в своих либеральных и просвещенных отношениях с колониями в настоящее время Англия последовательно придерживается именно того курса, который единственно мог бы примирить таких людей, как Сэмюэл Адамс, в дни действия Закона о гербовом сборе. Проводя такую политику, британское правительство сегодня пользуется искренней любовью своих пионеров в Австралии, Новой Зеландии и Африке. Если бы такой государственный деятель, как Гладстон, мог свободно решать американский вопрос в течение двенадцати лет после Парижского мира, история того времени не стала бы жалкой историей слепых и упрямых попыток короля и его министров навязать подчинение непродуманной и произвольной политике. Чувство, которым руководствовалась партия короля в решении американского

вопроса, было очень похоже на чувство, которое недавно вдохновило тори на критику политики Гладстона в Южной Африке. Г-н Гладстон и буры Лорд Биконсфилд, человек, в некоторых отношениях не отличавшийся от Чарльза Тауншенда, завещал своему преемнику жалкое противостояние с голландскими фермерами Трансвааля; а г-н Гладстон, изучив дело по существу, проявил моральную смелость признать, что Англия была неправа, и удовлетворить требования буров, даже после серьезного военного поражения от их рук. Возможно, ни один другой публичный акт Англии в XIX веке не принес ей большей чести, чем этот. Но, как сказали джингои, теперь весь мир будет смеяться над англичанами и называть их трусами. Чтобы оправдать военный престиж Англии, истинная политика заключалась бы, по-видимому, в продлении войны до тех пор, пока буры не будут окончательно разгромлены, а затем в признании правоты их позиции. Как будто весь мир не знал, как он только мог знать, что какими бы качествами ни обладала английская нация, ей определенно не недостает мужества или способности одерживать победы в благородном деле! Вся честь христианскому государственному деятелю, который осмеливается оставить военный престиж Англии на откуп славным достижениям тысячелетней истории и даже в час заслуженного поражения ценит политическую справедливость выше, чем репутацию жестокого противника! Подобные события вселяют большую надежду на будущее. Они показывают нам, какую политическую мораль могут ожидать увидеть дети наших детей, когда человечество станет немного ближе к истинной цивилизации.

В XVIII веке ни от одного европейского государственного деятеля, за исключением, пожалуй, Тюрго или Чатема, нельзя было ожидать проявления такого здравого смысла и благоразумия в интересах политической справедливости. Но Чарльз Тауншенд даже не был призван проявить такую самоконтроль. Если бы он просто последовал совету олдермена Бекфорда и ничего не предпринял, все было бы хорошо; но его вмешательство поставило правительство в положение, которое было разрушительным для поддержания, но из которого было трудно отступить. Американская традиция справедливо возлагает главную вину за беспорядки, приведшие к Войне за независимость, на Георга III; но, справедливости ради, следует помнить, что он не предлагал мер Тауншенда, хотя и с энтузиазмом принял и поддержал их, когда они были выдвинуты. Вина за то, что он бездумно бросил яблоко раздора, лежит на Тауншенде больше, чем на ком-либо еще. Смерть Тауншенда Сделав это, в течение трех месяцев после того, как его законопроект был принят Палатой общин, Тауншенд заболел лихорадкой и умер в возрасте сорока одного года. Человек необычайных способностей, но без тени серьезных моральных убеждений, он начал блестящую карьеру, но его неискренний характер, который превращал все в шутку, отразился на его работе. Он оставил своей стране в наследство только раздор, который вскоре лишил ее величайшей части империи, над которой никогда не заходит солнце.

ГЕОРГ III

Если непосредственной целью Тауншенда при принятии этих мер было завоевать расположение Георга III и получить львиную долю в распоряжении обширным фондом короля, предназначенным для подкупа, то он, без сомнения, поступил правильно. Его политическое наследие Георгу III: Король был в восторге от мер Тауншенда, и после внезапной смерти своего министра он сделал их своими и поставил на карту всю свою политическую карьеру как монарха, чтобы они увенчались успехом. Эти меры стали роковым наследием, которое более яркий политический шарлатан оставил более тупому политическому фанатику. Яростная настойчивость, с которой Георг теперь пытался навязать американцам меры Тауншенда, носила характер фанатизма, и мы не поймем этого, если не будем иметь в виду состояние политических партий в Англии в период с 1760 по 1784 год. Когда Георг III вступил на престол в 1760 году, Англией более полувека правили великие вигские семьи, выдвинутые на первый план революцией 1688 года. Тори были полностью дискредитированы и изгнаны из политической жизни из-за их « » готовности вступить в заговор со претендентами на престол из династии Стюартов, нарушая мир в стране. Кабинетское правительство в его современной форме начало развиваться во время долгого и процветающего правления сэра Роберта Уолпола, который был первым английским премьер-министром в полном смысле этого слова. Под мудрым и сильным влиянием Уолпола первые два Георга обладали едва ли чем-то большим, чем тенью суверенитета. Третий Георг стремился стать настоящим королем, подобным королю Франции или королю Испании. С самого раннего детства его мать постоянно внушала ему правило: «Георг, будь королем!», и этот простой урок составлял практически все его образование. Характер Георга III: Популярная традиция считает его самым невежественным королем, когда-либо сидевшим на английском троне, и в том, что касается общей культуры, это мнение, несомненно, верно. Он удивлялся, что люди могут находить в таком жалком бредящем человеке, как Шекспир, и

никогда не был способен понять любую проблему, требующую малейшего следа воображения или способности к обобщению. Тем не менее, популярная американская традиция, несомненно, ошибается, преувеличивая его глупость и уделяя слишком мало внимания худшим сторонам его характера. Георг III не был лишен определенного вида способностей, которые часто высоко ценятся в этом не слишком дальновидном мире. Он мог очень четко видеть ближайшую цель и приобрел значительную силу благодаря упорному

труду, с которым он ее преследовал.

В эпоху, когда некоторые из самых благородных английских государственных деятелей ежедневно выпивали по галлону крепкого вина, до поздней ночи сидели за игровым столом или жили в едва скрытом сожительстве, Георг III вел приличный образ жизни и был чист в семейных отношениях, и ни один банковский клерк в Лондоне не занимался делами более усердно, чем он. Он обладал подлинным талантом к управлению и самым усердным образом посвящал этот талант эгоистическим целям. Не обладая человеческим сочувствием и будучи почти грубоватым в своем обычном непринужденном поведении, он мог быть гладким, как масло, когда ему хотелось. Он был мастером в том, чтобы завоевывать доверие людей, демонстрируя интерес, и обеспечивать их помощь с помощью справедливых обещаний; а когда они переставали быть ему нужными, он мог отвергнуть их с беззастенчивым оскорблением. Любого, кто осмеливался не согласиться с ним даже в малейшем вопросе политики, он сразу же считал естественным врагом и преследовал его с мстительной ненавистью. Как естественное следствие, он окружал себя слабыми и недалекими советниками и питал самую горькую злобу ко всем государственным деятелям с широкими взглядами и независимым характером. Он мало верил в человеческую честь и прямоту, и в достижении своей цели его редко сдерживали угрызения совести.

Таким был человек, который, вступив на престол в 1760 году, в первую очередь и главным образом думал о том, как разрушить развивающуюся систему кабинетного правительства в Англии. На тот момент обстоятельства, казалось, были ему благоприятны. Господство великих вигских семейств было под угрозой с двух сторон. С одной стороны, тори пережили ту праздную, романтическую любовь к Стюартам, на которой им было невозможно процветать. Английские партии в период с 1760 по 1784 год Тори снова начали появляться при дворе и предоставили новому королю все преимущества своих суеверных теорий о высоких прерогативах и божественном праве. С другой стороны, среди народа начинало расти сильное недовольство парламентским правительством, возглавляемым старыми вигскими семьями. Палата общин больше не представляла народ справедливо. Древние городки, в которых проживало лишь несколько человек, или, как Олд Сарум, не имевшие жителей вовсе, по-прежнему посылали своих представителей в парламент, в то время как крупные города, такие как Бирмингем и Лидс, не были представлены. В значительной степени именно самые прогрессивные части королевства были таким образом исключены из участия в правительстве, в то время как гнилые городки были распроданы в результате тайного лоббирования или даже открытых сделок и продаж. Несколько семей вигов, главы которых заседали в Палате лордов, таким образом фактически владели значительной частью Палаты общин; и в таких условиях не было ничего странного в том, что парламент иногда, как в случае с Уилксом, выступал в прямой оппозиции к воле народа. Удивительно только то, что таких скандалов не было больше. Партия «старых вигов», в рядах которой были некоторые из самых способных и

патриотичных людей Англии, была довольна таким положением дел, благодаря которому она процветала на протяжении двух поколений, и не могла понять его несправедливость — так же, как старый заскорузлый американский политик нашего времени не может понять несправедливость «системы раздела добычи». Политическим лидером этой партии был Эдмунд Уоррен () маркиз Рокингем, а великим представителем-государственным деятелем — Эдмунд Берк (Edmund Burke). В ответ на политику старых вигов сформировалась партия новых вигов (), настроенная на проведение парламентской реформы, благодаря которой Палата общин могла бы по-настоящему представлять народ Великобритании. В парламенте эта партия была небольшой по численности, но весомой по своему характеру, и во главе ее стоял величайший англичанин XVIII века, старший Уильям Питт, под руководством которого Англия завоевала свою индийскую империю и установила свое господство над морями, изгнав французов из Америки и позволив Фридриху Великому заложить основы современной Германии.

Георг III как политик Когда Георг III вступил на престол, он воспользовался расколом между двумя партиями, чтобы сломить власть старых вигских семей, которые так долго правили страной. С этой целью он с большим успехом использовал возрожденную партию тори и боролся со старыми вигами за гнилые округа; и, играя , противопоставляя одни предрассудки и интересы другим, он проявил в высшей степени хитрость и коварство политика, преследующего свои интересы. Его обычные методы вызывали бы зависть у Таммани. Занимаясь такой работой, он был достаточно умен, чтобы понять, что партия, которой он должен был бояться больше всего, — это партия новых вигов, чья программа парламентской реформы, в случае ее успеха, лишила бы его механизмов коррупции, на которые он полагался. Как бы он ни ненавидел старые вигские семьи, он еще сильнее ненавидел Питта и его последователей. Он постоянно осуждал Питта как «трубача мятежа» и часто яростно заявлял публично и самым оскорбительным образом, что он желает смерти

этого великого человека. Он был настолько увлечен дискредитацией политики Питта, что полностью утратил из виду имперские интересы Англии, которые, впрочем, его узкий ум был не в состоянии понять. Одним из первых шагов его правления было отказ от Кубы и Филиппинских островов, которые Питт только что завоевал у Испании; в то же время, бросив Пруссию на произвол судьбы еще до окончания Семилетней войны, он превратил великого Фридриха из одного из самых горячих друзей Англии в одного из ее самых ярых врагов.

Его главная причина для ссоры с американцами Такое политическое отношение Георга III к вигам в целом и к Питту в частности объясняет яростное упорство, с которым он поднял и продолжил ссору Тауншенда с американскими колониями. Ведь если бы американская позиция, согласно которой не должно быть налогообложения без представительства, была однажды признана, то сразу же возникла бы необходимость признать принципы парламентской реформы. Тот же принцип, который применялся к таким содружествам, как Массачусетс и Вирджиния, был бы немедленно применен к таким городам, как Бирмингем и Лидс. Система «гнилых» округов была бы уничтожена; главный двигатель королевской коррупции был бы таким образом разрушен; реформированная Палата общин, опираясь на народ, навсегда ограничила бы притязания короны; и ненавистный лорд-Чатем стал бы реальным правителем обновленной Англии, в которой Георг III был бы личностью, имеющей очень малое политическое значение.

В этих соображениях мы находим объяснение действий Георга III, которые привели к Американской революции, и понимаем, почему с исторической точки зрения правильно считать его главным виновником конфликта. Упорство, с которым он отказывался прислушиваться к голосу разума из Америки, во многом объяснялось требованиями политической ситуации, в которой он оказался. Как для него, так и для колоний это была отчаянная борьба за политическое существование. Он был рад, что конфликт разгорелся в Америке, а не в Англии, потому что было сравнительно легко настроить местное население против американцев как далеких «мятежников», с которыми у англичан не было общих интересов, и таким образом завуалировать истинную суть конфликта. В этом он проявил себя как хитрый политик, хотя и как недостойный государственный деятель. Разыгрывая две фракции партии вигов друг против друга, он некоторое время продолжал добиваться своего; и если бы ему удалось преодолеть сопротивление американцев и привлечь в Англию хорошо обученную армию победоносных наемников, политическая ссора там вряд ли не переросла бы в гражданскую войну. Новое восстание, возможно, свергло бы Георга III, как столетие назад был свергнут Яков II. В действительности победа американцев положила конец личному правлению короля в 1784 году так тихо, что народ едва заметил эту перемену.¹¹ Мирные выборы достигли того, что в противном случае вряд ли могло бы быть осуществлено без кровопролития. Итак, хотя Георг III потерял самую прекрасную часть Британской империи, именно стойкие американцы, сражаясь за свободу как Старого, так и Нового Света, в конце концов сокрушили его ничтожные планы личного возвеличивания, обрекая его на безнадежную гибель и оставив его потомкам в качестве одного из самых поучительных примеров близорукой глупости, которые дает нам современная история.

ГЛАВА II

ЛОРД НОРТ

КРИЗИС

На смену Тауншенду в казначействе пришел лорд Норт, старший сын графа Гилфорда, молодой человек с здравым суждением, обширными знаниями и редкой мягкостью характера, но совершенно лишенный симпатии к народному правлению. Как лидер Палаты общин, он был достаточно способен в дебатах отстаивать свою позицию против самых яростных атак Берка и Фокса, но у него не было силы воли. Его ленивая добродушие и тористские принципы сделали его большим любимцем короля, который, благодаря своему влиянию на лорда Норта, начал теперь осуществлять власть министра кабинета и играть более важную роль, чем прежде, в управлении делами. Вскоре после вступления Норта в кабинет колониальные дела были отобраны у лорда Шелбурна и переданы лорду Хиллсборо, человеку, который был по душе королю. Конвей был уволен из кабинета, и его место занял лорд Уэймут, который проголосовал против отмены Закона о гербовом сборе. Граф Сэндвич, который никогда не говорил об американцах иначе, как в оскорбительных выражениях, в то же время был назначен генеральным почтмейстером, а в следующем году лорд Чатем подал в отставку с поста хранителя печати.

В то время как министерство, благодаря этим важным изменениям, становилось все более и более враждебным по отношению к справедливым требованиям американцев, эти требования энергично отстаивались в Америке как в популярной литературе, так и в тщательно продуманных государственных документах. Джон Дикинсон, одновременно преданный друг Англии и горячий американский патриот, опубликовал свои знаменитые «Письма фермера», которые были высоко оценены в обеих странах за умеренность тона и изящество выражения. Джон Дикинсон В этих письмах Дикинсон занимал

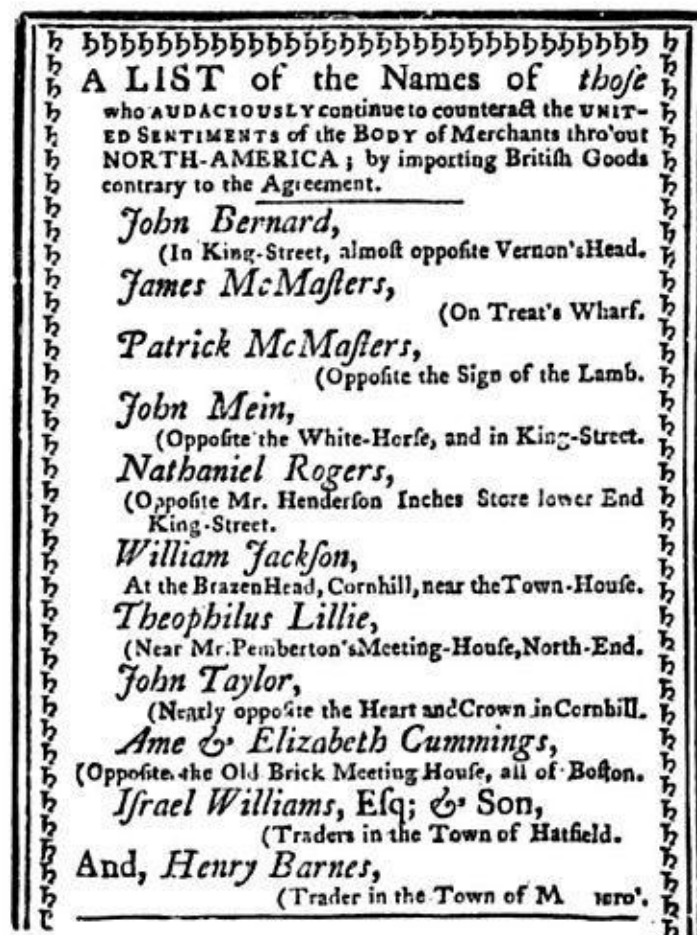
позицию, весьма схожую с позицией Берка. Признавая, что конституционные отношения колоний с метрополией всегда были чрезвычайно расплывчатыми и нечетко определенными, он настаивал на том, чтобы такое положение дел сохранялось навсегда благодаря подлинному английскому чувству компромисса, которое должно воздерживаться от доведения любой абстрактной теории суверенитета до ее крайних логических выводов. В то же время он заявил, что законы Тауншенда о доходах были «самым опасным нововведением» в отношении свобод народа, и значительно намекнул, что, если министерство будет упорствовать в своей тиранической политике, «английская история дает примеры сопротивления силой».

Циркулярное письмо Массачусетса: В то время как Дикинсон публиковал эти письма, Сэмюэл Адамс написал для ассамблеи Массачусетса серию обращений к министерству, петицию королю и циркулярное письмо ассамблеям других колоний. В этих очень умелых государственных документах Адамс заявил, что надлежащее представительство американских интересов в британском парламенте не представляется возможным и что, в соответствии с духом английской конституции, в Америке не могут взиматься налоги, кроме как колониальными законодательными органами. Он утверждал, что законы Тауншенда являются неконституционными, и просил их отменить, а также чтобы колонии восстановили положение, которое они занимали до начала нынешних беспорядков.

Петиция королю была составлена красивым и трогательным языком, но автор, по-видимому, хорошо понимал, как мало эффекта она, вероятно, произведет. Его дочь, миссис Уэллс, рассказывала, как однажды вечером, когда ее отец только что закончил писать эту петицию и взял шляпу, чтобы выйти, она заметила, что эта бумага скоро будет тронута королевской рукой. «Скорее всего, моя дорогая, — ответил он, — она будет отвергнута королевской ногой!» Адамс справедливо ожидал гораздо большего от циркулярного письма другим колониям, в котором он приглашал их сотрудничать с Массачусетсом в сопротивлении законам Тауншенда и в подаче петиции об их отмене. Ассамблея, приняв все эти документы подавляющим большинством голосов, была немедленно распущена губернатором Бернардом, который в яростной речи назвал их демагогами,

для счастья которых «необходимы вечные споры». Но дело было сделано. Циркулярное письмо вызвало обнадеживающие ответы из других колоний. Осуждение законов Тауншенда было единодушным, и ведущие купцы в большинстве городов заключили соглашения не импортировать английские товары до тех пор, пока законы не будут отменены. Дамы образовали ассоциации под названием «Дочери свободы», обязуясь носить одежду из домотканого полотна и воздерживаться от употребления чая. Таким образом, настроения в стране были выражены достаточно ясно, но нигде пока не было беспорядков или волнений, и никто, за исключением, возможно, Сэмюэля Адамса (), не задумывался о политическом отделении от Англии. Даже он не считал такой путь желательным, но отношение короля и министерства к его протестам вскоре заставило его изменить свое мнение.

Петиция ассамблеи Массачусетса была встречена королем с молчаливым презрением, но циркулярное письмо привело его в ярость. На заседании кабинета министров оно было признано чуть ли не открытым актом мятежа, и министры были поддержаны в этом мнении письмами Бернарда, который представил все дело как злобную попытку нескольких подлых демагогов посеять семена раздора по всему континенту (). Мы уже имели возможность наблюдать крайнюю ревность, с которой корона всегда относилась к любым попыткам согласованных действий между колониями, которые не исходили от нее самой. Инструкции лорда Хиллсборо Бернард Но здесь была попытка согласованных действий, явно противоречащая королевской воле. Лорд Хиллсборо поручил Бернарду приказать ассамблее отменить свое циркулярное письмо, а в случае отказа отправить ее членов домой заниматься своими делами. Это должно было повторяться из года в год, так что, пока Массачусетс не сочтет нужным заявить о своем смирении и раскаянии, он должен был оставаться без законодательного органа. В то же время Хиллсборо приказал ассамблеям всех других колоний с презрением относиться к циркуляру Массачусетса — и это тоже под угрозой немедленного роспуска. С конституционной точки зрения эти высокомерные приказы заслуживают того, чтобы быть отнесены к курьезам политической истории. Они служат свидетельством быстрого прогресса, которого министерство достигло в искусстве плохого управления. Годом ранее Тауншенд приостановил работу законодательного органа Нью-Йорка актом парламента. Теперь государственный секретарь простым королевским приказом угрожал приостановить работу всех законодательных органов Америки, если они не будут голосовать в соответствии с его указаниями.

Когда приказы Хиллсборо были представлены ассамблее Массачусетса, они были встречены с презрением. «Нас просят отменить, — сказал Отис. — Пусть Великобритания отменит свои меры, и , иначе колонии будут для нее потеряны навсегда». «Прославленные девяносто два» Тем не менее, только после девяти дней обсуждений был поставлен вопрос, и ассамблея решила 92 голосами против 17 не отменять свое циркулярное письмо. Бернард немедленно распустил ассамблею, но ее голосование было с восторгом встречено по всей стране, и «прославленные девяносто два» стали любимым тостом на всех праздничных мероприятиях. Другие колониальные ассамблеи были не более готовы, чем ассамблея Массачусетса, подчиниться диктату секретаря. Все они выразили самое искреннее сочувствие рекомендациям циркулярного письма, и в нескольких случаях были распущены губернаторами в соответствии с инструкциями Хиллсборо.

ФАНЕЙЛ-ХОЛЛ, КОЛЫБЕЛЬ СВОБОДЫ

В то время как готовились эти безрезультатные протесты против законов Тауншенда, таможенные комиссары, приводя в исполнение эти законы, не приложили достаточных усилий, чтобы не раздражать народ. «Принудительный набор граждан» Весной 1768 года фрегат «Ромни» с пятьюдесятью пушками был отправлен для охраны гавани Бостона, и пока он стоял там, несколько граждан были схвачены и принудительно набраны в моряки — незаконная практика, которая долгое время была обычной в британском флоте, но уже тогда была осуждена как варварская общественным мнением в Америке. Еще в 1747 году, когда отношения между колониями и правительством метрополии были вполне гармоничными, сопротивление вербовщикам привело к беспорядкам на улицах Бостона. Теперь, когда город был очень возмущен этим незаконным похищением своих граждан, 10 июня 1768 года шлюп «Либерти» Джона Хэнкока был захвачен на пристани экипажем лодки с «Ромни» за предполагаемое нарушение налогового законодательства, хотя и без официального ордера. Между офицерами и гражданами, собравшимися на пристани, начались оскорбления и взаимные обвинения, и через некоторое время возбуждение переросло в небольшие беспорядки, в ходе которых было разбито несколько окон, некоторых офицеров забросали камнями, а в конце концов прогулочный катер,

принадлежавший сборщику налогов, был вытащен из воды, отвезен на площадь Коммон и сожжен там, когда Хэнкок и Адамс, прибывшие на место, положили конец беспорядкам. Через несколько дней в Фанюэл-холле было созвано городское собрание, но поскольку толпа была слишком велика, чтобы поместиться в здании, оно было перенесено в Старую южную молельню, где Отис обратился к народу с речью с амвона. Была подготовлена петиция губернатору, в которой утверждалось, что принудительный набор мирных граждан является незаконным актом и что город находится в состоянии, как будто ему была объявлена война; губернатору было предложено немедленно отдать приказ о выводе фрегата из гавани. Был назначен комитет из двадцати одного ведущего гражданина, который должен был доставить эту петицию губернатору в его дом в Джамайка-Плейн. В своих письмах государственному секретарю Бернард признавался, что живет в постоянном страхе быть убитым, и всегда просил о выделении войск для его защиты от поджигателей и головорезов из Бостона. Однако, глядя в тот летний день из открытого окна на красивую дорогу, он видел не оборванную толпу, вооруженную ножами и дубинками, кричащую «Свобода или смерть!» и несла на копье голову сборщика налогов, а тихую процессию из одиннадцати карет, из которых у его дверей вышли двадцать один джентльмен, столь же спокойные и величественные в своем поведении, как те древние римские сенаторы, которыми так восхищался галльский вождь. Затем последовала очень дружеская беседа, во время которой всем предлагали вино. На следующий день на городском собрании был зачитан ответ губернатора, в котором он отказывался убрать фрегат, но обещал, что в будущем не будет принудительного набора граждан Массачусетса; и этот компромисс на время успокоил гнев народа.

Fra. Bernard

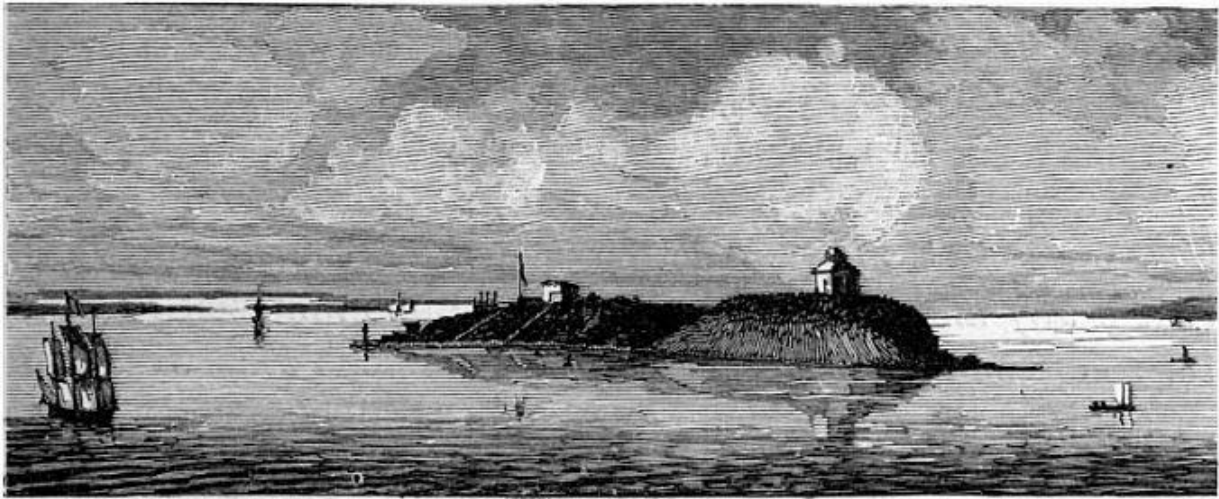
Подобные события, о которых губернатор и налоговые комиссары с большим преувеличением докладывали министерству, создавали в Англии впечатление, что Бостон — это незаконный и буйный город, полный головорезов и мошенников, чью жестокость

можно сдерживать только с помощью военного положения. Из всех ложных представлений Англии об Америке, которые привели к Американской революции, это представление о буйном Бостоне было, пожалуй, самым нелепым. За десять бурных лет, предшествовавших Войне за независимость (), в Бостоне произошел один позорный бунт, во время которого был разграблен дом Хатчинсона (); но за все это время народ не пролил ни капли крови и ни на мгновение не подверг чью-либо жизнь опасности. Эпизод со шлюпом «Либерти», как он здесь описан, был типичным примером беспорядков, которые происходили в Бостоне в периоды крайнего возбуждения; и в любом европейском городе XVIII века он вряд ли был бы сочтен достойным упоминания.

Еще до инцидента с «Либерти» правительство приняло решение направить войска в Бостон, чтобы устроить народную партию и показать ей, что король и лорд Хиллсборо настроены серьезно. Однако известие об инциденте с «Либерти» помогло устранить любые колебания, которые могли иметь место до этого. Статут Генриха VIII о «измене, совершенной за границей» Была объявлена месть над дерзким городом Бостоном. Наиболее мятежные духи, такие как Отис и Адамс, должны были послужить примером, чтобы остальные испугались и подчинились. С такой целью лорд Хиллсборо отправил запрос, «совершил ли кто-либо какие-либо действия, которые, согласно статутам Генриха VIII о государственной измене, совершенной за границей, могут оправдать их доставку в Англию для суда». Это воскрешение устаревшего закона, принятого в один из худших периодов английской истории, до того как у Англии появились колонии, было крайне неразумным. Но помимо всего этого, продолжал Хиллсборо, городское собрание, эта кузница мятежа, должно быть подавлено или запугано; и в соответствии с этим планом два полка солдат и фрегат должны были быть отправлены в Бостон, как только министерство сочтет это целесообразным. Считалось, что пример Бостона окажет благотворное влияние на настроения американцев.

ВЫСАДКА ВОЙСК В БОСТОНЕ, 1768 Г.

КАСТЛ УИЛЬЯМ, ГАВАНЬ БОСТОНА

Именно летом 1768 года Сэмюэл Адамс пришел к выводу, что нет никакой надежды на исправление ситуации со стороны британского правительства и что единственное средство — это провозглашение политической независимости американских колоний. Сэмюэл Адамс принимает решение, 1768 год Вежливые прошения и умеренные протесты американских ассамблей встречали не рациональные аргументы, а оскорбительные и незаконные королевские указы; и теперь, наконец, из Англии направлялась армия, чтобы применить тиранические меры правительства и запугать народ, заставив его подчиниться. Соответственно, Адамс пришел к выводу, что единственно правильным курсом для колоний было провозгласить свою независимость от Великобритании, объединиться в постоянную конфедерацию и пригласить европейские союзы. Мы знаем из его собственных слов, что с этого момента и до провозглашения Декларации независимости в 1776 году он с горячим энтузиазмом посвятил всю свою энергию достижению этой великой цели. Однако в 1768 году никто лучше Сэмюэля Адамса не знал, что время для безопасного принятия его смелой политики еще не настало и что любая преждевременная попытка вооруженного сопротивления со стороны Массачусетса может оказаться фатальной. В то время, вероятно, ни один другой американский государственный деятель не продумал этот вопрос до такой степени, чтобы прийти к выводам Адамса. Ни один американец еще не испытывал желания разорвать политические связи с Англией. Даже те, кто наиболее решительно осуждал меры правительства, не считали ситуацию безнадежной, но верили, что так или иначе мирное решение все еще возможно. Долгое время эта позиция искренне и терпеливо поддерживалась. Даже Вашингтон, когда он прибыл в Кембридж, чтобы принять командование армией после битвы при Банкер-Хилле, еще не решил, что целью войны будет независимость колоний. В том же июле 1775 года Джефферсон прямо заявил: «Мы не создавали армии с целью отделиться от Великобритании и создать независимые государства. Необходимость еще не заставила нас пойти на эту отчаянную меру». Декларация независимости была наконец принята с трудом и после длительных обсуждений. Наши прапрадеды считали себя англичанами и гордились своей связью с Англией. Их решимость сопротивляться произвольным мерам поначалу никак не ассоциировалась в их сознании с недовольством по отношению к метрополии. Кроме того, задача осуществления отделения с помощью военных мер казалась большинству людей совершенно безнадежной. Только после того, как Бункер-Хилл показал, что американские солдаты не уступают британским на поле боя, и после того, как Вашингтон захватил Бостон, показав, что враг действительно может быть изгнан из целого района страны, более

оптимистичные патриоты начали верить в окончательный успех войны за независимость. Нам сейчас трудно представить, насколько ужасными казались эти трудности людям, которые их преодолели. На протяжении всей войны, помимо тори, которые открыто симпатизировали врагу, было много достойных людей, которые считали, что мы «заходим слишком далеко», преувеличивали наши потери и приуменьшали наши достижения — совсем как люди, которых во время Гражданской войны называли «пессимистами». Депрессия даже самых смелых после таких поражений, как поражение на Лонг-Айленде, была ужасной. Насколько неадекватным было общее представление о нашей реальной силе, насколько туманным было общее понимание происходящих великих событий (), лучше всего видно в сатирических произведениях некоторых лоялистов. Во время заключения союза с Францией многие предсказывали, что результатом этого шага станет срыв работы Семилетней войны, восстановление полного контроля Франции над тринадцатью колониями в Америке и установление деспотизма и папства на всем континенте. В сатирической брошюре, опубликованной в 1779 году, всего за десять лет до сноса Бастилии в Париже, была нарисована воображаемая картина Бастилии, которая через десять лет должна была появиться в Нью-Йорке, и, с еще большей фантазией, был изображен Сэмюэл Адамс в одежде доминиканского монаха. Такая чепуха, конечно, не является показателем настроений или убеждений патриотического американского народа, но сам факт, что она могла прийти в голову кому-либо, показывает, как трудно было людям осознать, насколько Америка способна позаботиться о себе сама. Чем больше мы размышляем о медлительности, с которой страна пришла к полному осознанию своей силы и важности, тем полнее мы понимаем, насколько Америка не хотела отрываться от Англии и как Декларация независимости была принята только в крайнем случае, когда стало очевидно, что никакой другой путь не совместим с сохранением нашего самоуважения; чем глубже мы осознаем все это, тем ближе мы подойдем к правильной оценке факта, что в 1768 году, за семь лет до битвы при Лексингтоне, гениальный ум Сэмюэля Адамса полностью осознал концепцию конфедерации американских штатов, независимых от британского контроля. Ясность, с которой он видел это как неизбежный результат политических условий того времени, придавала его взглядам и действиям в любой возникшей чрезвычайной ситуации огромное влияние на всю страну.

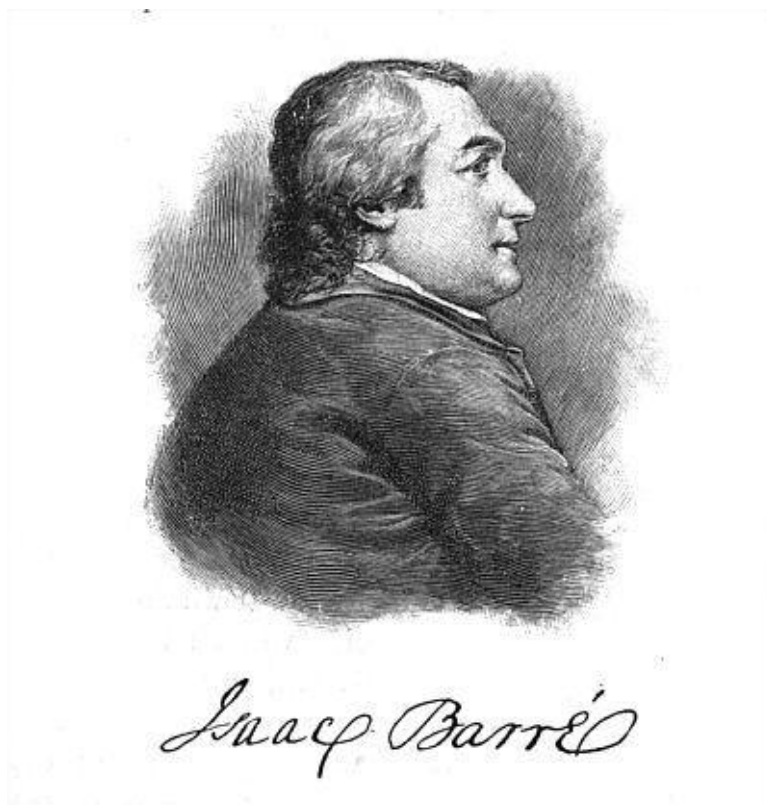
В сентябре 1768 года в Бостоне было объявлено, что войска находятся в пути и скоро высадятся. Однако возникло юридическое препятствие, непредвиденное министерством, для их размещения в городе. В соответствии с общим законом парламента о размещении войск, прежде чем город мог быть обязан найти жилье для каких-либо войск, должны были быть заполнены регулярные казармы в замке Уильям в гавани. Другой пункт закона предусматривал, что если какой-либо военный офицер возьмет на себя обязанность разместить солдат в любом из владений Его Величества иным образом, чем разрешено законом, он должен быть немедленно уволен со службы. Прибытие войск в Бостон. Узнав о приближении войск, губернатору было предложено созвать ассамблею, чтобы решить, как их принять. После отказа Бернарда члены городского совета Бостона издали циркуляр, приглашая все города Массачусетса направить делегатов на общее собрание, чтобы принять обдуманное решение по этому важному вопросу. В ответ на циркуляр делегаты из девятиности шести городов собрались в Фанюэл-холле и, посмеявшись над приказом губернатора «разойтись», приступили к демонстрации того, как, осуществляя несомненное право на публичные собрания, колония может фактически принимать законы для себя в отсутствие своего регулярного законодательного органа. Конвенция, придя к выводу, что Бостону не нужно ничего делать, кроме как настаивать на строгом соблюдении буквы закона, была отложена. В октябре прибыли два полка, которым было разрешено высадиться без сопротивления, но им не было предоставлено жилья. Бернард, опасаясь беспорядков, уехал за город, но ничто не могло быть дальше от мыслей народа. Командир « », полковник

Далримпл (), попросил приют для своих людей, но ему ответили, что он должен разместить их в казармах замка Уильям. Однако, поскольку ночь была морозной, «Сыны свободы» разрешили им переночевать в Фанюэл-холле. На следующий день губернатор, обнаружив, что все спокойно, вернулся и выслушал жалобу Далримпла. Но он тщетно обращался поочередно к совету, к выборным лицам и к мировым судьям с просьбой предоставить казармы для войск; ему ответили, что закон ясен и что сначала необходимо занять замок. Тогда губернатор попытался завладеть старым полуразрушенным зданием, принадлежавшим колонии, но арендаторы, посоветовавшись с юристами, сказали ему, чтобы он выселил их, если осмелится. Ничто не могло быть более провокационным. Генерал Гейдж был вынужден прибыть из своего штаба в Нью-Йорке, но даже он, главнокомандующий войсками Его Величества в Америке, не мог разместить войска в нарушение закона, не рискуя быть уволенным со службы по решению двух мировых судей. Поэтому солдаты ночевали в палатках на площади, пока погода не стала настолько холодной, что Далримпл был вынужден арендовать для них несколько зданий по завышенным ценам и за счет короны. В качестве оскорбления для населения на Кинг-стрит были установлены две пушки, дула которых были направлены на ратушу. Но поскольку войска не могли ничего сделать без распоряжения гражданского магистрата, а в городе сохранялся обычный строгий порядок, им нечего было делать. В случае восстания силы были слишком малы, чтобы принести какую-либо пользу; а что касается политики устрашения города, то, без сомнения, солдаты боялись народа больше, чем народ солдат.

Письма «Виндекса» Как только солдаты обосновались в Бостоне, Сэмюэл Адамс опубликовал серию писем, подписанных «Виндекс», в которых он утверждал, что содержание «постоянной армии в королевстве в мирное время без согласия парламента противоречит закону; что согласие парламента обязательно подразумевает согласие народа, который всегда присутствует в парламенте либо лично, либо через своих представителей; и что американцы, поскольку они не были и не могли быть представлены в парламенте, страдали от военной тирании, над которой им не позволялось осуществлять никакого контроля». Единственной реакцией Бернарда и Хиллсборо на этот аргумент была попытка собрать доказательства, на основании которых его автор мог быть обвинен в государственной измене и отправлен в Лондон для суда; но Адамс был настолько осторожен во всех своих действиях, что было невозможно обвинить его в каком-либо техническом правонарушении, а арестовать его иначе, чем в соответствии с надлежащей правовой процедурой, означало бы спровоцировать восстание в Массачусетсе.

ГЕНЕРАЛ ГЕНРИ КОНВЕЙ

В парламенте предложение о распространении действия закона Генриха VIII на Америку встретило резкое противодействие со стороны Берка, Барре, Поуналла и Даудсвелла, а также

Гренвилла, который охарактеризовал его как чистое безумие; но мера все же была принята, . Дебаты в парламенте Берк далее утверждал в своей красноречивой речи, что королевский указ, требующий от Массачусетса отменить свое циркулярное письмо, был неконституционным; и здесь Гренвилл снова согласился с ним. Весной 1769 года внимание парламента было сосредоточено главным образом на американских делах. Поуналл предложил отменить законы Тауншенда, и в этом его горячо поддержала петиция лондонских купцов, поскольку политика бойкота импорта со стороны американцев начала сказываться на бизнесе в Лондоне. После долгих дебатов лорд Норт предложил компромисс, отменяющий все законы Тауншенда, за исключением того, который устанавливал пошлину на чай. Более здравомыслящие члены парламента понимали, что такой компромисс, не дающий ничего в принципе, не принесет ничего хорошего. Бекфорд указал на тот факт, что пошлина на чай не приносила правительству и 300 фунтов стерлингов, а лорд Бочамп уместно спросил, стоит ли ради такой ничтожной суммы дохода наживать себе врагов в лице трех миллионов человек. Графтон, Камден, Конвей, Берк, Барре и Даудсвелл также хотели отменить пошлину на чай и отказаться от всего принципа парламентского налогообложения; лорд Норт в душе соглашался с ними, но не мог заставить себя поступить вопреки желанию короля. «Америка должна бояться вас, прежде чем она сможет полюбить вас», — сказал лорд Норт... «Я против отмены последнего акта парламента, обеспечивающего нам доход из Америки; я никогда не подумаю об его отмене, пока не увижу Америку лежащей у моих ног». «Добиться этого, — сказал Барре, — не так легко, как некоторые думают; американцы — многочисленный, уважаемый, выносливый и свободный народ. Речь полковника Барре Но даже если бы это было так легко, разве какой-нибудь друг своей страны действительно хотел бы видеть Америку таким униженной? В такой ситуации она служила бы лишь памятником вашей arrogancy и вашей глупости. Что касается меня, то я хочу видеть Америку растущей и процветающей, поднимающей голову с изящным достоинством, с свободой и твердостью отстаивающей свои права в вашем суде, защищающей свои свободы, отстаивающей свои заслуги и осознающей свои достоинства. Это Америка, которая будет иметь дух, чтобы сражаться в ваших битвах, поддерживать вас, когда вы будете подвергаться сильному давлению со стороны какого-либо преобладающего врага, и благодаря своему труду будет способна потреблять вашу продукцию, поддерживать вашу торговлю и наполнять ваши города богатством и великолепием. Если мы не изменим свое поведение по отношению к ней, Америка будет оторвана от нас... Если вы не отмените этот закон, вы рискуете потерять Америку». Но министры остались глухи к сладкой разумности Барре. «Мы не дадим американцам ничего, — сказал лорд Хиллсборо, — кроме того, о чем они могут попросить с веревкой на шее». «Они — порода осужденных преступников, — повторил бедный старый доктор Джонсон, который, вероятно, читал «Молл Фландерс», — и они должны быть благодарны за все, что мы им позволяем, кроме повешения».

Tho. Hutchinson

В результате дискуссии был принят так называемый компромисс лорда Норта, и в Америку было отправлено циркулярное письмо (), в котором обещалось отменить все неприятные законы, за исключением пошлины на чай. В то же время Бернард был отозван из Массачусетса, чтобы успокоить возмущение народа, и получил титул баронета, чтобы показать, что министерство одобряет его поведение в качестве губернатора. Его место занял вице-губернатор Томас Хатчинсон, человек большой учености и блестящего таланта, чья «История Массачусетского залива» дает ему право на высокое место среди достойных представителей ранней американской литературы. В следующем году Хатчинсон был назначен губернатором. Как уроженец Массачусетса, лорд Норт полагал, что он будет менее склонен раздражать народ, чем его несколько высокомерный предшественник. Но в этом правительство оказалось неправо. В искреннем патриотизме Хатчинсона теперь не может быть никаких сомнений. В его любви к Новой Англии, которая для него была самой прекрасной из всех земель, земным раем (), было что-то трогательное. Его очень ценили за его ученость и достижения, и жители Массачусетса избирали его на одну должность за другой и проявляли к нему всяческое уважение до тех пор, пока не наступили злые дни Закона о гербовом сборе. Тогда стало ясно, что он был тори по принципу и твердо верил в британскую доктрину абсолютного верховенства парламента, и народные настроения вскоре обратились против него. Его называли перебежчиком и предателем, а также неблагодарным псом, чьей главной страстью была алчность. Его поведение и мотивы были одинаково неверно оценены. Он пытался отговорить министерство Гренвилля от принятия Закона о гербовом сборе, но когда эта неприятная мера стала законом, он счел своим долгом обеспечить ее исполнение, как и других законов. За это его обвинили в предательстве своих убеждений, и в ходе позорных беспорядков августа 1765 года он пострадал больше всех. Ни

один общественный деятель в Америке никогда не был объектом такой яростной ненависти. Никто не был так грубо искажен историками. Его назначение губернатором, какими бы благими ни были намерения, оказалось отнюдь не мудрой мерой.

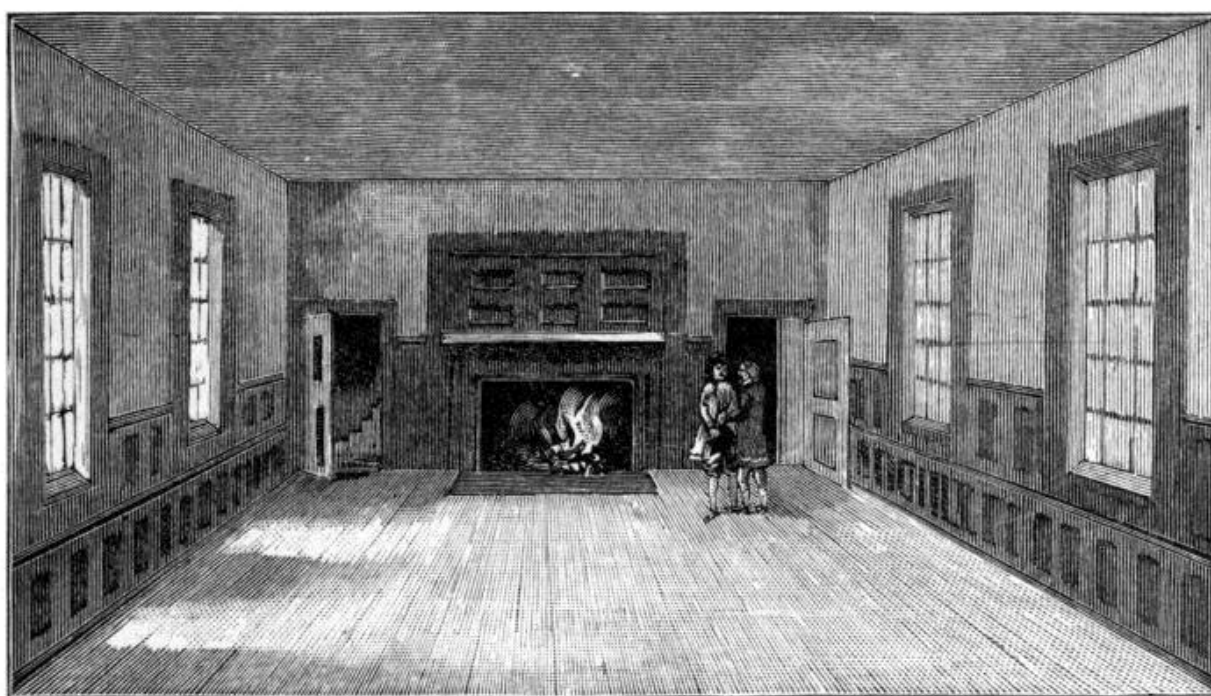

КАПИТОЛИЙ В УИЛЬЯМСБУРГЕ, ВИРДЖИНИЯ

ПЕЧЬ, ИСПОЛЬЗУЕМОЯ В ДОМЕ БУРГЕСОВ В то время как все это происходило, из Вирджинии пришло сильное выражение сочувствия. Когда Хиллсборо решил запугать Бостон, он счел целесообразным умиловить вирджинцев и попытаться отвратить их от дела, которое Массачусетс так смело защищал. Поэтому лорд Ботеторт, доброжелательный и примирительный человек, был отправлен в Вирджинию в качестве губернатора, чтобы очаровать людей своим приветливым манерами и приятной речью. Но между сварливым

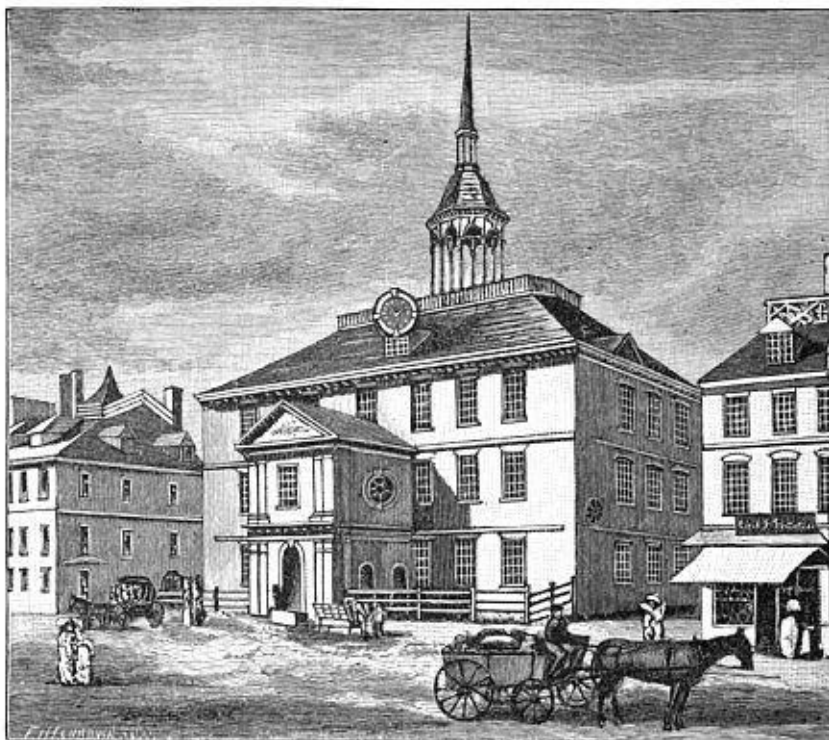
Бернардом и любезным Ботетортом практически не было разницы, когда речь шла о серьезных вопросах конституционных прав. Резолюции Вирджинии, 1769 год В мае 1769 года Палата бургесов собралась в Вильямсбурге. Среди ее членов были Патрик Генри, Вашингтон и Джефферсон. Ассамблея осудила законы Тауншенда, заявила, что народ Вирджинии может облагаться налогами только своими собственными представителями, объявила, что для всех колоний законно и целесообразно присоединиться к протесту против любого нарушения прав американцев, и особенно предупредила короля об опасностях, которые могут возникнуть, если какой-либо американский гражданин будет вывезен за море для суда. Наконец, она направила копии этих резолюций всем другим колониальным ассамблеям, приглашая их присоединиться к ним. На этом лорд Ботеторт распустил ассамблею, но ее члены сразу же вновь собрались на съезде в знаменитом зале «Аполло» таверны «Роли» и приняли ряд резолюций, подготовленных Вашингтоном, в которых они обязались продолжать политику бойкота импорта до тех пор, пока не будут отменены все неприятные законы 1767 года. Эти резолюции были приняты всеми южными колониями.

ЗАЛ «АПОЛЛОН» В ТАВЕРНЕ «РЭЛИ»

В течение всего 1769 года британские войска оставались расквартированными в Бостоне за счет короля. По словам Сэмюэля Адамса, их основным занятием, по-видимому, было дефилировать по улицам и своими шутовскими выходками вызывать презрение женщин и детей. Но солдаты многое делали, чтобы раздражать людей, для которых само их присутствие было оскорблением. Они вели буйную, разгульную жизнь и ночью превращали тихие улицы в кошмар своими пьяными криками. Десятки распутных женщин, которые последовали за полками через океан, на некоторое время пришли, чтобы скандалить в городе, а затем обременять приют для бедных. По воскресеньям солдаты устраивали скачки на лошадях на площади Коммон или играли в «Янки Дудл» прямо у дверей церкви во время богослужений. Время от времени между солдатами и горожанами происходили перепалки, драки или побои палками, а однажды или дважды произошли более серьезные инциденты. Нападение на Джеймса Отиса Однажды вечером в сентябре на Джеймса Отиса в British Coffee House было совершено подлое нападение со стороны некоего Робинсона, таможенного комиссара, которому помогали полдюжины армейских офицеров. Это напоминает

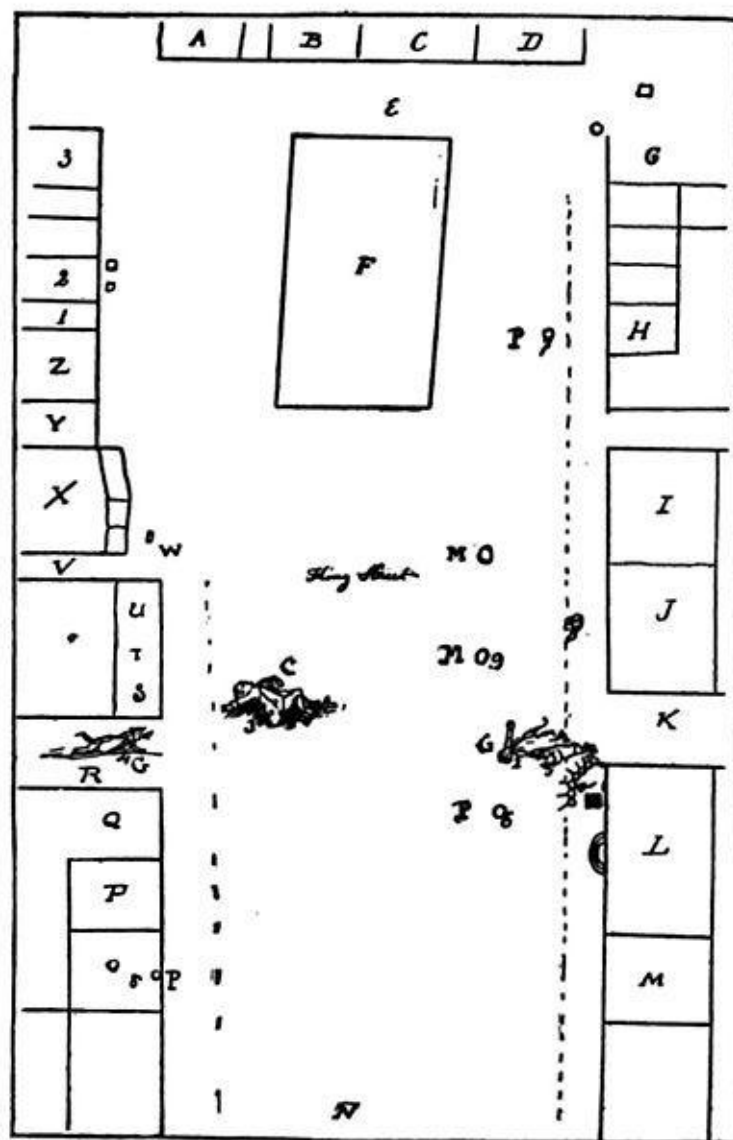
нападение на Чарльза Сумнера со стороны Брукса из Южной Каролины незадолго до войны за независимость. Отис был жестоко избит и получил удар мечом по голове, от последствий которого он так и не оправился и в конце концов лишился рассудка. Народный гнев по поводу этого возмутительного поступка был сильным, но беспорядков не произошло. Отис подал иск против Робинсона и получил 2000 фунтов стерлингов в качестве компенсации, но отказался принять ни пенни, когда Робинсон признал свою вину и смиренно попросил прощения за свое непоправимое преступление.

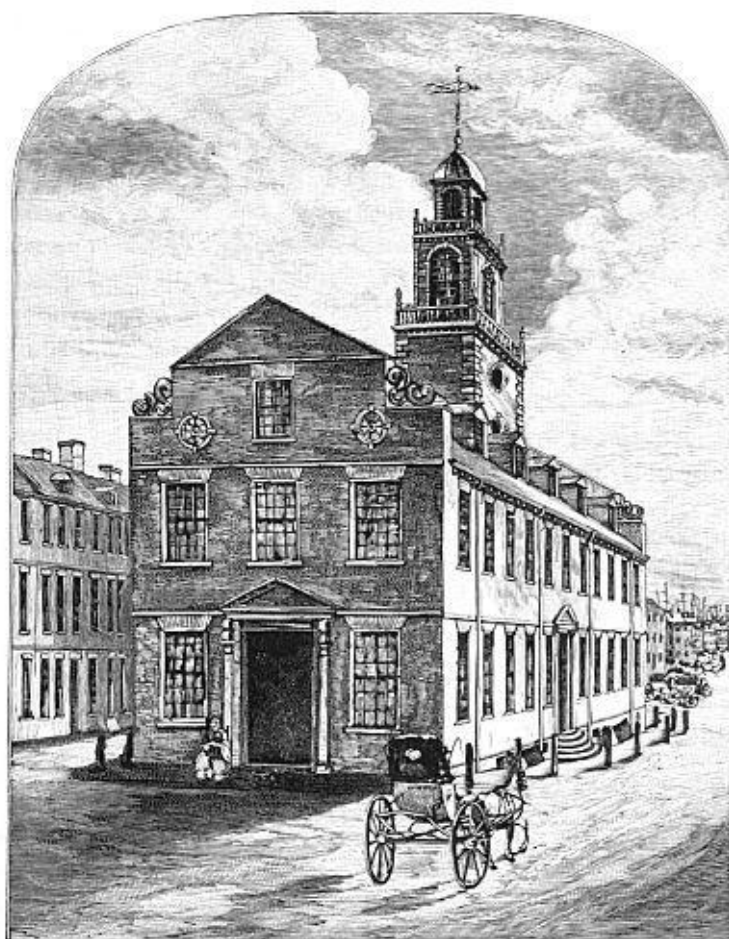
СТАРЫЙ КИРПИЧНЫЙ СБОРНЫЙ ДОМ

22 февраля 1770 года доносчик по имени Ричардсон, будучи забросан камнями группой школьников, укрылся в своем доме, открыл окно и стал стрелять наугад в толпу, убив одного мальчика и тяжело ранив другого. Он был признан виновным в убийстве, но получил помилование. Наконец, 2 марта между группой солдат и некоторыми рабочими на веревочной фабрике произошла гневная ссора, и в течение двух-трех дней в городе царил значительное волнение, люди стояли группами на улицах и обсуждали случившееся; но Хатчинсон даже не принял меры предосторожности, приказав солдатам оставаться в казармах, поскольку не верил, что люди намерены устроить беспорядки, и что войска осмелятся стрелять в граждан без его прямого разрешения. Вечером 5 марта, около восьми часов, большая толпа собралась возле казарм на Браттл-стрит и, обмениваясь оскорблениями с солдатами, начала забрасывать их снежками и бить палками, а солдаты время от времени наносили удары мушкетами. «Бостонская резня» Вскоре прибыл капитан Голфинч, приказал солдатам вернуться в казармы на ночь и таким образом прекратил драку. Но тем временем кто-то проник в Старую кирпичную синагогу, расположенную напротив начала Кинг-стрит, и зазвонил в колокол; это было истолковано как сигнал о пожаре, и многие люди вышли на освещенные луной улицы. Было уже немного больше девяти часов. Часовой, который шагал перед таможней, за несколько минут до этого сбил с ног мальчика-парикмахера за то, что тот обзывал капитана, когда тот поднялся, чтобы остановить драку на Браттл-стрит. Толпа на Кинг-стрит начала забрасывать часового камнями, а некоторые кричали: «Убейте его!», когда капитан Престон и семь солдат из 29-го

полка перешли улицу, чтобы прийти ему на помощь: и таким образом, девять солдат столкнулись с разъярённой толпой из пятидесяти или шестидесяти безоружных мужчин, которые подступили вплотную к дулам их ружей, бросали снег им в лица и вызывали их на перестрелку. Внезапно, совершенно неожиданно и, вероятно, без приказа Престона, семь из наведенных орудий выстрелили, мгновенно убив четырех человек и ранив семерых, из которых двое впоследствии скончались. Немедленно по городу разнесся тревожный сигнал, и солдатам могло бы быть не поздоровило, если бы на место происшествия не прибыл Хатчинсон и не успокоил народ, приказав арестовать Престона и его людей. На следующее утро совет рекомендовал вывести один из полков, но днем огромное городское собрание, созванное в Фанюэл-холле, перенеслось в Старую южную молельню; и когда они проходили мимо Таун-Хауса (или того, что мы сейчас называем Старым Государственным Домом), вице-губернатор, наблюдая за их маршем, решил, что «их дух так же высок, как и дух их предков, когда они заключили в тюрьму Андроса, хотя их было в четыре раза больше». Всю дорогу от церкви до ратуши улица была забита людьми, а комитет во главе с Сэмюэлем Адамсом ждал губернатора и получил от него заверение, что один полк будет выведен. Когда комитет вышел из ратуши, чтобы донести ответ губернатора собравшимся в церкви, люди расступились по обе стороны, чтобы пропустить их; и Адамс, идя впереди с непокрытой головой по образовавшемуся проходу и кланяясь то в одну, то в другую сторону, передавал лозунг: «Оба полка или ни одного!». Когда в церкви вопрос был поставлен на голосование, три тысячи голосов прокричали: «Оба полка или ни одного!», и, вооружившись этим ультиматумом, комитет вернулся в ратушу, где губернатор сидел с полковником Далримплом и членами совета. Тогда Адамс тихим, но серьезным тоном, вытянув руку и указав пальцем на Хатчинсона, сказал, что если он, как исполняющий обязанности губернатора провинции, имеет право удалить один полк, то он имеет такое же право удалить оба, что голос трех тысяч свободных граждан требует немедленного удаления всех солдат из города и что, если он не прислушается к их справедливому требованию, то сделает это на свой страх и риск. «Я заметил, как задрожали его колени, — сказал потом старый герой, — я видел, как побледнело его лицо, — и я наслаждался этим зрелищем!» Мы вполне можем поверить, что Хатчинсон был взволнован, но не от страха, а от внезапного тошнотворного ощущения отвращения к своему положению представителя короля в такой момент. Он был человеком непобедимой храбрости и, безусловно, никогда бы не уступил Адамсу, если бы не знал, что закон на стороне народа и что солдаты являются незаконными нарушителями в Бостоне. До захода солнца был отдан приказ о выводе обоих полков в замок Уильям, и только тогда собрание в церкви распалось. С того дня 14-й и 29-й полки стали известны в парламенте как «полки Сэма Адамса».

ПЛАН ПОЛУ РЕВЕРА ПО УЛИЦЕ КИНГ-СТРИТ В 1770 ГОДУ
(Использованный в суде над солдатами)

СТАРЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОМ, ЗАПАДНЫЙ ФАСАД

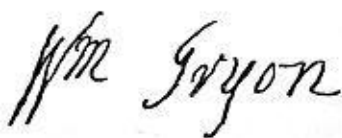
Такова была знаменитая Бостонская резня. Вся мягкость цивилизации Новой Англии наиболее ярко проявляется в этой жестокой фразе. Беспечная расправа над полудюжиной горожан описывается словом, которое историки применяют к таким событиям, как Каунпор или Сицилийская вечерня. Лорд Шербрук, более известный как Роберт Лоу, несколько лет назад в речи о пользе классического образования заявил, что битва при Марафоне была на самом деле менее значимой, чем современный взрыв на угольной шахте, потому что в ней погибло только сто девяносто два солдата греческой армии! С такой точки зрения можно утверждать, что Бостонская резня была событием гораздо менее значимым, чем обычная драка между игроками в Колорадо. Само собой разумеется, что это не историческая точка зрения. Исторические события не измеряются линейкой. Некоторые уроки «резни» История Бостонской резни очень банальна, но из нее можно извлечь уроки. Она служит поучительной иллюстрацией высокого уровня цивилизации, достигнутого народом, среди которого она произошла, — как угнетателями, так и теми, кого пытались угнетать. Размещение войск в мирном городе — это то, что в большинстве эпох вызывало ужас. При сенаторском правительстве Рима говорили, что размещение войск даже в дружественной провинции с целью ее защиты было бедствием, которое можно было сравнить разве что с вторжением враждебных варваров. Если подумать о том, что британские полки были расквартированы в Бостоне в течение семнадцати месяцев среди населения, которое их глубоко ненавидело, то тот факт, что только полдюжины человек лишились жизни, а в остальном, по-видимому, не было совершено никаких действительно серьезных преступлений, свидетельствует как о дисциплинированности солдат, так и о сдержанности народа. В большинстве эпох и стран расстрел полдюжины граждан в таких обстоятельствах

либо произвел бы лишь незначительное впечатление, либо, с другой стороны, возможно, привел бы к немедленному массовому убийству виновных солдат. Тот факт, что это произвело столь глубокое впечатление в Бостоне и по всей стране, в то время как виновные были преданы суду в обычном порядке, является ярким свидетельством общей мирности и пристойности американской жизни и показывает, насколько высокими и строгими были стандарты, по которым наши предки судили все незаконные действия. И здесь, возможно, не будет лишним добавить, что на протяжении всех конституционных борьб, которые привели к Революции, американские стандарты политического права и неправа были настолько высоки, что современные европейские политики иногда с трудом их понимали. И по той же причине даже самые беспристрастные английские историки иногда не могут понять, почему американцы так быстро обижались на действия британского правительства, которые, без сомнения, не были направлены на угнетение. Если бы Георг III был кровожадным деспотом, подобным Филиппу II Испанскому; если бы генерал Гейдж был другим герцогом Альвой; если бы сотни американских граждан были сожжены заживо или замучены на колесе в Нью-Йорке и Бостоне; если бы целые города были преданы жестокости и похоти зверских солдат, то никому — даже доктору Джонсону — не было бы трудно понять, почему американцы проявили бунтарский нрав. Но одной из характерных черт прогресса политической цивилизации является то, что роль, которую играла грубая сила в варварскую эпоху, в более продвинутой эпохе полностью заменяет роль скрытой угрозы несправедливости. То же самое воздействие, которое удар по лицу оказывает на варвара, оказывает на цивилизованного человека утверждение какого-либо далеко идущего правового принципа, который только при тонком и окончательном анализе включает в себя возможность удара по лицу. С этой точки зрения, быстрота, с которой такие действия, как действия Чарльза Тауншенда, были поняты в их самых отдаленных последствиях, является самым ярким доказательством высокого уровня политической культуры, которого достигли наши предки благодаря своей системе постоянных свободных дискуссий на городских собраниях. Более того, они достигли такой степени, когда любое проявление грубой силы в ходе политического спора было для них чрезвычайно отвратительным и шокирующим. В их представлении беспечное убийство шести граждан имело такое же значение, как и резня в день святого Варфоломея для людей, находившихся на более низкой стадии политического развития. Поэтому неудивительно, что Сэмюэл Адамс и его друзья были готовы сделать Бостонскую резню поводом для морального урока своим современникам. Что касается бедных солдат, то наиболее значимым фактом является то, что не было попыток отомстить им. Привлеченные к суду по обвинению в убийстве, после разумной задержки в семь месяцев, они были умело защищены Джоном Адамсом и Джосайей Куинси, и все были оправданы, за исключением двоих, которые были признаны виновными в непредумышленном убийстве и отпущены с легким наказанием. Некоторые горячие головы выражали недовольство вердиктом, но жители Бостона в целом согласились с ним, что продемонстрировали, немедленно избрав Джона Адамса своим представителем в ассамблее — факт, который г-н Леки называет весьма примечательным. Такое событие, как Бостонская резня, не могло не стать моральным уроком для народа, столь непривычного к насилию и кровопролитию. Один из первых американских гравюров, Пол Ревир, опубликовал причудливую цветную гравюру с изображением сцены на Кинг-стрит, которая долгое время широко распространялась, хотя сейчас стала большой редкостью. В то же время было решено, что роковой пятый день марта будет ежегодно торжественно отмечаться речью, произносимой в Старом южном собрании; и этот обычай сохранялся до признания независимости Америки в 1783 году, когда день для речи был перенесен на четвертое июля.

Министерство лорда Норта За пять недель до Бостонской резни герцог Графтон подал в отставку, и лорд Норт стал премьер-министром Англии. Колонии находились под

контролем, и великий сторонник произвольного правления лорд Терлоу, занимавший должность генерального прокурора, стал главным юридическим советником короля. Георг III теперь был, по сути, своим собственным премьер-министром и оставался им до свержения в Йорктауне. Колониальная политика правительства вскоре стала более досадной, чем когда-либо. Обещанная отмена всех законов Тауншенда, за исключением закона, вводящего пошлину на чай, была проведена через парламент в апреле, и ее первым эффектом в Америке, как и предвидел лорд Норт, было ослабление духа оппозиции и разделение более покладистых колоний от тех, которые были наиболее стойкими. Политика бойкота импорта особенно сильно ударила по торговле Нью-Йорка, и местные купцы жаловались, что ярые плантаторы Вирджинии и фермеры Массачусетса богатеют за счет своих соседей. Купцы Нью-Йорка В июле купцы Нью-Йорка нарушили соглашение о бойкоте импорта и отправили в Англию заказы на все виды товаров, кроме чая. Такая мера со стороны столь крупного морского порта фактически свела на нет политику бойкота импорта, на которую патриоты в основном полагались, чтобы добиться отмены Закона о чае. Гнев других колоний был сильным. На городском собрании в Бостоне письмо нью-йоркских купцов было разорвано на куски. В Нью-Джерси студенты Принстонского колледжа, среди которых был Джеймс Мэдисон, собрались на лужайке в своих черных мантиях и торжественно сожгли письмо под звон церковных колоколов. Оскорбившие всех купцы были заклеены как «мятежники», а в Чарльстоне их поведение было резко осуждено. «Лучше пришлите нам свой старый флаг свободы, — с горьким сарказмом обратилась Филадельфия к Нью-Йорку, — ведь вам он явно больше не нужен».

Это нарушение Нью-Йорком соглашения о бойкоте импорта не оставило колониям никакого общего вопроса, по которому они могли бы объединиться, если только министерство не решило бы форсировать решение по Закону о чае. На данный момент лорд Норт видел, какое преимущество он получил, и не был склонен предпринимать таких шагов. Тем не менее, как только что было отмечено, политика правительства вскоре стала более раздражающей, чем когда-либо. Ассамблеи созывались в странных местах Летом 1770 года король вступил в серию локальных споров с различными колониями, стараясь не поднимать никаких общих вопросов. Королевские инструкции были отправлены различным правительствам, предписывая действия, которые были неконституционными и наверняка оскорбляли народ. Ассамблеи были либо распущены, либо созывались в странных местах, таких как Бофорт в Южной Каролине, более чем в семидесяти милях от столицы, или Кембридж в Массачусетсе. Местные правительства по возможности игнорировались, а местные чиновники назначались с зарплатой, выплачиваемой короной. В Массачусетсе эти чиновники были незаконно освобождены от уплаты налогов. Налоги в Мэриленде В Мэриленде, где устав прямо предусматривал, что британская корона не может взимать никаких налогов, губернатору было приказано взимать налоги косвенно, возобновив закон, регулирующий сборы должностных лиц, срок действия которого истек. «Регуляторы» Северной Каролины В Северной Каролине вымогались чрезмерные сборы, и шерифы во многих случаях взимали налоги, за которые не отчитывались. Верхние округа обеих Каролин были заселены выносливыми мелкими фермерами и скотоводами, пресвитерианами шотландско-ирландского происхождения, которые были известны под названием «регуляторы», потому что в условиях суровой жизни на границе они образовали добровольные объединения для регулирования своей собственной полиции и справедливого наказания конокрадов и других преступников.

В 1771 году регуляторы Северной Каролины, раздраженные повторяющимися актами вымогательства и незаконного заключения, подняли восстание. Битва произошла в Аламансе, недалеко от истоков реки Кейп-Фир, в которой регуляторы были

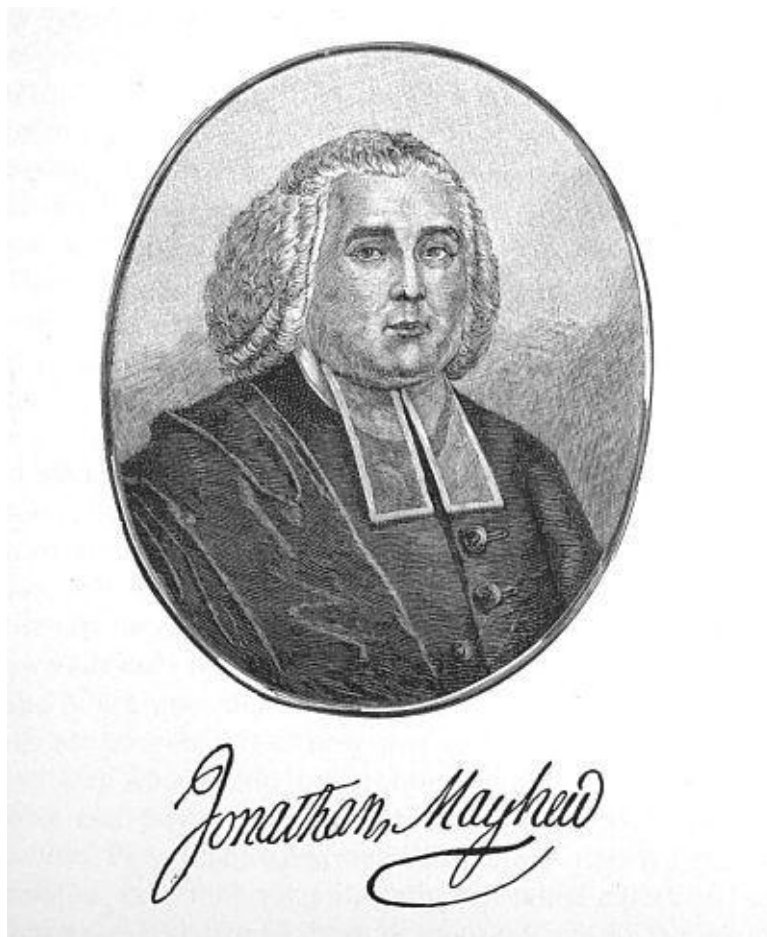
полностью разгромлены губернатором Трайоном, оставив на поле боя более ста своих убитых и раненых, а шесть их лидеров, взятых в плен, были без суда и следствия повешены за измену. После этой победы Трайон был повышен до губернатора Нью-Йорка (), где он на время оставил свое имя в нечетко очерченной дикой местности за Скенектади, известной в литературе о Войне за независимость как округ Трайон.

Peter Hornekin

Дело Гаспи В Род-Айленде восьмипушечная шхуна «Гаспи» под командованием лейтенанта Даддингтона была поручена обеспечить соблюдение законов о доходах вдоль побережья залива Наррагансет, и она приступила к выполнению этой задачи с безрассудным и безразборным рвением. «Тщательность» была девизом Даддингтона, как и лорда Стаффорда. Он не только останавливал и обыскивал каждое судно, входящее в залив, и конфисковывал любые товары, которые ему нравились, независимо от того, были ли у них признаки контрабанды, но, кроме того, он крал овец и свиней у фермеров, живших у побережья, вырубал их деревья, обстреливал рыбацкие лодки и в целом вел себя с невыносимой наглостью. В марте 1772 года жители Род-Айленда пожаловались на эти бесчинства. Дело было передано контр-адмиралу Монтегю, командующему небольшим флотом в гавани Бостона. Монтегю заявил, что лейтенант лишь выполнял свой долг, и пригрозил жителям Род-Айленда, если они осмелятся вмешиваться. Еще три месяца «Гаспи» продолжала свое раздражающее поведение (), пока однажды вечером в июне, преследуя быстрый американский корабль, она не села на мель. На следующую ночь он был атакован группой людей на восьми лодках и захвачен после короткой перестрелки, в которой Даддингтон был тяжело ранен. Экипаж был высажен на берег, а шхуна сожжена до основания. Этот акт мести не понравился правительству, и за арест причастных к нему

людей была объявлена большая награда; но, хотя, вероятно, все знали, кто они, было невозможно получить против них какие-либо доказательства. По королевскому указу правительство Род-Айленда было обязано () арестовать преступников и передать их контр-адмиралу Монтегю для отправки в Англию на суд, но Стивен Хопкинс, почтенный главный судья Род-Айленда, категорически отказался принимать к сведению любой такой арест, если он будет произведен на территории колонии.

Черные тучи войны быстро сгущались. В августе 1772 года король рискнул предпринять шаг, который поспешил кризис больше, чем что-либо, что происходило до этого. Заработная плата судей Было приказано, чтобы все судьи Массачусетса, занимающие свои должности по усмотрению короля, отныне получали заработную плату от короны, а не от колонии. Этот акт, направленный непосредственно на независимость судебной власти, вызвал сильное возмущение. Жители Массачусетса были в ярости, и Сэмюэл Адамс предпринял шаг, который больше всего способствовал организации оппозиции королю по всей стране. Идея создания комитетов по переписке не была совершенно новой. Предложение Джонатана Мэйхью Великий проповедник Джонатан Мэйхью рекомендовал такой шаг Джеймсу Отису в 1766 году, и он был подведен к этому своим опытом в церковных делах. Написав в спешке в воскресное утро, он сказал: «Для хорошего человека все время достаточно свято; и ничто не является слишком святым, чтобы делать добро или думать о нем. Культивирование доброго взаимопонимания и сердечной дружбы между этими колониями кажется мне настолько необходимым частью благоразумия и хорошей политики, что не следует упускать ни одной благоприятной возможности для этой цели... Вы слышали о *общении церквей*: ... пока я думал об этом в своей постели, большая польза и важность *общения колоний* явились мне в ярком свете, что побудило меня немедленно записать эти намеки, чтобы передать их вам». План, который имел в виду Мэйхью, заключался в создании регулярной системы переписки, с

помощью которой колонии могли бы предпринимать совместные действия в защиту своих свобод. В период великого кризиса 1772 года Сэмюэл Адамс увидел, как много можно было бы достичь с помощью комитетов по переписке, чего не удалось бы достичь с помощью обычных правительственных механизмов колоний. На октябрьском городском собрании в Бостоне был назначен комитет, который должен был спросить губернатора, будут ли зарплаты судей выплачиваться в соответствии с королевским указом; кроме того, ему было предложено созвать ассамблею, чтобы люди могли высказать свое мнение по столь важному вопросу. Но Хатчинсон сказал комитету, чтобы тот занимался своими делами: он отказался сказать, что будет сделано с зарплатами, и отрицал право города подавать прошение о созыве ассамблеи. Таким образом, Массачусетс фактически остался без общего правительства в момент, когда общественное мнение было взволновано вопросом первостепенной важности. Комитеты по переписке в Массачусетсе Сэмюэл Адамс на городском собрании предложил назначить комитет по переписке, «состоящий из двадцати одного человека, чтобы заявить о правах колонистов и, в частности, этой провинции, как людей и христиан, и как подданных; и довести их до сведения и опубликовать в нескольких городах и во всем мире как мнение этого города, с указанием нарушений и злоупотреблений, которые имели место или могут иметь место время от времени». Принятие этой меры сначала вызвало презрение Хатчинсона, который описал комитет как состоящий из «диаконов», «атеистов» и «черносердечных парней», с которыми никто не хотел бы встретиться в темноте. Он предсказал, что они только выставят себя в смешном свете, но вскоре нашел причину изменить свое мнение. Реакция на заявления бостонского комитета была быстрой и единодушной, и до конца года более восьмидесяти городов уже организовали свои комитеты по переписке. Здесь появился новый законодательный орган, возникший непосредственно из народа и, как вскоре показали события, способный управлять важными делами. Его влияние распространялось на самые отдаленные уголки Массачусетса, он практически всегда находился в сессии, и ни один губернатор не мог его распустить или отложить. Хотя он был неизвестен закону, его создание не влекло за собой никакого нарушения закона. Право городов Массачусетса обращаться друг к другу за советом было столь же неоспоримым, как и право свободных граждан любого отдельного города проводить городское собрание. Созданная таким образом власть была вездесущей,

но неосязаемой. «Это, — сказал два года спустя великий тори-памфлетист Дэниел Леонард, — самая гнусная, хитрая и ядовитая змея, когда-либо вылупившаяся из яйца мятежа. Это источник восстания. Я видел маленькое семя, когда его посадили: это было зерно горчицы. Я наблюдал за растением, пока оно не стало большим деревом. Самые гнусные рептилии, ползающие по земле, прячутся у его корней; самые мерзкие птицы, летающие в воздухе, сидят на его ветвях. Я призываю вас немедленно взяться за топоры и секиры и срубить его по двум причинам: потому что оно является вредителем общества и чтобы оно не было внезапно срублено более сильной рукой и не раздавило тысячи людей при падении».

Межколонияльные комитеты переписки Система комитетов переписки действительно выросла в могучее дерево, поскольку она была ничем иным, как началом Американского Союза. Сам Адамс ни в коем случае не намеревался ограничивать свой план Массачусетсом, поскольку в следующем апреле он написал Ричарду Генри Ли из Вирджинии, призывая к созданию подобных комитетов в каждой колонии. Но Вирджиния уже приняла меры в этом вопросе. Когда в марте 1773 года собралась ее ассамблея, новости об отказе Хопкинса подчиниться королевскому приказу, о нападении на судебную власть Массачусетса и об организации комитетов переписки были предметом бурных обсуждений. Предложение о

создании системы межколониальных комитетов переписки было выдвинуто молодым Дэбни Карром и красноречиво поддержано Патриком Генри и Ричардом Генри Ли. Оно было принято единогласно, и вскоре несколько других колоний избрали комитеты в ответ на приглашение Вирджинии.

Это был самый решительный шаг к революции, который до сих пор был сделан американцами. Оставалось только собрать вместе различные межколониальные комитеты, и тогда появился бы Конгресс, выступающий от имени всего континента. Чтобы осуществить такой акт объединения, не требовалось ничего больше, чем новые агрессивные действия со стороны британского правительства, которые вызвали бы общий резонанс во всех колониях; и, проявив редкий талант к промахам, которым оно обладало с момента вступления на престол Георга III, правительство теперь и предоставило такой повод. Это был момент, когда вопрос о налогообложении следовало оставить в покое. Во всем американском мире царил сильное раздражение, которое еще можно было бы унять, если бы министерство проявило уступчивость. Причины недовольства в разных колониях были разными, и в некоторых случаях, когда мы ясно видим, что здравый смысл лорда Норта преобладал над упрямством короля, министерство добилось успеха, проявив уступчивость. В случае с Род-Айлендом они воспользовались удобным случаем и оставили этот вопрос в покое, что явно пошло на пользу их позиции. Вопрос о налогообложении вновь встал на повестку дня В Массачусетсе недовольство достигло угрожающих масштабов и было умело организовано. Ассамблея предложила судьям их жалованье в обычной форме и пригрозила им импичментом, если они осмелятся принять хотя бы пенни от короны. Недавние действия Вирджинии показали, что эти две самые могущественные колонии испытывают сильную симпатию друг к другу. Именно этот момент выбрал Георг III для возобновления вопроса о налогообложении, по которому все колонии, несомненно, действовали бы как единое целое и непременно противостояли бы ему. Пошлина на чай была сохранена просто из принципа. Она не приносила британской казне и трехсот фунтов в год. Но король счел, что это благоприятный момент для утверждения неприятного принципа, который заключался в этом налоге.

Таким образом, как и в случае с миссис Гэмп, чайник стал причиной или поводом для размолвки между друзьями. Меры, принятые правительством, сразу же привели к кризису в отношениях между Англией и колониями (). Ни одна из колоний не хотела принимать чай

на его условиях.

Лорд Хиллсборо был недавно заменен на посту колониального секретаря лордом Дартмутом, человеком таким же дружелюбным, как и премьер-министр, но, как и он, полностью находящимся под влиянием короля. Назначение лорда Дартмута послужило поводом для введения ряда новых мер. Дела Ост-Индской компании шли плохо, и считалось, что проблема частично заключалась в потере американской торговли чаем. Американцы не покупали чай, поставляемый из Англии, но свободно ввозили его контрабандой из Голландии, и контрабанду нельзя было остановить одной только силой. Считалось, что лучший способ устранить эту трудность — сделать английский чай в Америке дешевле иностранного, сохранив при этом пошлину в три пенса за фунт. Если бы это удалось, предполагалось, что американцы обязательно стали бы покупать английский чай из-за его дешевизны и таким образом были бы вынуждены признать принцип, заложенный в пошлине. Изобретательный план короля Этот изобретательный план показывает, насколько король и его министры были неспособны представить, что американцы могут смотреть на этот вопрос шире, чем с точки зрения фунтов, шиллингов и пенсов. Чтобы Восточно-Индская компания могла продавать свой

чай в Америке по низкой цене, было разрешено возвращать все пошлины, которые такой чай обычно платил при ввозе в Англию из Китая. Таким образом, американцам теперь было бы дешевле покупать английский чай с пошлиной, чем ввозить контрабандой чай из Голландии. Лорд Норт сказал, что бесполезно кому-либо возражать против этого плана, поскольку король так решил. «Король намеревался решить этот вопрос с Америкой». В соответствии с этой политикой, осенью 1773 года несколько кораблей, груженых чаем, отплыли в четыре основных порта: Бостон, Нью-Йорк, Филадельфию и Чарльстон. Агенты или консигнанты Восточно-Индийской компании () были назначены письмом для приема чая в этих четырех городах.

Как только подробности этого плана стали известны в Америке, вся страна, от Мэна до Джорджии, взбунтовалась. Тем не менее, рассматривались только законные меры сопротивления. В Филадельфии в октябре в Государственном доме было проведено большое собрание, на котором было решено, что любой, кто будет содействовать приему или разгрузке чая, будет считаться врагом своей страны. Затем грузополучателям было предложено отказаться от своих полномочий, что они и сделали. Как Бостон стал полем битвы. В Нью-Йорке и Чарльстоне грузополучатели также отказались от своих полномочий. В Бостоне было выдвинуто аналогичное требование, но грузополучатели упорно отказывались уходить в отставку, и таким образом взоры всей страны были обращены на Бостон как на поле битвы, на котором должна была решиться великая проблема.

ЛОРД НОРТ ВЫЛИВАЕТ ЧАЙ В ГОРЛО КОЛУМБИИ

В течение ноября в Фанюэл-холле было проведено много городских собраний. 17-го числа поступила достоверная информация о том, что чайные корабли скоро придут. На следующий день комитет во главе с Сэмюэлем Адамсом посетил консигнантов и вновь попросил их уйти в отставку. После их отказа городское собрание немедленно распустилось, не высказав ни слова комментариев или обсуждений; и эта зловещая тишина наполнила консигнантов и губернатора смутным чувством тревоги, как будто надвигалась какая-то буря, результаты которой никто не мог предвидеть. Пять городов просят совета. Все чувствовали, что теперь решение остается за комитетами по переписке. Четыре дня спустя комитеты Кембриджа, Бруклина, Роксбери и Дорчестера встретились с бостонским комитетом в Фанюэл-холле, и было единогласно решено, что ни в коем случае чай не

должен быть выгружен. Пять городов также направили письмо всем другим городам колонии, в котором говорилось: «Братья, мы оказались в следующей дилемме: либо смириться с этим и всеми другими бременами, которые наши враги сочтут нужным возложить на нас, либо подняться и сопротивляться этому и всем планам, направленным на наше уничтожение, как подобает мудрым свободным людям. В этой крайней ситуации мы искренне просим вашего совета». В ответе не было ничего слабого или сомнительного. Из Питерсхэма и Ленокса, расположенных на высоких холмах, из долин Коннектикута и Мерримака, из Чатема на мрачном полуострове Кейп-Код пришло только одно сообщение: лучше отдать жизнь и все, что делает жизнь дорогой, чем подчиниться как рабы этому великому злу. Подобные слова поддержки пришли и из других колоний. В Филадельфии, когда стало известно о смелом решении, которое собирался принять Массачусетс, зазвонили церковные колокола, и на улицах царило всеобщее ликование. В письме от жителей Филадельфии к жителям Бостона говорилось: «Наше единственное опасение — что вы можете отступить. Дай Бог вам достаточно мужества, чтобы спасти свободу вашей страны».

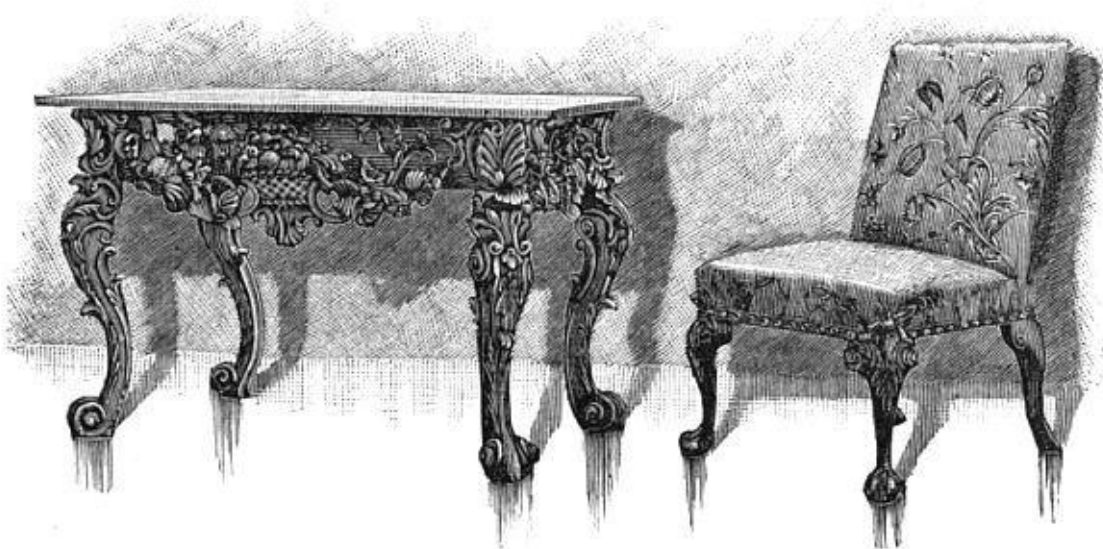
В воскресенье, 28-го числа, в гавань прибыл первый из чайных кораблей, «Дартмут». Срочность дела превзошла субботние сомнения людей. Прибытие чая: собрание в Старом Юге Комитет по переписке немедленно собрался и получил от Фрэнсиса Ротча, владельца судна, обещание, что на корабль не будут входить до вторника. Затем Сэмюэл Адамс пригласил комитеты пяти городов, к которым теперь присоединился Чарлстаун, провести массовое собрание на следующее утро в Фанюзел-холле. Собралось более пяти тысяч человек, но поскольку «Колыбель свободы» не могла вместить столько людей, собрание было перенесено в Старый южный дом собраний. Без единого голоса «против» было решено, что чай должен быть отправлен обратно в Англию на том же корабле, на котором он был привезен. Рочу было запрещено входить на корабль в таможне, а капитану Холлу, капитану корабля, было сообщено, что «он рискует, если позволит выгрузить чай, привезенный им». Двадцать пять граждан были назначены ночным караулом для охраны судна, и собрание было перенесено на следующий день, когда, как предполагалось, грузополучатели будут готовы выдвинуть некоторые предложения по этому вопросу. На следующий день от грузополучателей пришло сообщение, что они не вправе отправить чай обратно, но если он будет выгружен, они готовы хранить его и не выставлять на продажу до тех пор, пока не поступит распоряжение из Англии. Прежде чем было принято решение по поводу этого сообщения, шериф графства Саффолк вошел в церковь и зачитал прокламацию губернатора, предупреждающую людей разойтись и «прекратить все дальнейшие незаконные действия под угрозой смертной казни». Единственным ответом была буря шипения, и собрание продолжилось. Предложение грузополучателей было отклонено, а Ротч и Холл, присутствовавшие на собрании, были вынуждены пообещать, что чай будет отправлен обратно в Англию на корабле «Дартмут» без выгрузки и уплаты пошлины. Затем были приняты резолюции, запрещающие всем владельцам или капитанам кораблей ввозить чай из Великобритании в любую часть Массачусетса до тех пор, пока закон, вводящий пошлину на него, не будет отменен. Любой, кто проигнорирует это предписание, будет рассматриваться как враг своей страны, его корабли не будут допущены к выгрузке — при необходимости силой — а его чай будет отправлен обратно туда, откуда он прибыл. Было также решено, что граждане Бостона и других городов, собравшиеся здесь, будут следить за выполнением этих резолюций, «рискуя своей жизнью и имуществом». Уведомление об этих решениях было отправлено владельцам других кораблей, которые теперь ожидались ежедневно. И, в довершение всего, был назначен комитет, председателем которого был Адамс, для отправки печатной копии этих решений в Нью-Йорк и Филадельфию, во все морские порты Массачусетса и британскому правительству.

Через два или три дня после этого собрания прибыли два других корабля и, по приказу комитета по переписке, были поставлены на якорь рядом с «Дартмутом» у пристани Гриффины, недалеко от начала Перл-стрит. Чайные корабли были поставлены под охрану. На пристани днем и ночью дежурили военные, на колокольнях церквей были размещены часовые, выбранные почтовые всадники с седлами и уздечками были готовы поднять тревогу в соседних городах, на каждой вершине холма были уложены костры, готовые к зажжению, и любая попытка выгрузить чай силой стала бы сигналом к мгновенному восстанию () по крайней мере в четырех графствах. Согласно законам, регулирующим вход и прохождение таможенного контроля судов, каждое судно должно было выгрузить свой груз в течение двадцати дней с момента прибытия. В случае невыполнения этого требования таможенные служащие были уполномочены конфисковать судно и выгрузить его груз самостоятельно. В случае с «Дартмутом» капитан пообещал отвезти его обратно в Англию без разгрузки, но, тем не менее, прежде чем он мог законно отплыть, он должен был получить разрешение от таможенного инспектора или, в случае его отсутствия, пропуск от губернатора. На рассвете пятницы, 17 декабря, истек бы двадцатидневный срок.

СТАРЫЙ ЮЖНЫЙ СОБРАНИЙ

В субботу, 11-го числа, Ротч был вызван перед комитет по переписке, и Сэмюэл Адамс спросил его, почему он не сдержал свое обещание и не отправил свой корабль в Англию. Он попытался оправдаться тем, что не имел на это полномочий, на что ему ответили, что он должен обратиться к сборщику пошлин за разрешением. Узнав об этом, губернатор отдал строгий приказ в замке открыть огонь по любому судну, пытающемуся выйти в море без надлежащего разрешения; и два корабля из флота Монтегю, которые были поставлены на зимний отстой, были размещены у входа в гавань, чтобы не дать «Дартмуту» выйти в море. Наступил вторник, и Ротч, ничего не сделав, был вызван на городское собрание и получил категорический приказ подать заявку на разрешение на выход. Сэмюэл Адамс и девять других джентльменов сопровождали его в таможню, чтобы наблюдать за ходом дела, но сборщик налогов отказался дать ответ до следующего дня. Затем собрание было отложено до четверга, последнего из двадцати дней. В среду утром Ротча снова сопровождали в таможню, и сборщик налогов отказался дать разрешение, если чай не будет сначала выгружен.

СТОЛ И СТУЛ ИЗ ДОМА ГУБЕРНАТОРА ХАТЧИНСОНА В МИЛТОНЕ

Городское собрание в Старом Юге Утром в четверг, 16 декабря, собрание, которое собралось в Старом Южном Доме собраний и на улицах вокруг него, насчитывало более семи тысяч человек. Это был один из самых знаменательных дней в истории мира. Поскольку разрешение было отказано, оставалось только приказать Ротчу запросить у губернатора пропуск для своего корабля. Но осторожный Хатчинсон, хорошо зная, что от него потребуют, уехал в свой загородный дом в Милтоне, чтобы своим отсутствием сорвать процедуру. Но собрание не собиралось так легко с этим мириться. Ротчу было предписано под страхом наказания отправиться к губернатору в Милтон и попросить пропуск; а пока он был в пути, собрание обсуждало, что делать в случае отказа. Без пропуска корабль не смог бы покинуть гавань под пушками замка, а на следующее утро, с восходом солнца, налоговые инспекторы получили бы право конфисковать корабль, и, если бы не было насильственного нападения на них, было бы невозможно предотвратить выгрузку чая. «Кто знает, — сказал Джон Роу, — как чай смешается с соленой водой?» И это предложение было встречено бурными аплодисментами. Однако план, который должен был служить последним средством, был, несомненно, принят в тайном комитете задолго до этого. По-видимому, он был подробно проработан в маленькой задней комнате в офисе «Boston Gazette», и нет сомнений, что Сэмюэл Адамс вместе с некоторыми другими популярными лидерами принимал участие в его разработке. Но среди тысяч присутствующих на городском собрании, вероятно, очень немногие знали, для чего он был разработан. В пять часов вечера было единогласно решено, что, что бы ни случилось, чай не должен быть выгружен. К этому времени уже стемнело, и церковь была слабо освещена свечами. Решив не предпринимать никаких действий, пока не будет испробован и признан неэффективным последний законный способ защиты, большое собрание по-прежнему тихо ждало в церкви и вокруг нее, когда через час после наступления темноты Ротч вернулся из Милтона с отказом губернатора. Тогда, в глубокой тишине, Сэмюэл Адамс встал и тихо, но отчетливо сказал: «Это собрание больше ничего не может сделать, чтобы спасти страну». Это было объявлением войны; закон показал свою несостоятельность, и теперь оставалось только прибегнуть к силе. Чай, брошенный в гавань Едва он произнес это слово, как снаружи раздался боевой клич, и пятьдесят человек, одетых как индейцы могавки, быстро прошли мимо входа и поспешили к пристани Гриффина. До того, как прозвонил девятичасовой колокол, триста сорок два ящика чая, загруженные на три корабля, были вскрыты, а их содержимое высыпано в море. Никто не пострадал, никакое другое имущество не было повреждено, и огромная толпа, наблюдавшая за происходящим с

пристани в ярком морозном свете луны, была настолько тиха, что было отчетливо слышно стук топоров. На следующее утро соленый чай, унесенный ветром и волнами, лежал длинными рядами на пляже Дорчестера, а Пол Ревер, в сапогах и шпорах, мчался в Филадельфию со славной вестью о том, что Бостон наконец бросил вызов королю Англии.

John Adams

Это героическое действие Бостона было встречено общественным ликованием во всех тринадцати колониях, и другие крупные морские порты не замедлили последовать его примеру. 2 декабря в Чарльстон прибыл корабль с 257 ящиками чая, но грузополучатели отказались от груза, и через 20 дней груз, принадлежащий компании « », был конфискован и выгружен. Так как не было никого, кто мог бы принять груз или уплатить пошлину, его бросили в сырой погреб, где он испортился. 25-го числа в Филадельфию прибыл корабль с чаем, но собрание из пяти тысяч человек заставило получателей отказаться от груза, и капитан сразу же отплыл в Англию, поскольку корабль был остановлен до того, как он вошел в зону юрисдикции таможни.

Величие Бостонского чаепития В Массачусетсе ликование не знало границ. «Это, — сказал Джон Адамс, — самое великолепное движение из всех. В этом последнем усилии патриотов есть достоинство, величие, возвышенность, которые я очень восхищаю». Действительно, несмотря на то, что Бостонское чаепитие часто цитировалось и описывалось, это событие было настолько великим, что даже американские историки, как правило, не смогли отдать ему должное. Это высшее утверждение самым фундаментальным принципом политической свободы, провозглашенное на собрании жителей Новой Англии, было странным образом неправильно понято британскими писателями, независимо от их партийной принадлежности. Самый последний историк-тори, г-н Леки ([12](#)), говорит о «чайном бунте в Бостоне» и характеризует его как «возмутительное деяние». Самый последний либеральный историк, г-н Грин, упоминает о нем как о «тривиальном бунте». Такие выражения свидетельствуют о глубочайшем непонимании как значения этой благородной сцены, так и политических условий, в которых она возникла. Определить бунт несложно.

Страницы истории полны рассказов о народных волнениях, в которых страсти развязываются, а достигает своей злой цели, не направляемая и не сдерживаемая разумом. Ни одно определение не может быть дальше от описания того колоссального события, которое произошло в Бостоне 16 декабря 1773 года. Здесь страсти были направлены и сдержаны здравым разумом на каждом шагу, вплоть до последнего момента, при тусклом свете свечей старой церкви, когда благородный пуританский государственный деятель спокойно сказал своим слушателям, что момент для применения силы наконец настал, и не по их вине. Они достигли точки, когда письменный закон не мог им помочь, и в своей попытке защитить вечные принципы естественной справедливости () они теперь были вынуждены с большой неохотой прибегнуть к высшему закону самосохранения. Это был единственный верховный момент в споре, чрезвычайно важном для человечества, и в котором здравый смысл мира с тех пор признал, что они были полностью правы. Это был единственный момент во всему том беспокойном времени, когда компромисс был невозможен. «Если бы чай был выгружен, — пишет современный историк Уильям Гордон, — союз колоний, противостоявший министерскому плану, был бы распущен, и впоследствии его было бы чрезвычайно трудно восстановить». Учитывая огромную важность поставленных на карту вопросов, терпение жителей Бостона было гораздо более замечательным, чем их смелость. С точки зрения спокойного величия разумной, но неустрашимой моральной цели, героические анналы Греции и Рима не могут показать нам сцены более величественной, чем та, свидетелем которой стало здание Old South Meeting-House в день уничтожения чая.

Как парламент воспринял эту новость: Когда весть об этом деле дошла до Англии, лорд Норт вполне естественно объявил ее достойным завершением многолетних беспорядков и беззакония. По словам лорда Джорджа Джермейна, это и есть результат их жалких старых городских собраний. У американцев на самом деле нет правительства. Это «деяния буйной и беспорядочной толпы, которая, если бы у нее было хоть какое-то благоразумие, должна была бы заниматься своим ремеслом, а не беспокоиться о политике и правительстве, в которых она ничего не понимает. Некоторые джентльмены говорят: «О, не нарушайте их

хартию; не отнимайте права, предоставленные им предшественниками короны». Кто бы ни желал сохранить такие хартии, я желаю ему не худшего, чем управлять такими подданными». «Эти замечания, — сказал лорд Норт, — достойны великого ума». «Если мы сейчас займем решительную позицию, — сказал лорд Мэнсфилд (), — Бостон подчинится, и все закончится победой без кровопролития». «Город Бостон, — сказал мистер Венн, — следует разгромить и уничтожить. Вы никогда не добьетесь должного повиновения законам этой страны, пока не уничтожите это гнездо саранчи». Генерал Гейдж, который только что приехал домой в гости, заверил короля, что другие колонии могут говорить красивые слова Массачусетсу, но не сделают ничего, чтобы помочь ему, и предложил с четырьмя полками быстро положить конец всему делу. «Они будут львами, — сказал Гейдж, — а мы — ягнятами; но если мы займем решительную позицию, они окажутся очень кроткими, я вам обещаю». Именно в этом духе и под влиянием этих идей министерство взялось за дело борьбы с непокорной колонией Массачусетс. Лорд Норт предложил серию из пяти мер, которые, с точки зрения короля, послужили бы не только для утешения уязвленного самолюбия Великобритании, но и для предотвращения новых бунтов среди этого незаконного американского народа. Именно в этот момент оппозиция решилась на смелый шаг. Фокс справедливо заметил, что никакой план умиротворения колоний не будет иметь смысла, если он не будет включать в себя безусловную отмену Закона о чае. Фуллер внес законопроект об отмене Закона о чае, и завязалась оживленная дискуссия, в ходе которой Эдмунд Берк произнес одну из самых весомых речей, когда-либо слышанных в Палате общин, изложив все свое богатое знание о крайней опасности курса, на который вступило министерство, и показав, как мало хороших результатов можно ожидать от политики принуждения, даже если она будет успешной. Берка умело поддержали Фокс, Конвей, Барре, Сэвилл, Даудсвелл, Поуналл и Даннинг. Но течение было слишком сильным, чтобы пойти на примирение. Лорд Норт озвучил основную идею всей британской политики, когда сказал: «Отмена пошлины на чай заклеит нас как трусов». Что бы ни случилось, американцы ни в коем случае не должны были понять, что правительство не всемогуще. Сначала их нужно было смирить, чтобы потом можно было с ними договориться. Соответственно, пошлина на чай не была отменена, но пять актов лорда Норта, направленных на улучшение регулирования американских дел, были приняты парламентом.

Закон о порту Бостона Согласно первому закону, известному как Закон о порту Бостона, ни одно судно не имело права входить в порт Бостона или покидать его, пока мятежный город не возместил бы Ост-Индской компании убытки за утраченный чай и не продемонстрировал бы королю, что впредь будет проявлять дух покорности. Вместо Бостона портом входа стал Марблхед, а Сейлем — резиденцией правительства.

вопросы на них рассматриваться не могли. Результатом всех этих изменений, конечно же, стала концентрация всей власти в руках губернатора (), что не оставляло никаких сдержек его произволу. Короче говоря, это превратило бы содружество Массачусетса в абсолютную деспотию, под которой ни один англичанин никогда не жил ни в какую эпоху. И этот ужасный закон должен был вступить в силу в первый день следующего июня.

Третьим актом — излюбленной мерой Георга III, на которую лорд Норт согласился с большим нежеланием — было предусмотрено, что если какой-либо магистрат, солдат или налоговый чиновник в Массачусетсе будет обвинен в убийстве, он должен быть судим не в Массачусетсе, а в Великобритании. Расстрел граждан Эта мера — хотя, несомненно, и непреднамеренно — послужила стимулом для солдат расстреливать мирных граждан и привела к естественному результату — кровопролитию на Лексингтон-Грин. Ее защищали тем, что в случае случайной стычки между солдатами и гражданами солдаты не смогли бы получить справедливый суд в Массачусетсе. Прошло менее четырех лет с тех пор, как люди Престопа были так легко оправданы за убийство после стрельбы на Кинг-стрит, но такие факты теперь не имели никакого значения. Этот важный законопроект был принят Палатой общин с перевесом в четыре голоса против одного, несмотря на зловещие предупреждения полковника Барре.

Четвертым актом были устранены все юридические препятствия для размещению войск в Бостоне или любом другом городе Массачусетса.

Закон о Квебеке Пятым законом, известным как Закон о Квебеке, было санкционировано свободное исповедание католической религии на всей территории Канады — очень разумная мера религиозной терпимости, которая мало затрагивала другие колонии, хотя в некоторых случаях могла оскорблять их предрассудки. Но этот акт продлевал границы Канады на юг до реки Огайо, вопреки территориальным претензиям Массачусетса, Коннектикута, Нью-Йорка и Вирджинии. Эта обширная область, часть Северной Америки, которая должна была быть колонизирована людьми английской расы, должна была управляться вице-королем с деспотическими полномочиями; а люди, которые должны были поселиться там, не должны были иметь ни народных собраний, ни *хабеас корпус*, ни свободы печати. «Это, — сказал лорд Терлоу, — единственный вид конституции, подходящий для колонии», — и все американские колонии, как он многозначительно добавил, лучше как можно скорее привести в такое состояние.

Гейдж отправлен в Бостон Когда все эти законы были приняты, в апреле 1774 года генерал Гейдж был уполномочен временно заменить Хатчинсона на посту губернатора Массачусетса и был отправлен туда с минимальной задержкой вместе с четырьмя полками, которые должны были запугать народ и заставить его подчиниться. В первый день июня он должен был закрыть порт Бостона и начать морить город голодом, чтобы заставить его вести себя хорошо; он должен был арестовать ведущих патриотов и отправить их в Англию для суда; и он был явно уполномочен по своему усмотрению разрешать солдатам стрелять в людей. Все эти меры по порабощению мирных и законопослушных англичан король Англии теперь рассматривал, как он сам заявил, «с высшим удовлетворением».

Рассказывая о таких мерах, историк испытывает соблазн на мгновение остановиться и спросить, действительно ли это было *английское* правительство, которое планировало и принимало такие решения. От авторитарного правителя, такого как Артаксеркс или Абдеррахман, можно было бы ожидать таких указов. От заблуждающихся кабинетов министров Испании и Франции в тяжелые времена были известны меры, схожие по духу с

этими. Но наша дорогая родина на протяжении веков выступала перед миром как стойкий защитник личной свободы и местного самоуправления; и благодаря могучей силе, которую ей давал этот дух свободы и ничто другое, она завоевала высокую привилегию распространять свои благородные и благотворные политические идеи на большей части обитаемого земного шара. Тем не менее, в пяти актах этой политической трагедии 1774 года мы видим Англию, враждебно настроенную ко всем принципам общественной справедливости, которые англичане с незапамятных времен считали священными. На великом континенте, который она так недавно отвоевала у французских поборников деспотизма, мы видим, как она тщетно пытается установить тиранический *режим*, не лучший того, который еще вчера она с гордостью свергла. Такова была странная, унижительная, противоречивая позиция, в которую Англия в конце концов была ввергнута эгоистичной тористской политикой Георга III!

Но эта политика была не менее бесполезной, чем недостойной благородного, свободолюбивого английского народа. Ведь после того рокового 1 июня суверенная власть Великобритании, осуществляемая через короля или через парламент, больше не признавалась жителями Массачусетса.

John Gage

основано на абсурдной идее, что американцев можно запугать и заставить подчиниться. Вера в то, что американцы не будут сражаться с генералом Гейджем, как мы видели, предполагала, что четыре полка будут достаточны, чтобы уладить все дело. Лорд Сэндвич сказал, что американцы — это *banda undisciplined cowards*, *banda undisciplined cowards*, *banda undisciplined cowards*, *banda undisciplined cowards*, *banda undisciplined cowards*, *banda undisciplined cowards*, *banda undisciplined cowards*, *banda undisciplined cowards*, *banda undisciplined cowards*, *banda undisciplined cowards*, *banda undisciplined cowards*. Даже Хатчинсон, который в это время отправился в Англию и должен был знать, из какого теста сделаны жители Массачусетса, заверил короля, что от них вряд ли можно ожидать сопротивления регулярной армии. Однако такие промахи не должны нас удивлять, если вспомнить, как незадолго до войны за независимость жители южных и северных штатов совершали подобные ошибки по отношению друг к другу. В 1860 году жители южных штатов часто говорили, что жители северных штатов скорее подчинятся чему угодно, чем будут воевать, и в подтверждение этого мнения иногда спрашивали: «Если жители северных штатов не являются откровенными трусами, почему они никогда не устраивают дуэлей?». С другой стороны, на Севере часто говорили, что южане, как бы храбро они ни хвастались, никогда не вступят в войну за отделение, потому что для них гораздо выгоднее оставаться в Федеральном союзе, чем выходить из него — аргумент, который упускал из виду один из самых распространенных фактов в человеческой жизни, а именно то, что под влиянием сильных эмоций люди неспособны объективно оценивать то, что касается их собственных интересов. Такие примеры показывают, как часто одной группе людей трудно понять другую, даже если они имеют одну кровь, говорят на одном языке и одинаково думают по большинству вопросов, не касающихся конкретного предмета спора. Ничто не могло быть более очевидным ни в 1860, ни в 1774 году, чем то, что одна сторона спора была столь же смелой и отважной, как и другая.

ФОКС И БЕРК, ОСУЖДАЮЩИЕ ЛОРДА НОРТА (Современная карикатура)

Вера в то, что Массачусетс не получит поддержки от других колоний Еще одной роковой ошибкой, которую допустило министерство, было убеждение, что Массачусетс не получит поддержки от других колоний. Их ошибка была похожа на ту, которая разрушила планы Наполеона III, когда он объявил войну Пруссии в 1870 году. Нельзя было отрицать факт сильной ревности между американскими колониями в 1774 году, как нельзя было отрицать факт сильной ревности между северными и южными германскими государствами в 1870 году. Но обстоятельства, при которых Наполеон III объявил войну Пруссии, оказались такими, что все германские государства присоединились к ней в общем деле. То же самое произошло и с войной Георга III против Массачусетса. Как только устав этой колонии был аннулирован, все остальные колонии почувствовали, что их свободы находятся под угрозой; и отсюда, как верно сказал Фокс, «все были научены считать город Бостон страдающим за общее дело».

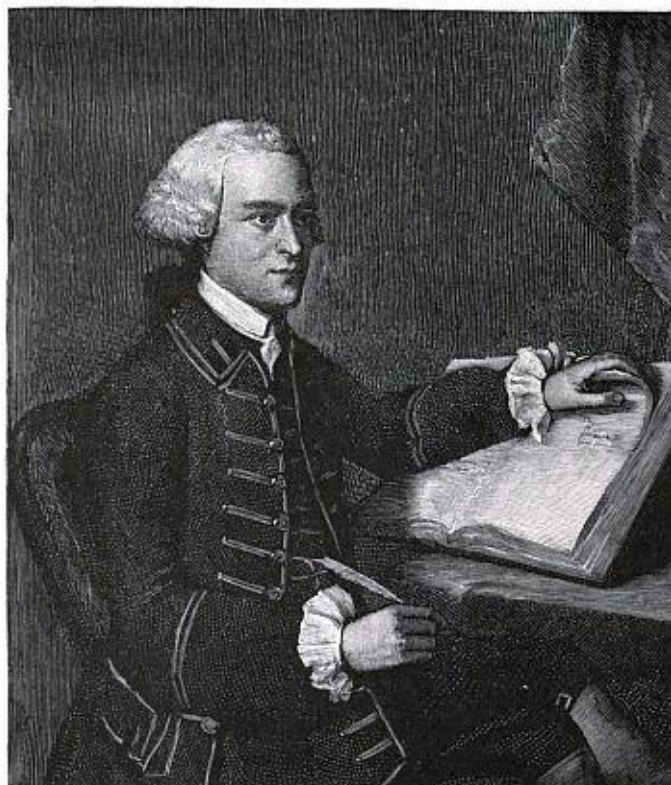
Новости о портовом законе Новости о портовом законе Бостона поступили в Америку 10 мая. 12 мая комитеты нескольких городов Массачусетса провели съезд в Фанюзл-холле и приняли циркулярное письмо, подготовленное Сэмюэлем Адамсом, которое было отправлено во все другие колонии с просьбой о сочувствии и сотрудничестве. Ответ был быстрым и решительным. В течение лета почти во всех колониях были проведены съезды, на которых было объявлено, что Бостон следует считать «страдающим за общее дело». Неприятные акты парламента были напечатаны на бумаге с глубокими черными каймами, а в некоторых городах были публично сожжены общественным палачом (). Стада крупного рогатого скота и овец, телеги с пшеницей и кукурузой, овощи и фрукты, бочки с сахаром, центне сушеной рыбы, провизия всех видов были отправлены по суше в качестве бесплатных подарков жителям преданного города, даже отдаленные рисовые болота Южной Каролины внесли свою лепту. Слишком осторожный Франклин написал из Лондона, предположив, что, возможно, все-таки лучше всего будет, если Массачусетс возместит убытки Ост-Индской компании; но Гадсден, имевший более здравый взгляд на политическую ситуацию, ответил: «Не платите ни цента за проклятый чай». На большей

части территории страны 1 июня было объявлено днем поста и молитвы; в главных церквях звонили в колокола с приглушенным звуком; корабли в гаванях приспустили флаги. Марблхед, который был назначен вместо Бостона портом ввоза, немедленно пригласил бостонских купцов бесплатно пользоваться его причалами и складами для погрузки и разгрузки своих товаров. Многие колонии выступали за политику полного бойкота импорта, хотя Пенсильвания, под влиянием Дикинсона, все еще тщетно лелея надежды на примирение, сдерживалась и советовала оплатить чай. Как обычно, самые горячие симпатии к Новой Англии исходили из Вирджинии. «Если понадобится, — сказал Вашингтон, — я соберу тысячу человек, буду содержать их за свой счет и сам пойду во главе их отряда на помощь Бостону».

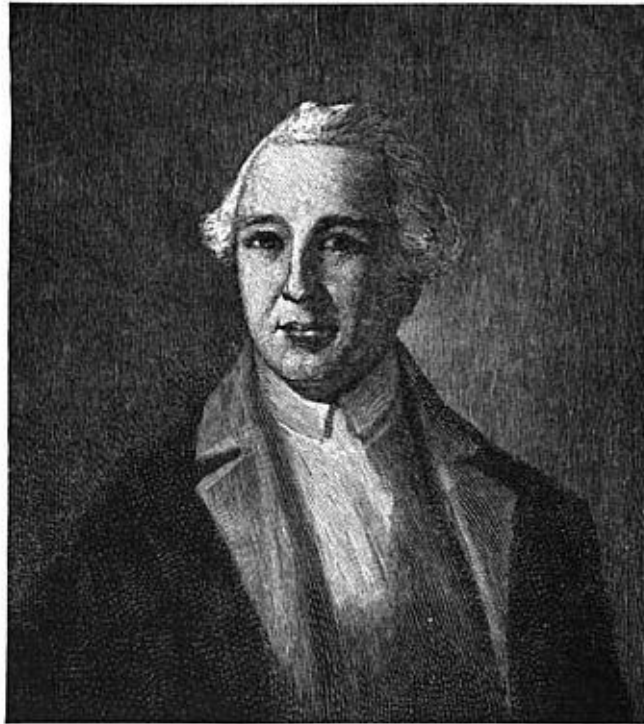
Чтобы обеспечить согласованные действия со стороны всей страны, требовалось нечто большее, чем эти общие выражения и акты сочувствия. Предложение о созыве Континентального конгресса впервые прозвучало от «Сынов свободы» в Нью-Йорке; оно было немедленно поддержано членами Палаты бургесов Вирджинии, собравшимися на съезде в таверне «Рэли» после того, как губернатор распустил их как законодательный орган; Массачусетсу было предложено назначить время и место проведения заседания Конгресса. 7 июня генерал Гейдж созвал ассамблею Массачусетса в Салеме в соответствии с положениями Портового закона. Сэмюэл Адамс в Салеме Сэмюэл Адамс всегда предпочитал использовать обычные средства для ведения государственных дел, пока они были эффективны, и, естественно, он хотел, чтобы закон о созыве Континентального конгресса был принят ассамблеей. Но это было нелегко осуществить, поскольку при первом же намеке на то, что такой вопрос будет поднят, губернатор наверняка распустит бы ассамблею. В таком случае комитетам по переписке по всему Массачусетсу пришлось бы созвать съезд с целью назначить время и место проведения Конгресса и избрать делегатов для участия в нем. Но Адамс предпочел, чтобы эти вопросы решались на очередной сессии законодательного органа, и он добился своего. Посовещавшись в частном порядке с несколькими членами, наконец 17 июня — в день, который через год стал таким знаменитым — наступил благоприятный момент. Заперев дверь, он представил свои решения, назначив пятерых делегатов для переговоров с должным образом назначенными делегатами от других колоний на Континентальном конгрессе в Филадельфии 1 сентября следующего года. Некоторые члены, удивленные и испуганные, попытались выйти, и, поскольку швейцар, по-видимому, не хотел брать на себя такую ответственность, Сэмюэл Адамс освободил его от этой обязанности, взяв ключ от двери и положив его в свой карман, после чего заседание продолжилось. Вскоре один из членов-тори притворился очень больным и, получив разрешение выйти, поспешил к губернатору Гейджу, который немедленно составил указ о роспуске собрания и послал его со своим секретарем. Когда секретарь прибыл на место, он обнаружил, что дверь заперта, и, поскольку никто не впускал его и не обращал на него внимания, он был вынужден довольствоваться тем, что громко зачитал указ собравшейся на лестнице толпе. Тем временем ассамблея приняла резолюции 117 голосами против 12, избрала Сэмюэля и Джона Адамсов, Томаса Кушинга и Роберта Трита Пейна делегатами, оценила необходимые расходы городов в содружестве, приняла меры по оказанию помощи Бостону, и объявила перерыв на *неопределенный срок*. Все остальные колонии, за исключением Джорджии, в течение лета приняли приглашение и выбрали делегатов либо через свои ассамблеи, либо через специальные съезды. Джорджия не направила делегатов, но пообещала принять любые меры, которые будут приняты.

Массачусетс отменяет Закон о регулировании До назначенного срока проведения Конгресса Массачусетс объявил о невыполнении Закона о регулировании. 16 августа, когда суд собрался в Грейт-Баррингтоне, огромная толпа фермеров окружила здание суда и запретила

судьям вести какие-либо дела. Два или три члена совета, недавно назначенные по указу короля, заранее уступили общественному мнению и отказались занять свои места. Те, кто согласился, были вынуждены уйти в отставку. В Вустере 2000 человек собрались на площади и заставили Тимоти Пейна подать письменную отставку. Член совета, назначенный из Бриджуотера, был диаконом; когда он читал псалом, прихожане отказались петь. В Плимуте один из самых уважаемых граждан, Джордж Уотсон, принял место в совете; когда он занял свое место в церкви в следующее воскресенье, люди встали и начали выходить из здания. Охваченный стыдом, он на мгновение опустил свою почтенную седую голову на скамью перед собой, затем поднялся и поклялся, что уйдет в отставку. В Бостоне судьи и адвокаты заняли свои привычные места в здании суда, но никто не согласился выступить в качестве присяжного в суде, который был сформирован незаконно. Гейдж издал прокламацию, предупреждающую всех о недопустимости участия в городском собрании, но никто не внял ему, и городские собрания были более многочисленными, чем когда-либо. Он пригрозил направить вооруженные силы против Вустера, но жители города ответили, что он сделает это на свой страх и риск, и немедленно начали собирать порох и пули. В Салеме люди прошли к ратуше под носом губернатора и в присутствии ряда солдат. 1 сентября отряд солдат захватил двести бочек пороха в Чарлстауне и две полевые пушки в Кембридже и отвез их в замок Уильям. Когда эта новость распространилась по стране, появились слухи, что войска открыли огонь по людям, и в течение сорока восьми часов по меньшей мере 20 000 человек вышли на марш на Бостон, но они повернули назад, получив известие от бостонского комитета, что их помощь пока не требуется.

John Hancock

John Hancock

Джон Хэнкок и Джозеф Уоррен Во время этих бурных событий, в отсутствие Сэмюэля Адамса, который уехал на съезд в Филадельфию, наиболее активную роль в управлении делами в Бостоне взял на себя доктор Джозеф Уоррен. Этот джентльмен, представитель семьи, которая дала миру трех выдающихся врачей, окончил Гарвардский колледж в 1759 году. Он рано привлек внимание Сэмюэля Адамса, стал одним из его самых близких друзей и участвовал почти во всех его публичных действиях за последние семь лет. Он был человеком рыцарской храбрости и вежливости, а его энергия и плодотворность ума могли сравниться только с его редкой мягкостью и скромностью. Вместе с Адамсом и Хэнкоком он составлял великое массачусетское триумвират лидеров революции. Присоединение Хэнкока к делу революции на раннем этапе было очень полезным благодаря его богатству и социальному влиянию. Хэнкок окончил Гарвардский колледж в 1754 году. Он был утонченным и изящным джентльменом, но ни по интеллекту, ни по силе характера его нельзя было сравнить с Адамсом или Уорреном. Его главной слабостью было личное тщеславие, но он был щедрым и лояльным, и под влиянием железной воли Адамса был способен на добрые дела. Однако больше всего Адамс полагался на Уоррена как на своего заместителя, который в любых обстоятельствах обязательно оправдал бы доверие.

СУФФОЛК РЕШИЛ СДЕЛАТЬ ДОМ В МИЛТОНЕ

BOSTON, September, 27. 1774-

GENTLEMEN,

THE committees of correspondence of this and several of the neighbouring towns, having taken into consideration the vast importance of withholding from the troops now here, labour, straw, timber, flintwork, boards, and in short every article excepting provisions necessary for their subsistence; and being under a necessity from their conduct of considering them as real enemies, we are fully satisfied that it is our bounden duty to withhold from them every thing but what mere humanity requires; and therefore we must beg your close and serious attention to the inclosed resolves which were passed unanimously; and as unanimity in all our measures in this day of severe trial, is of the utmost consequence, we do earnestly recommend your co-operation in this measure, as conducive to the good of the whole.

We are,

Your Friends and Fellow Countrymen,

Signed by Order of the joint Committee,

William Cooper Clerk.

УВЕДОМЛЕНИЕ КОМИТЕТА ПО КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

[См. транскрипцию](#)

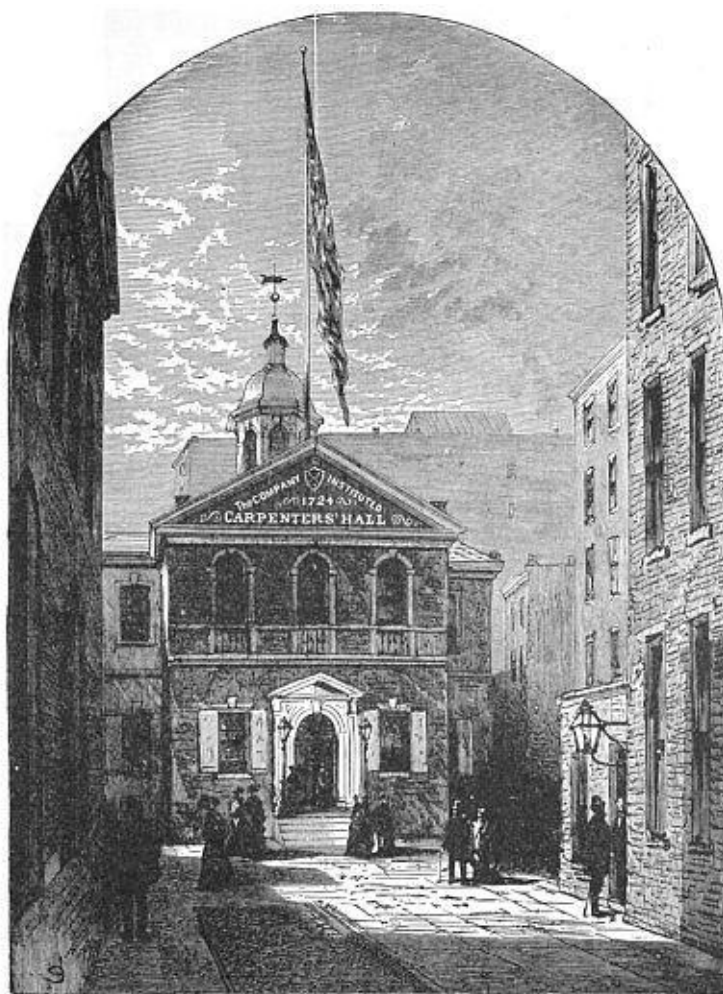
Резолюции округа Саффолк. 6 сентября 1774 г. 5 сентября Гейдж начал укреплять Бостон Нек, чтобы перекрыть единственный подход к городу по суше. На следующий день в Вустере должен был состояться окружной суд, но 5000 вооруженных людей, выстроенных в строй,

выстроились по обеим сторонам главной улицы, и судьям, назначенным с нарушением конституции, было запрещено занять свои места. В тот же день в Милтоне состоялся съезд городов графства Саффолк, на котором была единогласно принята серия резолюций, составленных доктором Уорреном. В резолюциях заявлялось, что король, нарушающий закрепленные в хартии права своего народа, теряет его верность; они объявляли Закон о регулировании недействительным и предписывали всем назначенным в соответствии с ним должностным лицам немедленно сложить с себя полномочия; они предписали сборщикам налогов отказаться выплачивать деньги казначею Гейджа; они посоветовали городам выбрать своих собственных офицеров милиции; и они пригрозили губернатору, что, если он осмелится арестовать кого-либо по политическим мотивам, они ответят захватом королевских чиновников в качестве заложников. Копия этих резолюций, которые фактически поставили Массачусетс в положение мятежа, была направлена в Континентальный конгресс, который с энтузиазмом одобрил их и заверил все другие колонии, что они помогут Массачусетсу в случае, если вооруженное сопротивление станет неизбежным, одновременно призывая сохранять умеренность и дать Великобритании возможность сделать первый шаг.

Получив эти инструкции от Конгресса, жители Массачусетса сразу же приступили к организации временного правительства в соответствии с духом резолюций Саффолка. Гейдж издал указ о созыве ассамблеи в Салеме на 1 октября, но перед наступлением этого дня он передумал и отложил ее. Однако, несмотря на этот приказ, представители собрались в Салеме неделю спустя, организовали провинциальный конгресс с Джоном Хэнкоком в качестве президента и перенесли заседание в Конкорд. 27-го числа они избрали комитет безопасности с Уорреном в качестве председателя и поручили ему сбор военных запасов. В декабре этот конгресс распустился, но 1 февраля в Кембридже собрался новый, который приступил к организации ополчения и назначению генералов. Была выделена специальная часть ополчения, известная как «минутные люди», которой было приказано быть готовой собраться по первому сигналу; комитету безопасности было поручено вызвать эту стражу, как только Гейдж осмелится применить Закон о регулировании. В соответствии с этими инструкциями каждая деревенская площадь в Массачусетсе сразу стала местом активных учений. И это было не население, не привыкшее к оружию, которое таким образом начало организовываться в роты и полки. Во время войны с Францией одна пятая часть всех трудоспособных мужчин Массачусетса была на поле боя, а в 1757 году эта доля возросла до одной трети. Было много мужчин, которые научились стоять под огнем, и офицеров, которые командовали на полях ожесточенных сражений; и все они были опытными стрелками. Совершенно неверно предполагать, что люди, которые впервые отразили британских регулярных войск в 1775 году, были группой фермеров, совершенно не привыкших к боевым действиям. Их маленькая армия действительно была ополчением, но она состояла из воинственных людей.

Peyton Randolph

ЗАЛ ПЛОТНИЧЕЙ, ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Заседание Континентального Конгресса, 5 сентября 1774 г. В то время как в Массачусетсе шли эти приготовления, 5 сентября в Филадельфии собрался Континентальный Конгресс в зале Гильдии плотников. Президентом был избран Пейтон Рэндольф из Вирджинии; в дебатах принимали участие Адамсы, Ливингстоны, Рутледжи, Дикинсон, Чейз, Пендлтон, Ли, Генри и Вашингтон. Одним из их первых решений было отправить Пола Ревера в Бостон с официальным одобрением действий Конвенции Саффолка. После четырех недель обсуждений они согласовали декларацию прав, в которой требовали для американского народа «свободную и исключительную законодательную власть в своих провинциальных законодательных органах, где их права на законодательство могут быть сохранены только в случаях налогообложения и внутренней политики» (). В этом документе также были указаны права, которых они не позволили бы себе лишиться, и содержался призыв отменить одиннадцать актов парламента, которыми эти права были нарушены. Кроме того, они образовали ассоциацию для обеспечения торгового бойкота Великобритании и возложили на комитеты по переписке обязанность контролировать ввоз товаров во всех таможнях. Были также подготовлены обращения, которые должны были быть направлены королю, народу Великобритании и жителям Британской Америки. 10 мая было назначено второе заседание Конгресса, на которое были приглашены канадские колонии и Флорида; 26 октября Конгресс распустился.

Уильям Хоу Способность документов, подготовленных первым Континентальным Конгрессом, давно была полностью признана как в Англии, так и в Америке. Чатем объявил их непревзойденными среди всех государственных документов, когда-либо составленных в любой эпохе или стране. Но манипуляции короля с «гнилыми округами» на выборах в ноябре 1774 года были слишком успешными, и новый парламент не был настроен слушать голос разума. Чатем, Шелбурн и Камден тщетно настаивали на отмене мстительных мер, принятых в апреле прошлого года, и выводе войск из Бостона. 1 февраля Чатем внес законопроект, который, если бы он был принят, несомненно, предотвратил бы войну даже в последний момент. Дебаты в парламенте Помимо отмены карательных мер, парламент должен был навсегда отказаться от права облагать колонии налогами, сохранив за собой право регулировать торговлю всей империи, а американцы должны были покрывать расходы своих правительств за счет налогов, утверждаемых в колониальных ассамблеях. Через несколько недель в Палате общин Берк заявил, что абстрактное право парламента облагать колонии налогами не стоит того, чтобы за него бороться, и настоятельно призвал отказаться от него по соображениям целесообразности, а также отменить карательные законы. Но обе палаты, большинством голосов, отказались принять какие-либо меры по примирению и в торжественном совместном обращении к королю заявили о своей готовности до конца поддерживать его в политике, которую он начал проводить. Массачусетс был объявлен в состоянии мятежа, были приняты законы, закрывающие все порты Новой Англии и запрещающие ее рыбакам доступ к рыбным промыслам Ньюфаундленда. В то же время было принято решение увеличить армию в Бостоне до 10

000 человек и заменить Гейджа, который за все эти месяцы так мало достиг со своими четырьмя полками. Поскольку люди в Англии совершенно не понимали масштабов задачи, поставленной перед Гейджем, неудивительно, что они пытались объяснить его бездействие сомнениями в его усердии и способностях. Никто иной, как Дэвид Юм, счел уместным назвать его «вялым трусом». На его место был выбран Уильям Хоу, член парламента от либерального округа Ноттингем. В своих речах как кандидат от партии « » всего четыре месяца назад Хоу заявил о своей оппозиции политике короля, утверждал, что ни одна армия, которую может собрать Англия, не сможет подчинить американцев, и, отвечая на вопрос, пообещал, что если ему предложат командование в Америке, он откажется от него. Когда он теперь согласился занять место Гейджа в качестве главнокомандующего, жители Ноттингема резко раскритиковали его за то, что он нарушил свое слово.

Однако было бы несправедливо обвинять Хоу в сознательном нарушении верности в этом вопросе. Само его назначение было любопытным симптомом колебаний, которые были очевидны во всем поведении министерства, даже когда его позиция казалась самой упрямой и решительной. При всей своей упрямости король на самом деле не хотел войны, а лорд Норт — тем более; и причина назначения Хоу заключалась просто в том, что он был братом лорда Хоу, погибшего при Тикондероге, память о котором была обожествлена жителями Новой Англии. Лорд Норт объявил, что в отношениях со своими заблудшими американскими братьями его политика будет всегда заключаться в том, чтобы вместе с мечом посылать и оливковую ветвь; и, без сомнения, Хоу действительно считал, что, приняв командование, предложенное в таком духе, он сможет более эффективно служить интересам человечества и справедливости, чем оставив его открытым для кого-то с жестоким и деспотичным характером, чье рвение могло бы превзойти даже желания упрямого короля. Ричард, лорд Хоу В то же время его брат Ричард, лорд Хоу, моряк с большими способностями, был назначен адмиралом флота в Америке и получил полномочия предлагать колониям условия. Сэр Генри Клинтон и Джон Бергойн, оба симпатизировавшие политике короля, были назначены сопровождать Хоу в качестве генерал-лейтенантов.

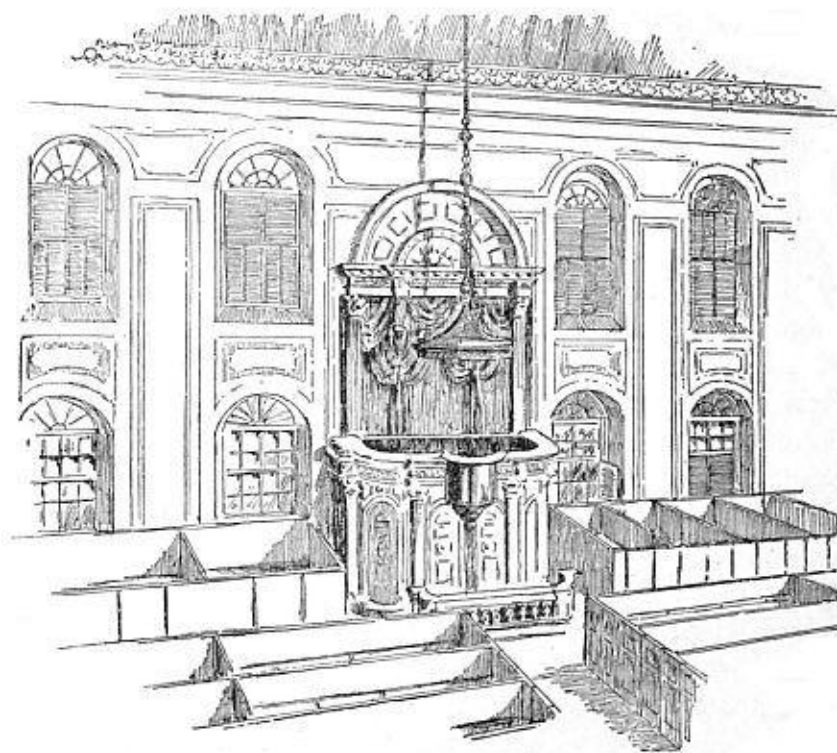
Franklin

Поведение министерства в это крайне критическое и тяжелое время свидетельствовало о большой нервозности. Когда Франклин попросил разрешения представить дело Континентального Конгресса и защитить его перед Палатой общин, ему было отказано. Тем не менее, на протяжении всей зимы министерство постоянно обращалось к Франклину неофициально и в частном порядке, чтобы выяснить, как можно умиротворить американцев, не идя на уступки, которые могли бы ущемить гордость тори, которые в то время неправильно управляли Англией. Лорд Хоу был самым заметным участником этих бесплодных переговоров. Проблема заключалась в том, как примирить американцев, не отказываясь ни от одной из ложных позиций, занятых королем, и неудивительно, что Франклин вскоре понял, что она неразрешима, и решил вернуться домой. Франклин возвращается в Америку. Он пробыл в Англии несколько лет в качестве представителя Пенсильвании и Массачусетса. Он проявил себя как опытный дипломат, принадлежащий к той редкой школе, которая обманывает, говоря неприятные правды, и у него было несколько неприятных столкновений с королем и его друзьями. Теперь, в марте 1775 года, ясно видя, что он больше не может быть полезен в предотвращении вооруженной борьбы, он вернулся в Америку. Возвращение Франклина не было, по форме, похожем на обычное отзыв посла, который предвещает и провозглашает состояние войны. Но на практике это было разрывом последней дипломатической связи между колониями и метрополией.

Тем не менее министерство, несмотря на все свое беспокойство, не верило, что война близка. Считалось, что средние колонии, и особенно Нью-Йорк, можно будет убедить поддержать правительство, и что Новая Англия, оказавшись в изоляции, не рискнет оказать вооруженное сопротивление подавляющей мощи Великобритании. Эта надежда не была полностью необоснованной, поскольку крупные средние колонии, хотя и отличались

материальным процветанием, несколько уступали в силе политических идей. В Нью-Йорке и Пенсильвании не английское население было относительно гораздо более значительным, чем в Вирджинии или колониях Новой Англии. Значительная часть населения прибыла с европейского континента, и принципы конституционного правления не были так глубоко укоренились в сознании и сердцах людей, пульс свободы здесь бился не так быстро, как в чисто английских республиках Вирджинии и Массачусетса. Средние колонии В Пенсильвании и Нью-Джерси квакеры естественно выступали против курса действий, который должен был привести к войне, и такие очень благородные мотивы, безусловно, способствовали ослаблению сопротивления этих колоний мерам правительства. В Нью-Йорке были и другие особые причины для существования сильных лоялистских настроений. Город Нью-Йорк на протяжении многих лет был штаб-квартирой армии и резиденцией главного королевского правительства в Америке. Это был не город, подобный Бостону, управляемый городским собранием, а его муниципальные дела вел мэр, назначаемый королем. В отличие от Бостона и Филадельфии, интересы города Нью-Йорка были почти исключительно коммерческими, и ничто не мешало небольшому придворному кругу задавать тон общественному мнению. Епископальная церковь также находилась в восходящем положении, и существовало не без оснований предубеждение против пуритан Новой Англии за их суровую нетерпимость к епископам и их предполагаемую антипатию к голландцам. Кроме того, провинция Нью-Йорк вела постоянный спор со своими восточными соседями о праве собственности на регион Грин-Маунтин. Эта красивая местность была заселена жителями Новой Англии по разрешению королевских губернаторов Нью-Гэмпшира, но на нее претендовали жители Нью-Йорка, и спор иногда накалялся и вызывал очень сильные негативные чувства. Ошибочные надежды лорда Норта на завоевание Нью-Йорка В этих условиях усилия министерства по завоеванию этой центральной колонии порой казались обреченными на успех. Ассамблея Нью-Йорка отказалась принять политику бойкота импорта, предписанную Континентальным конгрессом, и отказалась выбрать делегатов на второй Конгресс, который должен был состояться в мае. В ответ министерство попыталось подкупить Нью-Йорк, освободив его от торговых ограничений, наложенных на соседние колонии, и пообещав подтвердить его предполагаемое право на территорию Вермонта. Однако все эти надежды оказались ложными. Несмотря на видимость, большинство жителей Нью-Йорка были против мер короля и ждали только возможности для организации. В апреле под мощным руководством Филипа Шуйлера и Ливингстонов был созван съезд, избраны делегаты для участия в Конгрессе, и Нью-Йорк присоединился к другим колониям. Что касается Пенсильвании, то, несмотря на ее мирный и умеренный характер, она никогда не проявляла никаких признаков желания отделиться от зарождающегося союза.

В те дни новости распространялись медленно, и еще в середине мая лорд Норт, уверенный в успехе своих планов в Нью-Йорке и неспособный поверить, что мелкие землевладельцы Массачусетса будут сражаться против регулярных войск, весело заявил, что эта американская история не так тревожна, как кажется, и все, без сомнения, будет быстро улажено без кровопролития!

ИНТЕРЬЕР СТАРОГО ЮЖНОГО СОБРАНИЯ

События в Массачусетсе Тем временем в Массачусетсе произошли великие события. Всю зиму сопротивление генералу Гейджу было пассивным, поскольку всем мужчинам, женщинам и детям в провинции было тщательно внушено, что для обеспечения полной поддержки со стороны других колоний необходимо дать Великобритании возможность сделать первый выстрел. Тем не менее, Закон о регулировании был молчаливо отвергнут, и ни советники, ни судьи, ни шерифы, ни присяжные не согласились работать под руководством королевской комиссии. Ярким доказательством высокого уровня цивилизации, достигнутого этим содружеством, является то, что, несмотря на то, что в течение девяти месяцев обычные функции правительства были приостановлены, повседневная жизнь продолжалась без трений и беспорядков. Не было пролито ни капли крови, ничье имущество не пострадало. Компании йоменов, собиравшиеся вечером для учений на деревенской площади, и время от времени телега, груженная порохом и пулями, которая медленно тащилась по крутым дорогам на пути в Конкорд, были единственными внешними признаками необычного положения дел. Однако в Бостоне дело обстояло иначе. Там блокада гавани принесла большие лишения бедным людям. Бизнес был серьезно затруднен, многие люди остались без работы, и, несмотря на щедрую и оперативную помощь, поступающую со всех концов страны, люди сильно страдали от нехватки топлива и продовольствия. Тем не менее, жалоб было мало, и беспорядков не было. Лидеры были как всегда решительны, а люди были так же решительны, как и их лидеры. По мере приближения 5 марта несколько британских офицеров заявили, что любой, кто осмелится выступить перед народом в Старой Южной церкви по этому поводу, наверняка лишится жизни. Речь Уоррена в Старой Южной церкви Как только он услышал об этих угрозах, Джозеф Уоррен просил для себя эту опасную честь и в обычное время произнес волнующую речь о «пагубном влиянии постоянных армий в мирное время». Собрание в церкви было настолько

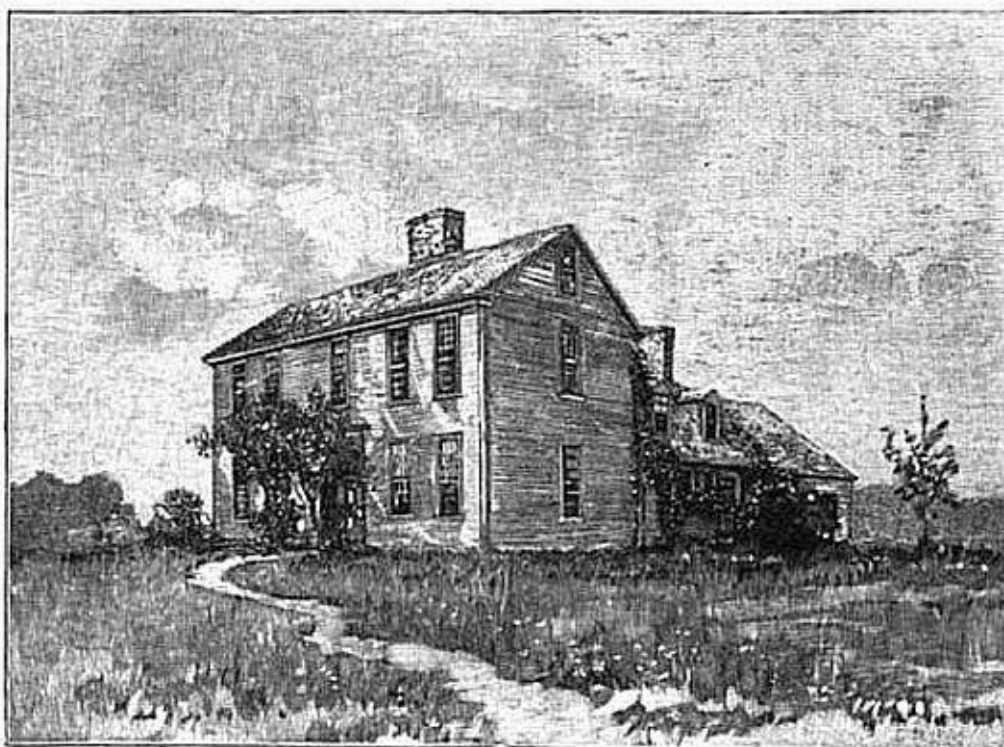
многочисленным, что когда оратор прибыл, все подходы к амвону были заблокированы; и вместо того, чтобы пробиваться сквозь толпу, что могло привести к беспорядкам, он достал лестницу и поднялся через большое окно в задней части амвона. Присутствовали около сорока британских офицеров, некоторые из которых сидели на ступенях амвона и пытались раздражать оратора стоном и шипением, но все прошло спокойно.

СТАРАЯ СЕВЕРНАЯ ЦЕРКОВЬ, В КОТОРОЙ БЫЛ ВЫВЕСЕН СИГНАЛ

Попытка подкупить Сэмюэля Адамса. Смелость Адамса и Хэнкока, присутствовавших на этом собрании, была не менее поразительна, чем смелость Уоррена, произнесшего речь. Не было секретом, что Гейдж получил указание выждать подходящий момент, чтобы арестовать Сэмюэля Адамса и «его добровольного и готового помощника», «ужасного преступника» Джона Хэнкока, и отправить их в Англию для суда за измену. Это был отличный случай, чтобы арестовать всех лидеров патриотов сразу; к тому же само собрание было городским, а Гейдж специально приехал в Бостон, чтобы его разогнать. Трудно представить себе более спокойное и вызывающее поведение людей и лидеров в таких обстоятельствах. Но Гейдж уже давно так хорошо изучил характер народа, что боялся действовать слишком жестко. Сначала он пытался подкупить Сэмюэля Адамса, предлагая ему должность или деньги, но обнаружил, как уже заявил Хатчинсон, что «этот человек настолько упрям и непреклонен, что его невозможно умиротворить никакой должностью или подарком». Распуск ассамблеи, секретарем которой был Адамс, лишил его зарплаты, а у него было так мало сбережений, что он едва мог купить хлеб для своей семьи. В этих обстоятельствах Гейджу () пришла в голову мысль, что, возможно, разумное сочетание угроз и убеждения окажется эффективным. Поэтому он послал полковника Фентона с конфиденциальным посланием к Адамсу. Офицер с большой вежливостью начал с того, что «урегулирование существующих

споров было весьма желательным; что он был уполномочен губернатором Гейджем заверить его, что он был уполномочен предоставить ему такие льготы, которые были бы удовлетворительными, при условии, что он обязуется прекратить свое противодействие мерам правительства, и что губернатор Гейдж советовал ему не вызывать дальнейшего недовольства Его Величества; что его поведение подвергает его наказанию по закону Генриха VIII (), в соответствии с которым лица могут быть отправлены в Англию для суда, и что, изменив свой курс, он не только получит большие личные преимущества, но и таким образом заключит мир с королем». Адамс с явным интересом слушал эту речь, пока посланник не закончил. Затем он встал и ответил, пылая негодованием: «Сэр, я надеюсь, что уже давно примирился с Царем царей. Никакие личные соображения не заставляют меня отказаться от праведного дела моей страны. Передайте губернатору Гейджу, что Сэмюэл Адамс советует ему больше не оскорблять чувства разгневанного народа».

ДОМ РЕВЕРЕНДА ДЖОНАСА КЛАРКА

Приказ арестовать Адамса и Хэнкока Ближе к концу зимы Гейдж получил категорический приказ арестовать Адамса и Хэнкока и отправить их в Англию для суда. Одна из лондонских газет весело заметила, что, по всей вероятности, Темпл-Бар «скоро будет украшен головами некоторых патриотических святых из Бостона». Провинциальный конгресс собрался в Конкорде 22 марта, и после его закрытия 15 апреля Адамс и Хэнкок остались на несколько дней в Лексингтоне, в доме своего друга, преподобного Джона Кларка.

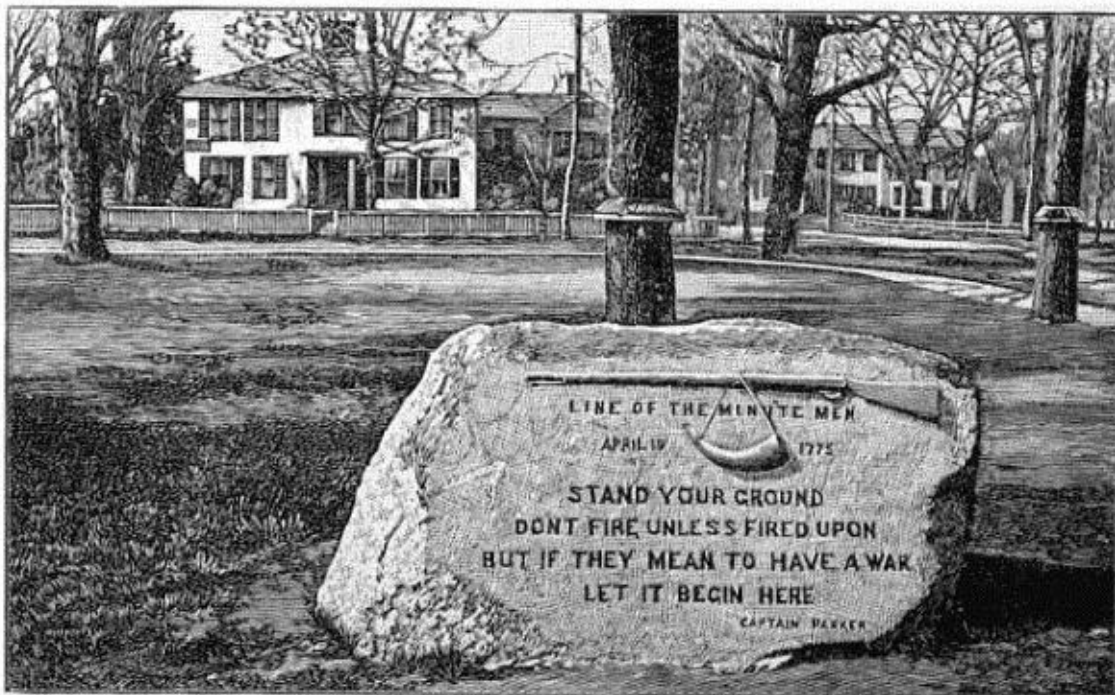
Handwritten signature of Francis Smith.

Несомненно, там их было бы легче схватить, чем в Бостоне, и поэтому в ночь с 17 на 18 апреля Гейдж отправил отряд из 800 солдат под командованием подполковника Фрэнсиса Смита в Лексингтон, чтобы после захвата лидеров патриотов продвинуться в Конкорд и захватить или уничтожить военные склады, которые уже некоторое время собирались там. В десять часов вечера войска переправились через

реку Чарльз и двинулись по труднопроходимой и малопосещаемой дороге через болота Восточного Кембриджа, пока, пройдя четыре мили, не вышли на шоссе, ведущее в Лексингтон. Была соблюдена максимальная секретность, и были отданы строгие приказы, чтобы в ту ночь никто не покидал Бостон. Поездка Пола Ривера. Но Уоррен Уоррен () догадался о цели этого движения и послал Пола Ривера через Чарлстаун, а Уильяма Доуса через Роксбери, чтобы поднять тревогу. В то время не было моста через реку Чарльз ниже того, который сейчас соединяет Кембридж с Олстоном. Переправившись через широкую реку на маленькой лодке под пушками военного корабля «Сомерсет» и подождав на другом берегу, пока Кларк не сообщил ему с помощью фонаря, подвешенного на колокольне Северной церкви, в какую сторону ушли войска, Ривер сел на лошадь и помчался по дороге из Медфорда в Лексингтон, крича новость у дверей каждого дома, мимо которого он проезжал. Добравшись до дома мистера Кларка чуть после полуночи, он обнаружил, что дом охраняют восемь минутных людей, и сержант предупредил его, чтобы он не шумел и не беспокоил жильцов. «Шум!» — воскликнул Ривер. «Скоро будет достаточно шума; регулярные войска идут!» Хэнкок, узнав голос, открыл окно и приказал охране впустить его. Узнав новость, Хэнкок сначала хотел остаться и взять на себя командование ополчением, но вскоре было решено, что для этого нет веских причин, и незадолго до рассвета он вместе с Адамсом покинул деревню.

Paul Revere

ДОМ ДЖОНАТАНА ХАРРИНГТОНА

Тем временем войска шли по главной дороге в Конкорд (), но, несмотря на их быстрое и бесшумное продвижение, частые сигналы тревоги, выстрелы из сигнальных орудий и мерцающие огни на далеких вершинах холмов слишком ясно показывали, что секрет раскрыт. Тогда полковник Смит послал майора Питкэрна вперед с шестью ротами легкой пехоты, чтобы как можно скорее обеспечить безопасность мостов через реку Конкорд, а сам, проявляя осторожность, отправил в Бостон за подкреплением.

John Parker

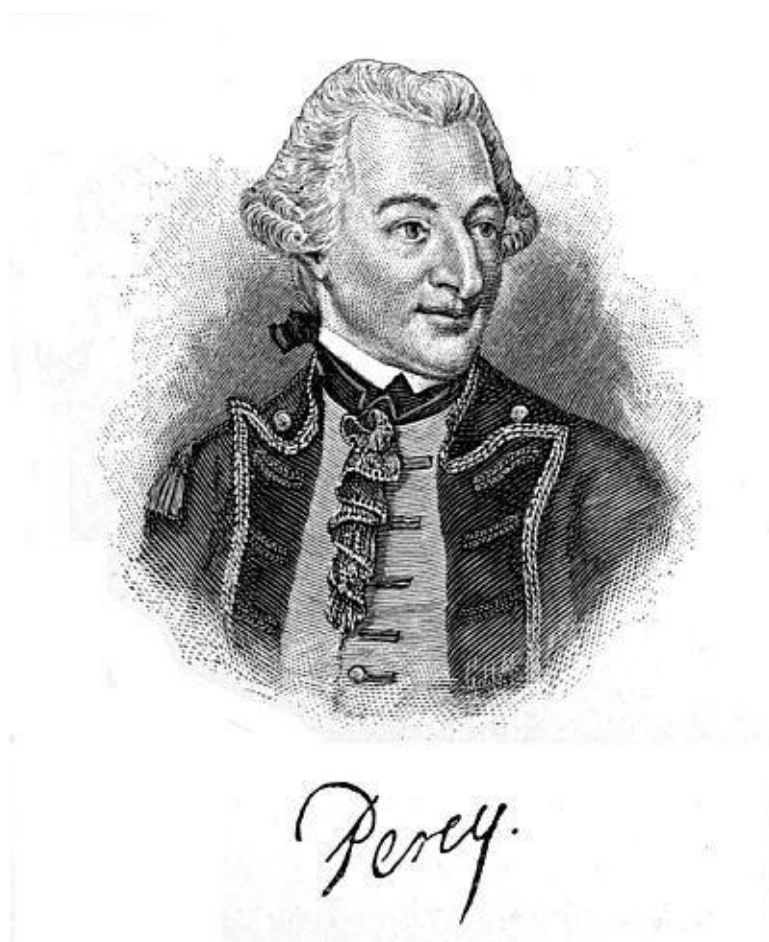
Когда Питкэрн прибыл в Лексингтон, как раз в тот момент, когда восходящее солнце бросало длинные тени на зеленые поля деревни, он столкнулся с примерно пятьюдесятью ополченцами под командованием капитана Джона Паркера, деда Теодора Паркера, закаленного ветерана, который пятнадцать лет назад вместе с Вольфом поднимался на высоты Авраама. Питкэрн стреляет по ополченцам, 19 апреля 1775 года «Держитесь на месте, — сказал Паркер. — Не стреляйте, пока не откроют огонь, но если они хотят войны, пусть она начнется здесь». «Расходитесь, негодяи! — крикнул Питкэрн. — Черт возьми, почему вы не расходитесь? И когда они стояли неподвижно, он отдал приказ стрелять. Поскольку солдаты колебались, он выстрелил из своего пистолета и повторил приказ, после чего смертоносный залп убил восьмерых ополченцев и ранил десятерых. Одна из жертв, Джонатан Харрингтон, едва смог доковылять через лужайку до своего дома (который стоит до сих пор) и умереть на руках у своей жены, которая стояла у двери. В этот момент вдали по дороге появился, по-видимому, предводитель колонны Смита. Минутные люди начали отвечать огнем, но Паркер, видя бессмысленность сопротивления, приказал им отступить. В то время как все это происходило, Адамс и Хэнкок шли через поля в сторону Уборна; и когда до их ушей донесся треск отдаленных выстрелов, воодушевленный Адамс, душа которого горела предсказанием грядущего освобождения своей страны, воскликнул: «О, какое это славное утро!» Из Уборна два друга отправились в Филадельфию, где собирался сойтись второй Континентальный конгресс.

МИНУТНЫЙ ЧЕЛОВЕК[\[3\]](#)

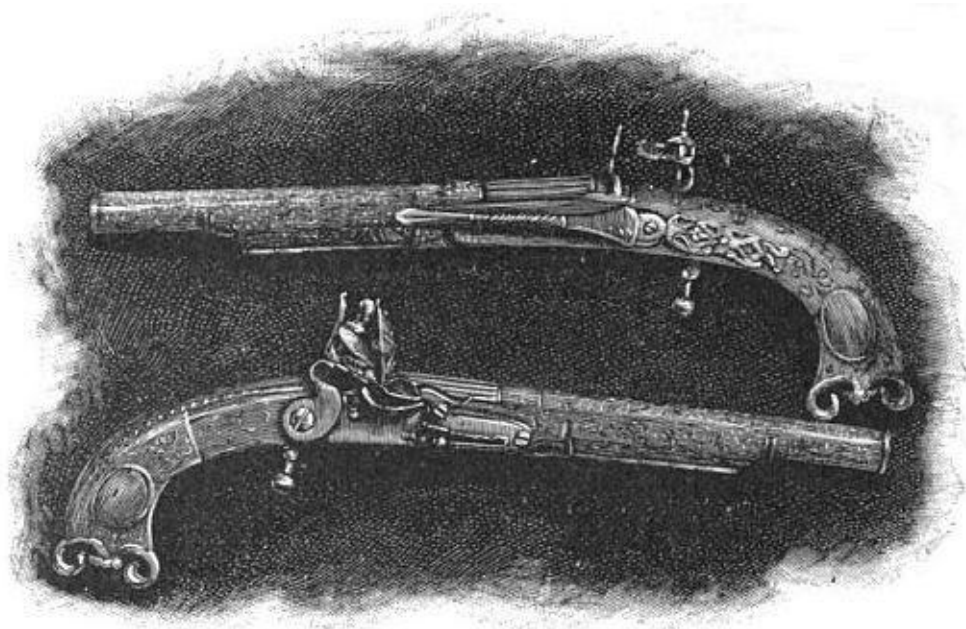

СТАРЫЙ МАНС В КОНКОРДЕ

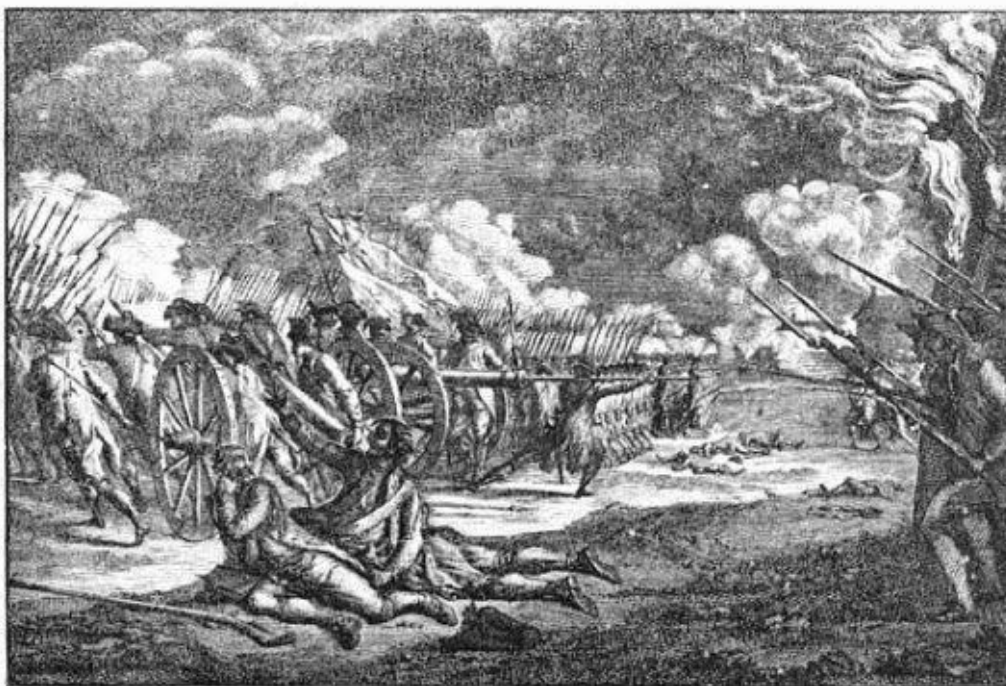
Британцы потеряли несколько драгоценных минут в Лексингтоне, и вскоре стало ясно, что в этот день нельзя терять ни минуты. К тому времени, когда они достигли Конкорда, около семи часов, большая часть запасов была эффективно спрятана, а минутные люди быстро собирались со всех сторон. После того, как небольшие силы были размещены для охраны мостов, войска подожгли здание суда, срубили столб свободы, вывели из строя несколько пушек, разбили несколько бочек с мукой и безуспешно искали оружие и боеприпасы, пока неожиданный инцидент не положил конец их действиям. Войска отбиты в Конкорде. Когда силы ополченцев, наблюдавшие за событиями с холма за рекой, увеличились до более чем 400 человек, они внезапно двинулись на Северный мост, который удерживали 200 регулярных солдат. После того, как они приняли и ответили на огонь британцев, ополченцы под командованием майора Батрика перешли узкий мост, превзошли регулярных солдат силой и численностью и оттеснили их мимо Старого Мансе в деревню. Они не продолжили атаку, а остановились, удивляясь, возможно, тому, чего уже достигли, в то время как их число с каждой минутой увеличивалось за счет ополченцев из соседних деревень. Чуть перед полуднем, хотя ни одна из целей экспедиции не была достигнута, полковник Смит начал осознавать опасность своего положения и начал отступление в Бостон. Его люди не были настроены на бой. Они прошли восемнадцать миль и почти ничего не ели в течение четырнадцати часов. Но теперь, когда роты ополченцев окружили их с обоих флангов, каждая группа деревьев и каждый холм у дороги давали укрытие вражеским стрелкам, чья стрельба была точной и смертоносной. Время от времени происходили разрозненные бои, и отступающие британцы делали все, что могли сделать храбрые люди, но непрекращающийся, изнурительный огонь в конце концов поверг их в безнадежное замешательство. Отступающие войска, спасенные лордом Перси. Оставив своих раненых разбросанными по дороге, они уже прошли мимо деревенской площади Лексингтона в

беспорядочном бегстве, когда их спас лорд Перси, который выступил из Бостон-Нек и через Кембридж на помощь с 1200 человек и двумя полевыми орудиями. Сформировав своих людей в пустотелый квадрат, Перси окружил беглецов, которые в крайнем изнеможении бросились на землю, «с высунутыми языками, — как у собак после погони», — как говорит полковник Стедман. Многие выбросили свои мушкеты, а Питкэрн потерял свою лошадь вместе с элегантными пистолетами, из которых были произведены первые выстрелы в войне за независимость и которые сегодня можно увидеть вместе с другими трофеями в городской библиотеке Лексингтона.

ПИСТОЛЕТЫ ПИТКЭРНА

Своевременное прибытие Перси на час остановило преследование и дало измученным голодом и усталостью людям возможность поесть и отдохнуть. Несколько домов были разграблены и подожжены, но в три часа дня генерал Хит и доктор Уоррен прибыли на место и взяли на себя командование ополчением, и нерегулярные бои возобновились. Когда Перси достиг Менотомы (ныне Арлингтон), в семи милях от Бостона, его проход был заблокирован свежими силами ополчения, в то время как преследователи сильно давили на его тыл, и только после упорного боя ему удалось прорваться. Отступление продолжилось от Лексингтона до Чарлстауна. Дорога теперь была буквально кишела снайперами, настолько, что, как заметил один из британских офицеров, «они казались свалившимися с неба». Стало невозможно поддерживать порядок или уносить раненых, и когда на закате солдаты вошли в Чарлстаун, под приветливым прикрытием флота, они бежали во весь опор. Они прибыли как раз вовремя, потому что полковник Тимоти Пикеринг с 700 ополченцами из Эссекса, направлявшийся, чтобы перехватить их, уже достиг Уинтер-Хилл, и если бы их путь был перекрыт этой свежей силой, они, по всей вероятности, сдались бы.

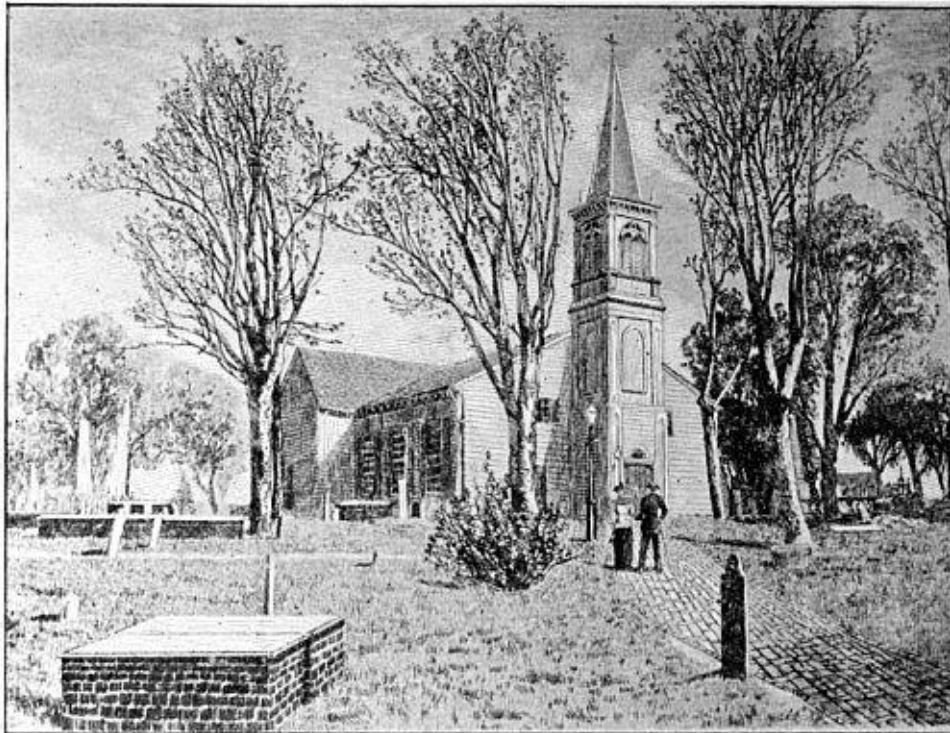

ФАНТАЗИЙНАЯ КАРТИНА СРАЖЕНИЯ ПРИ КОНКОРДЕ-ЛЕКСИНГТОНЕ **(Из современной французской гравюры)**

В этот знаменательный день британцы потеряли 273 человека, а американцы — 93. Экспедиция закончилась провалом, все британские войска едва избежали плена, и стало ясно, что народ нельзя запугать и заставить подчиниться. Также стало ясно, насколько эффективной может оказаться система организованного ополчения в случае внезапной чрезвычайной ситуации . Восстание в стране; британцы осаждены в Бостоне. Наиболее интересной особенностью этого дня является быстрота и умение, с которыми различные отряды ополченцев, маршировавшие на большие расстояния, собрались в тех точках на дороге, где они могли наиболее эффективно преследовать или затруднять отступление британцев. Рота из Данверса прошла шестнадцать миль за четыре часа, чтобы атаковать лорда Перси в Менотомии. Список убитых и раненых показывает, что до захода солнца в сражении участвовали отряды по крайней мере из двадцати трех городов. Но хотя преследование было тогда закончено, эти люди не вернулись в свои дома, а с каждым часом их число увеличивалось. В полдень того же дня тревога дошла до Вустера. Рано утром следующего дня Израиль Путнэм пахал поле в Помфрете, штат Коннектикут, когда пришла эта новость. Оставив приказ о следовании за ним ротам ополчения, он вскочил на лошадь и, проехав сто миль за восемнадцать часов, прибыл в Кембридж утром 21-го числа, как раз вовремя, чтобы встретить Джона Старка с первой ротой из Нью-Гэмпшира. В полдень 20-го числа университетская площадь в Нью-Хейвене была заполнена нетерпеливыми студентами и горожанами, и капитан Бенедикт Арнольд, собрав из них шестьдесят добровольцев, встал во главе их и двинулся на Кембридж, набирая по дороге новобранцев и союзников во всех деревнях. И так, со всех холмов и долин Новой Англии, они шли, пока в субботу вечером Гейдж не оказался осажденным в Бостоне деревенской армией из 16 000 человек.

Israel Putnam

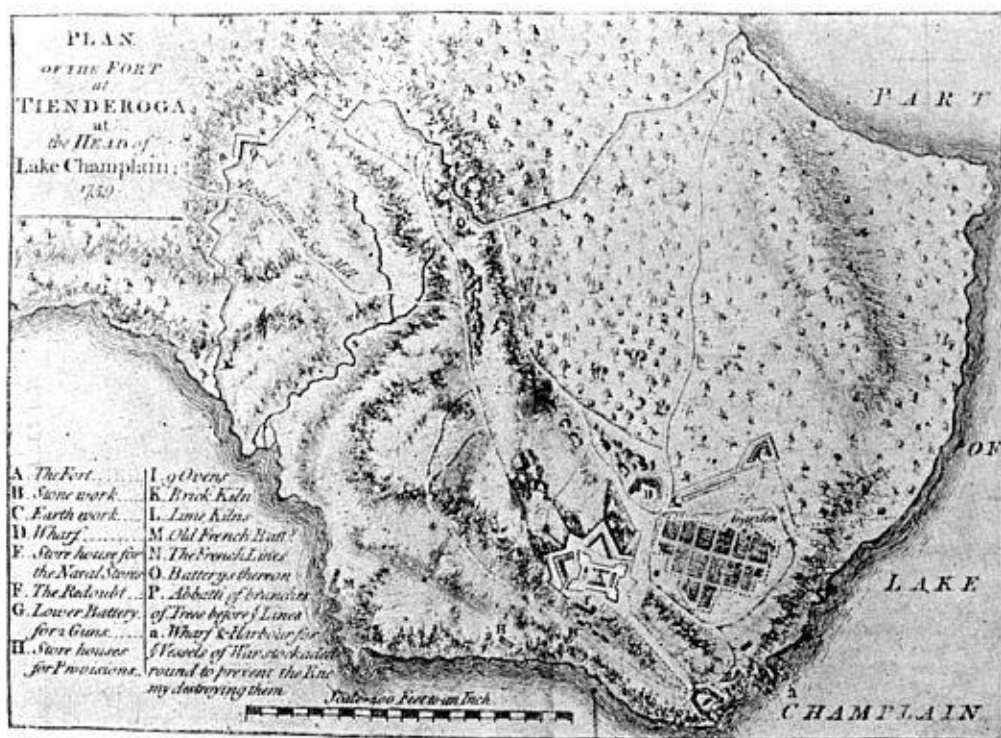
ЦЕРКОВЬ СВ. ИОАННА, РИЧМОНД^[4]

Последствия новости Когда через пять недель новость об этом событии дошла до Англии, сначала ее приняли с недоверием, а затем с удивлением и сожалением. Несмотря на то, что сражение было незначительным, оставалось неоспоримым фактом, что британские войска были разгромлены тем, что в Англии считалось толпой «крестьян»; кроме того, считалось, что шансы на примирение теперь серьезно уменьшились. Берк сказал, что теперь, когда американцы зашли так далеко, им будет трудно не пойти еще дальше; и, несмотря на осуждение, которое обрушилось на Гейджа за его бездействие, многие люди теперь были склонны винить его за то, что он спровоцировал конфликт именно в тот момент, когда было надежды, что с помощью лоялистов из Нью-Йорка удастся достичь какого-то соглашения. Нет сомнений, что новости из Лексингтона на время полностью выбили из колеи лоялистов Нью-Йорка и значительно укрепили там позиции народной партии. В манифесте, обращенном к городу Лондону, нью-йоркский комитет по переписке осудил поведение Гейджа как опрометчивое и жестокое и заявил, что все ужасы гражданской войны никогда не заставят американцев подчиниться несправедливым действиям парламента. Когда Хэнкок и Адамс прибыли в город по пути на Конгресс, их сопровождали через город с триумфальными почестями. В Пенсильвании были немедленно приняты меры по набору и обучению колониальной милиции, и все колонии к югу от нее последовали этому примеру.

Резолюция округа Мекленбург, 31 мая 1775 года Шотландско-ирландские патриоты округа Мекленбург в Северной Каролине решились на меру, более решительную, чем любая из тех, которые были приняты до сих пор в любой части страны. 31 мая окружной комитет Мекленбурга подтвердил, что совместное обращение обеих палат парламента к королю в феврале фактически «аннулировало и отменило все гражданские и военные полномочия, предоставленные короной, и приостановило действие конституций колоний»; и что, следовательно, «провинциальный конгресс каждой провинции под руководством Великого Континентального Конгресса наделен всеми законодательными и исполнительными полномочиями в пределах своих провинций, и что никакая другая законодательная или исполнительная власть не существует и не может существовать в настоящее время в любой из этих колоний». В соответствии с этим положением дел были приняты правила «выбора окружных должностных лиц, которые будут осуществлять власть в силу этого выбора и независимо от британской короны, до тех пор, пока парламент не откажется от своих произвольных притязаний». Эти смелые решения были поручены делегатам Северной Каролины в Континентальном конгрессе, но не были официально представлены этому органу, поскольку делегаты сочли целесообразным подождать еще некоторое время, чтобы посмотреть, как будут развиваться события.

ПОДПИСИ КОМИТЕТА МЕКЛЕНБУРГА

Легенда о «Декларации независимости» Мекленбурга Примерно двадцать лет спустя они дали начало легенде о Декларации независимости Мекленбурга. Первые авторы, писавшие историю Соединенных Штатов, промолчали о событиях 31 мая, и в настоящее время патриоты Северной Каролины пытаются восстановить их из памяти. Их традиционный отчет был опубликован только в 1819 году, когда в нем обнаружили поддельный документ, содержащий суть некоторых из вышеупомянутых резолюций, украшенных фразами, заимствованными из Декларации независимости. Этот документ якобы был составлен и подписан на собрании округа 20 мая. Вокруг подлинности документа разгорелась ожесточенная полемика, и его подлинность была незамедлительно поставлена под сомнение. Долгое время многие люди верили в его подлинность и были склонны обвинять Джефферсона в плагиате при написании Декларации независимости. Однако тщательное исследование всех газет за май 1775 года по всем тринадцати колониям не выявило никаких следов такого собрания 20 мая, и ясно, что такой документ не был обнародован. История о Мекленбургской декларации — это просто легенда, основанная на искаженных воспоминаниях о реальных событиях 31 мая.

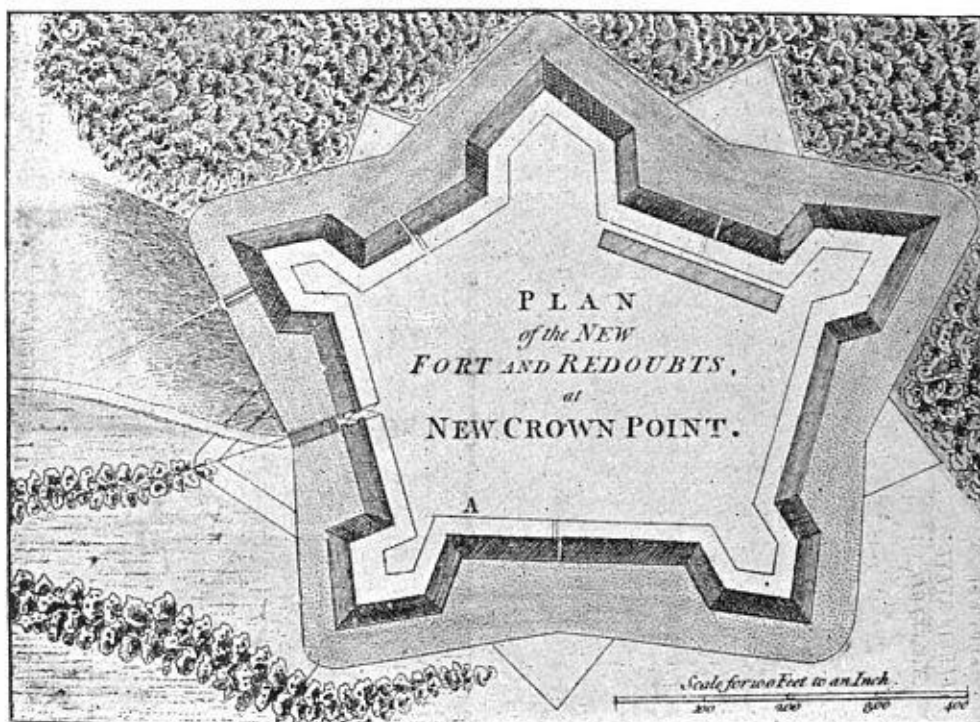
ПЛАН ФОРТА В ТИКОНДЕРОГЕ НА ГОЛОВЕ ОЗЕРА ЧАМПЕЙН; 1759

Ethan Allen

Тем временем в Новой Англии воинственные настроения стали слишком сильными, чтобы довольствоваться лишь оборонительными мерами. Как только Бенедикт Арнольд прибыл в Кембридж, он предложил доктору Уоррену немедленно отправить экспедицию для захвата Тикондероги и Краун-Пойнта. Эти крепости контролировали северные подступы к реке Гудзон, стратегическому центру всей страны, и имели огромное значение как для подготовки вторжения в Канаду, так и для отражения вторжения в Нью-Йорк. Бенедикт Арнольд и Итан Аллен Кроме того, в них хранилось огромное количество военных

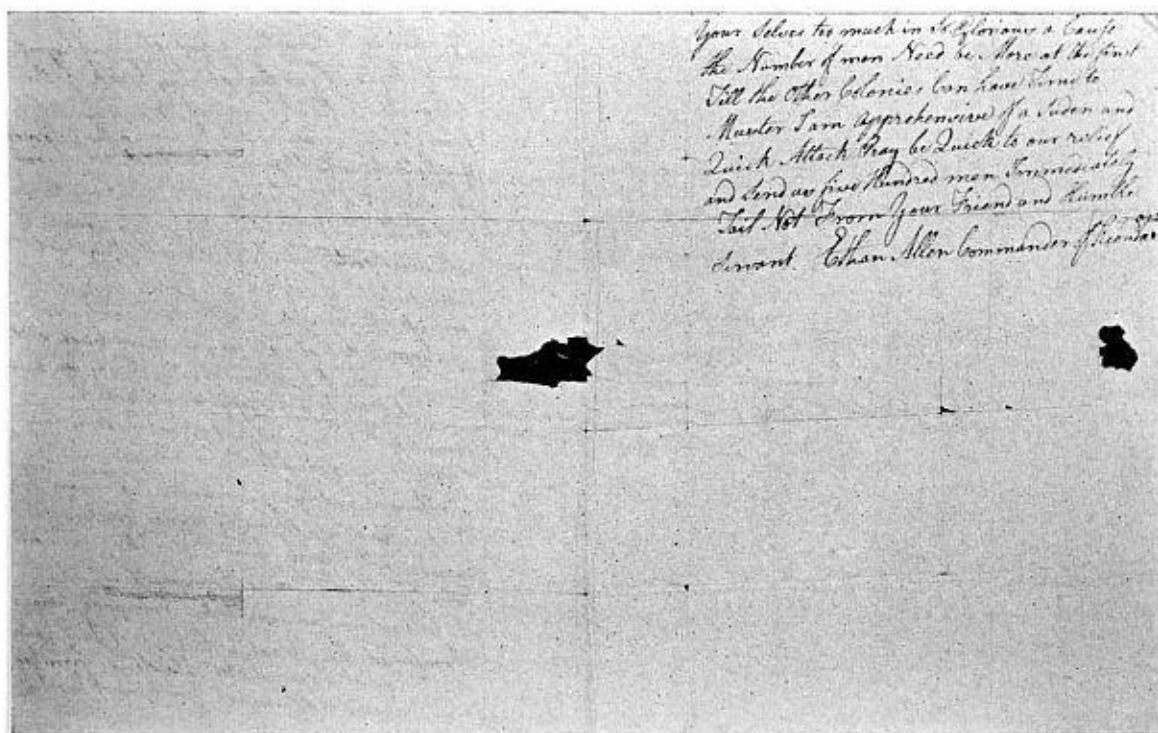
запасов, в которых новосозданная армия испытывала острую нужду. Идея сразу же нашла поддержку. Арнольд получил звание полковника от Конгресса Массачусетса и получил указание набрать 400 человек в Беркширских холмах, захватить крепости и проконтролировать перевозку части их вооружения в Кембридж. Когда Арнольд достиг диких холмов горного хребта Хусак, он обнаружил, что у него есть соперник в этом предприятии. Захват Тикондероги также был тайно запланирован в Коннектикуте и поручен Итану Аллену, эксцентричному, но проницательному автору ныне забытой деистической книги «Оракулы разума». Аллен был лидером «Мальчиков из Зеленых гор», объединения поселенцев Вермонта, созданного с целью сопротивления юрисдикции Нью-Йорка, и пользовался большой популярностью. 9 мая Арнольд догнал Аллена и его людей, направлявшихся к озеру Шамплейн, и потребовал командование экспедицией на основании своего полномочия от Массачусетса, но «Мальчики из Зеленых гор» действовали частично самостоятельно, частично под руководством Коннектикута. Они не заботились об авторитете Массачусетса и ничего не знали об Арнольде; они вышли сражаться под командованием своего собственного доверенного лидера. Но пока собралось лишь несколько человек из отряда Арнольда, и его полномочия не давали ему права командовать жителями Вермонта, поэтому он присоединился к экспедиции в качестве добровольца. Достигнув озера в ту ночь, они обнаружили, что лодок для переправы людей было явно недостаточно. Но о задержке не могло быть и речи. Гарнизон не должен был быть поставлен на стражу. Соответственно, имея всего восемьдесят три человека, Аллен и Арнольд пересекли озеро на рассвете 10-го числа и вошли в Тикондерогу бок о бок. Захват Тикондероги и Краун-Пойнта, 10 мая 1775 года Небольшой гарнизон, численность которого, как оказалось, была меньше половины, был полностью застигнут врасплох, и крепость была взята без единого выстрела. Командир, вскочив с постели, еще не проснувшись окончательно, в замешательстве спросил Аллена, по чьему поручению он действует. «От имени Великого Бога Иеговы и Континентального Конгресса!» — прогремел воинственный философ, и комендант, увидев, что форт уже взят, был вынужден согласиться. В то же время Краун-Пойнт сдался другому знаменитому «мальчику из Зеленых гор», Сету Уорнеру, и таким образом армия Новой Англии получила более двухсот пушек с большим запасом пороха и пуль. Через несколько дней, когда некоторые из людей Арнольда из « » прибыли из Беркшира, он отплыл по озеру Шамплейн и захватил Сент-Джонс с его гарнизоном; но британцы вернули его в течение лета и разместили там такие силы, что следующей осенью мы увидим, как он выдерживает пятидесятидневную осаду.

ПЛАН НОВОГО ФОРТА И РЕДУТОВ В НЬЮ-КРОУН-ПОЙНТ

Ethan Allen
 Nov 12th May 1775
 To the Honorable
 Committee of Congress for the
 City and County of Albany

Gentlemen I have the Inexpressible Satisfaction
 to Acquaint you that at Day break of the
 Eleventh Instant Pursuant to my Directions
 from sundry Leading Gentlemen in the Colonies
 of Massachusetts Bay and Connecticut I took
 the Fort of Fort Mifflin with about one hundred
 and thirty Green Mountain Boys Col. Easton
 with about thirty Veteran Soldiers distinguished
 themselves in the Action Col. Easton entered the
 fort by one side by side the Guard were
 so surprised that contrary our Expectation did
 not fire on us but fled with Precipitancy we immediately
 entered the fort and took the
 Garrison Prisoners without Bloodshed in my
 Captivity I have killed of one Captain and a
 Lieutenant and forty two men Little more
 need be said you know Governor Clinton of
 Canada will heart himself to relieve it and as
 your Country is nearer than any other Part of
 the Colonies and as your Inhabitants have thereto
 manifested their Zeal in the Cause of their Country
 they expect Immediate Assistance from you
 Both in men and Provision you cannot heart

ФАКСИМИЛЕ ПИСЬМА ЭТАНА АЛЛЕНА, В КОТОРОМ ОН СООБЩАЕТ О ЗАХВАТЕ ТИКОНДЕРОГИ

Ни Коннектикут, ни Массачусетс не имели никакой власти над этими постами, за исключением права завоевания. Поскольку именно Коннектикут организовал экспедицию Аллена, Массачусетс уступил право распоряжаться крепостями и их гарнизонами. Доктор Уоррен настоятельно призывал правительство Коннектикута назначить Арнольда командующим, чтобы его полномочия распространялись на обе колонии, но Коннектикут предпочел оставить Аллена, и в июле Арнольд вернулся в Кембридж, чтобы доработать свой замечательный план вторжения в Канаду через бездорожную пустыню штата Мэн. Его небольшое разногласие с Алленом принесло плохие плоды. Как это часто бывает в таких делах, солдаты были более ретивы, чем их командиры; были те, кто осуждал Арнольда как постороннего, и ему суждено было слышать от них это снова и снова.

ВАШИНГТОН В ВОЗРАСТЕ Сорока лет

Второе заседание Контиентального Конгресса. 10 мая 1775 года В тот же день^[5], когда Тикондерога сдалась, Контиентальный Конгресс собрался в Филадельфии. Там присутствовали Адамсы и Ливингстоны, Джей, Генри, Вашингтон и Ли, а также Франклин, только что вернувшийся из долгой службы в Англии. Из всех присутствующих Джон Адамс и Франклин, вероятно, пришли к согласию с Сэмюэлем Адамсом в том, что политическое отделение от Великобритании было неизбежно, но все были полностью согласны с тем, что любое рассмотрение такого вопроса в настоящее время было преждевременным и неуместным. Конгресс был органом, не обладавшим технической юридической властью; это была всего лишь группа комитетов, собравшихся с целью обмена мнениями по вопросам общественного благосостояния. Однако в одной части страны существовало нечто, очень похожее на состояние войны, в условиях, которые тесно касались всей страны, и в отсутствие какого-либо официально сформированного правительства необходимо было что-то предпринять, чтобы справиться с таким кризисом. Дух собрания хорошо проявился в выборе его президента. Пейтон Рэндольф был отозван в Вирджинию для председательства в колониальном собрании, и вместо него в Конгресс был отправлен Томас Джефферсон; Конгрессу также необходимо было выбрать президента, который сменил бы его. Был сразу же избран проскрибированный Джон Хэнкок, и Бенджамин Харрисон, провожая его к креслу, сказал: «Мы покажем Великобритании, как высоко мы ценим ее проскрипции». Конгресс согласился на размещение гарнизонов в Тикондероге и Краун-Пойнте со стороны Коннектикута только после долгих колебаний, поскольку захват этих постов был актом наступательной войны. Но без какого-либо серьезного противодействия, от имени «Объединенных колоний», Конгресс принял армию из жителей Новой Англии, осаждавших Бостон, в качестве «Контиентальной армии» и приступил к назначению главнокомандующего для руководства ее операциями. Практически это был самый важный

шаг, предпринятый за весь период войны за независимость. Назначение Вашингтона командующим Континентальной армией. От выбора, который должен был быть сделан в этот кризисный момент, зависел весь исход борьбы — окончательное поражение или окончательная победа. Ведь нет ничего более очевидного, чем то, что в руках любого другого, кроме Джорджа Вашингтона, военный исход войны был бы быстро катастрофическим для американцев. Назначив вирджинца командующим армией Новой Англии, Конгресс проявил редкую мудрость. Назначение генерала из Новой Англии вполне соответствовало бы местным предрассудкам. Джон Хэнкок очень хотел получить эту должность и, по-видимому, был огорчен тем, что ее не получил. Но было мудро решено, что общие интересы всех американцев ни в коем случае не могли быть более полно представлены в войне, чем путем передачи командования армией Новой Англии генералу, который сам по себе представлял величайшую из южных колоний. Вашингтон был теперь командующим ополчением Вирджинии и заседал в Конгрессе в полковничьей форме. Его заслуги в спасении остатков злополучной армии Брэдкока, а затем в захвате форта Дюкен, принесли ему военную славу, превосходящую славу любого другого американца. Кроме того, с ранней юности было очевидно, что ему можно доверять поручения чрезвычайной важности. Ничто в всей карьере Вашингтона не является более примечательным, чем тот факт, что, будучи всего лишь двадцатидвухлетним юношей, он был выбран губернатором Вирджинии для выполнения этой крайне деликатной и опасной дипломатической миссии к индейским вождям и французскому командующему в Венанго. Глубокое знание человеческой натуры, а также лесного дела, мужество, которое не могли сломить никакие угрозы, и ясный ум, который не мог обмануть никакое вероломство, были качествами, абсолютно необходимыми для такого предприятия; тем не менее, молодой человек из справился со своей опасной задачей не просто с честью, но с блеском. Что касается книжной учености, то его образование было весьма скудным, однако он в высшей степени обладал редкой способностью всегда выделять в каждом случае существенные факты и правильно их интерпретировать. В Континентальном конгрессе сидели многие, кто превосходил его в учености и красноречии, но «если, — говорил Патрик Генри, — речь идет о твердых знаниях и здравом суждении, то полковник Вашингтон, без сомнения, является величайшим человеком в этом зале». Таким образом, его удивительное равновесие ума — настолько великое, что за всю его карьеру трудно было бы найти хотя бы одну ошибку — уже впечатляло его самых способных современников. Рука об руку с этой редкой здравостью суждений шла полная моральная самоконтроль, которая была тем более впечатляющей, что Вашингтон ни в коем случае не был смирным или обычным человеком, которого можно было бы направлять обычной силой воли. Он был человеком сильных и пламенных страстей. Его гнев, однажды пробудившись, имел в себе нечто настолько ужасное, что сильные мужчины сжимались от него, как испуганные дети. Эта поразительная животная натура обычно сдерживалась железной волей и служила милой и нежной душе, в которую никогда не входила ни одна низкая или недостойная мысль. Всецелая преданность общественному долгу, неподкупная честность, которую ни на мгновение не могли поколебать ни амбиции, ни тщеславие, — вот какими качествами отличался Вашингтон, столь же яркими, как ясность ума и сила воли. И природа поместила этот великий дух не в каком-нибудь недостойном храме. Его высокий рост (более шести футов), его серьезное и красивое лицо, его благородная осанка и придворная грация манер — все это провозглашало Вашингтона королем людей.

Выбор Вашингтона в качестве главнокомандующего был предложен и настоятельно поддержан Джоном Адамсом, и когда 15 июня Томас Джонсон из Мэриленда официально выдвинул его кандидатуру, она была единогласно утверждена. Тогда Вашингтон, поднявшись, сказал с большой серьезностью: «Поскольку Конгресс желает этого, я приму на себя эту важную обязанность и приложу все свои силы для служения ему и поддержки

славного дела. Но я прошу всех присутствующих запомнить, что сегодня я с полной искренностью заявляю, что не считаю себя достойным той чести, которой меня удостоили». Он отказался принимать какое-либо вознаграждение за свои услуги, но сказал, что будет вести точный учет своих личных расходов (), которые Конгресс может возместить, если сочтет это целесообразным, после окончания войны.

В то время как все это происходило в Филадельфии, армия Новой Англии, располагавшаяся в окрестностях Бостона, в меру своих ограниченных возможностей активно продолжала осаду города. Осада Бостона Армия растянулась полукругом длиной в шестнадцать миль — в среднем около тысячи человек на милю — от Джамайка-Плейн до

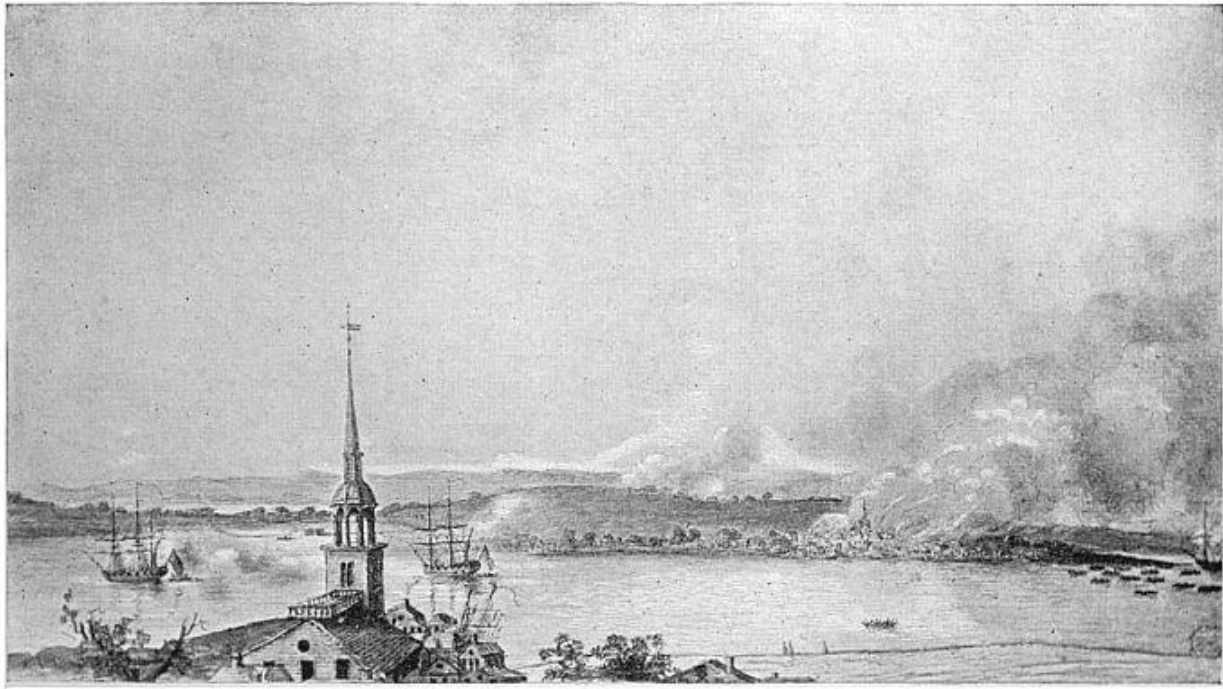
Artemas Ward

Чарлстаун-Нек. Штаб-квартира находилась в Кембридже, где некоторые здания университета использовались в качестве казарм, а главное командование было поручено генералу Артемасу Уорду под руководством комитета безопасности. Доктор Уоррен сменил Хэнкока на посту президента провинциального конгресса, который заседал в Уотертауне. Армия отличалась высоким боевым духом, но была плохо вооружена и крайне недисциплинирована. Ее военной целью было заставить британские войска эвакуироваться из Бостона и сесть на корабли, поскольку, поскольку американского флота не было, уничтожение или захват британских сил было явно невозможно. Единственный способ сделать Бостон непригодным для британцев заключался в захвате и укреплении некоторых соседних холмов, с которых открывался вид на город, наиболее важными из которых были холмы в Чарлстауне на севере и в Дорчестере на юго-востоке. Захват этих холмов был необходим Гейджу, если он хотел удержать свои позиции в Бостоне; и как только 25 мая прибыли Хоу, Клинтон и Бергойн с подкреплением, которое увеличило численность британских войск до 10 000 человек, был разработан план расширения линий обороны, чтобы охватить как Чарлстаун, так и Дорчестер. Прокламация Гейджа. Уверенный теперь в победе, Гейдж 12 июня издал прокламацию, предлагая свободное помилование всем мятежникам, которые сложат оружие и вернутся к верности, за исключением только тех лидеров « », Джона Хэнкока и Сэмюэля Адамса, чьи преступления были «слишком вопиющими, чтобы их можно было простить». В то же время всем, кто будет взят с оружием в руках, грозила виселица. В ответ на этот манифест комитет безопасности, получив информацию о плане Гейджа, приказал вывести отряд из 1200 человек, чтобы опередить губернатора и захватить Банкер-Хилл в Чарлстауне. На закате 16-го числа эта бригада прошла парадом по Кембриджскому Коммону, и после молитвы, произнесенной доктором Лэнгдоном, президентом университета, они отправились на задание под командованием полковника Прескотта из Пепперелла, ветерана французской войны, деда одного из самых выдающихся американских историков. По прибытии на место была проведена консультация, и было решено, в соответствии с общей целью, если не в строгом соответствии с буквой приказа, продвинуться дальше и укрепить возвышенность, известную как Бريدс-Хилл, которая была соединена гребнем с Банкер-Хилл и могла

рассматриваться как часть той же местности. Американцы занимают Банкер-Хилл Положение Бридс-Хилл было идеально подходящим для нанесения ударов по городу и кораблям в гавани, и считалось, что, если американцам удастся установить там батареи, британцы будут вынуждены уйти из Бостона. Однако нет сомнений, что, отступив от строгого буквального смысла приказа Уоррен-Джорджа (), Прескотт совершил ошибку, которая могла бы оказаться фатальной, если бы враг не допустил еще более серьезной ошибки. Передовые позиции на холме Бридс не только были уязвимы для атак с тыла со стороны врага, контролировавшего водные пути, но и линия отступления была плохо защищена, и, захватив Чарлстаун-Нек, британцы могли бы легко, практически без потерь, заставить Прескотта сдаться. От такой катастрофы американцев спасло глупое презрение, которое испытывал к ним враг.

Прибыв на Бридс-Хилл около полуночи, солдаты полка полковника Прескотта () начали возводить укрепления. На рассвете их обнаружили моряки в гавани, и в течение всего утра вражеские корабли вели оживленную канонаду, но она не принесла большого эффекта, а сила американских укреплений с каждым часом заметно возрастала. Был прекрасный летний день, залитый ярким солнцем, и в чистом сухом воздухе каждое движение копателей на вершине холма и матросов на палубах было отчетливо видно с большого расстояния. Прибытие Путнэма, Старка и Уоррена, 17 июня 1775 г. Рев пушек привлек всех, кто был поблизости, чтобы посмотреть, что происходит, и окна и крыши домов в Бостоне были переполнены тревожными зрителями. Ночью на место событий прибыл генерал Путнэм и обратил свое внимание на укрепление вершины Банкер-Хилл, чтобы обеспечить линию отступления через Чарлстаун-Нек. В первой половине дня прибыл полковник Старк с подкреплением, которое было размещено за железным забором на крайнем левом фланге, чтобы отразить любую попытку британцев обойти их фланг прямым нападением. В то же время доктор Уоррен, ныне главный исполнительный директор Массачусетса и только что назначенный генерал-майором, поспешил на поле битвы, ответив на благоразумные и сердечные протесты своего друга Элбриджа Джерри: «Dulce et decorum est pro patria mori» (Сладко и почетно умереть за родину). Прибыв к реду, он отказался от предложенного ему командования, сказав, что будет только рад служить в качестве добровольца и получить свой первый урок у такого опытного солдата, как Прескотт. Этот скромный героизм был типичным для того памятного дня, к событиям которого вполне можно применить высказывание француза: «C'est magnifique, mais ce n'est pas la guerre!» Это был славный день в истории, но он характеризовался как для британской, так и для американской стороны скорее героизмом, чем военным мастерством или благоразумием.

ВИД НА БИТВУ ПРИ БАНКЕР-ХИЛЛ С БИКОН-ХИЛЛ¹⁶¹

В первой половине дня Гейдж серьезно обсуждал с тремя новыми генералами лучшие способы вытеснить американцев с их позиций на Бريدс-Хилл. Был один верный и очевидный способ — обойти с моря и захватить Чарлстаун-Нек (), тем самым отрезав американцев от материка и заставив их сдаться от голода. Но считалось, что время слишком ценно, чтобы применять такой медленный метод. Если бы американцам удалось во второй половине дня установить батарею осадных орудий на Бريدс-Хилл, позиции британцев в Бостоне оказались бы под угрозой. Было решено провести прямой штурм, который, вероятно, даст более быстрый результат. Гейдж решает попробовать штурм. Все были единодушны в том, что эти «крестьяне» не смогут противостоять натиску 3000 опытных солдат, и серьезно сомневались, что они вообще останутся и будут сражаться. Гейдж следил за происходящим, полный надежды. Через несколько часов позор Лексингтона будет стерт, и это злобное восстание будет подавлено. В полдень войска начали переправляться через реку на лодках, а в три часа они приготовились штурмовать укрепления. Они продвигались двумя группами: генерал Хоу — к железной ограде, а генерал Пигот — к редуту, и обеих ждала одинаковая судьба. Американцы воздерживались от огня, пока враг не подошел на расстояние пятидесяти ярдов, и тогда все вместе выпустили такой смертоносный залп, что весь передний ряд британцев был скошен, как будто его косил косарь. Первая атака отбита. В течение нескольких минут отважные ветераны удерживали свои позиции и отвечали огнем, но вскоре по линии пробежал неопиcуемый дрожь, и они отступили и беспорядочно спустились с холма, в то время как американцы подняли ликующий крик и с трудом были удержаны офицерами от прыжка через бруствер и преследования.

Затем наступила пауза, во время которой деревня Чарлстаун была подожжена снарядами с флота, и вскоре ее четыреста деревянных домов были охвачены ревущим пламенем, а обугленные бревна усыпали лужайки и клумбы, а небо почернело от огромных облаков дыма. Второй штурм отбит. Если целью этого массового уничтожения имущества было, как

полагали некоторые, прикрыть второе наступление британцев, то она не была достигнута, поскольку легкий ветерок гнал дым в неправильном направлении. Когда ярко-красные мундиры, такие отличные мишени для опытных стрелков, во второй раз появились на склоне, американцы, теперь спокойные и уверенные в себе, воздержались от огня, пока расстояние не сократилось до менее чем тридцати ярдов. Затем, благодаря быстрой череде убийственных выстрелов, в британских рядах было нанесено такое поражение, которое вскоре оказалось невыносимым. После короткой, но упорной борьбы ряды были прорваны, и доблестные войска поспешно отступили, оставив склон холма покрытым своими убитыми и ранеными. Все это время американцы, находясь в укрытии, понесли лишь небольшие потери.

Прошло столько времени, что многие начали сомневаться, возобновят ли британцы наступление. Если бы организация американской армии была лучше, к этому времени из Кембриджа могли бы прибыть такие подкрепления в виде людей и боеприпасов, что любое дальнейшее наступление на холм было бы обречено на провал. Но в штабе царила полная неразбериха. Генерал Уорд был плохо обеспечен штабными офицерами, ему доносили неверную информацию, а приказы были неправильно поняты. Кроме того, не зная о масштабах планов Гейджа, Прескотт нервно боялся ослабить свой центр в Кембридже. Три полка были отправлены слишком поздно, чтобы принести какую-либо пользу, а тем временем Прескотт с ужасом обнаружил, что его запасы пороха почти иссякли. Пока он готовился к рукопашной схватке, британские офицеры проводили военный совет, и многие заявляли, что возобновление атаки будет просто бесполезной бойней. С другой стороны, генерал Хоу заметил: «Быть вынужденными сдать Бостон было бы очень неприятно для всех нас». Ситуация не была столь безнадежной, поскольку альтернативный вариант атаки на Чарлстаун-Нек все еще оставался открытым, и все соображения здравого генеральского ума теперь предписывали попробовать его. Третья атака увенчалась успехом: британцы взяли холм. Но Хоу не мог смириться с поражением своих попыток штурмовать, и соответственно, в пять часов, с подлинной британской настойчивостью, была отдана команда на третью атаку. На мгновение наступающие колонны снова были потрясены американским огнем, но последние пороховые рога были скоро опустошены, и с помощью штыковых атак американцы были постепенно вытеснены из своих укреплений и вынуждены отступить через Чарлстаун-Нек, в то время как вся спорная территория, включая вершину Банкер-Хилл, перешла в руки британцев.

В этой битве, в которой фактические боевые действия длились не более часа, потери британцев в убитых и раненых составили 1054 человека, или более трети всех участвовавших в бою войск, включая необычно большую долю офицеров. Потери британцев и американцев. Потери американцев, понесенные в основном у железного забора и во время окончательной рукопашной схватки у редута, составили 449 человек, что, вероятно, составляет около четверти всех участвовавших в бою войск. С британской стороны одна рота гренадеров вышла из сражения, потеряв только пять человек. Все офицеры штаба генерала Хоу были убиты, и только один выжил, несмотря на ранения. Доблестный Питкэрн, который произвел первый выстрел в этой войне, пал при входе в редут, а через несколько мгновений американцы понесли невосполнимую утрату в лице генерала Уоррена, который был убит выстрелом в лоб, когда он с опрометчивым упорством задержался на поле боя, не желая присоединяться к неизбежному отступлению. Другой добровольный помощник, не менее прославленный, чем Уоррен, сражался в тот день на Банкер-Хилле и вышел из боя невредимым. С тех пор как почти шесть лет назад он подвергся жестокому избиению в кофейне (), мощный ум Джеймса Отиса был почти полностью разрушен. Он жил, будучи безобидным сумасшедшим, в доме своей сестры Мерси Уоррен () в Уотертауне, когда утром 17 июня стал свидетелем волнения и услышал слухи о сражении. С трогательным рвением

нанести удар за дело, за которое он уже понес столь ужасное мученичество, Отис ускользнул из дома, одолжил мушкет в какой-то придорожной ферме и поспешил на поле битвы, где он мужественно сражался, а когда все закончилось, вернулся домой, уставший и обессиленный, чуть перед полночью.

M Warren

Хотя сражение при Банкер-Хилле и было небольшим по своим масштабам по сравнению с великими европейскими битвами или с гигантскими сражениями нашей собственной гражданской войны, оно остается памятным и поучительным даже с чисто военной точки зрения. Чрезмерная жестокость; значение сражения Учитывая количество участников и короткую продолжительность сражения, потери человеческих жизней были огромными. Из всех самых ожесточенных сражений современности лишь в очень немногих число убитых и раненых превышало четверть от общей численности участвовавших в бою войск. По своей кровопролитности и физическим условиям сражение при Банкер-Хилле напоминает в миниатюре грандиозные сражения при Фредериксбурге и Колд-Харборе. Во всех веках подъем на возвышенность и штурм хорошо укрепленных окопов был сложной задачей; в наши дни, с учетом дальности и точности современного оружия, это стало практически невозможным. В современной войне стало аксиомой, что только крайняя необходимость может оправдать прибегание командира к столь отчаянной мере. Он должен маневрировать против таких позиций, отрезать их с тыла или лишить их значения фланговым маневром, но он не должен, за исключением случаев, когда это является последней надеждой, тратить драгоценные человеческие жизни в попытке штурмовать их, что почти наверняка окажется бесплодным. Ведь наши средства уничтожения жизни стали настолько мощными и точными, что, когда они умело применяются с командных позиций, никакая человеческая доблесть не может противостоять им. По мере прогресса цивилизации война все меньше и меньше становится вопросом личной храбрости и все больше и больше вопросом применения непреодолимых физических сил в нужных точках; то есть она все больше и

больше становится чисто научной проблемой динамики. Теперь, на Банкер-Хилле, хотя американцы и не имели нашего современного оружия высокой точности (), тем не менее, подобный эффект был достигнут благодаря замечательной точности их прицела, обусловленной тем, что все они были обученными стрелками, которые хладнокровно ждали, пока не смогут стрелять с близкого расстояния, и затем не тратили патроны на беспорядочную стрельбу. Большинство британских солдат, павших в двух катастрофических атаках того дня, были, без сомнения, сбиты, как куропатки сбиваются старыми охотниками, и этим объясняется беспрецедентное истребление офицеров. Вероятно, ничего подобного еще не видели в истории войн, хотя принцип был аналогичным в тех замечательных испытаниях длинного лука в таких средневековых сражениях, как Креси и Дюпплин-Мур. Даже британская храбрость и выносливость не смогли преодолеть такие препятствия. Если бы американцы были должным образом снабжены порохом, Хоу не смог бы взять Банкер-Хилл штурмом, так же как Бернсайд не смог взять высоты Фредериксбурга.

Моральный эффект Моральный эффект битвы при Банкер-Хилле, как в Америке, так и в Европе, был замечательным. Для англичан это была важная победа, поскольку они не только завоевали территорию, за которую велась битва, но и благодаря этому смогли удержать Бостон еще на девять месяцев. Тем не менее, моральное преимущество, по общему мнению, было на стороне американцев. Именно они были воодушевлены результатами дня, в то время как британцы были удручены. Вера в то, что американцы не умеют воевать, в тот день была развеяна навсегда. Британские офицеры, помнившие Фонтенуа и Минден, заявили, что огонь на Банкер-Хилле был самым жарким, который они когда-либо видели, и с простительной гиперболой, вызванной их прежним необоснованным презрением, утверждали, что регулярные войска Франции были менее грозными противниками, чем ополчение Новой Англии. Было ясно, что если завоевание одной стратегической позиции встретило такое упорное сопротивление, то задача по покорению Объединенных Колоний, скорее всего, окажется сложной. «Хотелось бы продать им еще один холм по той же цене», — сказал генерал Грин. Вержен, французский министр иностранных дел, воскликнул, что еще две такие победы, и у Англии не останется армии в Америке. Вашингтон сказал, что теперь нет никаких сомнений в том, что свободы народа обеспечены. А Франклин, заняв крайнюю позицию, заявил, что Англия навсегда потеряла свои колонии.

ГЛАВА IV НЕЗАВИСИМОСТЬ ПЕНСИЛЬВАНИИ

Вашингтон прибывает в Кембридж 2 июля 1775 года, после одиннадцатидневного путешествия, генерал Вашингтон прибыл в Кембридж из Филадельфии, и на следующий день, под сенью большого вяза, который до сих пор стоит рядом с Коммоном, он принял командование Континентальной армией, которая на тот момент состояла исключительно из жителей Новой Англии. Из 16 000 человек, участвовавших в осаде Бостона, 11 500 были из Массачусетса, 2300 — из Коннектикута, 1200 — из Нью-Гэмпшира и 1000 — из Род-Айленда. Эти контингенты были выстроены под командованием своих местных командиров и под флагами своих соответствующих штатов, хотя до прибытия Вашингтона главным командующим по любезности был Артемас Уорд из Массачусетса. В течение июля Конгресс придал армии более континентальный характер, направив подкрепление в 3000 человек из Пенсильвании, Мэриленда и Вирджинии, в том числе знаменитого Дэниела Моргана с его отважной группой снайперов, каждый из которых, как говорили, мог, маршируя быстрым шагом, разорвать винтовкой белку на расстоянии трехсот ярдов. Таким образом, лето 1775 года собрало в Кембридже многих офицеров, чьи имена вскоре стали известны по всей стране, и прежде чем мы продолжим рассказ о событиях, уделим немного времени их представлению.

Дэниел Морган Дэниел Морган, который только что прибыл из Вирджинии со своими стрелками, был уроженцем Нью-Джерси, имел валлийское происхождение. Переехав в Вирджинию в раннем возрасте, он завоевал большую репутацию за храбрость и находчивость в жестоких сражениях Семилетней войны. Он был человеком гигантского роста и силы, обладавшим невероятной выносливостью. Говорят, что в молодости он получил пятьсот ударов плетью по приказу тиранического британского офицера, но остался жив и не сломился. В другой раз, в ожесточенном бою с индейцами в лесу, в котором почти все его товарищи были убиты, Морган был ранен в шею пулей из мушкета. Почти потеряв сознание от раны, которую он считал смертельной, Морган, тем не менее, был полон решимости не оставить свой скальп в руках грязного индейца; и, упав вперед, крепко обняв шею своего крепкого коня, хотя туман сгустился перед его глазами, он помчался по лесным тропам, пока его ближайший индейский преследователь, не в силах догнать его, не бросил в него томагавк с криком разочарованной ярости и не отказался от погони. Обладая этой непобедимой упорностью, Морган был человеком мягким и бескорыстным; настоящим алмазом, хотя и необработанным; необразованным, но ясным и сильным умом и преданным в каждой клеточке своего тела. Бенедикт Арнольд В Кембридже началось его долгое товарищество с совершенно другим человеком, Бенедиктом Арнольдом, молодым человеком из , романтичным и щедрым, непревзойденным в личной храбрости, но тщеславным и корыстным, лишенным моральной силы; в некоторых отношениях более утонченным человеком, чем Морган, но по натуре более грубым и слабым. Мы увидим, как эти два человека будут связаны с некоторыми из самых блестящих достижений войны; и мы увидим, как они будут преследоваться и оскорбляться политическими врагами, пока более слабый характер не сломается и не будет разрушен, а более сильный продержится до конца.

НАТАНАЭЛЬ ГРИН

СИЛУЭТ ДЖОНА СТАРКА

Наряду с Морганом и Арнольдом на Кембриджском Коммоне можно было увидеть человека, которому суждено было сыграть не менее заметную роль в великой кампании, которая закончилась первым решающим поражением британцев. По своей врожденной проницательности, грубой простоте и неустрашимой храбрости Джон Старк был очень

похож на Моргана. То, чем было имя Морган в великих лесах на границе Вирджинии, тем же было и имя Старк среди суровых холмов северной Новой Англии — символом патриотизма и гарантией победы. Несмотря на огромную популярность Старка в Нью-Гэмпшире, он, однако, не был главнокомандующим войсками этой колонии. Джон Салливан Командиром контингента Нью-Гэмпшира был Джон Салливан, богатый адвокат из Дарема, который участвовал в первом Континентальном конгрессе. Салливан был культурным человеком и способным государственным деятелем. Как генерал он был храбрым, умным и верным, но ни в коем случае не блестящим. В тесном сотрудничестве с Салливаном в течение следующих трех лет мы увидим Натаниэля Грина, который теперь командовал контингентом Род-Айленда. Натаниэль Грин По интеллектуальному калибру все другие упомянутые здесь офицеры меркнут по сравнению с Грином, который по окончании войны приобрел военную репутацию, едва ли уступающую репутации Вашингтона. Грин был не менее известен своей мягкостью и чистотой характера, чем широтой своего ума.^[7] Он обладал редким гением, который легко усваивал все виды знаний благодаря врожденной правильности методов. Генри Нокс Все, к чему он прикасался, получалось у него с мастерством, и его здравый смысл вскоре завоевал всеобщее признание. Такой человек, естественно, был заядлым покупателем книг, и благодаря этому он некоторое время назад завязал приятные отношения с дружелюбным и умным Генри Ноксом, который из своего книжного магазина в Бостоне пришел в армию в звании полковника артиллерии и вскоре стал одним из самых верных последователей Вашингтона.

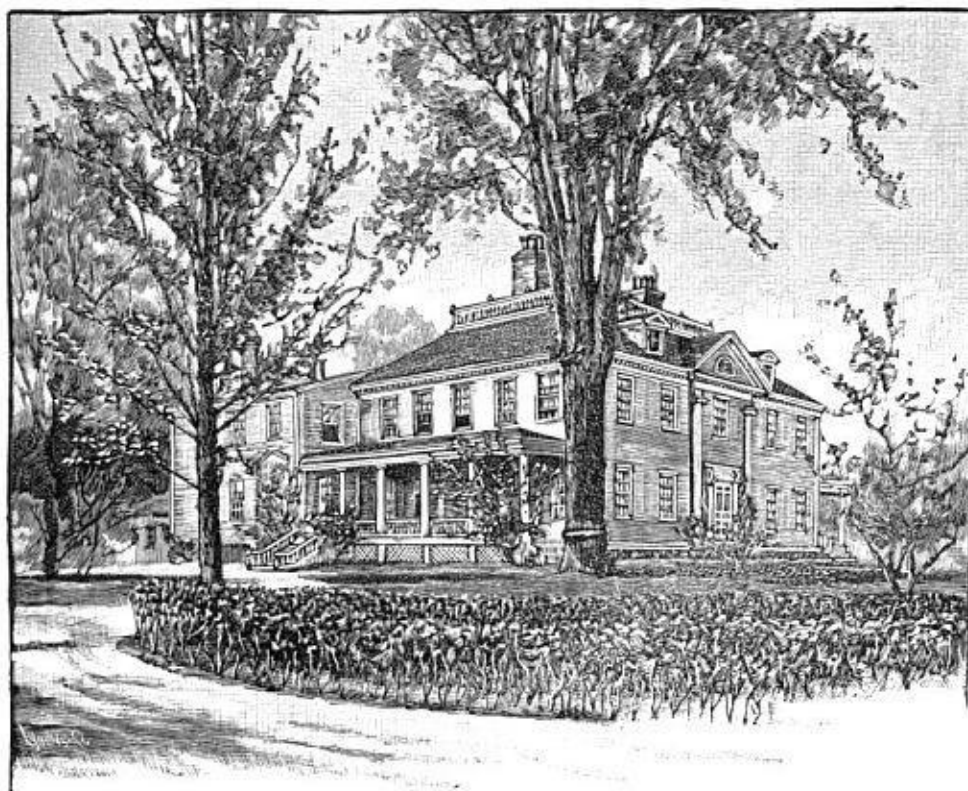

Жнох

Старшие офицеры Из этой группы офицеров никто пока не достиг очень высокого звания в Континентальной армии. Салливан и Грин стоят в конце списка бригадных генералов; остальные являются полковниками. Старший генерал-майор Артемас Уорд и старшие бригадные генералы Помрой Хит, Томас, Вустер и Спенсер вскоре уйдут на второй план, чтобы уступить место этим более молодым и энергичным людям. Израиль Путнэм Генерал-майор Израиль Путнэм, колоритный убийца волков, храбрый и искренний патриот, но с небольшими военными способностями, еще на год останется на переднем плане, а затем будет в основном отправлен на гарнизонную службу.

За исключением Моргана, все упомянутые здесь офицеры являются выходцами из Новой Англии, что вполне естественно, поскольку театр военных действий находится в Массачусетсе, а армия, по-настоящему континентальная по своему составу, еще только формируется. Южные колонии пока что представили только Моргана и главнокомандующего. Нью-Йорк представлен в Континентальной армии двумя из самых благородных американских героев — генерал-майором Филиппом Шуйлером и бригадным генералом Ричардом Монтгомери; но эти способные люди сейчас охраняют Тикондерогу и индейскую границу Нью-Йорка. Горацио Гейтс и Чарльз Ли Но среди группы, которая в 1775 году собралась для консультаций на Кембриджском общественном поле или в благородном особняке тори, теперь освященном воспоминаниями о Вашингтоне и Лонгфелло, были еще

два генерала, тесно связанные друг с другом в течение некоторого времени эфемерной славой, завоеванной ложными предлогом, а затем и длительным позором. С удовольствием вспоминается тот факт, что эти люди не были американцами, хотя оба владели поместьями в Вирджинии; с сожалением приходится признать, что они были англичанами. О Горацио Гейтсе и его карьере, полной глупости и интриг, мы постепенно узнаем более чем достаточно. В то время он находился в Кембридже в качестве генерал-адъютанта армии. Но его друг Чарльз Ли на тот момент был гораздо более заметной личностью; и этот эксцентричный человек, чья карьера долгое время была одной из сложных проблем в американской истории, заслуживает большего, чем просто краткого представления.

ШТАБ ВАШИНГТОНА

Charles Lee

Хотя генерал-майор Чарльз Ли случайно приобрел поместье в Вирджинии, он не имел ничего общего с прославленной семьей Ли из Вирджинии, кроме случайного совпадения фамилий. Он родился в Англии и дослужился в британской армии до звания подполковника. Он служил в Америке во время Семилетней войны, а после, как солдат удачи, он странствовал по Европе, получив в одно время место в штабе короля Польши. Личные особенности Ли Будучи неугомонным авантюристом, он снова приехал в Америку, как только увидел, что здесь назревает война. Ничто не указывает на то, что он заботился об американцах или о деле, за которое они боролись, но он искал возможность прославиться. Американцы приняли его с энтузиазмом. Его громкие, помпезные манеры и огромная самоуверенность сначала произвели впечатление на всех. Он был высоким, худощавым, с впалыми щеками и недовольным выражением лица. В одежде он был чрезвычайно неряшливым. Он любил собак и всегда имел трех или четырех на привязи, но по отношению к мужчинам и женщинам его поведение было угрюмым и оскорбительным. Он обладал острым, циничным умом и всегда делал резкие замечания грубым, суровым голосом. Но доверчивое американское воображение наделило этого неприятного человека качествами великого солдата. Его репутация была частью бессознательного уважения, которое провинциальный ум наших соотечественников () долгое время испытывал к людям и вещам Европы; и в течение некоторого времени его худшие поступки находили снисходительное объяснение как простые эксцентрисичности своенравного гения. Он

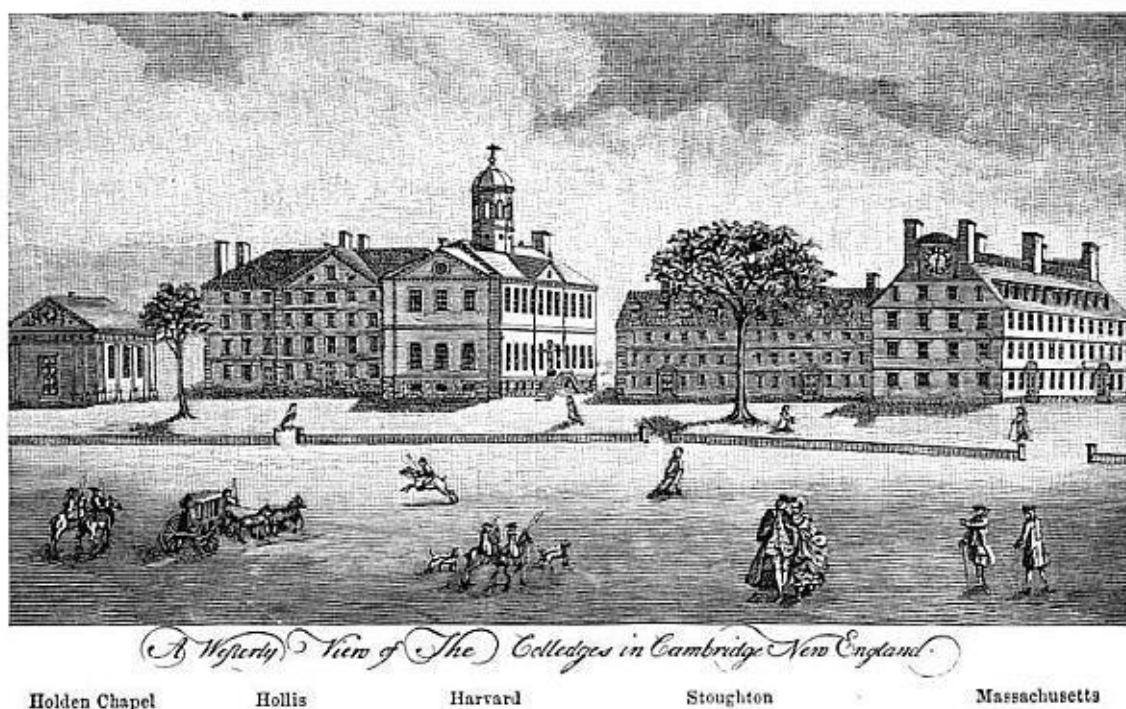
надеялся стать главнокомандующим армией и уже начал () питать горькую злобу к Вашингтону, которого он считал своим заместителем. В следующем году мы увидим, как он пытается сорвать планы Вашингтона в самый критический момент войны, но на данный момент он не проявлял никаких признаков неискренности, за исключением, возможно, чрезмерной готовности вести переговоры с британскими командирами. Как только стало ясно, что начинается война, надежда завоевать славу путем достижения соглашения с врагом стала опасным искушением для людей слабой нравственности, занимающих высокие посты. Бенджамин Черч В октябре 1775 года американский лагерь был потрясен открытием того, что доктор Бенджамин Черч, один из самых заметных лидеров Бостона, вел тайную переписку с врагом.

Доктор Черч был брошен в тюрьму, но, поскольку доказательства его изменнических намерений не были абсолютно полными, весной следующего года его освободили и разрешили посетить Вест-Индию для лечения. Корабль, на котором он отплыл, так и не вернулся. Такое искушение, которому Черч поддался в самом начале войны, преследовало Ли с фатальными последствиями после провозглашения Декларации независимости и привело к гибели Арнольда после заключения союза с Францией.

Такому человеку, как Чарльз Ли, лишенному веры в высшие человеческие добродетели или в силу политических идей, могло легко показаться, что от переговоров можно было ожидать большего, чем от попытки сопротивляться Великобритании с такой армией, какой он теперь командовал на левом фланге. К счастью, британские генералы не знали о реальном положении дел. Среди моральных последствий битвы при Банкер-Хилле было одно, которое на тот момент оказалось неоценимым. Оно внушило генералу Хоу, который теперь сменил главного командующего, чувство, что американцы были более грозными, чем предполагалось, и что для успешного нападения на них потребуются большая осторожность и предусмотрительность. Для человека с таким спокойным характером, как он, этого чувства было достаточно, чтобы помешать решительным действиям. Оно привело к тому, что британские войска простояли в Бостоне несколько месяцев, что очень помогло делу американцев. Несмотря на проявленный энтузиазм и доблесть, армия ополченцев Новой Англии была совершенно не готова к такому сложному предприятию, как осада Бостона. Когда Вашингтон принял командование армией в Кембриджском Коммоне, он обнаружил, что первая и самая сложная задача, стоящая перед ним, заключалась в том, чтобы из этого превосходного, но очень сырого материала создать армию, на которую он мог бы положиться. Трудная работа для Вашингтона. Битва при Банкер-Хилле только что была проиграна, причем обстоятельства, при которых это произошло, были рассчитаны на то, чтобы поднять настроение американцам и вселить в них надежду на будущее; но рисковать еще одной битвой с неподготовленным штабом и скудными запасами пороха было нельзя. Вся работа по организации армии еще предстояла, и обстоятельства не способствовали тому, чтобы сделать ее легкой. Дело было не только в том, что людям, которые были гораздо лучше обучены дисциплине городских собраний, чем лагерной, нужно было преподать важнейший урок военного подчинения: сначала серьезным вопросом было то, как вообще удержать их вместе. То, что энтузиазм, разгоревшегося в день Лексингтона, хватило, чтобы собрать 16 000 человек и удержать их на своих постах в течение трех месяцев, уже было замечательным; но никакая армия, какой бы патриотичной и самоотверженной она ни была, не может существовать только на энтузиазме. Армия, командование которой принял Вашингтон, представляла собой пеструю толпу, одетую в самые разные деревенские наряды, вооруженную надежными мушкетами и ружьями, как показал их недавний подвиг, но лишенную почти всего остального, что входит в снаряжение

солдата. От площади Common до реки их грубые палатки были разбросаны тут и там, некоторые были сделаны из парусины, натянутой на шесты, некоторые были сложены из камней и дерна, а некоторые были странно сооружены из скрученных зеленых ветвей ; в то время как более удачливые нашли относительно роскошные помещения в Массачусетском зале, в маленькой епископальной церкви или в домах патриотически настроенных граждан. Эти добровольцы были зачислены на различные сроки, в основном короткие, по различным контрактам с различными городскими или провинциальными правительствами. Не было совсем ясно, как им будут платить, и было нелегко понять, как их будут кормить. То, что эта армия уже три месяца существовала без какого-либо продовольственного снабжения, само по себе было необычным фактом. День за днем тяжелые повозки грохотали в Кембридж, привозя из высокогорья Беркшира и Вустера, а также из долин Мер гимас и Коннектикута все, что можно было пожертвовать из еды, одежды или лекарств для патриотической армии; и приятные поля Кембриджа были оживленной сценой доброты и сочувствия.

Вид на колледжи в Кембридже, Новая Англия, с запада

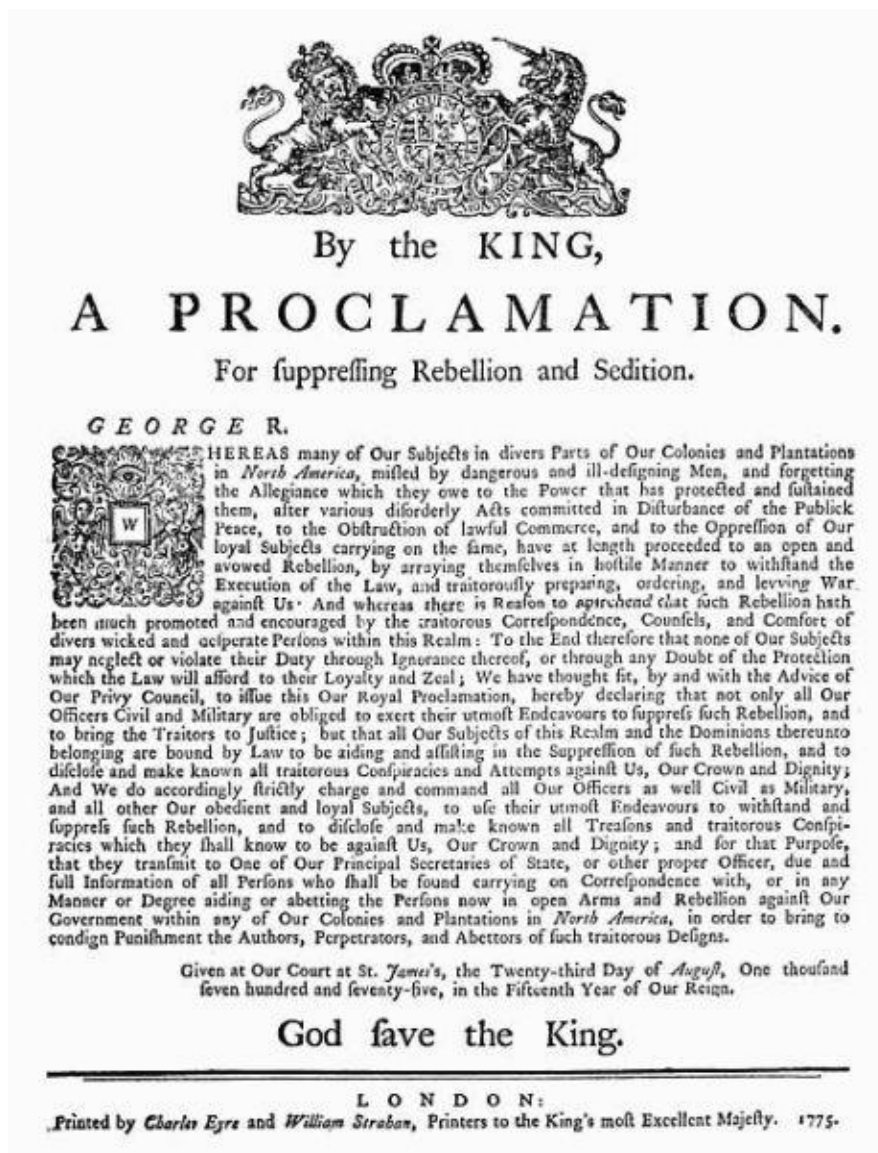
Однако такие средства не могли быть эффективными в течение длительного времени. Для успешного ведения войны необходимо было иметь интендантскую службу, боеприпасы и деньги. И здесь Вашингтон столкнулся с трудностью, которая не переставала мучить его благородную душу и мешать его тщательно разработанным планам до того дня, когда он набросился на Корнуоллиса в Йорктауне. Отсутствие правительственной организации. Ему приходилось постоянно формировать армию, с которой он часто должен был сражаться, не дождавшись ее полного комплектования, и в этой тяжелой работе он мог рассчитывать лишь на незначительную систематическую помощь со стороны. В настоящее время трудность заключалась в том, что нигде не было организованного правительства, способного поддерживать армию. Как мы уже видели, по прибытии Вашингтона войска, окружавшие Бостон, были подчинены четырем разным штатам, из которых два — Коннектикут и Род-Айленд — сохраняли свои древние хартии и избирали своих губернаторов, и по-прежнему находились в нормальном состоянии. В Нью-Гэмпшире, с другой стороны, королевский губернатор Джон Уэнтворт, чья личная популярность была заслуженно высока, сохранил свою должность до августа, в то время как Старк и его люди

ушли в Кембридж, несмотря на его сопротивление. В Массачусетсе революционный Провинциальный конгресс все еще существовал, но с неопределенной властью; даже Континентальный конгресс, который принял армию Кембриджа от имени Объединенных колоний, был просто консультативным органом, не имеющим права взимать налоги или набирать рекрутов. Новое правительство Массачусетса, июль 1775 г. Из этого административного хаоса, через который в эти тяжелые времена были вынуждены пройти все колонии, за исключением Коннектикута и Род-Айленда, Массачусетс первым вышел в июле 1775 г., вернувшись к положениям своей старой хартии и сформировав правительство, в котором власть короля была фактически отменена. Представительное собрание было избрано народом на городских собраниях в соответствии с давними традициями, и этот новый законодательный орган сам избрал ежегодный совет из двадцати восьми членов, который заседал в качестве верхней палаты. Джеймс Боудойн, как президент совета, стал главой исполнительной власти содружества, а Джон Адамс был назначен главным судьей. Сорок тысяч фунтов стерлингов было собрано за счет прямого налога на голоса и недвижимость, а также было выпущено кредитных билетов на сумму еще 1000 фунтов. Содружество приняло новую печать, а прокламация, изданная несколько позже главным судьей Адамсом, предписывающая всем людям лояльно подчиняться новому правительству, заканчивалась значимым призывом «Боже, храни народ» вместо обычного «Боже, храни короля».

Сделав этот решительный шаг, Массачусетс просто первым выполнил общую рекомендацию Континентального Конгресса, согласно которой несколько колоний должны были немедленно приступить к созданию собственных правительств на основе всеобщего избирательного права. От такой рекомендации до официального провозглашения независимости было недалеко. Сэмюэл Адамс настаивал на том, что, провозгласив независимость колоний, Конгресс просто признает факт, который в действительности уже существует (), и что, прямо глядя в глаза фактам, неизбежная война может быть проведена с гораздо большей эффективностью. Но ему решительно и умело противостоял Джон Дикинсон из Пенсильвании, чьи аргументы на данный момент преобладали в Конгрессе. Считалось, что Конгресс, будучи лишь консультативным органом, не имел права предпринимать столь важный шаг, не получив предварительно четких инструкций от каждой из колоний. Кроме того, мысль о отделении все еще была болезненной для большинства делегатов, и было решено, что стоит попробовать еще раз выразить свои претензии в петиции, адресованной его величеству. Конгресс направляет петицию королю По тем же причинам Конгресс не рискнул принять меры по усилению своей власти, и когда Франклин, по-прежнему думая о союзе, как он думал более двадцати лет, выдвинул новый план, в чем-то похожий на принятые впоследствии Статьи Конфедерации, он был отклонен как преждевременный. Было известно, что король яростно противостоял любым переговорам с колониями как единым целым, и эти честные и миролюбивые делегаты настолько учитывали его чувства, что после долгих обсуждений подписали тщательно сформулированную петицию по отдельности, а не совместно. Они подписали ее как отдельные лица, выступающие от имени народа американских колоний, а не как члены органического органа, представляющего американский народ. Чтобы еще больше подчеркнуть свое примирительное настроение, доставку петиции доверили Ричарду Пенну, потомку великого квакера и совладельцу правительства Пенсильвании, прекрасному человеку и ярому лоялисту. Одновременно с этим был выпущен тираж бумажных денег, гарантированных тринадцатью колониями, и полмиллиона долларов было отправлено в Кембридж для использования в армии.

Однако военные операции на время приостановились. В то время как Вашингтон полностью посвятил себя организации и обучению своих войск, снабжению их порохом и пулями, возведению укреплений, заполнению вакансий, возникших из-за коротких сроков

службы (), и, прежде всего, неизменному проявлению смелости перед лицом врага; в то время как лагеря вокруг Бостона были ежедневной ареной утомительных работ, не суливших никаких ближайших перспектив блестящих достижений, Конгресс и народ терпеливо ждали результатов последней петиции, которая когда-либо была отправлена из этих колоний королю Великобритании.

ПРОКЛАМАЦИЯ КОРОЛЯ

[См. транскрипцию](#)

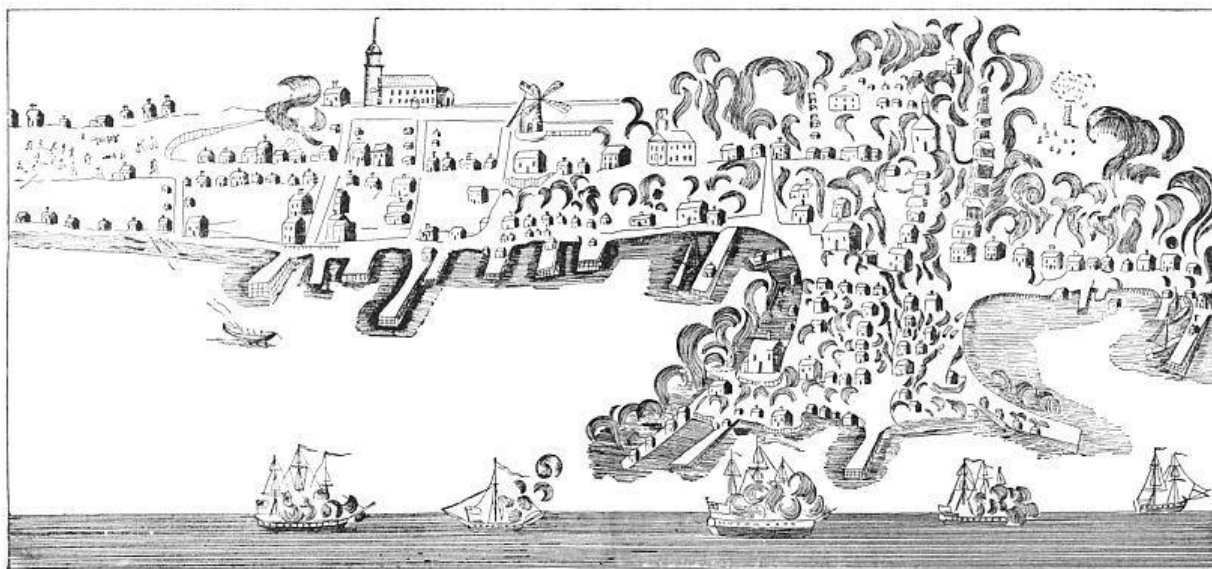
Пенн поспешил как мог и прибыл в Лондон 14 августа, но когда он туда добрался, король не захотел ни встретиться с ним, ни принять петицию, ни прямо, ни косвенно. Конгресс был незаконным собранием, которое не имело права отправлять ему письма: если какая-либо из колоний хотела заключить с ним отдельные условия, он мог бы быть готов выслушать ее. Но эта идея объединенной Америки была чем-то неизвестным ни закону, ни разуму, чем-то, что нельзя было слишком быстро отвергнуть. Король издает прокламацию и пытается нанять войско из России. Пока Пенн ждал в Лондоне, король издал прокламацию, в которой заявлял, что многие из его подданных в колониях открыто подняли вооруженное восстание, и призывал всех лояльных подданных королевства помочь в наказании виновных и пособников этого гнусного предательства. Выпустив эту грозную молнию, Георг сразу же отправил в Россию,

чтобы узнать, может ли он нанять 20 000 человек для помощи в ее осуществлении, поскольку «верные подданные королевства» не спешили выдвигаться. Война против американцев еще не была популярна в Англии. Лорд Чатем отозвал своего старшего сына, лорда Питта, из армии, чтобы тот не был призван служить против людей, защищавших общие свободы англичан. Кроме того, в Англии, как и в Америке, существовало недоверие к регулярной армии. Набор рекрутов был затруднен, а призыв на военную службу был чем-то, чего народ не мог бы терпеть, если бы Англии не угрожала реальная опасность вторжения. Король уже был вынужден собрать войско из своих ганноверских подданных для гарнизона Минорки и Гибралтара, освободив таким образом британских защитников этих крепостей для службы в Америке. У него не было других ресурсов, кроме как нанять войска из-за границы. Екатерина отказывается. Но его попытка в России не увенчалась успехом, поскольку императрица Екатерина, несмотря на все свои недостатки, не была готова продавать кровь своих подданных. Она воспользовалась случаем — как это иногда делают монархи и другие — и саркастически спросила Георга, считает ли он вполне совместимым со своим достоинством нанимать иностранные войска против своих собственных подданных; что же касается русских солдат, то у нее не было ни одного, которого она могла бы выделить для такой цели. Король нанимает немецких солдат. Потерпев неудачу в этом вопросе, король обратился к герцогу Брауншвейгскому, ландграфу Гессен-Кассельскому, князьям Вальдека и Анхальт-Цербста, маркграфу Анспак-Байройтскому и графу Гессен-Ханаускому и сумел заключить сделку на 20 000 лучших пехотинцев Европы с четырьмя хорошими генералами:—Ридезелем из Брауншвейга, Кныппхаузенем, фон Хейстером и Донопом из Гессена. Наем этих войск был резко осужден лордом Джоном Кавендишем в Палате общин, а также лордами Камденом и Шелбурном и герцогом Ричмондом в Палате лордов; а возмущенные тирады Чатема, прозвучавшие несколько позднее, известны всем. Однако в таком деле, как это, следует позаботиться о том, чтобы возложить вину на того, кто действительно в ней виноват. Король вполне мог бы утверждать, что, ведя войну за то, что большинство парламента считало праведной целью, он не поступил хуже, нанимая солдат, чем покупая пушки и корабли. Немецкие войска, со своей стороны, могли справедливо жаловаться на лорда Кэмдена за то, что он заклеил их как «наемников», поскольку они прибыли в Америку не за плату, а потому, что не было другого выхода. Эти честные люди с тяжелым сердцем взяли в руки оружие, чтобы отправиться за море и сражаться за дело, к которому они не испытывали никакого интереса, и их отъезд вызвал большую скорбь. Те, кто действительно заслуживал осуждения за эту сделку, были наемные князья, которые так бесстыдно продали своих подданных в рабство. Это был яркий пример деморализации, которая царила в мелких дворах Германии в последние дни старой империи, и вызвала глубокое возмущение среди немецкого народа. Возмущение в Германии. Народные настроения были хорошо выражены Шиллером в его «Кабале и любви». Фридрих Великий в письме к Вольтеру заявил, что он безмерно возмущен, и, чтобы скупно выразить свое презрение к этой сделке, отдал приказ своим таможенникам взимать с всех таких солдат, проходящих через прусскую территорию, пошлину, как с «скота, вывозимого на зарубежные скотобойни».

Сожжение Портленда, 16 октября 1775 г. Когда осенью на сессии парламента был поднят американский вопрос, к нему отнеслись так, как к этому времени уже привыкли американцы. Несколько дальновидных людей по-прежнему настаивали на разумности американских требований, но теперь против них было подавляющее большинство. Несмотря на серьезные предупреждающие голоса, обе палаты решили поддержать короля; в этом их поддержал Оксфордский университет, который столетие назад сжег произведения Джона Милтона как «богохульные», а теперь с таким же успехом в официальном обращении к королю охарактеризовал американцев как «народ, который лишился своих жизней и состояний в интересах справедливости государства». В то же время ведомство по делам Америки было отобрано у любезного лорда Дартмута и передано жестокому лорду Джорджу

Джермейну. Все это произошло в ноябре 1775 года, а в предыдущем месяце предвещало это беспричинное варварство со стороны британского морского офицера, которое британское правительство как можно скорее отвергло. 16 октября капитан Моуэтт на четырех небольших судах вошел в гавань Портленда (тогда называвшуюся Фалмут) и с помощью снарядов и гранат поджег маленький городок. Церковь Святого Павла, все общественные здания, здание суда () и три четверти всех жилых домов были сожжены дотла, и тысяча ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей оказались на улице (just) в преддверии суровой зимы в штате Мэн, где их ждали голод и мороз.

Новость о пожаре в Портленде достигла Филадельфии в тот же день (31 октября) вместе с новостью о том, что Георг III собирался отправить иностранных наемников для борьбы против своих американских подданных; и теперь гнев Конгресса был полностью разжег, а партия, которая советовала дальнейшую выжидательную политику, оказалась в беспомощном меньшинстве.

СОВРЕМЕННЫЙ ОЧЕРК О ПОЖАРЕ В ФАЛМУТЕ

Влияние на Конгресс «Что ж, брат-мятежник, — сказал один из южных членов Конгресса Сэмюэлу Уорду из Род-Айленда, — теперь мы получили достаточный ответ на нашу петицию: я не хочу ничего больше, но готов провозгласить нашу независимость». Конгресс теперь советовал Нью-Гэмпширу, Вирджинии и Южной Каролине создать для себя новые республиканские правительства, как это уже сделал Массачусетс; он призвал Южную Каролину захватить британские суда в своих водах; он назначил комитет для переписки с иностранными державами; и, прежде всего, он безоговорочно принял план, уже частично реализованный, по изгнанию британцев из Канады.

Guy Carleton

Rich: Montgomery

Сразу же после начала военных действий в Лексингтоне северные лидеры, хорошо помнящие, как в былые времена долина реки Святого Лаврентия служила базой для нападений на провинцию Нью-Йорк, которая тогда была стратегическим центром американского мира, задумали завоевание Канады. С самого начала считалось военной мудростью обеспечить контроль над этим регионом. Но пока оставалась малейшая надежда на примирение, Конгресс не желал принимать никаких мер, кроме чисто оборонительных. Американцы вторгаются в Канаду, сентябрь 1775 г. Как мы видели, он с неохотой санкционировал размещение гарнизона в Тикондероге войсками Коннектикута. Но в течение лета стало известно, что губернатор Канады сэр Гай Карлтон собирается предпринять шаги по возвращению Тикондероги; кроме того, по достоверным сведениям, велись интриги с племенами ирокезов, чтобы побудить их разграбить границы Новой Англии и уютные фермы на Гудзоне. В этих условиях Конгресс санкционировал вторжение в Канаду в качестве меры самообороны. Была немедленно организована экспедиция по озеру Шамплейн против Монреаля. Поскольку Шуйлер, командующий северным департаментом, был выведен из строя по состоянию здоровья, руководство экспедицией было поручено Ричарду Монтгомери, офицеру, прославившемуся под командованием Вульфа. В конце августа Монтгомери выступил из Тикондероги, и 12 сентября с силами в две тысячи человек осадил крепость Сент-Джонс, которая контролировала подступы к Монреалю. Карлтон, который, несмотря на все свои усилия, смог собрать только около девятисот человек, предпринял героические, но тщетные попытки остановить его продвижение. После пятидесятидневной осады Сент-Джонс сдался 3 ноября, а 12 ноября Монтгомери торжественно вошел в Монреаль. До этого жители Канады, казалось, благосклонно относились к американским захватчикам (), и Монтгомери издал прокламацию,

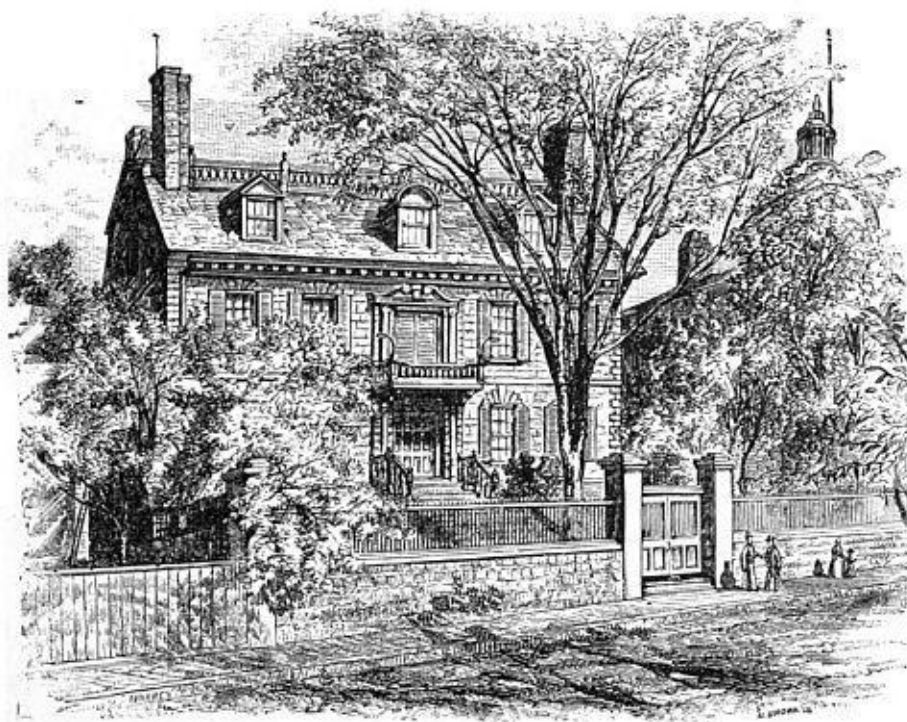
призывающую их не терять времени и выбрать делегатов для участия в Континентальном конгрессе.

Тем временем, в сентябре Вашингтон отделил от армии в Кембридже тысячу пехотинцев из Новой Англии, две роты стрелков из Пенсильвании и знаменитых снайперов Моргана из Вирджинии и приказал им продвигаться на Квебек через леса Мэна и по рекам Кеннебек и Шодьер. Поход Арнольда через пустыню. Мэна Экспедицией командовал полковник Бенедикт Арнольд, который, по-видимому, был одним из первых, если не первым, кто предложил ее. Такие планы вторжения на территорию врага, предполагающие поход независимых сил по сходящимся линиям из отдаленных точек, были гораздо более популярны среди военных сто лет назад, чем сегодня. Недостатки таких методов часто иллюстрировались во время нашей Войны за независимость. Огромные расстояния и полное отсутствие связи делали невозможным эффективное сотрудничество между Монтгомери и Арнольдом, в то время как внезапное нападение на Квебек последним с силами, достаточными для его захвата без посторонней помощи, было почти столь же невозможным. Но сама сложность плана привлекала романтического и энергичного Бенедикта Арнольда. Это предприятие требовало всей его настойчивой смелости и изобретательности. Это было амфибийное путешествие: то его люди с трудом гребли на лодках против сильного, быстрого течения Кеннебека, то, неся лодки и весла на плечах, пробирались через запутанные заросли первобытных лесов. Часто им приходилось переходить опасные болота вброд, и вскоре их обувь была изрезана острыми камнями, а одежда разорвана на лоскутки колючками и терниями. Их запасы продовольствия иссякли, и хотя они застрелили несколько мелких животных, их голод стал настолько сильным, что они съели своих собак. Когда они достигли верховья Чаудьера после этого ужасного тридцатитрехдневного похода, двести человек из их погибли от голода, холода и усталости, а еще двести сдались и вернулись в Массачусетс, унеся с собой всех больных и инвалидов, которых смогли спасти. Спуск по Шаудиере на лодках дал им возможность отдохнуть, и вскоре они начали находить скот для пропитания. Наконец, 13 ноября, на следующий день после захвата Монреаля Монтгомери, они пересекли широкую реку Святого Лаврентия и поднялись на высоты Авраама, в том самом месте, где шестнадцать лет назад Вольф поднялся к победе. Было великолепно смело со стороны Арнольда продвигаться со своей маленькой, измученной армией, которая теперь сократилась до семисот человек, к самым воротам и приказать гарнизону либо выйти и сражаться, либо сдаться. Но гарнизон, как и положено, не сдался и не стал сражаться. Город был предупрежден вовремя, и Арнольду не оставалось ничего другого, как ждать, пока к нему присоединится Монтгомери.

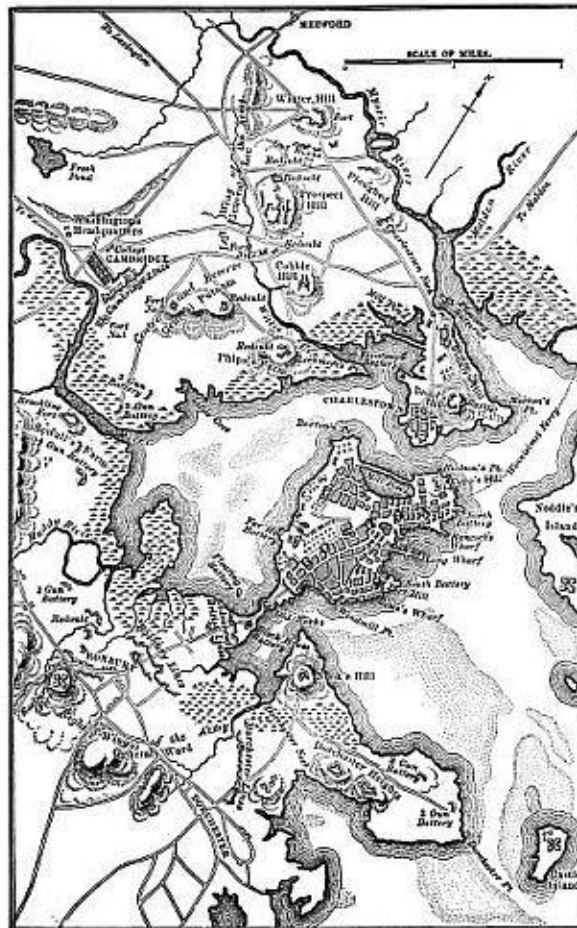
Шесть дней спустя Карлтон, переодетый фермером и переправившийся вниз по течению на маленькой лодке, проник в Квебек; а 3 декабря появился Монтгомери с небольшим отрядом, который увеличил число американцев до двенадцатисот человек. Поскольку Карлтон упорно отказывался выйти из своих укреплений, было решено штурмовать укрепления — рыцарское, даже можно сказать, безрассудное решение, если бы оно не было оправдано событиями. Штурм Квебека, 31 декабря. 1775 года В последний день 1775 года Англия была на грани потери Квебека. В два часа ночи, в ослепительной метели, Монтгомери и Арнольд начали яростную атаку с противоположных сторон города и, воспользовавшись эффектом неожиданности, каждый из них был близок к достижению своей цели. Монтгомери почти прорвался внутрь, когда он упал замертво, пронзенный тремя пулями; это настолько охладило энтузиазм его людей, что они ослабли, пока подкрепление не оттеснило их назад. Арнольд, со своей стороны, был тяжело ранен и унесен с поля боя; но неукротимый Морган занял его место, и его вирджинская рота штурмовала противостоявшую им батарею и пробилась далеко вглубь города. Если бы атака с другой стороны продолжалась с такой же энергией, как это могло бы быть, если бы не смерть

Монтгомери, Квебек, несомненно, пал бы. Однако, как было, триумфальное продвижение Моргана только послужило его изоляции, и вскоре он и его доблестная рота были окружены и взяты в плен.

Полный провал попытки захватить Канаду С провалом этой отчаянной атаки ушла золотая возможность захватить цитадель Канады. Арнольд оставался всю зиму в окрестностях Квебека, а весной предприятие было продолжено Вустером и Салливаном с новыми силами. Но к этому времени многие гессенцы перешли на сторону противника, и Карлтон, усиливший свою армию до 13 000 человек, смог отбить Монреаль и оттеснить американцев, пока в июне, после рискованного отступления, хорошо проведенного Салливаном, остатки их армии не нашли убежище в Краун-Пойнте. Таким было катастрофическое завершение кампании, которая вначале обещала блестящий успех и заслуженно прославилась героизмом и мастерством, с которыми она была проведена. Генеральское искусство Монтгомери получило горячее одобрение не менее авторитетного критика, чем Фридрих Великий; а рыцарская храбрость Арнольда, проявленная как во время его похода через пустыню, так и в последующих военных операциях, была такова, что если бы судьба в тот момент могла оборвать нить его жизни, он оставил бы после себя сладкую и яркую память. Что же касается попытки присоединить Канаду к американскому союзу, то она не имела никаких шансов на успех, кроме как путем сильного проявления военной силы. Шестнадцать лет, прошедших с момента победы Вольфа, не превратили канадцев старого *режима* в свободнорожденных англичан. В настоящее время для них вопрос заключался лишь в выборе верности, и хотя сначала захватчики были встречены благосклонно, вскоре стало очевидным, что между католиками и пуританами не могло быть настоящей симпатии. Квебекский акт (), легализовавший католическое вероисповедание в Канаде, во многом способствовал укреплению власти Англии над этой частью ее американских владений. И хотя в бесцветной политической обстановке этой северной провинции захват Квебека вполне мог привести к ее вхождению в американский союз, где она постепенно обрела бы новую жизнь, как это произошло под руководством Великобритании, однако ничто, кроме такой военной оккупации, не могло повлиять на ее вялые предпочтения.

Осада Бостона В то время как Канада была освобождена от присутствия континентальных войск, британская армия, с другой стороны, была изгнана из Бостона, и Новая Англия была очищена от врага. В течение осени и зимы Вашингтон максимально приблизил свои линии к городу, одновременно занимаясь организацией и оснащением своей армии. Самой сложной задачей было собрать достаточное количество пороха и пуль, а также собрать осадные орудия. По мере того как сезон подходил к концу, страна становилась все более нетерпеливой, и Вашингтону иногда приходилось выслушивать критику, подобную той, которая была направлена против Макклеллана в Вирджинии в начале 1862 года или против Гранта перед Вicksburg весной 1863 года. Президент Хэнкок, владевший большим количеством недвижимости в Бостоне, настаивал на том, чтобы он поджег город и уничтожил его, если таким образом он сможет загнать британцев на их корабли. Но Вашингтон планировал гораздо мудрее. К 1 марта Генри Нокс доставил большое количество пушек, некоторые из которых были привезены на санях из Тикондероги, и, наконец, Вашингтон почувствовал себя готовым захватить Дорчестер-Хайтс. Эта позиция контролировала город и гавань даже более эффективно, чем Банкер-Хилл, и почему за все эти месяцы генерал Хоу не занял ее, сказать трудно. Естественно, что британские газеты подвергли его резкой критике за эту небрежность.

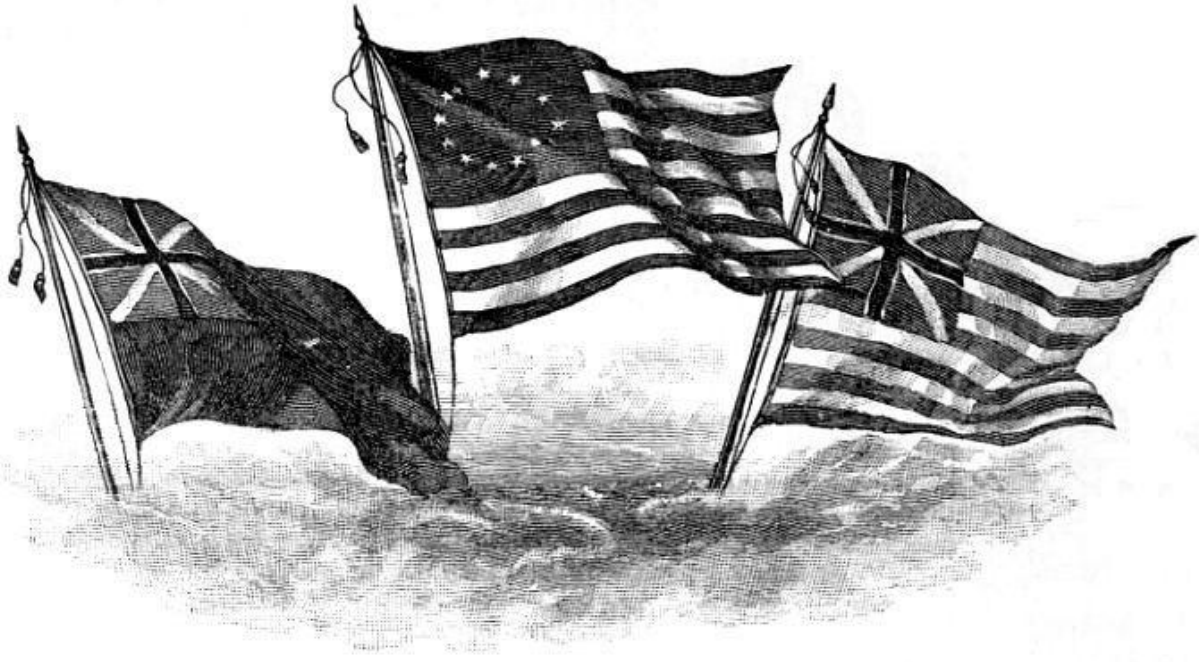
БОСТОН И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ В 1775 И 1776 ГОДАХ

МЕДАЛЬ, ПРИСУЖДЕННАЯ ВАШИНГТОНУ ЗА ЗАХВАТ БОСТОНА

Вашингтон захватывает Дорчестер-Хайтс 4 марта 1776 года Вашингтон выбрал для своего решающего шага ночь 4 марта. Восемьсот человек шли впереди, сопровождая повозки, груженные лопатами и ломами, топорами, молотками и гвоздями; за ними следовали

двенадцать сотен человек с тремястами воловьими повозками, везущими бревна и тюки сена; а замыкал колонну тяжелый осадный артиллерийский отряд. Из Сомервилля, Восточного Кембриджа и Роксбери вскоре после захода солнца началась яростная канонада, которая продолжалась всю ночь, полностью поглотив внимание британцев, которые отвечали живым огнем. Рев пушек заглушал все остальные звуки на многие километры вокруг, а всю ночь две тысячи американцев, совершивших свой короткий марш в полной секретности, были заняты рытьем и строительством на холмах Дорчестера и перетаскиванием осадных орудий на позиции. Рано утром следующего дня Хоу с удивлением увидел, что было сделано, и начал осознавать свою опасную ситуацию. Командующий флотом сообщил, что, если американцев не удастся немедленно вытеснить, он не сможет рискнуть оставить свои корабли в гавани (). Большая часть дня ушла на обсуждение того, что делать, пока, наконец, лорду Перси не было приказано взять три тысячи человек и штурмовать укрепления. Но бойня на Банкер-Хилл дала такой хороший урок, что ни Перси, ни его люди не были готовы к такому предприятию. Сильная буря, поднявшаяся к вечеру, убедила их отложить атаку до следующего дня, и к тому времени всем стало ясно, что американские укрепления, постоянно растущие, стали неприступными. Приказ Перси был отменен, и было решено немедленно покинуть город. Это был шестой год со дня, когда Хатчинсон уступил требованиям городского собрания и вывел два британских полка из Бостона. Начатое тогда дело было теперь завершено Вашингтоном, и с этого момента освобождение Массачусетса было полным. Хоу сразу же сообщил гражданам, что он собирается эвакуировать Бостон, но пригрозил превратить город в пепел, если его войска подвергнутся обстрелу. Британские войска эвакуируют Бостон 17 марта 1776 года. Члены городского совета передали всю эту информацию Вашингтону, который, уверенный в достижении своей цели, позволил врагу уйти мирно. К 17-му числу все восемь тысяч солдат были на борту своих кораблей и, взяв с собой всех тори, которых насчитывалось около девятисот человек, отплыли в Галифакс. Нехватка места не позволила им увезти тяжелое вооружение, и их отступление, хотя и было медленным, носило следы спешки и суматохи. Захватив город, Вашингтон захватил более двухсот исправных пушек, в десять раз больше пороха и пуль, чем его армия когда-либо видела, и огромное количество мушкетов, лафетов и военных запасов всех видов. Таким образом, Новая Англия была освобождена одним блестящим ударом, с очень незначительным ущербом для частной собственности () и с общими потерями не более двадцати жизней.

ЭВОЛЮЦИЯ ФЛАГА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Настало время, когда колонии могли объявить о своей независимости от Великобритании. Идея отделения от метрополии, которая осенью нашла лишь немногих сторонников, с каждым днем набирала популярность в течение зимы и весны. Временный флаг Несообразность сложившейся ситуации символизировал флаг, который Вашингтон вывесил в новогодний день в Кембридже. Он состоял из тринадцати полос, символизировавших Объединенные колонии, но в углу сохранял британские кресты. До сих пор, по словам Бенджамина Харрисона, они умудрялись «ковылять под гнетом роковой привязанности к Великобритании», но настало время, когда нужно было в первую очередь думать о благосостоянии своей страны. Как сказал Сэмюэл Адамс, их прошения не были услышаны, а вместо этого они получили ответ в виде армий и флотов, а также наемных солдат из-за границы. Влияние найма «мирмидонов» Ничто не произвело на американский народ большего впечатления, чем наем немецких войск. Это больше, чем любая другая причина, подготовило их умы к провозглашению независимости. Многие теперь начали соглашаться с массачусетским государственным деятелем; и пока общественное мнение находилось в таком податливом состоянии, появилась брошюра, которая оказала огромное влияние на народ, главным образом потому, что она лаконично и энергично выражала мнения, которые каждый уже более чем наполовину сформировал для себя.

Томас Пейн прибыл в Америку в декабре 1774 года и благодаря получил работу редактора журнала «Pennsylvania Magazine». По с диссидентом и революционером до мозга костей. Полный щедр энтузиазма XVIII века по поводу «прав человека», он не уважал будь то в церкви или в государстве. Для него церковь и ее дог суеверие, а государство — тиранию. Обладая грубым, недисципли небольшой образованностью, но наделенный врожденн проницательностью, а также неплохими способностями к самс

заставить всех читать то, что он писал, и завоевал популярность, несоразмерную его реальным заслугам. Среди набожных американских семей его имя долгое время было синонимом ужаса и позора, а необразованные свободомыслящие люди до сих пор строят лекционные залы в честь его памяти и отмечают годовщину его рождения речами, полными безобидных, но довольно унылых банальностей. «Век разума», который был причиной всех этих благословений и запретов, содержит среди множества грубых аргументов некоторые здравые и разумные критические замечания, которые по своей смелости часто намного превосходят книги и проповеди современных унитариев и епископалов; но его тон груб и скучен, и с улучшением народного образования он быстро погружается в забвение. Однако бывают случаи, когда такие едкие памфлетисты, как Томас Пейн, приносят пользу. Бывают случаи, когда они могут добиться результатов, которые не так легко достичь людям более утонченного склада и более тонкого ума. «Здравый смысл» Именно в такой момент, в январе 1776 года, Пейн опубликовал свою брошюру «Здравый смысл» по предложению Бенджамина Раша и с одобрения Франклина и Сэмюэля Адамса. Брошюра содержит некоторые неуместные оскорбления в адрес английского народа и прибегает к таким аргументам, как отрицание английского происхождения американцев. Пейн утверждает, что *даже* в Пенсильвании не более трети населения имеют английское происхождение, как будто Пенсильвания была лидером среди колоний по количеству англичан, а не, как на самом деле, одной из самых малоанглийских из всех тринадцати. Но наряду со всем этим в брошюре содержалось разумное и яркое изложение практического положения дел между Великобританией и колониями. Были остроумно и ярко изложены причины, по которым примирение считалось безнадежным, и необходимость воспользоваться моментом, чтобы объявить миру то, что логика событий уже быстро превращала в свершившийся факт. Только так, как утверждалось, штаты Америки могли проводить последовательную и четко определенную политику и сохранить свое достоинство в глазах мира.

The Sun never shined on a cause of greater worth, 'Tis not the affair of a City, a County, a Province or a Kingdom; but of a Continent—of at least one eight part of the habitable Globe. 'Tis not the concern of a day, a year, or an age; posterity are virtually involved in the contest, and will be more or less affected even to the end of time by the proceedings now. Now is the feed-time of Continental union, faith and honor. The least fracture now, will be like a name engraved with the point of a pin on the tender rind of a young oak; the wound will enlarge with the tree, and posterity read it in full grown characters.

By referring the matter from argument to arms, a new æra for politics is struck—a new method of thinking hath arisen. All plans, proposals, &c. prior to the 19th of April, *i. e.* to the commencement of hostilities, are like the almanacks of the last year; which tho' proper then, are superseded and useless now. Whatever was advanced by the advocates on either side of the quest on then, terminated in one and the same point, viz. a union with Great-Britain; the only difference between the parties, was the method of effecting it; the one proposing force, the other friendship: but it hath so far happened that the first hath failed, and the second hath withdrawn her influence.

As much hath been said of the advantages of reconciliation, which like an agreeable dream, hath passed away, and left us as we were, it is but right that we should examine the contrary side of the argument, and enquire into some of the many material injuries which these Colonies sustain, and always will sustain, by being connected with, and dependant on Great-Britain.—To examine that connection and dependance, on the principles of nature and common sense, to see what we have to trust to if separated, and what we are to expect if dependant.

СТРАНИЦА ИЗ «ЗДРАВОГО СМЫСЛА»

[См. транскрипцию](#)

Гневные высказывания и ответные гневные высказывания Типографам было трудно с помощью неуклюжих печатных машин того времени выпускать экземпляры «Здравого смысла» достаточно быстро, чтобы удовлетворить спрос на него. Более ста тысяч экземпляров были быстро распроданы, и везде, где бы ни появлялась эта книга, она убеждала читателей в правоте своих аргументов. В то же время парламент сделал все возможное, чтобы усилить свои аргументы, приняв закон о закрытии всех американских портов и санкционировав конфискацию всех американских кораблей и грузов, а также нейтральных судов, которые осмеливались торговать с этим запрещенным народом. И, как будто этого было недостаточно, была добавлена оговорка, согласно которой британские командиры в открытом море должны были принуждать экипажи таких американских кораблей, которые они могли встретить, и заставлять их под угрозой смертной казни вступать на службу против своих соотечественников. В ответ на этот указ Конгресс в марте приказал открыть порты Америки для всех стран, выдал каперские свидетельства и рекомендовал всем колониям разоружить тех тори, которые откажутся участвовать в общей обороне. Эти меры, как сказал Франклин, были фактически объявлением войны Великобритании. Но прежде чем сделать последний необратимый шаг, благоразумный Конгресс дождался инструкций от каждой из колоний.

Первой колонией, которая приняла решительные меры в пользу независимости, была Северная Каролина, содружество, в котором король предполагал, что перспективы для партии лоялистов будут особенно благоприятными. Восстановившись в некоторой степени после беспорядков первых дней, Северная Каролина быстро превращалась в процветающее сообщество мелких плантаторов, и ее население росло так быстро, что теперь она занимала четвертое место среди колоний, сразу после Пенсильвании. Шотландцы в Северной Каролине. После свержения претендента на престол в Каллодене произошла массовая иммиграция крепких шотландцев из западных горных районов, в которых были особенно представлены кланы Макдональд и Маклеод. Сама знаменитая Флора Макдональд, романтическая женщина, спасшая Чарльза Эдварда в 1746 году, недавно переехала сюда и поселилась в Кингсборо вместе со своим мужем Алланом Макдональдом. Эти шотландские иммигранты также помогли колонизировать высокогорные районы Южной Каролины и Джорджии и оказали значительное влияние на расовый состав населения Юга, сформировав родословную, которой их потомки могут по праву гордиться. Хотя эти члены кланов из горных районов принимали участие в восстании Стюартов, они стали достаточно лояльными к правительству Георга III, и теперь появилась надежда, что с их помощью колония может быть надежно защищена, а ее соседи с обеих сторон будут уstraшены. Клинтон отправляется в Каролину С этой целью в январе сэр Генри Клинтон, взяв с собой 2000 солдат, покинул Бостон и отплыл к реке Кейп-Фир, а из Ирландии был отправлен отряд из семи полков и десяти военных кораблей под командованием сэра Питера Паркера, чтобы сотрудничать с ним. В то же время королевский губернатор Джозайя Мартин, который для безопасности укрылся на борту британского корабля, вел переговоры с горцами, пока не было собрано 1600 человек, которые под командованием Дональда Макдональда двинулись к побережью, чтобы встретить прибытие Клинтона. Сражение при Мурс-Крик, 27 февраля 1776 года Но Северная Каролина, как и Массачусетс, имела свои ополченческие отряды, и как только это движение было замечено, полковник Ричард Кэсвелл с 1000 ополченцев занял сильную позицию на мосту через Мурс-Крик, который Макдональд собирался перейти по пути к побережью. После ожесточенного боя, длившегося полчаса, шотландцы впали в панику и были полностью разгромлены. Девятьсот пленных, 2000 единиц оружия и 15 000 фунтов стерлингов золотом стали трофеями победы Кэсвелла. Шотландский командир и его родственник, муж Флоры Макдональд, были взяты в плен и заключены в тюрьму, и таким образом закончилось господство Георга III над Северной Каролиной. Эффект от этой победы был столь же заразительным, как и эффект от битвы при Лексингтоне в Новой Англии. В течение десяти дней 10 000 ополченцев были готовы противостоять врагу, так что Клинтон по прибытии решил не высаживаться на берег и остался курсировать по Альбемарл-Саунд, ожидая флот под командованием Паркера, который появился на месте только в мае. Северная Каролина провозглашает независимость Незамедлительно был созван провинциальный конгресс, и делегатам Северной Каролины в Континентальном конгрессе были отправлены инструкции, уполномочивающие их «согласиться с делегатами других колоний в провозглашении независимости и заключении иностранных союзов, оставляя за колонией исключительное право на создание конституции и законов для нее».

Действия Южной Каролины и Джорджии В то же время, когда происходили эти события, колония Южная Каролина создавала для себя новое правительство, и 23 марта, не упоминая напрямую о независимости, она уполномочила своих делегатов соглашаться с любыми мерами, которые могут быть сочтены необходимыми для благосостояния Америки. В Джорджии провинциальный конгресс, выбирая новый состав делегатов в Филадельфию, уполномочил их «присоединяться к любой мере, которую они сочтут целесообразной для общего блага».

В Вирджинии партия, выступавшая за независимость, была в меньшинстве, пока в ноябре 1775 года королевский губернатор лорд Данмор не издал прокламацию, предлагая свободу всем неграм и белым слугам, которые могли бы вступить в армию с целью «возвращения колонии к надлежащему пониманию своих обязанностей». Лорд Данмор надеялся, что эта мера «заставит мятежников рассеяться, чтобы позаботиться о своих семьях и имуществе» (). Но цель не была достигнута. Отношения между хозяином и рабом в Вирджинии были настолько хорошими, что предложение о свободе не вызвало никакого

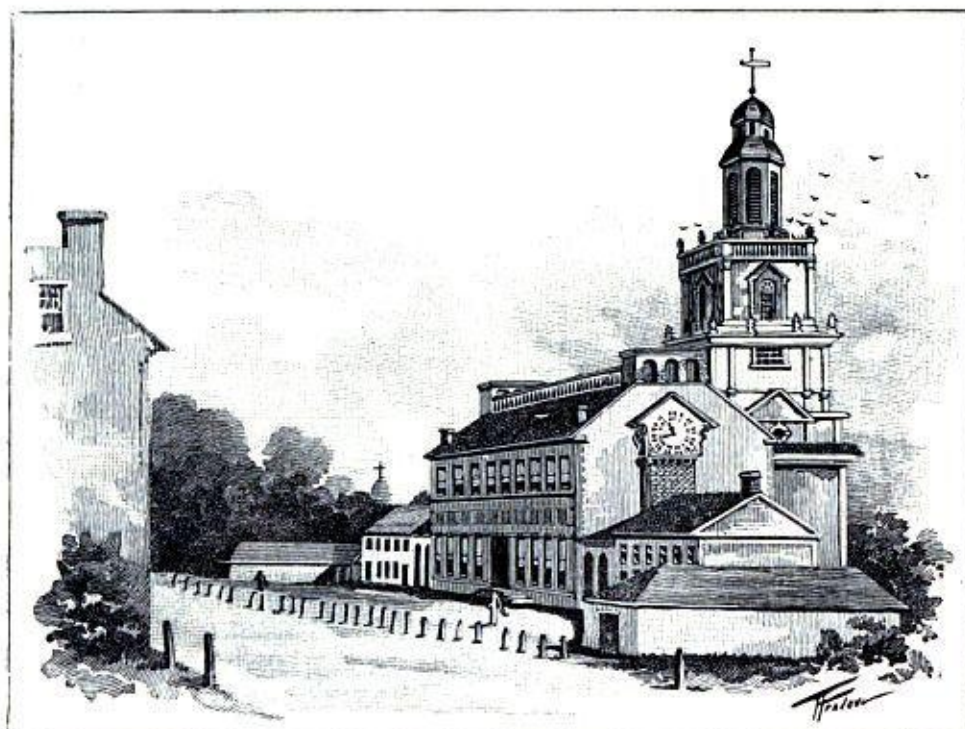
Данмор

интереса. Благодаря легкой работе и щедрой плате, негры Вирджинии жили счастливо. Еще не наступило время, когда его могли оторвать от жены и детей, чтобы он умер от лишений на хлопковых полях и рисовых болотах далекого Юга. Он гордился своей связью с поместьем и семьей своего хозяина и не имел ничего, что мог бы получить от восстания. Что касается белых слуг, то предложение губернатора имело для них примерно такое же значение, как прокламация Наполеона, если бы в 1805 году он предложил освободить заключенных в Ньюгейте при условии, что они помогут ему вторгнуться в Англию. Но, несмотря на всю бесполезность этой меры лорда Данмора, она привела в ярость жителей Вирджинии, окончательно настроив их против короля и его « » дела. В ноябре, узнав, что группа «мятежников» из Северной Каролины направляется к Норфолку, чтобы захватить его, лорд Данмор построил примитивный форт на мосту через реку Элизабет, который контролировал южный подход к городу. В то время Норфолк с населением около 9000 человек был главным городом Вирджинии и торговым центром колонии. Партия лоялистов, представленная в основном шотландскими купцами, была там настолько сильна и жестока, что многие семьи коренных жителей Вирджинии, почувствовав себя неуютно в своих домах, уехали в сельскую местность. Стычка у Большого моста и сожжение Норфолка Патриоты, возмущенные прокламацией Данмора, решили захватить Норфолк, и отряд снайперов, в котором прославленный Джон Маршалл служил лейтенантом, занял берег реки Элизабет напротив форта Данмора. 9 декабря, после ожесточенного пятнадцатиминутного боя, в котором регулярные войска Данмора потеряли шестьдесят один человек, в то время как ни один житель Вирджинии не был убит, форт был поспешно покинут, и дорога в Норфолк была открыта для патриотов. Через несколько дней жители Вирджинии вступили во владение своим городом, а Данмор укрылся на линейном корабле «Ливерпуль», который только что вошел в гавань. В день Нового года губернатор мстительно поджог город, который он не смог удержать от его законных владельцев. Пожар, разгоревшийся от снарядов из гавани, бушевал три дня и три ночи, пока весь город не превратился в пепел, а люди не были вынуждены искать какое-нибудь убогое убежище, которое могло бы спасти их от зимних морозов.

Вирджиния провозглашает независимость Это событие в значительной степени определило отношение Вирджинии к . В ноябре колония не была готова выполнить рекомендацию Конгресса и сформировать новое правительство. Люди еще не были готовы разорвать связи,

которые связывали их с Великобританией. Но бомбардировка их главного города была аргументом, силу и значение которого мог оценить каждый. В течение зимы и весны революционные настроения с каждым днем набирали силу. 6 мая 1776 года был избран съезд для рассмотрения вопроса о независимости. Мейсон, Генри Пендлтон и прославленный Мэдисон приняли участие в дискуссии, и 14 мая было единодушно принято решение () поручить делегатам Вирджинии в Конгрессе «предложить этому уважаемому органу провозгласить Объединенные Колонии свободными и независимыми штатами» и «дать согласие колонии на меры по формированию иностранных союзов и конфедерации, при условии, что полномочия по формированию правительства для внутреннего регулирования каждой колонии будут оставлены за колониальными законодательными органами». Одновременно было решено, что жители Вирджинии должны создать новое правительство для своего содружества. Вечером, когда эти решения были доведены до сведения жителей Вильямсбурга, их ликование не знало границ. В то время как в воздухе раздавались звуки церковных колоколов, стреляли из орудий, на здании Государственного дома был спущен британский флаг, а на его месте поднят флаг с крестами и полосами.

Это решительное движение крупнейшей из колоний было встречено с восторгом по всей стране, и из других колоний, которые еще не приняли решения, быстро поступили ответы. Действия Род-Айленда и Массачусетса Род-Айленд, который никогда не отказывался от своей первоначальной хартии, не нуждался в создании нового правительства, но уже 4 мая исключил имя короля из своих официальных документов и судебных приказов шерифа и согласился поддержать любые меры, которые Конгресс сочтет целесообразными принять в отношении отношений между Англией и Америкой. В течение мая по всему Массачусетсу проходили городские собрания (), и везде единогласно голосовали за поддержку Конгресса в декларации независимости, которую он, как ожидалось, должен был принять.

ЗАЛ НЕЗАВИСИМОСТИ, ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Резолюция от 15 мая 15 мая Конгресс принял резолюцию, рекомендуемую всем колониям сформировать для себя независимые правительства, и в преамбуле, написанной Джоном

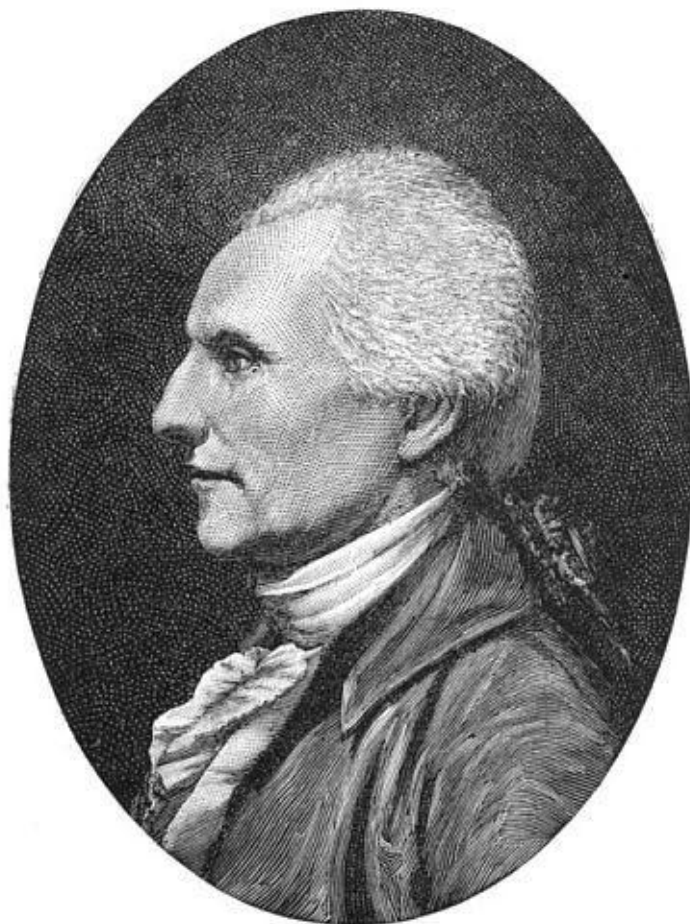
Адамсом, было заявлено, что американский народ больше не может со всей совестью приносить присягу на верность любому правительству, черпающему свою власть от короны; все такие правительства должны быть теперь упразднены, поскольку король лишил жителей Объединенных колоний своей защиты. Подобно знаменитой преамбуле к законопроекту Тауншенда 1767 года « », преамбула Адамса содержала в себе суть всего дела. Ее принятие означало фактически переход Рубикона и вызвало горячие дебаты. Джеймс Дуэйн из Нью-Йорка признал, что если факты, изложенные в преамбуле, окажутся правдивыми, то ни один голос не будет против независимости; но он еще не мог поверить, что американские петиции не были предназначены для получения положительного ответа. «Почему же тогда такая спешка? Почему такое настойчивое требование? Почему такое давление?» Джеймс Уилсон из Пенсильвании, один из самых способных делегатов в революционном органе, настаивал на том, что Конгресс еще не получил от народа достаточных полномочий, чтобы оправдать столь смелый шаг. Однако резолюция была принята, включая преамбулу, и теперь дело быстро подошло к завершению. «Гордиев узел наконец-то развязан!» — воскликнул Джон Адамс. На городском собрании жители Бостона дали своим делегатам следующие инструкции: «Все Объединенные Колонии находятся на пороге славной революции. Мы видели, как прошения королю были с презрением отвергнуты. В ответ на мольбы о мире он предложил меч, на свободу — цепи, на безопасность — смерть. Верность ему теперь является изменой нашей стране. Инструкции из Бостона Мы считаем абсолютно невозможным, чтобы эти колонии когда-либо снова подчинялись или зависели от Великобритании, не подвергая опасности само существование государства. Однако, доверяя безгранично верховному совету Конгресса, мы решили ждать, терпеливо ждать, пока их мудрость не диктует необходимость провозглашения независимости. В случае, если Конгресс сочтет необходимым для безопасности Соединенных Колоний провозгласить их независимость от Великобритании, жители, ценой своей жизни и остатков своего состояния, с радостью поддержат эту меру».

Предложение Ли в Конгрессе Это достойно и сдержанно выраженное мнение общественности было опубликовано в филаделфийской вечерней газете 8 июня. Накануне, в соответствии с инструкциями, поступившими из Вирджинии, Ричард Генри Ли представил Конгрессу следующее предложение:

«Что эти Объединенные Колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми государствами; что они освобождены от всякой верности британской короне; и что всякая политическая связь между ними и государством Великобритании полностью разорвана и должна быть полностью разорвана.

Целесообразно незамедлительно принять наиболее эффективные меры для заключения иностранных союзов.

Чтобы был подготовлен план конфедерации и передан соответствующим колониям для рассмотрения и одобрения».

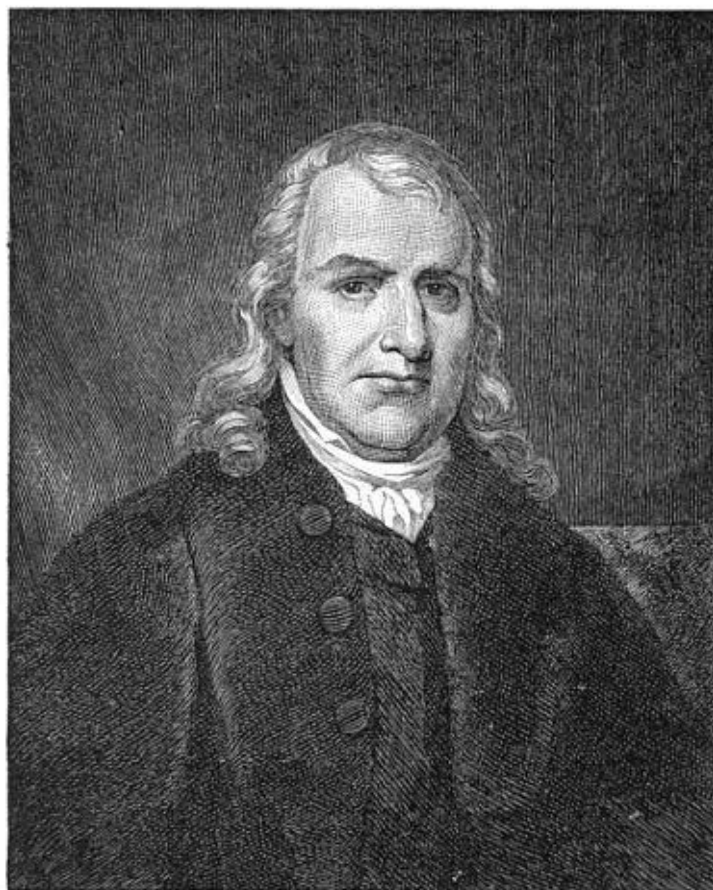
Richard Henry Lee,

В эти тяжелые времена две крупнейшие колонии, Вирджиния и Массачусетс, привыкли действовать сообща, и предложение Ричарда Генри Ли было незамедлительно поддержано Джоном Адамсом. Ему противостояли Дикинсон и Уилсон из Пенсильвании, а также Роберт Ливингстон из Нью-Йорка, мотивируя это тем, что общественное мнение в средних колониях еще не созрело для поддержки такой меры; в то же время эти осторожные члены открыто признавали, что затянувшаяся надежда на мирное урегулирование с Великобританией () стала совершенно иллюзорной. Дебаты по предложению Ли. Перспектива обеспечения европейских союзов обсуждалась открыто. Сторонники предложения настаивали, что провозглашение независимости будет не чем иным, как признанием уже существующего факта; и пока этот факт не будет официально признан, нельзя предполагать, что дипломатическая вежливость позволит таким державам, как Франция и Испания, вести переговоры с американцами. С другой стороны, противники предложения утверждали, что Франция и Испания вряд ли будут благосклонно смотреть на возникновение великой протестантской державы в западном полушарии и что для этих стран не будет ничего проще, чем заключить сделку с Англией, по которой Канада может быть возвращена Франции, а Флорида — Испании в обмен на военную помощь в подавлении мятежных колоний. Результат всей дискуссии был однозначно в пользу провозглашения независимости, но чтобы избежать всякого подозрения в неоправданной поспешности, по предложению Эдварда Рутледжа из Южной Каролины было решено

отложить решение на три недели и запросить мнение тех колоний, которые еще не провозгласили свою независимость.

Коннектикут и Нью-Гэмпшир В этих условиях несколько колоний действовали с быстротой, превзошедшей ожидания Конгресса. Коннектикуту не было нужды в новом правительстве, поскольку, как и Род-Айленд, он всегда сохранял хартию, полученную от лорда Кларендона в 1662 году, всегда выбирал своего губернатора и всегда был фактически независимым от Великобритании. Теперь оставалось только удалить имя короля из юридических и коммерческих документов и поручить своим делегатам в Конгрессе поддержать предложение Ли; и все это было сделано законодательным собранием Коннектикута 14 июня. На следующий день Нью-Гэмпшир, который еще в январе сформировал новое правительство, присоединился к Коннектикуту и провозгласил независимость.

Нью-Джерси В Нью-Джерси разгорелся острый спор. Королевский губернатор- , Уильям Франклин, имел сильную партию в колонии; ассамблея недавно поручила своим делегатам голосовать против независимости и решила направить отдельное прошение королю. Против такого опрометчивого и опасного шага Конгресс направил Дикинсона, Джея и Уайта с протестом; в результате их заступничества ассамблея, уступив, была незамедлительно распущена губернатором. Вместо нее был немедленно избран провинциальный конгресс. 16 июня губернатор был арестован и отправлен в Коннектикут для обеспечения его безопасности; 21 июня было принято решение о создании нового правительства, а 22 июня в Конгресс был избран новый состав делегатов с поручением поддержать декларацию независимости.

Samuel Chase

Пенсильвания и Делавэр В Пенсильвании разгорелась горячая дискуссия, поскольку вся мощь правительства-собственника была брошена на борьбу против независимости. Среди квакеров также было сильное стремление избежать вооруженного конфликта на любых условиях. Незадолго до этого они провели съезд, на котором было решено, что «установление и свержение королей и правительств является особой прерогативой Бога, по причинам, известным только ему, и что не наше дело вмешиваться в это или придумывать какие-либо уловки; не быть суетливыми выше своего положения, тем более не замышлять и не планировать гибель или свержение кого-либо из них, а молиться за короля, безопасность нашей нации и благо всех людей; чтобы мы могли вести мирную и спокойную жизнь во всей добродетели и честности под властью правительства, которое Бог благоволил установить над нами. Давайте же твердо объединимся в отвращении ко всем таким писаниям и мерам, которые свидетельствуют о желании и замысле разорвать счастливую связь, которой мы до сих пор наслаждались с королевством Великобритании, и наше справедливое и необходимое подчинение королю и тем, кто законно поставлен под его властью». Эта точка зрения вскоре встретила лаконичный ответ от Сэмюэля Адамса, который, прибегнув к причудливому использованию исторических примеров, доказал, что, поскольку возвышение королей и империй является частью особой прерогативы Бога, теперь настало время, в соответствии с божественным провидением, для создания независимой империи в западном полушарии. Шесть месяцев назад провинциальная ассамблея поручила своим делегатам выступить против независимости, но 20 мая в Государственном доме состоялось большое собрание, на котором присутствовало более семи тысяч человек, и было единогласно решено, что этот

акт ассамблеи «имеет опасную тенденцию вывести эту провинцию из счастливого союза с другими колониями, который мы считаем нашей славой и нашей защитой». Влияние этой резолюции было настолько велико, что 18 июня в Мэриленде было созвано собрание () для решения вопроса о независимости; и после шести дней обсуждений было решено, что отделение от Великобритании желательно, при условии, что при новом федеральном правительстве каждый штат сможет самостоятельно регулировать свои внутренние дела. 14 июня аналогичное решение было принято в Делавэре.

Мэриленд В Мэриленде у народа было мало причин желать смены правительства, за исключением его благородного сочувствия общим интересам Объединенных колоний. Не только собственническое правительство было глубоко укоренилось в сердцах народа, но и Роберт Иден, губернатор, занимавший эту должность в то время, был очень любим и уважаем. Мэриленд не был оскорблен присутствием войск.

Charles Carroll

Она не видела, как ее граждан хладнокровно расстреливали, как в Массачусетсе, или как ее главный город был превращен в пепел, как в Вирджинии; она также не подвергалась угрозе вторжения и не была вынуждена сражаться в свою защиту, как Северная Каролина. Ее прямые претензии были немногочисленны и незначительны, и даже 21 мая она протестовала против любых действий, которые могли бы привести к отделению колоний от Англии. Но когда в июне ее великие лидеры, Сэмюэл Чейз и Чарльз Кэрролл из Кэрроллтона, решили «узнать мнение народа», была проведена серия собраний в округах, и было единогласно решено, что «истинные интересы и существенное счастье всех колоний в целом и этой в частности неразрывно переплетены и связаны между собой» (). Как только колония заняла свою позицию, основанную на этом широком и великодушном принципе, губернатор сел на британский военный корабль у Аннаполиса, унося с собой добрые сожаления и прощания народа, и 28 июня делегаты в Конгрессе были должным

образом уполномочены согласиться с декларацией независимости.

Таким образом, мирная Мэриленд стала двенадцатой колонией, которая официально присоединилась к делу независимости, а первоположником стала беспокойная Северная Каролина, под влиянием гражданской войны и угрозы вторжения. Соответственно, 1 июля, в день, когда в Конгрессе должно было быть рассмотрено предложение Ричарда Генри Ли, от всех колоний, за исключением Нью-Йорка, были получены единодушные инструкции в пользу независимости. **Ситуация в Нью-Йорке** При подходе к этому важному вопросу Нью-Йорк сталкивался с особыми трудностями. Не только тори были там необычайно сильны по уже указанным причинам, но и риски, связанные с революционной политикой, были там больше, чем где-либо еще. Из его выгодного военного положения было ясно, что британцы направят свои основные усилия на завоевание этой центральной колонии; и, с одной стороны, широкие и глубокие воды вокруг острова Манхэттен обеспечивали легкий доступ для их непобедимого флота, с другой стороны, провал канадской экспедиции открыл всю страну для вторжения с севера, и кровожадные воины из Лонг-Хауса вряд ли упустили бы столь благоприятную возможность собрать скальпы из незащищенных поселений на границе. По этим причинам было вероятно, что Нью-Йорк пострадает от ужасов войны больше, чем любая другая колония, но, будучи торговым государством с единственным морским портом, его самые источники жизни окажутся под угрозой, если британцы

однажды закрепятся на острове Манхэттен. Флот лорда Хоу ежедневно ожидался в гавани, и было известно, что армия, изгнанная из Бостона (), теперь значительно усиленная, была на пути из Галифакса, чтобы захватить город Нью-Йорк. Чтобы защититься от этой ожидаемой опасности, Вашингтон несколько недель назад перебросил свою армию из Бостона, но его боевые силы не превышали восьми тысяч человек, и с ними он был вынужден удерживать такие удаленные друг от друга пункты, как Кингс-Бридж, Паулус-Хук, Губернаторский остров и Бруклин-Хайтс. Положение было гораздо менее безопасным, чем в Бостоне, поскольку британские корабли могли подниматься по рекам Гудзон и Ист и встать между этими изолированными отрядами. Что касается Статен-Айленда, то у Вашингтона не было достаточно войск, чтобы его оккупировать, так что когда 28 июня прибыл генерал Хоу, ему разрешили высадиться там без сопротивления. Для Вашингтона было горько вынужденно разрешить это, но ничего не поделать. Не только по численности, но и по оснащению войска Вашингтона были совершенно неадекватны для важной задачи, поставленной перед ними, а Конгресс не сделал ничего, чтобы повысить их эффективность, кроме как приказать набрать двадцать пять тысяч ополченцев из Новой Англии и средних колоний, которые должны были служить только шесть месяцев.

Заговор Трайона, июнь 1779 года В этих условиях военные перспективы, в случае продолжения войны, были явно не обнадеживающими, и жителей Нью-Йорка можно было понять за некоторую нерешительность в принятии окончательного решения по вопросу о независимости, тем более что было общеизвестно, что лорд Хоу прибывал с полномочиями вести переговоры с американским народом. Ко всем другим опасностям ситуации добавилась еще и опасность измены в лагере. Губернатор Трайон, как и многие другие королевские губернаторы в том году, укрылся на корабле, откуда он строил коварные планы и заговоры со своими друзьями на берегу. Был разработан план взорвать склады и захватить Вашингтона, которого либо убили бы, либо отвезли на корабль, чтобы судить за измену, в зависимости от обстоятельств. Заговор был раскрыт вовремя; мэр Нью-Йорка, признанный виновным в переписке с Трайоном, был брошен в тюрьму, а один из охранников Вашингтона, который был подкуплен для содействия в осуществлении этого гнусного замысла, был без суда и следствия повешен на поле недалеко от Бауэри. Такое раскрытие дискредитировало партию тори. Патриоты заняли более смелую позицию, чем когда-либо, но когда наступило 1 июля, обсуждение все еще продолжалось, а делегаты Нью-Йорка в Конгрессе по-прежнему не имели инструкций.

Окончательное обсуждение предложения Ли 1 июля Конгресс преобразовался в комитет полного состава, чтобы «рассмотреть резолюцию о независимости». Поскольку Ричард Генри Ли отсутствовал, Джон Адамс, поддержавший предложение, был призван его защищать, что он и сделал в своей мощной речи. Ему умело противостоял Джон Дикинсон, который настаивал на том, что страна не должна поспешно занимать позицию, отступление от которой будет позором, а настаивание на ней может привести к неминуемой гибели. Декларация независимости не укрепит ресурсы страны ни на один полк или бочку пороха, а закроет дверь для любой надежды на примирение с Великобританией. А что касается перспективы союза с Францией и Испанией, разве не было бы лучше получить от этих держав определенные гарантии, прежде чем прибегать к крайним мерам? Кроме того, как утверждал Дикинсон, условия конфедерации между колониями все еще не были определены, и любая декларация независимости, чтобы иметь должный вес в мире, должна была быть предшествована созданием федерального правительства. Сначала должны были быть установлены границы нескольких колоний и взаимно гарантированы их соответствующие права; кроме того, государственные земли должны были быть торжественно выделены для общего блага. Затем оратор заключил: «Когда все будет таким образом тщательно подготовлено внутри страны и благоприятно снаружи, тогда пусть

Америка, *attollens humeris famam et fata nepotum*, неся свою славу и судьбу своих потомков, величественно шагает вперед и занимает свое место среди суверенов мира».

То, что некоторые из этих соображений имели большой вес, слишком ясно продемонстрировали последующие события. Но аргумент в целом был подвержен фатальному возражению: если американский народ будет ждать, пока все эти важные вопросы будут решены, прежде чем сделать решительный шаг, он никогда не сможет сделать этот решительный шаг. Мудрый государственный деятель считает, что полбуха лучше, чем никакого хлеба.

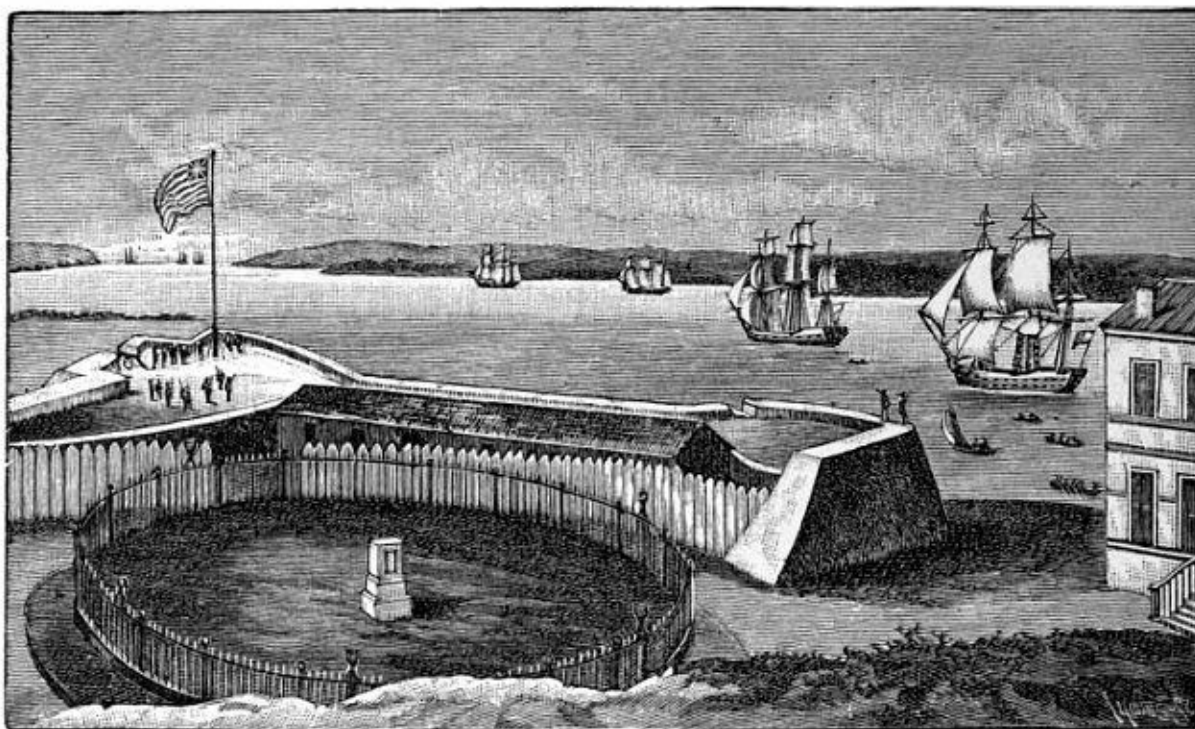
Edward Rutledge

Голосование по предложению Ли Независимые действия со стороны всех колоний, за исключением Нью-Йорка, теперь стали свершившимся фактом. Все они фактически находились в состоянии восстания, и их дело не могло не приобрести достоинства и силы, объявив о себе миру в своем истинном облике. Таково было теперь общее настроение комитета. Когда вопрос был поставлен на голосование, делегаты из Нью-Йорка были освобождены от участия, поскольку не имели достаточных инструкций. Из трех делегатов из Делавэра один отсутствовал, один проголосовал «за», а один «против», так что голос колонии был потерян. Пенсильвания проголосовала «против» четырьмя голосами против трех (). Южная Каролина также проголосовала «против», но с намеком от Эдварда Рутледжа, что она, возможно, изменит свое решение, уступив большинству. Остальные девять колоний проголосовали «за», и резолюция была принята двумя третями голосов. На следующий день,

когда голосование было официально проведено на очередном заседании Конгресса, все члены из Делавэра были присутствовали, и голос этой колонии был обеспечен; Дикинсон и Моррис не явились, что изменило голосование Пенсильвании; а члены из Южной Каролины изменили свое решение ради единодушия.

Таким образом, 2 июля 1776 года Декларация независимости была наконец принята единогласным голосованием двенадцати колоний; и, выполнив эту работу, Конгресс сразу же собрался в комитет полного состава, чтобы обсудить форму декларации, которая должна быть принята. Чтобы не терять времени на решение этого важного вопроса, за три недели до этого, во время выдвижения предложения Ли, уже был выбран комитет для составления документа, достойного этого великого и торжественного события. Членами комитета были Томас Джефферсон, Джон Адамс (), Бенджамин Франклин, Роджер Шерман и Роберт Ливингстон, а Джефферсон, как представитель колонии, выдвинувшей резолюцию о независимости, был избран автором Декларации. Томас Джефферсон, которому тогда было всего тридцать три года, был одним из самых молодых делегатов в Конгрессе, но из всех людей того времени, пожалуй, ни у кого не было более широкой культуры и более острых политических инстинктов. Унаследовав солидное состояние, он выбрал профессию юриста, но всегда страстно любил учиться ради самого обучения и к обширным знаниям в области истории, древней и современной литературы добавил неплохие навыки в математике и физике. Он был искусным наездником и мастером других мужских упражнений, а также в управлении сельскими делами; в то же время он был чувствительным и деликатным человеком, играл на скрипке как мастер и демонстрировал другие проявления редкого музыкального таланта. Он был чрезвычайно спокойным человеком, с мягким и отзывчивым характером. Он глубоко интересовался всеми великодушными теориями XVIII века, касающимися прав человека и совершенствования человеческой природы, и, как и большинство современных ему философов, которых он восхищался, был ярким противником нетерпимости и священнического владычества. По-своему он был гораздо более глубоким мыслителем, чем Гамильтон, хотя и не обладал таким конструктивным гением, как последний; как политический лидер он превосходил всех других людей своего времени; его теплое сочувствие, почти женский такт, владение доминирующими политическими идеями того времени и, прежде всего, его безграничная вера в здравый смысл народа и в его принципиальную честность помогли ему занять одно из величайших и наиболее влиятельных положений, которое когда-либо занимал какой-либо человек в истории Америки.

Провозглашение независимости, 4 июля 1776 года Вечером 4 июля 1776 года Декларация независимости была единогласно принята двенадцатью колониями, делегация из Нью-Йорка по-прежнему не могла принять решение. Но согласие этой колонии было настолько очевидным, что ничто не могло помешать ликованию народа. По всей стране Декларация была встречена кострами, звоном колоколов, выстрелами из орудий и факельными шествиями. Теперь, когда великий вопрос был решен, все почувствовали облегчение. «Народ, — сказал Сэмюэл Адамс, — кажется, признает эту резолюцию как указ, провозглашенный с небес». 9 июля она была официально принята Нью-Йорком, и солдаты отпраздновали это событие, сбросив с Боулинг-Грин свинцовую статую Георга III и перелив ее в пули.

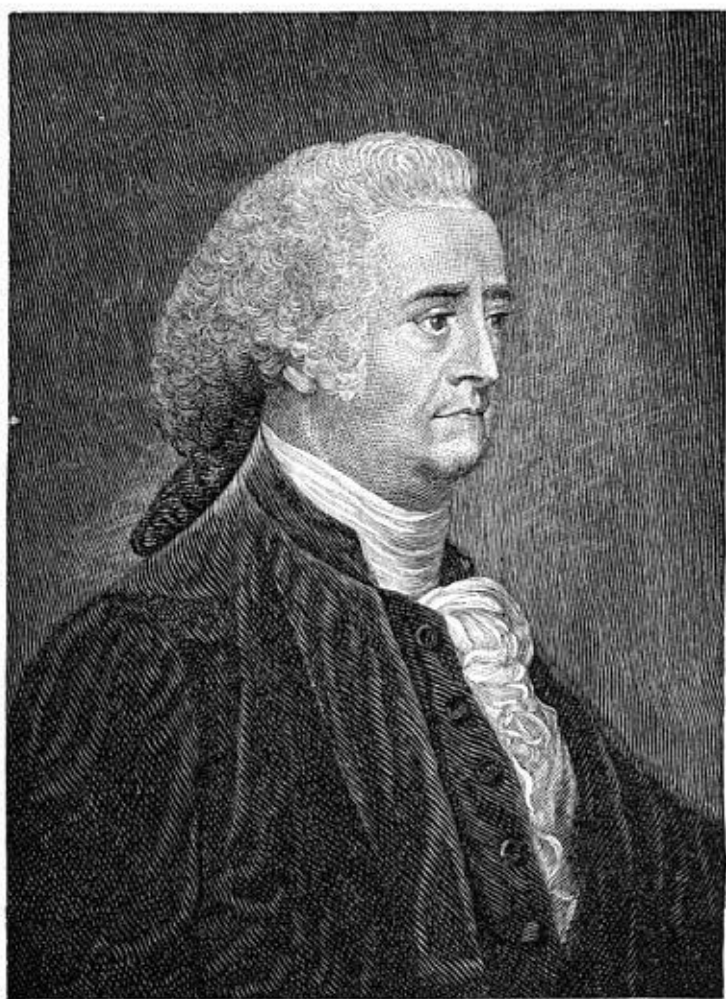
БАТАРЕЯ И БОУЛИНГ-ГРИН В 1776 ГОДУ

Декларация была сознательным выражением трезвых мыслей американского народа. Таким образом, после одиннадцати лет раздражения и после умеренных дискуссий, как и подобает свободному народу, американцы наконец вступили на единственный путь, который мог сохранить их самоуважение и гарантировать им ту важную роль, которую они должны были сыграть в драме цивилизации. , достоинство, терпение и умеренность, с которыми они вели себя в эти тяжелые времена, едва ли имеют себе равных в истории. Их терпение было настолько велико, их нежелание прибегать к грубой силе, пока оставалась малейшая надежда на мирное решение, было настолько сильным, что некоторые британские историки совершенно заблуждались в интерпретации их поведения. Поскольку такие государственные деятели, как Дикинсон, и такие сообщества, как Мэриленд, не спешили поверить в то, что настал подходящий момент для провозглашения независимости, была выдвинута нелепая теория, что Американская революция была делом рук беспринципного и отчаявшегося меньшинства, которое с помощью интриг, смешанных с насилием, сумело заставить не желавшее этого большинство одобрить его меры. Такое заблуждение коренится в полном непонимании своеобразного характера американской политической жизни, подобно схожему заблуждению, которое приписывает восстание колоний гнусной нежеланию нести свою долю расходов Британской империи. Это похоже на недопонимание, которое видела разъяренную толпу на каждом городском собрании жителей Бостона и характеризовало как «беспорядки» каждое обдуманное выражение общественного мнения . Никто, кто знаком с основными чертами американской политической жизни, не может ни на мгновение предположить, что Декларация независимости была принята под влиянием какой-либо менее весомой силы, чем твердое убеждение народа в том, что бесценное сокровище самоуправления не может быть сохранено никакими другими средствами. Это неприятное убеждение формировалось у народа очень медленно, а из-за местных различий в обстоятельствах в некоторых местах оно формировалось медленнее, чем в других. Прозорливые лидеры, такие как Адамсы, Франклин и Ли, пришли к этому выводу раньше других. Даже те консерваторы, которые сопротивлялись до последнего, даже такие люди,

как Джон Дикинсон и Роберт Моррис, полностью соглашались со своими оппонентами в отношении принципа, который был предметом спора между Великобританией и Америкой (), и ничто не могло их удовлетворить, кроме полного отказа Великобритании от своих притязаний на введение налогов и отмену хартий. По этому фундаментальному вопросу в Америке было очень мало разногласий. Что касается связанного с ним вопроса о независимости, то решение, однажды принятое, повсеместно было разумным результатом свободного и открытого обсуждения; и лучшей иллюстрацией этого является тот факт, что даже в самые мрачные дни уже начавшейся войны ни один штат сознательно не предложил пересмотреть свои действия в этом вопросе. Рука, однажды положенная на плуг, не могла повернуть назад. Как сказал с судейской скамьи судья Дрейтон из Южной Каролины: «Декрет, который теперь не может быть отменен, вступил в силу, и таким образом в мире внезапно возникла новая империя под названием Соединенные Штаты Америки».

ГЛАВА V

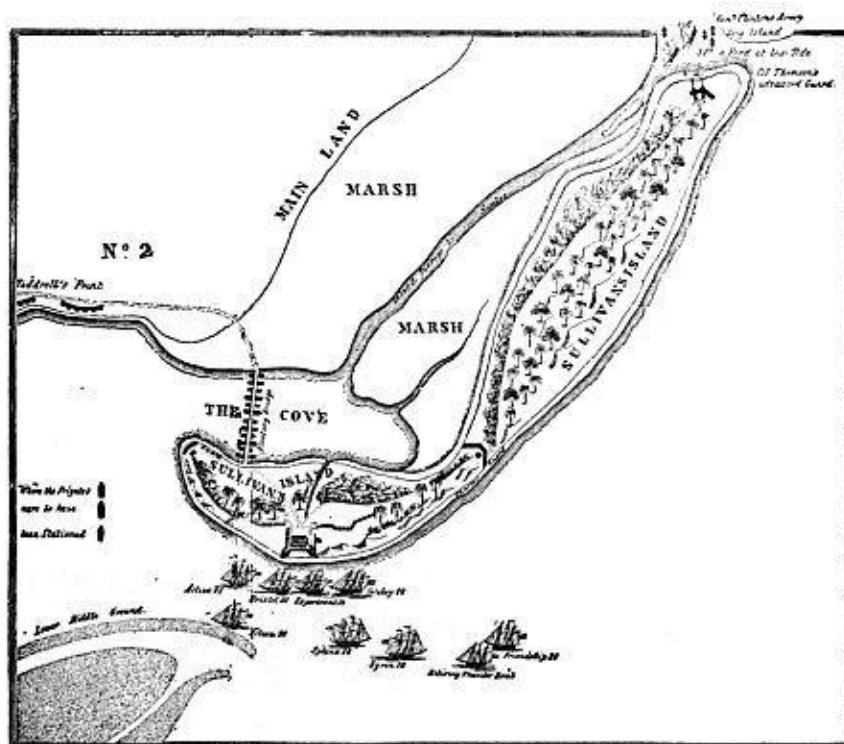
ПЕРВЫЙ УДАР ПО ЦЕНТРУ

J. Bullard

Will. Moultrie

БИТВА ЗА ФОРТ МОУЛТРИ, 28 ИЮНЯ 1776 Г.

На значительной части территории страны новость о Декларации независимости сопровождалась новостью о блестящем успехе на юге. После поражения Макдональда в Мурс-Крик и внезапного вооружения Северной Каролины Клинтон не рискнул высадиться на берег, а курсировал по окрестностям, ожидая прибытия эскадры сэра Питера Паркера из Ирландии. Лорд Корнуоллис прибывает на место событий. Из-за сильных и противоположных ветров Паркеру потребовалось три месяца, чтобы совершить путешествие, и только в мае он прибыл, привезя с собой лорда Корнуоллиса. Поскольку Северная Каролина дала столь недвусмысленное свидетельство своего истинного характера, было решено пока не высаживаться на этом побережье, а направиться на юг и захватить Чарльстон и Саванну. Лорд Уильям Кэмпбелл, беженец-губернатор Южной Каролины, настаивал, что в этой колонии есть большая группа лоялистов, которая объявит о себе, как только главный город окажется в руках королевских войск. Никто и не подумал, что захват Чарльстона может вызвать серьезные трудности. Но полковник Моултри построил на острове Салливан, контролирующем гавань, крепость из пальмовых бревен, укрепленную тяжелыми песчаными насыпями, и теперь удерживал ее с силами в двенадцатьсот человек, в то время как пять тысяч ополченцев собрались вокруг города под командованием генерала Чарльза Ли, который был отправлен туда для решения чрезвычайной ситуации, но сделал не больше, чем вмешался и помешал. Как опытный европейский офицер, Ли с презрением отнесся к крепости Моултри из пальмовых деревьев и приказал бы ему покинуть ее, но его категорически переубедил Джон Рутледж, президент провинциального конгресса (), который знал Моултри и доверял его здравому суждению. Британские командиры Клинтон и Паркер потратили три недели на обсуждение различных планов нападения, в то время как американцы с лопатами и топорами быстро перекрывали все подходы к Чарльстону, а новые полки прибывали, чтобы укрепить вновь построенные укрепления. Битва при форте Моултри, 28 июня 1776 года Наконец Клинтон высадил три тысячи человек на голую песчаную отмель, отделенную от острова Салливан небольшим участком мелководья, которое, по его мнению, можно было перейти вброд во время отлива. В назначенное время сэр Питер

Паркер должен был открыть огонь с флота, который, как ожидалось, должен был снести форт за несколько минут, в то время как Клинтон, перейдя вброд мелководье, должен был вытеснить американцев штыками. Однако мелководье оказалось глубиной семь футов при отливе, и задача пехоты свелась к отчаянной борьбе с роями комаров, которые почти довели их до безумия. Таким образом, сражение превратилось в простой артиллерийский дуэль между фортом и флотом. Британский огонь был быстрым и яростным, но неэффективным. Большинство выстрелов пролетали мимо низкой крепости, а те, что попадали в цель, не наносили вреда ее упругой конструкции. Американский огонь был очень медленным, и лишь немногие выстрелы были потрачены впустую. Кабель флагмана Паркера « » был перерезан хорошо направленным ядром, и корабль, развернувшись, подвергся шквальному обстрелу, который смел его палубу с ужасающей жестокостью. После десяти часов боя британцы отступили за пределы дальности стрельбы. Форт Пальметто не понес серьезных повреждений, и только одно орудие было выведено из строя. Американские потери в убитых и раненых составили тридцать семь человек. С другой стороны, флагман сэра Питера лишился грот-мачты и бизань-мачты и получил около двадцати попаданий в корпус, так что он был мало чем лучше обломков. Британские потери в убитых и раненых составили двести пять человек. Из десяти кораблей только одна фрегата осталась мореходной по окончании сражения. После трехнедельного ожидания для переоборудования вся экспедиция отплыла в Нью-Йорк, чтобы сотрудничать с Хоусами. Чарльстон был спасен, и более двух лет южные штаты были освобождены от захватчика. В память об этой блестящей победе и о новой крепости, которая так развеселила европейских наемников, аванпост на острове Салливан с тех пор известен под названием Форт Моултри.

Именно с такими благоприятными вестями Декларация независимости была направлена миру. Но это была последняя новость о победе, которая в течение следующих шести месяцев поднимала настроение обеспокоенным государственным деятелям, собравшимся в Филадельфии. В течение остальной части лета и осени одна катастрофа следовала за другой, и казалось, что изменчивая удача перестала улыбаться делу свободы. Британский план по завоеванию Гудзона и разделению Объединенных колоний на две части Теперь исход борьбы решался в Нью-Йорке. Завоевав и удерживая линию реки Гудзон, британцы надеялись разделить Объединенные колонии на две части, после чего, как полагали, Вирджиния и Новая Англия, изолированные друг от друга, могли бы осознать свои ошибки и раскаяться. Соответственно, генерал Хоу должен был захватить город Нью-Йорк, а генерал Карлтон — спуститься из Канады, отбить Тикондерогу и захватить верхнее течение Гудзона вместе с долиной Мохок. Большие надежды возлагались на сотрудничество лоялистов, которых в Нью-Йорке было больше, чем в любом другом штате, за исключением, пожалуй, Южной Каролины. Отчасти по этой причине, как мы увидим далее, эти два штата пострадали от войны больше, чем все остальные вместе взятые. К нападению захватчика добавились ужасы гражданской войны. Во всей долине Мохок влияние сэра Джона Джонсона, тори, сына знаменитого баронета Семилетней войны, считалось верховным; и оно оказалось очень сильным как среди белого населения, так и среди индейцев. На другом конце линии, в Нью-Йорке, тори были сильны по уже изложенным причинам. На Лонг-Айленде жители округов Кингс и Квинс, имевшие голландское происхождение, были тори почти все до одного, в то время как английское население Саффолка твердо поддерживало независимость.

Перед тем как начать наступление на Нью-Йорк, генерал Хоу должен был дожждаться прибытия своего брата, поскольку министерство решило попробовать то, что им казалось «политикой примирения». 12 июля лорд Хоу прибыл на Статен-Айленд, привезя с собой «оливковую ветвь», которую лорд Норт обещал послать вместе с мечом. Этот любопытный образец политической ботаники оказался благородным заявлением о том, что все лица, которые откажутся от мятежа и окажут «помощь в восстановлении спокойствия», получат

полное и бесплатное прощение от своего суверена, короля. Бесплодная попытка лорда Хоу вести неофициальные переговоры с Вашингтоном Поскольку признавать существование Конгресса было нельзя, лорд Хоу вложил это заявление в письмо, адресованное «Джорджу Вашингтону, эсквайру», и отправил его в гавань с белым флагом. Но поскольку Джордж Вашингтон, как землевладелец из Вирджинии и американский гражданин, не имел полномочий вести переговоры с королевским комиссаром, он отказался принять письмо. Полковник Рид сообщил посланнику лорда Хоу, что в армии нет человека с таким адресом. Британский офицер с неохотой отплыл, но внезапно развернул свою баржу, вернулся и спросил, как правильно обращаться к Вашингтону. Полковник Рид ответил: «Вы знаете, сэр, о звании генерала Вашингтона в нашей армии?» «Да, сэр, мы знаем», — ответил офицер; «Я уверен, что лорд Хоу будет чрезвычайно сожалеть об этом деле, поскольку письмо носит гражданский, а не военный характер. Он очень сожалеет, что не прибыл сюда немного раньше». Полковник Рид понял, что эта *remarque* относилась к Декларации независимости, которой на тот момент было всего восемь дней. Через неделю лорд Хоу послал полковника Паттерсона, британского генерал-адъютанта, с документом, адресованным теперь «Джорджу Вашингтону, эсквайру, и т. д., и т. д.». Полковник Паттерсон просил о личной встрече, которая была предоставлена. Его представили Вашингтону, которого он описывает как джентльмена из « » с великолепной осанкой и очень красиво одетого. Немного подавленный и начав свою речь со слов «Ваше Превосходительство», Паттерсон объяснил, что «и т. д.» в письме означало все. «Действительно, — сказал Вашингтон с приятной улыбкой, — это может означать что угодно». Он отказался принять письмо, но выслушал объяснения Паттерсона, а затем ответил, что не уполномочен заниматься этим вопросом и не может дать его светлости никаких обнадеживающих ответов, поскольку, по-видимому, уполномочен только давать помилование, а те, кто не совершал никаких проступков, не нуждаются в помиловании. Когда Паттерсон встал, чтобы уйти, он спросил, нет ли у его превосходительства какого-нибудь сообщения для лорда Хоу. «Ничего, — ответил Вашингтон, — кроме моих особых комплиментов». Таким образом, потерпев неудачу в попытке вести переговоры с американским командующим, лорд Хоу вложил свою декларацию в циркулярное письмо, адресованное королевским губернаторам средних и южных колоний; но поскольку большинство этих высокопоставленных лиц находились либо в тюрьме, либо на борту британского флота, от такого способа публикации не стоило ожидать большого эффекта. Ценный документ был захвачен и отправлен в Конгресс, который с насмешкой опубликовал его для развлечения и просвещения народа. Везде его встречали насмешками. «Без сомнения, мы все нуждаемся в прощении свыше, — сказал губернатор Коннектикута Трамбулл, — за наши многочисленные грехи и проступки; но американец, нуждающийся в прощении Его Величества, еще не найден». Единственным серьезным результатом стало ослабление партии лоялистов. Многие, кто до сих пор сдерживался надеждой, что заступничество лорда Хоу может урегулировать все трудности, теперь выступили горячими сторонниками независимости, как только стало очевидно, что король действительно не может ничего предложить.

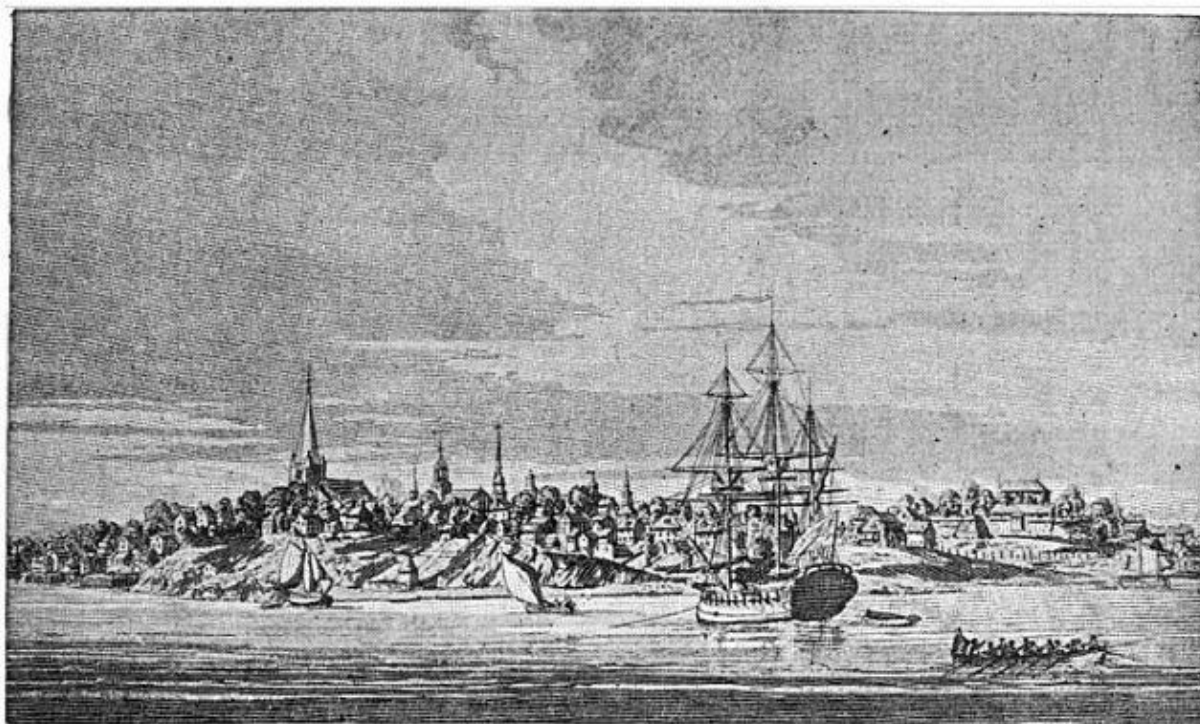

*Jon: Trumbull*¹

Джонатан Трамбулл¹

Военная проблема в Нью-Йорке Поскольку оливковая ветвь оказалась неэффективной, не оставалось ничего другого, как обнажить меч, и теперь началась интересная кампания, главной целью которой было захватить город Нью-Йорк и заставить армию Вашингтона сдаться. Британская армия была значительно усилена возвращением экспедиции Клинтона и прибытием 11 000 свежих войск из Англии и Германии. Генерал Хоу теперь имел в своем распоряжении более 25 000 человек, полностью экипированных и дисциплинированных, в то время как Вашингтон мог противопоставить ему лишь 18 000 человек, многие из которых были новобранцами, только что прибывшими на службу. Если бы американская армия состояла из таких ветеранов, как те, которых Вашингтон впоследствии возглавил в битве при Монмуте, численное превосходство все равно было бы на стороне британцев. В сложившейся ситуации, учитывая неопытность своих солдат, Вашингтон едва ли мог надеяться на большее, чем задержать противника. Удержать позиции в условиях подавляющего превосходства противника — одна из самых сложных военных задач, которая часто требует более высокого уровня интеллекта, чем тот, который проявляется при простой победе в сражениях. Вашингтон должен был решать эту задачу в течение шести месяцев без перерыва, и вскоре он продемонстрировал военный гений, который редко превосходили в истории современной войны. Вначале город Нью-Йорк представлял собой ядро проблемы. Без контроля над водой удержать город было практически невозможно. Тем

не менее, шанс был, и хороший генерал должен был воспользоваться этим шансом и максимально затруднить работу противнику. Берег острова Манхэттен был окружен небольшими фортами и редутами, которые Ли построил весной перед своим отъездом в Южную Каролину. Нижняя часть острова, вдоль Уолл-стрит, тогда была чуть больше половины его нынешней ширины, так как с тех пор с обеих сторон было добавлено несколько линий улиц. От Кортландт-стрит до Паулус-Хука ширина реки Гудзон составляла не менее двух миль, а ширина Ист-Ривер возле Фултон-Ферри — почти милю. Город простирался только от Батарей до Чатем-стрит, откуда Бауэри-лейн пролегал на северо-запад до Блумингдейла через местность, усыпанную фруктовыми садами и огородами. Многие улицы были теперь забаррикадированы, а сильная линия редутов пролегла от реки до реки ниже Канал-стрит. В верхней части острова и на берегу Джерси находились другие крепости, о которых мы вскоре будем говорить, а в гавани, как своего рода сторожевая башня, с которой можно было наблюдать за флотом противника, на Губернаторском острове был построен редут, которым командовал полковник Прескотт с отрядом солдат из Банкер-Хилла.

ВИД НЬЮ-ЙОРКА В 1776 ГОДУ [101](#)

Чтобы укрепить столь разнообразные позиции, Вашингтону пришлось распределить свои 18 000 солдат, что значительно усложнило его задачу, поскольку Хоу мог в любой момент нанести удар практически по любой из этих точек, задействовав все свои силы. По самой сути дела, огромное преимущество инициативы полностью принадлежало Хоу. Но в одном районе, самом важном из всех, Вашингтону удалось сконцентрировать свои войска в максимально возможной степени. Важность Бруклинских высот Положение на Бруклинских высотах было опасно уязвимым, но американцам было абсолютно необходимо удерживать

его, если они хотели сохранить контроль над Нью-Йорком. Эта возвышенность контролировала Нью-Йорк точно так же, как Банкер-Хилл и Дорчестерские высоты контролировали Бостон. Грин, соответственно, провел лето, укрепляя ее, и там теперь было сосредоточено 9000 человек — половина армии — под командованием Путнэма (). Генерал Хоу решил бросить на эту уязвимую позицию почти все свои силы. Он был уверен, что захват или уничтожение половины американской армии настолько обескуражит мятежников, что они будут более склонны прислушаться к предложениям его брата, отличного миротворца. Соответственно, 22 августа генерал Хоу высадил 20 000 человек в бухте Грейвсенд. От этого места к американской позиции вели четыре дороги, две из которых пересекали густолесные холмы и продолжались через деревни Бедфорд и Флэтбуш. Слева от них дорога Гованус следовала по берегу около западного подножия холмов, а справа дорога Ямайка изгибалась вглубь суши и огибала их восточное подножие.

Битва на Лонг-Айленде, 27 августа 1776 г. Тщательная осторожность, с которой теперь действовал британский командующий, резко контрастировала с его безрассудной атакой на Банкер-Хилл в предыдущем году. Он провел четыре дня в разведке, а затем послал своего брата с частью флота, чтобы тот совершил финт на Нью-Йорк и отвлек внимание Вашингтона. До рассвета 27-го числа, под прикрытием этой уловки, британское наступление было почти завершено. Генерал Грант с горными полками продвигался по прибрежной дороге (), где американские аванпосты удерживались Уильямом Александром из Нью-Джерси, широко известным как лорд Стирлинг, по титулу утраченного шотландского графства, на которое он претендовал. Гессенцы под командованием генерала фон Хайстера продвигались по дорогам Бедфорд и Флэтбуш, которые защищал Салливан, в то время как более половины армии под командованием самого Хоу, в сопровождении Клинтона, Перси и Корнуоллиса, совершила длинный ночной марш по дороге Ямайка, чтобы атаковать американцев с фланга. Этот длинный фланговый марш был выполнен в полной секретности, поскольку жители окрестностей симпатизировали британцам, и не встретил никаких препятствий, поскольку американские войска были просто неспособны охватить такую большую территорию. Дивизии Стирлинга и Салливана () сдерживали 5000 человек, которые были всеми силами, которые Путнэм мог позволить себе отправить вперед из своих укреплений. Ранним утром был захвачен патруль, наблюдавший за дорогой на Ямайку, но в любом случае было бы невозможно отправить туда какие-либо силы, которые могли бы существенно помешать продвижению британцев. Подавляющее численное превосходство позволяло британцам двигаться, куда им заблагорассудится, и сражение было практически выиграно, когда они появились на дороге в Ямайку в тылу деревни Бедфорд. Едва началась схватка на вершине холма между Салливаном и гессенцами перед ним, как он обнаружил, что на него нападают с тыла. Впав в замешательство и оттесненная туда-сюда по лесу между двумя обстрелами, его дивизия была быстро разгромлена, и почти все были взяты в плен, включая самого генерала. На прибрежной дороге сражение между Стирлингом и Грантом было первым, в котором американцы встретились с британскими войсками в открытом поле и в регулярном боевом порядке. Против крепких горных полков Стирлинг доблестно держал свои позиции в течение четырех часов, пока не был атакован с тыла лордом Корнуоллисом после разгрома Салливана. Теперь для Стирлинга оставалось только спасти свою дивизию от плена, и после отчаянного боя эта цель была достигнута, и солдаты вернулись в Бруклин-Хайтс, хотя сам храбрый Стирлинг был взят в плен. В этой благородной борьбе наивысшие почести завоевала бригада из Мэриленда под командованием Смоллвуда, и на протяжении всей войны мы будем видеть, как Мэриленд полностью сохраняет эту почетную награду за личную доблесть своих войск, пока в последней сражении при Ютау-Спрингс мы не увидим, как они прогоняют лучшую пехоту Англии на штыках.

Поражение Салливана и Стирлинга позволило Хоу подвести всю свою армию к укреплениям в Бруклин-Хайтс к концу дня. Чтобы завершить победу, необходимо было штурмовать эти укрепления, но люди Хоу были уставшими от марша, если не от боя, и таким образом инцидент, известный как битва на Лонг-Айленде, подошел к концу. В Англию сразу же отправили быстрый корабль с новостью о победе, которая была несколько преувеличена. Некоторое время предполагалось, что произошла ужасная бойня, но тщательное исследование показало, что это не так. Около 400 человек было убито и ранено с каждой стороны, и эти потери были понесены в основном в бою между Стирлингом и Грантом. В других частях поля сражения триумф британцев заключался главным образом в захвате пленных, которых было взято не менее 1000. Распространявшиеся ранее рассказы о массовой резне, устроенной гессенцами, были полностью опровергнуты. Вашингтон дал подробный отчет об этом событии через несколько дней, и самое тщательное расследование показало, что он был прав во всех деталях. Но для американской общественности удар был не менее ужасным, в то время как в Англии ликование компенсировало разочарование, вызванное потерей Бостона и поражением у форта Моултри, и, естественно, прошло много времени, прежде чем факты стали видны в их истинных пропорциях.

Хау готовится к осаде высот: Однако, несмотря на тяжесть удара, генерал Хау достиг только половины своей цели. Он не захватил и не уничтожил американские войска на Лонг-Айленде, а лишь загнал их в их укрепления. Он по-прежнему сталкивался с 8000 солдатами на Бруклинских высотах, и проблема заключалась в том, как их вытеснить. Вечером Вашингтон прибыл из Нью-Йорка и подготовил все для отражения штурма. С этой целью на следующий день он привез подкрепление, увеличив общую численность своих войск в укреплениях до 10 000 человек. В таких условиях, если бы британцы попытались провести штурм, они, вероятно, были бы отбиты с большими потерями. Но Хоу не забыл Банкер-Хилл и счел лучшим продолжить осаду. Как только Вашингтон понял намерение своего противника, он понял, что должен отвести свою армию. Он был готов пойти на штурм, в котором почти наверняка одержал бы победу, но побоялся осады, в которой наверняка потерял бы все свои силы. Британские войска теперь окружили его полукругом, и их корабли в любой момент могли приблизиться сзади и отрезать ему единственный путь отступления. Но Вашингтон ускользнул со своей армией. Соответственно, отправив надежных гонцов через реку, Вашингтон собрал все шлюпы, яхты, рыбацкие лодки, ялы, плоскодонки и гребные лодки, которые можно было найти в водах от Батареи до Кингс-Бридж или Хелл-Гейт; и после наступления темноты 29-го числа все эти суда были собраны у Бруклинского парома и мудро укомплектованы рыбаками из Марблхеда и Глостера из полка Гловера из Эссекса, каждый из которых был экспертом в гребле или парусном спорте. Всю ночь американские войска переправлялись через широкую реку, как можно тише и в отличном порядке, в то время как Вашингтон контролировал детали погрузки и сам был последним, кто покинул берег. В семь часов утра вся американская армия высадилась на берегу Нью-Йорка, привезя с собой все свои пушки, стрелковое оружие, боеприпасы, инструменты, лошадей и все свои запасы продовольствия, так что когда ошеломленные британцы взобрались на пустые укрепления, они не нашли там ни бисквита, ни стакана рома, чтобы утешить себя.

БЕДФОРД-КОРНЕРС, ЛОНГ-АЙЛЕНД, 1776 ГОД.¹³¹

Его бдительность лишила британцев самой золотой возможности, которая когда-либо им предоставлялась.

Это отступление всегда считалось одним из самых блестящих эпизодов в карьере Вашингтона, и, безусловно, трудно найти более яркий пример бдительности. Если бы Вашингтон позволил себя запереть на Бруклинских высотах, он был бы вынужден сдаться, и все, что осталось бы от войны, было бы игрой без ферзя, ладьи и слона. Именно по этой причине Хоу не заслуживает похвалы за то, что позволил своему противнику так легко уйти. На рассвете американцам действительно повезло (), поскольку над Ист-Ривер внезапно поднялся туман, но ночью ярко светила луна, и можно только удивляться, что многочисленные всплески весел и неизбежный шум десяти тысяч человек, сажащихся на корабли со своим тяжелым оружием и припасами, не привлекли внимания () какого-нибудь бодрствующего часового на берегу или на флоте. Штурмовая группа британцев в нужный момент, по крайней мере, помешала бы проведению операции. Такой редкий шанс закончить войну одним ударом больше никогда не представился бы британским командирам. Вашингтон теперь разместил большую часть своей армии вдоль линии реки Гарлем, оставив в городе сильный отряд под командованием Патнэма; и вскоре, проявив ту же необычайную ловкость, которую он только что продемонстрировал, отправив лодки под самым носом флота, он вывел полковника Прескотта и его войска из их уязвимой позиции на Губернаторском острове, которую больше не было смысла удерживать.

Конференция на Статен-Айленде. 11 сентября Надеюсь, что удар, нанесенный британским мечом, ослабил упорство американцев, лорд Хоу снова прибег к оливковой ветви. Пленный генерал Салливан был отправлен в Конгресс, чтобы дать надежду на то, что лорд Хоу использует свое влияние для отмены всех неприятных актов парламента, только сначала он хотел бы поговорить с некоторыми членами Конгресса неформально, как с частными лицами. По поводу этого предложения разгорелась оживленная дискуссия, в которой некоторые увидели оскорбление Конгресса, а все совершенно необоснованно заподозрили предательство. Джон Адамс, который был гораздо менее *суавитер ин модо*, чем *фортитер ин ре*, совершенно несправедливо назвал Салливана «приманкой», которую лучше было бы застрелить в бою, чем использовать в таких делах. В конце концов было решено, что никакие предложения о мире от Великобритании не будут приниматься во внимание, если они не будут переданы в письменном виде и не будут явно признавать Конгресс законным представителем американских штатов. Однако в этот раз, из личного уважения к лорду Хоу и чтобы не пренебрегать ничем, что действительно могло бы привести к мирному

урегулированию, они решили отправить комиссию на Статен-Айленд для переговоров с его светлостью, который мог рассматривать эту комиссию в любом свете, который ему заблагорассудится (). Этот хитрый, полушутливый способ избавиться от дипломатической проблемы напоминает знаменитую прокламацию президента Линкольна, адресованную «кому это может быть интересно» (To whom it may concern). Комиссия, состоящая из Франклина, Рутледжа и Джона Адамса, была гостеприимно принята лордом Хоу, но их переговоры ни к чему не привели, потому что американцы теперь требовали признания своей независимости в качестве условия, которое должно было предшествовать любым переговорам. Нет сомнений, что лорд Хоу, который был горячим другом американцев и энергичным противником политики короля, был горько опечален таким результатом. В качестве последней меры он опубликовал прокламацию, в которой объявил о намерении британского правительства пересмотреть различные законы и инструкции, вызывавшие недовольство американцев, и призвал всех здравомыслящих людей самостоятельно решить, не разумнее ли полагаться на такое торжественное обещание, чем подвергать себя опасности неравной и несправедливой войны.

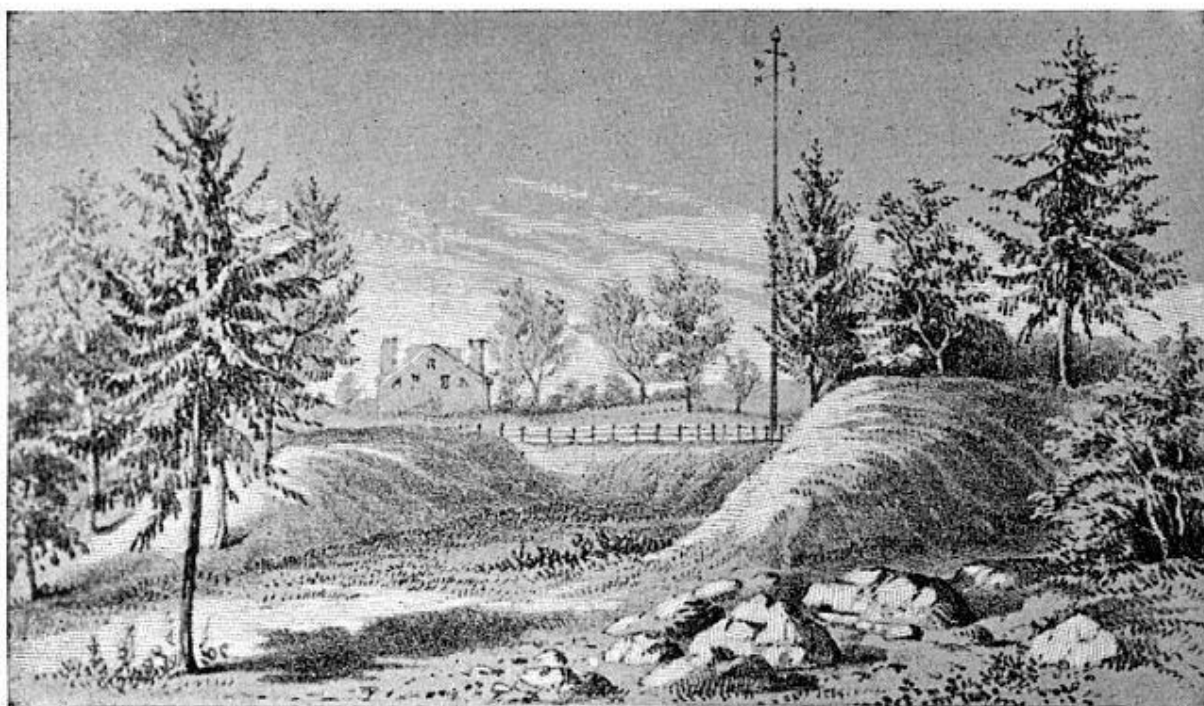
Хоу захватывает город Нью-Йорк, 15 сентября Через четыре дня после этой бесплодной встречи генерал Хоу захватил Нью-Йорк. После потери Бруклин-Хайтс Вашингтон и Грин уже понимали, что город удержать невозможно. Его захват прошел очень легко. Несколько линейных кораблей поднялись по Гудзону до Блумингдейла, а по Ист-Ривер — до острова Блэквелл; и пока эти корабли с обеих сторон обстреливали северную часть Манхэттена, генерал Хоу переправил свою армию из Бруклина на лодках и высадился в Киппс-Бэй, недалеко от нынешнего места расположения Ист-Тридцать четвертой улицы. Вашингтон немедленно прибыл с двумя бригадами из Новой Англии, чтобы подкрепить войска, которые он разместил в этом месте, и помешать высадке врага, пока Путнэм не успеет эвакуировать город. К гневу и отвращению Вашингтона, эти люди охватила паника, и они внезапно развернулись и бежали, не сделав ни одного выстрела. Если бы Хоу сейчас быстро перебросил своих людей через линию Тридцать четвертой улицы, он бы отрезал Путнэму отступление из города. Но то, что не удалось бригадам Новой Англии, удалось одной умной женщине. Когда Хоу достиг места, известного как Мюррей-Хилл, — ныне центра роскошных домов из коричневого камня на Парк-авеню, Мэдисон-авеню и Пятой авеню, а в то время — благородной загородной усадьбы, — миссис Линдли Мюррей, мать известного грамматиста, хорошо зная спокойный характер британского командующего, послала слугу пригласить его остаться и пообедать. Но миссис Линдли Мюррей спасает гарнизон Был отдан приказ о полной остановке, и пока Хоу и его офицеры более двух часов были любезно приняты их опытной и тонкой хозяйкой, Путнэм поспешно повел свои 4000 человек вверх по берегу Гудзона, пока, миновав Блумингдейл, не соединился с правым флангом главной армии и не оказался в безопасности, хотя его палатки, одеяла и тяжелые орудия были оставлены позади. Атака на Харлем-Хайтс 16 сентября Американские линии теперь простирались от устья реки Харлем через остров, и на следующий день британцы попытались прорвать их центр в Харлем-Хайтс, но атака была отбита с потерями в шестьдесят американцев и триста британцев, и только что сформированные линии оставались практически без изменений в течение почти четырех недель.

только форт Вашингтон. Салливан, Стирлинг и Морган, которые только что были обменены, теперь вновь присоединились к армии, а Ли также прибыл из Южной Каролины.

Озадаченный в Уайт-Плейнс, Хоу пытается реализовать новый план Этим перемещением в Уайт-Плейнс Вашингтон сорвал попытку Хоу обойти его с тыла, и британский генерал решил попробовать атаку с фронта. 28 октября ему удалось штурмом взять аванпост на Чаттертон-Хилл, потеряв 229 человек, в то время как американцы потеряли 140. Но это сражение, которое иногда называют битвой при Уайт-Плейнс, похоже, обескуражило Хоу. Прежде чем возобновить атаку, он подождал три дня, возможно, думая о Банкер-Хилле; и в последнюю ночь октября Вашингтон отступил в Норт-Касл, где занял столь прочную позицию, что атаковать его было бесполезно. Тогда Хоу полностью изменил свои планы и двинулся вниз по восточному берегу Гудзона к Доббс-Ферри, откуда он мог либо атаковать форт Вашингтон, либо переправиться в Нью-Джерси и продвигаться на Филадельфию, «столицу мятежников». Цель этого изменения заключалась в том, чтобы выманить Вашингтона из его неприступной позиции.

Приказы Вашингтона в связи с чрезвычайной ситуацией Чтобы противостоять этому новому движению, Вашингтон направил свой авангард из 5000 человек под командованием Путнэма в Нью-Джерси, где они разбили лагерь недалеко от Хакенсака; он послал Хита с 3000 человек в Пикскилл, чтобы охранять вход в Хайлендс; а Ли он оставил в Норт-Кастле с 7000 человек и приказал ему незамедлительно сотрудничать с ним в любом направлении, как только станет ясна суть планов Хоу. Поскольку форты Вашингтон и Ли удерживали большие силы в гарнизоне, но при этом оказались неспособны помешать проходу кораблей вверх по реке, удерживать их больше не имело смысла. Более того, они теперь стали опасными, как ловушки, в которых гарнизоны и склады могли быть внезапно окружены и захвачены. Вашингтон соответственно решил эвакуировать их оба, а чтобы успокоить опасения Конгресса в случае вторжения из Канады, он приказал Хит укрепить гораздо более важную позицию в Вест-Пойнте.

Конгресс вмешивается в ситуацию и запутывает ее Если бы приказы Вашингтона были выполнены и его планы осуществлены, история, возможно, все равно зафиксировала бы отступление через «Джерси», но насколько оно отличалось бы от того, которое должно было произойти! Назойливое вмешательство Конгресса, простительная ошибка в суждении со стороны Грина и грубое неподчинение со стороны Ли (), произошедшие все вместе в этот критический момент, привели к величайшей катастрофе войны и едва не привели к полному и безвозвратному краху американского дела. Вашингтон приказал Грину, который теперь командовал обеими крепостями, вывести гарнизон и запасы из форта Вашингтон и подготовиться к эвакуации форта Ли. В то же время он не дал четкого приказа, а оставил этот вопрос на усмотрение Грина на случай возникновения непредвиденных военных обстоятельств. Затем, когда Вашингтон отправился на разведку места для новой крепости в Вест-Пойнте, из Конгресса поступил специальный приказ, что форт Вашингтон не должен быть покинут, за исключением крайней необходимости. Если бы Грин полностью понял точку зрения Вашингтона, он бы проигнорировал этот условный приказ, поскольку вряд ли могла быть худшая крайняя необходимость, чем та, которую повлекло бы за собой внезапное захват крепости. Но Грин не был вполне уверен в себе; он верил, что форт можно удержать, и не хотел брать на себя ответственность за игнорирование сообщения Конгресса. В этой дилемме он поступил наихудшим из возможных способов: он усилил обреченный гарнизон и стал ждать возвращения Вашингтона.

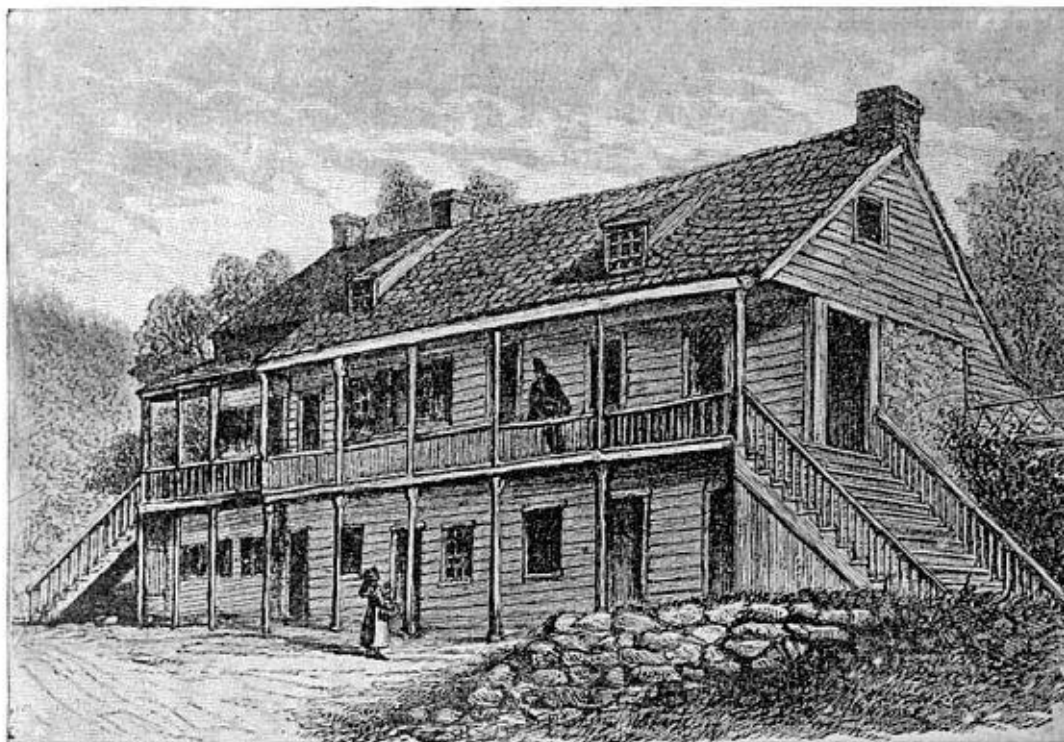

ОСТАНКИ ФОРТА ВАШИНГТОН, НЬЮ-ЙОРК, 1856 Г.

Хоу захватывает форт Вашингтон штурмом, 16 ноября Когда 14 ноября вернулся главнокомандующий, он с ужасом узнал, что ничего не было сделано. Но теперь было уже слишком поздно исправлять ситуацию, потому что в ту же ночь несколько британских кораблей прошли между фортами, и на следующий день Хоу появился перед фортом Вашингтон с подавляющей силой и сказал полковнику Магау, командующему офицеру, что если он не сдастся немедленно, весь гарнизон будет перебит. Магау ответил, что если Хоу хочет его форт, он должен прийти и взять его. 16-го числа, после ожесточенной борьбы, в которой американцы сражались с отчаянной доблестью, несмотря на то, что их превосходили по численности более чем в пять раз, укрепления были взяты, и весь гарнизон был взят в плен. Победа стоила англичанам более 500 человек убитыми и ранеными. Американцы, сражавшиеся за своими укреплениями, потеряли всего 150 человек, но сдали 3000 лучших солдат своей полуобученной армии, а также огромное количество артиллерии и стрелкового оружия. Добродушный генерал Хоу не стал выполнять свою жестокую угрозу, сделанную накануне, но некоторые гессенцы, взбешенные упорным сопротивлением, с которым они столкнулись, начали хладнокровно убивать своих пленных, пока их не привели в чувство. Из форта Ли, расположенного на противоположном берегу реки, Вашингтон наблюдал за этой печальной капитуляцией со своим обычным железным самообладанием, но когда он увидел, как его храбрые солдаты были сражены и заколоты штыками гессенцев, его перенапряженное сердце не выдержало, и он заплакал и зарыдал, как ребенок.

Вашингтон и Грин Пленение гарнизона форта Вашингтон было одним из самых сокрушительных ударов, которые постигли американскую армию за всю войну. Кампания Вашингтона теперь, казалось, превратилась в бегство, и страшная мрачная атмосфера охватила всю страну. Это бедствие было в первую очередь вызвано вмешательством Конгресса. Его можно было бы предотвратить, если бы Грин действовал быстро и решительно. Но Вашингтон, чей ясный ум должным образом учитывал все обстоятельства, ни на мгновение не возложил вину на своего подчиненного. Грин, чей интеллект был

настолько высок, что он мог допустить первую ошибку, но никогда не повторял ее, никогда не забывал этот урок. Дружба между двумя генералами стала еще теплее, чем когда-либо. Вашингтон, благодаря своему инстинкту сочувствия, с самого начала угадал военный гений, который со временем оказался почти не уступающим его собственному.

ШТАБ ГЕНЕРАЛА ГРИНА, ФОРТ ЛИ, НЬЮ-ДЖЕРСИ

Возмутительное поведение Чарльза Ли Но худшее было еще впереди. У Вашингтона было всего 6000 человек на джерсийской стороне реки, и теперь было самое время для Ли переправиться из Норт-Кастла и присоединиться к нему с 7000 солдатами, оставшимися под его командованием. 17-го числа Вашингтон отправил ему категорический приказ немедленно переправиться через реку, но Ли притворился, что считает этот приказ просто советом, и остался на месте. Он занимал неприступную позицию: зачем ему было ее покидать и подвергать опасности войска, с помощью которых он мог совершить что-то памятное для себя? После отставки генерала Уорда Ли стал старшим генерал-майором Континентальной армии, и в случае поражения Вашингтона он почти наверняка стал бы главнокомандующим. Он вернулся из Южной Каролины более высокомерным и громкоголосым, чем когда-либо. Северяне мало знали о Моултри, в то время как Ли считали великим военным гением; и шарлатан, соответственно, получил всю славу за победу, которая, если бы его драгоценный совет был принят, никогда бы не была одержана. Ли прозвали героем Чарльстона, и люди начали сравнивать победу на острове Салливан с недавними поражениями и делать выводы, очень уничижительные для Вашингтона. С самого начала Ли был лично обижен тем, что его не назначили главнокомандующим, и теперь он, казалось, увидел хороший шанс разрушить своего ненавистного соперника. Если бы он стал главой армии в момент страшной катастрофы для американцев, это было бы тем лучше, так как это, вероятно, открыло бы переговоры с лордом Хоу, а Ли гораздо больше любил торговаться и интриговать, чем сражаться. Поэтому он тратил время на то, чтобы с помощью коварных писем и лживых слухов подпитывать недовольство Вашингтоном, при этом отказываясь послать ему на помощь хотя бы один полк. Таким образом, из-за подлости этого предателя в лагере Вашингтон фактически потерял больше людей, с точки зрения их

текущей полезности в этот самый критический момент, чем он был лишен всеми ударами, нанесенными ему врагом с начала кампании.

Грин едва спасается из форта Ли, 20 ноября. В ночь на 19-е Хоу переправил 5000 человек через реку, примерно в пяти милях выше форта Ли, и с этими силами лорд Корнуоллис быстро двинулся на эту крепость. Место стало невыносимым, и с некоторым трудом удалось избежать повторения катастрофы форта Вашингтона. Грин едва успел со своими 2000 солдатами перебраться через мост над рекой Хакенсак и присоединиться к основной армии, оставив все свои пушки, палатки, одеяла и продовольствие. Положение, в котором теперь находилась основная армия, между реками Хакенсак и Пассаик, было небезопасным, учитывая значительное численное превосходство врага. Сильные британские войска, наступающие на Вашингтона с севера, могли заставить его сдаться или сражаться в крайне

James Bowdoin

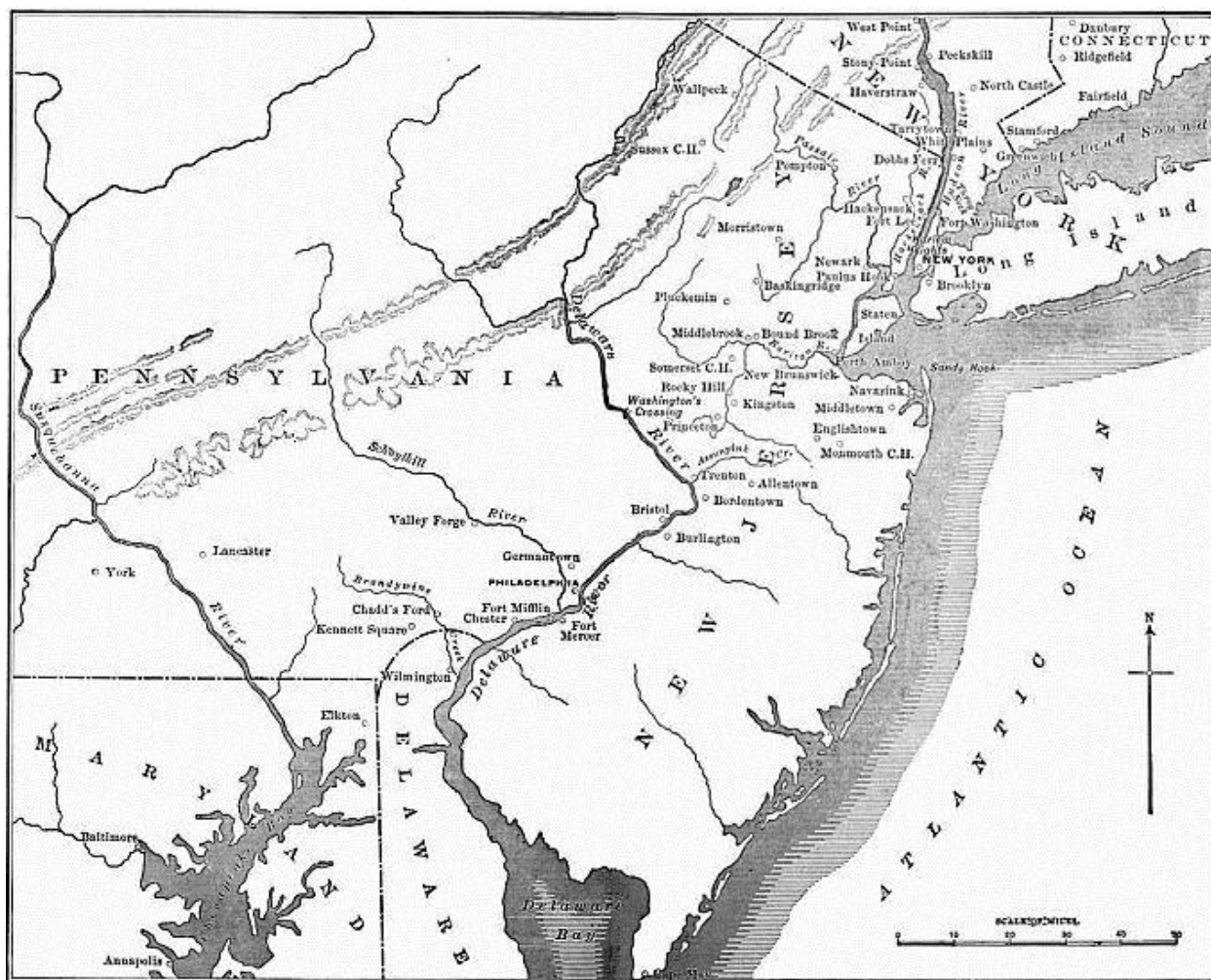
невыгодном положении. Чтобы избежать этой опасности, 21-го числа он перешел Пассаик и двинулся на юго-запад к Ньюарку, где пробыл пять дней; каждый день он посылал гонца к Ли, призывая его как можно скорее перебросить свою половину армии, чтобы они могли противостоять врагу на более или менее равных условиях. Ничто не могло быть более ясным и категоричным, чем приказы Вашингтона, но Ли сделал вид, что не понял их, прислал оправдания, выдвинул возражения, уклонялся, спорил, увиливал и лгал, и таким образом ухитрился остаться на месте до первого декабря.

Ли интригует против Вашингтона Вашингтону он притворился, что его перемещение сопряжено с «препятствиями», природу которых он объяснит, как только они встретятся. Но в то же время он написал Джеймсу Боудину, президенту исполнительного совета Массачусетса, заявив, что его собственная армия и армия Вашингтона «должны оставаться на своих позициях». Он взял на себя командование Хит, который был оставлен для охраны горной местности (), и приказал ему отправить к нему 2000 солдат, но этот офицер вполне обоснованно отказался отступать от инструкций, которые ему оставил главнокомандующий. Ли рассказал различным членам Конгресса ложь о том, что, если бы его совет был услышан, форт Вашингтон был бы эвакуирован, пока не стало слишком поздно; он написал доктору Рашу, удивляясь, изучал ли кто-нибудь из членов Конгресса римскую историю, и намекнув, что он мог бы совершить великие дела, если бы его назначили диктатором на одну неделю.

Вашингтон отступает в Пенсильванию. Тем временем Вашингтон, не рискуя вступать в сражение, быстро отступал через Нью-Джерси. 28 ноября Корнуоллис продвинулся к Ньюарку (), а Вашингтон отступил в Нью-Брансуик. Первого декабря, когда Корнуоллис достиг последнего места, Вашингтон разрушил мост через реку Раритан и продолжил отступление в Принстон. Срок службы, на который были набраны его войска, подходил к концу, и разочарование, вызванное чередой бедствий, обрушившихся на армию после битвы на Лонг-Айленде, было настолько велико, что многие солдаты потеряли интерес к своей работе. Ностальгия по дому стала преобладать, особенно среди войск Новой Англии, и по истечении срока службы было трудно убедить их переподписать контракт. В этих условиях армия быстро таяла, и к моменту прибытия в Принстон у Вашингтона оставалось всего 3000 человек. Единственное, что можно было сделать, — это поставить между собой и врагом широкую реку Делавэр, что он и сделал к 8-му числу, переправив все свои орудия и припасы и захватив или уничтожив все лодки, которые можно было найти на этой великой реке на многие мили в обе стороны. Когда британцы прибыли вечером того же дня, они обнаружили, что переправа невозможна. Корнуоллис был готов как можно скорее собрать флотилию лодок и продвинуться к Филадельфии, но Хоу, который только что

присоединился к нему, считал, что не стоит так утруждаться, поскольку река наверняка замерзнет через несколько дней. Таким образом, армия была размещена — с несколько слишком растянутым фронтом — вдоль восточного берега, с центром в Трентоне, под командованием полковника Рала; и пока они ждали того «всплеска» сильных морозов, который в этом климате редко не наступает в течение нескольких дней после Рождества, Хоу и Корнуоллис оба вернулись в Нью-Йорк.

Подкрепление от Шуйлера Тем временем, 2 декабря Ли наконец переправился через Гудзон с силами, сократившимися до 4000 человек, и медленным маршем продвинулся до Морристауна. Подкрепление было уже близко. Генерал Шуйлер, командующий армией, которая летом отступила из Канады, охранял форты на озере Шамплейн; и поскольку они казались безопасными на данный момент, он отделил семь полков, чтобы они пришли на помощь Вашингтону. Как только Ли узнал о прибытии трех из этих полков в Пикскилл, он приказал им присоединиться к нему в Морристауне. Пока остальные четыре полка под командованием генерала Гейтса продвигались через северную часть Нью-Джерси, возникли сомнения относительно того, где они должны найти Вашингтона в ходе его быстрого отступления. Гейтс послал своего помощника, майора Уилкинсона, за инструкциями, и тот, узнав, что Вашингтон отступил в Пенсильванию, доложил об этом Ли в Морристауне как второму командующему.

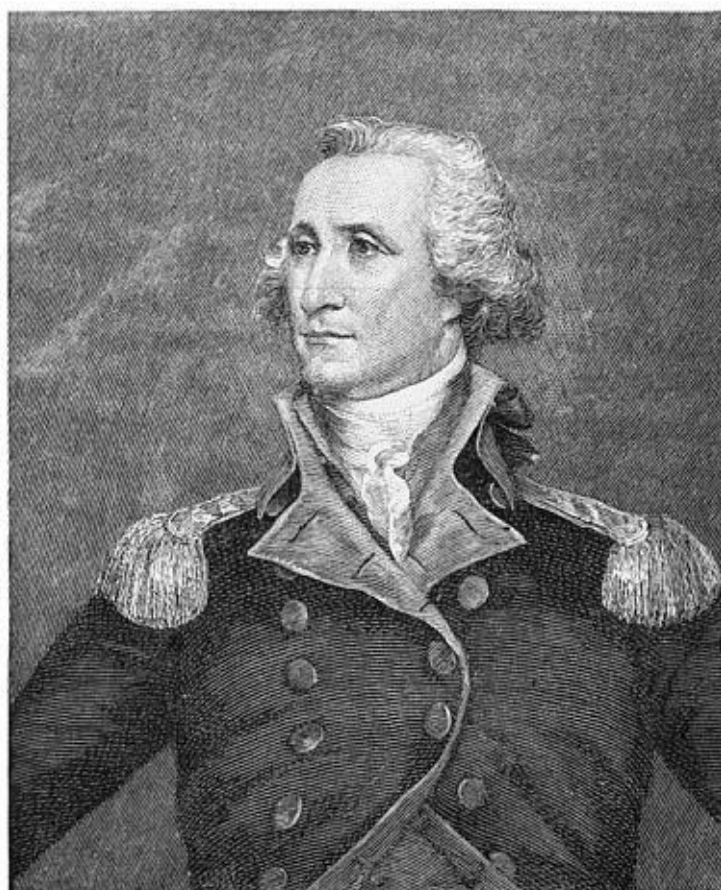
ОПЕРАЦИИ В НЬЮ-ЙОРКЕ И НЬЮ-ДЖЕРСИ, 1776 И 1777 ГОДЫ

К счастью для американцев, 13 декабря британцы захватили Чарльза Ли. Ли оставил свою армию под командованием Салливана и по глупости поселился в неохраняемой таверне примерно в четырех милях от города, где Уилкинсон и нашел его утром 13-го числа. После завтрака Ли написал конфиденциальное письмо Гейтсу, как родственному духу, от которого он мог ожидать сочувствия. Последствия катастрофы в форте Вашингтон были ужасными. «Никогда еще не было такого проклятого удара», — говорилось в письме. «*Между нами говоря*, один великий человек страдает от проклятого недостатка. Он поставил меня в положение, где я вынужден выбирать между двумя бедами. Если я останусь в этой провинции, я рискую собой и армией, а если не останусь, провинция будет потеряна навсегда... Наши советы были слабы до крайности. Что касается вас, если вы думаете, что сможете вовремя прийти на помощь генералу, я бы хотел, чтобы вы обязательно пошли. Вы, по крайней мере, спасете свою армию... Прощайте, мой дорогой друг. Да благословит вас Бог». Едва он подписал свое имя под этим скандальным документом, как Уилкинсон, стоявший у окна, воскликнул, что британцы наступают. И действительно. Один тори из окрестностей, увидев прекрасную возможность, проскакал восемнадцать миль до британских позиций и вернулся с отрядом из тридцати драгун, которые окружили дом и схватили тщеславного интригана, не дав ему времени опомниться. Без головного убора, одетый только в фланелевую рубашку и тапочки, он был посажен на лошадь Уилкинсона, которая ждала у двери, и под веселые и ликующие крики отвезен в британский лагерь. Смущенный и озадаченный, он выразил трусливую надежду, что его жизнь будет пощажена, но ему шутливо напомнили, что, скорее всего, с ним поступят как с дезертиром из

британской армии (), и с этим скудным утешением он был вынужден довольствоваться в течение нескольких недель.

Времена, испытывавшие души людей Пленение генерала Ли было воспринято народом как еще одно из ряда страшных бедствий, которые сделали этот сезон самым мрачным моментом за всю войну. Если бы они знали все, что мы знаем сейчас, они бы поняли, что армия избавилась от бесполезного злоумышленника, а история войны обогатилась любопытным и живописным эпизодом. Помимо этого инцидента, было достаточно причин для мрачного настроения, которое теперь охватило всю страну. Вашингтон был вынужден укрыться за Делавэром с горсткой людей, срок службы которых скоро истекал, и еще через две недели эта бедная маленькая армия могла легко распасться. В Филадельфии, где теперь командовал Патнэм, царила всеобщая паника, и люди начали прятать свои ценности и переселять своих жен и детей в сельскую местность. Конгресс испугался и удалился в Балтимор. В начале декабря лорд Хоу и его брат издали прокламацию, предлагающую помилование и защиту всем гражданам, которые в течение шестидесяти дней принесут присягу на верность британской короне; и в течение десяти дней почти три тысячи человек, многие из которых были богатыми и занимали высокое положение в обществе, воспользовались этим обещанием. Британские солдаты и тори считали, что борьба фактически закончилась. Генерала Хоу сравнивали с Цезарем, который пришел, увидел и победил. За свои блестящие успехи он был удостоен звания рыцаря-командора ордена Бани, и Нью-Йорк должен был стать местом веселых рождественских торжеств по случаю получения им знаменитой красной ленты. Уверенный в том, что силы Вашингтона полностью исчерпаны, он отделил значительные силы от армии в Нью-Джерси и послал их под командованием лорда Перси, чтобы захватить Ньюпорт как удобную базу для британских кораблей, входящих в пролив. Доноп и Рал с их гессенцами и Грант с его выносливыми шотландцами теперь вполне хватило бы, чтобы уничтожить остатки армии Вашингтона; и Корнуоллис соответственно упаковал свои чемоданы и отправил их на корабль, намереваясь отплыть в Англию, как только дым рождественского пунша должным образом рассеется.

Вашингтон готовится к ответному удару Томас Пейн вполне мог заявить в первой из серии брошюр под названием «Кризис», которые он теперь начал публиковать, что «это времена, которые испытывают души людей». Но среди всеобщего уныния было несколько смелых сердец, которые еще не начали отчаиваться, и самым смелым из них было сердце Вашингтона. В этот страшный момент все будущее Америки и все, что Америка означает для мира, зависело от этой единственной титанической воли. Жестокое поражение и еще более жестокое предательство, способные сломить самого сильного, не смогли сломить Вашингтона. В нем пробудился весь лев, и его мощная натура зажглась страстной решимостью. Его зоркий глаз уже заметил слабые места в слишком небрежном расположении войск Хоу на восточном берегу Делавэра, и он приготовил для своего противника такое рождественское поздравление, которого тот меньше всего ожидал. Как раз в этот момент Вашингтон получил своевременное подкрепление от Салливана и Гейтса с войсками, недавно находившимися под командованием Ли; и с его небольшой армией, таким образом увеличившейся до 6000 человек, он обдумывал такой удар, который мог бы возродить упавший дух его соотечественников и сбить врага с толку в самый момент его мнимого триумфа.

ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН (АВТОР: ТРАМБУЛЛ)

План Вашингтона состоял в том, чтобы внезапной атакой подавить британский центр в Трентоне и таким образом заставить армию отступить в Нью-Йорк. Делавер должен был быть пересечен тремя дивизиями. Правое крыло из 2000 человек под командованием Гейтса должно было атаковать графа Донопа в Берлингтоне; Юинг с центром должен был пересечь реку прямо напротив Трентона (), а сам Вашингтон с левым крылом должен был пересечь реку на девять миль выше и маршировать на Трентон с севера. В день Рождества все было готово, но начало предприятия было неблагоприятным. Гейтс, который предпочел пойти и интриговать в Конгрессе, сумел отговориться и отправился в Балтимор. Кадваладер, который занял его место, изо всех сил пытался переправить своих людей и артиллерию через реку, но был остановлен огромными массами плавучего льда и с неохотой отказался от попытки. Юинг был настолько разочарован, что даже не пытался переправиться, и оба офицера считали само собой разумеющимся, что Вашингтон потерпит такую же неудачу. Он переправляется через Делавер, но Вашингтон был отчаянно серьезен; и хотя на закате, как раз когда он достиг места переправы, специальный гонец сообщил ему о неудаче Юинга и Кадваладера, он решил продолжить и атаковать с 2500 солдатами, которые были с ним. Крупные глыбы льда, быстро несущиеся по сильному течению, делали переход чрезвычайно опасным, но Гловер с его умелыми рыбаками из Марблхеда сумел переправить маленькую армию без потери ни одного человека или орудия. На переправу ушло более десяти часов, а затем предстоял марш на девять миль в слепящей метели и снежном дожде. и прорвал центр британских войск в Трентоне. 26 декабря. Они быстро продвигались двумя колоннами, возглавляемыми соответственно Грином и Салливаном, прогнали вражеские заставы на остриях штыков и вскоре после восхода солнца вошли в город по разным дорогам. Пушки Вашингтона были сразу же установлены так, чтобы очистить улицы, и после того, как

полковник Рал и семнадцать его людей были убиты, весь отряд гессенцев, насчитывавший 1000 человек, сдался на милость. Из американцев двое замерзли насмерть во время марша, а двое были убиты в бою. К полудню следующего дня Кадваладер переправился через реку в Берлингтон, но как только Доноп узнал о том, что произошло в Трентоне, он отступил окольным путем в Принстон, оставив всех своих больных и раненых солдат, а также все свое тяжелое вооружение и багаж. Вашингтон переправился обратно в Пенсильванию со своими пленными, но снова продвинулся вперед и 29-го числа занял Трентон.

Корнуоллис приходит, чтобы исправить катастрофу Когда весть о катастрофе дошла до Нью-Йорка, праздничное торжество было грубо прервано. Вместо того, чтобы отправляться в Англию, Корнуоллис поспешил в Принстон, где он застал Донопа, воздвигающего земляные укрепления. Утром 2 января Корнуоллис с 8000 человек двинулся на Трентон, но его поход был медленным и мучительным. Большую часть дня он подвергался обстрелу со стороны стрелков, спрятанных в лесу у дороги, а Грин с силами в 600 человек и двумя полевыми орудиями умудрился так его задержать и замучить, что он достиг Трентона только поздно днем. К тому времени Вашингтон отвёл все свои войска за Ассанпинк, небольшую реку, впадающую в Делавэр к югу от Трентона, и охранял мост и броды с помощью удачно расположенных батарей. Британцы несколько раз пытались переправиться, но были отбиты с большими потерями; и поскольку дневная работа сильно утомила их, Корнуоллис счел лучшим подождать до завтрашнего дня, полагая, что он загнал «старого лиса» в угол, и поспешно отправил гонца обратно в Принстон, чтобы привести отряд из почти 2000 человек, который он оставил там. С этими дополнительными силами он был уверен, что сможет форсировать реку выше американских позиций, а затем, обойдя правый фланг Вашингтона, оттеснить его к Делавэру и таким образом заставить сдаться. Корнуоллис соответственно лег спать в приподнятом настроении. «Наконец-то мы догнали старого лиса, — сказал он, — и утром мы его поймаем».

ЛОРД КОРНУОЛЛИС

Но Вашингтон готовит мат Ситуация действительно была очень опасной, но когда британский генерал назвал своего противника старым лисом, он не более чем отдал ему должное. Своим сочетанием хитрости и смелости движение, которое теперь совершал Вашингтон, сильно напоминало действия «Каменной стены» Джексона. Он прекрасно понимал, что Корнуоллис намеревался сделать, но в то же время знал, что отряды британской армии должны были остаться в Принстоне и Нью-Брансуике для охраны складов. Исходя из численности армии, стоящей перед ним, он правильно судил, что эти тыловые отряды должны быть слишком малы, чтобы противостоять его собственным силам. Разгромив один или оба отряда, он мог бы заставить Корнуоллиса отступить в Нью-Йорк, а сам занять неприступную позицию на высотах около Морристауна, откуда он мог бы

угрожать британской линии и сдерживать всю их армию — самый блестящий и смелый план для полководца, находящегося в таком опасном положении, в каком был Вашингтон той ночью! Но то, как он начал выпутываться из этой ситуации, было не менее блестящей частью маневра. Всю ночь американские костры ярко горели, а небольшие отряды были заняты возведением укреплений так близко к Ассанпинк, что британские часовые могли ясно слышать шум их голосов и стук лопат и кирок. В то время как это происходило, вся американская армия быстро прошла по южному берегу небольшой реки, обошла левое крыло Корнуоллиса с тыла и вышла на дорогу, ведущую в Принстон. На рассвете, когда британский отряд, подчиняясь приказу Корнуоллиса, спускался по дороге из Принстона в Трентон, его авангард под командованием полковника Моухуда встретил передовую колонну американцев, приближавшуюся под командованием генерала Мерсера. Увидев американцев, Моухуд подумал, что это, должно быть, группа беглецов, и поспешил перехватить их, но вскоре разочаровался. Американцы атаковали с энергией, и завязался ожесточенный бой, с переменным успехом, пока Мерсер не был пронзен штыком, и его люди не начали отступать в некотором замешательстве. и снова разделил британскую линию в Принстоне 3 января. Как раз в этот критический момент Вашингтон прискакал на поле боя и собрал войска, и, поскольку к этому моменту все силы обеих сторон были уже на месте, началась общая битва. Через несколько минут британцы были разгромлены, и их линия была разорвана на две части: одна половина бежала в сторону Трентона, другая — в сторону Нью-Брансуика. Потери были невелики, так как весь бой длился не более двадцати минут. Британцы потеряли около 200 человек убитыми и ранеными, а также 300 пленных и свои пушки; потери американцев составили менее 100 человек.

Hugh Mercer

Незадолго до восхода солнца люди, оставшиеся в лагере на Ассанпинк, чтобы поддерживать огонь и шуметь, поспешно отступили и обходными путями добрались до Принстона. Когда Корнуоллис проснулся, он едва мог поверить своим глазам. Перед ним был только пустой лагерь: американская армия исчезла, и он не мог себе представить, куда она ушла. Но его недоумение было скоро развеяно () раскатами отдаленных пушек на дороге в Принстон, и игра, которую сыграл с ним «старый лис», стала сразу же очевидной. Общее отступление британцев в сторону Нью-Йорка Не оставалось ничего другого, как отступить в Нью-Брансуик со всей возможной поспешностью и спасти там запасы. Его путь вел обратно через Принстон, и от беглецов Маухуда он скоро услышал рассказ о утренней катастрофе. Его марш затрудняли различные препятствия. Наступила оттепель, и небольшие ручьи превратились в бурные потоки, которые было трудно перейти вброд, а американская армия, прошедшая по этой дороге до рассвета, не забыла уничтожить мосты. К тому времени, когда Корнуоллис и его люди, мокрые и уставшие, достигли Принстона, американцы уже покинули его, но не пошли в Нью-Брансуик. Вашингтон надеялся захватить там склады, но расстояние составляло восемнадцать миль, его люди были плохо обуты и слишком уставшие, чтобы быстро маршировать, и было бы неразумно рисковать общим сражением, когда его главная цель могла быть достигнута без него. По этим причинам Вашингтон повернул на север, к высотам Морристауна, а Корнуоллис продолжил отступление в Нью-Брансуик. Через несколько дней Путнэм выдвинулся из Филадельфии и занял Принстон, образовав таким образом правое крыло американской армии, основные силы которой

находились в Морристауне, а левое крыло составляла дивизия Хита на Гудзоне. Вдоль этой длинной линии были созданы различные военные лагеря. 5-го числа Джордж Клинтон, спустившись из Пикскилла, изгнал британцев из Хакенсака и занял его, а в тот же день отряд немецких наемников в Спрингфилде был разгромлен отрядом ополченцев. Затем генерал Максвелл взял Элизабеттаун, после чего британцы отступили из Ньюарка.

Таким образом, за три недели короткой кампании Вашингтон собрал воедино осколки разгромленной и разбитой армии, выиграл две битвы, взял в плен почти 2000 человек и вернул штат Нью-Джерси. Он нивелировал катастрофические последствия предательства Ли и, по-видимому, вернул все в то состояние, в котором оно находилось после падения форта Вашингтон. Ситуация полностью изменилась. На самом деле он сделал гораздо больше, чем это, поскольку, перейдя в наступление и одержав победы благодаря своему гению, он полностью изменил настроения населения. Британские генералы начали бояться его, а его армия начала расти за счет пополнения свежими рекрутами. В Нью-Джерси враг удержал только Нью-Брансуик, Амбой и Паулус-Хук.

25 января Вашингтон издал прокламацию, в которой объявлял, что все лица, принявшие предложение лорда Хоу о защите, должны либо уйти в тыл британских войск, либо выйти вперед и принести присягу на верность Соединенным Штатам. Многие узколобые люди, которые не одобряли тесную федерацию штатов, резко критиковали форму этой прокламации: она была слишком националистической, говорили они. Но она оказалась эффективной. Каким бы прохладным ни был интерес многих жителей Джерси к войне, когда их земля была впервые захвачена, поведение британских войск было таким, что теперь все считали их врагами. Они без разбора грабили и друзей, и врагов, поджигали фермерские дома и в одном или двух случаях убивали мирных граждан. Гнев народа был настолько силен, что британцам было небезопасно выходить за пределы своих узких линий, за исключением случаев, когда они были в значительном численном превосходстве. Их отряды, занимавшиеся грабежом, подвергались нападениям и были отрезаны от подкрепления отрядами ополченцев, и они так сильно страдали от преследований в своих передовых позициях в Нью-Брансуике, что часто испытывали недостаток продовольствия. Многие немецкие наемники, не заботясь о деле, в которое их насильно затянули, начали дезертировать; в этом их поощрял Конгресс, который издал манифест на немецком языке, предлагая щедрые земельные наделы любому иностранному солдату, который покинет британскую службу. Этот небольшой документ вкладывался в обертки, в которых продавались пачки табака, и время от времени какой-нибудь предусмотрительный курильщик принимал это предложение.

Великолепное полководческое искусство Вашингтона Положение Вашингтона в Морристауне было настолько сильным, что не было никакой надежды вытеснить его, а заблокированные снегом дороги настолько затрудняли зимнюю кампанию, что Хоу решил, что лучше подождать теплого времени года, прежде чем предпринимать какие-либо дальнейшие действия. В то время как британские войска были таким образом сдержаны, друзья Америки, как в Англии, так и на европейском континенте, были очень воодушевлены. С этого момента Вашингтон стал считаться в Европе первоклассным полководцем. Военные критики, способные понять его действия, сравнивали его блестящие достижения с его скромными ресурсами и обнаруживали в нем гения высочайшего порядка. Люди начали называть его «американским Фабием», и это прозвище так понравилось его соотечественникам в ту педантичную эпоху, что оно прилипло к нему на всю оставшуюся жизнь и с утомительной повторяемостью повторялось в газетах, речах и брошюрах. Однако в полководческом таланте Вашингтона было нечто большее, чем просто фабианство. В осторожности ему не было равных, но, как заметил полковник Стэдман в своей превосходной современной истории войны, самым замечательным в Вашингтоне было его

мужество. Действительно, трудно найти более яркие примеры смелости, чем те, которые он продемонстрировал в Трентоне и Принстоне. Лорд Корнуоллис был неплохим противником, и никто не мог лучше него судить о том, что можно было ожидать от полководца с данными ресурсами. Его удивление в Ассанпинке было настолько велико, что он так и не смог с ним справиться. Говорят, что после капитуляции в Йорктауне его светлость выразил Вашингтону свое искреннее восхищение тем чудесным мастерством, которое позволило внезапно перебросить армию на четыреста миль, от реки Гудзон до реки Джеймс, с такой точностью и со смертельным результатом. «Но в конце концов, — добавил он, — достижения Вашего Превосходительства в Нью-Джерси были такими, что ничто не могло их превзойти». Человек, который перевернул ситуацию в Ассанпинке, по его мнению, был способен на все.

Вашингтон

В Англии последствия этой кампании были очень серьезными. Незадолго до этого Эдмунд Берк с унынием заметил, что армия, которая всегда вынуждена отказываться от сражения, никогда не сможет изгнать захватчиков, но теперь дело приняло другой оборот. В конце концов, сэр Уильям Хоу не смог продемонстрировать особых успехов, несмотря на свою красную ленту. Он захватил Нью-Йорк и нанес много тяжелых ударов своей подавляющей силой, неожиданно поддержанной нечестной игрой со стороны американцев, но что касается разгрома Вашингтона и окончания войны, то он, казалось, был от этого дальше, чем когда-либо. Для этого потребовалась бы еще одна кампания, а может быть, и много. Лорд Норт, который и без того не был большим сторонником войны, был

разочарован, а король и лорд Джордж Джермейн были в ярости от разочарования. «Именно это несчастное дело в Трентоне, — заметил последний, — разрушило наши надежды».

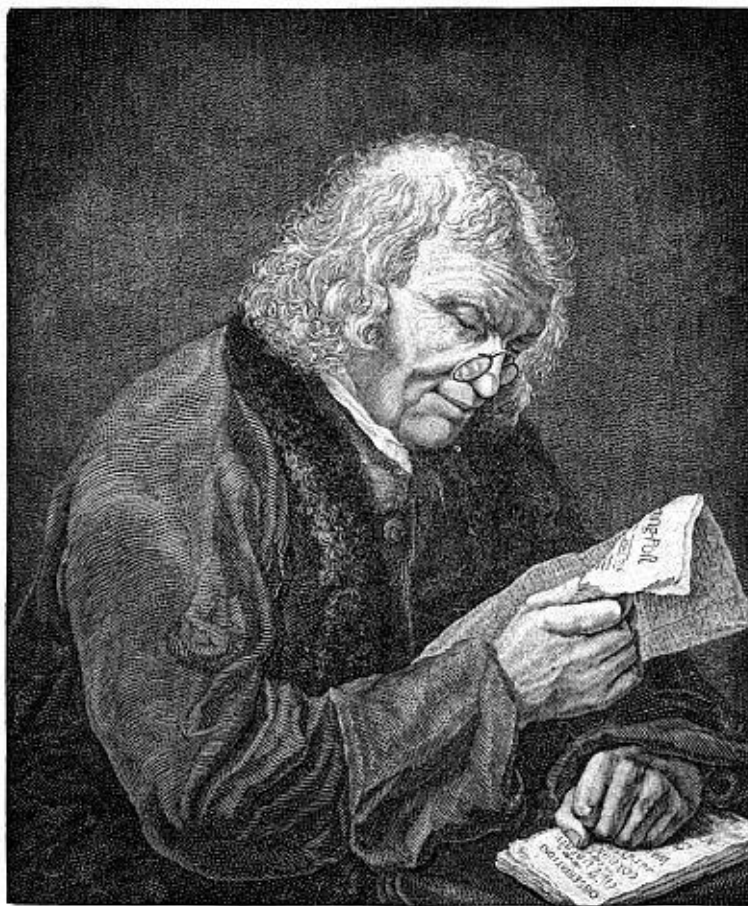
Во Франции интерес к американским делам быстро рос. Людовик XVI не питал любви ни к американцам, ни к мятежникам, но месть за ужасные бедствия 1758 и 1759 годов была дорога французскому сердцу. Франция относилась к Англии тогда так же, как сейчас к Германии, и еще во времена Закона о гербовом сборе барон Калб был отправлен с секретной миссией в Америку, чтобы выяснить, как народ относится к британскому правительству. Политике французского министерства способствовала романтическая симпатия к Америке, которая царила в высшем обществе. Пожалуй, никогда еще мнения, бытовавшие среди модных дам и джентльменов, не контролировались философами и учеными так прямо, как во Франции во второй половине XVIII века. Возможно, никогда еще литераторы не оказывали такого сильного влияния на своих современников, как Вольтер с его благородным энтузиазмом по отношению к человечеству, Руссо с его поразительными политическими парадоксами и авторы «Энциклопедии» с их открытиями новых точек зрения в науке и истории. Для таких людей, как они, и для таких глубоких политических мыслителей, как Монтескье и Тюрго, сохранение английской свободы было надеждой всего мира; но они мало интересовались британской короной или имперским верховенством парламента. Поэтому все сочувствовали американцам и настаивали на проведении политики, которую двор по эгоистическим причинам был склонен проводить. Вержен, проницательный министр иностранных дел, уже некоторое время ждал удобного случая, чтобы принять участие в борьбе, но пока довольствовался оказанием тайной помощи.

Более года он интриговал через Бомарше, известного автора «Фигаро», с Артуром Ли (братом Ричарда Генри Ли), который долгое время служил в Лондоне агентом Вирджинии. Незадолго до провозглашения Декларации независимости Верженн отправил более миллиона долларов на помощь американскому делу. Вскоре после этого Конгресс направил Силаса Дина в Париж и приказал Артуру Ли присоединиться к нему там. В октябре туда же был отправлен Франклин, и все трое были назначены уполномоченными по заключению договора о союзе с Францией.

ывало большой ажиотаж в модном мире Парижа. Такие мбер, считали его воплощением практической мудрости. ворением всех достоинств американского дела — ла и умеренности. Вольтер совершенно бессознательно войсками Франклина». Именно Тюрго сказал о нем одну из на латыни: «Eripuit coelo fulmen, sceptrumque tyrannis» (Он и скипетр). Как символ свободы, к которой стремилась вся им народным энтузиазмом, какого, пожалуй, не вызывал ни тогда он проходил по улицам, лавочники выбегали из своих о, а любопытные прохожие толпились на тротуарах. и почтенной фигуры, казалось, усиливала республиканская невого пальто, на плечи которого небрежно падали его ле косы и пудры. Его портрет висел в витринах магазинов и на крышках табакерок. Джентльмены носили шляпы е перчатки окрашивались в оттенок «Франклина», а на пы по-франклиновски.

БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН

В качестве первых плодов переговоров Франклина французское правительство согласилось выделять два миллиона ливров в год, по в квартал, для поддержки американского дела. Три корабля, груженные военными припасами, были отправлены в Америку: один был захвачен британским крейсером, но два других прибыли благополучно. Американцам было разрешено оснащать каперы во французских портах и даже привозить и продавать там свои трофеи. Кроме того, комиссарам был выдан миллион ливров в счет количества табака, которое они согласились отправить в обмен. Дальше этого Франция пока не была готова пойти. Британский посол уже начал протестовать против нарушения нейтралитета, связанного с отправкой каперов, а Франция не была готова рисковать открытой войной с Англией, пока не станет ясно, что американцы окажутся эффективными союзниками. Кроме того, король симпатизировал Георгу III и ненавидел философов, чьи взгляды влияли на французский народ; и чтобы добиться чего-либо в интересах американцев, его приходилось уговаривать или запугивать на каждом шагу.

Но хотя французское правительство еще не было готово отправить войска в Америку, не было недостатка в добровольцах, которые присоединились к нам из чисто бескорыстного энтузиазма. На званом ужине в Меце маркиз де Лафайет, тогда девятнадцатилетний юноша, услышал новости из Америки и тут же решил покинуть свой уютный дом и предложить свои услуги Вашингтону. Он за свой счет оборудовал корабль, загрузил его военными припасами, предоставленными Бомарше, и 26 апреля отплыл из Бордо, взяв с собой Каля и одиннадцать других офицеров. Мария-Антуанетта одобрила его щедрую самоотверженность, но король запретил ему уезжать, однако он проигнорировал этот приказ. Свою молодую жену, которую он счел разумным оставить, он утешил мыслью, что в борьбе за конституционную свободу, которая велась в Америке, на карту было поставлено будущее благополучие всего

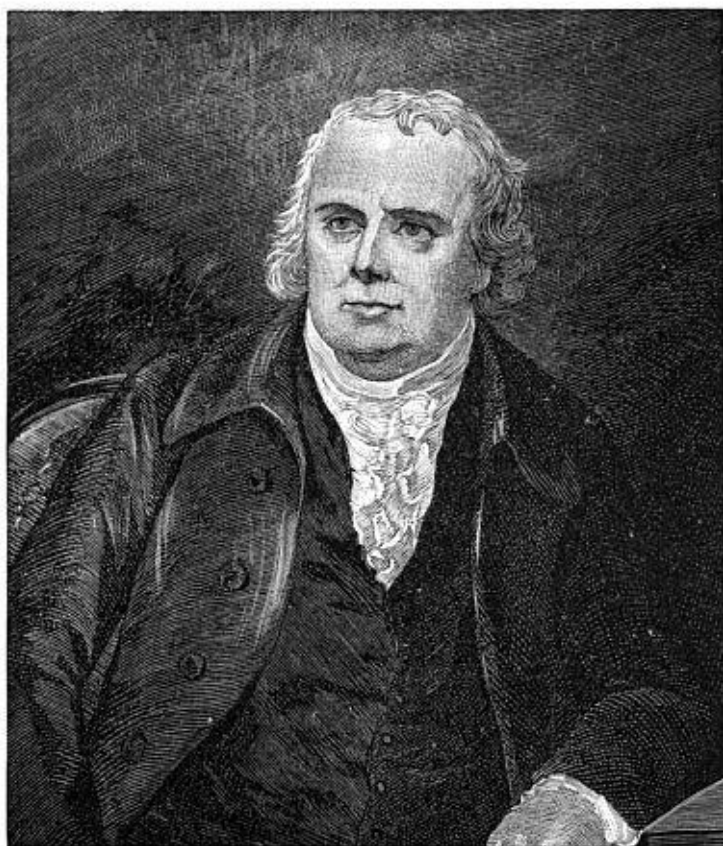
человечества, и что, увидев возможность принести пользу, он считал своим долгом отправиться туда. Умелые польские офицеры Пуласки и Костюшко прибыли туда несколько раньше.

Lafayette

В течение зимнего сезона в Морристауне Вашингтон был занят набором и реорганизацией армии. До этого момента военные приготовления Конгресса велись в смехотворно недостаточном масштабе. Не было предпринято никаких серьезных попыток создать регулярную армию, а отряды ополчения набирались на срок от трех до шести месяцев, как будто существовала вероятность, что война закончится в течение такого периода. Слухи о политике лорда Хоу, направленной на примирение, поначалу, возможно, имели к этому какое-то отношение, и даже после того, как Декларация независимости сделала дальнейшее выжидание невозможным, многие ожидали от Вашингтона чудес и полагали, что каким-то сокрушительным ударом можно будет вскоре заставить захватчиков пойти на уступки. Но события осени показали, что борьба, скорее всего, будет долгой и отчаянной, и не могло быть никаких сомнений в крайней необходимости регулярной армии. Однако создать такую армию было нелегкой задачей. Континентальный конгресс был не более чем консультативным органом, состоящим из делегатов, и было сомнительно, насколько он мог осуществлять власть, за исключением конкретных вопросов, которые избиратели этих делегатов имели в виду, когда выбирали их. Конгресс мог только рекомендовать различным штатам набрать соответствующее количество солдат, и каждый

штат выполнял такую просьбу в соответствии со своими возможностями или желанием. По всей стране тогда, как и всегда, существовало глубоко укоренившееся предубеждение против постоянных армий. Даже сегодня, при населении в семьдесят миллионов человек, предложение увеличить нашу регулярную армию до пятидесяти тысяч человек для более эффективного контроля над индейскими районами в Аризоне и Монтане было встречено прессой тирадами о военном деспотизме. Столетие назад это чувство было, естественно, гораздо сильнее, чем сегодня. Присутствие постоянных армий в этой стране во многом способствовало началу революции, и только когда стало очевидным, что мы должны либо терпеть королевскую регулярную армию, либо иметь свою собственную, народ смог принять последний вариант. Под влиянием этих настроений государственные ополчения набирались на очень короткий срок, каждое под командованием своих местных офицеров, так что они напоминали группу маленьких союзных армий. Такие методы были губительны для военной дисциплины. Те солдаты, которые оставались в армии с момента ее первого сбора в день битвы при Лексингтоне, теперь начали осваивать военную дисциплину, но было невозможно поддерживать ее в условиях, когда гораздо большее число солдат приходило и уходило с интервалом в три месяца. Кроме того, при таких колебаниях численности было трудно проводить какие-либо военные операции. Рождественская ночь, когда Вашингтон переправился через Делавэр, была самым критическим моментом в его карьере, поскольку срок службы большей части его небольшой армии истекал в день Нового года, и если бы не успех в Трентоне, они почти наверняка распустились бы. Но в ликующем настроении, порожденном этой победой, их убедили остаться еще на несколько недель, что позволило Вашингтону вернуть штат Нью-Джерси. В это время, когда произошла катастрофа в Сент-Джонсе (), доверие к правительству было настолько низким, что Вашингтон пообещал выплатить солдатам жалованье из своего личного состояния, если Конгресс не сможет этого сделать; его примеру последовали доблестный Джон Старк (John Stark) и другие офицеры. Если бы не суммы, собранные Робертом Моррисом (Robert Morris) из Филадельфии, даже Вашингтон не смог бы спасти страну.

Robert Morris

Еще одним источником слабости была сильная неприязнь и ревность, с которой ополченцы разных штатов относились друг к другу. Их союз против общего врага до сих пор мало способствовал пробуждению сердечной симпатии между штатами, как и союз афинян с лакедемонянами против Великого царя способствовал обеспечению мира и доброй воли во всем греческом мире. В политическом плане жители Вирджинии до сих пор действовали в замечательной гармонии с жителями Новой Англии, но в социальном плане между ними было мало общего. В те дни, когда путешествия были медленными, плантации Вирджинии были гораздо более отдалены от Бостона, чем сейчас от Лондона, и обобщения, которые одни люди делали о других, были, если возможно, еще более грубыми, чем те, которые англичане и американцы склонны делать друг о друге в настоящее время. В величественной элегантности виргинских загородных особняков казалось правильным презирать купцов и фермеров Новой Англии, называя их «лавочниками» и «крестьянами», в то время как многие жители Бостона считали виргинских плантаторов простыми сквайрами Запада. Между восточными и средними штатами также существовала большая вражда из-за теологических разногласий и споров о границах. Пуритане из Нью-Гэмпшира еще не уладили свой спор с церковниками из Нью-Йорка по поводу владения Зелеными горами, а гнев квакеров из Пенсильвании разгорался против пуритан из Коннектикута, которые осмелились претендовать на юрисдикцию над долиной Вайоминг. Мы увидим, как такая вражда приносит горькие плоды в виде личных ссор между солдатами и офицерами, а также в виде отстранений и назначений офицеров по причинам, не имеющим ничего общего с их военной компетенцией. Даже в высших эшелонах армии и в Конгрессе эти местные предрассудки сыграли свою роль и принесли бесконечное зло.

С самого начала Вашингтон работал с Конгрессом над принятием мер по устранению этих тревожных трудностей. Во время отступления через Джерси он заявил, что «короткий срок службы и ошибочная зависимость от ополчения стали причиной всех наших несчастий», и в то же время рекомендовал, чтобы определенное количество батальонов было сформировано непосредственно Соединенными Штатами из добровольцев, набранных без разбора из нескольких штатов. Эти меры были приняты Конгрессом, и в то же время Вашингтон был наделен почти диктаторскими полномочиями. Было решено, что армия штатов должна быть увеличена до 66 000 человек, разделенных на восемьдесят восемь батальонов, из которых Массачусетс и Вирджиния должны были предоставить по пятнадцать, «Пенсильвания — двенадцать, Северная Каролина — девять, Коннектикут — восемь, Южная Каролина — шесть, Нью-Йорк и Нью-Джерси — по четыре, Нью-Гэмпшир и Мэриленд — по три, Род-Айленд — два, Делавэр и Джорджия — по одному». Фактическое количество призывников было намного меньше этого числа, и пропорции, установленные Конгрессом на основе численности населения нескольких штатов, никогда не соблюдались. Призванные в армию мужчины должны были служить в течение войны, а по ее окончании каждый из них должен был получить в качестве вознаграждения сто акров земли. Полковники должны были получить пятьсот акров, а младшие офицеры — промежуточное количество. Даже с такими предложениями было трудно убедить людей вступать в армию для участия в войне, поэтому было решено, что лучше всего дать новобранцам возможность выбрать: служить три года и вернуться домой с пустыми руками или остаться до окончания войны в надежде получить новую ферму для одного из своих детей. Вся эта вербовка должна была осуществляться несколькими штатами, которые также должны были одевать и вооружать своих новобранцев, но деньги на их снаряжение, а также на оплату и содержание войск должны были предоставляться Конгрессом. Офицеры должны были отбираться штатами, но официально назначаться Конгрессом. В то же время Вашингтон был уполномочен сформировать шестнадцать пехотных батальонов, насчитывающих 12 000 человек, три артиллерийских полка, 3000 легкой кавалерии и инженерный корпус. Эти войска должны были набираться под руководством Вашингтона от имени Соединенных Штатов и без разбора из всех частей страны. Их офицеры должны были назначаться Вашингтоном, который, кроме того, был уполномочен заполнять все вакансии и снимать с должности любого офицера ниже звания бригадного генерала в любом подразделении армии. Вашингтон также был уполномочен изымать любую частную собственность, которая могла понадобиться армии, предоставляя владельцам справедливую компенсацию; ему было поручено по своему усмотрению арестовывать и передавать в гражданские суды для суда любого, кто отказывался принимать континентальные бумажные деньги или иным образом проявлял несочувствие к американскому делу.

Эти чрезвычайные полномочия, которые в самый мрачный момент войны были предоставлены Вашингтону на шесть месяцев, вызвали много недовольства, но, по-видимому, никаких конкретных трудностей в связи с их осуществлением не возникло. Найти строго юридическое обоснование для создания континентальной армии было бы, пожалуй, так же сложно, как определить, где именно в то время находилось центральное правительство Соединенных Штатов. Строго говоря, центральное правительство еще не было сформировано. Штаты еще не приняли статьи конфедерации, а полномочия Континентального конгресса не были никак определены. Однако общее мнение было таково, что нынешний Конгресс был избран с целью представлять штаты в их отношениях с британской короной. Этот Конгресс был явно уполномочен провозгласить независимость штатов от Великобритании и вести войну с целью осуществления этого провозглашения. Соответственно, считалось, что Конгресс был молчаливо уполномочен принимать такие меры, которые были абсолютно необходимы для продолжения борьбы. Таким образом, набор континентальных войск был актом, совершенным в рамках подразумеваемой

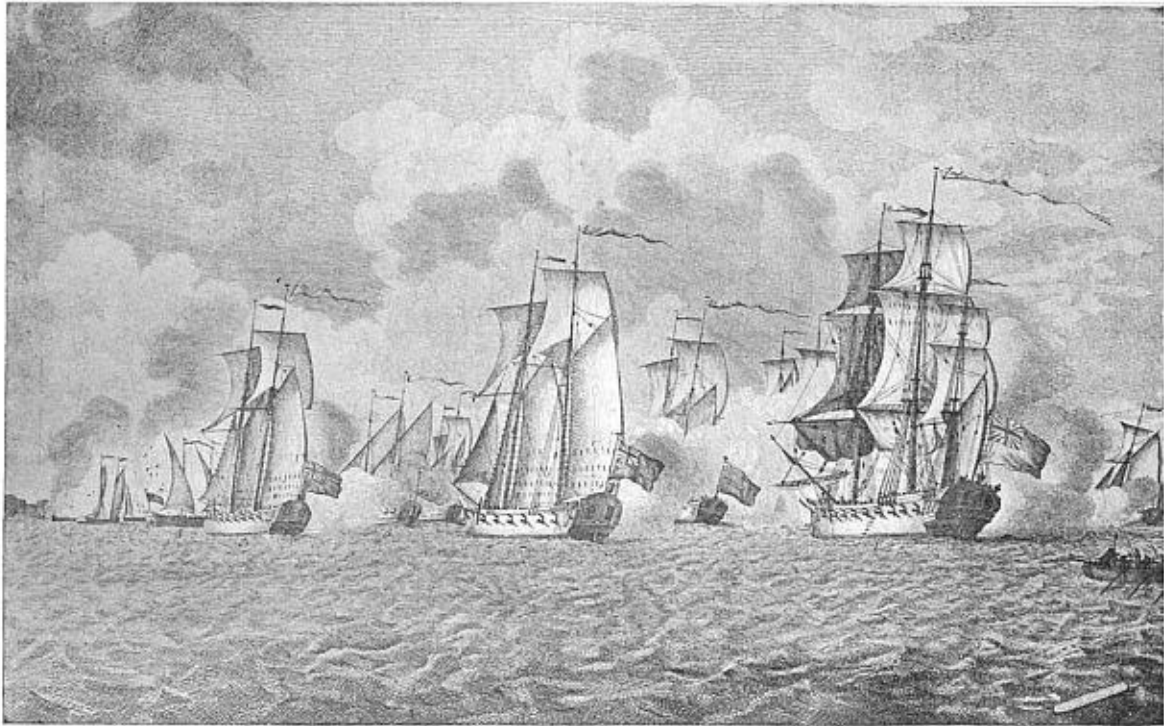
«военной власти», чем-то вроде власти, на которую позже сослался президент Линкольн, чтобы оправдать указ об освобождении рабов. Тщательно английский политический гений американского народа учит его, когда и как терпеть такие аномалии, и не раз позволял ему безопасно разрезать гордиев узел, который простая логика не смогла бы развязать, даже если бы пыталась до конца света. Во второй год после Лексингтона американские содружества уже вступили на путь своего «явного предназначения» и объединялись в одно политическое образование быстрее, чем люди могли это ясно осознать.

ГЛАВА VI

ВТОРОЙ УДАР ПО ЦЕНТРУ

Карлтон вторгается в Нью-Йорк С момента провала американского вторжения в Канаду сэра Гай Карлтон, в соответствии с пожеланиями министерства, намеревался вторгнуться в Нью-Йорк через озеро Шамплейн и захватить долину Мохок и верховья Гудзона. Летом 1776 года Карлтон занялся сбором флота, с помощью которого он мог бы установить контроль над озером. Это была трудная задача. Из Англии были отправлены три больших судна, которые прошли по реке Святого Лаврентия до порогов, где их разобрали на части, перевезли по суше в Сент-Джонс и там снова собрали. В Монреале было построено двадцать канонерских лодок и более двухсот плоскодонных транспортных судов, на которые было набрано 700 отборных моряков и артиллеристов; на эту флотилию Карлтон погрузил свою армию из 12 000 человек.

Подготовка Арнольда Чтобы противостоять угрозе вторжения, Бенедикт Арнольд все лето работал с отчаянной энергией. В июне материалы для его флота росли в лесах Вермонта, в то время как его плотники с инструментами, парусники с парусами и артиллеристы с орудиями в основном должны были быть привезены из прибрежных городов Коннектикута и Массачусетса. К концу сентября он построил небольшой флот из трех шхун, двух шлюпов, трех галер и восьми гондол и оснастил его семьюдесятью пушками и такими моряками и артиллеристами, которых смог собрать. С помощью этой флотилии он не мог надеяться предотвратить наступление такой подавляющей силы, как сила врага. Самое большее, что он мог сделать, — это беспокоить и задерживать его, а также поднять дух народа своим примером упорного и яростного сопротивления (). Позволить Карлтону без сопротивления достичь Тикондероги было бы удручающим, тогда как задержками и досаждая ему, он мог надеяться охладить энтузиазм захватчика. С этой целью Арнольд продвинулся по озеру далеко на север от Краун-Пойнта и занял сильную позицию между островом Валькур и западным берегом, так что оба его фланга были прикрыты и он мог быть атакован только с фронта, и стал ждать врага. Джеймс Уилкинсон, который двадцать лет спустя стал главнокомандующим американской армией и пережил вторую войну с Англией, тогда находился в Тикондероге в штабе Гейтса. Хотя он лично враждебно относился к Арнольду, в своих мемуарах он обращает внимание на замечательное мастерство, проявленное в расположении небольшого флота у острова Валькур, которое по принципу было таким же, как и то, благодаря которому Макдоноу одержал свою блестящую победу недалеко от того же места в 1814 году.

ВИД БИТВЫ У ОСТРОВА ВАЛКУР

Битва при острове Валькур, 11 октября 1776 года 11 октября эскадра сэра Гая Карлтона приблизилась, и началась первая битва между американским и британским флотами. На закате, после отчаянного семичасового сражения, британцы отступили за пределы досягаемости, намереваясь возобновить борьбу утром. Оба флота понесли тяжелые потери, но американцы были настолько сильно разбиты, что Карлтон рассчитывал заставить их сдаться на следующий день. Но Арнольд в туманную ночь сумел проскользнуть через британскую линию со всем, что осталось от его поврежденной флотилии, и на всех парах устремился к Краун-Пойнту. Хотя ему пришлось однажды остановиться, чтобы заделать пробоины, и еще однажды, чтобы спасти людей и орудия с двух тонущих гондол, он все же, благодаря усердному плаванию и буксировке, набрал такой ход, что враг догнал его только на следующий день, когда он уже приближался к Краун-Пойнту. В то время как остальная часть флота по приказу Арнольда теперь спешила к своему убежищу, он на своей шхуне в течение четырех часов вел ожесточенный бой с тремя крупнейшими британскими кораблями, один из которых был вооружен восемнадцатью двенадцатифунтовыми пушками. Его судно было сильно повреждено, а палуба покрыта мертвыми и умирающими людьми, когда, достаточно задержав врага, он сумел посадить его на мель в небольшой бухте, где поджег его, и оно погибло славно, с развевающимся флагом, пока пламя не сбило его. Затем, продвигаясь по лесным тропам к Краун-Пойнту, где его другие корабли высадили своих людей, он благополучно переправил все свои силы в Тикондерогу. Когда Карлтон появился перед этой знаменитой крепостью, обнаружив, что она хорошо укреплена, и усомнившись в своей способности взять ее до наступления холодов, он решил отвести свою армию обратно в Канаду, довольствуясь на данный момент тем, что он установил контроль над озером Шамплейн. Это внезапное отступление Карлтона удивило как друзей, так и врагов. Его осудили за это его генералы, Бергойн, Филлипс и Ридзель, а также король; и когда мы видим, с какой легкостью крепость была захвачена Филлипсом следующим летом, мы не можем сомневаться, что это была серьезная ошибка.

Конгресс повышает пятерых младших бригадиров выше Арнольда, 19 февраля 1777 г. Арнольд завоевал завидную репутацию «самого храброго из храбрых». В своем ужасном походе через пустыню

штата Мэн, в штурме Квебека и в обороне озера Шамплейн он проявил редкий героизм и мастерство. Вся страна воспевала его, а Вашингтон считал его одним из самых способных офицеров в армии. Однако когда Конгресс приступил к назначению пяти новых генерал-майоров, он выбрал Стирлинга, Миффлина, Сент-Клера, Стивена и Линкольна, обойдя Арнольда, который был старшим бригадиром. Ни один из названных генералов не мог сравниться с Арнольдом по способностям, и это странное решение Конгресса, принятое вскоре после такого блестящего подвига, естественно, задело его чувства и сильно возмутило его. Арнольд был гордым и вспыльчивым человеком, но в этот раз он мужественно сдержался и выслушал Вашингтона, который умолял его не уходить в отставку. Вашингтон был настолько удивлен решением Конгресса, что сначала не мог в это поверить. Он подумал, что либо Арнольд действительно получил предварительное назначение, которое по какой-то причине еще не было обнародовано, либо его имя было пропущено из-за какой-то необъяснимой оплошности. Однако после дополнительного расследования выяснилось, что причиной этого злодеяния была ревность штатов. Причиной игнорирования заслуг Арнольда было то, что в Коннектикуте уже было два генерал-майора, и по справедливости он не имел права на большее! Но за этой якобы причиной скрывалась более глубокая причина, также основанная на ревности между штатами. Интриги, которые вскоре опозорили северную армию и поставили под угрозу безопасность страны, уже начали приносить горькие плоды. Филип Шуйлер С начала войны генерал-майор Филип Шуйлер командовал северным департаментом, его штаб находился в Олбани, откуда столетие назад его предки бросили вызов Фронтенаку. Его семья была одной из самых уважаемых в Нью-Йорке, и унаследованное рвение к государственной службе бурлило в каждой капле его крови. В Америке не было человека более честного и бескорыстного, а по своей храбрости и щедрости он был похож на паладина из средневекового романа. Несмотря на эти прекрасные качества, его горячо ненавидели жители Новой Англии, которые составляли значительную часть его армии. Помимо общей глупой неприязни, которую жители Нью-Йорка и Новой Англии испытывали друг к другу в то время и отголоски которой иногда слышны и по сей день, была еще одна особая причина ненависти, обрушившейся на Шуйлера. Спор о владении Вермонтом бушевал уже тринадцать лет, и Шуйлер, как член законодательного собрания Нью-Йорка, естественно, ревностно отстаивал права своего штата. За это преступление жители Новой Англии так и не смогли ему простить, и его преследовали с мстительной ненавистью, пока его карьера генерала не была разрушена. Его приказы выполнялись с неохотой, каждое его действие интерпретировалось в худшем свете, а злонамеренные суетливые люди постоянно наполняли уши Конгресса потоком сплетен, которые постепенно подорвали доверие к нему.

Горацио Гейтс Ситуация значительно усугублялась тем, что среди генералов северной армии был один завистливый человек, который мог занять место Шуйлера в случае его отстранения и который был готов пойти на любые интриги ради достижения столь желанной цели. Роль, которую Чарльз Ли играл по отношению к Вашингтону, в некоторой степени повторялась здесь ролью Горацио Гейтса по отношению к Шуйлеру. Конечно, нет никаких оснований полагать, что Гейтс был способен на такую подлость, как Ли, который был готов играть на руку врагу; у него также не хватило бы смелости на такое грандиозное предательство, как то, в которое вступил Арнольд после того, как его симпатии отдалились от американского дела. Несмотря на все свои недостатки, Гейтс никогда не вызывал такой ненависти, как публичный предатель. Но он был по натуре слабым и мелочным человеком и никогда не гнушался лжи, если она, как ему казалось, служила его целям. В отличие от Ли, он был приятен внешне, мягок по характеру и вежлив в обносах, за исключением тех случаев, когда его выводили из себя или он поддавался злобе, и тогда он иногда становился очень жестоким. Он никогда не проявлял ни умения, ни храбрости, и, участвуя в войне, он, по-видимому, заботился только о своем личном продвижении. В ходе своей кампании с

северной армией он, по-видимому, ни разу не попадал под обстрел, но не щадил себя, чтобы получить возможность поговорить наедине с делегатом в Конгрессе (). Как и многие другие, он занял высокое положение в начале борьбы просто потому, что был ветераном Семилетней войны, одним из офицеров, которых молодой Вашингтон своим мастерством и доблестью спас из разгрома армии Брэддока. В настоящее время и до окончания Саратогской кампании он завоевал свою репутацию, присвоив себе славу, заработанную его соратниками-генералами. Он командовал в Тикондероге, когда Арнольд совершил свой рискованный подвиг « » на озере Шамплейн, а Карлтон допустил ошибку, не атаковав крепость; и всю эту историю Гейтс рассказал Конгрессу как историю о преимуществе, которое он каким-то образом получил над Карлтоном, в то же время с тревогой спрашивая, считает ли Конгресс его, находящегося в отдаленном Тикондероге, подчиненным Шуйлера в Олбани. Узнав, что его считают подчиненным, он стал проявлять недовольство и при первой же возможности отправился в Конгресс. Отступление Карлтона позволило Шуйлеру отправить семь полков на помощь Вашингтону в Нью-Джерси, и мы уже видели, как Гейтс, прибыв с этим подкреплением, отказался лично участвовать в Трентонской кампании и воспользовался случаем, чтобы последовать за Конгрессом в его отступлении в Балтимор.

Зима, похоже, прошла в интригах. Зная, что главной причиной непопулярности Шуйлера был остров Грин-Маунтин (), Гейтс старался как можно чаще и громче заявлять о своем убеждении, что штат Нью-Йорк не имеет права на территорию Грин-Маунтин. Интриги Гейтса против Шуйлера Таким образом он завоевал высокое мнение жителей Новой Англии и снискал расположение таких членов Конгресса, как Сэмюэл Адамс, чья благородная натура не сразу распознала его подлость и двуличие. Неудача вторжения в Канаду вызвала большое разочарование в Конгрессе, и его пытались возложить всю вину на Шуйлера за то, что он, как утверждалось, не оказал должной поддержки Монтгомери и Арнольду. Это несправедливое обвинение вызвало предубеждение у многих, и в течение зимы между Шуйлером и Конгрессом прошло несколько раздражающих писем, пока в конце марта 1777 года он не получил разрешение посетить Филадельфию и оправдаться. 22 мая, после тщательного расследования, поведение Шуйлера получило полное одобрение Конгресса, и он был подтвержден в должности командующего северным департаментом, который был четко определен как включающий озера Джордж и Шамплейн, а также долины Гудзона и Мохока.

Гейтс посещает Конгресс Чувствительная душа Гейтса снова была оскорблена. В марте его отправили обратно на его пост в Тикондероге, как раз когда Шуйлер отправлялся в Филадельфию, и он льстил себе надеждой, что вскоре его выберут на место его доблестного командира. Соответственно, когда он узнал, что Шуйлер был восстановлен во всех своих прежних полномочиях и почестях, он пришел в ярость, отказался служить в подчиненном качестве, написал дерзкое письмо Вашингтону и, наконец, получил разрешение снова

посетить Конгресс, в то время как генерал Сент-Клер был назначен вместо него командующим великой северной крепостью. 19 июня Гейтс получил возможность выступить перед Конгрессом и вел себя с такой неподобающей агрессивностью, что после неоднократных призывов к порядку его выгнали из зала среди сцены гневного смятения. Такое поведение, естественно, должно было разрушить его дело, но он приобрел столько влиятельных друзей, что благодаря более или менее извиняющимся разговорам его проступок был прощен.

Обвинения против Арнольда На протяжении всех этих споров Арнольд оставался верным другом Шуйлера; и хотя его блестящие подвиги вызывали всеобщее восхищение, он не смог избежать части той ненависти, которая так обильно обрушилась на нью-йоркского командующего. В хаосе разочарования и гнева, последовавшего за катастрофическим отступлением из Канады в 1776 году, когда все были готовы наказать кого-нибудь за неудачу, которая была вызвана исключительно превосходством сил противника, Арнольд получил свою долю обвинений. Никто не мог найти никаких недостатков в его военном поведении, но против него были выдвинуты обвинения на основании некоторых случаев изъятия частной собственности в Монреале, которая была использована для поддержки армии. Тщательное расследование дела продемонстрировало полную честность Арнольда в этом вопросе, и вердикт Конгресса, который объявил обвинения «жестокими и несправедливыми», был одобрен Вашингтоном. Тем не менее, в многочисленных сложностях чувств, которые окружали проблему Шуйлера, эти несправедливые обвинения

сумели вызвать предубеждение, которое, возможно, имело какое-то отношение к пренебрежительному отношению к Арнольду при назначении новых генерал-майоров. Во всей американской истории есть лишь несколько глав, более печальных, чем эта. Среди скандалов этой насыщенной событиями зимы мы можем проследить начало печальной цепочки событий, которые со временем привели к тому, что некогда героическое имя Бенедикта Арнольда стало синонимом позора во всем мире. Мы уже начинаем видеть, как из интриг Ли прошлой осенью, подпитанных проблемами, вызванными спором о Вермонте и амбициозными планами Гейтса, зарождаются первые ростки той фракции, которая вскоре будет стремиться к свержению самого Вашингтона.

На данный момент несправедливость, понесенная Арнольдом, еще не произвела на него мрачного влияния. Для этого потребовалась долгая и сложная череда событий. На искренний призыв Вашингтона не уходить в отставку он ответил сердечно, заявив, что никакие личные соображения не заставляют его оставаться дома, когда на карту поставлены интересы его страны. Он будет ревностно служить под началом своих младших по званию, которые недавно были повышены выше него, до тех пор, пока общее благосостояние будет в опасности. Вскоре представилась возможность для активной службы. Экспедиция Трайона против Данбери В рамках подготовки к предстоящей летней кампании сэр Уильям Хоу счел целесообразным ослабить американцев, захватив большое количество военных запасов, накопленных в Данбери в Коннектикуте. Была отправлена экспедиция, очень похожая на ту, которая в Лексингтоне и Конкорде положила начало войне, и она встретила аналогичный прием. Отряд из 2000 человек под командованием королевского губернатора Трайона, прославившегося в Северной Каролине, высадился в Фэрфилде и двинулся на Данбери, где уничтожил склады и сжег большую часть города. Милиция вышла на улицы, как и в день Лексингтона, под командованием генерала Вустера, который был убит в первой стычке. Арнольд побеждает Трайона в Риджфилде, 27 апреля 1777 года К этому времени Арнольд, который случайно навещал своих детей в Нью-Хейвене, услышал об этом событии и прибыл на место с 600 человек. В Риджфилде завязалась отчаянная битва, в которой у Арнольда было убито две лошади. Британцы потерпели поражение. К моменту, когда они достигли своих кораблей, 200 из них были убиты или ранены, и, окруженные со всех сторон йоменами, они едва избежали плена. За свою роль в этом сражении Арнольд был произведен в генерал-майоры и получил от Конгресса прекрасного коня, но ничего не было сделано для восстановления его в прежнем звании, и никаких объяснений не последовало. Вашингтон предложил ему командование Гудзоном в Пикскилле, который мог оказаться одним из важных пунктов в предстоящей кампании, но Арнольд на тот момент отказался принимать такую должность, пока не посоветуется с Конгрессом и не поймет суть трудностей, с которыми он столкнулся; поэтому командование этим важным пунктом было передано ветерану Путнэму.

Приближалось время летней кампании. Первый год независимости Соединенных Штатов подходил к концу, и до этого момента британцы не могли похвастаться ничем, кроме захвата города Нью-Йорка и оккупации Ньюпорта. Армия Вашингтона, которую шесть месяцев назад они считали разгромленной и рассеянной, по-прежнему сопротивлялась и угрожала им со своей неприступной позиции на высотах Морристауна. Настало время добиться чего-то более существенного, поскольку каждый месяц неблагоприятного владения добавлял вес делу американцев и увеличивал вероятность вмешательства Франции.

Военным центром Соединенных Штатов был штат Нью-Йорк. Соответственно, предстояло нанести решающий удар. После тщательного изучения лордом Джорджем Джермейном и многочисленных консультаций с генералом Бергойном, который вернулся в Англию на зиму, было решено придерживаться плана предыдущего года с небольшими изменениями.

Главная цель состояла в том, чтобы обеспечить прочное владение всей долиной Гудзона, а также долиной Мохока. Необходимо иметь в виду, что в то время заселенная часть штата Нью-Йорк состояла почти исключительно из долин Мохока и Гудзона. Вся остальная территория была нетронутой дикой местностью, за исключением редких укрепленных торговых постов. С общим населением около 170 000 человек Нью-Йорк занимал седьмое место среди тринадцати штатов, сразу после Мэриленда и Коннектикута и перед Южной Каролиной. В то же время географическое положение Нью-Йорка, как с коммерческой, так и с военной точки зрения, было тогда таким же выгодным, как и всегда. Считалось, что столь малое население, среди которого, как было известно, было много тори, можно легко завоевать и прочно удержать. Жители Нью-Джерси и Пенсильвании считались нерешительными сторонниками Декларации независимости, и предполагалось, что за завоеванием Нью-Йорка вскоре последует подчинение этих двух провинций. С британской властью, проникшей, как огромный клин, в центр конфедерации, Новая Англия не смогла бы сотрудничать с южными штатами, и надеялись, что таким образом союз колоний против короны будет эффективно разорван.

ГЕНЕРАЛ БУРГОЙН

Второй удар по центру. План кампании С этой целью завоевать Нью-Йорк, мы видели, как в 1776 году Карлтон приближался через озеро Шамплейн, в то время как Хоу отбирал остров Манхэттен у Вашингтона. Но план был несовершенен продуман, а сотрудничество было слабым. Насколько оно было слабым, хорошо показывает тот факт, что непродуманное отступление Карлтона из Краун-Пойнта позволило Шуйлеру вовремя отправить подкрепление Вашингтону, чтобы принять участие в великих сражениях при Трентоне и Принстоне. Однако кое-что все же было достигнуто. Несмотря на отчаянное сопротивление Арнольда и непревзойденное мастерство Вашингтона, враг укрепился как на северном, так

A handwritten signature in cursive script, reading "J. Burgoyne".

и на южном концах длинной линии.

Но это упорное сопротивление в некоторой степени помогло врагу осознать сложность задачи. План был тщательно проработан, и на этот раз сотрудничество должно было быть более эффективным. Чтобы захватить весь штат с помощью одной грандиозной операции, было решено, что вторжение будет проводиться тремя отдельными армиями, действующими по сходящимся линиям. Сильные войска из Канады должны были захватить Тикондерогу и продвигаться по линии Гудзона до Олбани. Этими войсками теперь командовал генерал

Бергойн, а его вышестоящий офицер, генерал Карлтон, оставался в Квебеке. Вторая, гораздо меньшая по численности армия под командованием полковника Сент-Леже должна была подняться по реке Святого Лаврентия к озеру Онтарио, высадиться в Освего и с помощью сэра Джона Джонсона и индейцев племени могаветов () захватить форт Стэнвикс; после чего она должна была спуститься по долине Мохок и объединиться с войсками Бергойна. В то же время сэр Уильям Хоу должен был подняться по Гудзону с основной армией, захватить перевалы в горах у Пикскилла и соединиться с Бергойном в Олбани. Ожидалось, что соединение трех армий завершит завоевание Нью-Йорка и обеспечит свержение американской независимости.

План был несостоятелен Таков был план кампании, подготовленный министерством. Нет сомнений, что он был тщательно проработан и что в случае успеха он принес бы американцам огромные потери. Однако есть серьезные сомнения в том, был ли это самый разумный план. Метод вторжения в любую страну с помощью отдельных сил, действующих по сходящимся линиям, вызывает возражения, поскольку любая из сил может быть отдельно разгромлена без возможности получения подкрепления от другой. Такой план является разумным только в том случае, если в стране, подвергающейся вторжению, есть хорошие дороги, а захватчики имеют значительное превосходство в силах, как это было в случае наступления союзных армий на Париж в 1814 году. В 1777 году в северной и центральной частях штата Нью-Йорк условия были очень неблагоприятными для такого плана. Расстояния, которые необходимо было преодолеть, были большими, а дорог было мало и они были плохими. За исключением непосредственной окрестности Олбани и Саратоги, страна была покрыта первобытным лесом, через который только охотники и дикари могли быстро пробираться. Американцы также имели большое преимущество, действуя на внутренних линиях. Бергойну в форте Эдвард, Сент-Леджеру перед фортом Стэнвикс и Хоу в городе Нью-Йорке было трудно вообще общаться друг с другом; им было невозможно делать это быстро; тогда как для Вашингтона в Морристауне не было ничего проще, чем связаться с Патнэмом в Пикскилле, для Патнэма — отправить войска Шуйлеру в Олбани, а для Шуйлера — выслать отряд, чтобы снять осаду с форта Стэнвикс. Учитывая эти соображения, кажется вероятным, что лорд Джордж Джермейн поступил бы более мудро, если бы отправил Бергойна с его армией прямо по морю на подкрепление сэру Уильяму Хоу. Объединенная таким образом армия, насчитывающая более 30 000 человек, была бы действительно грозной силой. Если бы они решили подняться по реке к Олбани, их было бы трудно остановить. Если их объединенное присутствие в Олбани было главной целью кампании, то не было никакого смысла посылать одного командира достигать ее сложным и опасным маршем по суше. Река Гудзон судоходна для крупных судов на всем протяжении до Олбани, и, продвигаясь таким образом, армия могла бы сохранить свои связи; и какая бы беда ни случилась, американцам было бы трудно окружить и захватить столь крупные силы. Добравшись до Олбани, экспедиция Сент-Лежера могла бы выйти оттуда в качестве последующей детали и имела бы базу на небольшом расстоянии, на которую можно было бы отступить в случае поражения.

ВТОРЖЕНИЕ БУРГОЙНА В НЬЮ-ЙОРК, ИЮЛЬ-ОКТАБРЬ 1777 Г.

Роковая ошибка Жермена Таким образом, не похоже, что продвижение Бергойна с севера давало какие-либо преимущества, которые можно было бы считать соразмерными риску, на который он пошел. перебросить северную армию из Св. Лаврентия в Гудзон по морю было бы гораздо проще и безопаснее, чем отправлять ее через сотни миль дикой местности на севере Нью-Йорка; и все, что она могла бы сделать в глубине штата, можно было бы сделать и в первом, и во втором случае. Но эти соображения, по-видимому, не приходили в голову лорду Джорджу Джермейну. В войнах с французами армии, вторгшиеся из Канады, всегда шли через озеро Шамплейн, так что этот маршрут был принят без вопросов, как будто освященный давней традицией. Подобная ассоциация идей привела к тому, что владению Тикондерогой придавали преувеличенное значение. Кроме того, риски этого предприятия были сильно недооценены. Представляя себе, что маршруты Бергойна и Сент-Леджера будут пролегать через дружественную страну (), министерство фатально ошиблось в

оценке всего дела. Действительно, в стране существовала мощная тористская партия, так же как во времена Роберта Брюса в Шотландии существовала английская партия, а во времена Мильтиада в Аттике существовала персидская партия. Но никто никогда не сомневался в том, что победители при Марафоне и Баннокберне вышли в поход с искренними пожеланиями удачи от своих соотечественников; а упорное сопротивление, с которым столкнулся Сент-Леджер в непосредственной близости от оплота тори Джонсона, является красноречивым комментарием к ошибке министерства в оценке фактического значения лоялистского элемента на границе Нью-Йорка.

РУИНЫ ТИКОНДЕРОГИ В 1818 ГОДУ

Слишком много неизвестных Таким образом, представляется, что в плане тройного вторжения по сходящимся линиям министерство имело дело со слишком большим количеством неизвестных. Они шли на огромный риск ради преимущества, которое само по себе было крайне сомнительным; ведь если бы оказалось, что сила тори не была достаточно велика, чтобы слияние трех армий в Олбани сразу же привело к полному завоеванию штата, то цель, ради которой была начата кампания, не могла бы быть достигнута без дополнительных кампаний. Ни успешный поход вверх и вниз по реке Гудзон, ни сооружение цепи британских фортов на этой реке не могли эффективно перерезать южные коммуникации Новой Англии, если только все военное сопротивление не было окончательно разгромлено в штате Нью-Йорк. Поэтому самым надежным курсом для британцев было бы сосредоточить все имеющиеся силы в устье Гудзона и продолжать ставить главной целью своих усилий уничтожение армии Вашингтона. Учитывая тонкий ум, который он проявил во время последней кампании, это была бы трудная задача; но, как показали события, им все равно пришлось иметь дело с его гением в рамках принятого ими плана, причем в очень невыгодном положении.

Игнорирование опасности со стороны Новой Англии Еще одним моментом, который министерство упустило из виду, было влияние наступления Бергойна на население Новой Англии. Они могли разумно рассчитывать на то, что смелый удар по реке Гудзон () вызовет тревогу

среди мелких землевладельцев Нью-Гэмпшира и Массачусетса, но не учли, что эта тревога естественным образом приведет к восстанию, которое будет очень опасным для британской стороны. Несмотря на то, что в то время было трудно поддерживать континентальную армию в надлежащем состоянии, не составляло никакого труда поднять на борьбу мелких землевладельцев в условиях непосредственной опасности. В западных частях Новой Англии почти не было тори, которые могли бы осложнить дело, и фланговое движение новоанглийского ополчения стало одной из самых грозных особенностей этого дела.

Депеша, которая так и не была отправлена. Но что бы ни думали о достоинствах плана лорда Джорджа, нет сомнений в том, что его успех полностью зависел от слаженного сотрудничества всех вовлеченных в него сил. Подъем сэра Уильяма Хоу с основной армией по Гудзону был столь же важной частью плана, как и спуск Бергойна с севера; и поскольку два командующих не могли легко связываться друг с другом, было необходимо, чтобы оба строго следовали своим инструкциям. В этом месте была допущена роковая ошибка. Бургойну было прямо предписано следовать по заданной линии вниз по Гудзону, что бы ни случилось, до тех пор, пока он не соединится с основной армией. С другой стороны, Хоу не получил таких безусловных приказов. Он понимал план кампании « » и знал, что от него ожидают подъема по реке с силами, но ему была предоставлена обычная свобода действий, и мы сейчас увидим, как неблагоразумно он ею воспользовался. Причины такой непоследовательности со стороны министерства долгое время оставались непонятными, но меморандум лорда Шелбурна, недавно обнародованный лордом Эдмундом Фитцморисом, разгадал эту загадку. По-видимому, депеша, содержащая четкие и ясные приказы Хоу подняться вверх по Гудзону, была должным образом составлена и вместе с многими другими документами ожидала подписи министра. Лорд Джордж Джермейн, направляясь в деревню, зашел в свой офис, чтобы подписать депеши, но когда он дошел до письма, адресованного генералу Хоу, то обнаружил, что оно не было «аккуратно переписано». Лорд Джордж, подобно старому джентльмену, погубившему себя в защиту великого принципа о полезности булочек, ничто не могло отвлечь его от намеченного пути. Не желая терять свой отпуск, он поспешил на зеленые луга Кента, намереваясь подписать письмо по возвращении. Но когда он вернулся, этот вопрос вылетел у него из головы. Документ, от которого зависела судьба армии и, возможно, всей нации, был отправлен без подписи в ящик для бумаг, где его должным образом обнаружили через некоторое время после того, как катастрофа в Саратого стала частью истории.

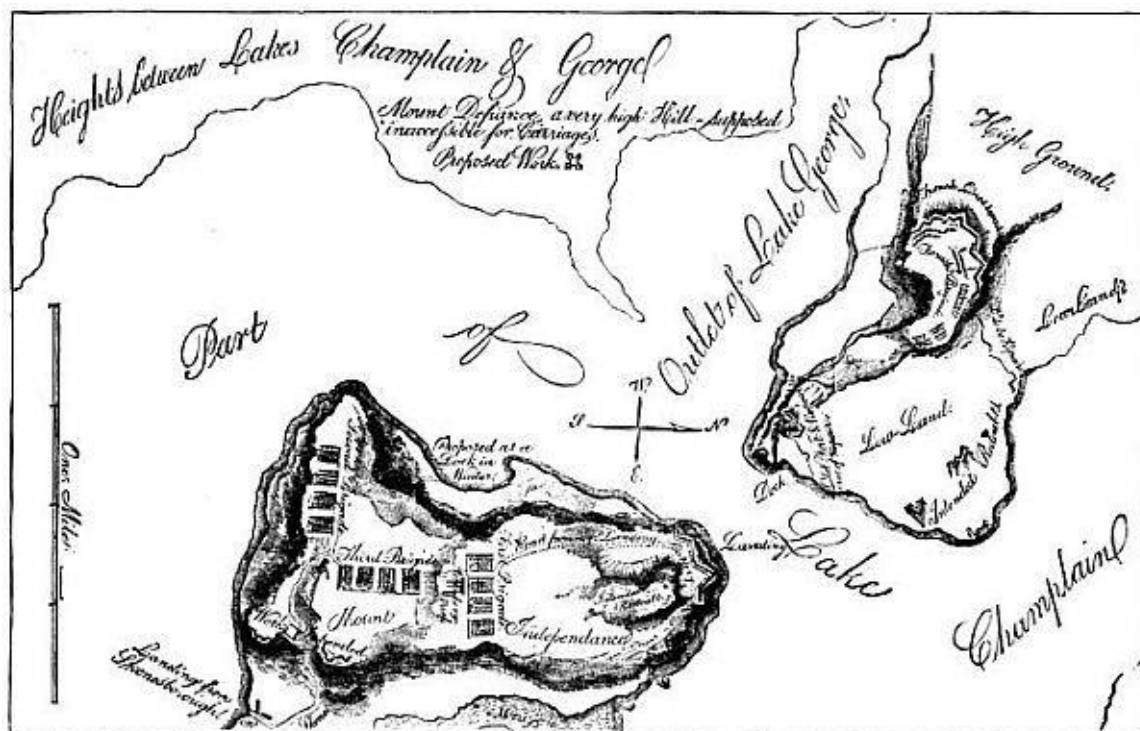

Schlegel

Не подозревая о рисках, на которые он шел, Бергойн выступил в поход около 1 июня с армией в 7902 человека, из которых 4135 были британскими кадровыми солдатами. Его немецкие войска из Брауншвейга, численностью 3116 человек, находились под командованием барона Ридезеля, способного генерала, чья образованная жена оставила нам такое живописное и очаровательное описание сцен этой приключенческой кампании. Канадской милиции насчитывалось 148 человек, а индейцев — 503. Регулярные войска, как немецкие, так и английские, были превосходно обучены и оснащены, а их офицеры были отобраны с особой тщательностью. Генералы Филлипс и Фрейзер считались одними из лучших офицеров в британской армии. Бергойн наступает на Тикондерогу В годовщину битвы при Банкер-Хилле эта армия начала переход через озеро к Краун-Пойнту, а 1 июля появилась перед Тикондерогой, где Сент-Клер разместил гарнизон из 3000 человек. С момента захвата Алленом крепость была тщательно укреплена, и теперь считалась неприступной. Но в то время как на укрепления были затрачены огромные средства и время, соседний пункт, контролирующий всю позицию, был странным образом заброшен. Чуть менее чем в миле к югу от Тикондероги узкий горный хребет между двумя озерами внезапно заканчивается крутым утесом, возвышающимся на 600 футов над голубой водой. Филлипс захватывает гору Дефайанс Опытные глаза в американском форте уже заметили, что вражеская батарея, установленная Филлипсом на этой возвышенности, сделает их крепость несостоятельной; но не верили, что осадные орудия можно будет поднять по крутому подъему, и поэтому, несмотря на предупреждение, скала не была обеспечена, когда прибыла британская армия под командованием генерала Филлипса. Генерал Филлипс сразу же понял ценность этой

позиции и, подойдя к ней по ущелью, которое было скрыто от вида форта, работал день и ночь, прокладывая путь и таща наверх пушки. «Где может пройти коза, там может пройти и человек; а где может пройти человек, там он может поднять пушку», — рассуждал доблестный генерал. Какое же было удивление гарнизона, когда утром 5 июля они увидели красные мундиры, роящиеся на холме, который британцы, радуясь своему подвигу, теперь называли Маунт Дефайанс (Гора Непокколебимости). Там были не только красные мундиры, но и медные пушки, которые на следующий день были готовы к бою. Тикондерога стала ловушкой, из которой гарнизон не мог быстро сбежать. Сент-Клер покидает Тикондерогу, 5 июля 1777 года Был создан военный совет, и под покровом ночи Сент-Клер переправил свою небольшую армию через озеро и отступил в Каслтон в Зеленых горах. Орудия и припасы, которые удалось спасти, а также женщины и раненые были погружены на 200 лодок и отправлены под сильным конвоем к вершине озера, откуда они продолжили отступление к форту Эдвард на Гудзоне. Около трех часов утра случайно загорелся дом, и в свете пламени британские часовые заметили американский арьергард, как раз исчезающий в мрачных глубинах леса. Были произведены сигнальные выстрелы, и менее чем через час британский флаг был поднят над пустой крепостью, а генерал Фрейзер с 900 человек начал преследование отступающих американцев. Вскоре Ридезель был отправлен на помощь, а Бергойн, оставив почти 1000 человек для охраны форта, отправился вверх по озеру с основными силами армии. Битва при Хаббардтоне, 7 июля Утром 7 июля генерал Фрейзер догнал американский арьергард из 1000 человек под командованием полковников Уорнера и Фрэнсиса в деревне Хаббардтон, примерно в шести милях позади основной армии. Завязался ожесточенный бой, в котором Фрейзер потерпел поражение и начал отступать, потеряв пятую часть своих людей, когда Ридезель подоспел со своими немцами, и американцы были обращены в бегство, оставив треть своих людей убитыми или ранеными. Это упорное сопротивление в Хаббардтоне помешало преследованию, и пять дней спустя Сент-Клер без дальнейших потерь достиг форта Эдвард, где присоединился к основной армии под командованием Шуйлера.

ПЛАН ТРАМБУЛЛА ПО ТИКОНДЕРОГЕ И МАУНТ ДЕФИАНС

Одна ласточка весны не делает До этого момента, учитывая объем проделанной работы и протяженность пройденной территории, потери британцев были очень небольшими. Они начали пренебрежительно отзываться о своих противниках, а офицеры развлекались, делая ставки на то, сколько именно дней им понадобится, чтобы добраться до Олбани. Комментируя неудачу в захвате горы Дефайанс, Бергойн сделал общее заявление, основываясь на одном единственном случае, что является извечным грехом человеческого мышления. «Это убеждает меня, — сказал он, — что у американцев нет людей, разбирающихся в военном деле». Однако генерал Хоу в Бостоне, не заняв Дорчестер-Хайтс, совершил ту же ошибку, причем с меньшим оправданием, поскольку никто никогда не сомневался, что кто-то может разместить там батареи.

Радость короля В Англии падение Тикондероги было встречено с ликованием, как смертельный удар по американскому делу. Гораций Уолпол рассказывает, как король ворвался в апартаменты королевы, хлопая в ладоши и крича: «Я победил их! Я победил всех американцев!» Люди начали обсуждать лучший способ восстановления королевского правления в «колониях». В Америке царило всеобщее смятение. Сент-Клер был встречен бурной волной оскорблений. **Гнев Джона** Адамса Джон Адамс, тогдашний председатель Военного совета, в первом порыве возмущения написал: «Мы никогда не сможем защитить свой пост, пока не расстреляем генерала!» Шуйлер, как командующий департаментом, также был необоснованно и яростно обвинен, а его политические враги воспользовались случаем, чтобы распространить новые истории, дискредитирующие его. В следующем году военный трибунал оправдал Сент-Клера за его благоразумие в отказе от невыгодной позиции и спасении своей армии от плена. Вердикт был справедливым, но нет сомнений в том, что отказ укрепить Маунт Дефайанс был серьезной ошибкой в суждении, за которую историки могут справедливо возложить вину как на Сент-Клера, так и на Гейтса. Именно Гейтс командовал Тикондерогой осенью 1776 года, когда ожидалось нападение Карлтона, и его внимание на эту слабую точку обратил полковник Трамбулл, которого он высмеял. Гейтс снова командовал с марта по июнь. Сент-Клер принял командование примерно за три недели до приближения Бергойна; он серьезно рассматривал вопрос об укреплении горы Дефайанс, но не проявил достаточной оперативности. **Главная** вина лежит на **Гейтсе**. Ни в коем случае нельзя винить Шуйлера. Гейтс был виноват больше всех, но он не был рядом, когда произошла катастрофа, и поэтому люди не связывали его с ней. Напротив, среди всеобщего гнева потеря северной цитадели была названа причиной замены Шуйлера Гейтсом; считалось, что если бы он был там (), катастрофа могла бы быть предотвращена.

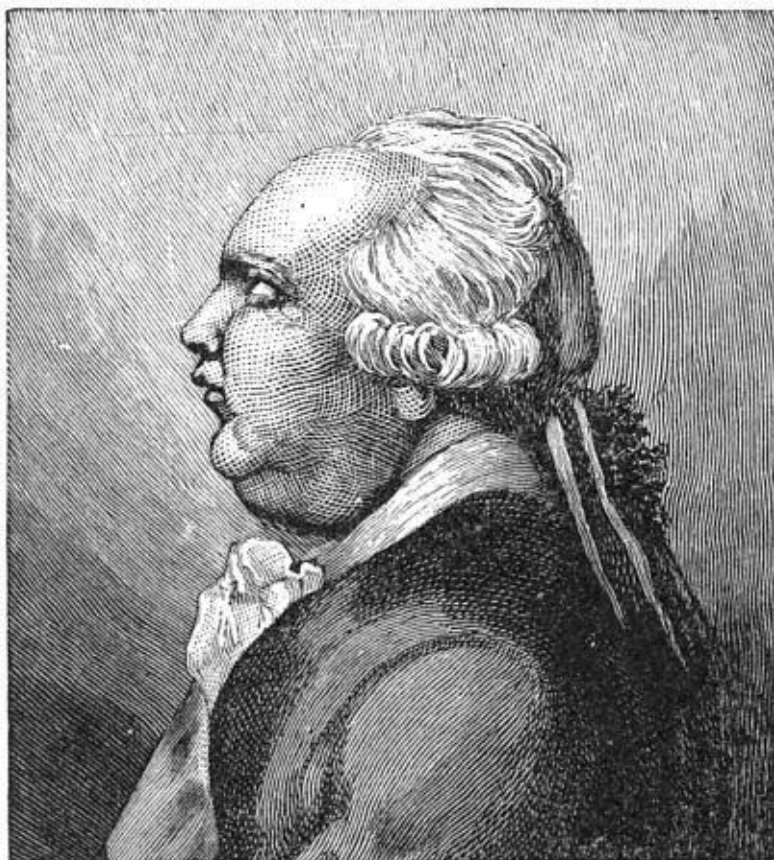

Однако ирония судьбы, игнорируя как американское смятение, так и британскую радость, показала, что захват Тикондероги несколько не помог захватчикам. Напротив, он сразу же стал для них обузой, поскольку удерживал восьмую часть сил Бергойна в гарнизоне в то время, когда он не мог себе этого позволить. Начало трудностей Бергойна. Действительно, несмотря на то, что его быстрое продвижение поначалу казалось тревожным, серьезные трудности Бергойна только начинались, и чем больше он старался их преодолеть, тем больше он попадал в положение, из которого было невозможно ни продвигаться, ни отступать. 10 июля вся его армия достигла Скенесборо (ныне Уайтхолл) на вершине озера Шамплейн. От этого места до форта Эдвард, где располагалась американская армия, по прямой было двадцать миль, но Шуйлер усердно трудился, используя такие скромные орудия, как топор и ломик, которые в войне порой оказываются сильнее меча. Дороги, и без того плохие, были завалены через каждые несколько ярдов огромными стволами поваленных деревьев, которые лежали, переплетаясь ветвями. Везде, где небольшие ручьи могли помочь в походе, они были завалены пнями и камнями; везде, где они служили препятствиями, которые нужно было преодолеть, мосты были разрушены. Страна была таким запутанным лабиринтом ручьев и болот, что в ходе похода пришлось перестроить

более сорока мостов. В этих условиях продвижение Бергойна следует считать чудом быстроты. Он преодолевал по миле в день и 30 июля достиг форта Эдвард.

Скайлер мудро эвакуирует форт Эдвард Тем временем Скайлер пересек Гудзон и медленно отступил к Стиллуотеру. За это отступление на него обрушилась новая волна критики со стороны общественности, которая всегда склонна полагать, что война должна состоять в основном из кровопролитных сражений, и которой редко удастся объяснить стратегическое значение отступления. Факты по этому делу также были неправильно истолкованы. Форт Эдвард считался неприступной крепостью, тогда как на самом деле он был под контролем высокогорья. Маркиз де Шастеллю, который посетил его несколько позже, заявил, что его можно было взять в любое время с помощью 500 человек и четырех осадных орудий. С точки зрения ведения боевых действий открытое поле гораздо лучше, чем неудерживаемая крепость. Если бы Шуйлер остался в форте Эдвард, он, вероятно, был бы вынужден сдаться; и его мудрость в отступлении еще больше подтверждается тем фактом, что каждая минута задержки играла ему на руку. Ополчение Нью-Йорка и Новой Англии уже призывало к оружию. Некоторым из тех йоменов, которые были с армией, было позволено вернуться домой на уборку урожая, но эта потеря была с лихвой компенсирована многочисленными рекрутами, которые по предложению Шуйлера и по приказу Вашингтона собирались под командованием генерала Линкольна в Вермонте с целью угрожать Бургойну с тыла. Враги собираются в тылу Бергойна. Люди, чья территория была захвачена, с каждым днем становились все более неприятными для врага. Бергойн полагал, что ему достаточно будет просто показаться во главе армии, и люди сотнями будут спешить к нему, чтобы предложить свою поддержку или искать защиты. Теперь же он обнаружил, что люди уходят из-под его контроля, гоня перед собой скот и ища убежища, по возможности, в тылу американской армии. Он был полностью разочарован в своей надежде на помощь лоялистов из Нью-Йорка; к нему присоединилось очень мало тори, и они не могли предложить ни дельных советов, ни личного влияния, чтобы помочь ему. Когда сотни мелких землевладельцев собирались вместе, это было только для того, чтобы досадить ему и задержать его продвижение.

Использование индейских вспомогательных войск Даже если бы лоялистские настроения на границе Вермонта с Нью-Йорком были гораздо сильнее, чем они были на самом деле, Бергойн многое сделал, чтобы оттолкнуть или подавить их своим неразумным использованием индейских вспомогательных войск. Ответственность за эту ошибку лежит в основном на лорде Норте и лорде Джордже Джермейне. Бургойн не имел особого выбора в этом вопросе, кроме как выполнить свои инструкции. Будучи гуманным человеком и, возможно, разделяя то представление о «благородном дикаре», которое было модно в Европе в XVIII веке, он воображал, что сможет убедить своих смуглых союзников отказаться от их любимого развлечения — убийств и скальпирования. Когда в начале кампании к нему присоединилась группа индейцев племен виандотов и оттава под командованием того же грозного Шарля де Ланглада, который двадцать два года назад привел к гибели Брэддока, он объяснил им свою политику в тщательно подготовленной речи, полной сентиментальных фраз, которые, как предполагалось, должны были понравиться индейцам. Обращение Бергойна к вождям Убийство стариков, женщин и детей, а также не сопротивляющихся пленных было категорически запрещено; и «ни при каких обстоятельствах, под каким бы то ни было предлогом, уловкой или уклонением» нельзя было снимать скальпы с раненых или умирающих. Более эффективным оказался приказ, предусматривавший вознаграждение каждому дикарю, который доставит своих пленников в лагерь в целостности и сохранности. На эти предписания, которые, должно быть, вызвали у них сочувственное презрение, вожди лаконично ответили, что они «заточили свои топоры на своих чувствах» и готовы следовать за своим «великим белым отцом».

ЛОРД НОРТ

Берк высмеял это использование индейских вспомогательных войск было с возмущением осуждено оппозицией в парламенте, и когда весть об этой речи Бергойна дошла до Англии, она была гневно высмеяна Берком, который более трезво оценивал естественные инстинкты краснокожих. «Предположим, — сказал Берк, — что на Тауэр-Хилл произошли беспорядки. Что сделал бы смотритель львов Его Величества? Разве он не открыл бы клетки диких зверей и не обратился бы к ним со следующими словами: «Мои кроткие львы, мои гуманные медведи, мои нежные гиены, выходите! Но я призываю вас, как христиан и членов цивилизованного общества, позаботиться о том, чтобы не причинить вреда ни одному мужчине, ни одной женщине, ни одному ребенку»? Палата общин была потрясена этой гротескной картиной; а лорд Норт, которому казалось неотразимо смешным слышать, как отсутствующего человека осуждают за меры, которые он сам инициировал, сидел, задыхаясь от смеха, а слезы катились по его большим толстым щекам.

Однако вскоре выяснилось, что это не повод для смеха. Жестокость, с которой без разбора обращались с патриотами и лоялистами, вскоре привела к тому, что мелкие землевладельцы взбесились и выступили против захватчиков, несмотря на колебания, которые до сих пор сохранялись в стране. История Дэсейн Маккреа Один печальный случай особенно запомнился людям и вошел в песни и рассказы. Дженни Маккреа, красивая дочь шотландского священника из Паулус-Хука, находилась в форте Эдвард, навещая свою подругу миссис Макнил, которая была лоялисткой и двоюродной сестрой генерала Фрейзера. Утром 27 июля группа грабителей-индейцев ворвалась в дом и увезла обеих дам.

Вскоре за ними последовали американские солдаты, которые обменялись с ними несколькими выстрелами. В последовавшей суматохе отряд распался, и миссис Макнил была уведена в лагерь приближающейся британской армии. На следующий день в лагерь пришел дикарь гигантского роста, известный вождь, известный как Пантера из племени виандотов, с скальпом, который миссис Макнил сразу узнала как принадлежащий Дженни по шелковистым черным локонам длиной более метра. Были проведены поиски, и тело бедной девушки было найдено рядом с родником в лесу, пронзенное тремя пулевыми ранениями. Как она погибла такой жестокой смертью, так и осталось неизвестным. Пантера правдоподобно заявил, что она была случайно застрелена во время драки с солдатами, но его правдивость вызывала сомнения, а те немногие известные факты оставляли широкое поле для догадок. Народное воображение вскоре создало свою версию событий с романтической полнотой, которая отодвинула на второй план даже эти немногие факты. Мисс Маккреа была помолвлена с Дэвидом Джонсом, лоялистом, служившем лейтенантом в армии Бергойна. В легенде, которая сразу же возникла, говорилось, что мистер Джонс послал группу индейцев с письмом к своей невесте, умоляя ее прийти к нему в британский лагерь, чтобы они могли пожениться. За то, что они приведут ее к нему в целостности и сохранности, индейцы должны были получить бочку рома. Когда она доверилась их заботе, и отряд дошел до источника, где дикари остановились, чтобы попить, между ними возник спор () о том, кто будет хранить бочку рома, и последовала громкая перепалка, пока один из отряда не решил вопрос, убив даму своим томагавком. Трудно найти более интересный пример быстрого распространения и упорной жизнеспособности романтической легенды. Похоже, что эта история не имеет ничего общего с наблюдаемыми фактами, за исключением существования двух влюбленных, индейцев и источника в лесу.^[12] Тем не менее, она почти сразу же после события захватила умы людей и с тех пор повторяется американскими историками с бесконечными вариациями в деталях. Сам мистер Джонс, который прожил с разбитым сердцем полвека после трагедии, никогда не устал указывать на ее ложность и абсурдность, но все его показания, вместе с показаниями миссис Макнил и других свидетелей, о том, что действительно произошло, были бессильны поколебать влияние, которое легенда мгновенно приобрела на народное воображение. Такой случай, произошедший в сообществе проницательных и хорошо образованных людей, дает пищу для размышлений о происхождении и развитии народных сказок в более ранние и невежественные века.

СОЮЗНИКИ — PAR NOBILE FRATRUM^[13]

Индейцы покидают Бергойна Но каким бы образом ни погибла бедная Дженни, нет сомнений в том, что это быстро обернулось бедой для армии захватчиков. Во-первых, это привело к

дезертирству всех индейских союзников. Бергойн был человеком быстрой и нежной симпатии, и судьба этой милой молодой леди потрясла его так же, как и американский народ. Он бы немедленно повесил Пантеру, но его вина не была ясно доказана, и многие офицеры утверждали, что казнь известного и популярного вождя разъярит всех остальных индейцев и может поставить под угрозу жизни многих солдат. Жизнь Пантеры была соответственно пощажена, но Бергойн установил правило, что отныне ни одна группа индейцев не должна была получать разрешение на грабежи, кроме как под руководством какого-либо британского офицера, который мог бы наблюдать за ними и сдерживать их. Когда это правило вступило в силу, смуглые дикари ворчали и рычали в течение двух-трех дней, а затем, с хриплыми криками и воплями, все пятьсот человек вырвались из лагеря и убежали в пустыню Адирондак. С военной точки зрения потери были невелики, за исключением того, что армия лишилась ценных разведчиков и проводников. Но гораздо более серьезным было желание мести, которое пробудилось среди крестьян северной части штата Нью-Йорк, Вермонта и западной части Массачусетса. Эта печальная история рассказывалась у каждого очага в деревнях штата Нью-Йорк (), и ни одна деталь, вызывающая сострадание или ужас, не была забыта. Имя Дженни Маккреа стало лозунгом, и не прошло и двух недель, как генерал Линкольн собрал на фланге британцев армию крепких и решительных фермеров, охваченных таким гневом, какого они не испытывали со времен, когда вся Новая Англия бросилась осаждать врага в Бостоне.

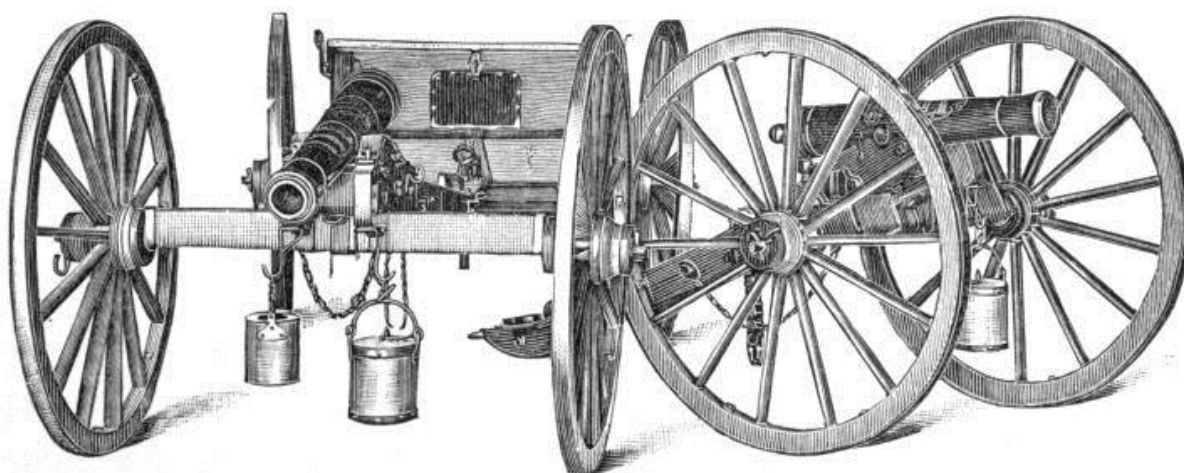
Важность Беннингтона: Бергойн направляет против него немецкие войска Такая армия из неподготовленных ополченцев малопригодна для длительной войны, но в важных случаях она иногда способна наносить тяжелые удары. Мы видели, на что она способна в памятный день Лексингтона. Теперь она собиралась нанести удар в критический момент с еще более смертоносным эффектом. Продвижение Бергойна, которое было таким тяжелым в течение последних трех недель, теперь остановилось из-за нехватки лошадей для перевозки пушек и мешков с провизией; кроме того, армия уже страдала от голода. Небольшая деревня Беннингтон, расположенная у подножия Зеленых гор, была выбрана ополчением Новой Англии в качестве центра снабжения. Там было собрано несколько сотен лошадей, а также большие запасы продовольствия и боеприпасов. Захват этой деревни дал бы Бергойну необходимые ему военные материалы, а заодно парализовал бы действия Линкольна и, возможно, рассеял бы зловещее облако, сгущавшееся над тылом британской армии. Соответственно, 13 августа сильный отряд из 500 человек Ридзееля, 100 вновь прибывших индейцев и несколько пушек « » был отправлен захватить склады в Беннингтоне. Экспедицией командовал подполковник Баум, которого сопровождал майор Скин, американский лоялист, который заверил Бергойна, что Зеленые горы кишат преданными подданными короля Георга, которые сотнями устремятся к его знамени, как только оно будет поднято среди них. Чтобы как можно быстрее организовать этих лояльных новобранцев, Бергойн отправил вместе с экспедицией скелетный полк лоялистов, все должным образом укомплектованный офицерами, в ряды которого они могли бы быть без промедления зачислены. Однако лояльные новобранцы оказались призраком разболевшегося воображения: ни один из них не появился вживую. Напротив, поведение людей было настолько угрожающим, что Баум убедился, что его ждет тяжелая работа, и на следующий день он отправил за подкреплением. Соответственно, подполковник Брейманн был отправлен на помощь ему с еще одним отрядом из 500 немцев и двумя полевыми орудиями.

Старк готовится принять немцев Тем временем полковник Старк готовил теплый прием для захватчиков. Мы уже знакомы с Джоном Старком, доблестным ветераном Семилетней войны, отличившимся в сражениях при Банкер-Хилле, Трентоне и Принстоне. Он считался одним из самых способных офицеров в армии, но недавно с отвращением ушел домой,

поскольку, как и Арнольд, был пропущен Конгрессом в списке повышений. Устав дуться в своей палатке, этот деревенский Ахилл, как только услышал о присутствии захватчиков в Новой Англии, немедленно взялся за оружие, и в мгновение ока 800 крепких йоменов выступили под его командование. Он отказался принимать указания от любого вышестоящего офицера, но заявил, что действует исключительно под суверенитетом Нью-Гэмпшира и будет действовать под свою ответственность в защиту общего дела. В то же время он послал сообщение генералу Линкольну в Манчестер в Зеленых горах с просьбой предоставить ему услуги полковника Сета Уорнера с его доблестным полком, который остановил наступление Фрейзера в Хаббардтоне. Линкольн без промедления отправил подкрепление, и после ночного марша под проливным дождем солдаты утром достигли Беннингтона, промокшие до нитки. Приказав им следовать за ним, как только они высохнут и отдохнут, Старк двинулся вперед со своим основным отрядом и обнаружил врага примерно в шести милях от себя. Увидев эту большую силу, Баум поспешно занял выгодную позицию на возвышенности за небольшим ручьем, известным как река Уолумсак, который везде был переходим вброд. Весь день лил проливной дождь, и пока немцы начинали рыть окопы, Старк разрабатывал план штурма их позиций на следующий день. Ночью прибыла рота ополченцев из Беркшира, а с ними и замечательный мистер Аллен, воинственный священник из Питтсфилда, который подошел к Старку и сказал: «Полковник, наших людей из Беркшира часто вызывали безрезультатно, и если вы не позволите им сражаться сейчас, они больше никогда не выйдут на поле боя». «Ну, — сказал Старк, — вы хотите, чтобы мы вышли сейчас, когда вокруг кромешная тьма и льет как из ведра?» «Нет, не прямо сейчас, — ответил священник. — Тогда, — сказал отважный Старк, — как только Господь снова пошлет нам солнце, если я не дам вам достаточно сражений, я больше никогда не буду просить вас выходить!»

Битва при Беннингтоне, 16 августа 1777 года На следующее утро солнце взошло ярким и чистым, и с промокших полей поднялся пар. Это был настоящий знойный день, душный и жаркий. Утро было занято подготовкой к атаке, а Баум ждал в своей прочной позиции. Жители Новой Англии превосходили немцев по численности в два раза, но они были ополченцами, не имеющими ни штыков, ни пушек, в то время как солдаты Баума были все регулярными войсками, отобранными из самых храбрых солдат, которых Фердинанд Брауншвейгский привел к победе в Кревельде и Миндене. Но достойный немецкий полководец в этой чужой стране не мог сравниться с хитрым янки на его собственной территории. В течение всего утра фермеры из Новой Англии незаметно и неторопливо обошли Баума с тыла. Они шли не в военном строю, а небольшими отрядами по полдюжины человек, одетые в свои деревенские синие халаты. В их внешнем виде не было ничего, что европейскому ветерану, такому как Баум, могло бы показаться похожим на солдат, и он подумал, что наконец-то появились те благословенные тори, которых его учили опасаться, и которые пришли, чтобы укрыться за его спиной. В начале дня он был жестоко разочарован. Пока 500 из этих невинных существ открыли по нему смертельный огонь с тыла и с обоих флангов, Старк с еще 500 людьми переправился через неглубокий ручей и атаковал его с фронта. Индейцы мгновенно разбежались и с визгом убежали в лес, пока еще было время спастись. Немцы остались на своих позициях и отчаянно сражались, но, подвергшись нападению со всех сторон, они вскоре были ввергнуты в беспорядок и после двухчасовой борьбы, в которой Баум был смертельно ранен, все были взяты в плен. В этот момент, когда жители Новой Англии начали разбегаться, чтобы грабить немецкий лагерь, на место событий прибыли подкрепления Бреймана; и исход сражения мог бы измениться, если бы не прибыл Уорнер со своими 150 свежими людьми в отличном порядке. Вторгшиеся войска уничтожили Брейманна, который отступил и медленно отступал от холма к холму, в то время как отряды американцев продолжали наступать на его тыл, чтобы отрезать его. К восьми часам вечера, когда стало слишком темно, чтобы целиться из оружия, этот второй немецкий отряд был

полностью рассеян или захвачен. Брейманн с охраной из шестидесяти или семидесяти человек, всего лишь капралами, сбежал под покровом темноты и благополучно добрался до британского лагеря. Из всего немецкого отряда численностью 1000 человек 207 были убиты и ранены, а более 700 были взяты в плен. Среди трофеев были 1000 винтовок, 1000 драгунских шпаг и четыре полевые орудия. С американской стороны 14 человек были убиты и 42 ранены.

ПОЛУЧЕННЫЕ В БЕННИНГТОНЕ ПУШКИ

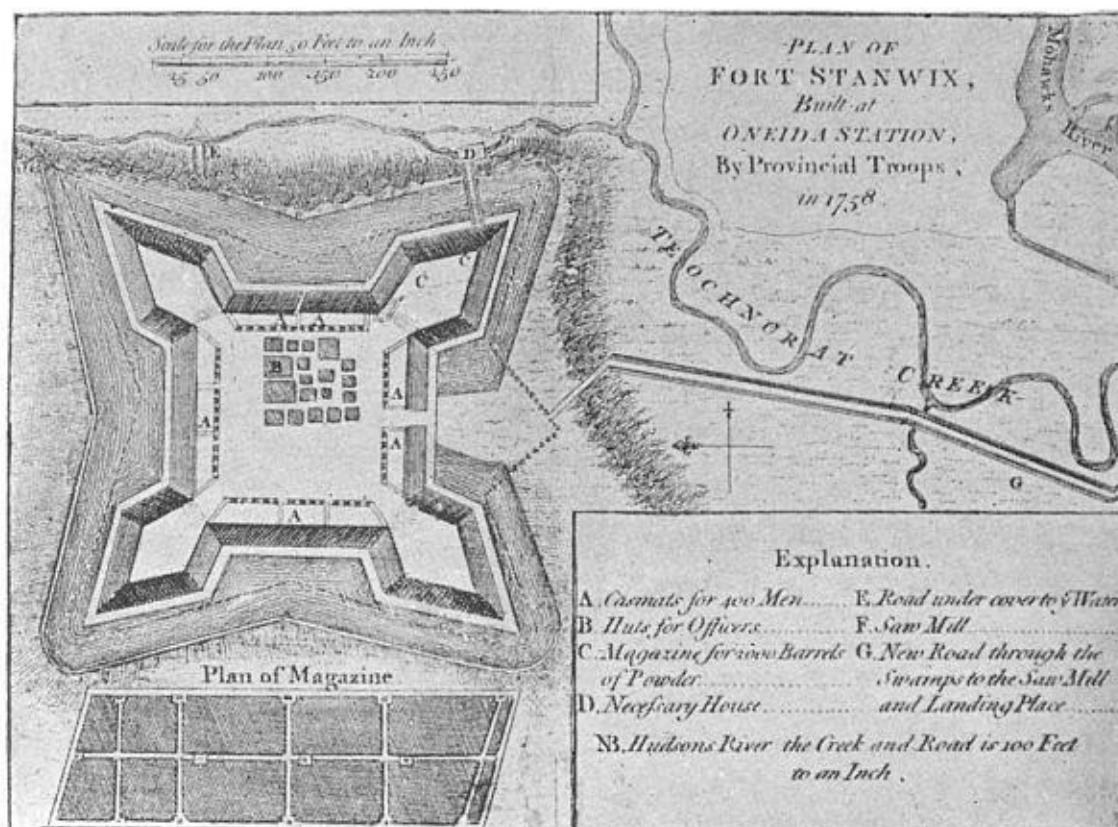
Последствия новости; враги Бергойна множатся Новость об этой блестящей победе распространила радость и надежду по всей стране. Неподчинение, увенчавшееся таким блестящим успехом, не могло быть проигнорировано, и доблестный Старк был немедленно принят обратно в армию и назначен бригадным генералом. Не последнюю роль в ликовании сыграл тот факт, что армия йоменов не просто разгромила, а уничтожила армию регулярных войск Брауншвейга, чья европейская репутация храбрости и дисциплины была известна каждому жителю страны. Более смелые умы начали задаваться вопросом, почему то, что было сделано с Баумом и Брейманном, не может быть сделано со всей армией Бергойна; и в возбуждении от этой растущей надежды подкрепления начали прибывать все быстрее и быстрее, как к Шуйлеру в Стиллуотере, так и к Линкольну в Манчестере. С другой стороны, Бергойн в форте Эдвард быстро терял мужество, поскольку опасности вокруг него усиливались. Вместо того чтобы обеспечить себя лошадьми, повозками и продовольствием благодаря удару в Беннингтоне, он просто потерял седьмую часть своей армии и теперь явно нуждался как в подкреплении, так и в припасах. Но от сэра Уильяма Хоу пока не поступало никаких известий, а новости от Сент-Леджера были отнюдь не обнадеживающими. Теперь пришло время обратиться к западу и проследить за бурными перипетиями второй колонны вторжения.

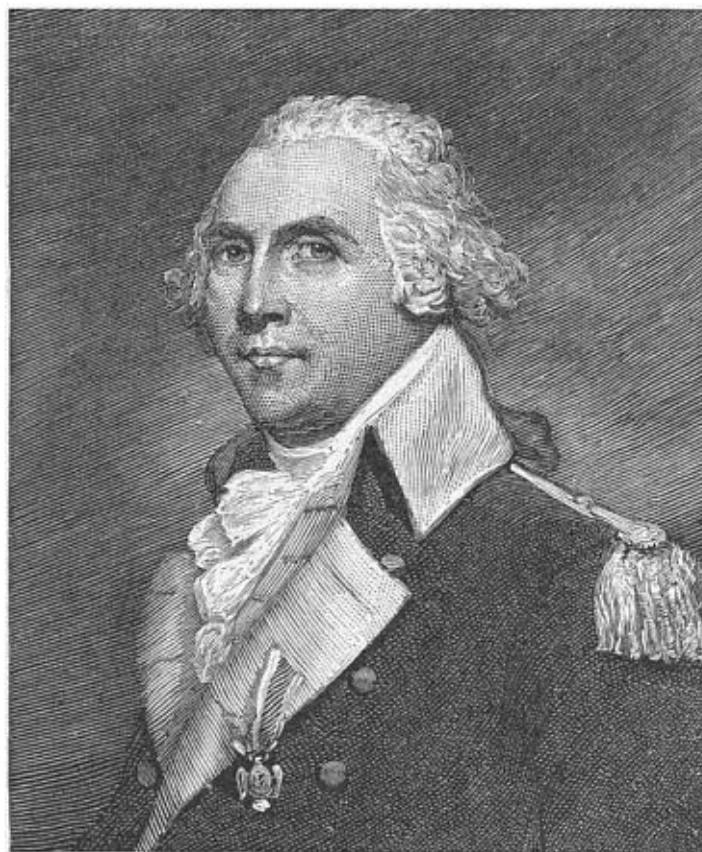
ПОЛКОВНИК БАРРИ СТ. ЛЕЖЕР

Наступление Сент-Леджера на форт Стэнвикс Примерно в середине июля Сент-Леджер высадился в Осуего, где к нему присоединились сэр Джон Джонсон со своим знаменитым торийским полком, известным как «Королевские зеленые», и полковник Джон Батлер со своей ротой торийских рейнджеров. Джонсон приложил огромные усилия, чтобы заручиться поддержкой племен ирокезов, но добился лишь частичного успеха. На этот раз Длинный Дом был довольно расколот, и результат нынешней кампании не способствовал его будущему процветанию. Могавки под руководством своего великого вождя Тайенданегеа, более известного как Джозеф Брант, искренне поддерживали британскую сторону, а за ними, хотя и с меньшим энтузиазмом, последовали кайуги и сенеки; но центральное племя, онондаги, осталось нейтральным. Под влиянием миссионера Сэмюэля Киркланда онейды и тускароры активно помогали американцам, хотя и не выходили на поле боя. После надлежащей организации своей разношерстной армии, насчитывавшей около 1700 человек, Сент-Леджер очень осторожно продвигался через леса и 3 августа осадил форт Стэнвикс. Эта крепость, построенная в 1758 году на водоразделе между Гудзоном и озером Онтарио, контролировала главную транспортную артерию между Нью-Йорком и Верхней Канадой. В то время это место находилось на самой окраине цивилизации, и под сильным влиянием Джонсона тори здесь были сильнее, чем в любой другой части штата. Однако даже здесь сила патриотической партии оказалась гораздо больше, чем предполагалось, и при приближении врага люди начали подниматься на оружие. В этой части Нью-Йорка проживало много немцев, чьи предки переехали в Америку в результате опустошения Пфальца Людовиком XIV; среди них был один стойкий патриот, чье имя ярко сияет в живописных анналах Революции. Херкимер выдвигается против него Генерал

Николас Херкимер, командир ополчения округа Трайон, ветеран старше шестидесяти лет, как только услышал о приближении Сент-Лежера, сразу же выступил на помощь форту Станвикс; и к 5 августа он достиг Орискани, расположенного примерно в восьми милях, во главе 800 человек. 600-й гарнизон форта под командованием полковника Питера Гансворта уже с презрением отверг призыв Сен-Лежера сдаться, когда утром 6 августа они услышали отдаленные выстрелы на востоке, причину которых не могли объяснить. Загадка разгадалась, когда три дружественных посланника, пробравшись через опасное болото, добрались до форта и рассказали о приближении Херкимера и его намерениях. План Херкимера заключался в том, чтобы подавить Сент-Лежера совместной атакой с фронта и тыла. Гарнизон должен был совершить яростный выпад, а Херкимер, продвигаясь через лес, должен был внезапно напасть на врага с тыла; таким образом, надеялись, что его армия будет разгромлена или захвачена одним ударом. Чтобы обеспечить полное сотрудничество, полковник Гансворт должен был выстрелить из трех орудий сразу же после получения сообщения, и, услышав этот сигнал, Херкимер должен был начать свой марш из Орискани. Гансворт должен был затем провести такие демонстрации, чтобы все внимание врага было сосредоточено на форте, и таким образом защитить Херкимера от неожиданности по пути, пока, по истечении необходимого промежутка времени, гарнизон не вышел бы в полную силу.

ПЛАН ФОРТА СТАНВИКС

Peter Ganwoot

Провал плана В этом смелом плане все зависело от абсолютной координации во времени. Херкимер отправил своих гонцов так рано вечером 5-го числа, что они должны были прибыть в форт к трем часам следующего утра, и примерно в это время он начал прислушиваться к сигнальным пушкам. Но из-за какой-то необъяснимой задержки гонцы прибыли в форт, как только что описано, почти в одиннадцать часов утра. Между тем, по мере того как часы шли, а сигнальные выстрелы не раздавались, люди Херкимера стали нетерпеливыми и настояли на том, чтобы идти вперед, не обращая внимания на заранее согласованный план. Затем последовала непристойная ссора, в ходе которой Херкимера называли трусом и обвинили в том, что он в душе тори, пока, уязвленный этими насмешками, храбрый старик наконец не сдался, и около девяти часов утра поход был возобновлен. В это время его запоздавшие гонцы еще не дошли до форта, но индейские разведчики Сент-Леджера уже обнаружили и сообщили о приближении американских войск, и сильный отряд «зеленых» Джонсона под командованием майора Уоттса вместе с Брантом и его могавками был отправлен, чтобы перехватить их.

Тайенданегея готовит засаду Примерно в двух милях к западу от Орискани дорога пересекала глубокий полукруглый овраг, вогнутый в восточную сторону. Дно этого оврага было болотом, через которое дорога проходила по насыпи из бревен, а крутые берега по обеим сторонам были густо покрыты деревьями и подлеском. Опытный глаз Тайенданегея сразу же заметил редкое преимущество такого положения, и вскоре была подготовлена засада с

таким же смертоносным мастерством, как и та, которая когда-то разгромила гордую армию Брэджока. Но на этот раз это была встреча греков с греками, и коварные планы дикого вождя были сорваны отчаянной доблестью, которую ничто не могло преодолеть. К десяти часам основные силы армии Херкимера спустились в ущелье, за ними следовали повозки, а арьергард все еще находился на возвышенности позади. Битва при Орискани, 6 августа 1777 г. В этот момент их встретил убийственный залп с обеих сторон, в то время как «зеленые» Джонсона атаковали их спереди, а индейцы с ужасными криками набросились сзади и отрезали арьергард, который был вынужден отступить, чтобы спастись. На мгновение основные силы были ввергнуты в замешательство, но вскоре они собрались и сформировали круг, который не могли прорвать ни штыковые атаки, ни мушкетный огонь. Последующая сцена была одной из самых адских, которые когда-либо видела история жестоких войн. Темный овраг был заполнен толпой из полутора тысяч человек, кричащих и ругающихся, скользящих по грязи, толкающихся и борющихся, хватающих друг друга за горло, наносящих удары ножами, стреляющих и разбивающих головы. Тела соседей были позже найдены лежащими в болоте, где они упали в смертельной схватке, их холодные руки все еще сжимали ножи, вонзенные в сердца друг друга.

БАС-РЕЛЬЕФ НА ПАМЯТНИКЕ ХЕРКИМЕРУ В ОРИСКАНИ

В начале сражения пуля из мушкета убила лошадь Херкимера и раздробила ему ногу чуть ниже колена; но старый герой, не унывая и не теряя хладнокровия в разгар ужасной схватки, снял седло с убитой лошади и положил его у подножия большого бука, где, сев на него и закулив трубку, продолжал громким голосом отдавать приказы и руководить ходом сражения. Природа еще больше усилила мрачный ужас этой сцены. Жара августовского утра была невыносимой, и черные гроззовые тучи, нависавшие над глубоким ущельем в начале сражения, окутали его тьмой, подобной ночной. Теперь лил проливной дождь, порывы ветра были в кронах деревьев, и вспышки молний следовали одна за другой, сопровождаемые непрерывным раскатом грома, заглушавшим шум сражения. Отступление тори. Мокрые винтовки больше не могли стрелять, но топоры, ножи и штыки продолжали свою кровавую работу, пока, после того как более пятисот человек были убиты или ранены, индейцы не

сдались и не разбежались во всех направлениях, а солдаты тори, сбитые с толку, не начали отступать по западной дороге, в то время как небольшая армия Херкимера, оставаясь владельцем с трудом завоеванного поля, чувствовала себя слишком слабой, чтобы преследовать их.

В этот момент, когда буря улеглась и длинные лучи солнца начали пробиваться сквозь мокрые листья, в воздухе раздался гул трех сигнальных орудий, а вскоре из направления форта Стэнвикс послышался резкий треск мушкетов. Отступление Херкимера. Испуганные этим зловещим звуком, тори поспешили присоединиться к своей армии, а люди Херкимера, неся раненых на носилках из зеленых ветвей, вернулись печальной процессией в Орискани. С их беспомощным командиром и более чем третью частью своих людей убитыми или ранеными, они не были в состоянии вступить в новый конфликт и с неохотой признали, что гарнизон форта Стэнвикс должен остаться один выполнять свою часть работы. По прибытии гонцов полковник Гансеворт сразу же оценил всю ситуацию. Он понял, что таинственные выстрелы в лесу означали, что Херкимер, вероятно, подвергся преждевременной атаке, и немедленно отдал приказ о выходе из форта, чтобы отвлечь внимание противника. Выход полковника Уиллетта был блестяще успешным. Сэр Джон Джонсон со своими тори и индейцами был полностью разгромлен и оттеснен за реку. Полковник Маринус Уиллетт занял лагерь и удерживал его, пока семь повозок трижды загружались добычей и отправлялись для разгрузки в форт. Среди всей этой добычи, наряду с обилием еды и питья, одеялами и одеждой, инструментами и боеприпасами, победители захватили пять британских знамен и все документы, карты и меморандумы Джонсона, содержащие полные инструкции по планируемой кампании. Первое поднятие звезд и полос. После этого полезного подвига полковник Уиллетт вернулся в форт и поднял захваченные британские знамена, а над ними — грубый флаг, который должен был представлять американские звезды и полосы () и который Конгресс принял в июне в качестве национального знамени. Этот грубый флаг, наспех сшитый из белой рубашки, старой синей куртки и нескольких полосок красной ткани из юбки жены солдата, был первым американским флагом со звездами и полосами, который когда-либо поднимался, и он впервые развевался на ветру в памятный день Орискани, 6 августа 1777 года.

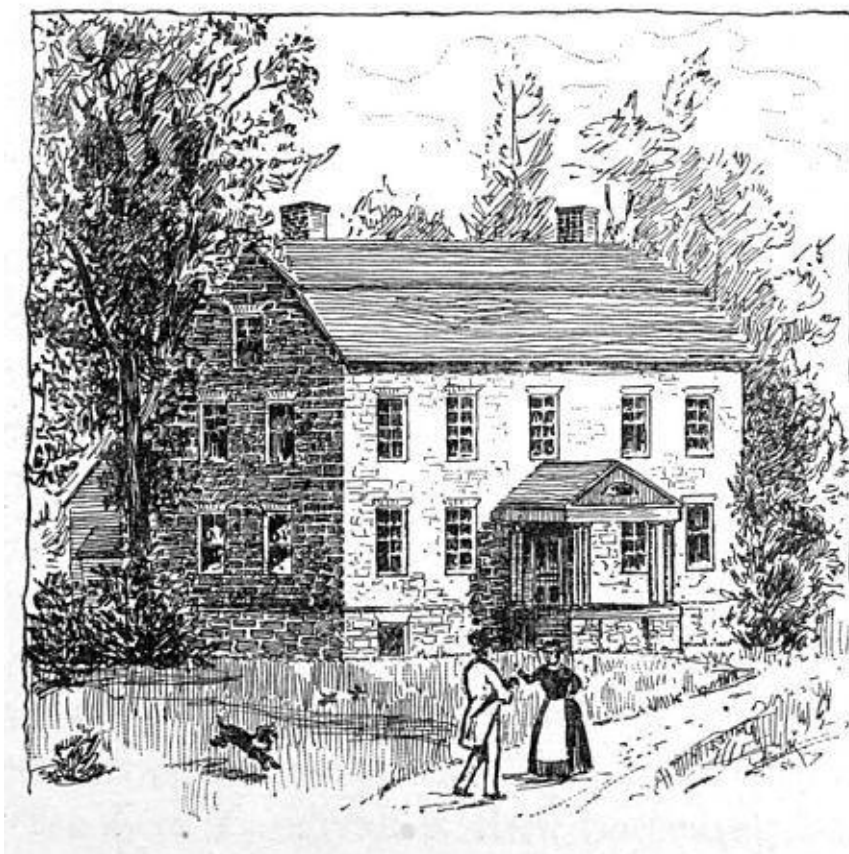
ДЖОЗЕФ БРАНТ: ТАЙЕНДАНЕГА

Смерть Херкимера Из всех сражений Войны за независимость это было, пожалуй, самым упорным и кровопролитным. Каждая сторона, по-видимому, потеряла не менее трети своего личного состава, и почти все погибшие были убиты, так как это была в основном рукопашная схватка, подобная сражениям древних времен, и ни одна из сторон не давала пощады. Число выживших раненых, которых доставили обратно в Орискани, по-видимому, не превышало сорока. Среди них был неукротимый Херкимер, чья раздробленная нога была так неумело пролечена, что он скончался через несколько дней, сидя в постели () с подставленными подушками, спокойно куря свою голландскую трубку и читая Библию, начиная с тридцать восьмого псалма.

Marinus Willett

мог точно сказать, как следует оценивать результаты этого я. Обе стороны провозгласили свою победу, и Сент-Леджер зон рассказом о том, что их товарищи были уничтожены в на ход кампании, Орискани был для американцев успехом, ер не был разгромлен, но он был сильно ослаблен. подорвало его авторитет в окрестностях, а индейские лее ста своих лучших воинов в то роковое утро, с каждым рюмыми и непокорными, пока их странное поведение не ойства для британского командующего. В то время как он ид из 1200 солдат под командованием Арнольда шел по его поражение.

ДОМ ХЕРКИМЕРА В ЛИТТЛ-ФОЛС

Арнольд прибывает в лагерь Шуйлера Как только Вашингтон узнал о падении Тикондероги, он отправил Арнольда оказать всю возможную помощь северной армии, и Арнольд соответственно прибыл в штаб Шуйлера около трех недель назад. Перед отъездом из Филадельфии он обратился к Конгрессу с просьбой восстановить его в прежнем звании по отношению к пяти младшим офицерам, которые были повышены в звании выше него, и только что узнал, что Конгресс отклонил его просьбу. В этот момент полковник Уильям Уилетт (Willett) и другой офицер, после опасного путешествия через дикую местность, прибыли в штаб Шуйлера и, принеся новости об Орискани, просили отправить войска для снятия осады с форта Стэнвикс. Скайлер понимал важность спасения крепости и ее храброго гарнизона и созвал военный совет, но его офицеры яростно выступили против, и один из них сказал другому вслух шепотом: «Он только хочет ослабить армию!» Услышав эту гнусную инсинуацию, возмущенный генерал так сильно стиснул зубы, что перекусил трубку, которую курил, и она упала на пол и разбилась. «Хватит!» — воскликнул он. «Я беру на себя всю ответственность. Где бригадир, который пойдет?» и добровольцы для освобождения форта Стэнвикс. Все бригадиры сидели в угрюмом молчании, но Арнольд, который размышлял о своих личных обидах, внезапно вскочил. «Вот я!» — сказал он. «Вашингтон послал меня сюда, чтобы я приносил пользу: я пойду». Командир с благодарностью схватил его за руку, и барабан забарабанил, призывая добровольцев. Непопулярность Арнольда в Новой Англии была связана главным образом с политиками (). Она не распространялась на простых солдат, которые восхищались его импульсивной храбростью и безгранично верили в его лидерские качества.

Соответственно, в течение следующего утра было легко набрано 1200 человек из Массачусетса, и экспедиция отправилась в долину Мохок. Арнольд продвигался с характерной для него энергией, но естественные трудности дороги были таковы, что после недели упорного труда он достиг только Герман-Флэтс, где он все еще находился более чем в двадцати милях от форта Стэнвикс. Считая, что нельзя терять время и что нужно сделать все возможное, чтобы подбодрить гарнизон и обескуражить врага, он прибег к хитрости, которая увенчалась успехом, превзошедшим все его ожидания. В окрестностях только что была арестована группа шпионов-тори, среди которых был некий Ян Йост Кайлер, странный, не вполне вменяемый человек, не лишенный хитрости, которого индейцы рассматривали с тем таинственным страхом, с которым обычно относятся к дуракам и сумасшедшим, как к существам, одержимым дьяволом. Ян Йост был без суда и следствия приговорен к смерти, и его брат и

цыганская мать в диком испуге поспешили в лагерь, чтобы умолять о его жизни. Арнольд сначала был неумолим, но вскоре предложил помиловать преступника при условии, что тот пойдет и посеет панику в лагере Сент-Леджера. Ян Йост Кайлер с радостью согласился и немедленно отправился в путь, а его брат был задержан в качестве заложника, чтобы быть повешенным в случае неудачи. Чтобы еще больше обезопасить себя, с ним отправили нескольких дружественных онейдов из племени онейда-кайла (), чтобы они следили за ним и действовали сообща с ним. На следующий день разведчики Сент-Леджера, пробираясь через лес, начали слышать слухи о том, что Бергойн потерпел полное поражение и что большая американская армия приближается к долине Мохок. Они донесли об этих слухах в лагерь, и к вечеру, когда офицеры и солдаты стояли в тревожном совещании, прибежал Ян Йост с дюжиной пулевых отверстий в пальто и ужасом на лице и сказал, что едва спасся от непреодолимой американской армии, которая была совсем рядом. Поскольку многие знали его как тори, его рассказ был с готовностью принят на веру, и когда его спросили о численности наступающей армии, он предупреждающе нахмурился и многозначительно указал на бесчисленные листья, трепетавшие на ветвях над головой. Больше ничего не нужно было, чтобы вызвать панику. Бегство Сент-Леджера, 22 августа. Джонсон и Сент-Леджер тщетно увещевали и угрожали индейским союзникам. Уже недовольные, они теперь начали дезертировать десятками, а некоторые, взломав лагерные сундуки, пили ром, пока не опьянели, и начали нападать на солдат. Всю ночь лагерь был настоящим пандемониумом. Беспорядки распространились на тори, и к полудню следующего дня Сент-Леджер бежал, а вся его армия распалась. Все палатки, артиллерия и склады попали в руки американцев. Гарнизон, выйдя из лагеря, некоторое время преследовал Сент-Леджера, но вероломные индейцы, радуясь его поражению и желая завоевать расположение более сильной стороны, продолжали преследование почти до самого Осуэго, устраивая каждую ночь засады и усердно убивая отставших, так что в конце концов от армии почти ничего не осталось, кроме ее подавленного лидера, который отправился в Монреаль.

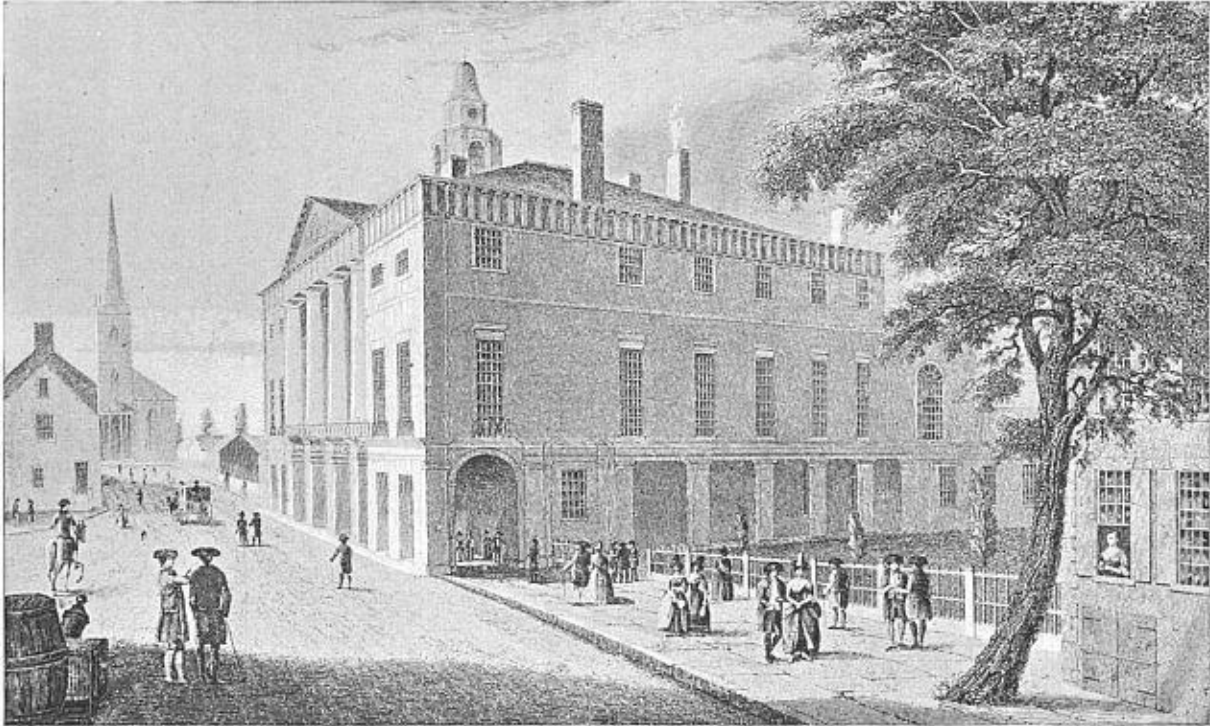
Опасная ситуация Бергойна Весть об этой катастрофе дошла до Бергойна, прежде чем он успел оправиться от новости о бедствии в Беннингтоне. Ситуация Бергойна теперь становилась критической. Линкольн с сильной милицией висел у него на хвосте, а главная армия перед ним с каждым днем увеличивалась. Путнэм только что отправил подкрепление из Хайлендс (); Вашингтон послал Моргана с 500 снайперами из Пенсильвании (); а Арнольд спешил

обратно из форта Стэнвикс (Fort Stanwix). От сэра Уильяма Хоу не поступало никаких известий, и с каждым днем становилось все труднее добывать провизию.

Скайлер заменен Гейтсом, 2 августа Как раз в это время, когда все было готово к окончательной катастрофе, из Филадельфии прибыл генерал Гейтс, чтобы принять командование северной армией и пожинать лавры, заработанные другими людьми. В первый день августа, еще до того, как улеглась первая тревога, вызванная наступлением Бергойна, Конгресс уступил давлению врагов Шуйлера и отстранил его от командования; на следующий день на его место был назначен Гейтс. Конгресс был вынужден пойти на этот шаг из-за убеждения, что личная ненависть, которую испытывали к Шуйлеру многие жители Новой Англии, помешала бы набору ополчения для его поддержки. События следующих двух недель показали, что в этом опасении Конгресс был совершенно неправ. Теперь нет никаких сомнений в том, что назначение некомпетентного Гейтса было серьезной ошибкой, которая могла разрушить всю кампанию и в конечном итоге принесла много проблем как Конгрессу, так и Вашингтону. Шуйлер воспринял эту неприятную новость с благородной бескорыстностью, которая всегда была ему свойственна. Никогда он не проявлял большего рвения и усердия, чем в последнюю неделю своего командования; и, передавая армию генералу Гейтсу, он сердечно предложил свою помощь, будь то советом или действием, в любом качестве, которое его преемник сочтет целесообразным предложить. Но Гейтс не только не принял это предложение, но и обращался с ним с презрением, даже не пригласив его на свой первый военный совет. Такое глупое поведение вызвало резкую критику со стороны проницательных людей. «Новый главнокомандующий северным департаментом, — сказал Гувернер Моррис, — может, если ему угодно, не спрашивать совета или пренебрегать им, но те, кто его знают, я уверен, будут убеждены, что он в нем нуждается».

Положение двух армий, 19 августа — 12 сентября Когда Гейтс принял командование северной армией, она была расквартирована вдоль западного берега Гудзона, от Стиллуотера до Халфмуна, у устья Мохока, в то время как войска Бергойна расположились лагерем вдоль восточного берега, примерно в тридцати милях выше, от форта Эдварда до Баттенкилла. В течение следующих трех недель ни одна из сторон не предпринимала никаких действий; и теперь мы должны оставить две армии, противостоящие друг другу в этих двух позициях, и обратить наше внимание на юг, чтобы посмотреть, что делал сэр Уильям Хоу и почему Бергойн до сих пор не получил от него никаких известий.

ГЛАВА VII САРАТОГА

СТАРАЯ МЭРИЯ, УОЛЛ-СТРИТ, НЬЮ-ЙОРК

Почему Хоу отправился в Чесапикский залив Мы видели, как из-за грубой халатности лорда Джорджа Джермейна дискреционные полномочия были оставлены Хоу, а у Бергойна полностью отобраны. Последний не имел иного выбора, кроме как двигаться вниз по Гудзону. Первый получил указание двигаться вверх по Гудзону, но в то же время ему было разрешено отступать от строгого буквального следования инструкциям, если в этом было какое-либо явное преимущество. Тем не менее, движение вверх по Гудзону было настолько очевидно продиктовано всеми здравыми военными соображениями, что все удивлялись, почему Хоу не предпринял его. Почему он оставил своего брата-генерала в беде и отплыл в Чесапикский залив, было загадкой, которую никто не мог разгадать, пока около тридцати лет назад не был обнаружен документ, проливший много света на этот вопрос. Чарльз Ли в плену Здесь на сцену снова выходит этот жалкий интриган, чье присутствие в американской армии едва не разрушило дело патриотов, и который теперь, находясь в плену, продолжал играть роль двойного предателя. Чарльз Ли, с самого начала и до конца мешавший и сеявший зло, никогда не упускал возможности нанести ущерб той стороне, которой в данный момент склонял его эгоистичный тщеславие или трусливый страх. Мы видели, как в день, когда он был схвачен и доставлен в британский лагерь, его первая мысль была о своей личной безопасности, которую он вполне мог считать находящейся под угрозой, поскольку ранее он занимал звание подполковника в британской армии. Его доставили в Нью-Йорк и заключили в мэрии, где с ним обращались с обычной вежливостью, но нет сомнений, что сэр Уильям Хоу рассматривал его как дезертира и был более чем склонен повесить его без церемоний. Однако, опасаясь, как он сам сказал, что может «попасть в юридическую заварушку», если поступит слишком поспешно, сэр Уильям написал домой за инструкциями,

и в ответ лорд Джордж Джермейн велел ему отправить пленника в Англию для суда. Во исполнение этого приказа Ли уже был доставлен на борт корабля, когда письмо из Вашингтона остановило эти действия. В письме генералу Хоу сообщалось, что Вашингтон удерживает пятерых гессенских офицеров в качестве заложников для личной безопасности Ли и что весь обмен пленными будет приостановлен до тех пор, пока не будет получено надлежащее заверение, что Ли будет признан военнопленным. Прочитав это письмо, генерал Хоу не осмелился отправить Ли в Англию для суда, опасаясь возможных негативных последствий для пяти гессенских офицеров, которые могли вызвать серьезное недовольство среди немецких войск. Король одобрил это осторожное поведение, и поэтому Ли оставался в Нью-Йорке, его судьба оставалась нерешенной, пока не стало совершенно ясно, что ни аргументы, ни угрозы не могут ни на йоту поколебать решимость Вашингтона. Когда лорд Джордж Джермейн убедился в этом, он убедил неохотного короля уступить, и Хоу получил указание, что Ли, хотя и заслуживает сурового наказания, должен считаться военнопленным и может быть обменен как таковой, когда это будет удобно.

Baking Ridge Decr 9: 13th 1776

My Dr Gates

*The ingenious maneuver of Fort Mifflin
has unkneged the goodly fabric we had been building -
there was so damad a stroke - entire now a certain great
Man is most damably deficient He has thrown me into*

ФАКСИМИЛЕ ПЕРВЫХ СТРОК ПИСЬМА ЛИ ГЕЙТСУ, 13 ДЕКАБРЯ 1776 Г.

As on the one hand it appears to me that by the continuance of the War America has no chance of obtaining the end: She proposes to herself; that altho by struggling she may put the Mother Country to very serious expence both in blood and money, yet she must in the end, after great desolation havoc and slaughter be reduc'd to submit to terms much harder than might probably be granted at present - and as on the other

ФАКСИМИЛЕ ПЕРВЫХ СТРОК «ПЛАНА МИСТЕРА ЛИ, 29 МАРТА 1777 ГОДА»

Все эти обсуждения потребовали обмена несколькими письмами между Лондоном и Нью-Йорком, так что прошел целый год, прежде чем вопрос был решен. Только 12 декабря 1777 года Хоу получил эти окончательные инструкции. Но Ли не бездействовал все это время, пока его судьба висела на волоске. Едва за ним закрылась дверь его кабинета в мэрии, как он начал свои интриги. Во-первых, он заверил лорда Хоу и своего брата, что всегда выступал против декларации независимости,^[14] и даже сейчас лелеял надежду, что благодаря тщательно организованной встрече с комитетом Конгресса он сможет убедить заблудший народ Америки вернуться к прежней верности. Измена Чарльза Ли Лорд Хоу, который всегда держал руку на оливковой ветви, с энтузиазмом ухватился за это предложение и разрешил Ли отправить письмо в Конгресс с просьбой направить к нему комитет для переговоров, поскольку у него были «важные сообщения». Он полагал, что если такая встреча состоится, его рвение к примирению заинтересует Хоу в его пользу и, возможно, спасет его драгоценную шею. Однако Конгресс категорически отказался выслушать это предложение, и тогда несчастный, не долго думая, перешел на сторону врага и начал советоваться с британскими командирами о том, как им лучше всего подавить американцев в летней кампании. Он зашел так далеко, что написал для братьев Хоу план операций, предоставив им преимущество в виде своего, как предполагалось, глубокого знания обстановки. После катастрофического исхода кампании братья Хоу не стали показывать этот документ, и он оставался скрытым в течение восьмидесяти лет, пока не был найден среди домашних архивов семьи Страчи в Саттон-Корте, в Сомерсете. Первый сэр Генри Страчи был секретарем братьев Хоу с 1775 по 1778 год. Документ написан известным почерком Ли и заверен Страчи как «План г-на Ли, 29 марта 1777 года». В этом документе Ли утверждает, что если удастся запугать штат Мэриленд и помешать жителям Вирджинии отправить помощь в Пенсильванию, то Филадельфию можно будет захватить и удержать, а деятельность «мятежного правительства» парализовать. Было известно, что партия тори была сильна в Пенсильвании, а обстоятельства, при которых Мэриленд провозгласил независимость, последний из всех колоний, за исключением Нью-Йорка, были таковы, что казалось вероятным, что и там лоялистские настроения были очень сильны. Ли не колебался утверждать, как из своего личного опыта, что жители Мэриленда и Пенсильвании были почти все лоялистами, которые только ждали прибытия британской армии, чтобы провозгласить себя. Поэтому он рекомендовал, чтобы 14 000 человек изгнали Вашингтона

из Нью-Джерси и захватили Филадельфию, а остальная часть армии Хоу, численностью 4000 человек, обошла по морю Чесапикский залив и заняла Александрию и Аннаполис. Если бы лорд Хоу объявил амнистию, то из этих точек можно было бы умиротворить «центральные колонии» менее чем за два месяца; автор был настолько уверен в этом, что заявил о своей готовности «поставить на карту свою жизнь», что, возможно, выдавало его истинные намерения на протяжении всего процесса. В то же время он утверждал, что наступательные операции на севере не могут «служить какой-либо цели», поскольку северные провинции «в настоящее время не являются ни резиденцией правительства, ни центром силы, ни центром политики; и опасения по поводу армии генерала Карлтона, я уверен, удержат жителей Новой Англии дома или, по крайней мере, ограничат их восточным берегом реки [Гудзон]».

Безумие наступления на Филадельфию, «столицу мятежников» Следует отметить, что этот план Ли был схож с планом лорда Джорджа Джермейна в том, что он был направлен на то, чтобы вбить британскую мощь как клин в центр конфедерации и таким образом разделить Новую Англию и Вирджинию, два главных центра мятежа. Но вместо того, чтобы нанести удар по реке Гудзон, Ли нацелился на Филадельфию как на «столицу мятежников», и его мотивы показывают, насколько мало он понимал американские дела и насколько строго он рассматривал их в свете своего военного опыта в Европе. В европейской войне принято наносить удар по столице противника, чтобы получить контроль над всей его системой управления; но то, что захват столицы противника не всегда является решающим, в полной мере доказали войны Наполеона. Битвы при Аустерлице в 1805 году и Ваграме в 1809 году были проведены Наполеоном после того, как он вступил в Вену (); не захват Берлина в 1806 году, а победа при Фридланде следующим летом завершила свержение Пруссии; а там, где ему приходилось бороться с сильным и единым национальным чувством, как в Испании и России, захват столицы несколько не помог ему. Тем не менее, в европейских странах, где системы управления являются высокоцентрализованными, обычно целесообразно наступать на столицу противника. Но применять такой принцип к Филадельфии в 1777 году было верхом абсурда. Филадельфия была выбрана для заседаний Континентального конгресса из-за своего географического положения. Это был самый центрально расположенный из наших крупных городов, но он ни в коем случае не был центром обширной административной машины. Если бы он был захвачен врагом, Конгрессу нужно было бы просто переехать в любой другой город, и все пошло бы по-прежнему. Поскольку она не была административным центром, она не была и военным центром. Она не контролировала никакой крупной системы внутренних автомагистралей, и ее было сравнительно трудно защитить с помощью флота. С другой стороны, можно было бы утверждать, что, поскольку Филадельфия была крупнейшим городом в Соединенных Штатах и обладала определенным превосходством как место заседания Конгресса, ее захват захватчиками дал бы им определенное моральное преимущество. Это помогло бы тори и обескуражило бы патриотов. Однако такая выгода была бы ничтожной по сравнению с потерями, которые могли бы возникнуть в результате неспособности Хоу сотрудничать с Бергойном; и так и произошло.

Влияние совета Ли Насколько Хоу был убежден аргументами Ли, можно только догадываться. Путь, по которому они в конечном итоге пошли, в полном соответствии с предложениями этого замечательного документа, оказался настолько катастрофическим для британской стороны, что можно было бы подумать, что автор намеренно ввел их в заблуждение. Было бы приятно смотреть на это с такой благожелательной точки зрения, если бы это не противоречило тому, что мы уже знаем о Ли, и не было полностью опровергнуто его скандальным поведением в следующем году, после восстановления его в должности командующего американской армией. Мы не можем сомневаться в том, что Ли дал свой совет со всей серьезностью. О том, что к нему придавали значительный вес,

свидетельствует секретное письмо сэра Уильяма Хоу лорду Джорджу Джермейну, датированное 2 апреля, то есть через четыре дня после даты необычного документа Ли. В этом письме Хоу впервые намекает, что у него на уме экспедиция, которая может изменить план совместной кампании с северной армией вдоль линии Гудзона. На это предложение лорд Джордж ответил 18 мая: «Я верю, что все, что вы задумаете, будет выполнено вовремя, чтобы вы могли сотрудничать с армией, выдвигающейся из Канады». Через несколько дней после этого лорд Джордж, возможно, почувствовав некоторое беспокойство по поводу этого вопроса, написал тот императивный приказ, который пролежал в ящике для писем в Лондоне до тех пор, пока весь ущерб не был нанесен.

Виртуозная кампания Вашингтона в Нью-Джерси, июнь 1777 года Имея в распоряжении эти данные, становится легко понять действия генерала Хоу в течение весны и лета. Его первоначальным намерением было продвинуться через Нью-Джерси с основными силами своей армии и занять Филадельфию; и поскольку у него было в два раза больше людей, чем у Вашингтона, он мог надеяться сделать это вовремя, чтобы вернуться к Гудзону, как только он, вероятно, понадобится там. Он начал свой поход 12 июня, за пять дней до того, как флотилия Бергойна отправилась на юг по озеру Шамплейн. Предприятие не казалось рискованным, но Хоу был полностью сражен превосходной стратегией Вашингтона. Еще до того, как британский командующий начал свое движение, Вашингтон, судя по различным признакам, угадал его намерения и, спустившись из своего убежища в Морристауне, расположился на высотах Мидлбрука, в десяти милях от Нью-Брансуика, в непосредственной близости от фланга линии марша Хоу. Такая позиция, занятая 8000 человек под командованием такого генерала, была чем-то, мимо чего Хоу не мог пройти, не пожертвовав своими коммуникациями и тем самым не навлек на себя гибель. Но позиция была настолько сильна, что попытка штурмовать ее означала бы поражение. Оставалось посмотреть, что можно было сделать с помощью маневров. Британская армия численностью 18 000 человек была сосредоточена в Нью-Брансуике, имея в своем распоряжении достаточное количество лодок для переправы через реку Делавэр, когда это препятствие будет достигнуто. Но действительно непреодолимое препятствие было совсем рядом. Последовала восемнадцатидневная кампания, состоящая из хитроумных маршей и контрмаршей, в результате которой стало ясно, что преимущество Вашингтона в позиции не может быть у него отнято. Хоу не мог ни обойти его, ни перехитрить, и был слишком осторожен, чтобы атаковать его; соответственно, в последний день июня он отказался от своего первоначального плана и эвакуировал Нью-Джерси, переведя всю свою армию на Статен-Айленд.

Неопределенность в отношении следующих действий Хоу Эта кампания привлекла гораздо меньше внимания, чем она заслуживает, главным образом, без сомнения, потому что в ней не было сражений или других ярких событий. Это была чисто серия стратегических ходов. Но с точки зрения военного мастерства она была, пожалуй, столь же замечательной, как и все, что когда-либо делал Вашингтон, и, безусловно, занимает ключевое место в истории свержения Бергойна. Ведь если бы Хоу смог захватить Филадельфию в начале лета, трудно представить, что могло бы помешать ему вернуться и подняться по Гудзону в соответствии с планом министерства. Теперь июнь прошел, и Бергойн приближался к Тикондероге. Хоу должен был быть готов помочь ему, но, похоже, он не мог выбросить из головы Филадельфию, «столицу мятежников». Его следующий план удивительно совпадал с другой половиной плана Ли. Он решил обойти Филадельфию по морю, но медлил с началом и, похоже, на мгновение остановился, чтобы понаблюдать за ходом событий на севере. В начале июля он начал сажать своих людей на корабли, но никому, кроме Корнуоллиса и Гранта, не доверял свои планы; и его собственная армия, как и американцы, считала, что эта демонстрация выхода в море была лишь уловкой, чтобы скрыть его истинные намерения.

Все полагали, что он пойдет вверх по Гудзону. Как только Нью-Джерси был эвакуирован, Вашингтон вернулся в Морристаун и направил свой авангард под командованием Салливана на север, в Помптон, чтобы быть готовым к сотрудничеству с Путнэмом в Хайлендс в любой момент. Как только стало известно о падении Тикондероги, Вашингтон, полагая, что его противник поступит так, как должен поступить хороший полководец, продвинулся в Рамапо-Клове, труднопроходимую ущелье в Хайлендс, недалеко от Хаверстроу, и фактически отправил дивизии Салливана и Стирлинга через реку в Пикскилл.

ШТАБ-КВАРТИРА ВАШИНГТОНА В ЧАДДС-ФОРД

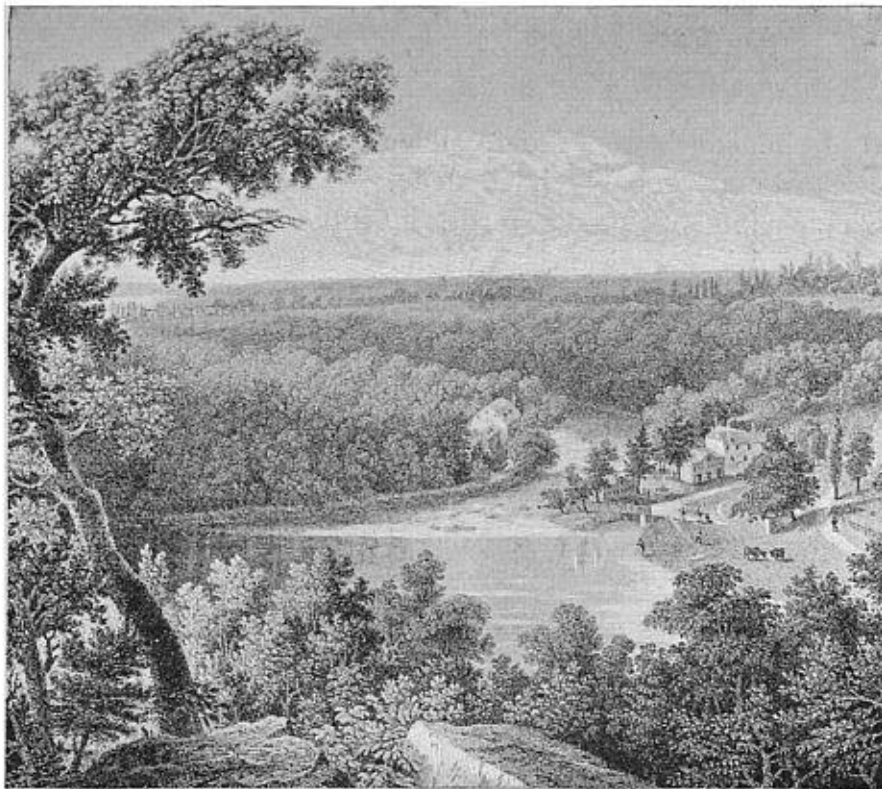
Письмо Хоу Бергойну Все это время Хоу продолжал перемещать часть своих кораблей то вверх по Гудзону, то в пролив, то к Санди-Хук, так что люди могли сомневаться, является ли его конечным пунктом назначения Хайлендс, Бостон или Филадельфия. Вероятно, он сам окончательно не определился до тех пор, пока не получил известия из Тикондероги. Затем, в общем ликования, он, по-видимому, пришел к выводу, что Бергойн сможет позаботиться о себе сам, по крайней мере, при такой поддержке, которую он мог получить от сэра Генри Клинтона. В таком настроении он написал Бергойну следующее: «Я ... услышал от повстанческой армии, что вы захватили Тикондерогу, что является великим событием, осуществленным без потерь... Вашингтон ждет здесь наших действий и, как я узнал, отправил Салливана с примерно 2500 человек в Олбани. Я намереваюсь отправиться в Пенсильванию, где надеюсь встретиться с Вашингтоном, но если он, вопреки моим ожиданиям, направится на север, и вы сможете сдержать его, будьте уверены, что я скоро последую за ним, чтобы помочь вам. После вашего прибытия в Олбани ваши действия будут зависеть от действий врага, но я желаю, чтобы враг был изгнан из этой провинции до начала каких-либо операций в Коннектикуте. Сэр Генри Клинтон остается здесь командующим и будет действовать в зависимости от развития событий. Патнэм находится в Хайлендс с примерно 4000 человек. Удачи вам! Это письмо, написанное на очень узких полосках тонкой бумаги и доставленное с помощью пера, достигло Бергойна только в середине сентября, когда ситуация уже сильно изменилась по сравнению с серединой июля. Ничто не может лучше проиллюстрировать опрометчивый, самонадеянный дух, с которым

Хоу приступил к осуществлению своего южного плана. Через несколько дней он вышел в море с флотом из 228 кораблей, перевозя 18 000 солдат, в то время как 7000 были оставлены в Нью-Йорке под командованием сэра Генри Клинтона для охраны города и действий в зависимости от обстоятельств. Незадолго до отплытия Хоу написал письмо Бергойну, в котором сообщил, что пунктом назначения его флота является Бостон, и хитроумно устроил так, чтобы это письмо попало в руки Вашингтона. Но Вашингтон был человеком, которого трудно было обмануть. Прочитав письмо, он правильно заключил, что Хоу направился на юг. Соответственно, отозвав Салливана и Стирлинга на западную сторону Гудзона, он выступил в сторону Делавер, но действовал очень осторожно, опасаясь, что Хоу может внезапно изменить курс и устремиться вверх по Гудзону. Чтобы предотвратить такую чрезвычайную ситуацию, он не позволил Салливану продвигаться дальше Морристауна и держал все в готовности к немедленному отступлению. В письме от 30 июля он пишет: «То, что Хоу практически бросил Бергойна, настолько необъяснимо, что, пока я не буду полностью уверен в этом, я не могу не оглядываться назад». На следующий день, узнав, что флот прибыл к мысу Делавер (), он продвинулся к Джермантауну (Germantown); но на следующий день, когда он услышал, что флот снова вышел в море, он заподозрил, что все это было уловкой. Комментарии Вашингтона и Грина. Он полагал, что Хоу немедленно вернется к Гудзону, и сразу же приказал Салливану отступать, а сам держался наготове, чтобы в любой момент последовать за ним. Его лучшие генералы разделяли это мнение. «Я не могу убедить себя, — сказал Грин, — что генерал Бергойн осмелился бы так быстро продвигаться к Олбани, если бы не ожидал поддержки от генерала Хоу». Аналогичное мнение о военной необходимости этого шага высказывали и британские офицеры, которые почти все без исключения не одобряли движение на юг. Они, как и Грин, знали, что, каким бы прекрасным ни был город Филадельфия, он «имеет гораздо меньшее военное значение, чем река Гудзон».

Причина, которую привел Хоу, была надуманной и бессмысленной. Неудивительно, что американские генералы были далеки от истины в своих предположениях, поскольку глупость действий Хоу после достижения устья Делавер была совершенно невероятной и сегодня была бы необъяснимой, если бы не безумный совет Ли, который все испортил. Хоу объяснил свое решение отступить от Делавер тем, что на реке были препятствия и форты, которые мешали проходу, и поэтому он счел лучшим обойти их через Чесапикский залив и высадить свою армию в Элктоне. Однако он мог бы легко пройти небольшой участок реки Делавер, не встретив никаких препятствий, и высадить свои войска всего в тринадцати милях к востоку от Элктона. Вместо этого он потратил двадцать четыре дня на путешествие длиной в четыреста миль, в основном против ветра, чтобы добраться до той же самой точки! Нельзя было ожидать, что какой-либо разумный противник поймет такое эксцентричное поведение. Неудивительно, что, когда стало ясно, что флот направился на юг, Вашингтон предположил, что планируется атака на Чарльстон. На военном совете 21-го числа было решено, что это должно быть так, и поскольку сухопутный марш в семьсот миль не мог быть выполнен вовремя, чтобы предотвратить такую атаку, было решено вернуться в Нью-Йорк и действовать против сэра Генри Клинтона. Но прежде чем это решение было выполнено, Хоу появился у входа в Чесапикский залив, где высадил свои войска в Элктоне. Это было 25 августа — через девять дней после битвы при Беннингтоне и через три дня после бегства Сент-Леджера. Судьба Бергойна была практически решена. После входа в Чесапикский залив Хоу получил письмо лорда Джорджа Джермейна от 18 мая, в котором тот сообщал ему, что все, что он должен сделать, должно быть сделано вовремя, чтобы он мог сотрудничать с Бергойном. Теперь положение Бергойна стало опасным, а Хоу был в Элктоне, в пятидесяти милях к юго-западу от Филадельфии, с армией Вашингтона перед собой и более чем в трехстах милях от Бергойна!

Узнав о прибытии Хоу на вершину Чесапикского залива, Вашингтон продвинулся до Уилмингтона, чтобы встретиться с ним. Первым делом британский генерал, высадившись в Элктоне, объявил амнистию, но это не принесло ему много новобранцев. Контрапрокламация, составленная Лютером Мартином, была достаточна, чтобы нейтрализовать ее. Хотя в окрестностях было много людей, которые мало заботились о деле независимости, лишь немногие из них симпатизировали захватчикам настолько, чтобы оказать им какую-либо ценную помощь. Британская армия осторожно продвигалась на север в течение двух недель через страну, которая, возможно, была равнодушна, но не была дружелюбно настроена, пока не достигла деревни Кеннет-Сквер, в шести милях к западу от Брэндивайн-Крик, за которой Вашингтон расположился, чтобы противостоять ее продвижению.

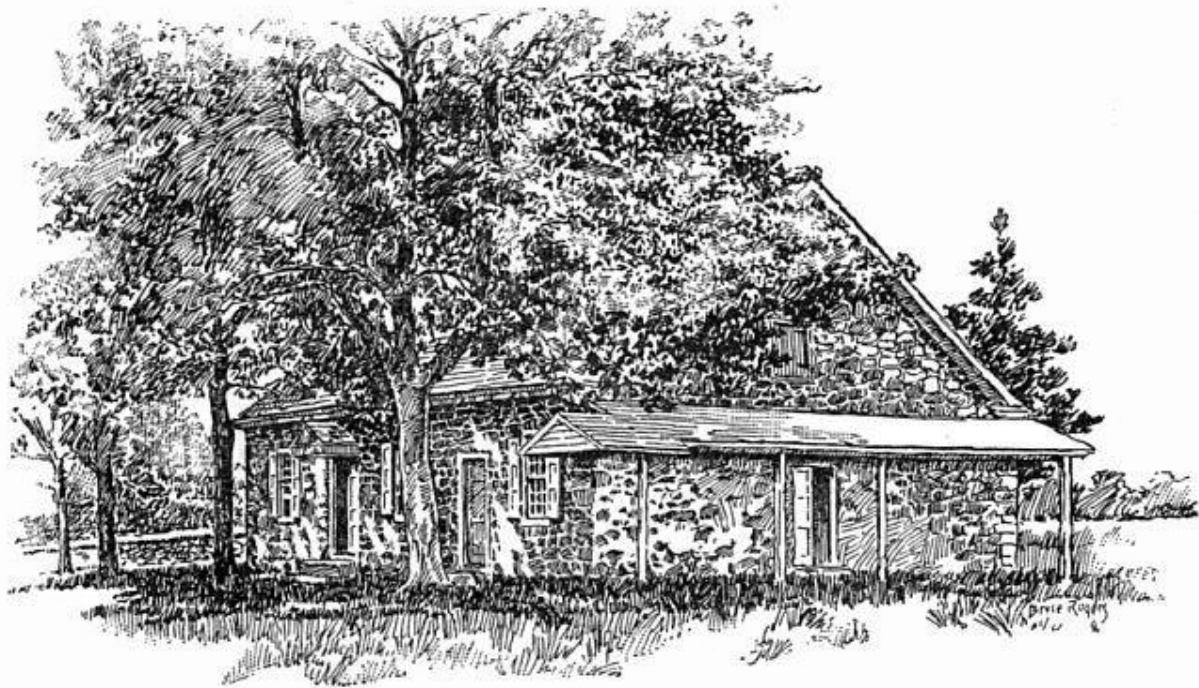
Причины, по которым Вашингтон решил вступить в сражение Настал момент, когда Вашингтон считал необходимым вступить в сражение, хотя такой шаг и не был оправдан с чисто военной точки зрения. Народ был утомлен фабианской политикой, которую он не понимал, и Вашингтон понимал, что даже в случае поражения моральный эффект для страны не будет таким плохим, как если бы он без боя покинул Филадельфию. Он едва ли мог рассчитывать на победу, поскольку у него было всего 11 000 человек против 18 000 у Хоу, а британцы по-прежнему значительно превосходили его в вооружении и дисциплине. В этих условиях Вашингтон с присущей ему прозорливостью выбрал место для сражения и захватил его быстрым и мастерским маневром. Река Брэндивайн протекала прямо поперек линии марша Хоу в Филадельфию. Он выбрал очень сильную позицию. Хотя она была достаточно большой, чтобы служить военным препятствием — в Англии ее назвали бы рекой — ее пересекали многочисленные броды, главный из которых, Чаддс-Форд, лежал на пути Хоу. Вашингтон разместил центр своей армии прямо за Чаддс-Фордом и через дорогу. Его центр защищался спереди артиллерийским корпусом под командованием Уэйна, а Грин, находясь на возвышенности в тылу, был размещен в качестве резерва. Ниже Чаддс-Форда Брэндивайн превращается в ревущий поток, зажатый между крутыми высокими утесами, так что левое крыло американцев, опирающееся на эти естественные укрепления, было достаточно хорошо защищено ополчением Пенсильвании под командованием Армстронга. Правое крыло, простирающееся на две мили вверх по течению, в неровную и густо заросшую лесом местность, находилось под командованием Салливана.

ВИД НА ПОЛЕ БОЯ БРЭНДИВАЙН

Битва при Брандивайн, 11 сентября 1777 г. Это была очень сильная позиция. С левой стороны она была практически недоступна. Попытка штурмовать ее с фронта была бы сомнительным экспериментом, который наверняка привел бы к ужасным человеческим потерям. Единственным слабым местом было правое крыло, которое можно было обойти с фланга, совершив длинный обходной маневр через лес. Соответственно, утром 11 сентября правое крыло британцев под командованием Кныпхаузена начало перестрелку и отвлекло внимание Вашингтона в Чаддс-Форде, в то время как левая колонна под командованием энергичного Корнуоллиса прошла по дороге Ланкастера, пересекла развилку Брандивайна и повернула на юг в сторону церкви Бирмингема с намерением нанести удар по тылу правого крыла американцев. Это было похоже на фланговое движение, которое так успешно было опробовано в битве при Лонг-Айленде () годом ранее. Это было очень похоже на великолепное движение Стоунволла Джексона при Чанселорсвилле (Chancellorsville) восемьдесят пять лет спустя. Во времена Хоу такие фланговые маневры были чрезвычайно популярны. Именно таким образом великий Фридрих одержал некоторые из своих самых поразительных побед. Тем не менее, как и всегда, это были опасные маневры, как вскоре показало грандиозное разгромление австро-русской армии при Аустерлице. Всегда существует серьезная вероятность, что ситуация может измениться. Однако такие фланговые маневры относительно безопасны, когда атакующая армия значительно превосходит по численности армию, подвергающуюся атаке, как в Брандивайн. Но во всех случаях главным фактором их успеха является секретность; прежде всего, атакуемая сторона должна оставаться в неведении.

Эти моменты прекрасно иллюстрируются сражением при Брэндивайн (). Вашингтон хорошо понимал опасность флангового удара по его правому крылу, и как только он услышал, что Корнуоллис движется по Ланкастерской дороге, он рассмотрел возможность сделать то, что, вероятно, сделал бы Фридрих, — быстро переправиться в полном составе через броды Чадда и Бринтона и разгромить дивизию Кныпхаузена. Он, несомненно, смог бы это осуществить, если бы ему посчастливилось унаследовать армию, обученную отцом Фридриха Великого. Но армия Вашингтона еще не была хорошо обучена, а ее численное превосходство было настолько незначительным, что дивизия Кныпхаузена сама по себе могла считаться достойным противником. Поэтому действия британцев были хорошо продуманы, и Вашингтон, несомненно, поступил правильно, не ответив на наступление переходом через ручей. Кроме того, организация его штаба была далека от совершенства. Он был озадачен противоречивыми сообщениями о передвижениях врага. Рассматривая вопрос о том, чтобы бросить все свои силы против Кныпхаузена, он был остановлен ложным сообщением о том, что Корнуоллис *не* движется по его флангу. Задержка с получением разведданных была настолько велика, что Корнуоллис успел пройти свой долгий марш в 18 миль и приблизился к церкви в Бирмингеме, прежде чем стало точно известно, где он находится. Тем не менее, его намерение нанести смертельный удар американской армии было предотвращено и частично сдержано. До того, как он достиг нашего правого фланга, Вашингтон приказал Салливану сформировать новый фронт и продвигаться к церкви в Бирмингеме. Из-за несовершенной дисциплины войск Салливан выполнил это движение довольно неуклюже, но этого было достаточно, чтобы спасти армию от разгрома. В упорной и кровопролитной битве, которая развернулась возле церкви в Бирмингеме между Корнуоллисом и Салливаном, последний в конце концов был медленно оттеснен в направлении Дилворта. Чтобы спасти армию от раскола на две части, теперь было необходимо, чтобы центр отступил в Честер через Дилворт, и это движение было выполнено Грином с великолепным мастерством. Теперь Кныпхаузен мог продвинуться через Чаддс-Форд против позиций Уэйна, и он сделал это при поддержке правого крыла дивизии Корнуоллиса, которое вместо того, чтобы присоединиться к косому преследованию в направлении Дилворта, продолжило движение прямо и обрушилось на тыл Уэйна. Уэйну и Армстронгу не оставалось ничего другого, как отступить и присоединиться к остальной части армии в Честере, и таким образом битва при Брэндивайн подошла к концу.

БИРМИНГЕМСКИЙ СОБРАНИЙ

Эта знаменитая битва была великолепно проведена обеими сторонами. Риск, на который пошел Корнуоллис, совершив длительный фланговый марш, полностью оправдался. Плохая организация американской армии, конечно, была хорошо известна британским командирам, и они воспользовались этим. Если бы они имели дело с организацией, столь же эффективной, как их собственная, их курс был бы безрассудным. С другой стороны, если учесть относительную силу обеих армий, становится ясно, что смелый ход Корнуоллиса должен был не просто принести победу на поле боя. Он должен был уничтожить американскую армию, если бы его самые худшие последствия не были предотвращены оперативностью Вашингтона, поддержанной упорной храбростью Салливана и мастерским ведением отступления на Дилворт Гринном. В результате американские солдаты вышли из сражения в полном порядке. Ничто не может быть более абсурдным, чем часто повторяемое небрежное утверждение, что американцы были «разгромлены» при Брэндивайн. Их организация была сохранена, и на следующий день в Честере они были готовы к бою как никогда. Они заставили врага заплатить высокую цену за победу. Американские потери составили чуть более 1000 человек, в основном в ходе отважной борьбы Салливана; списки, захваченные позже в Джермантауне, показали, что потери британцев значительно превышали эту цифру.

Умение Вашингтона задержать врага Что касается владения Филадельфией, то победа британцев была решающей. Когда на следующее утро пришла весть о том, что армия отступила в Честер, в «столице мятежников» царил большое смятение. Некоторые робкие люди покинули свои дома и укрылись в горах. Конгресс бежал в Ланкастер, сначала наделив Вашингтона на шестьдесят дней теми же чрезвычайными полномочиями, которые были предоставлены ему годом ранее. Однако не было необходимости в неуместной спешке, поскольку Вашингтон задержал победоносного врага на две недели на марше длиной всего двадцать шесть миль; это было достижение, которое не смог бы совершить даже Наполеон с армией, только что потерпевшей «разгром». Он уже слышал о победе Старка и бегстве Сент-Леджера, и его письма показывают, насколько ясно он предвидел неизбежную судьбу

Бергойна, при условии, что Хоу будет держаться подальше от него. Крайне важно было как можно дольше удерживать все силы Хоу в районе Филадельфии (). Британцы входят в Филадельфию. 26 сентября. Соответственно, в течение двух недель после битвы при Брэндивайн каждый день происходили маневры или стычки, в одной из которых генерал Уэйн был разгромлен сэром Чарльзом Греем, потеряв триста человек. 26-го числа, пока Хоу устанавливал свой штаб в Джермантауне, Корнуоллис торжественно вступил в Филадельфию, маршируя с музыкальными оркестрами и развевающимися флагами, а все войска были одеты в свои лучшие алые мундиры.

Значение фортов Мерсер и Миффлин. Захватив «столицу мятежников», теперь возник вопрос, будет ли возможно удержать ее в течение зимы. Река Делавэр ниже города была тщательно заблокирована *заграждениями*, которые охранялись двумя крепкими фортами — фортом Миффлин на острове посреди реки и фортом Мерсер на берегу Джерси. Ширина реки в этом месте составляла около двух миль, но корабли не могли пройти, пока форты не были взяты. Примерно первого октября, после тяжелого обратного плавания длиной в четыреста миль, флот лорда Хоу появился в устье Делавэра. Было абсолютно необходимо получить контроль над рекой, чтобы город мог получать припасы по морю; пока армия Вашингтона оставалась неразбитой, американцы могли перекрыть все поставки по суше. Поэтому сэр Уильям Хоу перебросил часть своих сил через реку, чтобы помочь своему брату в захвате фортов. Вашингтон, обладавший быстрым умом, увидел возможность атаковать основную британскую армию, которая была временно ослаблена, и немедленно спланировал блестящую битву, которая, однако, была обречена на поражение из-за необычного стечения обстоятельств.

Ситуация в Джермантауне. Деревня Джермантаун, расположенная на берегу реки Скулкилл, была тогда отделена от Филадельфии примерно шестью милями открытой местности. Деревня состояла в основном из одной улицы длиной около двух миль, по обеим сторонам которой стояли каменные дома, расположенные на расстоянии около ста ярдов друг от друга и окруженные садами и огородами. Ближе к верхнему концу улицы, среди декоративных кустарников, ваз и статуй, расположенных в французском стиле ландшафтного дизайна, стоял массивный дом Бенджамина Чу, бывшего главного судьи Пенсильвании. Примерно в миле ниже, у рынка, главная улица пересекалась под прямым углом с Олд-Скул-Лейн. Помимо главной улицы, проходящей через Честнат-Хилл, к деревне с севера вели три дороги. Дорога Monatawny шла по берегу реки Schuylkill и, пересекая Old School Lane, вела к Филадельфии. Дорога Limekiln, идущая с северо-востока, соединялась с Old School Lane. Дорога Old York, еще дальше на восток, соединялась с главной улицей у таверны Rising Sun, примерно в двух милях ниже Market House.

Британская армия расположилась лагерем сразу за Old School Lane, в нижней части деревни: левое крыло под командованием Кныпхаузена — к западу от главной улицы, правое — под командованием Гранта — к востоку. Сильный отряд *егерей* под командованием сэра Чарльза Грея прикрывал левое крыло. Примерно в миле впереди армии полк полковника Масгрейва расположился в поле напротив дома судьи Чу, а еще на милю дальше батальон легкой пехоты был размещен на небольшом возвышении, известном как Маунт Эйри, где небольшая батарея контролировала дорогу на север.

Смелый план Вашингтона. План атаки Вашингтона, по-видимому, предполагал не что иное, как уничтожение или захват британской армии. Его войска должны были продвигаться с севера сразу по всем четырем дорогам и сходиться на британцах у Маркет-Хауса. Правое крыло американцев под командованием Салливана, состоявшее из бригады самого Салливана, а также бригад Конвея, Уэйна, Максвелла и Нэша, должно было пройти по главной улице, подавить передовые отряды британцев и вступить в бой с их левым

флангом, в то время как Армстронг с ополчением Пенсильвании должен был продвигаться по дороге Монатауни и атаковать тот же фланг сбоку. Американское левое крыло под командованием Грина также должно было продвигаться двумя колоннами. Грин со своей бригадой, при поддержке Стивена и Макдугала, должен был пройти по дороге Лимекилл и атаковать правое крыло британцев спереди и с фланга, а Смоллвуд и Форман, идущие по дороге Олд-Йорк, должны были атаковать то же крыло с тыла. Фланговая атака на левое крыло британцев, порученная ополчению, была задумана лишь как демонстрация силы. Атака на правое крыло, проводимая более чем половиной американской армии, включая ее лучшие войска, была направлена на то, чтобы разгромить это крыло, отбросить всю британскую армию к реке Скулкилл и заставить ее сдаться.

ДОМ СУДЬИ ЧЮ В ГЕРМАНТАУНЕ

Битва при Джермантауне, 4 октября Учитывая, что американцы даже не имели численного превосходства, это был весьма смелый план. Невозможно привести лучший пример того духа дикой и рискованной смелости, который был столь же заметным в Вашингтоне, как и его осторожная бдительность, когда возникала подходящая возможность проявить его. План удивительно близок был к успеху; настолько близок, что его нельзя было назвать безрассудным и что он показал, что здесь, как и во всех военных действиях Вашингтона, хладнокровное суждение сопровождалось горячей смелостью. В семь часов вечера 3 октября начался ночной марш на Джермантаун, Вашингтон сопровождал колонну Салливана. На рассвете поднялся густой туман, и тьма становилась все гуще. Вскоре после рассвета легкая пехота на горе Эйри была застигнута врасплох и разгромлена, а батарея была захвачена. Следующим был разгромлен Масгрейв тяжелой американской колонной, но он с небольшим отрядом укрылся в доме судьи Чу () и открыл огонь из окон. Американцы открыли артиллерийский огонь по дому, но его каменные стены были слишком прочными, чтобы их можно было сбить трехфунтовыми и шестифунтовыми полевыми орудиями того времени; поэтому бригада Максвелла осталась осаждать дом, а остальная часть колонны устремилась

вниз по улице. Главным результатом этого инцидента было предупреждение врага, а также замедление и некоторое ослабление американской атаки. Тем не менее, ярость атаки была такова, что она вывела из равновесия ветеранов Кныпхаузена, и левое крыло британцев постепенно уступило Салливану. В этот момент Грин, который также был задержан, атаковал правое крыло с такой силой, что вскоре заставил его отступить к рынку. Британские ряды впадали в замешательство, и колонна Смоллвуда уже прибыла на их правый фланг, когда произошел несчастный случай, изменивший ход сражения. С самого начала густой туман был источником замешательства для обеих армий и серьезно мешал сплоченности американского наступления. Теперь, когда бригада Стивена, находившаяся справа от колонны Грина, вошла в деревню, интенсивная стрельба у дома судьи Чу, по-видимому, заставила его все больше отклоняться на запад, полагая, что там идет самая ожесточенная часть сражения. В то же время Уэйн, оттесняя врага, несколько отклонился на восток, так что его бригада оказалась почти прямо на пути продвижения Стивена. В этом положении он подвергся нападению Стивена, который принял его за врага. Эта достойная сожаления ошибка мгновенно разрушила сражение. Люди Уэйна, подвергшиеся яростному нападению с тыла и пытавшиеся выбраться из него, были отброшены на левый фланг бригады Салливана, и в армии внезапно поднялась паника. Смятение усиливалось, пока не началось общее отступление, и Грей, который подоспел на помощь разваливающемуся правому флангу британцев, теперь мог возглавить преследование американцев. К нему присоединился Корнуоллис, который вскочил с постели в Филадельфии при первом звуке пушек и привел с собой два батальона в ускоренном темпе (). Но паника улеглась почти сразу же, как только был упущен золотой момент победы, и отступление прошло в отличном порядке. Один полк в колонне Грина был окружен и захвачен, но армия увезла все свои пушки и раненых, а также несколько пушек, взятых у врага. Потери американцев в убитых и раненых составили 673 человека, а потери британцев — 535.

ДОМ В ГЕРМАНТАУНЕ, ЗАНЯТЫЙ БРИТАНЦАМИ

Туман, окутавший деревню Джермантаун в то памятное утро, вызвал не меньшую путаницу у историков, чем у воюющих армий. Отчеты разных наблюдателей расходятся во многих деталях, особенно в том, что касается непосредственной причины роковой паники.

Однако лучшие описания сходятся в том, что главной причиной катастрофы было столкновение Стивена () с Уэйном. Стивен был обвинен в том, что он слишком много пил из своей фляги во время долгого марша в сырую ночь, и был отдан под трибунал и уволен со службы. Разочарование американцев от потери почти достигнутой победы было глубоким. Полное разгрома Хоу, произошедшее одновременно с капитуляцией Бергойна, вероятно, было бы слишком тяжелым ударом для министерства лорда Норта и могло бы привести к внезапному окончанию войны. В действительности британцы чрезмерно утешились захватом Филадельфии, хотя, пока армия Вашингтона оставалась непоколебимой, она имела для них небольшую военную ценность. С другой стороны, гениальность и смелость, проявленные Вашингтоном, который спланировал и почти осуществил разгром британской армии всего через три недели после поражения при Брэндивайн, произвели глубокое впечатление на военных критиков в Европе. Фридрих Прусский понял, что в ближайшем будущем, когда американские солдаты станут дисциплинированными ветеранами, они превратятся в грозное орудие в руках своего великого полководца; а французский двор, придя к выводу, что американцы окажутся эффективными союзниками, как говорят, был под влиянием битвы при Джермантауне почти в той же степени, что и капитуляции Бергойна.

ДОМ УИТХОЛЛ В ФОРТЕ МЕРСЕР, ГДЕ УМЕР ДОНОП

Хау захватывает форты Мерсер и Миффлин. Избежав таким образом катастрофы, которую ему уготовил Вашингтон, британский командующий теперь мог приложить все усилия для захвата фортов на Делавэре. Его максимальные усилия были необходимы, поскольку в первом нападении на форт Мерсер 22 октября гессенцы потерпели полное поражение, потеряв графа Донопа и 400 человек (), в то время как американцы потеряли только 37 человек. Но после месяца упорной работы, с помощью 6000 дополнительных солдат, присланных из Нью-Йорка Клинтоном, оба форта были взяты, и контроль над Делавэром был отнят у американцев. Последовал еще один месяц маневров и стычек, а затем Вашингтон перевел свою армию в зимние квартиры в Вэлли-Фордж. События, сопровождавшие его пребывание в этой естественной крепости, относятся к более позднему периоду войны. Теперь мы должны вернуться к верховьям Гудзона и показать, как весь этот период, который можно наиболее точно охарактеризовать как борьбу за контроль над

великим центральным штатом Нью-Йорк, завершился полной и сокрушительной победой американцев.

Бургойн признает роковую ошибку Джермейна Мы видели, как Хоуу стало невозможно выполнить приказ лорда Джорджа Джермейна, полученный в августе в Чесапикском заливе, и вернуться к Гудзону вовремя, чтобы быть полезным Бургойну. Мы также видели, насколько критической была ситуация, в которой оказался северный генерал после уничтожения Баума и Сент-Леджера и скопления новоанглийского мелкого дворянства в его тылу. Бургойн теперь полностью признавал ужасную ошибку министерства, которое полагало, что сопротивление американцев было вызвано интригами нескольких хитрых демагогов и что народ будет приветствовать приближение королевских войск как освободителей. «Большая часть страны, — сказал он, — несомненно, поддерживает Конгресс в своих принципах и устремлениях, а его меры осуществляются с беспрецедентной секретностью и оперативностью... В частности, Хэмпшир Грантс, страна, которая была малонаселенной и почти неизвестной во время последней войны, теперь изобилует самыми активными и самыми мятежными людьми на континенте и висит над моим левым флангом, как надвигающаяся буря». Ситуация действительно стала настолько тревожной, что трудно сказать, что должен был сделать Бергойн. Отступление к Тикондероге было бы сопряжено с опасностью, а переход через Гудзон и наступление на Олбани было бы похоже на поступок Кортеса, когда он затопил свои корабли. Но Бергойн был человеком рыцарского характера. Он не считал правильным или разумным бросать сэра Уильяма Хоу, который, как он по-прежнему полагал, должен был подняться по реке, чтобы встретиться с ним. В письме лорду Джорджу Джермейну, написанном через три дня после капитуляции, он говорит: «Трудность отступления в Канаду была явно предвидима, как и дилемма, в случае осуществления отступления, оставить на свободе такую армию, как армия генерала Гейтса, чтобы она могла действовать против сэра Уильяма Хоу. Это соображение сильно повлияло на мое решение дольше возможно выжидать развития событий, и я рассуждал так: экспедиция, которой я командовал, с самого начала явно была обречена на *риск*; обстоятельства могли потребовать, чтобы она была *посвящена* этому».

Тем не менее он пересекает Гудзон Под влиянием этих взглядов, которые поддерживали все его генералы, кроме Ридезеля, Бергойн перебросил по Гудзону мост из лодок и 13 сентября переправил через реку всю армию. Американцы заняли сильную позицию на Бемис-Хайтс, где Костюшко умело укрепил их лагерь батареями и редутами. Бергойн чувствовал, что настало время отчаянных боев, и ему казалось, что американскую позицию можно обойти и захватить, атаковав ее левый фланг. Утром 19-го он продвинулся через лес с центром своей армии к месту, где дорога Квакеров пересекала Бемис-Хайтс. Правое крыло под командованием Фрейзера продвигалось к той же точке несколько более окольным путем. План состоял в том, чтобы они объединили силы и нанесли удар по тылу американского лагеря, в то время как Ридезель и Филлипс с левым крылом и артиллерией, маршируя по дороге вдоль реки, должны были атаковать его с фронта. Первое сражение у фермы Фримана, 19 сентября безрезультатное. Три тяжелых орудия, сообщавшие левому крылу о соединении Бургойна и Фрейзера, должны были дать сигнал к общему наступлению. Американские разведчики, скрывавшиеся среди верхних ветвей высоких деревьев, растущих на крутых склонах холмов, вскоре заметили яркие алые вспышки, мелькающие в зеленой глубине леса, а длинные лучи солнца, пробивавшиеся сквозь листву, отражали быстрые вспышки тысячи штыков (). К полудню маршрут британского марша и их план атаки были полностью

расшифрованы, и эта информация была передана Арнольду, который командовал левым флангом американской армии. Гейтс, по-видимому, не хотел, чтобы какие-либо силы покидали свои укрепленные позиции, но горячий Арнольд настаивал и умолял, пока не получил разрешение взять стрелков Моргана и пехоту Дирборна и выйти на атаку противника. Отряд Арнольда под командованием Моргана сначала наткнулся на передовые части Бергойна у фермы Фримана и остановил их продвижение. Услышав стрельбу, Фрейзер повернул на восток, чтобы прийти на помощь, а Арнольд, двигаясь по левому флангу Фрейзера (), пытался отрезать его от Бергойна. Казалось, что он одерживает победу, но в этот момент его атаковал с фланга Ридезель, который поспешил с речной дороги. Арнольд уже послал к Гейтсу просьбу о подкреплении, но получил отказ. Арнольд утверждал, что это была грубая ошибка со стороны командующего генерала и что с дополнительными 2000 солдатами он мог бы легко разгромить центр британских войск и нанести поражение их армии. В этом мнении он, вероятно, был прав, поскольку даже в сложившейся ситуации он удержал свои позиции в отчаянном бою в течение двух часов, пока темнота не положила конец сражению. Потери с каждой стороны оцениваются по-разному: от 600 до 1000 человек, или от одной пятой до одной четверти участвовавших в сражении войск, что свидетельствует о жестоких боях. Под командованием Арнольда находилось около 3000 человек, и в течение дня он сражался с по крайней мере 4000 солдат армии Бергойна; однако все это время около 11 000 американцев — то есть большая часть армии — бездействовали на высотах Бемис из-за некомпетентности Гейтса. Бергойн пытался утешить себя мыслью, что он одержал победу, потому что его армия ночевала в тот вечер на ферме Фримана; но в своем показании, данном впоследствии перед Палатой общин, он справедливо утверждал, что его план наступления был полностью сорван смелой и умелой тактикой «мистера» Арнольда.

Государь

В донесениях, которые он теперь посылал в Конгресс, Гейтс присвоил себе всю заслугу за это дело и даже не упомянул имя Арнольда. Однако армия громко хвалила сражавшегося генерала, пока Гейтс, который никогда не мог терпеть, когда кто-то, кроме него самого, получал похвалу, не разгневался и не стал мстить. Кроме того, Арнольд открыто упрекал Гейтса за то, что тот не поддержал его и отказался возобновить сражение на следующее утро, пока враг еще был в замешательстве. Теплая дружба Арнольда со Скайлером еще больше обидела командующего, и через три дня после сражения он попытался отомстить, отозвав стрелков Моргана и легкую пехоту Дирборна из дивизии Арнольда. Завязалась ожесточенная ссора, в ходе которой Гейтс сказал Арнольду, что как только прибудет Линкольн, он больше не будет нуждаться в его услугах, и тот может вернуться в лагерь Вашингтона, когда захочет. Арнольд, в ярости, сказал, что уйдет, и попросил пропуск, который его враг незамедлительно ему выдал; но, получив его, передумал уходить. Все генералы, кроме Линкольна, который, по-видимому, воздержался от этого, не желая обидеть командира, столь высоко стоящего в милости Массачусетса, как Гейтс, объединились и подписали письмо, в котором умоляли Арнольда остаться. Он был послан сюда Вашингтоном для помощи северной армии, и было бы явно неправильно покидать ее сейчас, накануне решающей битвы. Итак, гордый, пламенный солдат, страдающий от

накопившихся обид, вновь решил проглотить оскорбление и дожидаться случая проявить себя. Он остался в своих казармах, ожидая дня сражения, хотя было неясно, насколько он имел право в данных обстоятельствах осуществлять командование, а Гейтс обращал на него не больше внимания, чем на собаку.

Бургойн лишился снабжения В течение восемнадцати дней ничего не предпринималось. Незадолго до переправы северной армии через Гудзон сэр Генри Клинтон, действуя «в соответствии с обстоятельствами», запланировал экспедицию вверх по реке для оказания ей помощи; и Бургойн, узнав об этом на следующий день после сражения у Фриманс-Фарм, счел лучшим подождать некоторое время, прежде чем предпринимать новый штурм американских позиций. Но ситуация быстро развивалась так, что ждать было нельзя. 21-го в британский лагерь пришла весть, что отряд войск Линкольна осадил Тикондерогу и, удерживая гарнизон, захватил несколько кораблей и взял в плен 300 человек. Через день или два пришла весть о том, что эти жители Новой Англии вышли на озеро Джордж на захваченных кораблях и перерезали последние пути снабжения. И теперь, когда даже при самых скудных пайках продовольствия хватало армии едва на три недели, перед ней появились основные силы Линкольна, увеличив численность американской армии до более чем 16 000 человек. Ситуация стала столь же безнадёжной, как и у афинян в Сиракузах перед их последней ужасной битвой в гавани. Итак, после восемнадцати изнурительных дней, не получив никаких известий от Клинтона, доблестный Бургойн предпринял отчаянную попытку прорвать линии армии, которая теперь превосходила его численностью более чем три к одному.

Sim. Fraser

Вторая битва у Фриманс-Фарм, 7 октября; полное поражение британцев от Арнольда Утром 7 октября, оставив остальную часть своей армии в лагере, Бергойн выдвинулся с 1500 отборными солдатами, чтобы обойти американский левый фланг. Несмотря на небольшую численность, эти войска были превосходны по качеству, и в их составе были лучшие командиры — Филлипс, Ридезель, Фрейзер, Балкаррас и Акленд. Такие компактные силы под умелым руководством могли быстро маневрировать. Если, прощупав позиции американцев на левом фланге, они сочтут их слишком сильными, чтобы их прорвать, они могут быстро отступить. В любом случае, это движение прикроет бы отряд, который Бергойн послал на поиски продовольствия, — а это было не мало. Кроме того, по сообщениям, Арнольд, боевой генерал, не имел командования, а Гейтс был известен как ленивец. Такие мысли, возможно, повлияли на поведение британского командующего в это критическое утро. Но план был быстро сорван. Когда британцы подошли, их правый фланг внезапно атаковал Морган, а регулярные войска Новой Англии с 3000 ополченцев из Нью-Йорка атаковали их с фронта. После короткого, ожесточенного боя против превосходящих сил противника вся их линия была прорвана, и Фрейзер попытался сформировать вторую линию чуть дальше, на западной границе фермы Фримана, хотя ряды были сильно расстроены, а все их пушки были потеряны. В этот момент Арнольд, наблюдавший за происходящим с высоты, понял, что хорошо направленный удар может не только уничтожить эту отступающую колонну, но и разгромить всю британскую армию. Быстро, как мысль, он вскочил на лошадь и помчался к

месту действия. Его встретили оглушительные крики «ура», и солдаты, прыгая от радости при виде своего любимого командира, бросились на полусформированную линию Фрейзера. В тот же момент, пока Морган продолжал давить на правый фланг британцев, один из его снайперов застрелил генерала Фрейзера, который упал, смертельно раненный, как раз в тот момент, когда Арнольд с безумной яростью атаковал его линию. Британцы, подвергшиеся таким образом нападению с фронта и с фланга, вскоре были вытеснены с поля боя. Затем Арнольд атаковал лорда Балкарраса, который отступил за укрепления к северу от фермы Фримана, но, обнаружив, что сопротивление здесь слишком сильное, он прорвался мимо и атаковал канадских вспомогательных войск, которые занимали позицию к северу от Балкарраса и прикрывали левое крыло войск Бреймана на крайнем правом фланге британского лагеря. Канадцы вскоре бежали, оставив Бреймана без прикрытия, и Арнольд немедленно бросился на Бреймана слева, в то время как Морган, продливший свой фланговый марш, атаковал его справа. Брейман был убит, а его войска разгромлены; правое крыло британцев было сокрушено, а вся их позиция взята в тыл и стала несостоятельной. В этот момент раненый немецкий солдат, лежавший на земле, прицелился в Арнольда и убил его лошадь, а пуля прошла через левую ногу генерала, которая была ранена в Квебеке, и сломала кость чуть выше колена. Когда Арнольд упал, один из его солдат бросился на штыке на раненого солдата, который в него стрелял, но генерал, лежа на земле, крикнул: «Ради Бога, не трогайте его, он хороший парень!» Бедный немец был спасен, и это был час, когда Бенедикт Арнольд должен был умереть. Его падение и наступающие сумерки остановили ход сражения, но победа американцев была полной и решающей. Бургойну не оставалось ничего другого, как как можно быстрее убрать остатки своей армии с поля боя, и на следующий день он так и поступил, медленно отступая к Саратогге, в ходе чего его солдаты сожгли роскошный загородный дом генерала Шуйлера с его амбарами и зернохранилищами.

Когда британцы отступали, генерал Гейтс неуклонно приближался к ним со своими подавляющими силами, которые теперь насчитывали 20 000 человек. Гейтс — и это нужно отдать ему должное — знал, как действовать после победы, хотя во время боя он был генералом с сидячим образом жизни. Когда Арнольд в критический момент бросился вперед, чтобы завершить победу в Саратогге, Гейтс послал майора Армстронга, чтобы остановить его. «Верни этого парня, — сказал Гейтс, — или он сделает что-нибудь опрометчивое!» Но рьяный Арнольд опередил гонца и вернулся только тогда, когда его нога была сломана, а победа одержана. Тем временем Гейтс сидел в своем штабе, забыв о бушующей внизу битве, и обсуждал достоинства Американской революции с раненым британским офицером сэром Фрэнсисом Клерком (), которого принесли и уложили умирать на кровать командующего. Потеряв терпение в ходе дискуссии, Гейтс вызвал своего адъютанта Уилкинсона из комнаты и спросил его: «Ты когда-нибудь слышал такого наглого сукиного сына?» И это, похоже, было все, что командующий генерал внес в триумфальную победу при Саратогге.

*Имя
Анжелики Уинстон де Ридель
снсе де Масфре*

Британская армия окружена Когда Бергойн достиг места, где он пересек Гудзон, он обнаружил, что 3000 американцев с несколькими батареями пушек занимают холмы на другом берегу, так что теперь переход был невозможен. Военный совет решил оставить всю артиллерию и багаж, пройти ночью через лес и переправиться выше, у форта Эдвард, где большая река становится переходимой. Но едва был разработан этот план, как пришла весть, что американцы охраняют все броды, а также разместили отряды в укрепленной позиции к северу, между фортом Эдвард и фортом Джордж. Короче говоря, британская армия была окружена. С востока и юга по ней открыли ожесточенный артиллерийский огонь, а сзади снайперы Моргана вели убойный огонь. Некоторых женщин и раненых отвели в безопасное место — в большой дом по соседству, где они укрылись в подвале. Баронесса Ридель рассказывает, как она провела там шесть мрачных дней и ночей, прижавшись в углу у двери, с тремя маленькими детьми, прижавшимися к ней, в то время как то и дело с ужасным грохотом тяжелые пушечные ядра пролетали над головой. Погреб был переполнен калек и умирающими людьми. Но еды было мало, и страдания от жажды были ужасными. До реки было всего несколько шагов, но каждый, кто отваживался выйти с ведром, был застрелен вирджинскими стрелками, которые никогда не промахивались. Наконец, храбрая жена британского солдата вызвалась пойти, и так вода доставлялась снова и снова, потому что американцы не стреляли в женщину.

Клинтон поднимается по Гудзону, но уже слишком поздно И теперь, когда последний луч надежды Бергойна угасал, а ветеран Филлипс заявлял, что его разбивает сердце от страданий, которые он не может облегчить, где был сэр Генри Клинтон? Он не считал разумным покидать Нью-Йорк до прибытия 3000 солдат, которых он ждал из Англии. Эти люди прибыли 29 сентября, но прошло еще шесть дней, прежде чем сэр Генри доставил их вверх по реке и высадил возле штаба Путнэма в Пикскилле. В ходе трехдневной кампании он перехитрил этого генерала, взял два форта после упорного сопротивления () и заставил американцев покинуть остальные; таким образом, он открыл реку, чтобы британские корабли могли

подняться до Олбани. 8 октября сэр Генри написал Бургойну из форта Монтгомери: «*Nous y voicî*, и между нами и Гейтсом больше ничего нет. Я искренне надеюсь, что этот наш небольшой успех () облегчит ваши операции». Эта депеша была написана на клочке очень тонкой бумаги и помещена в овальную серебряную пулю, которая открывалась с помощью крошечного винтика посередине. Затем сэр Генри послал генерала Вогана с несколькими фрегатами и большей частью своих войск, чтобы они поспешили в Олбани. На следующий день, проплывая по реке, они не смогли устоять перед соблазном высадиться на берег и поджечь красивую деревню Кингстон, которая в то время была резиденцией законодательного собрания штата. Джордж Клинтон, губернатор штата, только что отступивший после умелой обороны захваченных фортов, поспешил защитить деревню, но прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть ее в огне от одного конца до другого. В этот момент посланник сэра Генри, прячась у дороги, был пойман и доставлен к губернатору. Его видели, как он что-то проглотил, поэтому ему дали рвотное средство и получили серебряную пулю. Депеша была прочитана; ее носитель был повешен на яблоне; а Бергойн, устав ждать новостей, которые так и не пришли, наконец послал генералу Гейтсу белый флаг, спрашивая, на каких условиях будет принята капитуляция.

Бургойн сдается, 17 октября Гейтс сначала потребовал безоговорочной капитуляции, но после возмущенного отказа Бургойна согласился на условия, и, без сомнения, тем более охотно, что знал о том, что только что произошло в Хайленде, хотя его противник об этом не знал. После трех дней обсуждений условия капитуляции были согласованы. Как раз когда Бергойн собирался подписать статьи, в лагерь пришел тори с слухами о том, что часть армии Клинтона приближается к Олбани. Британские офицеры вновь тревожно обсудили этот вопрос, и завязалась интересная дискуссия о том, дали ли они уже такое обещание о капитуляции, что не могут отступить, сохранив честь. Большинство членов совета решило, что их верность была безоговорочно подтверждена, и Бергойн подчинился этому мнению, хотя и не разделял его, поскольку не был уверен, что слухи о продвижении Клинтона могут теперь спасти его в любом случае. В этом он, несомненно, был прав (). Американская армия, ежедневно пополняемая ополченцами, теперь насчитывала более 20 000 человек, и вооруженные йомены по-прежнему прибывали сотнями. Отвлекающий маневр, угрожаемый менее чем 3000 человек, которые все еще находились на расстоянии более пятидесяти миль, вряд ли мог предотвратить гибель британской армии. Единственным результатом, который он произвел, было, пожалуй, воздействие на робкого Гейтса и побуждение его предложить легкие условия, чтобы ускорить капитуляцию. Соответственно, 17 октября статьи были подписаны, обменены и введены в действие. Было решено, что британская армия покинет лагерь с военными почестями и сложит оружие в назначенном месте; затем она пройдет через Массачусетс в Бостон, откуда сможет отплыть в Европу, при этом было решено, что никто из них не будет служить в Америке во время войны; все офицеры могут оставить себе личное оружие, а личные вещи никого не будут обыскивать и трогать. По настоятельной просьбе Бергойна американский генерал согласился, чтобы эти действия были названы «конвенцией», а не капитуляцией, по образцу знаменитой Конвенции Клостер-Севена, с помощью которой герцог Камберлендский двадцатью годами ранее пытался спасти свои чувства, потеряв свою армию, осажденную французами в Ганновере. Эта успокаивающая фраза хорошо запомнилась британским историкам, которые до сих пор продолжают говорить о капитуляции Бергойна как о «Конвенции Саратоги».

Выполняя условия конвенции, и Гейтс, и его солдаты проявили похвальное тактичность. Когда британцы вышли на луг у реки и сложили оружие, американцы остались в своих рядах, отказавшись усугублять унижение доблестного врага, стоя и наблюдая за происходящим. Когда разоруженные солдаты прошли мимо американских линий, лейтенант Анбери, один из пленных офицеров, сказал: «Я не заметил ни малейшего неуважения или

даже насмешливого взгляда, но все были ошеломлены и испытывали сострадание» (). Бургойн подошел и передал свой меч Гейтсу (), просто сказав: «Судьба войны, генерал Гейтс, сделала меня вашим пленником» (The fortune of war, General Gates, has made me your prisoner). Американский генерал немедленно вернул меч, ответив: «Я всегда буду готов засвидетельствовать, что это произошло не по вине Вашего Превосходительства». Когда барон Ридезель был представлен Гейтсу и другим генералам, он послал за своей женой и детьми. Наконец освобожденная из ужасного подвала, баронесса с некоторым трепетом вошла в лагерь врага, но единственное, что она увидела на лицах окружающих, было сочувствие. «Когда я подошла к палаткам, — рассказывает она, — ко мне подошел благородный джентльмен, вынул детей из повозки, обнял и поцеловал их, а затем, со слезами на глазах, помог выйти и мне... Затем он сказал: «Возможно, вам неудобно обедать в компании стольких джентльменов. Если вы пойдете со своими детьми в мою палатку, я предложу вам скромную трапезу, но зато одобренную добрыми пожеланиями». «О, сэр, — воскликнула я, — вы, должно быть, муж и отец, раз проявляете ко мне столько доброты!» Тогда я узнала, что это был генерал Шуйлер».

Великодушие Шуйлера Шуйлер действительно пришел с невозмутимой душой, чтобы посмотреть, как плоды, которые он посеял с доблестной помощью Старка и Херкимера, Арнольда и Моргана, собирает недостойный соперник. Теперь он встретил Бергойна, который, естественно, испытывал боль и смущение при воспоминании о прекрасном доме, который его люди сожгли несколькими днями ранее. В речи в Палате общин несколько месяцев спустя Бергойн рассказал, как Шуйлер принял его. «Я выразил генералу Шуйлеру, — говорит Бергойн, — свое сожаление по поводу случившегося и причин, которые к этому привели. Он попросил меня больше не думать об этом, сказав, что, согласно правилам войны, обстоятельства оправдывали это... Он сделал даже больше: он послал адъютанта, чтобы тот проводил меня в Олбани, чтобы, как он выразился, найти мне лучшее жилье, чем могло бы найти незнакомое лицо. Этот джентльмен проводил меня в очень элегантный дом и, к моему большому удивлению, представил меня миссис Шуйлер и ее семье; и в доме этого генерала я оставался на протяжении всего своего пребывания в Олбани, где для меня и моих друзей был накрыт стол на более чем двадцать человек и где мне оказывали всевозможные знаки гостеприимства». Мадам Ридезель также была приглашена остаться у Шуйлеров; и когда она впервые вошла в дом, одна из ее маленьких дочерей воскликнула: «О, мама! Это тот дворец, который папа должен был получить, когда приехал в Америку?» Поскольку Шуйлеры понимали немецкий, баронесса покраснела, но все весело рассмеялись и успокоили ее.

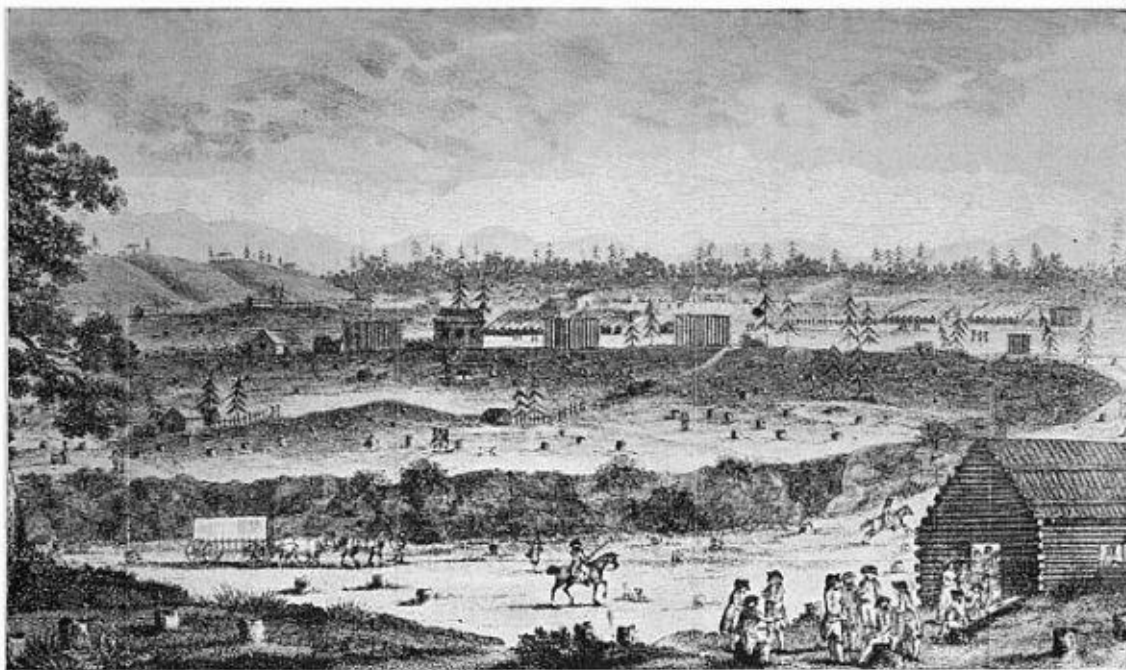
Недобросовестность Конгресса На фоне щедрости и деликатности, проявленных как генералами, так и солдатами, больно, но поучительно сравнивать грубость и недобросовестность, с которой Конгресс стал обращаться с пленными солдатами. Присутствие войск в Бостоне и его окрестностях воспринималось как тяжелое бремя, и командующий там генерал Хит написал Вашингтону, что если они останутся до наступления холодов, он не знает, где найти для них жилье и топливо. Вашингтон ответил, что они вряд ли останутся надолго, поскольку Хоуу явно было выгодно отправить их обратно в Англию как можно скорее, чтобы они могли заменить других солдат, которые будут отправлены в Америку для весенней кампании. Конгресс с энтузиазмом подхватил это предложение и использовал его совсем не так, как предполагал Вашингтон. Когда сэр Уильям Хоу предложил Ньюпорт в качестве пункта, откуда солдаты могли бы быстрее отправляться,

Вашингтон по веским и очевидным причинам настоял на том, чтобы не отступать от строгого буквы соглашения. Конгресс не только немедленно отклонил просьбу сэра Уильяма Хоу, но и без оснований и абсурдно обвинил британского генерала в недобросовестности. Было намекнуто, что он тайно намеревался перебросить войска в Нью-Йорк для немедленной службы, в нарушение конвенции, и Конгресс использовал это предполагаемое предательство как повод для действительно нечестных действий со своей стороны. Когда транспортные суда лорда Хоу прибыли в Бостон, было не только приказано не допускать войска на борт до тех пор, пока не будут урегулированы все счета за их проживание, но и потребовано, чтобы эти счета были погашены золотом. В инструкциях, данных генералу Вашингтону годом ранее, отказ кого-либо принимать континентальные бумажные деньги должен был рассматриваться как тяжкое правонарушение. Теперь Конгресс отказался принимать свои собственные деньги, которые обесценились до такой степени, что стоили едва ли тридцать центов за доллар. Пленная армия была снабжена продовольствием и топливом, которые были оплачены генералом Хит континентальными бумажными деньгами, и теперь Конгресс настаивал на том, чтобы генерал Бергойн вернул долг доллар за долларом в британском золоте, которое стоило в три раза больше.

Справедливости ради следует признать, что, по всей вероятности, делегаты не осознавали подлость такого поведения. Они, без сомнения, были введены в заблуждение одним из тех чудесных финансовых софизмов, которые так часто безнадежно сбивали с толку законодателей нашей страны. В забавном письме к Вашингтону честный генерал Хит наивно восклицает: «Какое мнение генерал Бергойн должен иметь об авторитете этих штатов, если он полагает, что его деньги будут приниматься по более высокому курсу, чем наши собственные, при публичных платежах! Такая оплата сразу же привела бы к обесцениванию нашей валюты». Вашингтон был серьезно раздражен и оскорблен этими причудами, тем более что в это самое время он пытался договориться с Хоу о заключении общего картеля об обмене пленными и знал, что попытка приравнять тридцать центов к доллару, как он сказал, «разрушит саму идею картеля».

Пока шли эти дискуссии, Конгресс, подобно злому королю из сказки, стремясь навязать условия, которые вряд ли могли быть выполнены, потребовал, чтобы генерал Бергойн составил подробный список всех офицеров и солдат своей армии (), чтобы в случае, если кто-либо из них впоследствии будет обнаружен служащим против Соединенных Штатов, они могли быть наказаны соответствующим образом. Поскольку в конвенции, на основании которой Бургойн сдался, не было такого положения, он, естественно, счел это требование оскорбительным и сначала отказался его выполнить. Впоследствии он уступил в этом вопросе, стремясь освободить своих солдат, но тем временем в письме к Гейтсу он неосторожно употребил выражение «общественное доверие нарушено [sic]», и эта фраза, дошедшая до ушей Конгресса, была немедленно использована в качестве предлога для полного отказа от конвенции. Было высказано мнение, что Бергойн обвинил Соединенные Штаты в недобросовестности, чтобы иметь оправдание для отказа от конвенции со своей стороны; и 8 января Конгресс соответственно постановил, «что посадка на корабли генерал-лейтенанта Бергойна и войск под его командованием должна быть приостановлена до тех пор, пока суд Великобритании не уведомит Конгресс о четкой и явной ратификации Саратогской конвенции». Поскольку британское правительство не могло дать требуемую ратификацию без неявного признания независимости Соединенных Штатов, дальнейшие шаги по этому вопросу не предпринимались, «общественная вера» была действительно нарушена, и плененная армия так и не была отправлена домой.

РАЗБИВКА ВОЙСК КОНВЕНЦИИ В ВИРДЖИНИИ

Поведение Конгресса было просто непростительным. В этом жалком деле Конгресс сознательно пожертвовал принципами ради политики. Он отказался под незначительными предложениями выполнить торжественное обязательство, которое было взято на себя его уполномоченным агентом, и сделал это просто из-за страха, что британская армия может косвенно получить возможное подкрепление. Его поведение не может быть оправдано ничем, кроме как тем, что оправдывает обстрел белых флагов. Его нельзя оправдать даже самыми низкими соображениями целесообразности, поскольку, как было правильно сказано, «для народа, борющегося за политическую жизнь, моральная поддержка, получаемая от сохранения чести и добросовестности, стоила дюжины материальных побед». Эта жертва принципов ради политики привела лишь к осуждению со стороны беспристрастных историков и затмила блеск великолепной победы, одержанной на поле боя благодаря доблести наших солдат и самоотверженности нашего народа. Это был один из многих примеров, показывающих, что при любой форме правления моральные устои правящего органа могут оказаться намного ниже высочайших моральных стандартов, признанных в обществе.

Что стало с плененной армией? Плененная армия так и не была отправлена домой. Офицеры были обращены как военнопленные и время от времени обменивались. Бургойну разрешили уехать в Англию весной, и, будучи все еще условно освобожденным, он занял место в парламенте и стал заметной фигурой среди защитников американского дела. Войска удерживались в окрестностях Бостона до осени 1778 года, когда все они были переведены в Шарлоттсвилль в Вирджинии. Здесь на склоне приятного холма была построена простая деревня, разбиты сады и посажены деревья. Большую помощь во всех этих работах оказал Томас Джефферсон, который тогда жил неподалеку, в своем поместье в Монтичелло, и делал все, что в его силах, чтобы обеспечить комфортные условия для солдат и офицеров. Два года спустя, когда Вирджиния стала ареной военных действий, часть из них была переведена в Винчестер в долине Шенандоа, в Фредерик в Мэриленде и в Ланкастер в Пенсильвании. Те, кто желал вернуться в Европу, были обменены или получили разрешение на побег. Большинство, особенно немцы, предпочли остаться в этой стране и стать американскими гражданами. До конца 1783 года они рассеялись по всем направлениям.

Таково было странное продолжение кампании, которая, будь то с точки зрения живописности ее событий или масштабности ее результатов, была одной из самых запоминающихся в истории человечества. Ее разнообразные сцены, обрамленные пейзажами величественной и волнующей красоты, собрали вместе такие типы мужественности, как пернатый вождь могавков, драгун из Брауншвейга в шлеме и йомен из Новой Англии в синей мундире — типы древнего варварства, средневековой воинственности () и промышленной демократии, которая должна владеть и контролировать будущее мира. Эти люди смешались в смертельной борьбе за стратегический центр атлантического побережья Северной Америки, и теперь сражение закончилось полным и сокрушительным поражением войск Георга III. Четыре года, действительно, четыре года мучительных страданий и отложенных надежд, должны были пройти, прежде чем можно было собрать плоды этой великой победы. Независимость Соединенных Штатов еще не была завоевана, но триумф в Саратогe положил начало цепочке событий, за которой неизбежно последовало завоевание независимости.

ТОМ II

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА VIII

ФРАНЦУЗСКИЙ СОЮЗ

СТРАНИЦА

Четыре периода Войны за независимость	1-3
Последствия Саратоги; смятение в Англии	4
Мнения различных партий	5
Политический кувырок лорда Норта	6
Странная сцена в Палате общин	7, 8
Договор между Францией и Соединенными Штатами (6 февраля 1778 г.)	8, 9
Великобритания объявляет войну Франции (13 марта)	10
Требование назначить лорда Чатема премьер-министром	11
Ярость короля	12
Что бы попытался сделать Чатем	13, 14
Смерть Чатема	14-16
Его необычайное величие	16
Лорд Норт остается у власти	20, 21
Его уполномоченные в Америке не достигают никаких результатов	22
Новый план Жермена по ведению войны	22, 23

ГЛАВА IX

ВАЛЛИ-ФОРД

Бедствие в Америке	24
Отсутствие организации	25
Досадное вмешательство Конгресса в дела армии	26
Страдания в Вэлли-Фордж	27
Продвижение офицеров по невоенным причинам	28
Абсурдные разговоры Джона Адамса	29
Гейтс возгордился успехом	30
И проявляет признаки неподчинения	31
	32, 33

Заговор Конвея

Попытки нанести вред Вашингтону	34, 35
Письмо Конвея Гейтсу	36
Письмо Гейтса Вашингтону	37
Ответ Вашингтона	38
Гейтс безуспешно пытается спасти себя, лгая	39
Но, как обычно, ему удается уйти от критики	40
Поддельные письма	40
План вторжения в Канаду	41
Ужин в Йорке и тост Лафайета	42
Нелепость плана	43
Падение заговора	43
Упадок Континентального конгресса	44, 45
Рост влияния Вашингтона	45, 46

ГЛАВА X

МОНМУТ И НЬЮПОРТ

Барон Фридрих фон Штойбен	47-49
---------------------------	-----------------------

Он прибывает в Америку и посещает Конгресс в Йорке	50
Его работа по обучению армии в Вэлли-Фордж	51
Его руководство по тактике	54
Сэр Уильям Хоу уходит в отставку	55
Мишианца	56
Британцы эвакуируют Филадельфию (18 июня 1778 г.)	56, 57
Арнольд принимает там командование	57
Чарльз Ли обменивается и возвращается к командованию в американской армии	58
Его причины для возвращения	58, 59
Вашингтон преследует британцев	60
Его план атаки	61
Битва при Монмуте (28 июня)	62-65
Позорное отступление Ли	62
Вашингтон спасает ситуацию	63
Битва закончилась вничью	65
Письмо Вашингтона Ли	66
Суд и приговор Ли	67, 68
Характер и планы Ли	68-70
Изгнание Ли из армии; его смерть	71
Ситуация в Нью-Йорке	72
Французский флот не может войти в гавань	73
Генерал Прескотт в Ньюпорте	74
Попытка захватить британский гарнизон в Ньюпорте	75
Салливан захватывает Баттс-Хилл	76
	77
Морское сражение сорвано штормом	
Эстен отправляется в Бостон для переоборудования своих кораблей	77, 78
Йомены возвращаются домой в знак протеста	78
Битва при Баттс-Хилл (29 августа)	79
Предприятие прекращено	79
Непопулярность французского союза	80
Застой войны в северных штатах	81, 82
ГЛАВА XI	
ВОЙНА НА ПРЕДЕЛАХ	
Джозеф Брант, или Тайенданегеа, миссионер и военачальник	83-86
Тори западного Нью-Йорка	87, 88
Долина Вайоминга и ее поселенцы из Коннектикута	89, 90
Резня в Вайоминге (3 июля 1778 г.)	91, 92
Резня в Черри-Вэлли (10 ноября)	93, 94
Экспедиция Салливана против ирокезов	94
Битва при Ньютауне (29 августа 1779 г.)	95
Разрушение страны ирокезов	96
Царство террора в долине Мохок	97
Дикая местность за Аллеганами	99
Соперничество между Пенсильванией и Вирджинией за владение форта Питт	100
Война лорда Данмора (1774)	100-104
Логан и Кресап	102, 103

Битва при Пойнт-Плезант (10 октября 1774) и ее последствия	104
Поселение Кентукки	105
И восточной части Теннесси	106
Разгром чероки на Батауге и его последствия	106-108
Джордж Роджерс Кларк	108
Его завоевание северо-западной территории (1778)	109
Захват Винсеннеса (23 февраля 1779 г.)	110
Заселение средней части Теннесси	111
Значение завоевания Кларка	112
Набеги Трайона на побережье Коннектикута	113
Сэр Генри Клинтон захватывает крепость в Стони-Пойнт (31 мая 1779 г.)	114
Уэйн отбивает Стони-Пойнт штурмом (16 июля)	115, 116
Эвакуация Стони-Пойнта	117
Заметка о сравнительной гуманности американцев и британцев в войне за независимость	116
	119

Подвиг Генри Ли в Паулус-Хук (18 августа)

ГЛАВА XII

ВОЙНА НА ОКЕАНЕ

Важность контроля над водными путями	121
Слабые действия Конгресса	122, 123
Американские и британские крейсера	124, 125
Ламберт Уикс и Густав Конингем	126
Джон Пол Джонс	126
Надзор Франклина за морскими делами	127
Эскадра Джонса	128, 129
Его плавание у берегов Великобритании	130
Он встречает британский флот у Фламборо-Хед	130, 131
Грозная битва между «Сераписом» и «Бон Ом Ричардом» (23 сентября 1779 г.)	132
Последствия победы Джонса	135
Почему Дания и Россия были заинтересованы в этом	136
Отношения Испании с Францией и Англией	138
Интриги Испании	139, 140
Договор между Испанией и Францией (апрель 1779 г.)	141
Французский и испанский флоты пытаются вторгнуться в Англию (август 1779 г.)	142
Сэр Джордж Родни	143, 144
Права нейтральных стран на море	144-157
Консолато дель Маре	145, 146
Поведение Англии в XVIII веке	147
Прусская доктрина о том, что свободные корабли производят свободные товары	148
Влияние французских философов	148, 149
Великобритания стремится заключить союз с Россией	149
Важность Менорки	150
Франция принимает прусскую доктрину	151, 152

Дело Филдинга и Байланда	153
Испанские крейсера захватывают российские суда	154
Прокламация Екатерины (8 марта 1780 г.)	154
Вооруженный нейтралитет	155, 156
Огромное значение принципов, заложенных Екатериной	157
Отношения между Великобританией и Голландией	158, 159
Голландия присоединяется к вооруженному нейтралитету	160
Пленение Генри Лоренса и его документов	160
Великобритания объявляет войну Голландии (20 декабря 1780 г.)	161
Екатерина решает не вмешиваться	162
Захват острова Св. Эстатиус (3 февраля 1781 г.)	163
Позорные разбирательства	166
Позорные результаты политики Георга III.	166

[ГЛАВА XIII](#)

[ГОД БЕДСТВИЙ](#)

Положение дел в Джорджии и Южной Каролине	168, 169
Грузия захвачена англичанами	170, 171
Прибытие генерала Линкольна (декабрь 1778 г.)	172
Партизанская война; варварские репрессии	172
Американцы разгромлены при Брайар-Крик (3 марта 1779 г.)	173
Вандализм генерала Превоста	174
План вооружения негров	175
Возмущение в Южной Каролине	176
Действия совета	176
Конец кампании	177, 178
Попытка отбить Саванну	179
Клинтон и Корнуоллис отправляются в Джорджию	180
Британцы наступают на Чарльстон	181
Капитуляция Чарльстона (12 мая 1780 г.)	182
Южная Каролина захвачена англичанами	182-184
Клинтон возвращается в Нью-Йорк	185
Неразумная прокламация	186
Беспорядки в Южной Каролине	186
Стратегические точки	187
Партизанские командиры	187
Фрэнсис Мэрион	188
Томас Самтер	189
Первое появление Эндрю Джексона в истории	189
Наступление Калба	190
Гейтс назначен главнокомандующим на юге	190, 191
Выбор дорог в Кэмден	192
Гейтс выбирает неверную дорогу	193
Он упускает момент для удара	193
И ослабляет свою армию накануне битвы	194
И попадает в засаду Корнуоллиса	195
Битва при Камдене (16 августа 1780 г.); полное и позорное поражение	195-197
Гейтс	
Его кампания была чередой промахов	197

Партизанские операции	198
Усталость и угнетенное настроение народа	199
Зло, причиненное бумажной валютой	200
«Не стоит континентального доллара»	201, 202
Налоги, уплачиваемые в виде определенных поставок	203
Сложность удержания армии в целостности	203, 204
	205

Французский союз

Визит Лафайета во Францию (февраль 1779 г.)	206, 207
Прибытие части французских вспомогательных войск под командованием графа Рошамбо (июль 1780 г.)	208
Остальные войска задержаны во Франции британским флотом	209
Общее уныние	210

[ГЛАВА XIV](#)

[БЕНЕДИКТ АРНОЛЬД](#)

Арнольд поставлен во главе Филадельфии (июнь 1778 г.)	211
Он попадает в затруднительное положение с правительством Пенсильвании	212
Мисс Маргарет Шиппен	212
Взгляды умеренных тори	213
Сдвиг Арнольда в сторону торизма	214
Он принимает решение покинуть армию	215
Против него выдвигаются обвинения (январь 1779 г.)	216
Он оправдан комитетом Конгресса (март)	216
Дело передается в военный трибунал (апрель)	217
Первая переписка с сэром Генри Клинтоном.	218
Военный трибунал оправдывает Арнольда по всем серьезным обвинениям, но	
порукает Вашингтону вынести ему выговор за два очень незначительных	219
(26 января 1780 г.)	
Арнольд жаждет мести Конгрессу	220
Значение Вест-Пойнта	221
Арнольд поставлен во главе Вест-Пойнта (июль 1780 г.)	222
Секретная встреча Арнольда и Андре (22 сентября)	223
Заговор с целью сдачи Вест-Пойнта	224
Андре забирает компрометирующие документы	226
И его убеждают вернуться в Нью-Йорк по суше	227
Дороги кишат разбойниками	228
Арест Андре (23 сентября)	229-232
Растерянность полковника Джеймсона	232
Вашингтон возвращается из Хартфорда раньше, чем ожидалось	233, 234
Бегство Арнольда (25 сентября)	235
Раскрытие заговорщического заговора	236, 237
Андре доставлен в Таппан (28 сентября)	238
Суд над Андре и вынесение приговора (29 сентября)	238
Аргументы и протесты Клинтона	239
Сообщение капитана Огдена	240
Казнь Андре (2 октября)	241

Бессознательная наглость лорда Стэнхопа	242
Нет ни одной причины в мире, по которой жизнь Андре должна была быть	243
была пощажена	244
Рассказ капитана Баттерсби	
Ужасное падение Арнольда	244
Семья Арнольда	247
Его раскаяние и смерть (14 июня 1801 г.)	248
Размышления	248
Мятеж войск Пенсильвании (1 января 1781 г.)	251, 252
Судьба посланников Клинтона	25
Дальнейшее подавление мятежа	253, 254
ГЛАВА XV	
ЙОРКТАУН	
Корнуоллис вторгается в Северную Каролину (сентябрь 1780 г.)	255
Экспедиция Фергюсона	255
Восстание лесорубов	256, 257
Битва при Кингс-Маунтин (7 октября 1780 г.)	258, 259
Последствия удара	260
Подкрепление с севера; прибытие Дэниела Моргана	261
Грин назначен главнокомандующим на юге	261
Смелая стратегия Грина; он угрожает Корнуоллису с обоих флангах	262-264
Корнуоллис отвечает, посылая Тарлетона против Моргана	265
Позиция Моргана в Коупенсе	265
Битва при Коупенс (17 января 1781 г.); почти все британских войск было взято в плен на поле боя	266
Блестящие маневры Моргана и Грина; они увлекли Корнуоллиса в погоню по Северной Каролине	267-269
Дальнейшие маневры	270
Битва при Гилфорде (15 марта)	270, 271
Отступление Корнуоллиса	272
Он покидает Каролины и отправляется в Вирджинию.	273
Гениальный ход Грина: он возвращается в Южную Каролину (6-18 апреля)	273
И, захватив форт Уотсон, перерезает линии связи лорда Роудона (23 апреля)	274
Роудон наносит поражение Грину на холме Хобкирк (25 апреля), но тем не менее вынужден сдать Камден, чтобы спасти свою армию (10 мая)	275, 276
Все внутренние посты отбиты у британцев (май-июнь)	276
Роудон отправляется в Англию, оставив командование Стюарту	277
Грин выдвигается против Стюарта (22 августа)	277
Битва при Ютау-Спрингс (8 сентября)	278
Великолепное полководческое искусство Грина	278, 279
Лорд Корнуоллис прибывает в Петербург (20 мая)	279, 280
Его кампания против Лафайета	281-283

Корнуоллис отступает к побережью и занимает Йорктаун	284, 285
Элементы окончательной катастрофы; прибытие французского флота	286, 287
Новости от Грасса и Лафайета	288
Тонкий и смелый план Вашингтона	289
Он переводит свою армию в Вирджинию (19 августа — 18 сентября)	290-292
Движения флотов	293
Корнуоллис окружен в Йорктауне	294
Попытка Клинтона нанести ответный удар; действия Арнольда в Нью-Лондоне (6 сентября)	295, 296
Капитуляция Корнуоллиса	297
Важность помощи, оказанной французским флотом и армией	298, 299
Реакция на эту новость в Англии	300, 301
Трудное положение Великобритании	302
Победа Родни над Грассом (12 апреля 1782 г.)	303
Отставка лорда Норта (20 марта 1782 г.)	304
Провал политических замыслов Георга III.	305
Американская революция была не конфликтом между англичанами и американцами, а между двумя противоположными принципами управления, каждый из которых имел своих сторонников и противников в	306-310
обеих странах; а Йорктаун был благоприятной победой, одержанной Вашингтоном для обеих стран	

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ГЛАВА VIII

ФРАНЦУЗСКИЙ СОЮЗ

Историю Войны за независимость можно разделить на четыре четко обозначенных периода. Первый период начинается в 1761 году с сопротивления Джеймса Отиса общим ордерам на обыск и может считаться завершенным в июне 1774 года, когда должны были вступить в силу законы об изменении правительства Массачусетса. Этот период конституционных дискуссий завершился вызовом Великобритании со стороны жителей Бостона, которые бросили чай в гавань; а законы апреля 1774 года, которыми парламент ответил на этот вызов, фактически были объявлением войны американским колониям, хотя до первого кровопролития в Лексингтоне прошел еще год.

Второй период начинается в июне 1774 года, когда Массачусетс начал аннулировать акты парламента, и заканчивается Декларацией независимости. В течение этого периода война велась только с целью удовлетворения жалоб и без какого-либо намерения добиться политического отделения английского народа в Америке от английского народа в Великобритании. Театр военных действий в основном ограничивался Новой Англией и Канадой; и хотя американцы потерпели неудачу в попытке завоевать Канаду, их оборонительная война увенчалась успехом. Боевые действия этого периода начались с победы в Лексингтоне: и закончились победой в форте Моултри. Новая Англия, за исключением острова Ньюпорт, была окончательно освобождена от присутствия британцев, и в течение более двух лет не было никаких новых нападений на южные штаты.

Основной чертой третьего периода, охватывающего 1776 и 1777 годы, была борьба за штат Нью-Йорк и великую природную стратегическую линию рек Мохок и Гудзон. После провозглашения независимости Соединенные Штаты и Великобритания теперь сражались друг с другом в одиночку, как две отдельные и иностранные державы. Целью Великобритании было завоевание Соединенных Штатов, и соответственно она нанесла удар по торговому и военному центру конфедерации. Если бы ей удалось полностью завоевать штат Нью-Йорк и обеспечить контроль над линией Гудзона, она разделила бы конфедерацию на две части и, возможно, приступила бы к постепенному завоеванию ее отдельных частей. Поэтому в этот период войны все сосредоточилось вокруг Нью-Йорка, а такая отдаленная экспедиция, как экспедиция Хоу против Филадельфии, не имела решающего военного значения, за исключением ее влияния на исход великого центрального конфликта. Стратегия американцев была в основном оборонительная, хотя в некоторых операциях они переходили в наступление с блестящим успехом. Этот период начался с катастроф на Лонг-Айленде и в форте Вашингтон, а закончился триумфом в Саратоге. В результате двухлетних усилий британцы захватили и удерживали города Нью-Йорк и Филадельфия, а также город Ньюпорт. Крепость Тикондерога, которую они также захватили, они покинули после поражения Бергойна; таким же образом они отступили из высокогорья Гудзона, которое американцы теперь заняли с более сильными силами, чем раньше. Короче говоря, хотя британцы потеряли армию, они не завоевали ничего, кроме той земли, на которой фактически расположились лагерем. Их попытка прорвать центр американских позиций закончилась полным поражением, и теперь проницательным умам стало ясно, что у них было мало шансов завоевать Соединенные Штаты.

Четвертый период, в который мы сейчас вступаем, начинается с непосредственных последствий победы при Саратоге и продлевается до договора 1783 года, по которому Великобритания признала независимость Соединенных Штатов. Военная история этого периода заканчивается капитуляцией Корнуоллиса в Йорктауне в октябре 1781 года, ровно

через четыре года после капитуляции Бергойна. За исключением окончательной победы американских войск, история этих четырех лет резко контрастирует с историей двух лет, которые мы только что рассмотрели. Борьба больше не ограничивается войсками Великобритании и Соединенных Штатов, но в некоторой степени распространяется на весь цивилизованный мир, хотя только Франция с ее армией и, в особенности, флотом, имеет прямое отношение к окончательному результату в Америке. Кроме того, вместо целенаправленного и сосредоточенного удара по центру американских позиций, последний период войны состоял отчасти из разрозненных и беспорядочных действий, направленных просто на то, чтобы измотать американцев и израсходовать их терпение, а отчасти из попытки завоевать южные штаты и отделить их от Союза. Соответственно, в этом последнем этапе войны меньше драматического единства, чем в периоде, закончившемся в Саратоге, и он менее поддается тщательному и последовательному рассмотрению; но, с другой стороны, по богатству событий и разнообразию человеческих интересов он ни в чем не уступает более ранним периодам.

Констернация в Англии Первым следствием Саратоги стало отступление британского правительства от всех позиций, ради которых оно начало войну. Весть о капитуляции Бергойна достигла Англии как раз перед рождественскими каникулами парламента, и лорд Норт немедленно объявил, что, как только закончатся праздники, он примет меры по примирению с американцами. Общее настроение в Англии было удивлением и смятением. В наши дни, когда мы привыкли рассматривать военные явления огромного масштаба, когда мы недавно вели войну, в которой участвовало более двух миллионов человек и ежедневно тратилось более двух миллионов долларов, мы не должны забывать, насколько отличалась историческая обстановка, в которой происходили события столетие назад. То были не времена подводных телеграфов и пароходов Кунарда, и, пытаясь вести войну через три тысячи миль океана, проблема, стоящая перед Георгом III, была гораздо более сложной, чем та, которую решил великий Фридрих, когда, действуя на внутренних линиях и опираясь на британское золото, он победил объединенные атаки Франции, Австрии и России. Потери, которые теперь понесла Великобритания, не могли быть легко восполнены. В то же время как в Англии, так и на европейском континенте было общепринято считать, что потеря американских колоний приведет к гибели Британской империи. Лишь немногие мудрые политические экономисты, «литераторы», такие как Адам Смит и Джозайя Такер, были достаточно дальновидны, чтобы избежать этой огромной ошибки; даже Чатем был введен ею в заблуждение. Не понимали, что английская Америка и английская Британия были связаны настолько крепкими торговыми и социальными узами, что никакой вопрос о политическом союзе или разрыве не мог оказать на них постоянного влияния. Не предвиделось, что в течение столетия торговые отношения Великобритании с независимыми Соединенными Штатами значительно превзойдут ее отношения с остальным миром. Напротив, считалось, что если американцам будет предоставлена политическая независимость, весь поток трансатлантической торговли каким-то образом перенаправится в другие части Европы, что британская морская мощь немедленно придет в упадок, и что Англия утратит свое имперское положение и превратится в такую же островную нацию, как та, которой правил Генрих VIII. Настолько сильно люди переоценивали политические условия; настолько они были далеки от понимания тех экономических условий, которые гораздо более глубоки и существенны.

ЛОРД НОРТ

Мнения различных партий В этих условиях единственными людьми в Англии, которые были готовы признать независимость Соединенных Штатов, были виги Рокингхэма, а они теперь составляли небольшое меньшинство. Лорд Рокингхэм и его друзья, во главе с Берком, всегда осуждали жесткую и глупую политику правительства по отношению к Америке, и теперь они были готовы признать независимость, потому что были убеждены, что примирение больше не представляется возможным. Лорд Чатем, с другой стороны, вместе со своей фракцией партии вигов, хотя и еще более решительно осуждал политику правительства, все еще цеплялся за надежду на примирение и не мог смириться с мыслью о распаде империи. Но в тористской партии, которая все время поддерживала правительство, война по-прежнему была популярна, и никакое бедствие не казалось столь великим, как потеря американских колоний. Большинство помещиков верили в необходимость подавить восстание, независимо от того, где оно произошло и по какой причине, и эту точку зрения почти единодушно разделяло духовенство. В Палате лордов никто не был так кровожаден, как епископы, а сельские священники проповедовали из всех текстов Ветхого Завета, которые относятся к поражению врагов Иеговы. Торговые классы в крупных городах и немногие промышленники, которые появились на сцене, так боялись потерять американский рынок, что были готовы без ограничений голосовать за людей и деньги. Город Манчестер даже сформировал и оснастил два полка за свой счет. Таким образом, в то время как подавляющее большинство британского народа считало, что Америку необходимо удержать любой ценой, большинство этого большинства считало, что ее необходимо завоевать, прежде чем с ней можно будет договориться или пойти на уступки; и именно это мнение до сих пор находило поддержку у лорда Норта и определяло политику правительства.

Политический кувырок лорда Норта Можно себе представить, какое невыразимое удивление охватило Палату общин 17 февраля 1778 года, когда лорд Норт встал со своего места и предложил, чтобы все пункты, за которые ревностно боролись Сэмюэл Адамс и его друзья, от принятия Закона о гербовом сборе до начала войны, были немедленно удовлетворены навсегда и без дальнейших переговоров. Согласно законопроекту, который он теперь приступил к чтению, знаменитый Закон о чае и закон об изменении конституции Массачусетса были безоговорочно отменены. Кроме того, было объявлено, что парламент навсегда откажется от права взимать налоги в Америке, и было предусмотрено, что для переговоров с Конгрессом будут направлены комиссары, наделенные полными полномочиями для ведения переговоров о мире. До завершения переговоров комиссары могли объявить перемирие и приостановить действие любого закона парламента, касающегося Америки, который был принят после 1763 года. Они также могли объявить полную амнистию за все политические преступления.

C. J. Fox

Странная сцена в Палате общин Такой полный политический кувырок редко совершался английским министром, и речь, в которой лорд Норт защищал себя, была достойна случая. Вместо того чтобы уйти в отставку, когда он увидел, что его политика провалилась, как поступил бы любой английский министр, он внезапно изменил свою позицию и принял политику, которую оппозиция тщетно настаивала на принятии три года назад и которая, если бы была принята тогда, несомненно предотвратила бы кровопролитие. Он не только

изменил свою позицию, но и заявил, что эта политика примирения была на самом деле той, которую он поддерживал с самого начала. В этом было больше правды, чем казалось в тот момент, поскольку в более чем одном случае лорд Норт с виновной слабостью проводил политику короля вопреки своим собственным убеждениям. Однако он тщетно пытался оправдать себя за Закон о чае, угнетательные указы 1774 года и недавние события в Америке в целом. Палата приняла его законопроект и его речь в глубокой тишине. Все были полны отвращения и уныния, но никто не мог не проголосовать за эти меры. Тори, и без того огорченные горькими новостями из Саратоги, были в ярости от того, что им приходилось отказываться от всего, за что они боролись, но у них не было иного выхода, кроме как следовать за своим лидером. Виги были раздражены тем, что их лишили возможности действовать, но они не могли по чести противостоять политике, которую всегда искренне поддерживали. Все сидели в мрачной, меланхоличной тишине, пока Чарльз Фокс, вставая, саркастически не начал свою речь, поздравив своих друзей-вигов с тем, что они обрели такого мощного и неожиданного союзника в лице премьер-министра. По Палате раздавались насмешки и намеки. Со стороны тори раздавались угрюмые крики о том, что страна была предана, а среди вигов премьер-министра спросили, считает ли он себя вооруженным копьем Ахилла, которое может залечить раны, нанесенные им самим. Было очень явно намекнуто, что предлагаемые меры вряд ли окажут большое влияние на американцев, если они не будут сопровождаться отставкой лорда Норта, поскольку, исходя от него, они будут восприняты как из зараженного источника. Но, несмотря на всю эту неприязнь, законопроект был принят, и те же самые причины, которые повлияли на Палату общин, повлияли и на Палату лордов. 11 марта он был подписан королем, и сразу же были назначены три комиссара, которые должны были довести информацию об этом решении до сведения Конгресса и подготовить договор о мире.

Договор между Францией и Соединенными Штатами, 6 февраля 1778 г. Примирительная политика лорда Норта запоздала как минимум на два года. Американские лидеры теперь не были готовы рассматривать вопрос о воссоединении с метрополией на каких-либо условиях, и еще до той необычной сцены в парламенте, свидетелями которой мы только что стали, был заключен договор с Францией (), по которому американцы торжественно согласились, в обмен на вооруженную поддержку со стороны этой державы, никогда не рассматривать предложения о мире со стороны Великобритании до тех пор, пока их независимость не будет признана, и никогда не заключать мирный договор без согласия своего нового союзника. Французское правительство тайно помогало американцам еще летом 1776 года, предоставляя им случайные денежные ссуды и принимая американских каперов во французских портах. Чем дольше Великобритания и ее колонии могли ослаблять друг друга войной, тем больше была надежда, что Франция сможет в какой-то момент вмешаться и вернуть свою утраченную морскую империю. Однако активное участие в борьбе до наступления подходящего момента для получения решающего материального преимущества не входило в планы французской политики. В начале 1778 года этот момент, казалось, наступил. Пленение Бергойна и мастерская стратегия, продемонстрированная Вашингтоном, несмотря на его неудачу на поле боя, стали убедительным доказательством того, что союз с американцами стоит того. В то же время объявление о том, что лорд Норт собирается принять меры по примирению, указывало на ослабление позиции британского правительства. Если бы такие меры привели к примирению с американцами и их твердому воссоединению с метрополией, планы Франции были бы безвозвратно разрушены. Теперь настал золотой момент, и Франция не замедлила им воспользоваться. 6 февраля в Париже был подписан договор с Соединенными Штатами. В специальной статье было оговорено, что Испания может вступить в союз в удобное для нее время. В это же время Фридрих Великий публично открыл порт Данциг для американских крейсеров и запретил гессенским солдатам проходить через свои владения к побережью, а Франклину в Париже он написал,

что, вероятно, вскоре последует примеру короля Франции и признает независимость Соединенных Штатов.

Великобритания объявляет войну Франции, 13 марта Слухи обо всем этом продолжали поступать в Англию, пока парламент принимал меры по примирению, и 13 марта, через два дня после того, как эти меры стали законом, о действиях Франции было официально сообщено британскому правительству, и война была немедленно объявлена.

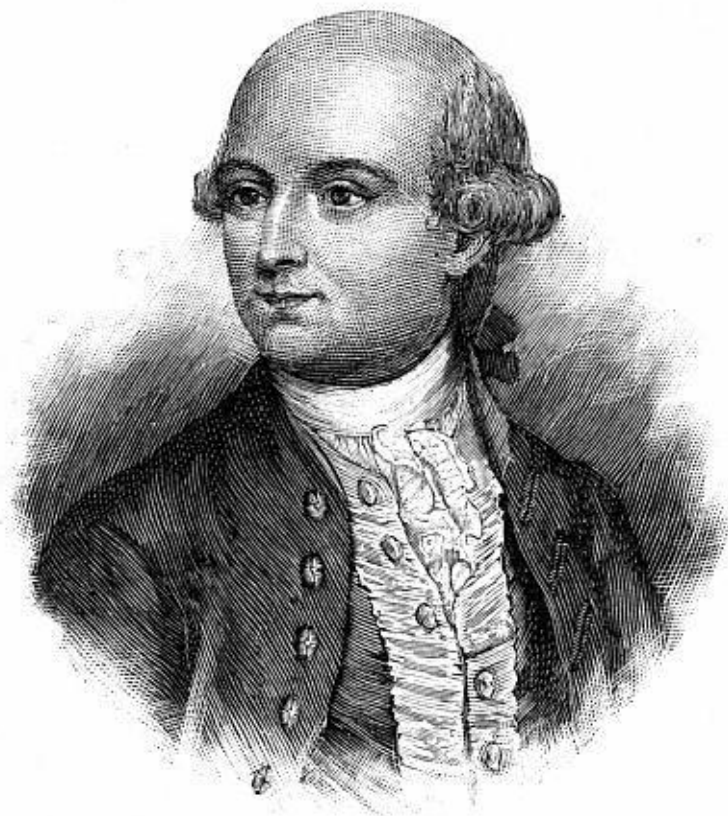
Положение Англии казалось безнадежным. Потеряв армию в Америке, лишившись возможности набирать рекрутов в Германии, с долгом, нарастающим со скоростью миллион долларов в неделю, и с совершенно недостаточными силами в стране на случай внезапного вторжения, она теперь была вынуждена сражаться со всей морской мощью Франции, к которой вскоре, несомненно, присоединится Испания, и, в довершение всего, правительство только что подписало себе смертный приговор, признав перед всем миром, что его политика в отношении Америки, которая была причиной всех этих бедствий, была не только несправедливой, но и невыполнимой.¶

Граф Чатем В этот страшный момент взоры всей Англии были обращены к одному великому человеку, уже пожилому и изможденному болезнью, но в котором огонь гения все еще горел ярко и ясно. Правительство должно было быть сменено, и в лице графа Чатема страна все еще имела лидера, чье имя было синонимом победы. Не так обстояли дела в славные дни Киберона, Миндена и Квебека, когда его умелая рука была у руля, и каждое сердце в Англии и Америке билось в предвкушении достойных целей, достигнутых благодаря хорошо направленной доблести. К кому, как не к Чатему, следовало обратиться с просьбой восстановить падающую удачу империи? Только в его руках умиротворительная политика могла иметь шанс на успех. С самого начала он был последовательным защитником конституционных прав американцев, и во всей Америке он был объектом не менее искреннего и восторженного почитания, чем сам Вашингтон. Предложения, которые вызывали бы смех, если бы исходили от Норта, по крайней мере, были бы выслушаны с уважением, если бы их выдвигал Чатем. С другой стороны, если день примирения был

безвозвратно упущен, магия его имени сама по себе была достаточна, чтобы вызвать панику во Франции, а в Англии она разжигала бы тот народный энтузиазм, который сам по себе является лучшей гарантией успеха. В Германии также память о бесценных услугах, которые он оказал, не могла не развевать враждебные чувства, с которыми Фридрих относился к Англии со времени вступления на престол Георга III. Движимые такими мыслями, государственные деятели всех партий, начиная с самого лорда Норта, умоляли короля сформировать новое министерство под руководством Чатема. Лорд Мэнсфилд, его злейший враг, на этот раз заявил, что без Чатема у руля государственный корабль обязательно пойдет ко дну, и его слова поддержали Бьют и молодой Джордж Гренвилл. На противоположном конце политического спектра герцог Ричмонд, который уже давно решил, что колонии должны быть отпущены, тем не менее заявил, что если Чатем сочтет целесообразным предпринять еще одну попытку удержать их, он будет помогать ему всеми возможными способами. Пресса пестрела выражениями народной веры в Чатема, и все с нетерпением задавались вопросом, почему король теряет время, не призывая к руководству делами единственного человека, который может спасти страну. Но все это единодушные общественные мнения не имели никакого значения для эгоистичного и упрямого короля. Все прежние причины для отстранения Чатема от должности теперь исчезли, по крайней мере в том, что касалось американского вопроса, поскольку, согласившись с примирительными мерами Норта, король фактически перешел на позицию Чатема, а в отношении отделения колоний от метрополии Чатем был не менее не склонен, чем король, признать необходимость такого шага. Ярость короля. Действительно, политика, которую король теперь был вынужден проводить, абсолютно требовала Чатема в качестве ее проводника вместо Норта. Все это видели, и, без сомнения, король сам это видел, но для него это не имело никакого значения в свете личных соображений. Он ненавидел Чатема со всей яростью, на которую способен злобный и мстительный дух по отношению к тому, кто великодушен и благороден; кроме того, он хорошо знал, что с этим государственным деятелем во главе дел его собственная роль в правительстве будет сведена на нет. Видеть, как правительство управляется в соответствии с политикой ответственного министра и без учета его собственных безответственных прихотей, было для него унижением, к которому он еще не был готов подчиниться. В течение восьми лет, уговаривая и запугивая легкомысленного Норта, он умудрился удержать бразды правления в своих руках; и, так долго вкушая сладости власти, он был полон решимости в будущем иметь в качестве министров только слабаков. На фоне этих личных соображений благосостояние нации имело для него мало значения. Он пришел в ярость. Никакая сила на небесах или на земле, сказал он, не заставит его склониться перед «лордом Чатемом и его командой»; он отказался быть «скованным этими отчаянными людьми» и «стать рабом до конца своих дней». Вместо того, чтобы подчиниться желаниям своего народа в этот торжественный кризис, он предпочел бы лишиться короны. Лучше так, добавил он, чем носить ее в рабстве и позоре.

Что бы попытался сделать Чатем Однако, несмотря на гнев короля, народное требование смены правительства было слишком сильным, чтобы ему можно было противостоять. Если бы не внезапная смерть лорда Чатема несколько недель спустя, он, несомненно, был бы призван занять должность, от которой Норт так стремился отказаться. Король был бы вынужден проглотить свою обиду, как он был вынужден сделать это в 1782 году. Если бы Чатем стал премьер-министром, он намеревался отменить все неприятные законы, касающиеся Америки, вывести всех британских солдат с нашей земли и атаковать Францию со всей мощью, как в Семилетней войне, на океане и через Германию, где непобедимый Фердинанд Брауншвейгский снова должен был возглавить армии Великобритании. В Америке такая политика не могла не укрепить не только лоялистов и колеблющихся, но и вигов примирительного толка, таких как Дикинсон и Роберт Моррис. Момент тоже был подходящим. Многие американцы, которые искренне сопротивлялись законодательным

посягательствам парламента, ранее отвернулись от популярного дела из-за того, что они считали ненужным радикальным шагом Декларации независимости. Многие другие теперь отвернулись от французского союза. В Новой Англии, главной цитадели революционной партии, многие люди были возмущены союзом с католической и деспотической державой, которая в прошлом так часто натравливала индейских псов на их границы. Договор с Францией был скорее браком по расчету, чем по любви. Американские лидеры, даже заключая его, опасались отвращения, которое могло возникнуть в стране в целом, и их опасения были законной надеждой Чатема. Вернуться к положению дел, существовавшему до 1765 года, было, без сомнения, невозможно. Необходимо было уступить некоторую независимость, и в этом лорд Рокингем и герцог Ричмонд были, без сомнения, правы. Но Чатем ни в коем случае не был глуп, надеясь, что можно установить некую федеративную связь, которая сохранила бы американцев и британцев в вечном союзе и, предоставляя полную законодательную автономию колониям по отдельности или в совокупности, не позволила бы жителям обеих стран забыть, что американцы являются англичанами. Была по крайней мере вероятность, что эта благородная политика увенчается успехом, и до тех пор, пока не будет сделана попытка, он не согласился бы добровольно на шаг, который, казалось, непременно разрушит империю, которую его гений завоевал для Англии. Но смерть вмешалась, чтобы упростить ситуацию старым безжалостным способом.

Richmond ge.

Смерть Чатема Герцог Ричмонд, стремясь довести дело до конца, объявил, что 7 апреля он внесет предложение о немедленном выводе королевского флота и армии из Америки и

заключении мира на любых условиях, которые Конгресс сочтет приемлемыми. По крайней мере, таково было практическое значение этого предложения. Чэтем еще не был готов к такой безоговорочной капитуляции, и в назначенный день он поднялся с больничной койки и пришел в Палату лордов, чтобы выступить против этого предложения. Обернутый фланелевыми бинтами и опираясь на костыли, с темными глазами, блеск которых подчеркивал бледность его измученного заботами лица, он вошел в палату, поддерживаемый с одной стороны своим зятем лордом Махоном, а с другой — младшим сыном, который вскоре принес новую славу имени Уильяма Питта. Все пэры вскочили с мест и оставались стоять, пока он не занял свое место. Обрывочными фразами, со странными вспышками красноречия, которое когда-то пленяло уши и сердца, он протестовал против поспешного принятия меры, которая просто унижала достоинство Англии перед ее давним врагом, домом Бурбонов. Герцог Ричмонд в своем ответе, сформулированном с почтением и деликатностью, настаивал на том, что, хотя магия имени Чатема могла творить чудеса, только чудо могло теперь избавить их от страшной необходимости отказаться от Америки. Граф поднялся, чтобы ответить, но его измученное тело не выдержало, и он упал в обморок на пол. Все дела были немедленно отложены. Пэры, « » с горячей симпатией, толпились вокруг, предлагая помощь, и без сознания государственный деятель был перенесен на руках друзей в соседний дом, откуда через несколько дней его перевезли в его дом в Хейсе. Там, после нескольких недель, проведенных между жизнью и смертью, 11 мая, в возрасте семидесяти лет, лорд Чатем испустил дух.

Его поразительное величие Человек, сраженный, как солдат на своем посту, был тем, кого американцы не меньше, чем англичане, с радостью почитали. Личное очарование, которое он оказывал при жизни, мы уже не можем познать, но по мере того, как поле современной истории расширяется, охватывая весь мир, мы обнаруживаем, что лучше, чем его современники, способны понять ту роль, которую он сыграл в один из самых критических моментов в истории человечества. Просто по своей величине превосходство английской нации в мире стало самым поразительным фактом в истории человечества; и когда мы рассматриваем все, что подразумевает это растущее превосходство индустриальной цивилизации над другими цивилизациями относительно архаичного и воинственного типа, мы находим основания полагать, что среди исторических событий это событие будет иметь самые мощные последствия, которые будут наблюдаться в далеком будущем. Ни один другой исторический деятель не связан с началом этого господства английской расы так тесно, как старший Уильям Питт. Именно он спланировал победы, которые дали Англии господство на море и которые, спасая Индию от вековой анархии, подготовили ее к тому, чтобы стать центром новой цивилизации, одновременно способным учеником и вдохновляющим учителем современной Европы. Именно он, изгнав французов из Америки, расчистил путь для мирного распространения нашей индустриальной цивилизации по долине Миссисипи, избавив нас от политических опасностей, которые в противном случае могли бы повлечь за собой хронические войны, и обеспечив нам окончательный контроль над самой прекрасной частью этого континента. Его доблестные и умелые лейтенанты на море и суше, такие великие люди, как Хоук, Клайв, Эндрю Эллен () и Вольф (Wolfe), заслуживают признания за выполнение деталей; но именно гений Питта замыслил и руководил этим грандиозным планом как единым целым. Единственный среди англичан своего времени, Питт пророческим взглядом заглянул в таинственное будущее колониальной истории и увидел смысл создания новой и великой Европы в отдаленных регионах земли; и благодаря его триумфам было решено, что эта новая и великая Европа должна стать в основном новой и великой Англией — миром самоуправления, свободы мысли и слова. В то время как его политическое видение охватывало самые отдаленные уголки земного шара, его действия в центре Европы помогли достичь результатов, важность которых мы только сейчас начинаем осознавать. Из руин всей Германии в той ужасной

религиозной войне, которая заполнила треть XVII века, постепенно возникла и быстро выросла новая протестантская держава, пока во времена Питта — по разным причинам, династическим, личным и политическим — она не навлекла на себя месть всех реакционных стран Европы. Если бы коалиция добилась успеха, единственная значительная протестантская держава на континенте была бы уничтожена, и анархия, последовавшая за Тридцатилетней войной (), могла бы возобновиться. Глупый Георг II, который видел в Пруссии только соперника Ганновера, уже готовился присоединиться к альянсу против Фридриха, когда Питт отверг его мнение и перебросил вес Англии на другую сторону чаш весов. Этот же шаг, предотвративший уничтожение Пруссии, обеспечил Англии самого эффективного союзника в ее борьбе с Францией. Плоды этой мудрой политики мы видим сейчас в обновленной Германской империи, которая стала самой сильной державой на европейском континенте, ежедневно устанавливает новые узы дружбы с народом Соединенных Штатов и чьи политические интересы с каждым днем все более и более сближаются с интересами Великобритании. По мере того как в будущем все более явно проявится солидарность германской расы в ее трех великих национальностях — Америке, Англии и Германии — становится все более и более очевидной, тем больше историки будут впечатлены удивительным фактом, что основание современной Германии, морское господство Англии и завоевание долины Миссисипи для англоязычной Америки были лишь разными фазами одного исторического события, взаимосвязанными частями одной обширной концепции, которая выделяет ее автора как величайшего из современных государственных деятелей. По мере того как прошедшее время удаляет нас от XVIII века настолько, что мы можем изучать его в его истинных пропорциях, фигура Чатема в анналах германской расы будет казаться не менее великой и внушительной, чем фигура Карла Великого тысячу лет назад.

МОГИЛА ЧАТАМА В ВЕСТМИНСТЕРСКОМ АББАТСТВЕ

Но Чатем интересен американцам не только как красноречивый защитник нашей революционной борьбы, не только как человек, стоящий на переднем крае того обширного будущего, в котором нам предстоит сыграть столь важную роль, но и как первый британский государственный деятель, чье политическое мышление было по-настоящему американским. Питт был прежде всего человеком народа, и справедливо было сказано, что его титул «Великий простолюдin» сам по себе знаменует политическую революцию. Когда король и лорды-виги пытались противостоять ему в кабинете министров, он мог с полным правом сказать: «Это народ послал меня сюда». Он первым обнаружил, что развитие торговли и производства, в основном благодаря колониальной экспансии Англии, привело к появлению важного класса общества, для которого ни тори, ни старые виги не предусмотрели места в правительстве. Он первым увидел абсурдность того, что такие города, как Лидс и Манчестер, не имеют представительства, и в 1745 году начал агитацию за парламентскую реформу, которая впервые увенчалась успехом в 1832 году. В знаменитом деле Уилкса, открыто выражая свое отвращение к этому человеку, он успешно защитил права избирателей от тирании Палаты общин. Несмотря на яростное сопротивление лорда Мэнсфилда, он отстоял неприкосновенность права каждого англичанина публиковать свои

мнения. Он положил конец злоупотреблению произвольным заключением под стражу на основании ордеров на арест по подозрению (). Он положил конец хроническим беспорядкам в Шотландии, завоевав доверие горцев и сформировав из них полки для регулярной армии. В этой интенсивной преданности свободе и правам человека Питт руководствовался столько же своей искренней, сочувственной натурой, сколько ясностью и широтой своего ума. Своей строгой чистотой характера, как и силой своих убеждений, он был загадкой для скептиков и легкомысленных людей своего времени. Кромвель или Милтон поняли бы его гораздо лучше, чем Гораций Уолпол, которому его высокомерное поведение и возвышенный язык казались театральной напыщенностью. Но эта величественная манера поведения была ничем иным, как естественным выражением возвышенности души, которая, озаренная богатым поэтическим воображением и разжигаемая пламенем страсти, сделала его красноречие самым впечатляющим, которое когда-либо слышали в Англии. Он был возвышенным только во внешнем поведении, поскольку его ум привычно пребывал в сильных эмоциях, сосредоточенных на великих мыслях и благородных поступках. Он был воплощением всего возвышенного и стремления в человеческой природе, и его величественная фигура, возвышающаяся над могилой в северном трансепте Вестминстерского аббатства, с ее жадно протянутой рукой, по-прежнему кажется призывающей своих соотечественников на путь долга и славы.

J. H. Burne

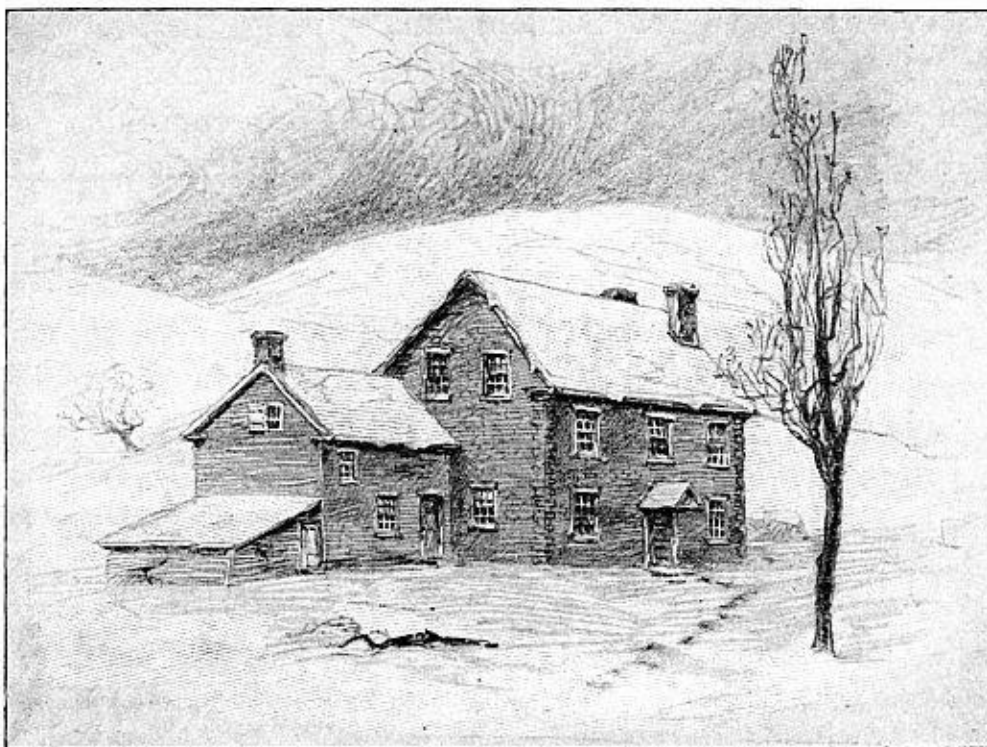
Лорд Норт остается у власти Смерть Чатема внезапно устранила препятствия, которые мешали королю. На утро после трогательной сцены в Палате лордов он написал Норту с плохо скрываемой радостью: «Не склонит ли вас политический уход лорда Чатема к тому, чтобы остаться во главе моих дел?» Норт очень не хотел оставаться, но было трудно найти кого-либо, кто мог бы сформировать правительство вместо него. Среди новых вигов, теперь, когда Чатем ушел, лорд Шелбурн был самым видным; но он был человеком, который, несмотря на свои великие достоинства и таланты, так и не сумел завоевать доверие ни политиков, ни народа. Он был горячим сторонником американского дела, но никто не считал его равным той сложной задаче, которую взял бы на себя Чатем, — умиротворению американского народа. Старые виги под руководством лорда Рокингема взяли на себя обязательство обеспечить полную независимость Соединенных Штатов, но английский народ еще не был готов к этому. В этих условиях лорду Норту, казалось, не оставалось ничего другого, как остаться на своем посту. Король был в восторге, и его партия, казалось, укрепилась благодаря возмущению, вызванному союзом американцев с Францией. Ее позиции еще более укрепились после категорического отказа Конгресса вести переговоры с комиссарами, присланными лордом Нортом. Комиссары прибыли в Америку в июне и пробыли там до октября, не добившись никаких результатов. Конгресс отказался рассматривать какие-либо предложения от Великобритании до тех пор, пока не будет признана независимость Соединенных Штатов. Его комиссары в Америке не смогли ничего достичь. Копии примирительных законопроектов лорда Норта были опубликованы по приказу Конгресса и распространены по всей стране. Везде их встречали с насмешками; в одном из городов Род-Айленда их публично сожгли под виселицей, воздвигнутой специально для этого случая. После безуспешных попыток использовать все уловки лести и интриг, комиссары потеряли самообладание и перед отплытием в Англию издали прощальное манифесто, в котором угрожали американскому народу примерным наказанием за его непокорность. По их словам, теперь будет изменена тактика ведения войны; эти упрямые мятежники должны будут испытать крайние страдания, и к ним не будет проявлено никакого милосердия. Конгресс немедленно опубликовал этот документ, и он был встречен с еще большим насмешками, чем примирительные законопроекты. В условиях того времени угроза могла иметь только одно значение. Она означала поджоги вдоль побережья со стороны британского флота и убийства на границах со стороны индейских помощников. Комиссары пытались оправдать свой манифест перед парламентом, и один из них горячо заявил, что если на этих мятежников можно обрушить весь ад, он одобрит эту меру. «Прокламация, — сказал он, — безусловно, означает войну опустошения: она не может означать ничего другого». Лорд Рокингем осудил политику манифеста, и в парламенте нашлось лишь несколько человек, готовых открыто поддержать его. Однако эта варварская политика была ни чем иным, как той, которую лорд Джордж Джермейн сознательно решил проводить до конца войны. Отказавшись от идеи завоевать американцев систематическими военными действиями, он счел целесообразным нанести как можно больший ущерб и причинить как можно больше страданий в надежде, что со временем дух народа будет сломлен, а его терпение иссякнет. Никакая политика не могла быть более отвратительной для добродушной души лорда Норта, но его ложное положение вынуждало его пассивно одобрять многое из того, что ему не нравилось. Помимо этого плана по изматыванию народа, было решено провести систематическую экспедицию против Вирджинии и Каролин, чтобы отделить эти штаты от остальной части конфедерации. Если в конце концов придется признать независимость Соединенных Штатов, то, по крайней мере, стоило бы как можно больше сократить их территорию и сохранить для британской короны эти богатые страны, где выращивают рис, индиго и табак. Таков был план, предложенный Жерменом и принятый министерством, членом которого он был.

ГЛАВА IX ВАЛЛИ-ФОРД

Бедствие в Америке План лорда Джорджа Джермейна по изматыванию американцев не казался совсем безнадежным. Хотя с военной точки зрения до сих пор победы в войне оставались за ними, потери и страдания были очень велики. Нарушение торговли ощущалось в Америке даже сильнее, чем в Англии, и усугублялось проблемами обесценивания валюты. Страна вступила в войну, находясь в крайне невыгодном положении из-за добровольной остановки импорта, которая продолжалась в течение нескольких лет. Война отрезала Новую Англию от рыбных промыслов в Ньюфаундленде и торговли с Вест-Индией, а прибрежная торговля была практически уничтожена британскими крейсерами. Проблема управления расходами большой войны была чем-то совершенно новым для американцев, и связанные с этим расточительство и чрезмерные траты были осложнены и усугублены проклятием бумажных денег. Конгресс, будучи лишь консультативным органом, мог только рекомендовать различным штатам меры налогообложения, которые считались необходимыми для поддержки армии. Он не имел полномочий повышать налоги в каком-либо штате, а также не имел власти заставлять правительство штата повышать налоги. Соответственно, все штаты были неплательщиками, и у Конгресса не оставалось иного выхода, как выпускать векселя. Конгресс уже был должен более сорока миллионов долларов, и в первой половине 1778 года выпуск бумажных денег составил двадцать три миллиона. Снижение стоимости денег уже стало тревожным, и даже самые рьяные законодатели, конечно, были бессильны остановить этот процесс.

Отсутствие организации До самого конца Войны за независимость Соединенные Штаты не имели регулярно организованного правительства (). Во время принятия Декларации независимости Конгресс назначил комитет для подготовки статей конфедерации, которые должны были быть представлены штатам на утверждение. Эти статьи были готовы к лету 1778 года, но только весной 1781 года все штаты подписали их. В то время как тринадцать отдельных суверенных государств в Соединенных Штатах были четко очерчены, центральное правительство было чем-то очень неопределенным и неясным. В этих условиях боевая эффективность народа была сведена к минимуму. Страна никогда не задействовала более чем небольшую часть своей доступной силы. Все страдало от отсутствия организации. Несмотря на народный энтузиазм, который, казалось, никогда не иссякал, когда появлялась возможность его проверить, было почти так же сложно поддерживать численность армии за счет набора новобранцев, как и обеспечивать снаряжением, продовольствием и жалованьем солдат, однажды зачисленных на службу. Армия численностью 80 000 человек, которую Конгресс запланировал в предыдущем году, существовала только на бумаге. Действия Конгресса, конечно, не были безрезультатными, но они были далеки от поставленной цели. Во время кампаний 1777 года армия Вашингтона никогда не превышала 11 000 человек, а из 20 000 или более, которые были свидетелями капитуляции Бергойна, по крайней мере половина составляли местные ополченцы, собранные лишь для того, чтобы удовлетворить нужды момента. Вся страна настолько боялась армии, что это было несправедливо даже по отношению к необходимому инструменту, с помощью которого должна была быть завоевана ее независимость; и она сочувствовала Конгрессу в его скупой политике, которая, отказывая в пенсиях, ставила под угрозу будущее храбрых и умелых офицеров, посвятивших лучшие годы своей жизни государственной службе. Усилия Вашингтона по обеспечению отставным офицерам обещания получать половину жалованья пожизненно увенчались успехом лишь в виде

получения его на срок в семь лет. Чрезмерный страх перед постоянной армией затруднял набор солдат на длительный срок, а частые изменения в составе ополчения () () не только подрывали дисциплину, но и приводили к печальной потере снаряжения и перерывам в ведении сельского хозяйства, что значительно увеличивало бремя народа.

ШТАБ-КВАРТИРА ВАШИНГТОНА В ВАЛЛИ-ФОРДЖ

Досадное вмешательство Конгресса Помимо этих бедствий, в которых никто конкретно не был виноват, поскольку они были прямым следствием общего положения в стране, армия страдала от других недостатков, которые были непосредственно связаны с неспособностью Конгресса. Точно так же, как и позже, во время Гражданской войны, солдаты часто приходилось расплачиваться за грехи политиков. В качестве примера можно привести один случай неуместного вмешательства Конгресса. В один из самых критических моментов 1777 года Конгресс полностью изменил систему снабжения, которая до этого эффективно управлялась одним офицером, полковником Джозефом Трамбуллом. Теперь были назначены два генеральных комиссара, один из которых должен был контролировать закупки, а другой — выдачу продовольствия; подчиненные офицеры департамента должны были отчитываться не перед своими начальниками, а непосредственно перед Конгрессом. Это было сделано несмотря на решительное противодействие Вашингтона, и немедленный результат был именно таким, как он и ожидал. Полковник Трамбулл, который был оставлен на должности генерального комиссара по закупкам, не имея возможности должным образом выполнять свою работу без контроля над подчиненными офицерами, вскоре подал в отставку. Департамент был заполнен людьми, отобранными без учета их пригодности, и сразу же погрузился в безнадежную путаницу, в результате чего действия армии были серьезно затруднены до конца сезона. 22 декабря Вашингтону фактически помешали осуществить наиболее многообещающее наступление на генерала Хоу, потому что две бригады взбунтовались из-за нехватки продовольствия. Страдания в Вэлли-Фордж В течение трех дней они были без хлеба, а в течение двух дней — без мяса. Департамент интендантского обеспечения находился в не лучшем состоянии. Ужасные страдания армии Вашингтона в Вэлли-Фордж вызвали сочувствие и восхищение историков, но смысл этой

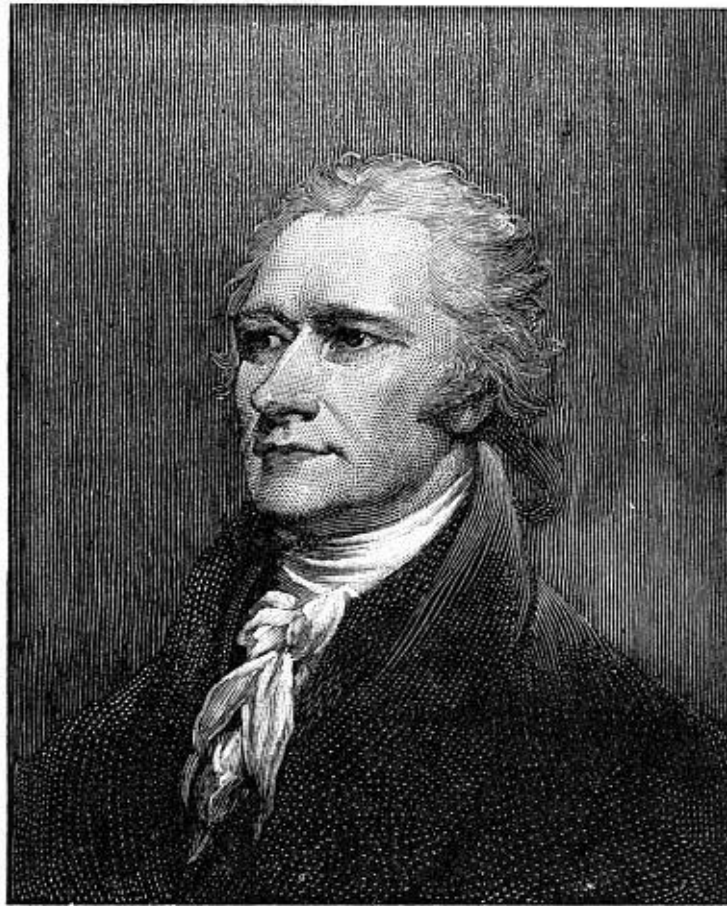
истории теряется, если мы не осознаем, что эти страдания были результатом грубого некомпетентного управления, а не бедности страны. Когда 17 декабря бедные солдаты шли в свои зимние квартиры, их путь можно было проследить по снегу по крови, сочившейся из обнаженных, обмороженных ног; однако в то же время, по словам Гордона, «бочки с обувью, чулками и одеждой лежали в разных местах на дорогах и в лесах, гибнущие из-за отсутствия упряжек или денег, чтобы заплатить возчикам». 23-го числа Вашингтон сообщил Конгрессу, что в его лагере находится 2898 человек, «непригодных к службе, потому что они босые и в остальном обнаженные». Из-за нехватки одеял многие были вынуждены «сидеть всю ночь у костров, вместо того чтобы комфортно отдыхать естественным и обычным образом». Холод и голод ежедневно пополняли список больных, и в переполненных госпиталях, которые в большинстве своем представляли собой простые бревенчатые хижины или хрупкие вигвамы, сплетенные из скрученных веток, люди иногда умирали из-за нехватки соломы, которую можно было бы положить между собой и замерзшей землей, на которой они лежали. Из-за нехватки волов и лошадей, отважные мужчины добровольно предлагали себя в качестве вьючных животных () и, запрягаясь в повозки, тащили в лагерь те скудные припасы, которые могли добыть для своих больных и измученных товарищей. Бедствие было настолько велико, что в случае нападения врага едва ли можно было собрать под оружие более двух тысяч человек. Когда думаешь об этих печальных последствиях халатности интенданта и неэффективности продовольственного снабжения, вспоминается замечание эксцентричного Чарльза Ли, который с едкой аллитерацией описал Конгресс как «конюшню глупых животных, спотыкающихся на каждом шагу».

Продвижение офицеров по невоенным причинам Однако беда не заканчивалась деморализацией ведомств, отвечавших за снабжение армии. При назначении и продвижении генералов Конгресс часто действовал в соответствии с принципами, которые, если бы они последовательно выполнялись, разрушили бы эффективность любой армии, когда-либо существовавшей. По абсурдным и не имеющим отношения к делу политическим причинам отважные и проверенные офицеры обходились стороной, а младшие, сравнительно малоизвестные, получали повышение, обходя их. Самым ярким и вопиющим примером этого был случай Бенедикта Арнольда. После того как его доброе имя было разрушено из-за его измены, историки стали приводить неудовлетворенность Арнольда таким обращением как еще одно доказательство его врожденной злобы. Но Арнольд был не единственным офицером, который был чувствителен к своему званию. В июне 1777 года в лагере Вашингтона ходили слухи, что француз по имени Дюкудре будет назначен главнокомандующим артиллерией в звании генерал-майора. Конгресс постоянно получал заявления от бродячих иностранных офицеров, ищущих приключений; и такие назначения, как это, иногда делались, без сомнения, в том провинциальном духе, от которого американцам потребовалось так много времени, чтобы избавиться, и который видит все европейское в розовом свете. Как только сообщение о Дюкудре достигло лагеря, генералы Грин, Салливан и Нокс написали по письму в Конгресс, предлагая свои отставки на случай, если сообщение « » окажется правдивым; все три письма были датированы одним и тем же днем. Конгресс был очень разгневан этим, и трех генералов безжалостно ругали. Однако дело оказалось более серьезным, чем предполагал Конгресс, и предполагаемое назначение Дюкудре не состоялось. Абсурдные высказывания Джона Адамса Высказывания Джона Адамса по поводу подобных вопросов были скорее резкими, чем мудрыми, и ясно отражали принципы, по которым слишком часто действовал Конгресс. Он осуждал эту «деликатную честь» как «одно из самых гнилых проявлений абсолютной монархии». Он был бы рад, если бы Конгресс ежегодно избирал всех генералов, и если бы в результате этого некоторые великие люди были вынуждены уехать домой, он не верил, что страна будет разрушена! Ревность, с которой несколько штатов настаивали на «доле генералов» пропорционально их соответствующим квотам войск, он охарактеризовал как справедливую и разумную

политику. Он признался, что именно по этому принципу было произведено много повышений, и если генералы были настолько неразумны, что им это не нравилось, то они должны были «принять последствия своего недовольства». Такие выражения чувств, в которых Джон Адамс нашел много сочувствующих, являются любопытным свидетельством того глубокого недоверия, с которым относились к нашей бедной маленькой армии из-за монархических тенденций, которые, как полагали, были неотъемлемой частью военной организации. Эта политика, которая казалась Джону Адамсу столь «разумной», была просто попыткой применить к армейскому режиму набор принципов, подходящих только для организации политических собраний; и если бы она была последовательно принята, то, вероятно, план лорда Джорджа Джермейна по изматыванию американцев увенчался бы успехом, превосходящим его самые смелые ожидания.

Но самая опасная позиция, на которую Конгресс рискнул выйти в ходе всей войны, была связана с темными интригами тех офицеров, которые хотели отстранить Вашингтона от главнокомандования, чтобы на его место поставили Гейтса. Мы видели, как успешно Гейтс () вытеснил Шуйлера (Schuyler) накануне победы. Гейтс был одурманен успехом. Не участвуя в боевых действиях и не руководив никакими важными операциями, Гейтс унес лавры северной кампании. Несомненно, многие люди приписывали ему заслуги даже за то, что произошло до его вступления в армию 19 августа. Его назначение датировалось 2-м числом, до победы Старка и поражения Сент-Леджера; и людям было легко некритично сопоставить даты и сказать, что до 2-го августа Бергойн продолжал продвигаться вглубь страны, и ничто не могло его остановить, пока Гейтс не был назначен командующим. Воздух был наполнен похвалами Гейтсу, и его слабая голова невольно закружилась от стольких аплодисментов. В своих депешах, объявляющих о капитуляции Бергойна, он не только забыл упомянуть имена Арнольда и Моргана, которые принесли ему решающую победу, но даже, казалось, забыл, что он служит под началом главнокомандующего, поскольку отправил свои депешки напрямую в Конгресс, оставив Вашингтона узнавать о событии из слухов. Через тринадцать дней после капитуляции Вашингтон написал Гейтсу письмо, поздравляя его с успехом. «В то же время, — говорилось в письме, — я не могу не сожалеть о том, что дело столь великого значения и столь интересное для наших общих операций дошло до меня только из слухов или через письма, не обладающие той достоверностью, которой требовала его важность и которую оно получило бы, если бы вы подписали письмо, в котором просто изложили бы этот факт».

Но, что еще хуже, Гейтс оставил свою победоносную армию без дела в Саратоге после того, как вся линия Гудзона была очищена от врага, и не послал подкрепление Вашингтону. и проявляет признаки неподчинения. Конгресс до сих пор поддерживал его в этом, приказав Вашингтону не отрывать более 2500 человек от северной армии без консультации с Гейтсом и губернатором Клинтоном. Только с большим трудом Вашингтону удалось вернуть Моргана с его стрелками, отправив полковника Гамильтона со специальным посланием. Когда подкрепление наконец прибыло, было уже слишком поздно. Если бы они прибыли быстрее, Хоу, вероятно, не смог бы захватить форты на Делавэре, без контроля над которыми он не мог бы остаться в Филадельфии. Но вину за потерю фортов многие возложили на Вашингтона, чьи недавние поражения при Брэндивайн и Джермантауне теперь часто сравнивали с победами на севере.

A Hamilton

Заговор Конвея Момент казался благоприятным для Гейтса, чтобы еще раз попробовать свою своеобразную стратегию и сместить Вашингтона, как он уже сместил Шуйлера. Помощников для этой грязной работы не доставало. Среди иностранных авантюристов, находившихся тогда в армии, был некий Томас Конвей, ирландец, который долгое время служил во французской армии, а переехав в Америку, принял участие в Пенсильванской кампании. Вашингтон выступил против требований Конвея о необоснованном повышении в звании, и тот сразу же с такой энергией вступил в фракцию, которая тогда формировалась против главнокомандующего, что она вскоре стала известна как «Конвейская клика». Другими основными членами клики были Томас Миффлин, генерал-квартирмейстер, и Джеймс Ловелл, делегат от Массачусетса, который был самым ярким врагом Шуйлера в Конгрессе.

J. Adams

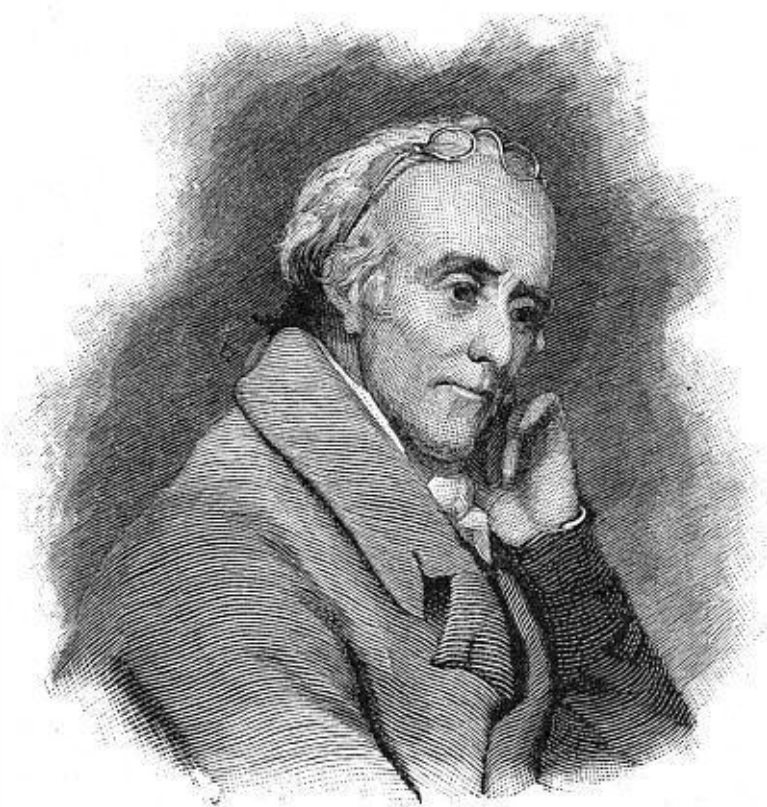
В свое время сообщалось, что Сэмюэл Адамс симпатизировал клике, и это обвинение повторялось многими историками, но, по-видимому, оно возникло из злонамеренной истории, распушенной некоторыми друзьями

Джона Хэнкока. В начале войны Хэнкок, чья чрезмерная тщеславность часто мешала его полезности, надеялся стать главнокомандующим и никогда не простил Сэмюэля Адамса за то, что тот предпочел Вашингтона для этой должности. Осенью 1777 года Хэнкок ушел с поста президента Конгресса, и его сменил Генри Лоуренс из Южной Каролины. В день, когда

Хэнкок покинул Конгресс, было выдвинуто предложение выразить ему благодарность за его замечательное выполнение своих обязанностей, но делегаты из Новой Англии, которые не были полностью удовлетворены его работой, отклонили это предложение по общим соображениям и установили принцип, что было бы неразумно принимать такие благодарственные решения в отношении любого президента. Это действие привело Хэнкока в ярость, которая была направлена главным образом против Сэмюэля Адамса как наиболее видного члена делегации; и после его возвращения в Бостон вскоре стало очевидным, что он решил порвать со своим старым другом и покровителем. Изобретательные истории, призванные навредить Адамсу, во многих случаях прослеживались до лиц, которые были в тесных отношениях с Хэнкоком. После падения клики ничто не могло нанести более смертельного удара репутации любого человека, чем намеки на то, что он оказывал ей помощь или симпатию; и есть веские основания полагать, что такие слухи об Адамсе были усердно распространены беспринципными сторонниками разгневанного Хэнкока. Позже эта история была возрождена друзьями Гамильтона по случаю раскола между Гамильтоном и Джоном Адамсом, но она не нашла под собой достаточных оснований. Однако наиболее правдоподобными ложными утверждениями являются те, которые основаны на неверном толковании фактов; и несомненно, что Сэмюэл Адамс не только поддерживал назначение Гейтса на север, но и иногда с нетерпением отзывался о так называемой фабианской политике Вашингтона. В этом он был похож на многих других горячих патриотов, чьи военные знания были далеко не соизмеримы с их рвением. Его двоюродный брат Джон Адамс был еще более откровенен. Он заявил, что «устал от фабианских систем». «Я за короткую и жестокую войну», — говорил он и жаловался на благоговейную любовь, которую народ испытывал к Вашингтону, называя ее «идолопоклонством», опасным для американской свободы. Именно, воздействуя на такие нетерпеливые настроения, которым иногда поддавались высоконравственные люди, такие как Адамсы, беспринципные люди, такие как Гейтс, надеялись достичь своих целей.

John Mifflin

Benjamin Rush

Попытки навредить Вашингтону Первые плоды интриг в Конгрессе проявились в реорганизации Военного совета в ноябре 1777 года. Миффлин был избран членом совета, а Гейтс стал его президентом с правом служить на поле боя, если того потребует ситуация. Таким образом, Гейтс в определенном смысле был поставлен выше Вашингтона, а вскоре после этого Конвей был назначен генеральным инспектором армии в звании генерал-майора. Учитывая хорошо известные взгляды Вашингтона, назначения Миффлина и Конвея можно было рассматривать как открытое проявление враждебности со стороны Конгресса. Несколько недель назад, в связи с слухами о том, что Конвей будет повышен в звании, Вашингтон написал: «Мне будет невозможно продолжать служить, если на моем пути будут возникать такие непреодолимые препятствия». Такие слова можно было легко истолковать как условную угрозу ухода в отставку, и назначение Конвея, вероятно, было инициировано заговорщиками с явным намерением заставить Вашингтона уйти в отставку. Если бы эта обида оказалась безрезультатной, они надеялись с помощью анонимных писем и низких инсинуаций сделать положение командующего слишком тяжелым для него. Утверждалось, что в течение всего года армия Вашингтона превосходила армию Хоу более чем в три раза. Бедственное положение солдат возлагалось на него; единственным результатом, если не единственной целью, его многочисленных походов, по словам Джеймса Ловелла, было изнашивание их обуви и чулков. В анонимном письме Патрику Генри, тогдашнему губернатору Вирджинии, отправленном из Йорка, где заседал Конгресс, отмечалось: «У нас есть достаточно мудрости, добродетели и силы, чтобы спастись, если бы их можно было применить. Северная армия показала нам, на что способны американцы под руководством

генерала. Дух южной армии ничем не уступает духу северной. Гейтс, Ли или Конвей за несколько недель превратили бы их в непобедимую армию. Некоторые части этого письма должны быть обнародованы, чтобы пробудить, просветить и насторожить нашу страну». Генри отправил это письмо Вашингтону, который сразу же узнал хорошо известный почерк доктора Бенджамина Раша. Еще одно анонимное письмо, отправленное президенту Лоренсу, было еще более категоричным: «Для Америки большим позором является утверждение, что в ней есть только один генерал. Великий успех на севере был достигнут благодаря смене командующих, и южная армия добилась бы такого же успеха, если бы произошла аналогичная смена. Американский народ виновен в идолопоклонстве, сделав человека своим богом, и Бог неба и земли убедит их печальным опытом, что он всего лишь человек; ибо от нашей армии нельзя ожидать ничего хорошего, пока Ваал и его поклонники не будут изгнаны из лагеря». Это злонамеренное письмо было адресовано Конгрессу, но вместо того, чтобы представить его этому органу, высоконравственный Лоренс отправил его напрямую Вашингтону. Но главнокомандующий был предупрежден, и ни такие вероломные послания, ни прямые оскорбления со стороны Конгресса не смогли нарушить его спокойствие. Письмо Конвея Гейтсу Перед отъездом из Саратоги Гейтс получил от Конвея письмо, содержащее столь лаконичную и едкую аллюзию на Вашингтона, что ее легко запомнить и процитировать, и Гейтс показал это письмо своему молодому доверенному лицу и адъютанту Уилкинсону. Через несколько дней, когда Уилкинсон прибыл в Йорк с депешами, касающимися капитуляции Бергойна, он встретил одного из членов штаба лорда Стирлинга и под веселым воздействием виски «Мононгахела» повторил злобную фразу. Так она дошла до ушей Стирлинга, и он сразу же сообщил о ней Вашингтону в письме, заявив, что всегда будет считать своим долгом разоблачать такое злобное двуличие. Вооружившись этим, Вашингтон просто отправил Конвею следующую краткую записку:

«Сэр, в письме, которое я получил вчера вечером, содержался следующий абзац: «В письме генерала Конвея генералу Гейтсу он пишет: *«Небеса решили спасти вашу страну, иначе слабый генерал и плохие советники разрушили бы ее»*. Я ваш покорный слуга.

Джордж Вашингтон».

Гейтс не знал, как ответить на это поразительное письмо. Когда сразу же написал Гейтсу, сообщив ему, что выдержка из одного письма Вашингтона, и посоветовав ему в будущем более бережно относиться к документам. Все заговорщики были серьезно встревожены, поскольку письмо Вашингтона оставило их в недоумении. Письмо было так лаконично и ясно, что сразу же стало известно, что оно было написано кем-то, кто был близок к Вашингтону. — который более тщательно хранит свои документы, чем я. Я был уверен, что ключ в кармане». Одно было ясно: нельзя было медлить с сообщением об этом Вашингтону. Вашингтон и откуда он получил эту информацию. После того как Гейтсу пришло в голову, что, должно быть, это был адъютант, который тайно получил доступ к его документам во время своего пребывания в лагере. Охваченный этой мыслью, Гейтс усмехнулся, подумав, что он должен был обратить внимание от содержания писем и переключить его на то, как он относился к их содержанию. Он сел и написал главнокомандующему, сообщив, что некоторые конфиденциальные письма Конвея, адресованные ему, были скопированы: такие письма, должно быть, были скопированы тайком, и он надеялся, что его превосходительство поможет ему раскрыть злодея, который рыскал вокруг и совершал такие гнусные поступки, поскольку, очевидно, было небезопасно иметь таких существ в лагере; они могли раскрыть ценные секреты врагу. Дело казалось

настолько важным, что он отправил копию этого письма в Конгресс, чтобы были приняты все возможные меры для немедленного обнаружения виновного. Цель этой хитроумной уловки заключалась в том, чтобы создать в Конгрессе, который пока ничего не знал об этом деле, неблагоприятное впечатление о Вашингтоне, создав впечатление, что он поощряет своих адъютантов рыться в портфелях других генералов. Ведь, как считал Гейтс, было ясно, как день, что это был Гамильтон (); никто другой не мог этого сделать.

John Wilkinson

Ответ Вашингтона Но глупая радость Гейтса была недолгой. Вашингтон с первого взгляда разглядел коварную цель письма и сорвал ее, просто сказав правду. «Ваше письмо, — ответил он, — попало в мои руки несколько дней назад, и, к моему большому удивлению, я узнал, что его копия была отправлена в Конгресс, по какой причине я не могу объяснить; но, поскольку, несомненно, оно было направлено с какой-то целью, я вынужден ответить тем же способом, чтобы ни один член этого почтенного органа не заподозрил меня в том, что я прибег к каким-то непрямым средствам, чтобы узнать содержание конфиденциальных писем между вами и генералом Конвеем». После этой зловещей прелюдии Вашингтон продолжил рассказ о том, как Уилкинсон болтал за рюмкой, и о том, что лорд Стирлинг передал ему определенную фразу из одного из писем Конвея (). Он сообщил об этом открытии Конвею, чтобы дать понять этому офицеру, что его интриганский характер замечен и находится под наблюдением. Он не упоминал об этом никому, кроме Лафайета, поскольку считал неблагоприятным допускать скандалы в армии и тем самым «давать врагу проблеск надежды». Он не знал, что Конвей переписывался с Гейтсом, и даже предполагал, что информация Уилкинсона была предоставлена с санкции Гейтса и с дружеским намерением подготовить его к борьбе с тайным врагом. «Но в этом, — с презрением добавляет он, — как и в других последних делах, я оказался неправ».

ГОРАТИО ГЕЙТС

Гейтс безуспешно пытается спастись ложью Таким образом, интриган переоценил свои силы. Не адъютант Вашингтона выведывал информацию, а собственный адъютант Гейтса проболтался. Если бы не вероломное письмо Гейтса, Вашингтон даже не заподозрил бы его; и, в довершение всего, он мог благодарить только себя за то, что опрометчиво разгласил перед Конгрессом дело, которое так мало ему льстило и которое Вашингтон, по своей великодушной осторожности, навсегда сохранил бы в тайне. Однако среди этого смятения можно было разглядеть единственный луч надежды. Похоже, что Вашингтон не знал ничего, кроме одной фразы, которую ему передал Уилкинсон в разговоре. Откровенная ложь могла бы теперь прояснить все дело и сделать Уилкинсона козлом отпущения для всех остальных. Гейтс соответственно снова написал Вашингтону, отрицая свою близость с Конвеем, заявляя, что он никогда не получал от него ни одного письма, и торжественно протестуя, что это письмо не содержало такого абзаца, о котором был проинформирован Вашингтон. Информацию, полученную через Уилкинсона, он осудил как подлую клевету. Но эти ложь была слишком прозрачна, чтобы кого-либо обмануть, поскольку в своем первом письме Гейтс косвенно признал существование нескольких писем между ним и Конвеем, а его явное волнение показало, что эти письма содержали замечания, которые он ни за что не хотел бы показать Вашингтону. Холодный и презрительный ответ Вашингтона прояснил все это и поставил Гейтса в очень неудобное положение, из которого не было пути назад.

но, как обычно, ему удается удержаться от огня Когда об этом деле стало известно Уилкинсону, который только что был назначен секретарем Военного совета и направлялся в Конгресс, его молодая кровь сразу закипела. Он написал всем громкие письма и вызвал Гейтса на смертельный бой. Встреча была назначена на рассвете, за епископальной церковью в Йорке, с пистолетами. В назначенный час, когда все прибыли на место, старый генерал через своего секунданта попросил о встрече со своим молодым противником, прошел с ним по задней улочке, разрыдался, назвал его своим дорогим мальчиком и отрицал, что когда-либо делал о нем какие-либо оскорбительные замечания. Гнев Уилкинсона на мгновение улегся, но вскоре вспыхнул с новой силой, когда он поинтересовался у Вашингтона и ему разрешили прочитать то самое письмо, в котором его генерал оклеветал его. Он немедленно написал письмо в Конгресс, обвиняя Гейтса в предательстве и лжи, и подал в отставку с поста члена Военного совета.

Поддельные письма Эти разоблачения укрепили Вашингтона, поскольку показали злобу и двуличие его врагов. Примерно в это же время в Лондоне была опубликована брошюра, переизданная в Нью-Йорке, содержащая письма, которые якобы были написаны Вашингтоном членам его семьи и найдены у мулатского слуги, взятого в плен в Форт-Ли. Если бы эти письма были подлинными, они доказали бы, что их автор является предателем американского дела; но они были настолько небрежно сфабрикованы, что всем было ясно, что это подделка, и их единственным результатом стало еще большее укрепление позиций Вашингтона и дальнейшее дискредитирование заговора, с которым многие были склонны их связывать.

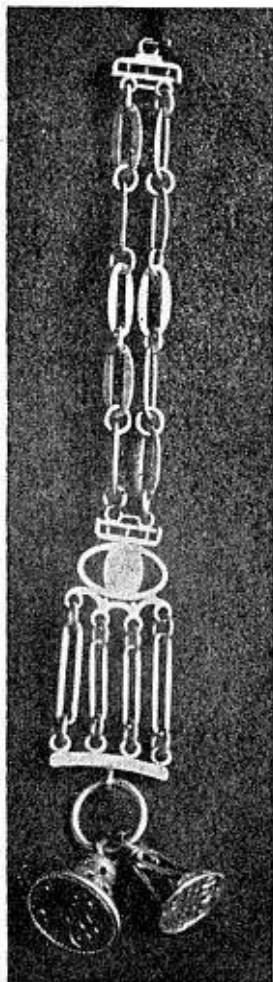

ПИСТОЛЕТ, ПОДАРЕННЫЙ ВАШИНГТОНУ ЛАФАЙЕТТОМ

План вторжения в Канаду Армия и народ были теперь возмущены заговорщиками, и пресса начала высмеивать их, в то время как репутация Гейтса сильно пострадала в Конгрессе, когда стали известны признаки его истинного характера. Все, что было необходимо для полного разгрома заговора, — это военная неудача, и она вскоре последовала. Чтобы отдалить Лафайета от Вашингтона, Военный совет разработал план зимней экспедиции против Канады. Лафайету, едва достигшему двадцати лет, было предложено возглавить экспедицию, а Конвею — стать его главным лейтенантом. Говорили, что французское население Канады обязательно приветствует высокородного француза как своего освободителя от британского ига; кроме того, полагали, что опытный ирландский интриган сможет убедить своего молодого командира присоединиться к заговору и привлечь к нему поддержку, которую можно было получить от французского союза, который тогда был на грани заключения. Конгресс был убежден санкционировать экспедицию, и с Вашингтоном по этому вопросу не советовались.

Ужин в Йорке Но Лафайет знал себя лучше, чем предполагали. Он не согласился принять командование, пока не получил согласия Вашингтона, а затем поставил обязательным условием (), чтобы барон де Калб, который превосходил Конвея по званию, сопровождал экспедицию. После того как эти предварительные условия были согласованы, молодой генерал отправился в Йорк за инструкциями. Там он застал Гейтса, окруженного интриганами и льстецами, сидящего за столом, который сильно отличался от того, к которому Лафайет привык в Вэлли-Фордж. Веселые от вина, гости приветствовали нового гостя овациями. Его должным образом польстили и подняли тост, предсказав славную кампанию. Гейтс заверил его, что по прибытии в Олбани он найдет 3000 регулярных солдат, готовых к походу, а также что можно ожидать мощной помощи от доблестного Старка с его грозными «Мальчиками из Зеленых гор». Маркиз слушал с невозмутимым спокойствием, пока ему не принесли документы, и почувствовал, что пора уходить. Затем, поднявшись, как

будто для речи, в то время как все глаза были обращены на него и в комнате воцарилась затаенная тишина, он напомнил компании, что был один тост, который в общем веселье они забыли произнести, и попросил разрешения предложить тост за здоровье главнокомандующего армиями Соединенных Штатов. Тост Лафайета. Глубокая тишина стала еще глубже. Никто не осмелился отказаться от тоста, «но некоторые просто подняли бокалы к губам, а другие осторожно поставили их на стол, не прикоснувшись к ним». С самым вежливым поклоном и едва заметным пожатием плеч нового командующего северной армией покинул комнату и сел на лошадь, чтобы отправиться в свой штаб в Олбани.

ПЕЧАТИ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ ВАШИНГТОНУ ЛАФАЙЕТТОМ

Абсурдность плана Когда он прибыл на место, он обнаружил, что ни войска, ни припасы, ни снаряжение не были готовы. Из армии, которой сдался Бергойн, ополченцы давно разошлись по домам, а большая часть регулярных войск была отозвана в Вэлли-Фордж (Valley Forge) или в высокогорные районы реки Гудзон (). Вместо 3000 регулярных войск, которые обещал Гейтс, удалось найти всего 1200, и они никоим образом не были одеты и снаряжены для зимнего похода по дикой местности. Между пьянками и сплетнями новый Военный совет не имел времени заниматься своими обязанностями. Шуйлер, Линкольн и Арнольд знали каждую дюйм этой страны и заверили Лафайета, что в данных обстоятельствах вторжение в Канаду было бы достойным поступком Дон Кихота. Кроме того, с учетом союза с Францией, завоевание Канады перестало казаться американцам желательным, поскольку после заключения мира французы могли потребовать ее сохранения в качестве компенсации за свои услуги. Жители Новой Англии предпочитали

Великобританию Франции в качестве соседа по Атлантическому океану (), и, соответственно, Старк со своими грозными «Мальчиками из Зеленых гор» не проявил никакого интереса к этому предприятию, и ни за какие деньги не удалось собрать и дюжины добровольцев.

Падение заговора Фиаско было настолько полным, а сам план настолько решительно осужден общественным мнением, что Конгресс пробудился от своего увлечения. Лафайет и Калб были рады вернуться в Вэлли-Фордж. Конвей, который остался, возмутился Конгрессом из-за какого-то мнимого пренебрежения и направил условную угрозу об отставке, которая, к его невыразимому удивлению, была принята безоговорочно. Он тщетно утверждал, что не имел в виду именно то, что сказал, поскольку за время долгого пребывания во Франции утратил навык правильного использования английского языка. Его мольбы и упреки остались без внимания. В Конгрессе дни заговора были сочтены. Миффлин и Гейтс были отстранены от Военного совета. Последний был отправлен управлять фортами на Гудзоне и предупрежден, чтобы не забывал, что он должен подчиняться главнокомандующему. Заговор и его деяния стали предметом всеобщего обсуждения, и друзья, которых он собрал, теперь начали решительно отрицать свою связь с ним. Сам Конвей через несколько месяцев был опасно ранен в дуэли с генералом Кадвалладером () и, полагая, что находится на смертном одре, написал Вашингтону очень смиренное письмо, в котором выражал искреннее сожаление о том, что когда-либо делал или говорил что-либо с намерением навредить такому великому и доброму человеку. Его рана оказалась не смертельной, но после выздоровления, обнаружив, что его все презирают и избегают, он вернулся во Францию, и американская история больше о нем не упоминала.

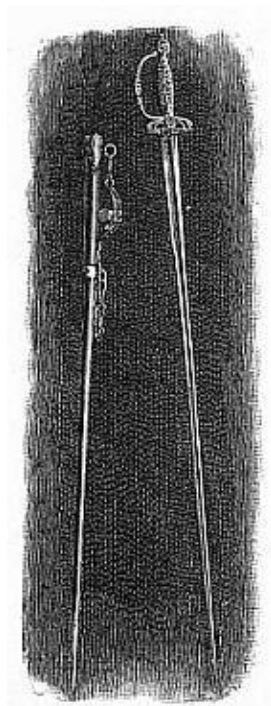
ПОПУЛЯРНЫЕ ПОРТРЕТЫ ИЗ АЛМАНАХА БИКЕРСТАФА, 1778 Г.

Упадок Континентального Конгресса Если бы лорд Джордж Джермейн был посвящен в секреты заговора Конвея, его надежда измотать американское дело значительно укрепилась бы. Такие интриги представляли собой гораздо большую опасность, чем истощенная казна, полуголодная армия и поражение на поле боя. Народ так и считал, и события той зимы

оставили пятно на репутации Континентального Конгресса, от которого он так и не смог полностью оправиться. Конгресс уже утратил высокое личное уважение, которым он пользовался в начале (). Такие люди, как Эдмунд Берто () Франклин, Вашингтон, Джефферсон, Генри, Джей и Рутледж, теперь занимали другие должности. Законодательные органы нескольких штатов предлагали более многообещающую карьеру для способных людей, чем Континентальный Конгресс, который не имел ни судов, ни магистратов, ни какого-либо признанного суверенитета. На заседаниях Конгресса часто присутствовало не более десяти-двенадцати членов. Появились странные признаки, которые, казалось, свидетельствовали о том, что чувство единства между штатами было слабее, чем два года назад. Вместо фразы «народ Соединенных Штатов» в 1778 году стали слышать «жители этих конфедеративных штатов». В отсутствие какой-либо центральной суверенной власти, которая могла бы служить символом союза, начали опасаться, что новая нация все-таки может быть завоевана из-за отсутствия политической сплоченности. Эти опасения омрачили радость от победы в Саратогe, поскольку в конце 1777 года Континентальный конгресс начал заметно терять свое место в общественном сознании и постепенно погружаться в полное унижение и бессилие, которые должны были поглотить его еще до истечения десяти лет.

Растущее влияние Вашингтона Поражение заговора Конвея ознаменовало начало упадка Конгресса, но в то же время ознаменовало подъем Вашингтона на более высокое место в сердцах народа, чем он когда-либо занимал ранее. Когда глупые интриги против него обернулись против их авторов, люди начали понимать, что страна возлагала свои надежды на успех в великом деле, которое она предприняла, гораздо больше на его безупречную мудрость и бескорыстный патриотизм, чем на что-либо, что мог сделать Конгресс. По мере того как несостоятельность Конгресса все более очевидно показывала, что страна в целом осталась без правительства, Вашингтон все более явно выступал в качестве живого символа союза штатов. В нем и его работе сосредоточились общие надежды и общие интересы всего американского народа. Не было необходимости наделять его чрезвычайными полномочиями. В последние годы войны он, благодаря своему личностному авторитету (), стал обладать таким же влиянием, как Перикл над афинянами. Он был всемогущим, потому что был «первым в сердцах своих соотечественников». Немногие люди за всю историю занимали столь высокое положение; никто никогда не использовал власть более бескорыстно. Его тяжелый труд научил его лучше, чем кого-либо другого, ценить слабость, которую несла страна из-за отсутствия стабильного центрального правительства. Но когда война закончилась и на первый план вышла политическая проблема, вместо того, чтобы использовать эти знания, чтобы сделать себя лично незаменимым для страны, он направил весь вес своего характера и опыта на обеспечение принятия такой федеральной конституции, которая сделала бы диктатуру навсегда ненужной и невозможной.

ГЛАВА X.

МЕЧ, ПОДАРЕННЫЙ ВАШИНГТОНУ ФРЕДЕРИКОМ ВЕЛИКИМ

МОНМУТ И НЬЮПОРТ.

Барон Фридрих фон Штойбен Во время мрачной зимы в Вэлли-Фордж Вашингтон занимался улучшением организации своей армии. Падение клики Конвея устранило многие препятствия. Грин был убежден, несколько вопреки его желанию, служить генерал-квартирмейстером, и с тех пор обязанности этой важной должности выполнялись с усердием и оперативностью. Отставка Конвея открыла путь к наиболее благоприятным изменениям в инспекционной службе армии. Из всех иностранных офицеров, служивших под командованием Вашингтона во время Войны за независимость, барон фон Штойбен был во многих отношениях самым важным. Член знатной семьи, которая на протяжении пяти веков отличалась в местных анналах Магдебурга, Штойбен был одним из самых образованных и опытных солдат Германии. Его дед, способный теолог, был хорошо известен как автор критического трактата о Новом Завете. Его дядя, выдающийся математик, был изобретателем новой системы укреплений. Его отец прослужил полвека с честью в инженерных войсках. Сам он в начале Семилетней войны имел звание первого лейтенанта () и после отличной службы в сражениях при Праге, Россбахе и Кунерсдорфе был повышен до должности в штабе Фридриха Великого. В конце войны, когда бережливый король сократил свою армию, а Блюхер вместе с другими офицерами, впоследствии прославившимися, покинул службу, Штойбен ушел в отставку с почетным званием генерала Швабского круга. Более десяти лет он был великим маршалом принца Гогенцоллерна-Хехингена. Затем он путешествовал по Европе, пока весной 1777 года не прибыл в Париж и не познакомился с Франклином и Бомарше.

Steuben

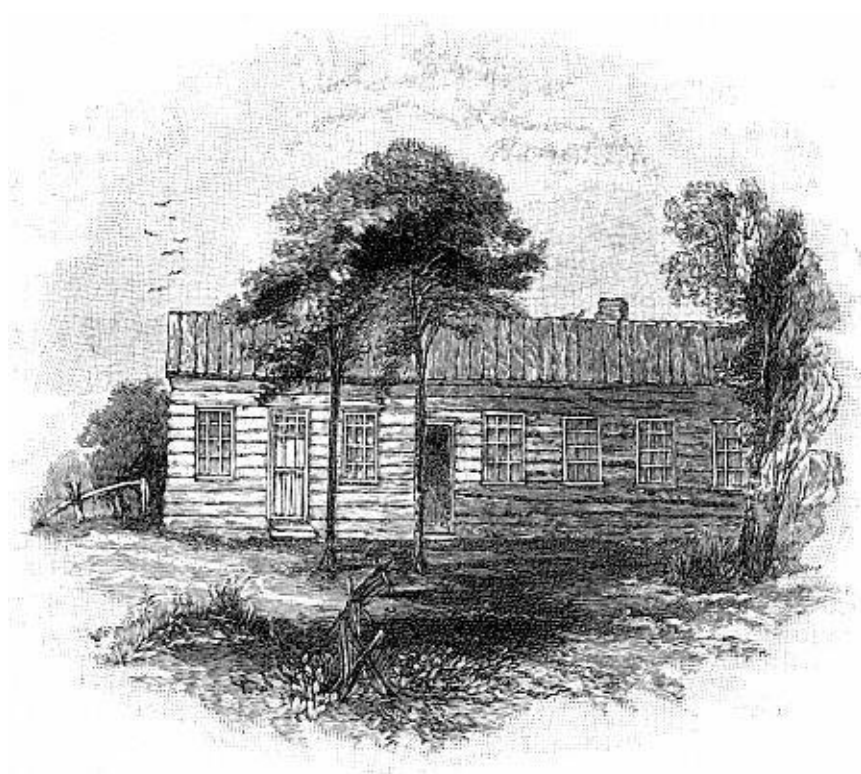

Friedrich

Французское министерство уже тайно обдумывало союз с Америкой, и проницательный Вержен, зная, что главный недостаток наших армий заключался в отсутствии организации и дисциплины, видел в научно подготовленных немецких солдатах эффективное средство для исправления этого зла. После долгих колебаний Штойбен был убежден принять эту задачу. Чтобы его появление не вызвало недовольства среди американских офицеров, Вержен перевел его почетный звание, которое он имел в Германии, в звание генерал-лейтенанта по системе « », которое американцы сразу же признали бы более высоким, чем любая должность в их собственной армии, за исключением должности главнокомандующего.

Штойбен прибывает в Америку Не зная английского языка, Штойбен взял с собой в качестве секретаря и переводчика молодого Пьера Дюпонсо, впоследствии прославившегося как юрист и еще более известного как филолог. Однажды на борту корабля этот веселый молодой француз поспорил, что поцелует первую янки, которую встретит при высадке на берег. Итак, когда они высадились в Портсмуте в морозный декабрьский день, он торжественно подошел к милой девушке из Нью-Гэмпшира, которая проходила мимо, и сказал ей, что перед тем, как покинуть свою родину, чтобы сражаться за свободу Америки, он дал клятву, что в случае победы попросит поцелуй у первой встречной дамы. Рыцарская мольба нашла отклик в сердце прекрасной пуританке, и знак успеха был дан.

В Бостоне Джон Хэнкок снабдил группу санями, возчиками и верховыми лошадьми для путешествия по суше на расстояние более четырехсот миль до Йорка. Во время этого веселого путешествия, которое длилось три недели, сердце Штойбена согрелось к его новой стране воспоминаниями о Семилетней войне, с которыми он часто сталкивался. Имя Фридриха было заслуженно популярно в Америке, и его знакомые черты украшали вывески многих придорожных гостиниц, а на стенах кофеен висели причудливые гравюры с балладами, посвященными Росбаху и Лейтену, а также Луисбургу и Квебеку. и посещает Конгресс в Йорке По прибытии в Йорк немецкий генерал был принят Конгрессом с особыми почестями, и на этот раз доверие, оказанное обученному европейскому солдату, оказалось вполне заслуженным. На протяжении всей войны Штойбен проявил себя не только способным, но и преданным. Он по-настоящему полюбил свою новую родину, и после окончания войны уединился в романтическом лесу недалеко от Орискани, где уже поселилось множество семей немецкого происхождения и где штат Нью-Йорк подарил ему ферму площадью 16 тысяч акров в знак признания его заслуг. Здесь он прожил тихую жизнь загородного джентльмена до своей смерти в 1794 году. Небольшая деревня примерно в двенадцати милях к северу от места, где находился старый форт Стэнвикс, до сих пор носит его имя и отмечает местоположение его поместья.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДОМ ШТЮБЕНА В ОРИСКАНИ

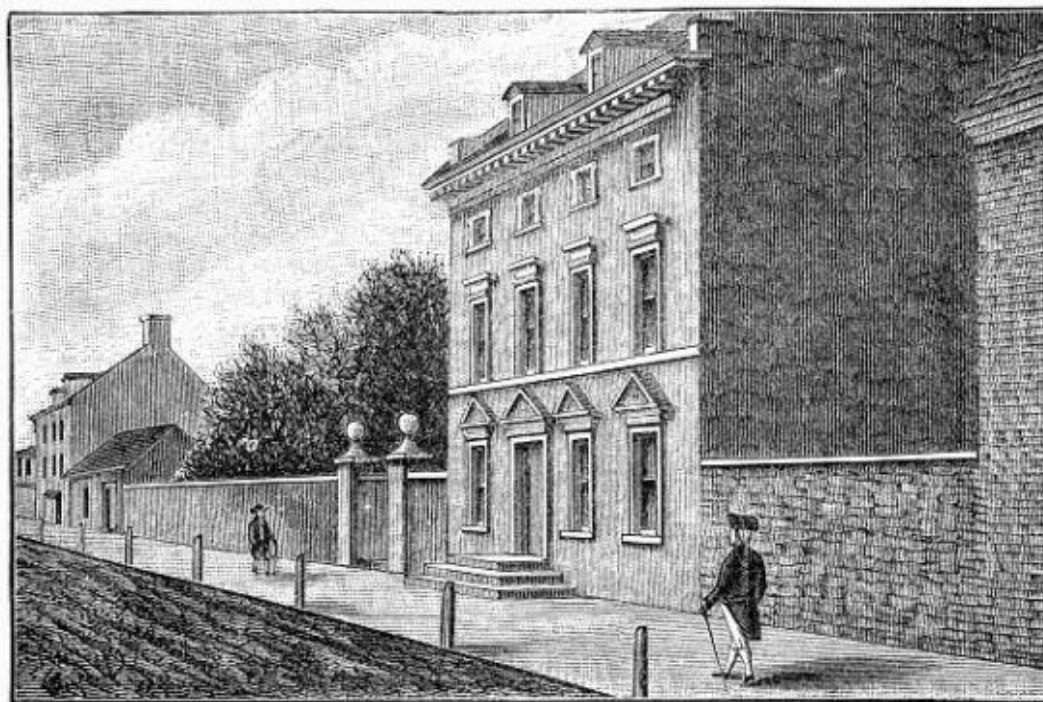
Штюбен в Вэлли-Фордж После беседы с Конгрессом Штюбен сразу же отправился в Вэлли-Фордж, где Вашингтон быстро оценил его способности; с другой стороны, Штюбен не затруднился заметить в этой оборванной и разношерстной армии, которую он просматривал, наличие солдатских качеств, которым не хватало только обучения. Игнорируя английские предрассудки, согласно которым обучение солдат было делом, подходящим только для сержантов, он взял в руки мушкет и показал, что нужно делать. Будучи бдительным и неутомимым, он работал с утра до вечера, показывая солдатам, как наступать, отступать или менять фронт, не впадая в беспорядок, — короче говоря, как выполнять все те быстрые и точные движения (), которыми прославилась прусская армия. Для американских войск это было откровением. Генералы, полковники и капитаны были заражены его примером и его огромным энтузиазмом, и в течение нескольких месяцев лагерь превратился в учебную школу, в которой учителя и ученики работали с неустанной и яростной энергией. Штойбен был поражен быстротой, с которой простые солдаты усваивали уроки. Он имел безобидный холерический характер, который был частью его переполняющей энергии, и иногда, когда он тренировал неуклюжий отряд, он исчерпывал свой запас французских и немецких ругательств и звал на помощь своего помощника, чтобы тот ругал тупиц на английском языке. «Viens, mon ami Walker», — кричал он, — «viens, mon bon ami. Sacre-bleu! Gott-vertamn de gaucherie of dese badauts. Je ne puis plus; я больше не могу их ругать!» Однако за невероятно короткое время, как он позже писал, эти неуклюжие парни приобрели военный вид, научились носить оружие и знали, как выстраиваться в колонну, развертываться и выполнять маневры с точностью. В мае 1778 года, после трех месяцев такой работы, Штойбен был назначен генеральным инспектором армии с званием и жалованьем генерал-майора. Введенные им реформы были настолько далекоидущими, что, как говорили, через год они сэкономили Соединенным Штатам более 800 000 французских ливров. Учет оружия и снаряжения не велся, и из-за небрежной добродушия, позволявшей каждому новобранцу уносить домой свой мушкет на память, ежегодно терялось от пяти до восьми тысяч мушкетов. За первый год инспекторства Штойбена () было потеряно менее

двадцати мушкетов. Половина оружия в Вэлли-Фордж была найдена Штойбенем без штыков. Американские солдаты не доверяли этому оружию, потому что не умели им пользоваться; когда они не выбрасывали его, то использовали в кулинарных целях, насаживая на его острие говядину, которую жарили на костре. Однако чуть больше чем через год после прибытия Штойбена мы увидим, как американская колонна, не произведя ни одного выстрела, штурмует укрепления в Стони-Пойнт в одной из самых ярких штыковых атак в истории.

ЛАГЕРЬ В ВАЛЛИ-ФОРДЖ, 1777-1778

Руководство по тактике Штойбена Помимо всего этого, именно Штойбен первым научил американскую армию понимать ценность эффективного штаба. Нехватка такого штаба была остро ощутима в битве при Брэндивайн, но к концу войны Вашингтон обзавелся штабом, который не вызвал бы презрения у Фридриха. Будучи занятым всеми этими трудоемкими реформами, добрый барон нашел время для подготовки нового кодекса дисциплины и тактики, основанного на прусском опыте, но адаптированного к особым условиям американской войны; и это превосходное руководство сохранило свое место, долго после смерти его автора, как «Синяя книга» нашей армии. В этой адаптации средств к целям Штойбен проявил себя не как фанатик, а как глубокий военный ученый; он умел не только учить, но и учиться. И в искусстве ведения войны был один урок, который Европа теперь извлекла из опыта Америки. В лесных боях с индейцами было признано целесообразным действовать в рыхлых колоннах, которые могли легко разделиться, чтобы укрыться за деревьями, и в кратчайшие сроки вновь объединиться; таким образом, была разработана

своеобразная легкая пехота, характерная для Америки, и особенно подходящая для ведения перестрелок (). Именно такая легкая пехота под командованием Арнольда и Моргана дважды одержала победу в Саратогской кампании. Усовершенствованная Штойбенем и воплощенная, наряду со всеми другими военными знаниями того времени, Наполеоном, эта тактика легкой пехоты сыграла важную роль на европейских полях сражений XIX века.

ШТАБ ХАУЭРА В ФИЛАДЕЛЬФИИ

Сэр Уильям Хоу уходит в отставку Таким образом, после ужасной зимы в Вэлли-Фордж, когда все накопившиеся проблемы, вызванные неэффективным управлением Конгресса, привели к почти полному разгрому армии, она вышла из этой ситуации более организованной и смелой, чем когда-либо прежде. Со стороны противника не было предпринято ничего, чтобы помешать ей. Положение в Вэлли-Фордж было сильным, и сэр Уильям Хоу считал, что проще прохладиться в Филадельфии, чем вести стратегическую игру против Вашингтона в разгар американской зимы. Когда Франклин в Париже впервые услышал новость о том, что Хоу взял Филадельфию, хорошо зная, насколько незначительна военная ценность этого завоевания, он заметил, что правильнее было бы сказать, что Филадельфия взяла генерала Хоу. И так оно и оказалось, в более чем одном смысле; ведь его решение отправиться туда было резко осуждено оппозицией в парламенте, и лорд Джордж Джермейн не сказал ни слова в его защиту. Кампания 1777 года была настолько неудачной, что никто из главных участников, за исключением Бергойна, не был готов открыто взять на себя свою долю ответственности за нее. Сэр Уильям Хоу не хотел раскрывать секрет своих особых обязательств перед предателем Ли, а лорд Джордж Джермейн рисковал погубить себя, рассказав историю о депеше, которая так и не была отправлена. Лорд Джордж, который никогда не славился щедростью, пытался оградить себя, без разбора возлагая всю вину на двух генералов. Бергойн, который заседал в парламенте, умело и откровенно защищал себя; а когда Хоу услышал, что происходит, он подал в отставку, чтобы тоже вернуться домой и защитить себя. Кроме того, он устал от войны и был более чем когда-либо убежден, что она

закончится провалом.

МАЙОР АНДРЕ Мишианца 18 мая в Филадельфии состоялся грандиозный прощальный банкет, названный *Мишианца*, — странная смесь современного парада и средневекового турнира, на котором семь рыцарей в шелковых доспехах из ордена Смешанной Розы и еще семь из ордена Плавающей Горы дружески сломали копья в честь четырнадцати цветущих девиц в турецких костюмах, а на триумфальных арках, увенчанные изображениями Славы, демонстрировали надписи, воспевающие на латыни и французском языке славу уходящего генерала. В этих любопытных торжествах, больше напоминавших Брюгге XV века, чем Филадельфию XVIII века, долгое время помнили, что наиболее заметную роль в них сыграли несчастный майор Андре и очаровательная мисс Маргарет Шиппен, которая вскоре стала женой Бенедикта Арнольда. После таких прощальных церемоний сэр Уильям Хоу отплыл в Англию, а сэр Генри Клинтон занял его место в качестве главнокомандующего британскими войсками в Америке.

Британцы эвакуируют Филадельфию, 18 июня 1778 года Позиции Вашингтона в Вэлли-Фордж сдерживали британцев всю зиму. Они не извлекли никакой выгоды из захвата «столицы мятежников», поскольку Конгресс мог работать так же плохо и в Йорке, и в Филадельфии, а политическая жизнь Соединенных Штатов распространялась от одного конца страны до другого. Это место было бесполезно в качестве базы для военных операций. Его было труднее защищать и снабжать продовольствием, чем островной город Нью-Йорк; кроме того, к американскому побережью приближался мощный французский флот под командованием графа д'Эстена. С угрозой потери контроля над Делавером Филадельфия вскоре стала бы несостоятельной, и в соответствии с инструкциями, полученными от министерства, сэр Генри Клинтон приготовился эвакуировать это место и сосредоточить свои силы в Нью-Йорке. Сначала он намеревался уйти по воде, но, обнаружив, что у него не хватает транспорта для всей армии и беженцев-тори, которые поставили себя под его защиту, он изменил свой план. 3000 тори с личным имуществом были отправлены на флоте, а армия, обремененная двенадцатью милями обозов с багажом, начала отступление через Нью-Джерси. Утром 18 июня 1778 года арьергард британцев вышел из Филадельфии, и до захода солнца американские передовые войска вошли в город и заняли его. Арнольд принимает командование в Филадельфии Генерал Арнольд, чья покалеченная нога не позволяла ему выйти на поле боя, был поставлен во главе армии, и через две недели вернулись как Конгресс, так и правительство штата. Из оставшихся тори двадцать пять были обвинены по законам Пенсильвании в преступлении оказания помощи врагу. Два квакера, которые фактически привели группу британцев к полуночному нападению на американский аванпост, были признаны виновными в измене и повешены. Остальные двадцать три были либо оправданы,

либо помилованы. На другом берегу реки семнадцать тори, осужденных за измену по законам Нью-Джерси, все получили помилование от губернатора.

MISCHIANZA HEADDRESS

Возвращение Чарльза Ли Отступление британцев из Филадельфии было воспринято американцами как победа, и Вашингтон стремился усилить моральный эффект этого события внезапным ударом, который должен был парализовать армию сэра Генри Клинтона. По численности его войска были примерно равны врагу, обе армии насчитывали около 15 000 человек, а по оснащению и дисциплине его солдаты были в лучшем состоянии, чем когда-либо прежде. К сожалению, американская армия только что получила одно пополнение, которое в значительной степени нейтрализовало эти преимущества. Возвратился злоумышленник Ли. Предыдущим летом британский генерал-майор Прескотт был взят в плен в Род-Айленде, и после девяти месяцев утомительных переговоров Ли был обменян на него. Он прибыл в Вэлли-Фордж в мае, и поскольку Вашингтон нашел снисходительное объяснение его возмутительному поведению до пленения, а о его предательском заговоре с Хоусами ничего не было известно, он, естественно, без вопросов вернулся на свою прежнюю должность старшего генерал-майора армии. Какая ужасная ситуация для американцев: иметь вторым офицером в своей армии человека, которому в любой момент войны могло быть поручено главное командование, такого злодея, который недавно замышлял их уничтожение! Что бы подумали Вашингтон и Конгресс, если бы им пришла в голову мысль о всей мрачности этой правды? Но почему, можно спросить, интриган вернулся? Почему он счел целесообразным снова притвориться американцем? Могло ли это быть с намерением сыграть на руку врагу? И мог ли сэр Генри Клинтон знать об этом намерении?

Причины возвращения Ли Такая гипотеза, подразумевающая прямой сговор между Ли и британским командующим, весьма маловероятна. Не следует забывать, что сэр Уильям Хоу, генерал-виг, только что уехал домой, чтобы защищаться от яростных нападок сторонников короля за свои военные действия, а его преемник, сэр Генри Клинтон, был не только тори, но и личные отношения между этими двумя людьми не были совсем дружескими. Поэтому вряд ли вероятно, что Клинтон мог знать о сотрудничестве Ли с Хоу. Если бы он знал об этом, можно быть уверенным, что эта тайна не оставалась бы в тайне в течение восьмидесяти лет. Гораздо более вероятно, что после катастрофического провала военных советов Ли он был низведен до болезненной незначительности в британском лагере и поэтому был готов приветствовать возможность еще раз испытать свою удачу с американцами. Действительно, обстоятельства были таковы, что у него едва ли оставалось выбор в этом вопросе (). Как военнопленный, он должен был подчиниться обмену. Единственный способ избежать этого был публично признать, что он отказался от американской службы и связал свою судьбу с британцами. Но такое признание сразу лишило бы его защиты генерала Вашингтона и, таким образом, подвергло бы его суду как дезертира и расстрелу для удовольствия Георга III. В целом, как показали события, для Ли было безопаснее последовать за Фортуной обратно в американский лагерь. Он прибыл с обновленной надеждой на то, что сможет занять место Вашингтона () в его сердце. Что касается Клинтона, то нет никаких признаков сговора между ним и предателем, но он, вероятно, видел и слышал достаточно, чтобы подтвердить заявленное мнение сэра Джозефа Йорка о том, что такой человек, как Чарльз Ли, был «худшим подарком, который могли получить американцы».

Вашингтон преследует британцев Когда Филадельфия была эвакуирована, Ли сначала попытался сбить Вашингтона с толку, приведя доводы, по которым можно было полагать, что Клинтон не намеревался отступать через Нью-Джерси. Не добившись успеха, он нашел множество причин, почему британскую армию не следует преследовать и беспокоить во

время отступления. Затем, когда Вашингтон решил, что необходимо нанести удар, он стал угрюмым и отказался его проводить. Вашингтон шел быстрее Клинтона, почти параллельно ему, к северу от Алентауна (), так что к тому времени, когда британский генерал достиг Алентауна, он обнаружил, что его противник опередил его на линии отступления. Клинтону не было смысла сражаться, если он мог этого избежать, и поэтому он повернул направо, следуя по дороге, которая вела через Монмут и Мидлтаун к Сэнди-Хук (Sandy Hook). Вашингтон отделил отряд численностью около 5000 человек, чтобы быстро продвинуться вперед и отрезать тыл врага, а сам собирался подойти и поддержать операцию с остальной частью своей армии. Ли, как второму по званию, по праву принадлежало командование этим передовым отрядом, но он отказался от него, мотивируя это тем, что он наверняка потерпит поражение, и Вашингтон доверил эту операцию молодому Лафайету, в здравом суждении которого он уже неоднократно убеждался. Но в течение ночи Ли, каким бы ни было его жалкое намерение, пришло в голову, что, возможно, он все-таки лучше всего достигнет его, выйдя на поле боя. Поэтому на следующее утро он сообщил Вашингтону, что передумал и хочет принять командование, от которого только что отказался. Вашингтон с необычайной терпеливостью удовлетворил его просьбу и уладил дело с таким тактом, чтобы не задеть чувства Лафайета (), который, таким образом, к сожалению, лишился командования операцией.

Его план атаки В ночь на 27 июня левое крыло британской армии численностью 8000 человек под командованием лорда Корнуоллиса разбило лагерь недалеко от Монмут-Корт-Хаус, на дороге из Аллентауна. Правое крыло, примерно равное по численности и состоящее в основном из гессенцев под командованием Кныпхаузена, расположилось чуть дальше Корт-Хауса, на дороге в Мидлтаун. В порядке следования правое крыло шло впереди, сопровождая огромный обоз. Левое крыло, следовавшее сзади, было подвержено опасности, и с ним оставался сэр Генри Клинтон. Американское авангардное подразделение под командованием Ли, численностью 6000 человек, располагалось примерно в пяти милях к северо-востоку от британской линии, а Вашингтон с основными силами находился всего в трех милях позади. Приказы, полученные Ли от Вашингтона, были четкими и ясными. Он должен был обойти левое крыло британцев и нанести по нему мощный удар, пока Вашингтон не подойдет и не завершит их разгром. Силы Ли были достаточными по количеству и качеству для выполнения поставленной задачи, и были все основания надеяться, что лучшие силы британской армии будут таким образом отрезаны и захвачены или уничтожены. С начала войны едва ли было столь благоприятное стечение обстоятельств.

Битва при Монмуте, 28 июня 1778 года Воскресенье, 28 июня, было жарким днем, термометр показывал 96° в тени. Рано утром Клинтон осторожно двинулся вперед. Кныпхаузен поспешил вперед по дороге на Мидлтаун, а левое крыло следовало за ним, пока не прошло более миль за Монмут-Корт-Хаус, где обнаружило, что с севера его обошли американские колонны. Ли продвинулся от церкви Фрихолд по главной дороге, пересекая два глубоких оврага по насыпям; и теперь, пока его левое крыло огибало Корнуоллиса с севера, занимая выгодную позицию, его центр под командованием Уэйна был близко позади, а правое крыло под командованием Лафайета уже прошло мимо Корт-Хауса и угрожало другому концу британской линии с юга. Корнуоллис немедленно изменил фронт, чтобы встретить опасность на севере, и отряд был отправлен по дороге к зданию суда, чтобы сдерживать Лафайета. Положение британцев было опасным, но поведение американского командующего теперь стало весьма необычным. Когда Уэйн начинал атаку, Ли приказал ему сдержаться и просто сделать финт, так как основная атака должна была быть проведена в другом месте. Пока Уэйн удивлялся этому, британские войска, спускавшиеся по дороге, были замечены направляющимися между Уэйном и Лафайетом. Было бы легко остановить

их, но маркиз едва успел начать, как Ли приказал ему вернуться, бормоча, что невозможно противостоять британским солдатам. Позорное отступление Ли Подозрения Лафайета были теперь возбуждены, и он поспешно отправил депешу Вашингтону, говоря, что его присутствие на поле боя крайне необходимо. Армия была сбита с толку. Бои едва начались, но их положение было явно настолько хорошим, что неспособность быстро им воспользоваться наводила на мысль о какой-то неизвестной опасности (). Ли приказал одной из дивизий на левом фланге отступить, и другие, увидев это отступление и поняв, что оно является прелюдией к общему отступлению, также начали отступать. Таким образом, все отступили, хотя и без суеты и беспорядка, на возвышенность к востоку от второго оврага, который они пересекли во время наступления. Таким образом, все преимущества их наступательного движения были утрачены без борьбы, но позиция, которую они теперь заняли, была отличной для оборонительного боя. К удивлению всех, Ли приказал продолжить отступление через болотистое ущелье. Когда они столпились на дамбе, ряды начали приходить в некоторое беспорядочное состояние. Многие падали от изнеможения от жары. Никто не мог понять, от чего они бежали, и ликующий энтузиазм, с которым они начали окружать британскую линию, сменился горьким разочарованием, которое выливалось в страстные проклятия. Так они спешили, все больше теряя порядок, пока не подошли к краю западного оврага, где их трусливый командир встретил приближавшегося Вашингтона.

Вашингтон спасает ситуацию Люди, которые тогда видели лицо Вашингтона и слышали его гневную тираду, никогда не забудут этого до конца своих дней. Это был один из тех моментов, которые остаются в памяти навечно. Современные люди, которые ничего не знают о Чарльзе Ли, смутно представляют его как человека, которого Вашингтон отругал в Монмуте. Люди, которые ничего не знают о битве при Монмуте, все еще смутно ассоциируют это имя с позором генерала Ли. Не было потрачено много слов.^[17] Оставив предателя дрожащим и съезжившимся в стремени, Вашингтон поспешил собрать войска и сформировать новый фронт. Не было ни минуты для промедления, поскольку британцы были в миле от них, и их огонь начался до того, как удалось сформировать линию боя. Бросить массу беспорядочных беглецов на пути наступающих подкреплений, как собирался сделать Ли, означало поставить под угрозу организацию всей армии. Именно в этот момент стали видны замечательные результаты обучения Штойбена. Отступающие солдаты немедленно развернулись и сформировали строй под обстрелом с таким же хладнокровием и точностью, как и на параде, и пока они останавливали продвижение врага, Вашингтон вертелся назад и подтянул основные силы своей армии. На возвышенностях слева от врага Грин разместил батарею, которая обстреливала их линии с смертоносным эффектом, в то время как Уэйн энергично атаковал их с фронта. После отважного сопротивления британцы были оттеснены ко второму оврагу, который Ли пересек утром во время наступления. Вашингтон послал сообщение Штойбену, который находился в паре миль сзади, приказав ему привести три бригады и давить на отступающего врага. Незадолго до этого он снова встретил Ли и приказал ему отступить, поскольку его подозрения теперь были полностью подтверждены. Когда предатель, разочарованный и полный злобы, уезжал с поля боя, он встретил наступавшего Штойбена и попытался совершить последний злой поступок. Он пытался убедить Штойбена остановиться, утверждая, что тот, должно быть, неправильно понял приказ Вашингтона, но с достойным бароном не шутили, и он упорно продолжал свой путь.^[18] Британцы в некотором замешательстве были оттеснены через ущелье и как раз

собирались занять новую позицию на возвышенности к востоку от него, когда ночь положила конец сражению. Вашингтон отправил отряды, чтобы атаковать их с обоих флангов, как только наступит рассвет, но Клинтон отступил ночью, уводя с собой многих из своих раненых, и к рассвету присоединился к Кныпхаузену на возвышенностях Мидлтауна, куда было бесполезно следовать за ним.

ЧАРЛЬЗ ЛИ

Это была ничья. Общие потери американцев в битве при Монмуте составили 362 человека. Потери британцев обычно оцениваются в 416 человек, но, вероятно, были гораздо больше. По собственному отчету Вашингтона, американцы похоронили на поле боя 245 погибших британцев, но не смогли подсчитать раненых, так как многих унесли; исходя из обычного соотношения четырех-пяти раненых на одного убитого, он оценивает их число от 1000 до 1200.^[19] Более 100 британцев были взяты в плен. С обеих сторон было много смертей от солнечного удара. Это сражение обычно считается победой американцев, и в некотором смысле это так, поскольку они изгнали врага с поля боя. Однако с стратегической точки зрения лорд Стэнхоп совершенно прав, называя его ничейным. Цель, с которой Вашингтон ее начал, была сорвана из-за предательства Ли. Тем не менее, учитывая быстроту, с которой Вашингтон превратил поражение в победу, и значительное повышение боеспособности солдат, моральное преимущество, несомненно, было на стороне американцев. Это усилило впечатление, произведенное освобождением Филадельфии, заставило замолчать критиков Вашингтона,^[20] и оказало удручающее воздействие на армию Клинтона. Более 2000 его солдат, в основном гессенцы, дезертировали в течение следующей недели.

В ночь после сражения поведение Ли было темой бурных дискуссий среди американских офицеров. На следующий день, придя в себя, он написал раздраженное письмо Вашингтону, требуя извинений за свои высказывания на поле боя. Ответ Вашингтона был следующим:

Письмо Вашингтона Ли: «Сэр, я получил ваше письмо, в котором, как я полагаю, используются весьма неуместные выражения. Я не помню, чтобы во время нашей встречи я использовал какие-либо необычные выражения, как вы намекаете. То, что я помню, было продиктовано долгом и оправдано обстоятельствами. Как только позволят обстоятельства, у вас будет возможность оправдаться перед армией, Конгрессом, Америкой и всем миром в целом; или убедить их в том, что вы виновны в нарушении приказов и неподобающем поведении перед врагом 28-го числа текущего месяца, не атаковав его, как вам было приказано, и совершив ненужное, беспорядочное и позорное отступление».

Суд и приговор Ли На это ужасное письмо Ли ответил следующим наглым ответом: «Вы не можете доставить мне большего удовольствия, чем предоставив мне возможность показать Америке достаточность ее соответствующих слуг. Я верю, что временная власть должности и сопутствующее ей мишурное достоинство не смогут, несмотря на все туманы, которые они могут поднять, затмить яркие лучи истины». Вашингтон ответил арестом Ли. Был немедленно создан военный трибунал, перед которым ему были предъявлены обвинения в неподчинении приказам, не нанеся удара по врагу, в неподобающем поведении на поле боя, совершив ненужное и позорное отступление, и, наконец, в грубом неуважении к главнокомандующему. После тщательного судебного разбирательства, которое длилось более месяца, он был признан виновным по всем трем пунктам обвинения и отстранен от командования в армии *на срок один год*.

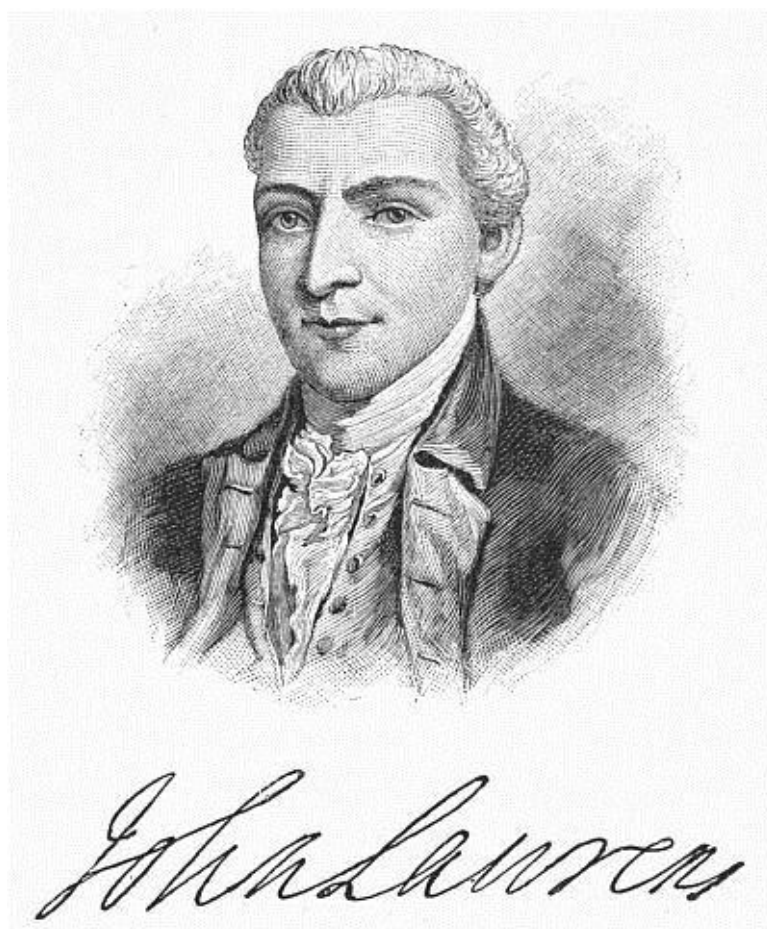
Этот абсурдно неадекватный приговор является примером крайней и порой неразумной гуманности, которая обычно характеризует судебные разбирательства в Америке. Многие европейские солдаты были безжалостно расстреляны за менее серьезные проступки. Командир не может быть виновен в более черном преступлении, чем сознательное предательство своего долга на поле боя. Но в случае Ли сама тяжесть его преступления в значительной степени уберегла его от заслуженного наказания. Люди обычно с трудом верят в преступления, которые выходят далеко за рамки обычной порочности общества, в котором они живут. Если кандидат в Конгресс обвиняется во взяточничестве или хищении, нам, к сожалению, легко поверить в это обвинение; но если бы его обвинили в попытке отравления своего соперника, нам было бы очень трудно в это поверить. Во Франции Екатерины Медичи или Италии Цезаря Борджиа одно обвинение было бы столь же правдоподобным, как и другое, но мы уже далеко ушли от некоторых из самых грубых форм преступности. В американской истории, как и в современной английской истории, случаи откровенной измены были очень редки, и чем больше мы впечатлены их невыразимой злобой, тем с большей неохотой мы признаем возможность их возникновения. В Древней Греции и средневековой Италии было много Бенедиктов Арнольдов; в Соединенных Штатах единственный заговор с целью сдать крепость врагу привел его автора к одинокому бессмертию позора. Но если бы доказательства измены Арнольда не были абсолютно неопровержимыми, многие люди отказались бы в них верить. Точно так же люди не спешили верить, что Ли мог быть настолько злонамеренным, чтобы спланировать поражение армии, в которой он занимал столь высокую должность, и некоторые историки предпочли считать его поведение совершенно непонятным, вместо того чтобы принять единственную зацепку, с помощью которой его можно объяснить. Предполагалось, что он мог быть сбит с толку, он мог быть напуган, он мог быть сумасшедшим, и его известная эксцентричность в некоторой степени подтверждала последнюю гипотезу. Возможно, военный трибунал поступил правильно, дав ему право на сомнение, но в любом случае должно было быть очевидно, что он доказал свою *постоянную* непригодность к командованию.

КАРИКАТУРА ЧАРЛЬЗА ЛИ

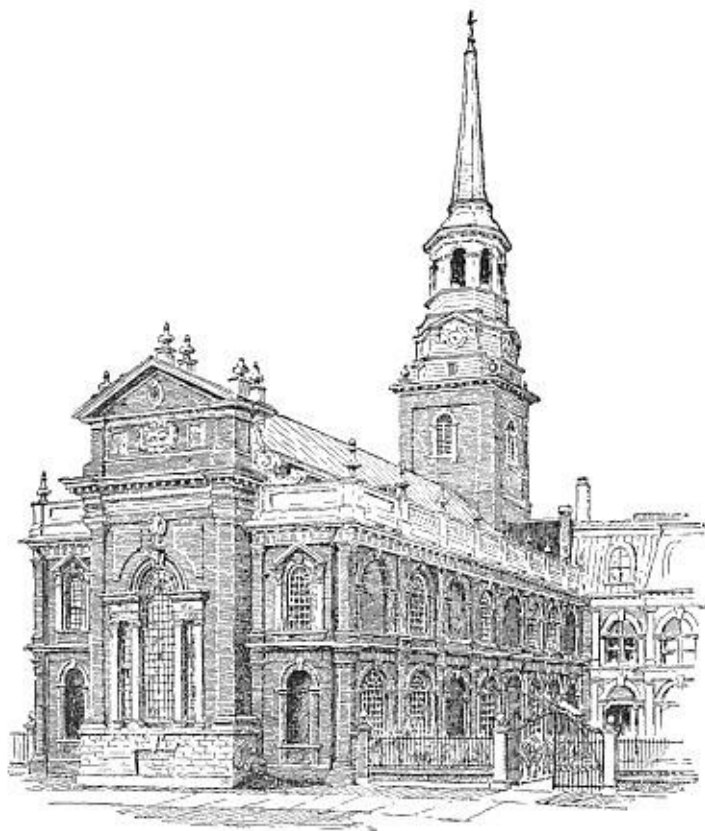
Характер и планы Ли Историки долгое время подражали милосердию военного трибунала, говоря о «своенравии» генерала Ли. Прошло почти восемьдесят лет, прежде чем был обнаружен документ, который дает нам право дать худшую оценку его поступкам, но в то же время позволяет ясно понять мотивы, которые ими руководствовались. Ли был ничем иным, как эгоистичным авантюристом. Он не верил в принципы, за которые боролись американцы, да и вообще ни в какие принципы. Он приехал сюда, чтобы улучшить свое материальное положение, и надеялся стать главнокомандующим. Разочаровавшись в этом, он сразу же начал с ненавистью и завистью смотреть на Вашингтона и стремился помешать его планам, одновременно интригуя с врагом. Он был одержим идеей сыграть в Американской революции такую же роль, какую Монк сыграл в реставрации Карла II. Это объясняет его поведение осенью 1776 года, когда он отказался выступить на помощь Вашингтону. Если бы Вашингтон был разгромлен и взят в плен, то Ли, как следующий по рангу и стоящий во главе отдельной армии, мог бы вести переговоры о мире. Его поведение в плену в Нью-Йорке, сначала прося о встрече с Конгрессом (), а затем оказывая помощь и давая советы врагу, можно объяснить тем же образом. И его поведение в кампании при Монмуте было неотъемлемой частью той же коварной политики. Комиссары лорда Норта только что прибыли из Англии, чтобы предложить американцам условия, но в ликовании по поводу Саратоги и французского союза, усилившегося теперь благодаря возвращению Филадельфии, было мало надежды на то, что они чего-то добьются. Ли считал, что нельзя

позволять духу этих янки подниматься слишком высоко (), иначе они никогда не будут слушать голос разума. Поэтому он хотел построить для Клинтона мост из золота, по которому тот мог бы отступить; а когда он понял, что предотвратить атаку невозможно, его вторые мысли подтолкнули его взять командование на себя, чтобы держать ситуацию под контролем. Если бы Вашингтон потерпел поражение, приняв курс, который Ли решительно осуждал как невыполнимый, то нетерпеливые предрассудки, на которых играла клика, могли бы возродиться. Падение Вашингтона, возможно, было бы легко осуществить; и интриган не только наслаждался бы унижением человека, которого он так сильно ненавидел, но и мог бы вполне надеяться на то, что сменит его на посту главнокомандующего и таким образом получит возможность привести войну к «славной» победе путем переговоров с комиссарами лорда Норта. Такие мысли, по всей вероятности, лежали в основе необычного поведения Ли в Монмуте. Это были невыполнимые планы тщеславного, эгоистичного мечтателя. Возможно, Вашингтон и Чатем, если бы этот великий государственный деятель был еще жив, смогли бы привести войну к почетному завершению посредством открытых и честных переговоров. Но было немыслимо, чтобы такой человек, как Ли, вступая в сделку с агентами лорда Норта, мог добиться чего-либо, кроме вреда и хаоса. Но эгоизм всегда несовместим со здравым смыслом, и безумные планы Ли вполне соответствовали его характеру. Метод, который он использовал для их реализации, был таким же. Человеку с сильным военным инстинктом было бы невозможно ослабить хватку на врага на поле боя, как это сделал Ли в битве при Монмуте. Если бы Арнольд был там в тот день, с головой, полной предательства, непреодолимый импульс, несомненно, заставил бы его атаковать врага со всей силой, и предательство подождало бы до завтрашнего дня.

Изгнание Ли из армии Как обычно бывает в таких случаях, эгоистичный интриган переоценил свои силы. Вашингтон все-таки одержал победу; измена была раскрыта, а

предатель опозорен. Обезумев от разрушения своих воздушных замков, Ли теперь начал писать оскорбительных статей в газетах. Он не мог слышать упоминания имени Вашингтона, не теряя самообладания, и его ядовитый язык в конце концов привел его к дуэли с полковником Лоренсом, одним из помощников Вашингтона и сыном президента Конгресса. Он вышел из этой дуэли с ранением в бок, но когда чуть позже написал гневное письмо в Конгресс, его без суда и следствия исключили из армии. «А, я понимаю, — сказал он, нанося Вашингтону удар в спину, — если вы хотите стать великим генералом в Америке, вы должны научиться выращивать табак», — и уединился на своей плантации в долине Шенандоа. Его смерть Он дожил до триумфа дела, которому он так много навредил, и в октябре 1782 года умер в скромной гостинице в Филадельфии, без друзей и в одиночестве. Его последним желанием было, чтобы его не хоронили на освященной земле или в пределах мили от любой церкви или молельни, потому что он так много общался с плохими людьми в этом мире, что не хотел продолжать это в следующем. Но в этом ему не позволили поступить по-своему. Он был похоронен на кладбище церкви Христа в Филадельфии, и на похороны пришло много достойных граждан.

ХРИСТОВО ЦЕРКОВЬ, ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Ситуация в Нью-Йорке Когда Вашингтон после битвы при Монмуте понял, что бесполезно дальше преследовать отступающего Клинтона, он направился прямо к реке Гудзон и 20 июля разбил лагерь в Уайт-Плейнс, в то время как его противник укрылся в Нью-Йорке. Противоборствующие армии занимали те же позиции, что и осенью 1776 года, но теперь американцы были в наступательной позиции. Целью Хоу в 1776 году было захватить армию Вашингтона; цель Клинтона в 1778 году ограничивалась удержанием Нью-Йорка. Теперь появилась возможность проверить ценность французского союза. С помощью мощного французского флота можно было бы захватить армию Клинтона и таким образом одним махом положить конец войне. Но этому не суждено было случиться. Французский флот из

двенадцати линейных кораблей и шести фрегатов под командованием графа д'Эстена вышел из Тулона 13 апреля и после утомительной борьбы с встречным ветром прибыл к устью Делаверэ 8 июля, но слишком поздно, чтобы перехватить эскадру лорда Хоу. Флот перевозил 4000 солдат и М. Жерара, первого министра Франции в Соединенных Штатах. Не найдя ничего, чем можно было бы заняться на Делавере, граф направился в Сэнди-Хук, где к нему присоединились помощники Вашингтона, Лоуренс и Гамильтон, и был созван военный совет. Поскольку британский флот в гавани состоял всего из шести линейных кораблей, нескольких фрегатов и канонерских лодок, казалось очевидным, что он может быть уничтожен или захвачен превосходящими силами Эстена, и тогда Клинтон окажется в ловушке в этом островном городе. Но этот план был сорван странным препятствием. Французский флот не смог войти в гавань. Хотя гавань Нью-Йорка является одной из лучших в мире, она, как и большинство гаваней, расположенных в устьях больших рек, имеет барьер у входа, который в 1778 году был гораздо более проблематичным, чем сегодня. С тех пор барьер сменил свое положение и был частично изношен, так что теперь самые большие корабли могут свободно входить, за исключением периода отлива. Но когда американские лоцманы осмотрели два крупнейших корабля Эстена, на которых было установлено соответственно восемьдесят и девяносто орудий, они заявили, что даже при приливе им небезопасно рисковать, входя на отмель. Соответственно, от этой затеи отказались, но вместо нее была предпринята другая, которая в случае успеха могла оказаться не менее решающей, чем захват Нью-Йорка.

Comte de d'Estaing

Генерал Прескотт в Ньюпорте После изгнания из Бостона в первый год войны британцы так и не смогли восстановить свои позиции на материковой части Новой Англии. Но в декабре 1776 года остров, давший название штату Род-Айленд, был захвачен лордом Перси (), и с тех пор враг удерживал его (). Благодаря своему выгодному положению у входа в пролив, он помогал им угрожать побережью Коннектикута; с другой стороны, в случае необходимости, он мог даже позволить им угрожать Бостону наземным нападением. После отъезда лорда Перси в Англию весной 1777 года командование перешло к генерал-майору Ричарду Прескотту, настоящему зверю. Под его правлением ни один житель Ньюпорта не был в безопасности в собственном доме. Он не только арестовывал людей и бросал их в тюрьму без объяснения причин, но и поощрял своих солдат грабить дома и грубо оскорблять дам, а также вырубать тенистые деревья и бездумно портить красивые газоны. Этот громкоголосый, вспыльчивый человек, преисполненный чувством собственной важности (), если случайно встречал квакера, который не снимал шляпу, хватал его за воротник и бил головой об стену или бил по плечам большой сучковатой палкой, которую обычно носил с собой. Однажды ночью в июле, когда этот мелкий тиран спал в загородном доме примерно в пяти милях от Ньюпорта, группа солдат приплыла на лодках с материка под прикрытием трех британских фрегатов, вытащила генерала из постели и увезла его в ночной рубашке. Его отправили в штаб Вашингтона на Гудзоне. Проезжая через деревню Лебанон в Коннектикуте, он остановился пообедать в старой гостинице, которой владел капитан Олден. Его приняли вежливо, и во время обеда миссис Олден поставила на стол блюдо из суккоташа, на что Прескотт, не зная этого вкусного блюда, зарычал: «Что вы имете в виду

предлагая мне эту свиную пищу?» — и бросил все на пол.

Добродушная женщина в слезах ушла на кухню, а вскоре ее муж, вооружившись крепкой хлыстом, расправился с грубияном, как он того заслуживал. Когда в апреле 1778 года Прескотт был обменян на генерала Ли, он возобновил командование в Ньюпорте, но вскоре был заменен любезным и образованным сэром Робертом Пиготом, под командованием которого гарнизон был увеличен до 6000 человек.

Попытка захватить британский гарнизон в Ньюпорте Нью-Йорк и Ньюпорт были теперь единственными местами, удерживаемыми врагом в Соединенных Штатах, и захват любого из них вместе с оккупационной армией был бы событием первостепенной важности. Как только было выдвинуто это предложение, ополчение Новой Англии начало собираться в полную силу, а Массачусетс направил сильный контингент под командованием Джона Хэнкока. Генерал Салливан командовал в Провиденсе с апреля. Вашингтон направил ему 1500 отборных солдат из своих континентальных войск, а также Грина, который родился неподалеку и знал каждый дюйм острова, Гловера, известного своим мастерством в амфибийных операциях, и Лафайета (), который был родственником графа д'Эстена. Йомены Новой Англии вскоре увеличили эту силу до примерно 9000 человек, и с 4000 французских регулярных войск и флотом можно было надеяться, что генерал Пигот будет быстро вынужден сдаться.

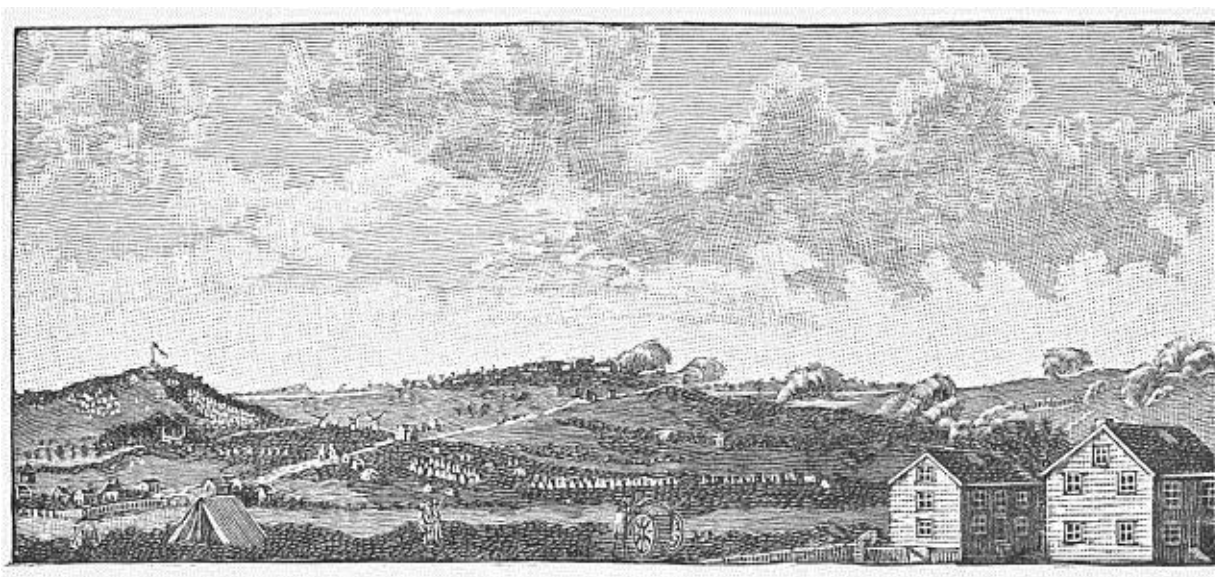
Экспедиция провалилась из-за неэффективного сотрудничества французов и неподчинения йоменов. Эстен прибыл в гавань Ньюпорта 29 июля и провел совещание с Салливаном. Было решено, что американцы высадятся на восточной стороне острова, а французы — на западной, тем самым отрезав главный гарнизон в Ньюпорте от сильного отряда, дислоцированного на Баттс-Хилл, на северной оконечности острова. Таким образом, этот отряд можно было бы сначала изолировать и захватить. Но генерал Пигот, угадав

намерения союзников, отозвал отряд и сосредоточил все свои силы в городе и вокруг него (). В этот момент французские войска высадились на острове Конаникет, намереваясь на следующий день переправиться на север от Ньюпорта, согласно договоренности. Салливан захватывает Баттс-Хилл Салливан не стал их ждать, а, увидев, что командная позиция на Баттс-Хилл эвакуирована, правильно переправился через пролив и захватил ее, одновременно сообщив Эстену о своих мотивах. Граф, не понимая ситуации, был несколько обижен на то, что он счел неоправданной поспешностью со стороны Салливана, но до сих пор ничего не произошло, что могло бы помешать осуществлению их плана. Ему оставалось только продолжать высадку своих войск и блокировать южную оконечность острова своим флотом, и сэр Роберт Пигот был обречен. Но на следующий день лорд Хоу появился у мыса Джудит с тринадцатью линейными кораблями, семью фрегатами и несколькими небольшими судами, и Эстенг, вновь погрузив войска, высаженные им на Конаникут, сразу же вышел в море, чтобы вступить с ним в бой. В течение двух дней вражеские флоты маневрировали, пытаясь занять выгодную позицию, и как раз когда они готовились к бою, разразилась страшная буря, которая разбросала их по всему морю (). Вместо того чтобы пытаться уничтожить друг друга, каждый из них был вынужден направить все свои силы на спасение себя. Морское сражение, предотвращенное штормом. Шторм был настолько сильным, что еще в 1850 году в местных преданиях его называли «Великим штормом». Окна в городе были покрыты солью, вынесенной океанскими брызгами. Великие деревья были выкорчеваны с корнями, а вдоль побережья было уничтожено много судов.

Estang

Эстен отправляется в Бостон для ремонта своих кораблей Только 20 августа Эстен привел свою эскадру, несколько поврежденную штормом. Теперь он настаивал на том, чтобы отправиться в Бостон для ремонта, в соответствии с общими инструкциями, полученными от министерства перед отправлением из дома. Грин и Лафайет тщетно убеждали его, что суда можно было бы отремонтировать так же легко в бухте Наррагансет, как и в бостонской гавани; что, обогнув мыс Код в своем поврежденном состоянии, он только подвергнет себя дополнительному риску; что, оставаясь в Бостоне, он будет строго следовать духу своих инструкций; что сюда была доставлена армия и собраны припасы в надежде на его помощь; что если экспедиция будет провалена из-за его отказа сотрудничать, это запятнает честь Франции и вызовет неприязнь в Америке; и, наконец, что даже если он, несмотря на веские аргументы, почувствует себя вынужденным отправиться в Бостон для ремонта, нет никакой причины брать с собой 4000 французских солдат. Граф был вполне склонен уступить этим разумным возражениям, но, созвав военный совет, он обнаружил, что его офицеры не согласны с ним. Эстен сам не был морским офицером, а генерал-лейтенантом армии, и, как говорят, офицеры его флота, раздраженные тем, что над ними поставили сухопутного, были рады возможности помешать его планам. Как бы то ни было, было решено, что письмо с королевскими инструкциями должно быть слепо выполнено, и поэтому 23-го числа Эстен поднял якорь и отплыл в Бостон, взяв с собой сухопутные войска и оставив генерала Салливана в беде.

БИТВА ПРИ БАТТС-ХИЛЛ

Йомены возвращаются домой в отвращении В американском лагере царил сильное раздражение. Раздражение Салливана нашло нескромное выражение в общем приказе, в котором он выразил надежду, что события докажут, что Америка «способна добиться своими собственными силами того, в чем ее союзники отказываются ей помочь». Но теперь дело осложнилось неподчинением добровольцев. Около 3000 из них, отчаявшись добиться успеха и не желая оставаться вдали от дома в период сбора урожая, в знак протеста ушли и занялись своими делами, в результате чего армия Салливана сократилась до размеров армии противника. Осада Ньюпорта с суши уже была завершена, но быстрый успех предприятия зависел от превосходства сил, и в случае прибытия британских подкреплений из Нью-Йорка положение американцев стало бы опасным. Исходя из этих соображений, 28-го числа Салливан решил отступить на укрепленную позицию в Баттс-Хилл и ждать развития событий. Лафайет сел на лошадь и за семь часов преодолел семьдесят миль до Бостона, чтобы умолять своего родственника () вернуться как можно скорее. Эстен

отчаялся подготовить свои корабли в течение многих дней, но, уловив искру энтузиазма молодого человека, предложил перебросить свои войска по суше. Воодушевленный новой надеждой, молодой маркиз мчался обратно так же быстро, как и приезжал, но когда он прибыл на место действия, все было уже кончено. Как только стало известно об отступлении Салливана, вся британская армия бросилась в погоню. Битва при Баттс-Хилл, 29 августа 1778 г. После того как американцы отступили к своим позициям на Баттс-Хилл, сэр Роберт Пигот попытался штурмом взять их позиции, и завязалась упорная битва, условия которой во многом напоминали битву при Банкер-Хилл; но на этот раз у американцев было достаточно пороха, и британцы потерпели полное поражение. Эта резня их храбрых солдат была бесполезной. На следующий день Салливан получил депешу от Вашингтона с известием, что Клинтон вышел из Нью-Йорка с 5000 человек для подкрепления сэра Роберта Пигота. В этих условиях было решено, что лучше всего покинуть остров. Предприятие было прекращено. Были призваны на помощь услуги генерала Гловера, который переправил армию Вашингтона через Ист-Ривер после поражения на Лонг-Айленде и через Делавэр перед победой в Трентоне, и все люди и припасы были благополучно переправлены на материк; Лафайет прибыл из Бостона как раз вовремя, чтобы вывести пикеты и прикрывающие отряды. На следующий день Клинтон прибыл со своими 5000 солдатами, и осада Ньюпорта закончилась.

John Glover
Взгенерал

Непопулярность французского союза Неудача этого предприятия вызвала большое возмущение и, казалось, оправдала недоверие, с которым многие люди относились к французскому союзу. В Бостоне недовольство вылилось в беспорядки на пристанях между французскими и американскими моряками, а по всей Новой Англии раздавались громкие возгласы недовольства. Потребовался весь такт Вашингтона, чтобы сохранить мир между плохо сработавшимися союзниками. Когда Конгресс принял политическую резолюцию, одобряющую действия французского командующего, она не встретила теплого одобрения со стороны народа. Когда в ноябре Эстенг направил свой флот в Вест-Индию исключительно для французских целей, это вызвало живое отвращение, которое усилилось из-за нескромного провозглашения графа, призывавшего народ Канады вернуться к прежней верности. Американский народ считал работу Питта окончательной, и ни разу за время войны их чувства против Великобритании не достигали такой степени, чтобы они были готовы видеть французов восстановленными в их прежнем положении на этом континенте. Проницательный Верженн так хорошо понимал это, что прокламация Эстена не нашла в его глазах особого одобрения. Но она тем не менее послужила раздражителем для американцев, и особенно для жителей Новой Англии.

Застой войны в северных штатах Что касается отправки флота в Вест-Индию, то жалобы американцев были не совсем обоснованными, поскольку действия французов в этом

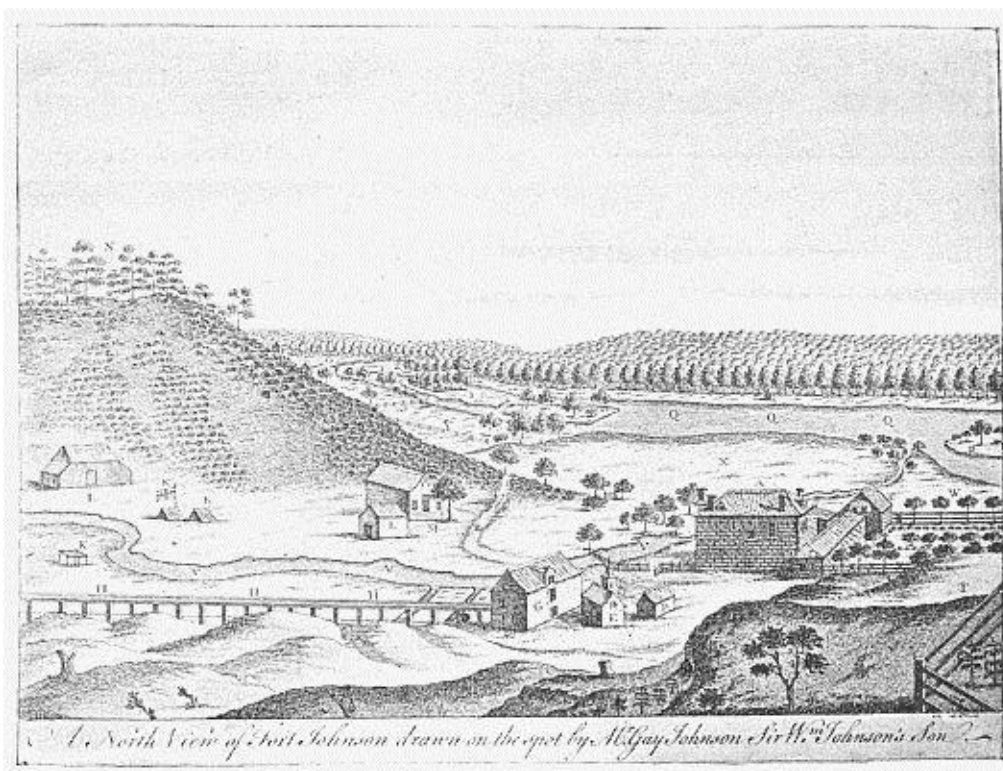
регионе существенно ослабили силы, которые Великобритания могла выделить для войны в Соединенных Штатах. В тот же день, когда Эстен уплыл, сэр Генри Клинтон был вынужден отправить 5000 человек из Нью-Йорка для участия в кампании в Вест-Индии. Это новое давление на Англию, вызванное необходимостью отражать французские атаки, продолжало усиливаться. В 1779 году Англия имела 314 000 человек под ружьем в различных частях мира, но ей приходилось защищать так много точек, что ей было трудно сохранить достаточные силы в Америке. Осенью того же года сэр Генри Клинтон не считал свое положение в Нью-Йорке достаточно безопасным, чтобы оправдать дальнейшее сохранение войск для оккупации Ньюпорта, и остров был соответственно эвакуирован. С этого момента и до конца войны единственным пунктом, который британцы смогли удержать к северу от Вирджинии, был город Нью-Йорк. После кампании в Род-Айленде в 1778 году на севере между двумя главными армиями не происходило никаких дальнейших операций, которые можно было бы назвать кампанией. Ресурсы Клинтона были слишком скудны, чтобы он мог сделать что-либо, кроме удержания Нью-Йорка. Ресурсы Вашингтона были слишком скудны, чтобы он мог сделать что-либо, кроме как сидеть и наблюдать за Клинтоном. В то время как два главнокомандующих сдерживали друг друга, в южных штатах велись быстрые и ожесточенные боевые действия, проводимые подчиненными офицерами Конфедеративных Штатов Америки (). В течение большей части этого времени армия Вашингтона образовала кордон вокруг острова Манхэттен, от Данбери в Коннектикуте до Элизабеттауна в Нью-Джерси, и таким образом блокировала врага. Но хотя в северных штатах в этот период не проводилось никаких решающих военных операций, произошло много интересных и важных событий, которые необходимо рассмотреть, прежде чем мы перейдем к рассмотрению великих южных кампаний, положивших конец войне.

ГЛАВА XI ВОЙНА НА ПРЕДЕЛАХ СТРАНЫ

Варварские пограничные бои Войны за независимость были в значительной степени вызваны тем, что могущественные племена диких индейцев по-прежнему противостояли нам на всех участках нашей неуклонно продвигающейся границы. Они бы и без ссоры с Георгом III пытались и скальпировали наших поселенцев, и прочный мир был невозможен, пока они не были полностью разгромлены. Когда началась война, их союз с англичанами был естественным, но жестокий дух, который стремился использовать этот дикий союз в худших целях, было бы несправедливо приписывать английским командирам в целом; ответственность за это следует возложить на лорда Джорджа Джермейна и нескольких недостойных людей, которые были готовы стать его инструментами.

George Gjermeine

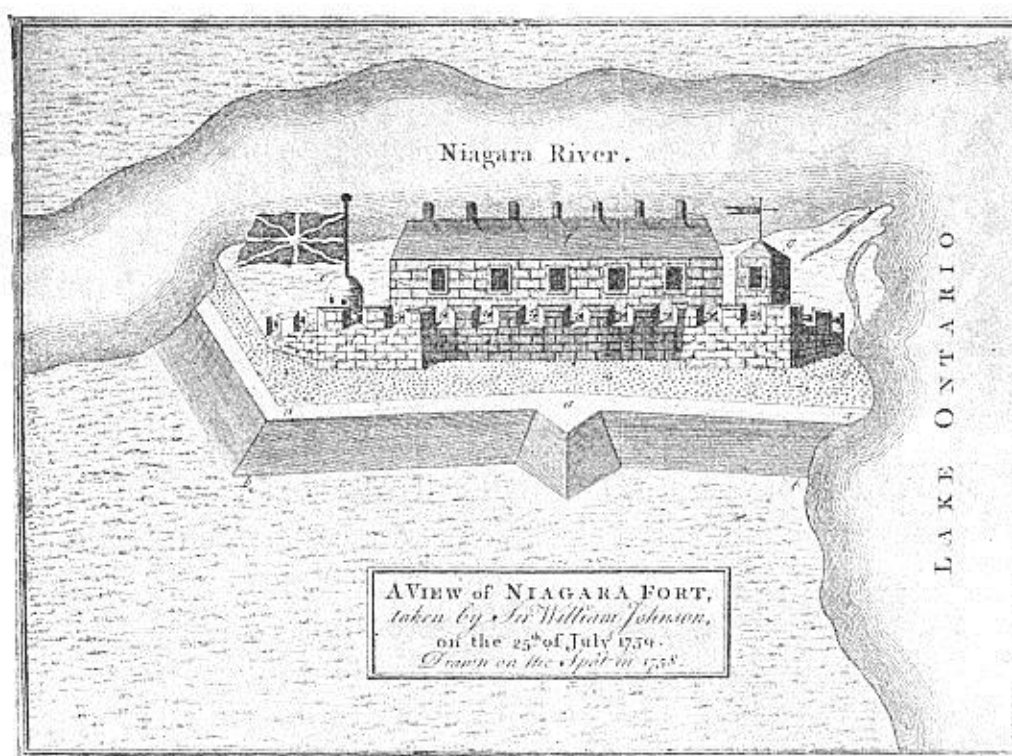

Вид на форт Джонсон с севера, нарисованный на месте г-ном Гаем Джонсоном, сыном сэра Уильяма Джонсона.

Джозеф Брант, миссионер и вождь В лете 1778 года эта ужасная пограничная война стала наиболее заметной чертой борьбы и послужила темой для поэзии и романов, в которых фигуры главных действующих лиц представлены в мрачном свете. Одна из этих фигур настолько важна, что заслуживает особого упоминания. Джозеф Брант, или Тайенданегеа, был, пожалуй, величайшим индейцем, о котором мы знаем; безусловно, в истории краснокожих нет более многогранного и интересного персонажа. Чистокровный могавок, потомок рода выдающихся вождей,^[21] в раннем детстве он стал любимцем сэра Уильяма Джонсона (), а смеющиеся черные глаза его красивой сестры Молли Брант (Molly Brant) настолько очаровали грубого баронета, что он взял ее в Джонсон-Холл в качестве жены, по индейскому обычаю. Сэр Уильям верил, что индейцев можно приручить и научить искусству цивилизованной жизни, и он с большой энергией и не без успеха трудился над этой сложной задачей. Молодой Тхайденнегеа был отправлен на обучение в школу в Ливане, штат Коннектикут, которая впоследствии была перенесена в Нью-Гемпшир и превратилась в Дартмутский колледж. В этой школе он не только стал экспертом в использовании английского языка, на котором он научился писать элегантно и выразительно, но и приобрел некоторые знания в области общей литературы и истории. Он стал членом Епископальной церкви, и после окончания школы некоторое время занимался миссионерской деятельностью среди могавков и перевел молитвенник и части Нового Завета на свой родной язык. Он был человеком серьезным и искренним, и его преданность церкви сохранялась на протяжении всей его жизни. Через несколько лет после заключения мира в 1783 году Джозеф Брант построил первую епископальную церковь в Верхней Канаде на средства, которые он собрал для этой цели во время посещения Англии. Но с этим характером благочестивого миссионера и серьезного ученого Тайенданегеа сочетались, в любопытном контрасте, качества вождя ирокезов, развитые до высочайшей степени эффективности. Не было ни одного достижения, ценимого индейскими воинами, в котором он не превосходил всех своих товарищей. Его рано призвали на военный путь. В

ожесточенной борьбе с Понтиаком он сражался с с большим отличием на стороне англичан, а в начале войны за независимость был одним из самых заметных вождей ирокезов.

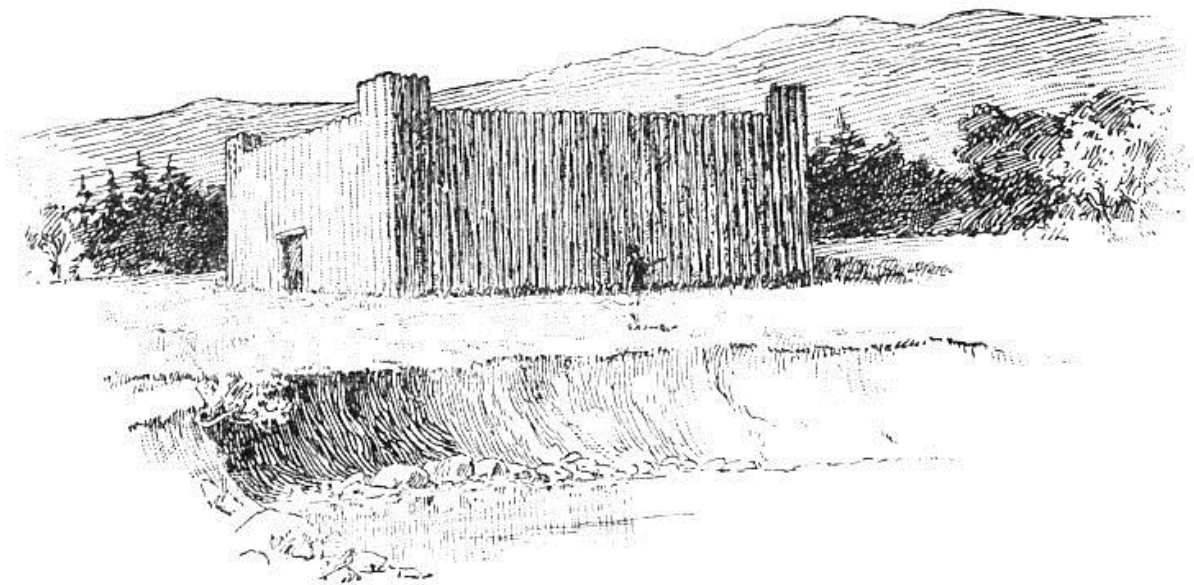
Это было самое тяжелое время, которое когда-либо переживали эти гордые повелители дикой природы, и оно требовало от них всей их доблести и дипломатии. Брант был на высоте положения, и ни один вождь никогда не сражался за проигрышное дело с большим духом, чем он. Мы видели, как в Орискани он едва не переломил ситуацию в нашу пользу в один из критических моментов великой кампании. От реки Святого Лаврентия до Сусквеханны его имя стало называть ужас. Одинаково искусен и ревностен, то в планировании тихого ночного марша и смертельной засады, то в проповеди евангелия мира, он напоминает какого-нибудь недавно обращенного в христианство фризского или нормандского воина эпохи Каролингов. Но в XVIII веке эта несообразность более поразительна, чем в X веке, поскольку черты варвара более ярко выделяются на фоне более высокой цивилизации. Странно представить себе Тайенданега, который мог перекричать любого из своего племени на поле битвы, сидящего за столом с Берком и Шериданом и ведущего себя со скромной грацией английского джентльмена. Кроме того, приобретенные им навыки цивилизации были отнюдь не поверхностными. Несмотря на то, что он участвовал во многих кровавых нападениях, его поведение не отличалось жестокостью, столь характерной для ирокезов. Хотя он иногда одобрял убийство пленных по соображениям государственной политики, он категорически выступал против пыток и никогда не позволял их. Он часто делал все возможное, чтобы спасти женщин и детей от томагавка, и случаев его великодушия по отношению к просящим пощады врагам было очень много.

Вид на форт Ниагара

Тори западного Нью-Йорка В начале войны влияние Джонсонов удерживало все шесть племен на стороне короны, за исключением онейдов и тускароров, которых миссионеры Новой Англии убедили сохранять нейтралитет. Индейцы в целом были совершенно неспособны понять суть конфликта, но Брант имел некоторое представление о нем и смотрел на дело

Пенсильвании начали селиться в долине, но вскоре они были изгнаны вторым отрядом янки, и в течение трех лет велась миниатюрная война с переменным успехом, пока, наконец, жители Коннектикута под командованием Зебулона Батлера и Лазаруса Стюарта не одержали победу. В 1771 году вопрос был передан юристам короны, и претензии Коннектикута были удовлетворены. Теперь сюда стали быстро прибывать поселенцы — предшественники той великой миграции из Новой Англии, которая в последние дни привела к основанию стольких процветающих штатов на Западе. К 1778 году население долины превысило 3000 человек, расселившихся в нескольких уютных деревнях с городскими собраниями, школами и церквями и со всеми характерными чертами новоанглийского порядка и бережливости. Большинство людей были из Коннектикута и были восторженными и преданными патриотами, но в 1776 году прибыло несколько поселенцев из долины Гудзона, которые проявили симпатии к тори и вскоре были изгнаны. Здесь представилась отличная возможность для лоялистов-разбойников с границы отомстить своим врагам. Это было поселение, находящееся в особенно уязвимом положении, не вызывающее симпатии у соседей из Пенсильвании и, кроме того, плохо обеспеченное защитниками, поскольку большая часть его обученной милиции была отправлена служить в армию Вашингтона.

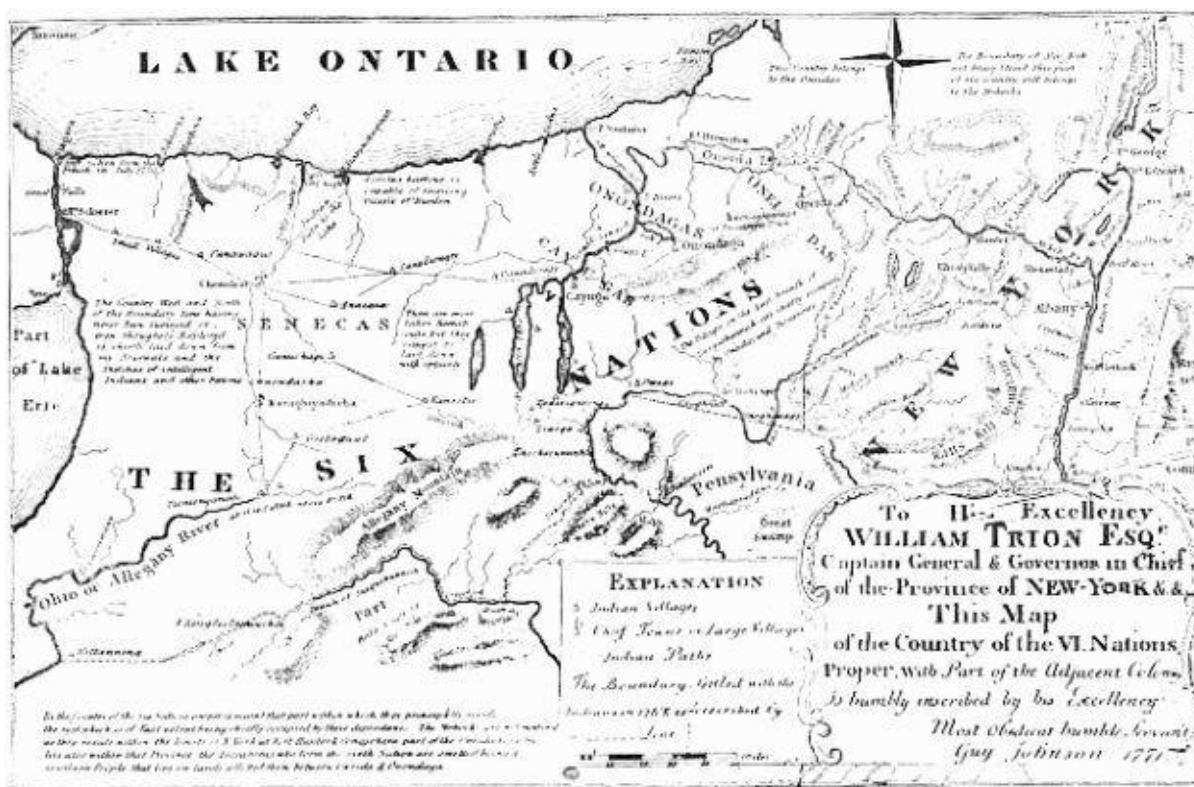

ФОРТ-ФОРТ, ВАЙОМИНГ

Резня в Вайоминге, 3 июля 1778 года Эти обстоятельства не ускользнули от внимательного взгляда полковника Джона Батлера, и в июне 1778 года он выступил из Ниагары с отрядом своих рейнджеров, полком Джонсона Гринса () и группой сенеков под командованием их вождя Сайенкерагта, которого обычно называли Старым Королем; всего около 1200 человек. Добравшись до Саскуэханны, они скользнули по быстрой реке в каноэ из коры, высадились немного выше обреченного поселения и приступили к своей работе по убийству и грабежу. Долина была охвачена паникой. Женщины и дети были сгруппированы в блокадзе под названием Форти-Форт, а полковник Зебулон Батлер с 300 людьми вышел навстречу врагу. Казалось, что нет другого выбора, кроме как сражаться, хотя шансы были крайне малы. Когда враг появился в поле зрения, поздно вечером 3 июля, патриоты бросились на него, и около часа шла ожесточенная борьба, пока, подавляемая численным превосходством, небольшая группа защитников не сломалась и не бежала. Некоторые добрались до форта, а несколько человек сбежали в горы, но почти всех догнали и убили, за

исключением тех, кого оставили для ночных ужасов. Вторая годовщина независимости была встречена ужасными оргиями в долине Вайоминг. Некоторых пленников сожгли на костре, некоторых положили на раскаленные угли и прижимали вилами, пока они не умерли, некоторых зарубили ножами. Шестнадцать несчастных парней выстроили в круг, а старая метиска, известная как « » (Королева Эстер) и считавшаяся внучкой знаменитого Фронтенака, медленно танцевала вокруг круга, вопя песню смерти, пока убивала их одного за другим своим томагавком.

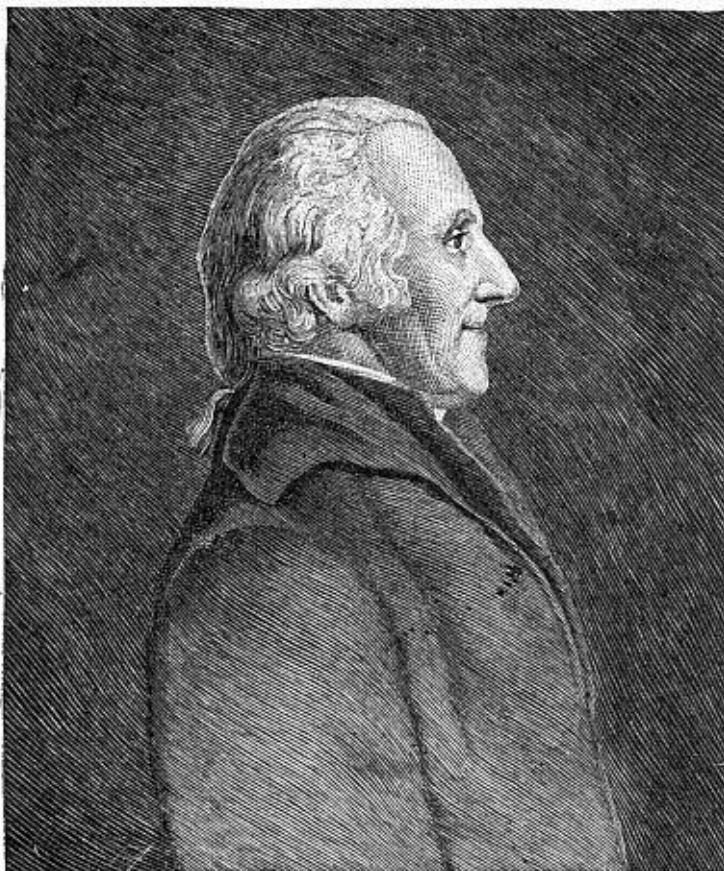
На следующий день, когда Форти-Форт сдался, больше ничьих жизней не было унесено, но индейцы разграбили и сожгли все дома, а жители бежали в леса или в ближайшие поселения на реках Лихай и Делавер, и долина Вайоминг на время была заброшена. Бегство сопровождалось ужасными страданиями. Сотня женщин и детей погибли от усталости и голода, пытаясь пересечь болото, которое с тех пор и по сей день известно как «Тени смерти». Несколько детей родились в этом страшном месте, только чтобы умереть там вместе со своими несчастными матерями. Такие ужасы не нуждались в преувеличении, но из путанных рассказов беженцев, преувеличенных народными слухами, за границей распространилась история о массовом убийстве, которая была даже хуже реальности, но которая тщательным исследованием уже давно была полностью опровергнута.

Шесть наций

Резня в Черри-Вэлли, 10 ноября Популярная репутация Бранта как воплощения демона во многом основана на той роли, которую он, как ранее предполагалось, сыграл в опустошении Вайоминга. Но «монстр Брант», который так ярко фигурирует в знаменитом стихотворении Кэмпбелла, в этот раз даже не присутствовал. Тайенданегеа в то время находился в Ниагаре. Однако вскоре он оказался вовлеченным в кровавую историю, главным действующим лицом которой был Уолтер Батлер. Деревня Черри-Вэлли в центре штата Нью-Йорк была разрушена 10 ноября отрядом из 700 тори и индейцев. Все дома были сожжены, а около пятидесяти жителей убиты, независимо от возраста и пола.^[22] В течение этого года было совершено много других жестоких преступлений, но события в Вайоминге и Черри-Вэлли

произвели более глубокое впечатление, чем все остальные. Среди жертв было много утонченных джентльменов и леди, хорошо известных в северных штатах, и это особенно касалось Черри-Вэлли.

James Clinton

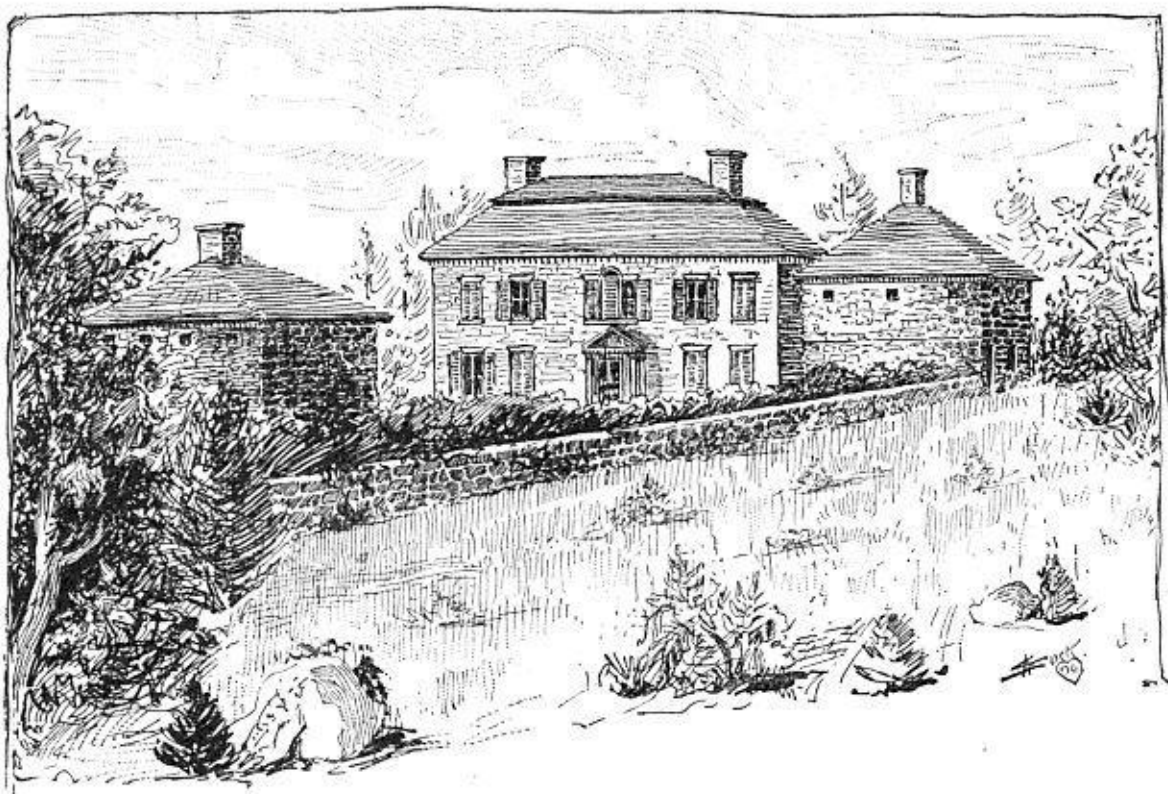
Экспедиция Салливана Вашингтон решил, что необходимо осуществить образцовую месть и по возможности уничтожить источник зла. Летом 1779 года была отправлена армия из 5000 человек с приказом опустошить страну враждебных ирокезов и захватить гнездо тори-злодеев в форте Ниагара. Командование экспедицией было предложено Гейтсу, но когда он резко отказался, сославшись на то, что это слишком тяжелая работа для человека его возраста, оно было передано Салливану. Подготовить такую армию к продвижению на глубину четырехсот миль через лес было нелегкой задачей, и еще до того, как они достигли страны ирокезов, Брант разграбил город Минисинок и уничтожил отряд ополченцев, посланный для противодействия ему. Тем не менее, экспедиция была хорошо рассчитана по времени, чтобы уничтожить растущие посевы врага. Армия продвигалась двумя колоннами. Правое крыло под командованием генерала Джеймса Клинтона продвигалось по долине Мохок до Канаджохари, а затем повернула на юго-запад; левое крыло под командованием самого Салливана поднималось по Сусквеханне. 22 августа две колонны встретились в Тиоге, а через неделю они обнаружили врага в Ньютауне, на месте нынешнего города Элмира, — 1500 тори и индейцев, во главе с самим сэром Джоном Джонсоном, а также Батлерами и Тайенданега. Битва при Ньютауне, 29 августа 1779 г. В последовавшей битве враг

был разгромлен с большими потерями, в то время как потери американцев составили менее пятидесяти человек. Дальнейшего сопротивления не было, но армия подвергалась всевозможным преследованиям, а оставшие солдаты время от времени попадали в плен и подвергались пыткам со смертельным исходом. Однажды молодой лейтенант из племени сенека () по имени Бойд был захвачен в плен, когда возглавлял разведывательный отряд, и попал в руки одного из Батлеров, который угрожал подвергнуть его пыткам, если он не раскроет все, что знает о планах генерала Салливана. Когда он отказался, его передали в руки сеноки по имени Маленькая Борода; и после того, как его изрубили и разорвали на куски с изысканной жестокостью, которую перо не в силах описать, его мучения закончились потрошением.

Разрушение страны ирокезов Такие ужасы только раздражали американских солдат, и хотя они, по-видимому, не убивали людей без необходимости, они, безусловно, выполняли приказы с большим рвением и тщательностью. Племена ирокезов были настолько продвинуты в развитии сельского хозяйства, что для своего существования они в гораздо большей степени зависели от урожая, чем от охоты; кроме того, они переняли некоторые навыки цивилизации у своих белых соседей. Их длинные вигвамы начали сменяться каркасными домами с дымоходами; на обширных полях выращивали кукурузу и бобы, а в садах в огромных количествах росли яблоки, груши и персики. Всему этому процветанию теперь был положен конец. Из Тиоги американская армия прошла через всю страну кайюгов и сенеков, опустошая кукурузные поля, сжигая дома и вырубая все фруктовые деревья. Более сорока деревень, самая большая из которых насчитывала 128 домов, были стерты с лица земли. Такой ужасной мести не подвергался Длинный дом со времен Фронтенака. Разрушенный регион стал важнейшей территорией Конфедерации, которая так и не оправилась от нанесенного удара. Зима 1779-80 годов была одной из самых холодных в истории Америки, настолько холодной, что гавань Нью-Йорка замерзла настолько, что по ней могли передвигаться войска и артиллерия (^[23]), в то время как британцы в городе, лишенные помощи своего флота, провели зиму в ежедневном страхе перед нападением. В этот суровый сезон бездомные кайуги и сенеки были поражены голодом и мор, и их численность так и не восстановилась. Однако крепость в Ниагаре не была отвоевана у Тайенданегеа. Эта часть экспедиции Салливана закончилась неудачей. Из-за растущей заболеваемости среди солдат и нехватки надлежащего продовольствия он счел невозможным вести свои многочисленные войска дальше реки Дженеси и, соответственно, повернул назад к побережью, прибыв в Нью-Джерси в конце октября после марша общей протяженностью более семисот миль.

Царство террора в долине Мохок Несмотря на все эти притеснения, змея, в конце концов, была лишь уязвлена. Только полное уничтожение дикого врага могло положить конец его вторжениям. Еще до окончания зимы страшная месть обрушилась на онейдов, которых их братья теперь считали предателями Конфедерации; они были полностью разгромлены Тайенданегеа. Еще два года томагавки и горящие факелы не давали покоя долине Мохок. Это было царство террора. В каждом районе возводились блокаузы, в которых при первых признаках опасности могли укрыться сорок или пятьдесят семей из племени онейда (). Фермеры пахали и собирали урожай группами, держа ружья под рукой, а дозорные и разведчики внимательно следили за всеми направлениями в поисках признаков скрытого врага. В нескольких сражениях с ополчением враг, силы которого были значительно ослаблены, теперь обычно терпел поражение, но ничто не могло превзойти смелость его набегов. В одном или двух случаях он подобрался на расстояние нескольких миль от Олбани. Однажды небольшая группа тори действительно проникла в город с намерением убить генерала Шуйлера и едва не достигла своей цели. Ни в одной другой части Соединенных Штатов война не принесла столько страданий, как на границе Нью-Йорка. За пять лет, закончившихся в 1781 году, население округа Трайон сократилось на две трети, а в оставшейся трети было более трехсот вдов и двух тысяч сирот.

ДЖОНСОН ХОЛЛ

Дикая местность за Аллеганями Эта жестокая война, нанесшая такой ущерб поселениям на границе Нью-Йорка и столь фатальная для Шести Наций, была на самом деле частью беспорядочного конфликта, который периодически бушевал с севера на юг вдоль всей нашей западной границы и привел к полному свержению британской власти за Аллеганями (). Обширная область между этими горами и рекой Миссисипи — территория, более чем в два раза превышающая по площади Германскую империю, — в то время была почти нетронутой дикой местностью. Несколько французских городов, укрепленных британскими войсками, таких как Натчез, Каскасия и Кахокия на реке Миссисипи, Винсеннес на реке Вабаш и Детройт, были достаточными для представления суверенитета Георга III и осуществления весьма сомнительного контроля над дикими племенами, бродившими по этим первобытным пустыням. Когда тринадцать колоний провозгласили свою независимость от британской короны, вопрос о владении этой западной территорией на тот момент остался нерешенным. Части этой территории были заявлены Массачусетсом, Коннектикутом, Нью-Йорком, Вирджинией, Северной Каролиной и Джорджией на основании их старых хартий или отношений с индейскими племенами. Однако мало внимания уделялось странной терминологии хартий, составленных в эпоху, когда об американской географии почти ничего не было известно, и фактически вопрос о том, кому должна принадлежать западная часть страны, был решен обстоятельствами. Для Соединенных Штатов было большой удачей, что политика Питта позволила отвоевать эту важнейшую территорию у французов. Ведь завоевать столь отдаленную область у

британского врага было вполне возможно, но добиться ее от державы, с которой мы заключали союз, было бы действительно сложно.

Соперничество между Пенсильванией и Вирджинией за владение фортом Питт Доминирующий подход к этой территории осуществлялся через город и крепость Питтсбург, «Ворота Запада» (), откуда через реку Огайо и ее притоки армия могла с относительной легкостью проникнуть в любую часть обширной долины Миссисипи. Владение этими воротами в течение нескольких лет было предметом спора между Пенсильванией и Вирджинией. Хотя в конечном итоге вопрос был решен в пользу Пенсильвании, на данный момент Вирджиния, которая имела более длинную руку, сохраняла контроль над , контролирующей цитаделью. Для Вирджинии ее владение тогда имело особое значение, поскольку ее население уже начало выходить за пределы горных барьеров и, продвигаясь вниз по долине Огайо, положило начало штату Кентукки. Вирджиния и Северная Каролина, расположенные дальше на запад, чем любые другие старые штаты, естественно, первыми отправили колонии через Аллеганы. Незадолго до начала войны Дэниел Бун исследовал реку Кентукки, а вирджинские геодезисты спустились по Огайо до места, где сейчас находится Луисвилл. Затем начались конфликты с индейцами, настолько жестокие и кровопролитные, что этот регион долгое время был известен как «Темная и кровавая земля».

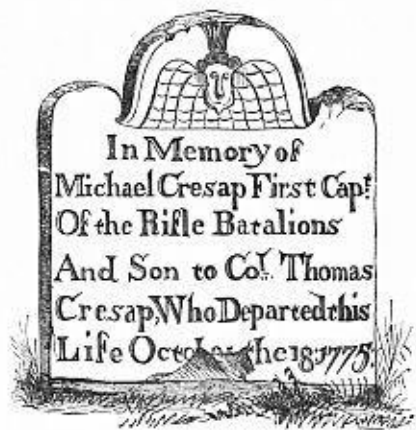
В этот беспокойный период враждебные чувства между Пенсильванией и Вирджинией подпитывались противоречивыми интересами жителей этих двух колоний в отношении западных земель и их диких обитателей. Виргинцы пришли в эту страну как поселенцы с намерением завладеть землей и держать индейцев на расстоянии, но в Пенсильвании было много людей, которые получали большие прибыли от торговли с дикарями и поэтому не хотели, чтобы их изгнали из приграничных лесов и прогнали на запад. Пограничники из Виргинии были разгневаны на торговцев из Пенсильвании за то, что те продавали винтовки и порох краснокожим и покупали у них лошадей, украденных у белых. По их утверждению, это практически подстрекало индейцев к грабежам и насилиям. Весной 1774 года казалось, что в форте Питт существует серьезная опасность начала военных действий, когда внимание Вирджинии было полностью поглощено короткой, но ожесточенной войной, которая имела огромное значение для исхода американской борьбы за независимость.

Daniel Boone

Война лорда Данмора, 1774 год Эта пограничная война 1774 года иногда называется «войной Кресапа», но в последнее время, и с меньшей неточностью, «войной лорда Данмора». Она велась под общим руководством графа Данмора, последнего королевского губернатора Вирджинии; и в условиях политического волнения того времени () некоторые считали, что он фактически умышленно разжег войну, чтобы помешать вирджинцам в их предстоящей борьбе с метрополией. Агент или лейтенант Данмора в западной Вирджинии, доктор Джон Коннолли, был жестоким и беспринципным человеком, чья агггансия была направлена как против дружественных, так и против враждебных индейцев, и предполагалось, что он действовал по тайному приказу графа с намерением развязать войну. Но это обвинение плохо обосновано и весьма маловероятно. По мнению некоторых авторов, истинной причиной войны было убийство всей семьи дружественного вождя Логана, и, без сомнения, это событие послужило поводом для начала военных действий. Оно было заметным в серии злодеяний, которые продолжались в течение многих лет, как это всегда бывает на границе между прогрессирующей цивилизацией и сопротивляющимся варварством. Джон Логан, или Тагаджуте, был потомком кайюгов, вождем минго, храбрым и честным человеком, с величественной внешностью. Он всегда был добр и гостеприимен к английским поселенцам, возможно, в соответствии с традиционной политикой своих предков-ирокезов, — традицией, которая к 1774 году утратила большую часть своей силы. В апреле того же года в верхней части Огайо произошли некоторые индейские грабежи, что побудило

доктора Коннолли выдать инструкции, предупреждающие поселенцев из Огайо () быть начеку, так как следовало опасаться нападения со стороны шауни. Логан и Кресап (Cresap) Капитан Майкл Кресап был пионером из Мэриленда, храбрым человеком и искренним патриотом, но что касается индейцев, то его чувства к ним были такими же, как и у большинства жителей глубинки. Кресап вполне естественно истолковал инструкции лейтенанта Данмора как эквивалент объявления войны и немедленно приступил к убийству и скальпированию некоторых дружественных шауни. Как это часто бывает в случае репрессий и других неразумных форм народной мести, удар пришелся не по той стороне, и невинные люди стали козлами отпущения за виновных. Затем отряд Кресапа отправился атаковать лагерь Логана в Йеллоу-Крик, но вскоре, вспомнив о хорошо известной дружественности Логана по отношению к белым, они, поспорив между собой, раскаялись в своем решении и повернули в другом направлении. Но недалеко от лагеря минго некий негодяй по имени Грейтхаус открыл виски-бар, и туда в последний день апреля отправилась семья Логана, девять жаждущих варваров, мужчин и женщин, стариков и молодых. Когда они сильно опьянели, Грейтхаус и двое-трое его дружков продемонстрировали свое особое понимание смысла инструкций Коннолли, хладнокровно убив их всех. Индейцам, проживавшим на границе, не нужно было большего повода, чтобы взяться за оружие. За несколько дней люди Логана сняли дюжину скальпов, половина из которых принадлежала маленьким детям. К минго и шауни присоединились виандоты, делавары и сенеки, и мрачная история горящих хижин и убитых женщин повторилась по всей границе. Лорд Данмор и его лейтенант тщетно отказывались от ответственности за резню в Йеллоу-Крик. Все индейцы и многие белые возложили вину на Кресапа, чье имя было передано потомкам как имя главного злодея в этой жестокой пограничной истории. Патетическая речь осиротевшего Логана, обращенная к посланнику Данмора Джону Гибсону, была сохранена и увековечена Джефферсоном в его «Заметках о Вирджинии» и была продекламирована тысячами американских школьников.

В своих комментариях Джефферсон назвал Кресапа «человеком, прославившимся множеством убийств, которые он совершил над этими несчастными людьми». Джефферсон просто озвучил традицию, которая зародилась еще в июне 1774 года, когда сэр Уильям Джонсон написал, что «некий мистер Кресоп обманул и убил сорок индейцев в Огайо... и что недостойный автор этого незаконного деяния скрылся». На обвинение Джефферсона был дан ответ в то время, но оно продолжало жить в традиции, пока наконец не было опровергнуто в 1851 году Бранцем Майером.⁴ Происхождение этого заблуждения, несомненно, следует искать в незначительности Грейтхауса. Пытаясь защитить себя, Коннолли сместил Кресапа с должности, но вскоре он был восстановлен лордом Данмором.

В июне следующего года капитан Кресап возглавил 130 стрелков из Мэриленда и отправился в Кембридж, но в начале осени он заболел и, возвращаясь домой, умер в Нью-

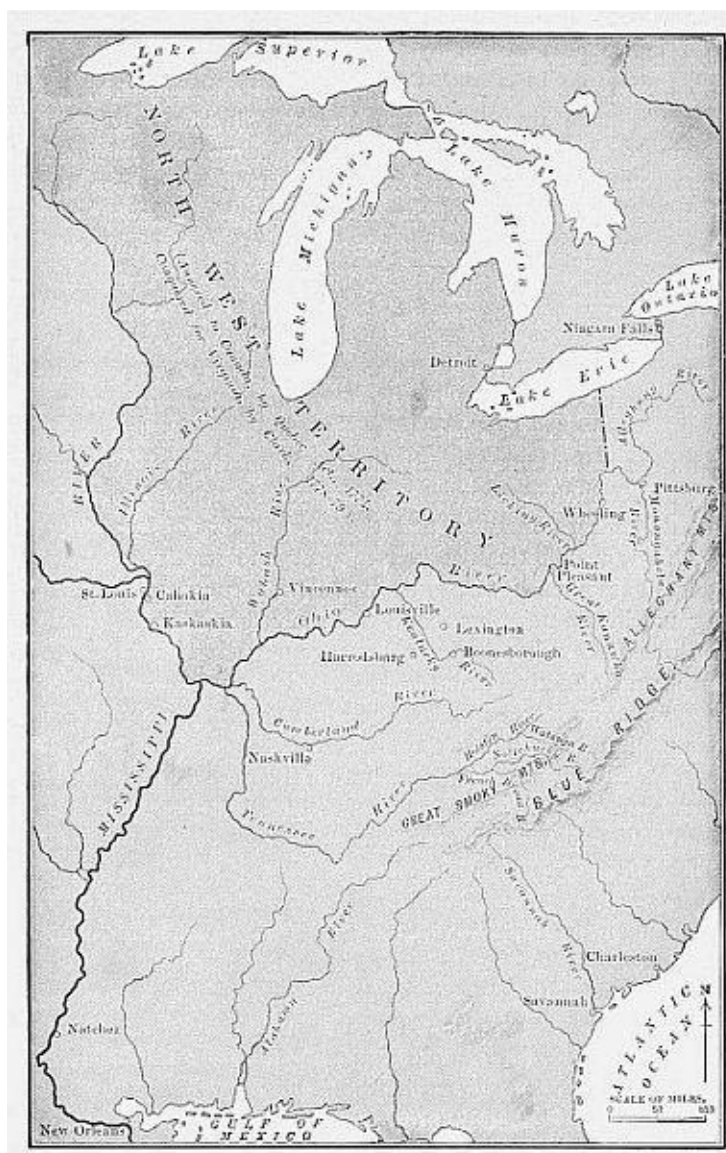
Йорке в возрасте тридцати трех лет. Его могила до сих пор находится на кладбище Тринити, возле двери северного транспта. Индейский вождь с , чье имя так долго ассоциировалось с его именем, был через некоторое время убит томагавком своим соплеменником во время пьяной драки.

Битва при Пойнт-Плезант и ее последствия Война, начавшаяся с резни в Йеллоу-Крик, стала событием первостепенной важности в истории западной границы нашей страны. Она закончилась решающей битвой при Пойнт-Плезант на реке Грейт-Канава (10 октября 1774 г.), в которой индейцы под командованием знаменитого вождя шауни Корнстока были полностью разгромлены лесными поселенцами под командованием Эндрю Льюиса. Это поражение настолько запугало индейцев, что они были вынуждены купить мир, отказавшись от всех своих притязаний на охотничьи угодья к югу от Огайо. Это позволило северо-западным племенам оставаться относительно спокойными в течение первых двух лет Войны за независимость и тем самым открыло путь для белых поселенцев, устремившихся в Кентукки. В течение четырех лет после битвы при Пойнт-Плезант на границе произошли замечательные и знаменательные изменения. Именно в начале войны лорда Данмора парламент принял Акт о Квебеке, который, если бы он был приведен в исполнение, привел бы к расширению Канады на юг до реки Огайо. В нарушение старых хартий он лишил бы американские колонии обширных северо-западных территорий. Но события, последовавшие за войной лорда Данмора, вскоре сделали эту часть Акта о Квебеке недействительной.

Заселение Кентукки В 1775 году Ричард Хендерсон из Северной Каролины купил у чероки участок между реками Кентукки и Камберленд, и в то же время Даниэль Бун и Джеймс Харрод основали Бу-э-нзборо и Харродсбург. Когда группа этих смелых поселенцев разбила лагерь у истоков южной ветви реки Ликинг, они услышали новость о победе, положившей начало Войне за независимость, и сразу же назвали место своего лагеря Лексингтоном, на котором сейчас стоит процветающий город. Эти новые поселения вскоре организовались в штат, который они называли Трансильвания. Были учреждены суды, приняты законы, сформирована милиция и отправлен делегат в Континентальный конгресс; но, обнаружив, что Вирджиния по-прежнему требует их верности, они отказались от своих притязаний на автономию и на данный момент были организованы как округ материнского штата. Так называемый «округ» Кентукки, включающий в себя весь нынешний штат с таким же названием, площадью на четверть большей, чем Шотландия, действительно имел внушительные размеры для округа.

и восточной части Теннесси В то же время продолжалось заселение Теннесси. Некоторое время движение населения имело тенденцию к юго-западу () вдоль больших долин, окруженных Аппалачами, так что поселенцы из Пенсильвании проложили себе путь вниз по Шенандоа, и оттуда поток мигрантов из Вирджинии достиг Ватауги, Холстона и Френч-Брод, расположенных посреди самых великолепных пейзажей к востоку от Скалистых гор. В то же время наблюдалось движение на запад из Северной Каролины через горный хребет Грейт-Смоки, и поражение Регуляторов губернатором Трайоном в битве при Аламансе в 1771 году, несомненно, во многом способствовало усилению и расширению этого движения. Путь был подготовлен в 1770 году Джеймсом Робертсоном, который проник в дикую местность до берегов Ватауги. Вскоре там и на Ноличаки были построены форты. Поселение быстро росло и вскоре вступило в конфликт с самыми воинственными и могущественными южными индейскими племенами. Чероки, как и их сородичи ирокезы на севере, сражались на стороне англичан в Семилетней войне и оказали некоторую, хотя и незначительную, помощь при захвате форта Дюкен. В начале Войны за независимость ожесточенные распри с вторгающимися поселенцами заставили их встать на сторону британцев, и вместе с партизанами-тори они опустошали пограничные территории. Поражение чероки на Ватауге В 1776 году поселение Ватауга подверглось нападению, а также были совершены вторжения в Джорджию и Южную Каролину. Но удар обернулся против чероки. Их земли были опустошены войсками из Каролины под командованием Эндрю Уильямсона и Гриффита Рутерфорда; их нападение на поселение Ватауга было отбито Джеймсом Робертсоном и Джоном Севиером; и в 1777 году они были вынуждены заключить договоры, отказываясь в основном от своих притязаний на территории между реками Теннесси и Камберленд.

СТРАНА ЗА ГОРАМИ, 1770-80.

Ее последствия Робертсон и Севир были самыми влиятельными и яркими фигурами в истории Теннесси до появления Эндрю Джексона; кроме того, их военные успехи, как и успехи «Старого Глухого», имели огромное значение для всей страны. Это особенно верно в отношении их победы при Ватауге (), поскольку, если бы поселение там было уничтожено варварами, это открыло бы путь к Лексингтону и Харродсбергу по Великой Дикой Дороге, и поселение в Кентукки, оказавшись в смертельной изоляции, скорее всего, пришлось бы покинуть. Таким образом, победа при Ватауге помогла в 1776 году укрепить позиции, завоеванные двумя годами ранее при Великой Канаве (Great Kanawha).⁴

Джордж Роджерс Кларк Таковы были начатки Кентукки и Теннесси, и таковы были успехи, уже достигнутые к западу от гор, когда следующий и самый длинный шаг был сделан Джорджем Роджерсом Кларком. В 1776 и 1777 годах полковник Генри Гамильтон, британский командующий в Детройте, был занят подготовкой общего наступления индейских племен на северо-западную границу. Такие согласованные действия среди этих варваров было трудно организовать, и моральный эффект войны лорда Данмора, несомненно, послужил отсрочке. Тем не менее, имели место отдельные нападения на Бунсборо и Уилинг, а также в окрестностях Питтсбурга. В то время как Гамильтон строил свои планы, отважный молодой вирджинец готовил эффективный контрудар. Поздней

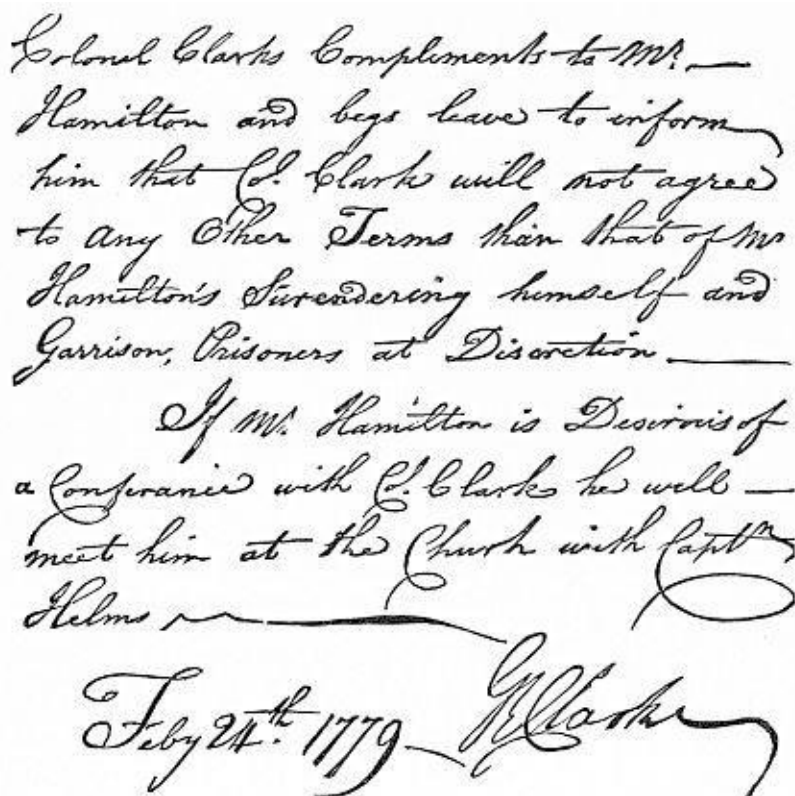
осенью 1777 года Джордж Роджерс Кларк, которому тогда было всего двадцать пять лет, возвращался из Кентукки по Дикой дороге и с ликованием услышал новость о капитуляции Бергойна. Кларк был человеком смелой оригинальности. Он получил хорошее образование у превосходного шотландского учителя Дональда Робертсона, среди учеников которого был Джеймс Мэдисон. В 1772 году Кларк работал землемером в верхней части Огайо и оказал ценные услуги в качестве разведчика в кампании Великой Канавы. По своим навыкам в лесном деле, а также по неукротимой настойчивости и мужеству ему было мало равных. Он был человеком живописной и величественной внешности, похожим на старого норвежского викинга, высоким и массивным, с румяными щеками, каштановыми волосами и пронзительными голубыми глазами, глубоко посаженными под густыми желтыми бровями.

Завоевание Кларком северо-западной территории, 1778 год Когда он услышал о «конвенции» в Саратоге, Кларк обдумывал ход, столь же знаменательный в анналах долины Миссисипи, как поражение Бергойна в анналах Гудзона. Он послал шпионов в Иллинойс, не давая им ни малейшего намека на свои намерения, и на основании их отчетов пришел к выводу, что смелым и внезапным движением можно захватить всю область и поставить британского командующего в безвыходное положение. Прибыв в Вирджинию, он изложил свой план губернатору Патрику Генри; Джефферсон, Уайт и Мэдисон также были посвящены в его замысел. План был встречен с горячим одобрением, но поскольку секретность и оперативность были необходимы, консультироваться с законодательным органом было невозможно, и мало что можно было сделать, кроме как уполномочить предприимчивого молодого человека собрать отряд из 350 человек и собрать военное снаряжение в Питтсбурге. Люди полагали, что его цель заключалась лишь в защите поселений Кентукки. Кларк провел тяжелую зиму, набирая людей, но наконец, в мае 1778 года, собрав флотилию лодок и несколько единиц легкой артиллерии, он вышел из Питтсбурга с 180 отборными стрелками и быстро проплыл по реке Огайо тысячу миль до ее слияния с Миссисипи. Британский гарнизон в Каскасии был переведен для укрепления постов в Детройте и Ниагаре, и город стал легкой добычей. Спрятав свои лодки в ручье, Кларк прошел через прерии и захватил город без сопротивления. Французские жители не были настроены против перемен, особенно когда они слышали о новом союзе между Соединенными Штатами и Людовиком XVI, а Кларк проявил исключительное умение играть на их чувствах. Кахокия и две другие соседние деревни были легко убеждены подчиниться, а католический священник Гибо добровольно взялся передать предложения Кларка в Винсеннес на реке Вабаш; получив это сообщение, этот важный пост также подчинился. Поскольку Кларк заручился дружбой испанского коменданта в Сент-Луисе, он чувствовал себя в безопасности от преследований на данный момент и отправил отряд домой в Вирджинию () с новостью о своем бескровном завоевании. Территория к северу от Огайо была таким образом присоединена к Вирджинии как «округ» Иллинойс, и для ее защиты была сформирована армия из 500 человек.

Захват Винсеннеса, 23 февраля 1779 года Когда об этих событиях стало известно полковнику Гамильтону в Детройте, он выступил с небольшой армией из примерно 500 человек, состоящей из регулярных войск, тори и индейцев, и после семидесятидневного марша через первобытный лес достиг Винсеннеса и захватил его. Он провел зиму, интригуя индейские племена и угрожая испанскому губернатору в Сент-Луисе страшной мстью, если тот окажет помощь или поддержку гнусным действиям американских мятежников. Тем временем хитрый вирджинец был занят делом. Отправив несколько лодок с легкой артиллерией и провизией вверх по Огайо и Вабашу, Кларк выступил из Каскасии с 130 людьми; и после тяжелого шестнадцатидневного зимнего похода по затопленным землям в том, что сейчас является штатом Иллинойс, он появился перед Винсенном как раз вовремя, чтобы забрать

свои лодки и пушки. Вечером 23 февраля город сдался, и горожане охотно помогли в штурме форта. После двадцати часов интенсивной канонады и ружейного огня Гамильтон сдался на условиях дискреции, и британская власть в этом регионе навсегда прекратила свое существование. Экспедиция, спустившаяся на лодках из Питтсбурга, уже захватила Натчез и изгнала британцев из нижней части Миссисипи. Вскоре после этого чероки и другие индейцы, которых Гамильтон подговорил выйти на тропу войны, были разгромлены полковником Шелби, а в верхней части Огайо и Аллегани индейские земли были настолько тщательно опустошены полковником Бродхедом, что на всей границе воцарился глубокий мир, вместо предполагаемого карнавала сожжений и скальпирования.

Заселение средней части Теннесси Теперь поток иммигрантов начал поступать непрерывно. На реке Миссисипи был основан форт Джефферсон для охраны устья Огайо. Другая крепость, расположенная выше по течению прекрасной реки, которую открыл Ла Саль и покорила Кларк (), стала местом основания Луисвилля, названного в честь нашего союзника, французского короля. Джеймс Робертсон снова появился на сцене и стал ведущим пионером в средней части Теннесси, так как он уже возглавлял колонизацию восточной части этого великого штата. На смелом утесе на южном берегу реки Камберленд Робертсон основал город, который получил свое название в честь генерала Нэша, павшего в битве при Джермантауне; и среди городов прекрасного Юга сегодня нет более процветающего, чем Нэшвилл. Таким образом, постепенно наше влияние прочно укрепилось на западных землях и с каждым годом становилось все сильнее.

Colonel Clark's Compliments to Mr. —
Hamilton and begs leave to inform
him that Col. Clark will not agree
to any other Terms than that of Mr
Hamilton's Surrendering himself and
Garrison, Prisoners at Discretion —
If Mr. Hamilton is Desirous of
a Conference with Col. Clark he will —
meet him at the Church with Capt^l
Helms —
Feb 24th 1779 — Clark

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЗЫВ КЛАРКА К ХЭМИЛТОНУ

[См. транскрипцию](#)

Важность завоевания Кларка В галерее наших национальных героев Джордж Роджерс Кларк заслуживает видное и почетное место. Именно благодаря его смелости и прозорливости, когда в 1782 году наши комиссары в Париже были заняты сложной и деликатной работой

по сдерживанию нашего не слишком дружественного французского союзника, одновременно договариваясь об условиях мира с британским врагом, укрепленные посты на Миссисипи и Вабаше удерживались американскими гарнизонами. Говорят, что владение — это девять пунктов в законе, и пока Испания и Франция интриговали, чтобы не допустить нас в долину Миссисипи, мы владели ею. Военная операция Кларка была увенчана успехом благодаря дипломатии Джея. Четыре основных события в истории нашей западной границы во время Революции: (1) поражение шауни и их союзников в Пойнт-Плезант в 1774 году; (2) поражение чероки на Ватауге в 1776 году; (3) завоевание Кларком территории Иллинойса в 1778-79 годах; (4) раскрытие и срыв французской дипломатии в 1782 году Джеем. Когда Вашингтон принял командование Континентальной армией в Кембридже в 1775 году, население и юрисдикция тринадцати объединенных штатов едва выходили за пределы Аллеганских гор; благодаря ряду событий, кратко описанных здесь, когда он сложил с себя командование в Аннаполисе в 1783 году, территория независимых Соединенных Штатов на западе ограничивалась рекой Миссисипи.

Последние годы Кларк прожил в бедности и безвестности в доме своей сестры, недалеко от Луисвилля, где он умер в 1818 году. Именно его младший брат, Уильям Кларк, вместе с Мериуэзером Льюисом совершил в 1804 году знаменитую экспедицию к реке Колумбия, тем самым обеспечив Соединенным Штатам контроль над Орегоном.

Грабительские экспедиции Вернемся к нашей истории. План лорда Джорджа Джермейна по слову духа американцев, в той мере, в какой он зависел от варварской помощи, которую могли оказать его индейские союзники, до сих пор не увенчался большим успехом. На границе, особенно в Пенсильвании и Нью-Йорке, был нанесен ужасный ущерб, но в конечном итоге это привело к ослаблению индейцев и ослаблению контроля британцев над континентом, в то время как позиции американцев в целом укрепились. Война, которую британцы вели на севере после кампании в Ньюпорте, выродилась в серию грабительских экспедиций, недостойных цивилизованных солдат. Похоже, они усвоили плохой урок от своих диких союзников. В то время как войска сэра Генри Клинтон были осаждены в Нью-Йорке, он время от времени находил возможность отправлять небольшие отряды по морю, чтобы сжигать и грабить незащищенные деревни на побережье, в соответствии с инструкциями лорда Джорджа. Осенью 1778 года красивый остров Мартас-Виньярд был разграблен от края до края, города Нью-Бедфорд и Фэр-Хейвен со всеми судами в их гаванях были сожжены, и подобное опустошение было произведено на побережье Нью-Джерси. В Олд-Таппане несколько американских драгун, спавших в сарае, были захвачены войсками сэра Чарльза Грея, и тридцать семь из них были хладнокровно убиты штыками. Пятьдесят пять солдат легкой пехоты из легиона Пуласки были аналогичным образом застигнуты врасплох ночью капитаном Фергюсоном, и все, кроме пяти, были убиты. В мае 1779 года генерал Мэтью был отправлен с 2500 человек в Вирджинию, где он разграбил города Портсмут и Норфолк, проявив жестокость, достойную средневекового пирата. **Действия**
Трайона, июль 1779 года В июле предприимчивый Трайон провел рейдовую экспедицию вдоль побережья Коннектикута. В Нью-Хейвене он сжег корабли в гавани и две или три улицы с складами, а также убил нескольких горожан; его намерением было сжечь весь город, но соседние йомены быстро собрались и прогнали британцев на их корабли. На следующий день британцы высадились в Фэрфилде и полностью разрушили его. Затем они сожгли Грин-Фармс, а затем и Норволк. После этого, когда они уже собирались продолжить наступление на Нью-Лондон, их внезапно отозвали в Нью-Йорк из-за плохих новостей.

Насколько эти варварские набеги имели какую-либо военную цель, то она заключалась в том, чтобы заставить Вашингтона ослабить свои силы в Хайлендсе, отправив войска в Коннектикут для защиты частной собственности и наказания мародеров. После разрушения фортов в Хайлендсе в октябре 1777 года защита этой важнейшей позиции была возложена на мощные укрепления, недавно возведенные в Вест-Пойнте. Клинтон захватывает крепость в Стони-Пойнт, 31 мая 1779 года. Немного ниже по течению реки два небольших, но очень крепких форта, в Стони-Пойнт на правом берегу и в Верпланк-Пойнт на левом, охраняли вход в Хайлендс. Во время строительства форта в Стони-Пойнт сэр Генри Клинтон поднялся вверх по реке и захватил его, а затем с помощью его батарей подчинил себе и противоположную цитадель. Стони-Пойнт представлял собой скалистый мыс, омываемый с трех сторон водами Гудзона. Он был отделен от материка глубоким болотом, через которое пролегла узкая дамба, затопляемая при приливе, но переходимая при отливе. Эта естественная крепость была вооружена тяжелыми батареями, которые контролировали болото, дамбу и реку; британцы разместили в ней шестьсот солдат и построили две дополнительные линии укреплений, сделав ее практически неприступной.

Henry Clinton

Штурм Стони-Пойнта, 16 июля 1779 года. Захват этого места казался благоприятным началом летней кампании для армии Клинтона, которая с момента битвы при Монмуте была заперта в Нью-Йорке. Если бы он продолжил наступление и захватил Вест-Пойнт, это в значительной степени помогло бы ему исправить катастрофу под Саратогой, но войска

Вашингтона были так хорошо расставлены, что Клинтон не рискнул даже попытаться сделать это. Более того, его надежды на « », которые он, возможно, основывал на набегах на Коннектикут, оказались полностью обманчивыми. Метод Вашингтона по освобождению Коннектикута и срыву планов Клинтона отличался от ожидаемого. Среди его генералов был один, которого солдаты называли «Безумным Энтони» за его отчаянную храбрость, но в Энтони Уэйне было гораздо больше метода, чем безумия. По сочетанию импульсивной храбрости с быстрым умом и хладнокровием он не имел себе равных. В его распоряжение было отдано 1200 легких пехотинцев. Все собаки в радиусе трех миль были убиты, чтобы ни один неосторожный лай не насторожил гарнизон. Ни одно ружье не было заряжено, чтобы непреднамеренный выстрел не выдал приближающуюся колонну. Штыки теперь предстояло использовать не для жарки мяса на костре, а для более воинственных целей. В полночь 15 июля американцы пересекли дамбу во время отлива и подошли близко к фортификационным сооружениям, прежде чем их продвижение было обнаружено. Гарнизон бросился к оружию, и батареи открыли сильный огонь, но наступление Уэйна было быстрым и уверенным. Двумя плотными колоннами американцы так быстро поднялись по склону, что картечь принесла мало жертв. Плечом к плечу, в непреодолимой массе, подобно фиванской фаланге Эпаминонда, они прорвались через укрепления, не обращая внимания на препятствия, и через несколько минут гарнизон сдался на безразличных условиях. В этом штурме американцы потеряли пятнадцать убитых и восемьдесят три раненых, а британцы — шестьдесят три убитых. Остальные 553 человека гарнизона, включая раненых, были взяты в плен, и ни один человек не был убит хладнокровно, хотя позорные сцены в Вирджинии были еще свежи в памяти людей, а угли Фэрфилда и Норуолка все еще тлели. Современный британский историк Стэдман хвалит Уэйна за его гуманность и считает, что он «был бы полностью оправдан, если бы подверг гарнизон мечу», но, безусловно, никакие законы или обычаи гуманной войны (), которые когда-либо существовали среди народа Соединенных Штатов, не оправдали бы такое варварское поведение.⁴

ДОМ ЭНТОНИ УЭЙНА

Эвакуация Стони-Пойнта Захват Стони-Пойнта послужил желаемой цели освобождения Коннектикута, но американцы удерживали его всего три дня. Клинтон сразу же собрал свои войска и поднялся по Гудзону, надеясь склонить Вашингтона к рискованной битве ради удержания Стони-Пойнта. Но Вашингтон слишком хорошо знал военное дело, чтобы пойти на это. В случае поражения он рисковал потерять гораздо более важную позицию в Вест-Пойнте. Он не был человеком, готовым рисковать своей главной цитаделью ради аванпоста. Поняв, что для защиты Стони-Пойнта от совместного нападения с суши и с воды потребуется больше людей, чем он мог выделить, он приказал эвакуировать его. Все укрепления были разрушены, а гарнизон вместе с пушками и запасами был отправлен в Хайлендс. Сэр Генри занял это место и удерживал его некоторое время, но не рискнул наступать на Вашингтона.

Henry Lee

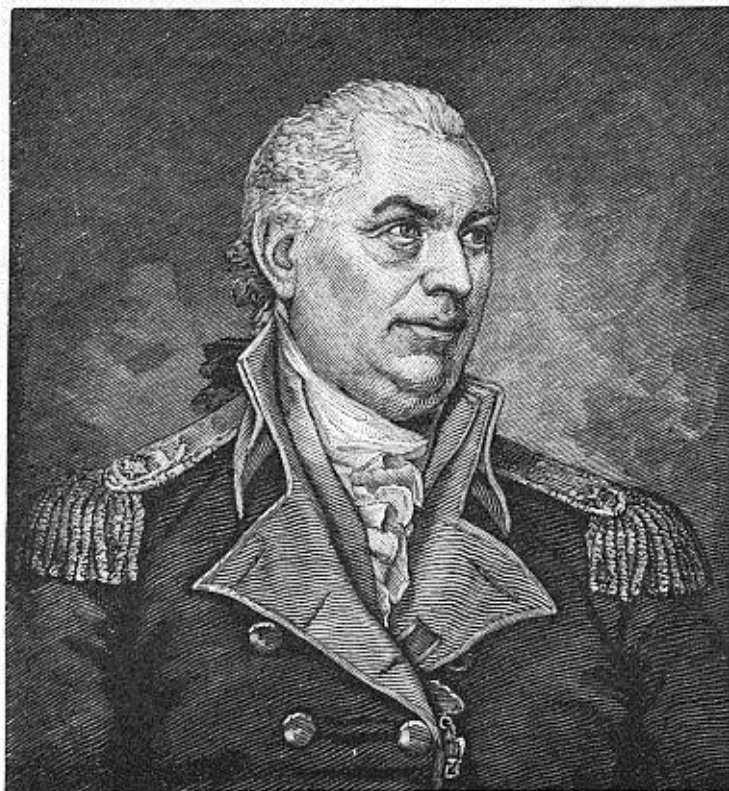
Подвиг Генри Ли в Паулус-Хук Чтобы дать британскому генералу полное представление о бдительности своего противника, удар был нанесен с неожиданной стороны. В Паулус-Хук, на месте нынешнего Джерси-Сити, у британцев был очень крепкий форт. «Хук» представлял собой длинный низкий перешеек, уходящий в Гудзон. Песчаный перешеек, пересеченный едва проходимым ручьем, соединял его с материком. Внутри линии ручья через весь перешеек был выкопан глубокий ров, который можно было пересечь только с помощью подъемного моста. Внутри рва были две линии укреплений. Место было укреплено 500 солдатами, но, полагаясь на прочность своих укреплений и удаленность от американских линий, гарнизон стал несколько небрежным. Об этом факте Вашингтону сообщил майор Генри Ли, который вызвался совершить внезапный налет на форт. В ночь на 18 августа Ли во главе 300 отборных солдат пересек ручей, разделявший Паулус-Хук и материковую часть

Нью-Джерси. В течение дня была отправлена экспедиция за провизией, и когда американцы приблизились, часовые сначала приняли их за возвращающихся провиантов. Воспользовавшись этой ошибкой, они преодолели все препятствия и в мгновение ока захватили форт. Сигнальные выстрелы, на которые быстро откликнулись корабли на реке и форты на стороне Нью-Йорка, заставили их отступить так же быстро, как они и пришли, но только после того, как Ли захватил 159 пленных, которых он благополучно доставил в Хайлендс, потеряв из своих людей только двух убитых и трех раненых. Этот подвиг, достойный доброго лорда Джеймса Дугласа, не имеет военного значения, за исключением того, что он является примером мастерства и смелости, но он заслуживает упоминания из-за личного интереса, который всегда будет связан с его автором. В юношеской переписке Вашингтона упоминается «красавица из низменности», к которой он испытывал безответную страсть. Эта дама вышла замуж за члена знаменитой вирджинской семьи, к которой принадлежал Ричард Генри Ли. Ее сын, герой Паулус-Хука, всегда был любимцем Вашингтона, а за свои блестящие подвиги в последние годы революционной войны он стал любимцем американского народа под прозвищем «Легкая кавалерия Гарри». Его благородный сын, Роберт Эдвард Ли, занял место среди ведущих генералов современности.

ГЛАВА XII

ВОЙНА НА ОКЕАНЕ

Важность контроля над водными путями До войны за независимость у американцев не было собственного флота, и такие морские экспедиции, как экспедиция против Луисбурга, проводились с помощью британских кораблей. Когда началась война, одним из главных преимуществ британцев в их наступательных операциях был полный контроль над американскими водами. Не только все прибрежные города были подвержены их внезапным нападениям, но и на широких глубоких реках они иногда могли проникать на значительное расстояние вглубь суши, а с помощью своих кораблей могли безопасно перевозить людей и грузы из одного пункта в другой. Их армии всегда опирались на флот как на базу для своих операций и быстро теряли свою боеспособность, когда были отрезаны от этих баз. Генерал Хоу не был в безопасности в Филадельфии, пока его брат не установил контроль над рекой Делавэр, а армия Бергойна была обречена на пленение, как только ее связь с озерами была перерезана. С самого начала и до конца события войны иллюстрировали эту зависимость армии от флота. При отступлении из Лексингтона только корабли спасли измученные войска лорда Перси от плена; в Йорктауне только временная потеря морского превосходства сделала побег Корнуоллиса невозможным. Из-за отсутствия флота генерал Вашингтон не смог удержать остров Нью-Йорк в 1776 году; и по той же причине в 1778 году, после того как враг был вынужден перейти в оборону, он не смог разумно предпринять его отвоевание. Именно из-за отсутствия эффективной морской поддержки провалилась экспедиция в Ньюпорт; а события 1779 года в Вирджинии и Коннектикуте стали печальным свидетельством незащищенности наших побережий.

John Barry

Неэффективные действия Конгресса В начале войны Конгресс серьезно рассмотрел эту насущную проблему и предпринял попытки ее решения путем создания военно-морского флота и оснащения частных крейсеров. Однако создание регулярного военно-морского флота, который был единственным средством для достижения этой цели, сопровождалось еще большими трудностями, чем создание постоянной армии. На самом деле не было недостатка ни в хороших материалах для строительства кораблей, ни в моряках. В частности, Новая Англия с ее протяженным побережьем и обширными рыбными промыслами всегда обладала значительным торговым флотом и воспитывала выносливый народ моряков. Насколько грозными они могли стать в морской войне, Великобритания была обречена обнаружить почти сорок лет спустя, к своему удивлению и огорчению. Но отсутствие центрального правительства было еще более серьезно ощутимо в военно-морских делах, чем в военных. Действия Конгресса были слабыми, недальновидными и колеблющимися. «Морские комитеты», «военно-морские советы» и «советы адмиралтейства», которым было поручено создание военно-морского флота, так часто менялись в своем составе и функциях, что было трудно выполнить какую-либо работу в соответствии с первоначальным замыслом. Поскольку в министерстве адмиралтейства полностью отсутствовала система, в службе царил полная недисциплинированность. Там же велись те же споры о званиях, что и в армии, и последствия были еще более пагубными. Было трудно набрать хорошие экипажи из-за неопределенности, вызванной общим отсутствием системы. Риски были чрезмерными из-за подавляющего превосходства противника с самого начала. Из тринадцати новых крейсеров, заложенных осенью 1775 года, только шесть смогли выйти в море. Во время войны был построен один линейный корабль — «Америка 74», первым командиром которого был капитан Джон Барри;⁴ но он

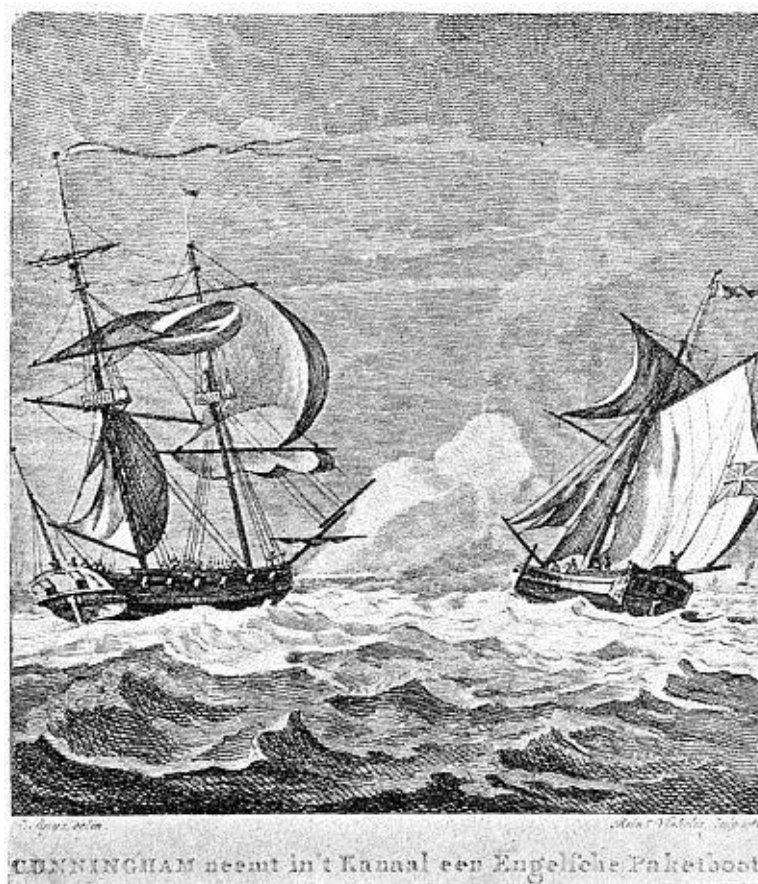
был спущен на воду слишком поздно, чтобы принять участие в боевых действиях. В период с 1775 по 1783 год на службе находилось двадцать небольших фрегатов и двадцать один военный шлюп. Большинство из них были либо захвачены врагом, либо уничтожены, чтобы не попасть в руки противника. Вооружение этих кораблей было очень легким; самый большой из них, *Von Homme Richard*, был построен для тридцати восьми, но его самые тяжелые пушки были только двенадцатифунтовыми.

АВГУСТАТУС КУНИНГАМ

Американские и британские крейсера: Однако, несмотря на эту небольшую силу, слабую дисциплину и нестабильное управление, маленький американский флот проделал очень хорошую работу в ходе войны, и ему эффективно помогали многочисленные частные крейсера, так же как континентальная армия часто получала ценную помощь от ополчения. До заключения союза с Францией более шестисот британских судов стали жертвами американских крейсеров, и эти быстрые маленькие суда были настолько смелыми, что даже патрулировали побережье Англии, а торговые суда, следующие из одного британского порта в другой, нуждались в защите конвоя. В тот же период около девятисот американских судов были захвачены британскими крейсерами, так что разрушительная сила американского флота, по-видимому, составляла около двух третей силы той части британского флота, которая могла быть направлена на нанесение ущерба американскому судоходству. Ущерб, нанесенный американцам, был тем более серьезным, что он почти разрушил рыболовство и прибрежную торговлю в Новой Англии. С другой стороны,

американские крейсеры привели к тому, что морское страхование в Англии поднялось до гораздо более высокого уровня, чем когда-либо прежде; и из письма Силаса Дина к Роберту Моррису мы узнаем, что незадолго до заключения союза между Францией и Соединенными Штатами () доки на Темзе были переполнены французскими судами, загруженными британскими товарами, которые искали убежища под нейтральным флагом.

КОНИНГХЭМ ЗАХВАТЫВАЕТ БРИТАНСКИЙ ПОЧТОВЫЙ КОРАБЛЬ

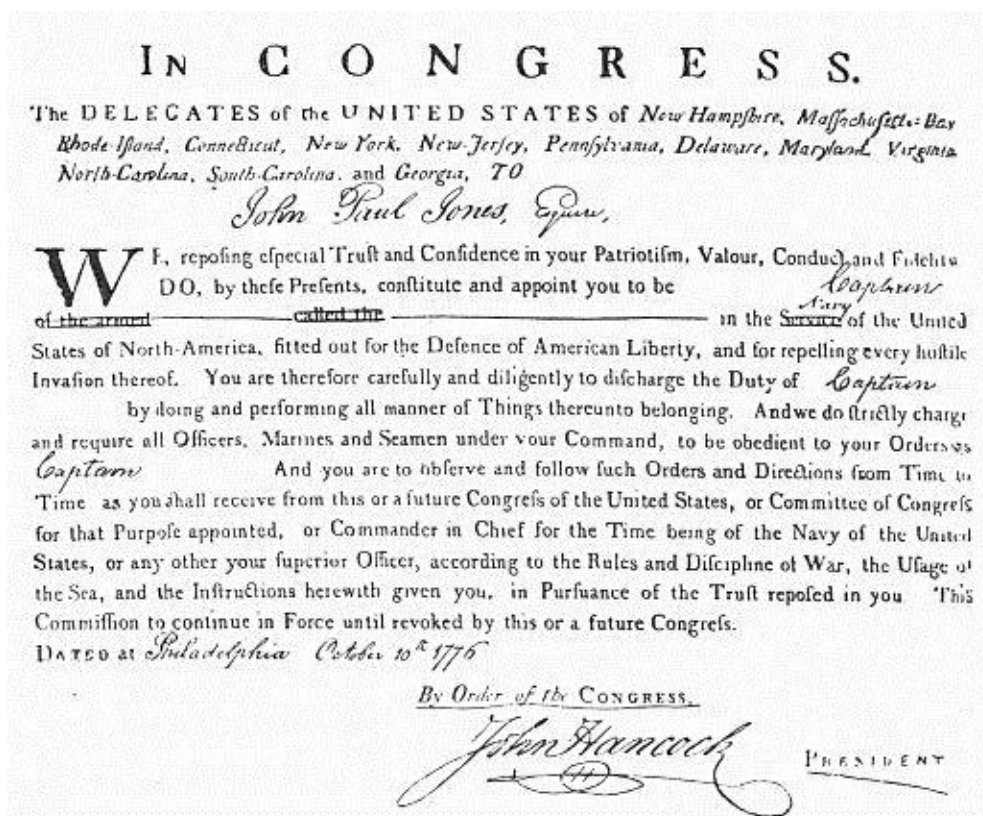
В одном отношении значение этой работы американских крейсеров было неоценимо. Она приучила Европу к виду американского флага в европейских водах. Было очень важно, чтобы Европа воспринимала новую республику не просто как предмет отдаленных слухов, но как морскую державу, способную защитить себя в пределах видимости британских берегов; и в этом отношении трудно переоценить заслуги героических капитанов, которые первыми перевезли флаг Соединенных Штатов через океан и бросили вызов льву в его родном логове. Уикс и Конингем Из этих доблестных людей первым был Ламберт Уикс, а его корабль «Репризал 16», который осенью 1776 года доставил Бенджамина Франклина во Францию, был первым американским военным кораблем, посетившим восточные берега Атлантического океана. После блестящего плавания летом 1777 года он затонул у берегов Ньюфаундленда, и все находившиеся на борту погибли. Следующим был Густав Конингем с кораблями «Сюрприз» и «Месть», которые тем же летом захватили столько трофеев в Северном море и Ла-Манше, что страховые взносы выросли до двадцати пяти процентов, а в некоторых случаях за короткий переход между Дувром и Кале требовали десять процентов. Джон Пол Джонс Но слава обоих этих капитанов вскоре была затмена славой Джона Пола Джонса, шотландского моряка, который с детства занимался торговлей в Вирджинии и в 1773 году переехал жить в Вирджинию. Когда началась война, Джонс предложил свои услуги Конгрессу, и в октябре 1776 года его имя появилось восемнадцатым в списке капитанов нового флота. С самого начала он отличался мастерством и храбростью, и в 1778 году, когда

ему было тридцать лет, его отправили на корабле «Рейнджер 18» патрулировать британские побережья. На этом небольшом корабле он совершил успешный рейд в Ирландском канале, сжег часть судов в порту Уайтхэвен в Камберленде и в ожесточенном сражении у Каррикфергуса захватил « » (Британский « ») и военный шлюп «Drake 20»; потеряв всего восемь человек убитыми и ранеными, в то время как «Drake» потерял сорок два. С «Дрейком» и несколькими торговыми трофеями Джонс направился в Брест и отправил «Рейнджер» домой, в Америку, а сам остался, чтобы принять командование более значительной экспедицией, которая готовилась к отправке в следующем году. Надзор Франклина за морскими делами Наряду с другими обязанностями Франклина, как министра Соединенных Штатов при французском дворе, к нему прибавился общий надзор за морскими делами. Он был своего рода полномочным представителем Конгресса во всех вопросах, касающихся флота. Он имел полномочия от Конгресса выдавать каперские свидетельства и свободно ими пользовался, налагая при этом ограничения, которые были характерны для его великодушного духа. В 1779 году он издал инструкции всем американским крейсерам, что, в какой бы части моря они ни встретили великого первооткрывателя капитана Кука, они должны забыть о временной ссоре, в которой они сражались, и не только позволить ему пройти без помех, но и предложить ему всю помощь и услуги, которые в их силах; поскольку американцам не подобает поднимать руку на того, кто заслужил уважение и благодарность всего человечества. Так, в инструкциях, данных Полу Джонсу, он приказал ему не сжигать беззащитные города на британском побережье, за исключением случаев военной необходимости, и в таком случае он должен был предупредить об этом, чтобы женщины и дети, а также больные и пожилые жители могли вовремя эвакуироваться.

Эскадра Джонса Экспедиция, командование которой летом 1779 года принял Пол Джонс, была предназначена для проведения демонстративной «демонстрации силы» у берегов Великобритании. Целью британских набегов на Вирджинию и Коннектикут было, в частности, запугать американцев смелым и жестоким проявлением всемогущества британской власти. Экспедиция Пола Джонса должна была служить своего рода противовесом. Смешанный и неопределенный характер американской военно-морской службы в то время не мог быть лучше проиллюстрирован, чем в деталях небольшой эскадры, с которой ему предстояло выполнить свою опасную задачу. Флагманом был старый индийский корабль под названием «Дурас», купленный французским правительством и оборудованный для этой цели. В честь автора «Максим бедного Ричарда» его название было изменено на «Бон Ом Ричард». Это был чрезвычайно неуклюжий корабль с выпуклым носом и башенной кормой, характерными для кораблей XVII века. Он был переоборудован в фрегат с тридцатью восемью пушками, но поскольку возникла задержка с закупкой восемнадцатифунтовых пушек, подходящих для такого судна, его главная палуба была вооружена двенадцатифунтовыми пушками. В оружейной комнате внизу капитан Джонс прорезал двенадцать иллюминаторов, в которые он установил шесть старых восемнадцатифунтовых орудий, которые можно было перемещать из стороны в сторону по мере необходимости. Не считая этих восемнадцатифунтовых орудий, огневая мощь «Бон Ом Ричарда» была примерно равна огневой мощи тридцатидвухпушечного фрегата. Это необычное судно обслуживала такая же неоднородная команда, как и само судно — разношерстная banda моряков и морских пехотинцев почти из всех стран Европы, а также полдюжины малайцев. К ним позже прибавились сто человек из Новой Англии, в результате чего общая численность экипажа достигла 380 человек. Для этого флагмана были предоставлены три сопровождающих судна под управлением французского правительства. «Паллас», торговое судно, переоборудованное для этой цели, было таким образом

преобразовано в 32-пушечный фрегат; «Венджанс» и «Серф» были меньшего калибра. Все эти корабли были построены во Франции. К ним Франклин добавил «Альянс 32», который в то время случайно находился во французском порту. «Альянс», недавно построенный в Солсбери, штат Массачусетс, и названный в честь договора « » между Францией и Соединенными Штатами, был быстрым и красивым кораблем, одним из лучших в американском флоте. К сожалению, было решено, что можно оказать еще большую честь нашим новым союзникам, назначив французского капитана для командования этим кораблем, и этот шаг вызвал такое недовольство и неподчинение, что едва не уничтожил его боеспособность. Капитан Ланде не сделал ничего, чтобы заслужить такую честь; он был просто авантюристом, стремившимся к славе на американской службе.

КОМИССИЯ ПОЛУ ДЖОНСА

Круиз Джонса у британского побережья Корабли в этом разношёрстном отряде не были каперами. «Альянс» был полноправным членом нашего флота. Корабли французской постройки считались предоставленными в пользование Соединённым Штатам и должны были возобновить свою французскую принадлежность после окончания круиза, но все они были должным образом введены в строй Франклином в соответствии с полномочиями, делегированными ему Конгрессом. На данный момент они были частью американского флота и подчинялись его правилам. Их коммодор Пол Джонс часто упоминался как капер, иногда как пират, но он был таким же регулярным капитаном нашего флота, как Грин был регулярным генералом нашей армии. Однако, хотя не могло быть никаких сомнений в законном военно-морском характере экспедиции, более разнородной и беспорядочной эскадры, пожалуй, никогда не отправляли в море. Лето прошло в плавании у британских берегов, и было захвачено много трофеев; но неподчинение французских командиров было настолько грубым, что большую часть времени корабли были разбросаны во всех направлениях, и Джонс остался плавать в одиночку. 17 сентября, собрав свой флот, он вошел в залив Ферт-оф-Форт и подошел на расстояние выстрела от Лейта, который он намеревался атаковать и захватить. Сэр Уолтер Скотт, тогда еще школьник в Эдинбурге, в предисловии к

«Уэверли» дал живое описание волнения, которое царило в тот момент. Но, как говорит Скотт, «постоянный и сильный западный ветер решил вопрос, вынеся Пола Джонса и его корабли из залива Ферт-оф-Форт». Четыре дня спустя «Бон Ом Ричард» и «Венджанс» вошли в реку Хамбер и уничтожили несколько судов. 23-го числа, когда «Альянс» и «Паллас» подошли ближе, британский флот из сорока кораблей был замечен у мыса Фламборо . Он встречает британский флот у мыса Фламборо. Это были торговые суда, направлявшиеся в Балтийское море под конвоем «Сераписа» 44, капитан Ричард Пирсон, и «Графини Скарборо» 20, капитан Пирси. Джонс немедленно бросился в погоню, приказав своим союзникам следовать за ним и выстроиться в боевой порядок; но «Альянс» не подчинился и ушел на некоторое расстояние, на время сбивая с толку «Паллас», который не мог понять несоответствие между сигналами и движениями. Британские торговые суда на полных парусах пытались уйти с дороги, но два фрегата приняли вызов Джонса и подошли, чтобы сразиться. «Графиня Скарборо» значительно уступала «Палласу» по размеру и вооружению, в то время как «Серапис» был гораздо мощнее «Бон Ом Ричарда». Это был двухпалубный корабль, вооруженный двадцатью восемнадцатифунтовыми пушками внизу и двадцатью девятифунтовыми пушками « » наверху, а также десятью шестифунтовыми пушками на квартердеке и носовой палубе, так что он мог выпустить 300 фунтов металла залпом. Bon Homme Richard с его шестью восемнадцатифунтовыми пушками действительно мог выпустить 312 фунтов металла за один залп, но его вес металла был очень плохо распределен между легкими пушками. Без своих восемнадцатифунтовых пушек он мог выпустить только 204 фунта металла за один залп, уступая таким образом своему противнику на треть. «Серапис» имел экипаж из 320 хорошо обученных британских моряков и был новым и быстрым кораблём, идеальным во всех отношениях.

КАПИТАН ПИРСОН

Громоздкая битва между «Сераписом» и «Бон Ом Ричардом», 23 сентября 1779 года Битва началась в половине восьмого, немного раньше восхода луны, в облачный вечер, на спокойной воде. Два главных противника одновременно выпустили все свои залпы. При первом залпе две старые восемнадцатифунтовые пушки на американском фрегате взорвались, убив дюжину человек. После этой катастрофы никто не имел достаточной уверенности в таких пушках, чтобы стрелять из них снова, так что «Бон Ом Ричард» сразу же потерял две трети своей боевой мощи и в обычном бою вскоре был бы побежден. В течение часа продолжалась оживленная канонада, в то время как два корабля маневрировали, чтобы занять выгодную позицию. «Серапис», будучи гораздо более маневренным кораблем, проплывал мимо носа своего противника, имея очень мало места для маневра, когда Джонсу удалось направить свой корабль прямо на корму «Сераписа». На мгновение огонь с обоих кораблей прекратился, и капитан Пирсон крикнул: «Вы спустили флаг?». «Я еще не начал сражение», — ответил капитан Джонс. На мгновение корабли разошлись, «Серапис» прошел вперед почти на одной линии с «Бон Ом Ричардом». «Серапис» резко повернул руль и пошел боком, чтобы поднять нос поперек носа противника и таким образом восстановить свое преимущественное положение, но «Бон Ом Ричард» изменил курс, и вскоре, в густом облаке дыма, два корабля снова столкнулись, и британский бушприт прошел над высокой старомодной кормой американского корабля. Это было именно то, чего хотел Джонс, и, стоя на палубе кво́тер, он схватил прочную веревку и привязал стаксель-гик противника к своей бизань-мачте. Так привязанные, под давлением слабого ветра корабли оказались бок о бок, нос одного лежал напротив кормы другого. Теперь на борт «Сераписа» были брошены крюки, и с помощью многократных ударов по носу и корме два монстра были скреплены в смертельном объятии. Они лежали так близко друг к другу, что их реи переплелись, и некоторые пушки «Сераписа» стали бесполезными из-за нехватки места для использования трамбовки. Таким образом, преимущество ее превосходного вооружения было в некоторой степени утрачено, а преимущество в скорости движения было полностью нейтрализовано. Тем не менее, ее тяжелые пушки на таком коротком расстоянии наносили ужасающий урон, и главная палуба «Бон Ом Ричарда» вскоре была покрыта изувеченными и умирающими людьми, а ее корпус был сильно поврежден, и многие пушки были сбиты с лафетов. Не выдержав этого ужасного огня, американцы сгрудились на верхней палубе в таком количестве, что легко отразили попытки британцев высадиться на борт. Группы из человек, взобравшись на такелаж, очистили верхушки вражеского корабля и застрелили каждого человека на «Сераписе», который осмелился выйти из укрытия. В иллюминаторы бросали ручные гранаты, чтобы убить артиллеристов; и вскоре один смелый парень, вылезший на самый конец грота «Бон Ом Ричарда», прямо над главным люком «Сераписа», бросил одну из этих опасных гранат через люк, где она воспламенила ряд патронов, лежавших на главной палубе. Взрыв быстро прошел по всей линии, как через пачку гигантских петард. Более двадцати человек были разорваны на куски, их головы, руки и ноги разлетелись во все стороны, а еще сорок человек были выведены из строя. С учетом разрушений, уже нанесенных пушками, «Серапис» теперь потерял две пятых своей команды, и его огонь заметно ослабел, так что американцы смогли спуститься вниз и снова задействовать свои пушки, обрушив на британские иллюминаторы шквал картечи и гранат, который привел к ужасной бойне.

Было уже десять часов. Все это время «Альянс» держался в стороне от сражения, но «Паллас» атаковал «Графиню Скарборо» и после интенсивной канонады заставил ее сдаться. Теперь «Альянс» спустился вниз и глупо обрушил залп по палубам двух главных участников

сражения, нанеся ущерб как друзьям, так и врагам. С «Bon Homme Richard» раздались предупреждающие крики, и его командир приказал капитану Ландесу напасть на «Serapis» с дальней стороны и абордажировать ее. Француз ответил, что так и сделает, но вместо этого отвёл свой корабль на пару миль в сторону подветренной стороны, и « » спокойно дождался окончания сражения. К этому времени «Серapis» горел в нескольких местах, так что часть его экипажа была вынуждена оставить орудия и направить все свои силы на тушение пламени. Американский корабль находился в еще более плачевном состоянии: он не только горел уже полчаса, но и в его корпусе было пробито столько дыр, что он начал тонуть. Под палубой находилось более ста британских пленнх, которых теперь освободили и направили на « » к насосам. На обоих кораблях работало лишь несколько орудий, и остальная часть сражения между двумя изможденными противниками была лишь вопросом упорной стойкости. Наконец капитан Джонс собственными руками направил пару орудий на грот-мачту противника, и как раз в тот момент, когда она грозила упасть, корабль сдался. Отважный британский командир стоял почти в одиночестве на главной палубе своего корабля, посреди ужасной сцены смерти, в то время как большинство из немногих его людей, оставшихся невредимыми, опустили на колени, задыхаясь и измученные усталостью. Как только корабли разделились, шатающаяся грот-мачта «Серapisа» упала за борт, унеся с собой бизань-мачту и все бизань-такелаж.^[30] «Бон Ом Ричард» с трудом удерживался на плаву до утра, и всю ночь свежие люди с его сопровождающих кораблей усердно боролись с пламенем, пока раненых уносили. В десять часов следующего утра он затонул.

Последствия победы Джонса Так закончилась одна из самых упорных и кровопролитных битв в истории военно-морского флота. Более половины участвовавших в ней людей были убиты или тяжело ранены, и лишь немногие ушли без шрамов и синяков, которые остались у них в память об этой ужасной ночи. С чисто военной точки зрения, эта первая значительная битва между британскими и американскими фрегатами, возможно, не имела большого значения. Но моральный эффект такой победы в пределах видимости британского побережья в Европе был огромным. Король Франции присвоил Полу Джонсу звание рыцаря ордена за заслуги, а от императрицы России он получил ленту Святой Анны. Король Дании назначил ему пенсию, а по всей Европе о его подвиге рассказывали и пересказывали в газетах и за столами в уличных кафе. По прибытии в Голландию, куда он отправился со своими трофеями через две недели после сражения, британское правительство категорически потребовало выдать его, чтобы повесить как пирата. Голландцы явно симпатизировали американцам, но, поскольку они не были готовы вступить в войну с Англией, через десять недель Джонсу было отправлено запоздалое уведомление о том, что ему лучше покинуть страну. Несмотря на преследование британского флота, он благополучно добрался до Франции в декабре, и после различных приключений, длившихся весь следующий год, в начале 1781 года он прибыл в Филадельфию. При расследовании необычного поведения капитана Ландеса возникли некоторые сомнения относительно его вменяемости, поэтому его не расстреляли за неподчинение приказам, а просто уволили из флота. Пол Джонс был поставлен во главе корабля «Америка 74», но война была уже почти закончена, и он больше не выходил в море, а Конгресс подарил его корабль королю Франции. В 1788 году он перешел на службу в Россию в звании контр-адмирала. Он умер в Париже в 1792 году в возрасте сорока пяти лет.

Здесь естественно возникает вопрос: почему король Дании и императрица России проявили такой интерес к победе Пола Джонса, что удостоили его высоких почестей за ее достижение? Ответ, к которому мы вскоре придем, наглядно покажет нам, насколько к концу 1779 года весь цивилизованный мир оказался вовлеченным в конфликт между Англией и ее восставшими колониями. Как на мосту Конкорд фермеры Массачусетса, вступившие в сражение, однажды произвели выстрел, который услышали во всем мире, так и последние выстрелы, произведенные Полом Джонсом по грот-мачте «Сераписа», вызвали эхо, которое не утихло до тех пор, пока не стало ясно, что отныне в открытом море должны преобладать более благородные принципы международного права, чем те, которые признавались до сих пор. Теперь мы должны проследить происхождение и развитие замечательного осложнения дел, которое в конце концов, в 1780 году, привело все другие морские державы Европы к враждебной позиции по отношению к Великобритании. Ведь только после того, как мы должным образом поймем это, мы сможем осознать всемирное значение нашей Войны за независимость или правильно оценить значение событий, связанных с « », которые привели к тому великому двойному результату — признанию независимости Соединенных Штатов и свержению личного правления Георга III в Англии.

Отношения Испании с Францией и Англией Пол Джонс был не единственным врагом, который бродил у берегов Англии летом 1779 года. В июне того же года Испания объявила войну Англии, но не признала независимость Соединенных Штатов и не вступила с нами в союз. С самого начала граф Верженн искал помощи Испании в своих планах по поддержке американцев, но какое-либо искреннее сотрудничество между Испанией и Францией в таком предприятии было невозможно, поскольку их интересы во многих отношениях были прямо противоположны. Что касается простой ненависти к Англии, то Испания, без сомнения, шла еще дальше, чем Франция. Испания не забыла, что когда-то она была хозяйкой морей и что именно Англия лишила ее этого господства во времена королевы Елизаветы. Англия, как величайшая протестантская и конституционная держава, как главный защитник политической и религиозной свободы, была естественным врагом Испании, находившейся под гнетом священников и королей. Кроме того, как и Франция, она помнила о недавних поражениях в Семилетней войне, что подталкивало ее к политике мести. И в довершение ко всему, в случае успешного исхода войны она могла надеяться на возвращение Ямайки, Флориды, Менорки и, прежде всего, Гибралтара — этой неприступной крепости, владение которой Англией более шестидесяти лет заставляло испанцев краснеть от стыда. С другой стороны, Испания относилась к американцам с ненавистью, вероятно, не менее яростной, чем к англичанам. Само существование этих английских колоний в Северной Америке было постоянным напоминанием о временах, когда папский эдикт, передававший этот континент Испании, был сведен на нет еретическими мореплавателями и исследователями. Неприятные принципы гражданской и религиозной свободы были представлены здесь с еще большей силой, чем в Англии. В Мексике и Южной Америке испанская корона все еще обладала обширной колониальной империей, и было вполне предсказуемо, что успешное восстание английских колоний создаст опасный прецедент, которому последуют испанские колонии. Кроме того, Испания была главным сторонником старой системы торговой монополии, и здесь ее интересы прямо противоречили интересам Франции, которая, лишившись своей колониальной империи, видела в общем свержении торговой монополии самый верный способ вернуть свою долю в мировой торговле.

КОУНТ ФЛОРИДА БЛАНКА

Интриги Испании Под влиянием этих противоречивых мотивов течение некоторого времени характеризовалось нерешительностью. Испанский премьер-министр Флорида Бланка, разрываясь между желаниями и опасениями, не знал, какого курса придерживаться между Францией и Соединенными Штатами, заключенном вопреки гнев не знал границ. По его словам, это был договор, «достойный Дон Кихота». Сначала он вступил в интриги с британским правительством, предлагая свои услуги в качестве посредника между Англией и Францией. Лорд Уэймут, британский министр иностранных дел, отказался вступать в какие-либо переговоры, пока Франция будет оказывать помощь мятежным колониям. На скрытую угрозу хитрого испанца, что в случае продолжения войны его королевский повелитель, несомненно, будет вынужден принять сторону одной из сторон, лорд Уэймут ответил, что независимость Соединенных Штатов окажется фатальной для сохранения испанского контроля над Мексикой и Южной Америкой, и, соответственно, предложил, что истинные интересы Испании заключаются в создании союза с Великобританией. В то время как шли эти тайные переговоры, Флорида Бланка также прощупывал Верженна, предлагая заключить мир на таких условиях, которые позволили бы британцам сохранить владение Род-Айлендом и Нью-Йорком. По его мнению, это помешало бы образованию Американского союза и посеяло бы семена вечного раздора между Великобританией и американскими штатами, в результате чего энергия английской нации была бы растратчена на междоусобные конфликты, оставляя Испании возможность для экспансии. Но Вержен не хотел и слышать об этом. Франция признала независимость тринадцати штатов и явно и публично согласилась продолжать войну до тех пор, пока эта независимость не будет признана Англией; и от этой позиции она не могла легко отступить.

El conde de Florida Blanca

В то же время Вержен дал понять, что Франция никоим образом не обязана защищать американские притязания на долину Огайо и далеко не желает, чтобы народ Соединенных Штатов контролировал всю Северную Америку. Договор между Испанией и Францией, апрель 1779 г. Исходя из этого предложения, испанский двор наконец принял решение. После шести месяцев дипломатических переговоров в апреле 1779 г. между Францией и Испанией был заключен договор, согласно которому эти две державы должны были предпринять совместное вторжение в Англию. Для этой операции Франция должна была предоставить сухопутные войска, а обе державы должны были собрать как можно больше военно-морских сил. Франция должна была помочь Испании вернуть Менорку и Флориду, а в случае завоевания Ньюфаундленда рыбные промыслы этой территории должны были быть монополизированы двумя сторонами договора. Ни одна из держав не должна была заключать мир на каких-либо условиях, пока Англия не сдаст Гибралтар Испании.

Это соглашение ввело Испанию в борьбу против Англии, не вступая при этом в прямой союз с Соединенными Штатами. Испания оставалась свободной в переговорах с Конгрессом по своему усмотрению и могла потребовать в обмен на свою помощь всю долину Миссисипи, если бы она того пожелала. Жерар, французский министр в Филадельфии, пытался убедить Конгресс отказаться от рыбных промыслов и всех претензий на территории к западу от Аллеганских гор. В 1779 году по этому вопросу велись горячие дебаты, и действительно, ситуация была достаточно сложной, чтобы потребовать умелого дипломатического мастерства. Когда договор между Францией и Испанией стал известен в Америке, его сочли в некоторых отношениях несовместимым с предыдущим соглашением между Францией и Соединенными Штатами. В этом соглашении было оговорено, что ни одна из сторон не должна заключать мир с Великобританией без согласия другой. В конвенции между Францией и Испанией было согласовано, что ни одна из сторон не должна заключать мир, пока Великобритания не сдаст Гибралтар. Но американцы справедливо считали, что, если Великобритания окажется готовой признать их независимость, они ни в коем случае не обязаны продолжать войну за независимость () с единственной целью помочь Франции завоевать Гибралтар для державы, которая никогда не проявляла к ним доброй воли и в данный момент надеялась сократить их территорию. Предложение исключить Америку, а также Великобританию из рыболовства вызвало громкое возмущение в Новой Англии.

Французский и испанский флоты пытаются вторгнуться в Англию, август 1779 г. Тем временем новые союзники энергично приступили к делу. В начале 1779 года французский флот захватил британские поселения в Сенегамбии и предпринял энергичную, хотя и неудачную, атаку на остров Джерси. В июне Испания так неожиданно объявила войну, что Англия была совершенно застигнута врасплох. Флорида-Бланка вела себя настолько серьезно, что лорд Норт не ожидал такого шага. В августе союзные французский и испанский флоты, насчитывавшие более шестидесяти линейных кораблей с полным комплектом фрегатов, вошли в Ла-Манш с намерением повторить эксперимент «Непобедимой армады», в то время как французская армия находилась в Гавре, готовая переправиться при первой же возможности. Чтобы противостоять этой грозной силе, адмирал Харди смог собрать только тридцать восемь линейных кораблей с обычным количеством фрегатов. В Англии началась паника, и была мобилизована милиция. Но из-за разногласий между французскими и испанскими адмиралами и серьезных заболеваний в экипажах ничего не было достигнуто, и великий флот с поникшими головами ушел из пролива. Все обвиняли друг друга, в то время как на это жалкое фиаско была потрачена огромная сумма денег. В Америке, однако, союзники были более успешны. Гальвес, испанский губернатор Луизианы, захватил Батон-Руж и Мобил с их британскими гарнизонами, и были предприняты приготовления к осаде Пенсаколы, чтобы завершить завоевание Западной Флориды. В Вест-Индии острова Гренада и Сент-Винсент были захвачены Эстенгом. В тот момент, когда Испания объявила войну,

началась осада Гибралтара, которая по своей героической обороне, а также по длительности, продолжавшейся почти четыре года, не имеет себе равных в анналах современной войны.

Сэр Джордж Родни

Сэр Джордж Родни Только с помощью морских экспедиций два новых союзника могли напрямую атаковать Англию с какой-либо надеждой на успех, но здесь, на море, ее естественное превосходство не заставило себя долго ждать. Были предприняты большие усилия для усиления флота, и в декабре 1779 года командование флотом в Вест-Индии было передано человеку, который среди английских моряков занимает место наряду с Блейком и Хоуком, уступая только Нельсону. Блестящая карьера сэра Джорджа Родни началась в Семилетней войне, в ходе которой он бомбардировал Гавр, тем самым предотвратив запланированное вторжение в Англию, а кроме того, захватил несколько островов в Вест-Индии. Именно Питт первым разглядел его гений, и поставил его на должность, на которой он мог одерживать победы. После заключения мира в 1763 году он стал членом парламента,

но проиграл все, что имел, в азартных играх и бежал во Францию, чтобы избавиться от кредиторов. Когда в 1778 году между Францией и Англией разразилась война, почтенный маршал де Бирон одолжил ему достаточно денег, чтобы спасти его от Маршалси или Флита, и он вернулся в Англию, где был назначен главнокомандующим в Вест-Индии. Многие называли его тщеславным и беспринципным человеком, но тем не менее он был очень умелым и неукротимым капитаном. По пути в Вест-Индию ему было приказано освободить Гибралтар, который начинал страдать от ужасов голода, и никогда еще такая задача не выполнялась так блестяще. Сначала ему посчастливилось наткнуться на пятнадцать испанских кораблей, груженных провизией и сопровождаемых семью военными кораблями, и он захватил весь этот флот. Затем, у мыса Святого Винсента, в темную и бурную ночь, он преследовал испанский флот из одиннадцати линейных кораблей и двух фрегатов и в ожесточенном сражении захватил или уничтожил все корабли, кроме четырех, не потеряв ни одного из своих. Таким образом, он достиг Гибралтара, и после того, как доставил в крепость долгожданный груз с пятнадцати захваченных торговых кораблей, отправился в Вест-Индию, где его присутствие перевесило чашу весов в пользу союзников. В этих водах курсировал мощный французский флот под командованием графа де Гишена, и было надежды, что этот флот скоро сможет прибыть в Нью-Йорк и сотрудничать с Вашингтоном в попытке отвоевать этот город. Но прибытие Родни изменило все, и граф де Гишен, потерпев поражение в сражении, отплыл во Францию, а Родни направился в Нью-Йорк, чтобы помочь сэру Генри Клинтону и сорвать планы Вашингтона.

Права нейтральных стран на море Однако именно это господство на море, которое позволило Англии противостоять объединенным флотам Франции и Испании, в конечном итоге привело к новым трудностям. Благодаря высокомерному и избирательному подходу к осуществлению права на досмотр, она вскоре сумела объединить против себя все нейтральные страны Европы; был заложен принцип международного права, который в наше время стал полностью устоявшимся и в будущем должен существенно ограничить территории, на которые могут распространиться войны. Этот новый принцип международного права касался прав торговых судов, принадлежащих нейтральным державам в военное время. В древние времена считалось, что если одна страна вступала в войну с другой, ее право грабить торговые суда противника было практически неограниченным. Если она обнаруживала товары своего врага, перевозимые на судне, принадлежащем какой-либо нейтральной державе, она имела право захватить и конфисковать их; и в те дни, когда вражда была правилом, а мир — исключением, когда война считалась почетной, а торговля — низкой, и когда обычаи войны были грубыми и беспринципными, нейтральное судно, перевозившее товары, скорее всего, также подвергалось конфискации. Поскольку нейтральная держава, чей корабль был захвачен, наверняка возмутилась бы таким поведением, из этого следовало, что любая война между двумя морскими державами могла распространиться на все другие державы, которые владели торговым флотом или вели торговлю в открытом море. Consolato del Mare С целью ограничить такие злоупотребления в максимально возможной степени, морской кодекс, известный как Consolato del Mare, который представлял коммерческие интересы средневековья и был общепризнанным высшим авторитетом в морских делах, признавал право конфискации товаров противника, найденных на нейтральном судне, но не признавал право конфискации нейтрального судна. В средневековье морская война играла второстепенную роль, но после того, как великие морские державы Западной Европы основали колонии в Америке и Ост-Индии, потребность в установлении четких правил, регулирующих ведение такой войны, вскоре приобрела огромное значение. Англия и Нидерланды, как державы, для которых промышленные соображения имели первостепенное значение, а военные соображения были лишь второстепенными, твердо придерживались правил Consolato del Mare как наиболее либеральных правил,

существовавших в то время . Франция и Испания, как преимущественно воинственные державы, более заботившиеся о средствах досадить врагу, чем об интересах торговли в целом, отстаивали принцип, согласно которому нейтральные корабли, обнаруженные при перевозке товаров врага, сами по себе были законным предметом конфискации. Однако Франция не придерживалась этой доктрины так твердо, как Испания. Здесь, как и во многих других отношениях, Франция продемонстрировала более высокий уровень цивилизации, чем Испания, но менее высокий, чем Англия и Нидерланды. В 1655 году, согласно договору между Кромвелем и Мазарини (), Франция приняла английское правило; в 1681 году, при ретроградном правительстве Людовика XIV, она вернулась к своей прежней практике; в 1744 году она вновь приняла английское правило, в то время как Испания продолжала следовать своему старому обычаю, пока в 1780 году Россия не потребовала от нее строгой отчетности.

МЕДАЛЬ, ВРУЧЕННАЯ ПОЛУ ДЖОНСУ КОНГРЕССОМ (АВЕРС)

МЕДАЛЬ, ВРУЧЕННАЯ ПОЛУ ДЖОНСУ КОНГРЕССОМ (РЕВЕРС)

До середины XVIII века самые либеральные доктрины, касающиеся морской войны, касались только защиты нейтральных судов. Никому не приходило в голову утверждать, что товары врага должны быть защищены от досмотра и конфискации () только по той причине, что они перевозились на нейтральном судне. То, что любая воюющая сторона могла конфисковать имущество своего противника, если оно находилось на нейтральном судне, было доктриной, сформулированной как Ваттелем, так и Бинкерсхоком, главными французскими и голландскими авторитетами в области морского права. Поведение Англии в XVIII веке. Действуя в соответствии с этим принципом, Англия во время нашей Войны за независимость действовала строго в соответствии с признанным морским правом Европы. Она не вводила, как полагают некоторые американские авторы, новый принцип агрессии, пользуясь своим положением главной морской державы. Останавливая беззащитные торговые суда нейтральных или дружественных держав, заставляя их предъявлять коносаменты, обыскивая их трюмы в случае необходимости, подвергая их ненавистным допросам и досадным задержкам, она не делала ничего больше, чем то, что привычно делали все морские державы, и даже меньше, чем то, на что претендовала Испания. Вполне естественно было и то, что Англия настаивала на сохранении этой привилегии как на чем-то, без чего ни одна великая морская держава не могла обойтись; ведь очевидно, что если во время войны ваш враг может продолжать торговать со всеми, кроме вас, и даже получать древесину и провизию от людей, не вовлеченных в конфликт, ваши возможности нанести ему ущерб существенно уменьшаются.

Прусская доктрина: свободные корабли — свободные товары Такое рассуждение казалось убедительным во всей Европе до середины XVIII века. Однако в то время беспрецедентное морское превосходство Англии заставило другие страны по-новому взглянуть на этот вопрос. Соблюдая старое правило, Англия могла нанести другим странам гораздо больший ущерб, чем они ей. Соответственно, другие страны начали считать, что было бы хорошо, если бы флаг нейтрального судна мог защищать любые товары, которые случайно оказались на его борту. Эта современная доктрина, согласно которой свободные корабли

делают свободными товары, была впервые предложена Пруссией в 1752 году. Такая точка зрения, естественно, понравилась стране, которая имела значительное количество торговых судов, но не имела флота, способного их защитить, и, соответственно, она могла найти поддержку у таких стран, как Дания, Швеция, Россия и Соединенные Штаты. Но, более того, эта точка зрения полностью соответствовала философским тенденциям того времени. Великое гуманитарное движение, которое в наше время принесло богатые и обильные плоды и которое всеми возможными способами стремилось уменьшить количество поводов для войн и ограничить их масштабы, нашло своих первых ярких литературных представителей среди дальновидных и восторженных французских философов XVIII века. Либеральные тенденции в политике, которые до сих пор практически представляла только Англия, были подхвачены во Франции, как только закончилась мрачная и затянувшаяся тирания Людовика XIV, с энтузиазмом, граничащим с фанатизмом. Влияние французских философов Английские политические идеи, не будучи до конца понятыми в их практическом значении, были подхвачены и обобщены Монтескье, Тюрго и множеством менее известных писателей, пока не приобрели широту охвата и живой интерес, которые оказали огромное влияние на мышление континентальной Европы. Никогда в истории, за исключением, пожалуй, эпохи Сократа, когда он беседовал с очарованными толпами на углах улиц Афин, люди с широкими философскими взглядами не вступали в столь тесный контакт с людьми, поглощенными достижением ближайших жизненных целей, как в то время, когда весь Париж спешил поцеловать руку Вольтера, а дамы при дворе ложились спать с последней *брошюрой* Дидро или Гельвеция под подушкой. Щедрый «энтузиазм человечества», который проявился в каждой строке произведений этих великих людей, сыграл важную роль в политической истории XVIII века. Это была эпоха коронованных философов и благожелательных деспотов. Иосиф Австрийский, Фридрих Прусский и Екатерина Российская по-своему иллюстрировали эту тенденцию. Екатерина, которая писала письма Вольтеру и восхищалась Фоксом больше всех других английских государственных деятелей, ценила свободу мысли почти так же, как и свободу любви, и ее интерес к улучшению положения человечества в целом уступал только ее особому интересу к унижению турок. Идея возглавить общее движение за освобождение морской торговли, несомненно, была близка ее просвещенному уму, и ее действия имели бы большой вес для Англии, которая в то время, изолированная от всей европейской симпатии, особенно желала союза с Россией и особенно стремилась не обидеть ее.

Catherine

Великобритания стремится заключить союз с Россией В начале 1778 года сэр Джеймс Харрис, впоследствии граф Мальмсбери, был отправлен в Санкт-Петербург в качестве посла с поручением сделать все возможное для заключения наступательного и оборонительного союза между Россией и Великобританией, чтобы компенсировать и нейтрализовать союз между Францией и Соединенными Штатами. Переговоры по этому вопросу продолжались в течение всей войны, но оказались безрезультатными. В то время как Екатерина кокетничала и выжидала, прусский посол пользовался ее доверием, и его советы были неблагоприятны для такого союза. Великий Фридрих испытывал симпатию и благодарность к Англии Питта, но к Англии Георга III он питал только ненависть, и его советы в значительной степени укрепляли Екатерину, если она когда-либо проявляла признаки колебаний. Вес Франции, конечно, был брошен на те же весы, и в течение четырех лет российский двор был арендой оживленных и разнообразных интриг. Харрис говорил, что даже его слугам предлагали взятки любопытные люди, желавшие заглянуть в его бумаги; а когда он уходил, оставляя своего секретаря писать, он запирали его, не из-за сомнений в его верности, а чтобы тот не оставил дверь приоткрытой по неосторожности. От князя Потемкина, одного из любовников Екатерины, чьей благосклонности добивался Харрис, он узнал, что только уступка Менорки может побудить императрицу вступить в желаемый союз. Россия уже пользовалась ситуацией, чтобы захватить и аннексировать Крым, и

приобретенные таким образом морские перспективы побудили ее к тому, чтобы обеспечить себе военно-морскую базу на Средиземном море. Менорка принадлежала Англии. Она завоевала ее в войне за испанское наследство, и в течение семидесяти лет она была одной из самых ярких жемчужин в ее имперской короне. Вместе с Гибралтаром она давала ей прочное влияние на Средиземное море, которое — укрепленное в более позднее время приобретением Мальты, Кипра и Суэцкого перешейка — в значительной степени превратило это огромное внутреннее море в английское озеро. Значение Менорки Англия придавала Менорке такое большое значение, что когда во время Семилетней войны она была на мгновение утрачена из-за ошибки в суждении со стороны адмирала Бинга, британский народ охватило кровожадное безумие, и было совершено одно из самых гнусных судебных убийств в истории, когда этот доблестный командир был расстрелян на своей собственной палубе. Однако даже этот остров, которому Англия придавала такое большое значение, она теперь была готова сдать в обмен на помощь России против своих восставших колоний и дома Бурбонов. Однако предложение о передаче Менорки было сделано только в 1781 году, и к тому времени Екатерина настолько присоединилась к общему союзу против Англии, что не могла не отказаться от него. Сам факт такого предложения показывает, насколько важным союзом с Россией казался Англии в тот момент союз Франции и Испании против нее, когда все нейтральные державы смотрели на нее враждебно (). Таким образом, мы можем лучше оценить значение шага, который Россия собиралась сделать в отношении великого вопроса морского права (), который начинал волноваться цивилизованный мир.

Франция принимает прусскую доктрину Летом 1778 года французское правительство, намереваясь обуздать грабежи британских крейсеров, издало прокламацию, принимающую прусскую доктрину 1752 года о том, что свободные корабли везут свободные товары, и Верженн воспользовался случаем, чтобы предложить Екатерине возглавить союз нейтральных держав с целью защиты нейтральной торговли во всем мире. На тот момент никаких решительных действий предпринято не было, но эта идея была одной из тех широких идей, которые нравились императрице. Граф Панин, ее главный министр, который сильно симпатизировал королю Пруссии, настаивал на необходимости защищать торговлю небольших держав от Англии, которая с 1763 года стала великим морским задирой мира. Англия, без сомнения, действовала в строгом соответствии с устоявшимися традициями, но обстоятельства изменились, и закон должен был быть изменен, чтобы соответствовать им. Первая большая война с 1763 года теперь показывала, что Англия могла уничтожить торговлю всего остального мира, не опасаясь никаких ответных мер, кроме всеобщей войны. В течение лета 1778 и 1779 годов прусские, шведские, датские и голландские корабли постоянно подвергались досмотрам британских крейсеров и грабежам грузов, которые они везли во Францию. Такие грубые посягательства на частную собственность, хотя и санкционированные законами войны, сформировавшимися в варварскую эпоху, вызвали всеобщее возмущение во всей Европе; и откуда бы ни поступали жалобы, Вержен и Фридрих тщательно следили за тем, чтобы они были представлены императрице России, пока она не стала считать себя защитницей маленьких государств и угнетенных торговцев.

Дело Филдинга и Байланда Кроме того, британские грабежи отличались высокомерием, которое, делая их еще более возмутительными, иногда выходило за пределы агрессии, предписываемой грубым морским правом того времени. Особенно жестко Англия относилась к голландской торговле, поскольку голландцы имели больше торговых судов, чем любой другой народ на континенте, и слабый флот для их защиты. Англия запретила голландцам поставлять лесоматериалы во Францию, поскольку они, вероятно, могли бы быть использованы для строительства военных кораблей. 30 декабря 1779 года семнадцать голландских судов, груженных дегтем, пенькой и другими материалами, полезными на

верфях, плыли по Ла-Маншу в сопровождении пяти линейных кораблей под командованием графа Биланда, когда к вечеру их догнал и остановил британский отряд из шестнадцати линейных кораблей под командованием адмирала Филдинга. Завязалась оживленная перепалка. Байландт поклялся, что его корабли не будут подвергаться досмотру, а Филдинг пригрозил применением силы. Пока это происходило, двенадцать голландских кораблей ушли под покровом темноты и благополучно достигли французских портов, в которые они направлялись. Рано утром Байландт открыл огонь по лодке, которая доставляла группу британских офицеров для обыска оставшихся торговых судов. На это три британских корабля немедленно обрушили свой залп на голландский флагман, который ответил тем же, а затем спустил флаг, поскольку сопротивление было бесполезным. Никто не погиб, но Филдинг захватил пять торговых судов и отвез их в Портсмут. Генеральные штаты Нидерландов пожаловались на это оскорбление лорду Стормонту, новому министру иностранных дел, и потребовали возвращения трофеев. Дело было передано в британский адмиралтейский суд, где была выдвинута странная доктрина, согласно которой голландские суда фактически были нарушителями блокады и как таковые были законно захвачены! «Великобритания, — сказал судья, — благодаря своему островному положению, естественным образом блокирует все порты Испании и Франции и имеет право использовать это положение как дар Провидения». Но Генеральные штаты не приняли такую интерпретацию закона и теологии данного вопроса и обратились с апелляцией к императрице России.

Испанские крейсера захватывают российские суда Как раз в этот момент произошли события, которые вынудили Екатерину занять определенную позицию по вопросу о правах нейтральных стран. Опасаясь добавить ее к списку своих врагов (), британское министерство издало строжайшие приказы, запрещающие досмотр или преследование российских судов ни при каких обстоятельствах. Голландский и датский флаги можно было оскорблять по своему усмотрению, но флаг России должен был уважаться; эти приказы выполнялись настолько хорошо, что Екатерина не имела оснований для жалоб на Англию по этому поводу. Испания, с другой стороны, была менее осторожна. Зимой 1779-80 годов ее крейсера захватили два российских судна, груженных пшеницей, по ошибочному убеждению, что их грузы были предназначены для Гибралтара. Суда были отправлены в Кадис, их грузы были проданы с аукциона, а их бедные экипажи подверглись возмутительному обращению со стороны населения и едва не умерли от голода. Тогда Екатерина без промедления приказала выслать пятнадцать линейных кораблей и пять фрегатов для защиты российской торговли. На мгновение казалось, что война между Испанией и Россией неизбежна. Но Панин действовал с осторожной проницательностью и проконсультировался с королем Пруссии, который убедил Флорида-Бланку вернуть захваченные корабли, выплатить компенсацию владельцам грузов и принести извинения за эту ошибку. Императрица была удовлетворена, и Панин заверил ее, что теперь настало время действовать великодушно и решительно, установив беспристрастный кодекс для защиты морской торговли и тем самым завоевав благодарность человечества на все будущие века. Прокламация Екатерины, 8 марта 1780 года 8 марта 1780 года Екатерина издала прокламацию, в которой изложила принципы морского права, которые она отныне была готова защищать силой, если это будет необходимо. Отныне нейтральные корабли должны были беспрепятственно плавать из порта в порт, даже у берегов стран, находящихся в состоянии войны. Они должны были иметь право перевозить в такие порты любые товары или грузы, за исключением оружия и боеприпасов, а право на досмотр должно было допускаться только в отношении таких контрабандных товаров и ни для каких других целей. В дальнейшем ни один порт не должен был считаться заблокированным (), если только военные корабли противника не находились настолько близко, что вход в него становился опасным.

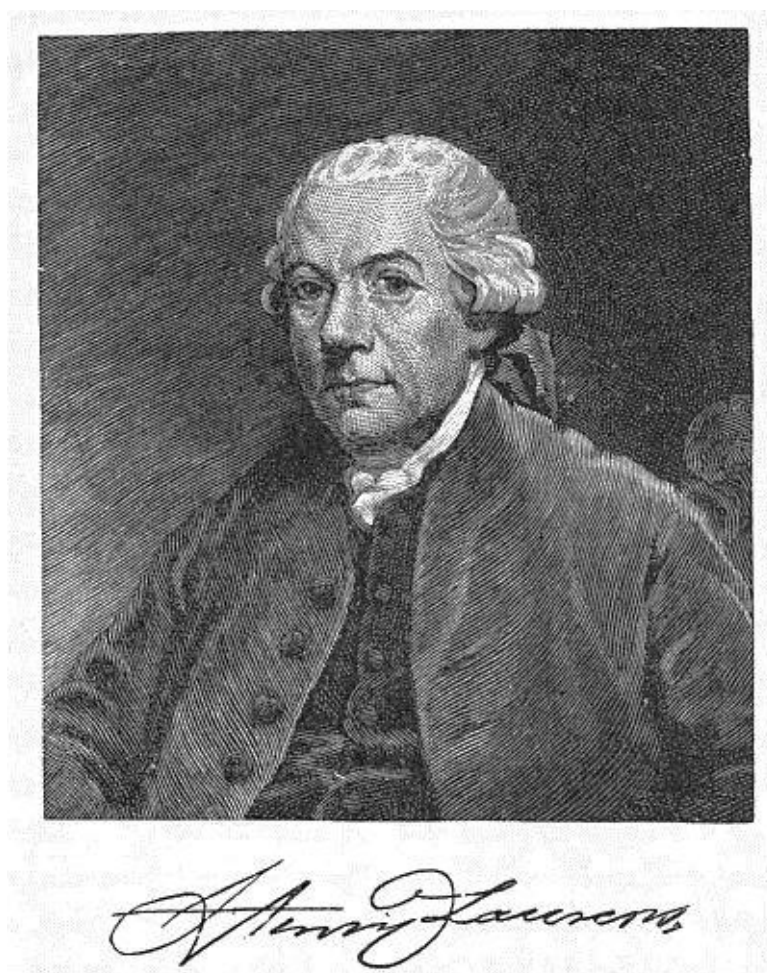
Вооруженный нейтралитет Эти принципы были немедленно приняты Испанией, Францией и Соединенными Штатами, тремя державами, фактически находившимися в состоянии войны с Англией. В то же время Дания и Швеция заключили с Россией соглашение о взаимной защите своей торговли. Было объявлено, что за каждый датский, шведский или русский корабль, обысканный или захваченный крейсерами любой воюющей державы, союзные флоты этих трех стран примут строгие ответные меры. Это соглашение, известное как «Вооруженный нейтралитет», было практически угрозой, направленной против Англии, и благодаря ее нежеланию отчуждать Россию оно оказалось очень эффективной угрозой. Теперь мы можем понять интерес, проявленный Данией и Россией к победе Пола Джонса, а также оценить огромный моральный эффект этой победы. Военно-морское превосходство Англии было настолько подавляющим (), что захват даже одного ее военного корабля был памятным событием. Меньшим морским державам это казалось сразу же выдвигающим Соединенные Штаты на первый план среди воюющих стран. Британское министерство было слишком хорошо осведомлено, чтобы поддаться этому очарованию, но, учитывая огромную враждебную коалицию, сформированную против него, на тот момент оно было в полной растерянности. «Был дан двусмысленный и уклончивый ответ, — говорит сэр Джеймс Харрис, — мы, казалось, в равной степени боялись принять или отвергнуть новые

доктрины. Мне было дано тайное указание противостоять им, но открыто соглашаться с ними». В Англии гнев и отвращение охватили все партии. Шелбурн и Кэмден присоединились к Норту и Терлоу, осудив прокламацию Екатерины как наглую попытку со стороны выскочки-державы, до недавнего времени практически неизвестной на море, диктовать морское право величайшей морской державе, которую когда-либо видел мир. Утверждалось, что право досматривать нейтральные суда и изымать с них товары противника является основополагающим принципом международного права; и юристы, конечно же, нашли целый ряд прецедентов в поддержку этого мнения. Но, несмотря на все протесты, эти «новомодные доктрины», подрывающие все прецеденты, были почти сразу же приняты во всей Европе. В декабре 1780 года Нидерланды присоединились к Вооруженному нейтралитету при обстоятельствах, о которых будет рассказано ниже. В мае 1781 года к ним присоединилась Пруссия, в октябре 1781 года — Империя, в июле 1782 года — Португалия, в сентябре 1782 года — Турция, в феврале 1783 года — Королевство Неаполь. Хотя морская мощь Англии превосходила мощь всех членов лиги, взятых вместе, она не могла позволить себе рискнуть войной со всем миром сразу; и таким образом доктрина о том, что свободные корабли везут свободные товары, прочно укоренилась. В хаосе наполеоновских войн действительно было много бумажных блокад и незаконных захватов, и нейтральная торговля в открытом море страдала. Но принципы, заложенные Екатериной, пережили этот страшный кризис и в конце концов были официально приняты Англией в 1856 году, по окончании Крымской войны.

Огромное значение принципов, заложенных Екатериной Это успешное утверждение прав нейтральных стран было одной из величайших и наиболее благотворных революций во всей истории человеческих войн. Это было самым решительным заявлением, которое когда-либо делалось в отношении принципа, что интересы мира являются первостепенными и постоянными, а интересы войны — второстепенными и временными. В интересах торговли она наложила мощные ограничения на ведение войны и провозгласила, что в будущем деятельность производителя имеет право на более высокое внимание, чем деятельность разрушителя. Немногие вещи сделали столько для ограничения зоны военных действий и их разрушительной силы. Если бы старая доктрина действовала и в наши дни, когда торговля достигла таких огромных масштабов, а все моря заполнены торговыми судами, то двум морским державам было бы практически невозможно вступить в войну, не втянув в нее весь остальной мир. За быстрое осуществление этой великой реформы мы должны в первую очередь благодарить императрицу Екатерину, чьи действия в критический момент были столь быстрыми и решительными. Любопытно, что закон, который так явно подчинял военные интересы промышленным, был принят в той европейской стране, которая меньше всего преодолела воинственную стадию цивилизации, и встретил наибольшее сопротивление со стороны той страны, которая продвинулась дальше всех в промышленной сфере. Это блестящий пример того, чего может достичь просвещенный деспот, когда обстоятельства полностью благоприятны. Среди многих деяний Екатерины, которые, несмотря на ее ужасные пороки, завоевали восхищение человечества, это, без сомнения, самое запоминающееся; и с течением времени мы будем все больше и больше осознавать его важность.

Отношения между Великобританией и Голландией Непосредственным результатом вооруженного нейтралитета стало лишение Англии одного из ее главных орудий нападения. К ее затруднению добавилась теперь война с Голландией. Хотя между британским и голландским правительствами существовала сильная симпатия, между народами, которые так долго были соперниками в колониальном мире (), царила большая ревность. Поэтому в Нидерландах было две партии: партия штатгальтера, которая подчинялась политике

британского правительства, и народная партия, которая благосклонно относилась к американскому делу. Народная партия была гораздо более многочисленной, включая всех купцов самой торговой страны, и была особенно сильна в городе Амстердаме. Между Голландией и Соединенными Штатами велась оживленная торговля, незаконная с точки зрения Великобритании, главным образом через небольшой голландский остров Св. Эстатиус в Вест-Индии. Не менее оживленная торговля велась между Голландией и Францией, и Англия считала, что у нее есть особое право жаловаться на это. Ее отношения с Голландией регулировались не просто обычным международным правом, но и тщательно проработанными договорами, заключенными в те дни, когда два народа были объединены в союзе против агрессивной политики Людовика XIV. В 1678 году было согласовано, что в случае нападения Франции на Англию или Голландию обе державы должны объединиться против общего врага; в 1716 году это соглашение было возобновлено с учетом возможности нападения Испании, поскольку на испанский трон вступила младшая ветвь дома Бурбонов. Когда в 1779 году Испания объявила войну Англии, последняя обратилась к Нидерландам за помощью, но помощь не была оказана, поскольку голландцы считали, что у них есть особые основания для недовольства поведением Англии. Тем же договором, который в 1674 году окончательно передал Нью-Йорк англичанам, было предусмотрено, что в случае, если Англия или Голландия когда-либо вступят в войну с какой-либо другой страной, обычные правила морского права не будут применяться между этими двумя дружественными торговыми державами. Было согласовано, что каждая из держав может свободно торговать с врагами другой, и такой договор в то время был большим достоинством обеих наций. Он был заключен в момент, когда преобладал дух честной торговой справедливости. Но одним из главных симптомов полной деморализации британского правительства в 1778 году, после преждевременной смерти лорда Чатема, было то, что эти договорные обязательства были полностью проигнорированы; и в общем разграблении торгового флота, которое происходило в то время, ни одна нация не пострадала так, как голландцы. Георг III теперь чувствовал, что все находится в его руках, и когда голландцы жаловались, он дал им понять, что, независимо от договора, он будет поступать так, как ему заблагорассудится. В таких условиях было довольно холодно со стороны Англии просить помощи против Испании, и голландцы, вполне естественно, остались глухи к этой просьбе.

Голландия присоединяется к вооруженному нейтралитету Таким образом, в конце 1779 года, когда Филдинг обстрелял флагманский корабль графа Биланда, а Полу Джонсу разрешили остаться со своими трофеями на десять недель в голландской гавани, это был очень красивый спор. Таким образом, каждая сторона была снабжена «возмущением». Праведный гнев голландцев по поводу высокомерного поведения Филдинга соответствовал разочарованию британцев по поводу победы Джонса. Слабые попытки штатгальтера сохранить мир были полностью подавлены бурей гнева, которая поднялась. После долгих споров Англия уведомила Голландию, что все договоры между двумя странами должны считаться аннулированными из-за недобросовестного поведения голландцев, отказавшихся оказать помощь против Испании, торговавших с Францией и Америкой, сопротивлявшихся праву на досмотр и укрывавших Пола Джонса. Избавившись таким образом от договоров, Англия стала действовать так, как будто международного права в отношении голландцев не существовало. Летом 1780 года массовые грабежи в открытом море усилились как никогда, и с почти невероятной подлостью британскому послу в Гааге было поручено действовать в качестве шпиона и собирать информацию о рейсах голландских купцов, чтобы британские крейсеры знали, где именно нападать на самые богатые трофеи. Доведенная до предела человеческого терпения, Голландия наконец присоединилась к Вооруженному нейтралитету, надеясь тем самым заручиться поддержкой могущественной России.

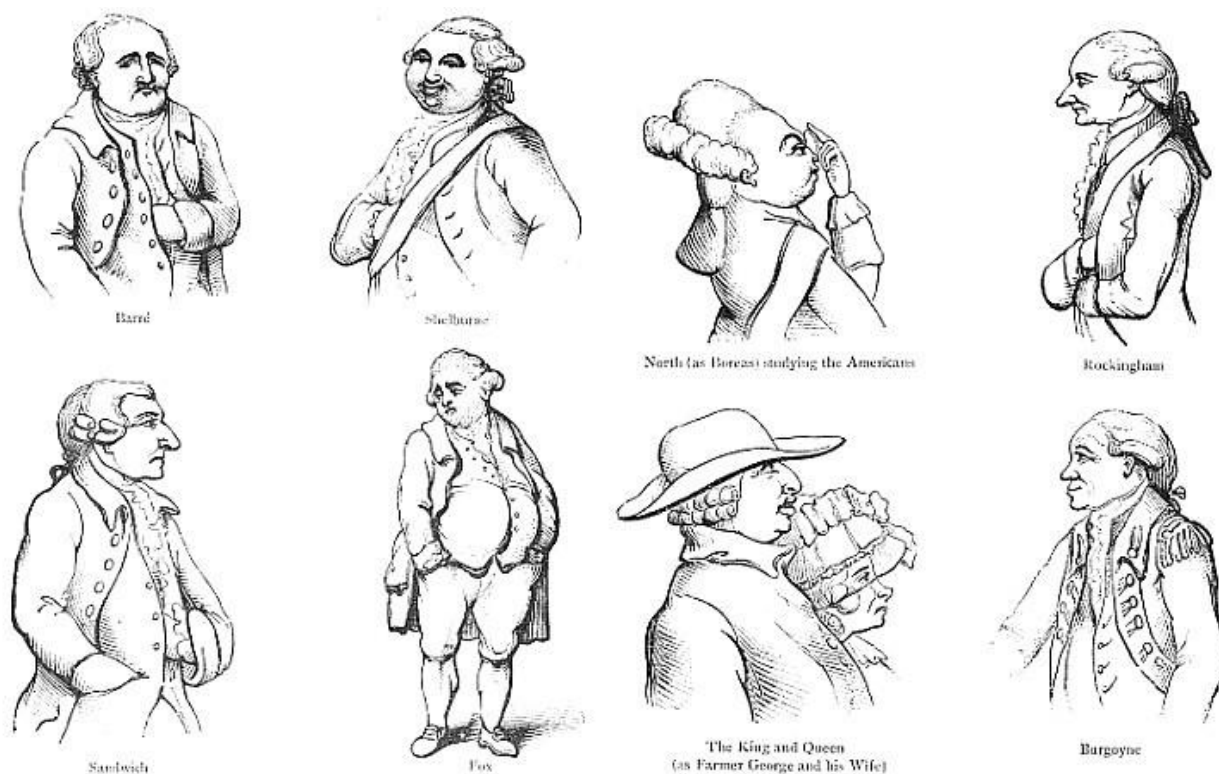

документов Но политика Англии, хотя и была крайне смелой, продумана, что предусматривала меры на случай такой была готова объявить войну Голландии, чтобы наказать ее за этому нейтралитету, но если бы она открыто заявила об этом, то а собой войну и с Россией, поэтому необходимо было найти

какой-то другой повод. Необходимый повод для спора был предоставлен любопытным и своевременным случаем. В октябре 1780 года американский пакетбот был захвачен у берегов Ньюфаундленда (), и среди пленных был Генри Лоуренс, недавно занимавший пост президента Конгресса, который направлялся в Гаагу для переговоров о предоставлении ссуды. Он выбросил свои документы за борт, но сообразительный матрос прыгнул за ними и поймал их в воде. Среди них был обнаружен проект будущего торгового договора между Нидерландами и Соединенными Штатами, который был тайно согласован два года назад между Жаном де Нефвилем, амстердамским купцом, и Уильямом Ли, американским комиссаром в Берлине. Он был также подписан Ван Беркелем, главным магистратом Амстердама, но, поскольку он не был ни утвержден, ни санкционирован Генеральными штатами или Конгрессом, он не имел никакой юридической силы. Однако, естественно, обнаружение такого документа вызвало большое раздражение в Англии и дало министерству именно тот повод для начала войны, который ему был нужен. Чтобы произвести впечатление на простой народ, Лоренса сопровождали по улицам Лондона полк солдат и заперли в Тауэре, где ему отказали в предоставлении пера и бумаги и никому не разрешалось входить в его комнату. Голландии было предъявлено требование отречься от действия Ван Беркеля и подвергнуть его и его сообщников заслуженному наказанию «как нарушителей общественного порядка и прав наций». При выдвижении этого требования предполагалось, что Генеральные штаты отрекутся от действий Ван Беркеля, но тем не менее откажутся считать его подлежащим наказанию. Великобритания объявляет войну Голландии. 20 декабря 1780 г. Сообщение было отправлено британскому послу в Гааге 3 ноября. В Англии было известно, что Голландия намеревалась присоединиться к Северной лиге, но Генеральные штаты еще не сделали решительного шага. Посол получил тайные инструкции от лорда Стормонта не предъявлять требование о нем осуждении и наказании Ван Беркеля, пока не станет абсолютно ясно, что Голландия присоединилась к лиге. На своем заседании в ноябре Генеральные штаты проголосовали за присоединение к лиге, и требование было предъявлено. Все произошло в соответствии с планом. Генеральные штаты свободно осудили и отреклись от амстердамского дела и предложили возместить ущерб, но в отношении наказания Ван Беркеля они решили, что сначала необходимо провести расследование, чтобы точно установить характер его преступления и определить суд, наиболее подходящий для его рассмотрения. Англия ответила категорическим требованием немедленного наказания Ван Беркеля и, не дожидаясь ответа, 20 декабря объявила войну Голландии. За четыре дня до этого самый быстрый корабль, который удалось найти, был отправлен к адмиралу Родни, который в то время находился на Барбадосе, с приказом без промедления захватить Сент-Эстатиус.

Екатерина решает не вмешиваться Какими бы качествами ни обладало в то время британское министерство, оно определенно не испытывало недостатка в мужестве. Англия теперь должна была в одиночку сражаться против четырех стран, три из которых были, после нее самой, главными морскими державами мира. Согласно «Дневникам Мальмсбери», «это смелое поведение произвело большое и полезное впечатление на императрицу» России. Отчасти с целью оказать такое моральное воздействие министерство было так готово объявить войну. Именно в это время они предлагали Екатерине союз с Англией, предлагая ей остров Менорка, и не хотели, чтобы она истолковала их стремление заручиться ее помощью как признание слабости или уныния. Начав войну с Голландией, они стремились показать, что по-прежнему полны боевого духа. Чтобы усилить это впечатление, Харрис грозился и хвастался. Голландцы, говорил он, «неблагодарные, грязные, бессмысленные мужики, и, поскольку они будут разорены, должны подчиниться своей судьбе». Но во всем этом британское правительство действовало очень рискованно. Принц Галицын, российский посол в Гааге (), верно сообщил, что присоединение Голландии к Вооруженному нейтралитету было настоящей причиной войны, а амстердамское дело было лишь

предлогом. На этом основании голландцы запросили вооруженную помощь у Екатерины как главы лиги. Императрица колебалась; она знала истинное положение дел не хуже других, но могла принять или отклонить официальную версию Великобритании, как ей казалось лучшим. Депеши из Берлина сообщали, что Фридрих был очень разгневан. Когда он впервые услышал эту новость, он воскликнул: «Что ж! Раз англичане хотят войны со всем миром, они ее получают». Затем Екатерина села и собственноручно написала тайное письмо Фридриху, спрашивая его, не хочет ли он присоединиться к ней в войне против Англии. Поразмыслив, король Пруссии пришел к выводу, что нет веских причин участвовать в этом деле, и посоветовал Екатерине также не вмешиваться. Это решило императрицу. Она не хотела воевать с Англией, если только не с такой подавляющей силой, которая гарантировала бы ей важные уступки. Соответственно, она решила поверить британской версии и отказалась помогать голландцам, мотивируя это тем, что их конфликт с Англией возник из-за вопроса, не имеющего никакого отношения к Вооруженному нейтралитету. В то же время, после некоторого колебания по поводу предложения о передаче Менорки, она отказалась и от него и решила до конца сохранять беспристрастную позицию, которую занимала с самого начала.

ТИПЫ БРИТАНСКИХ КАРИКАТУР

Захват острова Св. Эустакия, 3 февраля 1781 г. Тем временем, 3 февраля 1781 г., мощный флот под командованием Родни с 5000 солдат, которые были выделены в ноябре 1779 г. из армии Клинтон в Нью-Йорке, появился у острова Св. Эустакия и потребовал его капитуляции. Голландский губернатор, не зная о начале войны, имел на острове всего пятьдесят пять солдат. У него не было выбора, кроме как сдаться, и остров был сдан без боя. Британцы испытывали особую неприязнь к этому богатому маленькому острову, который стал центром огромной торговли между Францией, Голландией и Соединенными Штатами. Родни назвал его гнездом воров и заявил, что «эта скала, длиной всего шесть миль и шириной три, нанесла Англии больше вреда, чем все оружие ее самых могущественных врагов, и в одиночку поддерживала позорное американское восстание». Его коллега, генерал Воган, командовавший сухопутными войсками, считал его источником снабжения для

американских «колоний», полное уничтожение которых в значительной степени способствовало бы окончанию войны. С такими чувствами они решили тщательно выполнить свою работу и, соответственно, конфисковали в пользу короны не только все государственные склады, но и всю частную собственность жителей. Их приказы выполнялись с большой жестокостью. Товары на складах были конфискованы и погружены на корабли, чтобы быть вывезенными и проданными с аукциона на соседних островах. Была конфискована вся частная и личная собственность, а обнищавшие жители были выгнаны из своих домов и получили приказ покинуть остров. Общая стоимость добычи составила более двадцати миллионов долларов. Позорные действия Среди жертв этого грабежа было много британских купцов, с которыми обращались не лучше, чем с остальными. Родни разорвал их протест, не прочитав его, и воскликнул: «Этот остров принадлежит Голландии, и все на нем принадлежит Голландии, и как голландцы вы все будете обращаться». Эти действия были увенчаны актом предательства. Голландский флаг продолжал развеваться в качестве приманки, и в течение следующих семи недель более пятидесяти американских кораблей, не зная о судьбе острова, были захвачены с помощью этой грязной уловки.

Поведение правительства, объявившего войну Голландии, было осуждено вигами как преступное, а истинный характер постыдного дела Св. Зустация был раскрыт Берком в двух мощных речах. Но правительство достигло апогея, когда оно сознательно одобрило поведение Родни и похвалило его за это. Однако многие из британских жертв обратились в суд и добились вынесения решений, которые признавали незаконным захват частной собственности в их отношении. На европейском континенте это возмутительное событие вызвало всеобщее негодование как нарушение законов и обычаев цивилизованной войны, подобного которому не было уже много лет, и привело к утрате той небольшой симпатии, которая еще оставалась к Великобритании.

Позорные результаты политики Георга III. Историк, который ценит славную роль, которую Англия сыграла в истории, больно смотреть на описанные здесь события; и никому они не должны быть более болезненными, чем американцам, чьи предки вместе с Вольфом поднимались по крутому берегу реки Святого Лаврентия; или столетием ранее, из своих домов в лесах Новой Англии, с восторгом слушали о Насби и Марстон-Муре; или еще столетием ранее, в деревнях Линкольншира, бросили вызов тирании Гардинера и Боннера; или еще более давним, служили в армии славного графа Симона или, возможно, стояли рядом с великим Эдвардом на священных полях Палестины. Гордость, с которой вспоминаются такие воспоминания, объясняет и оправдывает печаль и отвращение, с которыми человек созерцает зрелище жестокого Джорджа Джермейна, беспринципного Стормонта или легкомысленного Норта; или слышит мрачные истории об индейских массовых убийствах, о незащищенных деревнях, превращенных в пепел, о легализованном грабеже на морских путях или о колоссальном пиратстве, подобном тому, которое наблюдалось в Сент-Эстатиусе. Ранняя часть правления Георга III — это тот период английской истории, за который просвещенный англичанин должен испытывать наибольший стыд, так же как просвещенный француз должен стыдиться правления Людовика XIV и двух Бонапартов. Все эти периоды были периодами всеобщей политической коррупции, угнетения внутри страны и несправедливых войн за рубежом, и все они привели к быстрому возмездию в виде упадка империи и временного снижения национального престижа. Только после падения личного правления Георга III Англия начала возвращаться на свое естественное место в первых рядах либеральных и прогрессивных держав. К этому

счастливному результату, обновлению и очищению английской политической жизни, в значительной степени способствовала упорная борьба американцев за защиту своих свобод. Завоевание независимости американцами было завоеванием более высокой политической позиции для Англии и для всего мира.

ГЛАВА XIII

ГОД КАТАСТРОФ

После капитуляции Бергойна военная позиция британцев в северных штатах стала, как мы уже видели, чисто оборонительной. Их усилия были почти исключительно направлены на удержание своих позиций, сначала на островах Нью-Йорк и Род-Айленд, а затем только в Нью-Йорке, откуда их корабли могли подниматься по Гудзону до угрожающих скал, охраняющих вход в Хайлендс. Их наступательные операции ограничивались несколькими грабительскими экспедициями вдоль побережья, хорошо рассчитанными, чтобы напомнить достойным фермерам Коннектикута о вездесущности британской мощи и тщетности надежд, которые могли быть построены на ожидании военно-морской помощи от Франции. Но в то время как война в центре затухала, одновременно вызывая волны беспорядков, которые отражались от реки Миссисипи до Балтийского моря, в южных штатах Америки продолжались непрерывные и ожесточенные бои. Король и лорд Джордж Джермейн нацелились на покорение Каролины и Джорджии. Если восстание не удавалось подавить в центре, то надеялись, что его хотя бы удастся измотать по краям; и если удача улыбнется королевским войскам настолько, что они смогут захватить и Вирджинию, то, возможно, кампании против утомленного Севера можно будет возобновить позднее и при более благоприятных обстоятельствах.

Положение дел на Дальнем Юге В этой точке зрения было много правды. События показали, что министерство явно ошиблось, нанеся удар по самому сильному месту восстания; теперь казалось целесообразным нанести удар по его слабому месту. Жители Новой Англии () почти единодушно выступали против короля, и до этого момента штаты Массачусетс и Коннектикут, в частности, сделали для поддержания войны больше, чем все остальные вместе взятые. Джорджия и Каролины, расположенные за тысячу миль, могли считаться практически недостижимыми для подкреплений из Новой Англии, и можно было усомниться в их способности защитить себя от хорошо спланированного нападения. Джорджия, самый слабый из тринадцати штатов, граничила с британской территорией Флорида. В Южной Каролине характер населения затруднял организацию сопротивления. Жители Чарльстона и богатые плантаторы английского или гугенотского происхождения, населявшие низменности, в основном принадлежали к революционной партии, но их превосходили по численности негры-рабы; а особенности рабства в Южной Каролине делали это обстоятельство весьма затруднительным. Отношения между хозяевами и рабами там не были такими дружественными, как в Вирджинии; и хотя штат поддерживал ополчение на протяжении всего колониального периода, это ополчение находило себе много занятий в патрулировании рабских кварталов, поиске спрятанного оружия и охоте на беглецов. Теперь было правильно предположено, что с приближением армии захватчиков страх перед восстанием негров со всеми его невыразимыми ужасами парализует руку ополчения штата. В то время как патриотичные жители Южной Каролины были таким образом ограничены в возможности вступить в борьбу, среди белого населения было много разнородных элементов. Обычно говорили, что квакеры и люди немецкого происхождения мало интересовались политикой и были готовы подчиниться любой власти, которая защищала бы их в их обычных занятиях. Сильный контраст с политической апатией этих достойных людей составляло суровое население горных округов. Здесь мелкие фермеры шотландско-ирландского происхождения были все до одного вигами, горящими фанатичной ненавистью к Англии; с другой стороны, шотландцы, прибывшие после Куллодена, были в основном тори из горной Шотландии () и ни в коем случае не избавились от того полудикого характера горцев, который так ярко описан в романах Вэверли. Неудивительно, что искры

войны, брошенные среди такого горячего материала, разгорелись с необычайной жестокостью; неудивительно и то, что содружество, содержащее столь несочетаемые элементы, столь несовершенно смешанные, было быстро, хотя и на мгновение, побеждено. Удивительно то, что, несмотря на такие неблагоприятные обстоятельства, штат Южная Каролина продемонстрировал такую же эластичную силу, как и в условиях самых суровых военных испытаний, которые пришлось пережить любому американскому штату во время Войны за независимость.

ПЕЧАТЬ ЮЖНОЙ КАРОЛИНЫ (АВЕРС)

ПЕЧАТЬ ЮЖНОЙ КАРОЛИНЫ (ОБРАТНАЯ СТОРОНА)

Грузия, захваченная британцами После поражения британского флота у Чарльстона в июне 1776 года южные штаты оставались в покое до осени 1778 года, когда между Грузией и Флоридой произошли более или менее серьезные пограничные стычки — легкий предвестник надвигающейся бури. Американские войска в южном департаменте тогда командовал генерал Роберт Хоу, который был одним из самых выдающихся патриотов Северной Каролины, но чьи военные способности, по-видимому, были невелики. Осенью 1778 года он имел свой штаб в Саванне, поскольку на границе шла война. Партизанские отряды, состоявшие в основном из мстительных лоялистов-беженцев, но при поддержке нескольких британских солдат из войск генерала Огастина Превоста во Флориде, вторглись на рисовые плантации Джорджии, сжигая, убивая () и увозя негров — не для того, чтобы освободить их, а чтобы продать с выгодой для себя. В качестве ответной меры генерал Хоу запланировал экспедицию против Сент-Огастина и продвинулся до реки Сент-Мэри, но так много людей унесло лихорадкой, что он был вынужден отступить в Саванну. Едва он туда прибыл, как 3500 британских солдат из Нью-Йорка под командованием полковника Кэмпбелла высадились в окрестностях и предложили ему сразиться. Хотя его собственные силы насчитывали всего 1200 человек, половина из которых были ополченцами, Хоу принял вызов, полагаясь на защиту большого болота, которое прикрывало его фланги. Но негр указал врагу путь через болото, и американцы, атакованные спереди и сзади, были мгновенно разгромлены. Было взято около 500 пленных, и Саванна сдалась, сдавая все свои орудия и запасы; эта победа стоила британцам всего 24 человека. Через несколько дней генерал Превост выдвинулся из Флориды и захватил Санбери со всем его гарнизоном, а полковник Кэмпбелл захватил Огасту. Была издана прокламация, предлагавшая защиту тем жителям, которые возьмут в руки оружие от имени королевского правительства, а все остальные были по умолчанию объявлены вне закона. Уродливый характер лорда Джорджа

Джермейна был явно виден в этой прокламации и в последующих действиях. Началось бесстыдное и беспорядочное грабеж. Пленные солдаты были заточены в тюремные корабли и подвергались варварскому обращению. Более робкие люди пытались спасти свою собственность, перейдя на сторону врага, а более смелые укрылись в горах; таким образом, генерал Превост смог написать домой, что штат Джорджия был завоеван.

Прибытие генерала Линкольна По просьбе южных делегатов в Конгрессе генерал Хоу был уже заменен генералом Бенджамином Линкольном, который прославился благодаря своему руководству ополчением Новой Англии в кампании при Саратоге. Когда Линкольн прибыл в Чарльстон в декабре 1778 года, была сделана попытка призвать ополчение низменности Южной Каролины, но страх перед рабами помешал им подчиниться призыву. Однако Северная Каролина отправила 2000 человек под командованием Джона Эша, одного из самых выдающихся южных патриотов; с этими силами и 600 континентальными солдатами новый генерал наблюдал за рекой Саванна и ждал своего шанса. Но Северная Каролина отправила на войну не только друзей, но и врагов. Группа из 700 лоялистов из этого штата шла через Южную Каролину, чтобы присоединиться к британскому гарнизону в Огасте, когда они были внезапно атакованы полковником Эндрю Пикенсом с небольшим отрядом ополчения из высокогорья. В ожесточенном бою тори были разгромлены, и половина из них была взята в плен. Многим из этих пленных были предъявлены обвинения в государственной измене, и после суда в гражданском суде около семидесяти были признаны виновными, а пятеро из них были повешены. Опрометчивость этого шага вскоре стала очевидной. Варварские репрессии Британцы поставили во главе Огасты полковника Томаса Брауна, тори, которого в начале войны соседи обмазали дегтем и обсыпали перьями. Как только Браун узнал об этих казнях за измену, он немедленно повесил некоторых из своих пленных вигов; так началась длинная серия глупых и жестоких репрессий, которые со временем принесли горькие плоды.

And^r. Pickens

Американцы разгромлены в Брайар-Крик, 3 марта 1779 года В то время как все это происходило в глубинке, британцы на побережье пытались захватить Порт-Ройал, но были разгромлены генералом Моултри с большими потерями. Линкольн теперь чувствовал себя в состоянии перейти в наступление и послал генерала Эша с 1500 человек угрожать Огасте. При его приближении к Брайар-Крик () британцы покинули город и отступили в сторону Саванны. Эш преследовал их, но 3 марта 1779 года в Брайар-Крик англичане развернулись и разгромили его. Американцы потеряли 400 человек убитыми и ранеными, а также семь артиллерийских орудий и более 1000 единиц оружия. Менее 500 человек смогли вернуться в лагерь Линкольна, а эта победа стоила англичанам всего пяти убитых и одиннадцати раненых. Августа была немедленно отвоевана; королевский губернатор сэр Джеймс Райт был восстановлен в должности; и в целом была восстановлена система управления, действовавшая до 1776 года. Однако Линкольн был далек от того, чтобы принять это поражение как окончательное. Благодаря энергичному сотрудничеству губернатора Рутледжа, которому на этот случай были предоставлены чрезвычайные полномочия, удалось собрать достаточное количество ополченцев, чтобы восполнить потери, понесенные в Брайар-Крик; и в апреле, оставив Моултри с 1000 человек для охраны нижней части Саванны (), Линкольн с остальной частью своей армии двинулся на Огасту, надеясь захватить ее, дать законодательному собранию Джорджии возможность собраться там и уничтожить моральный эффект этого кажущегося восстановления королевского правительства. Но как только Линкольн ушел, генерал Превост пересек Саванну с 3000 человек и двинулся на Чарльстон, опустошая страну и гоня Моултри перед собой. Это был момент ужаса и смятения. Вандализм Превоста В лице генерала Превоста наконец-то нашёлся человек по душе лорду Джорджу Джермейну. Его поход был сценой бессмысленного

вандализма. Дома богатых плантаторов были безжалостно разграблены; их сокровища из серебряных изделий были погружены на телеги и увезены; их зеркала и фарфор были разбиты, семейные портреты разрезаны на куски, сады вытоптаны, тенистые деревья обрублены и разрушены; а поскольку у Превоста была с собой группа чероки, в некоторых случаях ужасы томагавка и скальпирующего ножа увенчали это позорное дело. Хижины рабов были сожжены. Скот, лошади, собаки и домашняя птица, если их не уносили, были забиты, а уничтожение продовольствия было настолько велико, что начался голод. Говорят, что более тысячи негров умерли от голода.

План вооружения негров Таким образом Превост неспешно продвигался к Чарльстону и, достигнув его 11 мая, послал приказ о капитуляции. Затем последовала странная и интересная сцена. Произошли события, которые сильно взволновали членов государственного совета. Размышляя о лучшем способе использовать государственную милицию, Генри Лоуренс придумал смелый план: вооружить самых крепких и отважных негров и отправить их в лагерь под командованием белых офицеров. Можно было ожидать, что такая политика улучшит отношения между белыми и черными, объединив их против общей опасности, а плантации в некоторой степени избавятся от постоянного источника страха. План был горячо одобрен сыном Лоренса, который был офицером в штабе Вашингтона, а также Александром Гамильтоном, который дополнительно предложил, чтобы чернокожие, зачисленные в ополчение, одновременно получили свободу. Вашингтон, с другой стороны, опасался, что если южнокаролинцы примут такую политику, британцы опередят их, предложив неграм лучшее оружие и снаряжение, и таким образом поднимут их против их хозяев. Он считал, что в эту игру могут играть двое. Вопрос был серьезно обсужден и в конце концов вынесен на рассмотрение Конгресса, который одобрил план Лоренса и рекомендовал его к рассмотрению жителями Южной Каролины; и именно перед прибытием Превоста и его армии младший Лоренс прибыл в Чарльстон с этим посланием от Конгресса.

Возмущение в Южной Каролине Совет был воспринят отнюдь не с благодарностью. На протяжении столетия штат поддерживал вооруженный патруль, который обходил негритянские кварталы и конфисковывал все найденные пистолеты, ружья и ножи, а теперь предлагалось, чтобы три или четыре тысячи рабов были фактически снабжены мушкетами за счет штата! Люди были потрясены этой мыслью, и, возможно, мнения о целесообразности столь смелой меры в столь критический момент сильно разделились. Большинству это казалось прыжком из сковородки в огонь. Кроме того, этот совет, поступивший в момент, когда штат отчаянно нуждался в вооруженной помощи Конгресса, был очень раздражающим. Люди, естественно, не могли должным образом учесть трудности, с которыми боролся Конгресс, и их гнев разгорался. Южная Каролина, казалось, была брошена на произвол судьбы. Разве для того, чтобы присоединиться к такому союзу, она отказалась от верности Великобритании? Она присоединилась к Декларации независимости неохотно и из благородного чувства желательности совместных действий между штатами. В тот знаменательный день, когда еще не было ясно, приведет ли это к спасению или гибели Америки, ее делегаты, проявив мудрую вежливость, изменили свой голос, уступив мнению других штатов, чтобы американский народ мог действовать единодушно в столь торжественном вопросе. Действия совета А теперь, когда штат был захвачен, его жители ограблены и оскорблены, а главный город находится под угрозой, ему фактически предложили самим о себе позаботиться! Под влиянием таких чувств, после жарких дебатов, совет большинством голосов решил отправить генералу Превосту белый флаг и предложить Южной Каролине сохранять нейтралитет до конца войны, когда по договору будет решено, на чью сторону она должна встать — Великобритании или Соединенных Штатов. Что могло бы выйти из этого необычного предложения, если бы оно было серьезно обсуждено, мы

никогда не узнаем, поскольку Превост не обратил на него никакого внимания. Нейтрализация Южной Каролины не вписывалась в британский план, который предполагал завоевание и оккупацию этого штата в качестве базы, с которой можно было бы приступить к покорению соседей на севере. Превост отказался вести переговоры с представителями повстанческого правительства Южной Каролины, но Моултри, как военному коменданту, он объявил, что его единственным условием является безоговорочная капитуляция. Можно представить, как галантное сердце Моултри должно было замерзнуть от того, что он не мог не назвать подлым поступком совета, и как оно должно было забиться от искренней радости при ультиматуме британского генерала. «Очень хорошо, — просто сказал он, — тогда будем сражаться».

ГРАФ ПУЛАСКИ

Приводя этот эпизод из-за его реального исторического интереса, мы должны избегать ошибки, придавая ему слишком большое значение. В этот момент внезапной опасности возмущение мнимым пренебрежением Конгресса соединилось с естественным нежеланием совета подвергать риску имущество своих сограждан, отдавая его на милость такого пирата, каким проявил себя Превост. Но нет достаточных оснований полагать, что, если бы дело пошло дальше, предложение совета было бы принято законодательным органом или одобрено населением Южной Каролины.

Конец кампании В этот раз опасность исчезла так же внезапно, как и появилась. Граф Пуласки со своим легионом прибыл из северной армии, и Линкольн, как только узнал о происходящем, повернул назад и вскоре атаковал генерала Превоста. После нерешительной стычки последний, посчитав свои силы недостаточными для выполнения поставленной задачи, отступил в Джорджию, и до осени ничего больше не предпринималось. Однако военные лавры этой кампании остались за англичанами, поскольку своим маршем на

Чарльстон Превост помешал Линкольну нарушить британское господство в Джорджии, а кроме того, он закрепился в Южной Каролине; отступая, он оставил гарнизон в Бофорте, который Линкольн не смог вытеснить.

Vritable ami et Suisse
Pulaski

Попытка отбить Саванну Французский союз, который до сих пор имел столь незначительную прямую военную ценность, теперь вновь появляется на сцене. В течение года, прошедшего после безуспешной кампании в Род-Айленде, французский флот был занят в Вест-Индии. В целом, отношения между двумя великими морскими соперниками были мирными, но французы имели такое преимущество, что в августе 1779 года Эстен смог вновь уделить внимание своим американским друзьям. Первого сентября он появился у побережья Джорджии с мощным флотом из двадцати двух линейных кораблей и одиннадцати фрегатов. Американцы возложили большие надежды на Эстана (), и был разработан план повторного захвата Саванны. К 23 числу месяца город был окружен объединенными силами Линкольна и Эстана, и в течение трех недель осада велась энергично с помощью регулярной системы подходов, в то время как сооружения усердно бомбардировались флотом. В конце концов Эстан потерял терпение. Для его больших кораблей не было достаточного укрытия, и капитаны опасались, что их могут настигнуть опасные осенние штормы, которыми славится это побережье. Чтобы взять город обычной осадой, потребовалось бы, возможно, еще несколько недель, и поэтому было решено, что лучше попытаться взять его штурмом. 9 октября был проведен мощный штурм с использованием всех сил. Некоторые из внешних укреплений были взяты, и на мгновение на редутах были водружены звездно-полосатый флаг и флер-де-лис, но в конце концов выдержали британцы и сила позиции. Нападавшие были полностью разгромлены, потеряв более 1000 человек, в то время как британцы, находившиеся в укрытии, потеряли всего 55. Среди убитых был доблестный Пуласки, а Эстен получил два тяжелых ранения. Французы, которые понесли основную тяжесть сражения, теперь сели на корабли и вышли в море, но не успели уйти от октябрьского шторма, которого они так боялись. С трудом пережив ужасную бурю, их флот разделился; и пока одна часть вернулась в Вест-Индию, сам Эстен с остальными переправился во Францию. Таким образом, вторая попытка совместных действий французов и американцев закончилась еще более плачевным провалом, чем первая.

Сэр Генри Клинтон и лорд Корнуоллис отправляются в Джорджию В то время как все это происходило, Вашингтон надеялся, а Клинтон опасался, что Эстенг может в ближайшее время прибыть в Нью-Йорк с такими силами, которые перевесят чашу весов в пользу французов. Как только сэр Генри Клинтон узнал, что французский флот ушел, он приступил к осуществлению плана, который давно обдумывал. Прошел год с начала активных военных действий на юге, и, хотя британские войска увенчали успехом, было желательно нанести

еще более сильный удар. Захват главного южного города был не только следующим шагом в плане кампании, но и предметом особого желания сэра Генри Клинтона лично, поскольку он не забыл унижительного поражения у форта Моултри в 1776 году. Соответственно, он максимально укрепил позиции на севере, окончательно выведя гарнизоны из Род-Айленда и передовых постов на Гудзоне. Таким образом, оставив Кныпхаузена с сильными войсками в командовании Нью-Йорком, он смог отправить 8000 человек на транспортах под конвоем пяти линейных кораблей, и на следующий день после Рождества 1779 года он отплыл в Саванну, взяв с собой лорда Корнуоллиса.

Путешествие было тяжелым. Некоторые транспортные суда затонули, а некоторые были захвачены американскими каперами. Тем не менее, когда Клинтон прибыл в Джорджию и объединил свои силы с силами Превоста, их общее число составило более 10 000 человек. Однако он рискнул еще больше ослабить гарнизон Нью-Йорка и сразу же отправил обратно 3000 человек под командованием молодого лорда Роудона из знаменитой семьи Гастингсов, более известного в последующие годы как граф Мойра и маркиз Гастингс, которому, как и Корнуоллису, суждено было с большим отличием служить генерал-губернатором Индии. События полностью оправдали мудрость Клинтона, предпринявшего этот шаг. Нью-Йорк был вполне безопасен на данный момент, поскольку потребность в войсках в Южной Каролине была настолько острой, а трудности с их набором настолько велики, что Вашингтон был вынужден откомандировать из своей армии все войска из Вирджинии и Северной Каролины и отправить их на помощь генералу Линкольну. С таким ослаблением армии Вашингтону было невозможно атаковать Нью-Йорк.

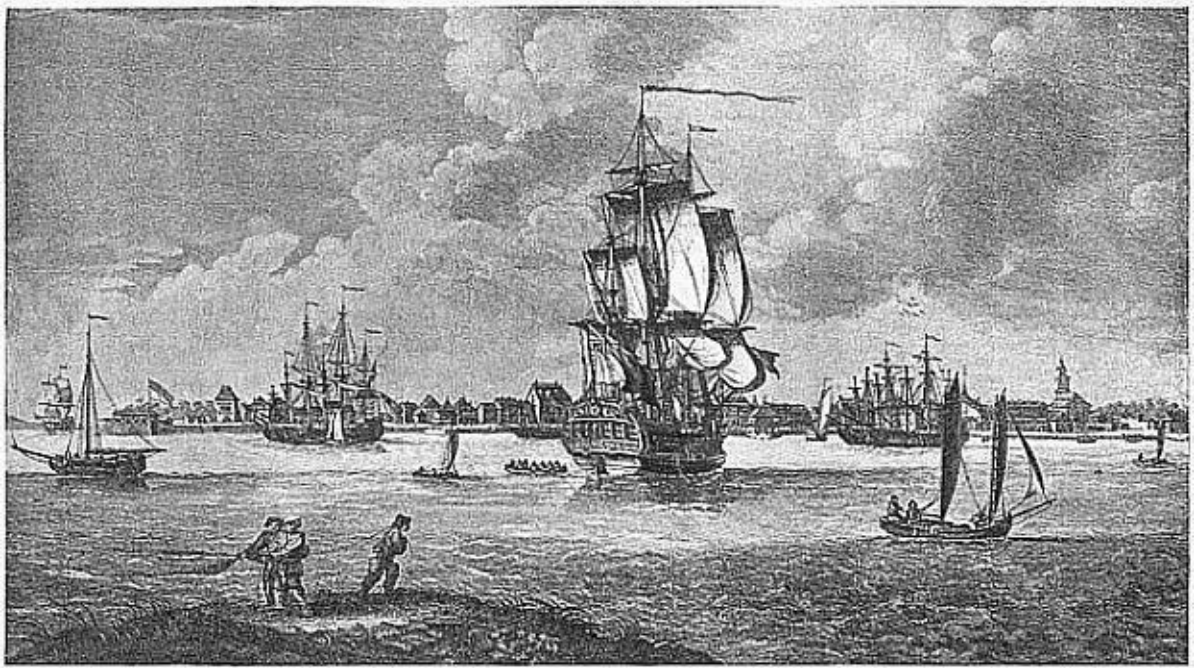
Кнурбаузен

Британское наступление на Чарльстон Линкольн, с другой стороны, после прибытия подкреплений, имел армию в 7000 человек, с помощью которой он мог защищать угрожаемый штат Южная Каролина. Это были недостаточные силы, а их командир, вполне храбрый и уважаемый человек, был далек от той редкой прозорливости, которую проявил Ваш

Правительство Южной Каролины считало сохранение Чарльстона делом первостепенной важности, точно так же, как в 1776 году Конгресс настаивал на важности удержания города Нью-Йорка. Но мы видели, как Вашингтон в то трудное время, хотя и не смог удержать город, никогда не позволял себе поставить свою армию в положение, из которого он не мог бы ее вывести, и в конце концов, благодаря своей неустанной бдительности, завоевал все почести этой кампании. При обороне Чарльстона такой высокой прозорливости проявлено не было. Клинтон медленно продвигался по суше, пока 26 февраля 1780 года не появился в поле зрения города. К тому времени стало настолько очевидно, что его подавляющее превосходство в силах позволит ему окружить город со всех сторон, что Линкольн должен был эвакуировать это место без малейшей задержки; и таково было мнение Вашингтона, как только он узнал об этом. Потеря Чарльстона, каким бы серьезным ударом она ни была, ни в коем случае не могла быть столь катастрофичной, как потеря армии. Но Линкольн продолжал укреплять фортификационные сооружения и собирать в ловушку всех людей и все военные ресурсы, которые он мог найти. В течение нескольких недель связь с территорией к северу от реки Купер поддерживали два

кавалерийских полка, но 14 апреля эти полки были разгромлены полковником Банастре Тарлетоном, командующим кавалерией, который впервые появился на арене, где вскоре стал так известен. Пять дней спустя подкрепление под командованием лорда Роудона, прибывшее из Нью-Йорка, завершило окружение обреченного города. Корабли, входящие в гавань, не пытались разрушить форт Моултри, а прошли мимо него; и 6 мая эта крепость, угрожаемая войсками с тыла, сдалась.

Капитуляция Чарльстона, 12 мая 1780 г. Британская армия теперь удерживала Чарльстон, окруженный со всех сторон кольцом укреплений, и была готова начать штурм, который, учитывая неравенство сил, мог иметь только один возможный исход. 12 мая, чтобы избежать бессмысленной гибели людей, город сдался, а Линкольн и вся его армия стали военнопленными. Континентальные войска, численностью около 3000 человек, должны были оставаться в плену до регулярного обмена. Ополченцам было разрешено вернуться домой под честное слово, и все мужчины-граждане были признаны ополченцами и также отпущены под честное слово. Победоносный Клинтон сразу же отправил экспедиции, чтобы захватить Камден и другие стратегические точки в глубине штата. Один полк вирджинской линии под командованием полковника Буфорда не достиг Чарльстона и, узнав о великой катастрофе, отступил на север со всей возможной скоростью. Но Тарлтон преследовал его до Уакшоуса, недалеко от границы с Северной Каролиной, где догнал Буфорда, разгромил его войска, убив 113 человек и взяв в плен остальных. В Южной Каролине не осталось и следа американской армии.

ВИД ЧАРЛСТОНА ДО РЕВОЛЮЦИИ

Южная Каролина захвачена британцами «Мы смотрим на Америку как на лежащую у наших ног», — сказал Гораций Уолпол; и, без сомнения, после захвата форта Вашингтон, это поражение армии Линкольна в Чарльстоне было самым значительным бедствием, которое постигло американские войска за всю войну. Оно было менее критическим, чем события в форте Вашингтон, поскольку произошло в момент, который, как все должны признать, был менее критическим. Потеря форта Вашингтон в сочетании с неправомерными действиями Чарльза Ли едва не разрушила дело американской независимости на самом начальном этапе и привела к такому ухудшению положения, что только гениальность Вашингтона смогла вывести из него победу. Потеря Южной Каролины в мае 1780 года, каким бы серьезным событием она ни была, не ставила под угрозу все дело Америки. Удар не был нанесен в столь критический момент и в столь критическом месте. Потеря Южной Каролины не привела бы к распаду конфедерации штатов, и со временем, благодаря успехам американского дела в других местах, она могла бы быть восстановлена. Тем не менее, удар был действительно очень серьезным, и, если бы все последствия, которые предвидел Клинтон, реализовались, он мог бы оказаться фатальным. Разрушить конечность иногда может быть столь же опасно, как пронзить сердце. В силу своей временной полноты это поражение могло показаться более серьезным, чем поражение у форта Вашингтон. Отряды, которые Клинтон направил вглубь страны, не встретили сопротивления. Многие жители принесли присягу на верность короне, другие дали слово не сражаться против англичан до конца войны. Клинтон издал циркуляр, приглашая всех доброжелательных людей собраться и организовать лояльную милицию с целью подавления любых будущих попыток восстания. Все, кто снова осмелится взять в руки оружие против короля, будут считаться изменниками, а их имущество будет конфисковано; но всем, кто теперь вернется к верности короне, будет предложено полное помилование за прошлые преступления, за исключением тех, кто принимал участие в повешении тори из « ». Клинтон возвращается в Нью-Йорк Нанеся этот сильный удар, сэр Генри Клинтон в июне вернулся в Нью-Йорк, уводя с собой большую часть своих войск, но оставив Корнуоллису 5000 человек для удержания и расширения уже завоеванных территорий.

ДОМ МАЙЛЗА БРЮТОНА В ЧАРЛСТОНЕ

Неразумная прокламация Однако перед началом операции сэра Генри, в порыве чрезмерного оптимизма, издал еще одну прокламацию, которая в значительной степени свела на нет эффект от его предыдущих мер. Эта новая прокламация требовала от всех жителей Южной Каролины принять активное участие в восстановлении королевского правительства под угрозой наказания как мятежников и изменников. В то же время все условно освобожденные заключенные были освобождены, за исключением тех, кто был захвачен в ходе обычных боевых действий, и таким образом все были вынуждены заявить о своей лояльности или враждебности по отношению к делу захватчиков. Британский командующий едва ли мог предпринять более неразумный шаг. В соответствии с первым прокламацией многие люди были вынуждены подчиниться требованиям британцев, поскольку хотели избежать боевых действий; во втором случае нейтральная позиция стала невозможной, и эти любители мира и спокойствия, когда оказались вынуждены принять активное участие на той или иной стороне, естественно предпочли помочь своим друзьям, а не врагам. Таким образом, страна вскоре продемонстрировала свое недовольство британским правлением, и это чувство усилилось из-за жестокостей, которые после отъезда Клинтона Корнуоллис оказался совершенно не в состоянии предотвратить. Офицеры, наделенные гражданскими и военными полномочиями, были отправлены по всей стране, чтобы составить полные списки жителей с целью набора лоялистской милиции. В ходе этих нежелательных поездок произошло много столкновений, и нередко были случаи, когда людей убивали хладнокровно. Беспорядки в Южной Каролине Должники воспользовались случаем, чтобы обвинить своих кредиторов в нелояльности, и кредитор был вынужден принести присягу на верность, прежде чем он мог взыскать свои долги. Многие поместья были конфискованы, а дома патриотов, которые укрылись в горах, были сожжены. Группы вооруженных людей, целью которых была месть или грабеж, добровольно предлагали свои услуги по поддержанию порядка и, получив полномочия, усугубляли беспорядки и беспрепятственно осуществляли свои злые намерения. Лоялисты, конечно, утверждали, что они вели себя не хуже вигов, когда те были у власти, и в этом было много правды.

Корнуоллис, который был самым добросовестным из людей и очень осторожен в своих заявлениях, несколько позже говорит о «шокирующих пытках и бесчеловечных убийствах, которые ежедневно совершаются врагом не только над теми, кто присоединился к нам, но и над многими, кто отказывается присоединиться к ним». Нет сомнений, что виги и тори были одинаково виновны в жестокости и несправедливости. Но в данном случае все эти беспорядки послужили дискредитации британцев как партии, контролировавшей страну, и они должны нести за это ответственность.

Стратегические точки Организованное сопротивление было невозможно. Главными стратегическими точками на побережье были Чарльстон, Бофорт и Саванна; во внутренних районах Аугуста была воротами Джорджии, а связь между этой точкой и дикими горами Северной Каролины контролировалась деревней, известной как «Девяносто шесть», потому что она находилась именно в таком количестве миль от Кеоуи, главного города чероки. В восьмидесяти милях к северо-востоку от Девяносто шести лежал еще более важный пост Кэмден, в котором сходились все основные внутренние дороги, по которым можно было добраться до Южной Каролины с севера. Все эти стратегические точки удерживались британцами, и, за исключением помощи извне, казалось, не было никакой надежды освободить штат из их железного захвата. Партизанские Однако среди патриотически настроенных вигов все еще были некоторые смелые сердца, которые не отчаивались. Укрывшись в густых лесах, запутанных болотах или крутых горных ущельях, эти мудрые и решительные люди вели романтическую партизанскую войну, полную ночных маршей, внезапных сюрпризов и отчаянных рукопашных боев. Среди этих партизанских командиров по предприимчивости и умению выделялись Джеймс Уильямс, Эндрю Пикенс, Томас Самтер и Фрэнсис Мэрион.

ФРЭНСИС МЭРИОН

тных персонажей периода нашей революции, пожалуй, ни
и народа с романтическими приключениями так тесно, как
ил к той доблестной расе людей, которых Франция навсегда
менил Нантский эдикт. Его отец был плантатором недалеко
э, и сын, занимаясь тем же ремеслом, был призван на
ной с чероки 1759 года, в ходе которой он стал мастером
(). Ему было теперь сорок семь лет, он был человеком
небольшого роста и худощавого телосложения, с тонким
ельной нервной энергией и неутомимым интеллектом.
чувствия, он был рыцарем в вежливости, правдивости и
иногда не была запятнана актом жестокости. «Ни один из
дом, — говорил он, — я ненавижу причинять страдания
другой стороны, причинять страдания врагу в законной

войне было делом, в котором немногие партизанские командиры превосходили его. По
быстроте и секретности он не имел себе равных, а смелость его подвигов казалась почти
невероятной по сравнению с скудностью его ресурсов. Его отряд иногда состоял менее чем

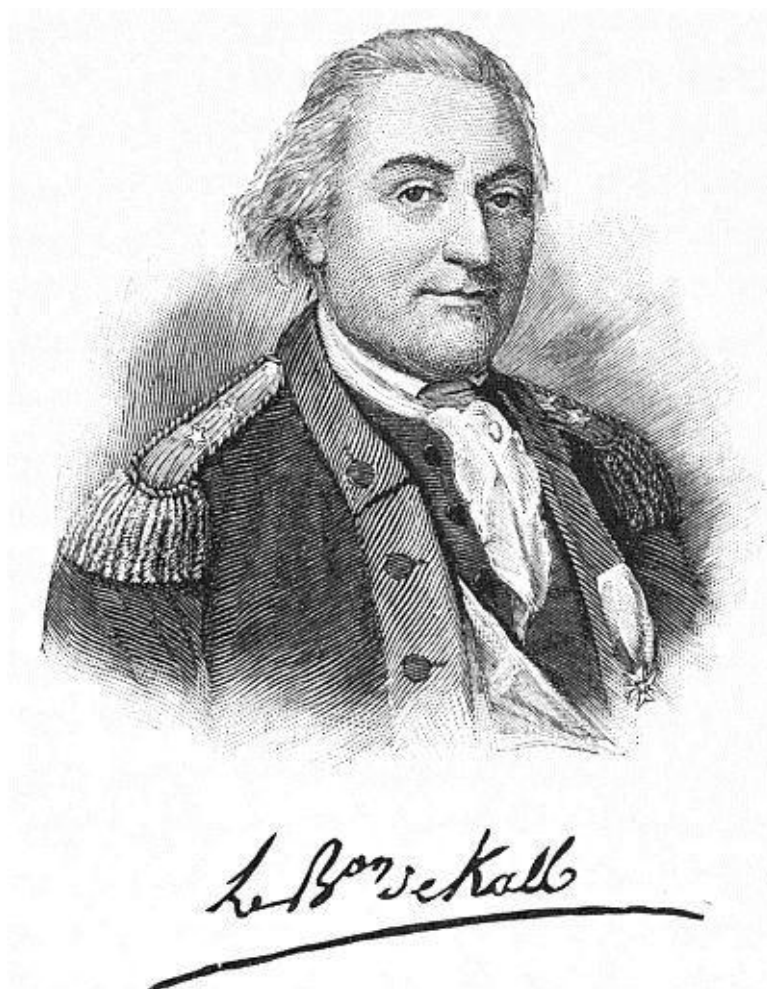
из двадцати человек и редко превышал семьдесят. Чтобы
вооружить их, он был вынужден брать пилы с лесопилок и переделывать их в грубые мечи в
деревенской кузнице, а оловянные кружки и ложки переплавлялись в пули. С таким
снаряжением он атаковал и разгромил отряды из более чем двухсот тори; или даже нападал
на колонну британских регулярных войск во время их марша, вносил в них беспорядок,

освобождал пленных, убивал и разоружал двадцать-тридцать человек, а затем исчезал в темном лесу так же быстро и таинственно, как и появился.

Томас Самтер Второй после Мариона в этой дикой войне был Томас Самтер, высокий и сильный человек, суровый на вид и высокомерный в поведении. Родившийся в Вирджинии в 1734 году, он присутствовал при поражении Брэджока в 1755 году, а после длительной военной службы на границе оказался в Южной Каролине до начала Войны за независимость. Он прожил почти сто лет, был членом Сената Соединенных Штатов во время войны 1812 года, служил послом в Бразилии и был свидетелем актов аннулирования своего приемного штата во время бурной президентской каденции Джексона. Летом 1780 года он вел настолько активную партизанскую войну в горных районах к северу от Найнти-Сикс, что Корнуоллис назвал его «величайшей чумой в стране». «Если бы не Самтер и Мэрион, — сказал британский командующий, — Южная Каролина была бы в мире». Первым преимуществом над врагом, полученным после высадки Клинтона, было уничтожение Самтером роты драгун 12 июля. Три недели спустя он предпринял отчаянную атаку на британцев в Роки-Маунт, но был отбит. Первое появление Эндрю Джексона 6 августа он застал врага врасплох на посту в Хэнггинг-Рок и уничтожил целый полк. Именно в этот момент Эндрю Джексон впервые появился на исторической арене — тринадцатилетний сирота, столь же стойкий в бою, как и любой из его товарищей.

Но Южная Каролина была слишком важна, чтобы полагаться только на умение и храбрость своих партизанских командиров. Еще до падения Чарльстона стало ясно, что туда необходимы дополнительные подкрепления, и Вашингтон направил туда около 2000 солдат из Мэриленда и Делавэра под командованием барона Калба, отличного офицера. Наступление Калба Это был долгий поход, и 20 июня Калб остановился в Хиллсборо, Северная Каролина, чтобы дать отдых своим людям и заручиться поддержкой генерала Кэсвелла, командовавшего ополчением этого штата. К этому времени новость о пленении армии Линкольна дошла до севера, и ситуация была признана чрезвычайно критической. Во все штаты к югу от Пенсильвании были направлены новые призывы о мобилизации ополчения. Чтобы не растратить с таким трудом добытые ресурсы, было крайне желательно выбрать компетентного генерала на смену несчастному Линкольну. Мнение главнокомандующего по этому вопросу было хорошо известно. Вашингтон хотел, чтобы на эту должность был назначен Грин, самый способный генерал в армии. Но ореол славы, окружавший обстоятельства великой победы при Саратогге, еще не рассеялся. После падения заговора Конвея Гейтс так и не смог вернуть себе то исключительное положение, которое он занимал в глазах общественности в начале 1778 года, но пока еще мало кто серьезно ставил под сомнение его репутацию полководца, которую он так легко завоевал. Многие теперь призывали к назначению Гейтса, который на тот момент ушел в отставку и жил на своей плантации в Вирджинии, и это предложение нашло поддержку в Конгрессе. Гейтс назначен главнокомандующим на юге 13 июня Гейтс был назначен главнокомандующим южным департаментом и с энтузиазмом принял эту должность. Народ пожелал ему удачи. Ричард Питерс, секретарь Военного совета, написал ему очень сердечное письмо, в котором говорилось: «Наши дела на юге выглядят мрачно: так же было, когда вы приняли командование перед *Бургойнадом*. Сейчас я могу только сказать: *иди и поступай* так же — да благословит тебя Бог». Чарльз Ли, который в то время жил в изгнании в своем поместье в Вирджинии (), прислал совершенно иное приветствие. Ли и Гейтс всегда были друзьями, которых, возможно, связывала мелочность духа и общая ненависть к главнокомандующему, чьи достоинства были для них постоянным укором. Но циничный Ли слишком хорошо знал своего друга, чтобы разделять преобладающее заблуждение относительно его военных способностей, и он попрощался с ним зловещим предупреждением: «Позаботься о том, чтобы твои северные лавры не превратились в южные ивы!»

Выбор дорог в Кэмден С этими зловещими словами, на которые он, несомненно, мало обратил внимания, «герой Саратоги» направился в Хиллсборо, куда прибыл 19 июля и освободил Калба от бремени беспокойства, которое было возложено на него. Гейтс застал все в крайне плачевном состоянии: не хватало оружия, палаток, продовольствия, медикаментов и, прежде всего, денег. Никогда еще так ярко не проявлялась всепроникающая нужда, которая в те дни преследовала американский народ из-за отсутствия эффективного правительства (). Чтобы исправить положение, требовался человек, совершенно отличный от Гейтса. Недостаток суждения и нерешительность были недостатками, от которых он так и не избавился, и все его действия отличались слабостью и опрометчивостью. Он был авантюрным там, где требовалась осторожность, и робким там, где нужно было проявить смелость. Целью его кампании был город Камден. Захватив этот важный пункт, он мог бы вытеснить британцев с других позиций в глубине страны и заставить их перейти в оборону в Чарльстоне. Было маловероятно, что столь важная цель будет достигнута без сражения, но существовал выбор путей, по которым можно было приблизиться к этому стратегическому пункту. От Хиллсборо до Камдена вело две дороги. Западный маршрут проходил через Солсбери и Шарлотт, описывая длинную дугу, и спускался на Камден с северо-запада. Местность, через которую он проходил, была плодородной, а жители в основном были шотландско-ирландскими вигами. Следуя по этой дороге, опасность внезапного нападения врага была бы невелика, можно было бы получить в изобилии полезную пищу, а в случае поражения она обеспечивала безопасный путь отступления. Восточный маршрут образовывал хорду этой длинной дуги, проходя от Хиллсборо до Камдена почти по прямой линии длиной 160 миль. Он был на 50 миль короче другого маршрута, но пролегал через

пустынную местность с сосновыми пустошами, где фермы и возделанные поля были очень редкими и принадлежали тори (). Этот маршрут был уязвим для фланговых атак, не давал продовольствия для армии, а отступление по нему на следующий день после неудачной битвы означало бы просто уничтожение. Единственным преимуществом этого маршрута была его прямолинейность. Британские войска были более или менее разбросаны по всей стране. Лорд Роудон удерживал Камден с помощью сравнительно небольших сил, и Гейтс был полон решимости атаковать и разгромить его, прежде чем Корнуоллис сможет подойти из Чарльстона.

Гейтс выбирает неверный путь Гейтс, несмотря на предупреждения Калба и других офицеров из « », выбрал более короткий маршрут со всеми его недостатками, и 27 июля он привел свою армию в движение. 3 августа, войдя в Южную Каролину и перейдя реку Педи, к нему присоединился полковник Портерфилд с небольшим отрядом регулярных войск Вирджинии, которые с осени, после падения Чарльстона, находились на границе. 7 августа он соединился с генералом Кэсвеллом и его ополчением Северной Каролины, а 10 августа его армия, таким образом усиленная, достигла Литтл-Линч-Крик, примерно в пятнадцати милях к северо-востоку от Камдена, и столкнулась с значительно уступающими силами лорда Роудона. Двухнедельный марш был совершен со скоростью около одиннадцати миль в день, с бесконечной усталостью и страданиями. **Страдания** войск Несколько тощих коров, забитых у дороги, оказались совершенно недостаточными для пропитания армии, и из-за отсутствия более подходящей пищи полуголодные солдаты с жадностью ели незрелый кукурузу, зеленые яблоки и персики. Все были ослаблены, и многие умирали от дизентерии и холеры, так что американский лагерь представлял собой поистине печальную картину.

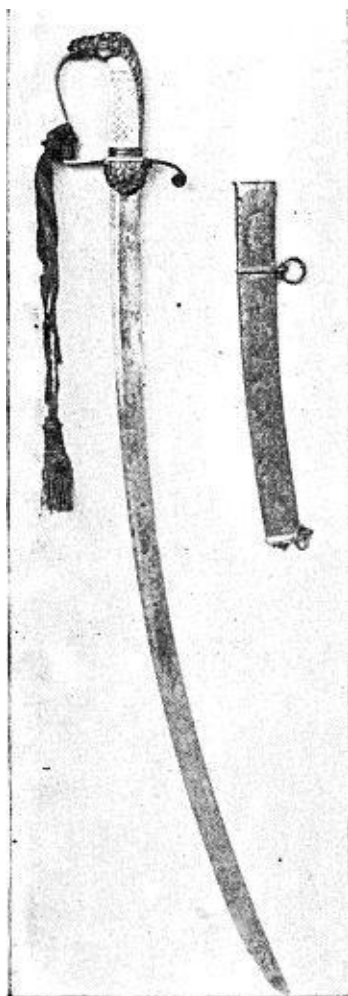
Гейтс упускает момент для нанесения удара Силы Роудона стояли поперек дороги, блокируя путь в Камден, и у Гейтса появилась возможность нанести внезапный удар, ради которого он и решил идти по этой плохой дороге. Однако все еще оставался выбор методов. Две дороги, сходящиеся в точке пересечения в Камдене, теперь были очень близки друг к другу. Гейтс мог либо пересечь ручей впереди и положиться на свое численное превосходство, чтобы подавить противника, либо, совершив форсированный марш на десять миль вправо, обойти фланг Роудона и овладеть Камденом раньше него. Хороший полководец поступил бы так или иначе, и Калб рекомендовал немедленную атаку. Но в этот решающий момент Гейтс был столь же нерешителен, сколь и нетерпелив, когда находился в 160 милях отсюда. Он упустил возможность, прождал два дня на месте, а 13-го медленно двинулся вправо и занял позицию в Клермонте, на западной дороге, тем самым отказавшись от всей цели, ради которой он изначально отказался продвигаться по этой дороге (). 14-го к нему присоединился генерал Стивенс с 700 ополченцами из Вирджинии, но в тот же день лорд Корнуоллис достиг Камдена со своими регулярными войсками, и золотой момент для разгрома британцев в отрядах был упущен навсегда.

СТАТУЯ КАЛБА В АННАПОЛИСЕ

Американская армия теперь насчитывала 3052 человека, из которых 1400 были регулярными солдатами, в основном из Мэриленда. Остальные были в основном неопытными ополченцами. Объединенные силы под командованием Корнуоллиса насчитывали всего 2000 человек, но все они были хорошо обученными солдатами. Американцам было опрометчиво рисковать атакой в таких условиях, особенно в их безнадежном положении, когда они были ослаблены голодом и болезнями, а многие из них едва могли маршировать или сражаться. и ослабляет свою армию накануне битвы. Но, как ни странно, прошел день и ночь, а Гейтс еще не узнал о прибытии Корнуоллиса и по-прежнему полагал, что ему приходится иметь дело только с Роудоном. Не было времени отправлять войска в далекие походы, но 14-го числа он отправил 400 своих лучших регулярных солдат из Мэриленда в долгий поход на юг, чтобы они совместно с Самтером перерезали пути снабжения врага на дороге между Чарльстоном и Камденом. В десять часов вечера 15-го числа Гейтс двинул свою армию по дороге из Клермонта в Камден, намереваясь застать лорда Роудона врасплох до рассвета. Расстояние составляло десять миль по лесу, по неровной дороге, окруженной с обеих сторон, то холмами, то непроходимыми болотами. В тот же час Корнуоллис выступил в путь с аналогичной целью — застать врасплох генерала Гейтса. Чуть раньше трех часов утра британский и американский авангард легкой пехоты столкнулись на дороге в пяти милях к северу от Камдена, и началась ожесточенная перестрелка, в которой американцы были разгромлены, а доблестный полковник Портерфилд был убит. Однако обе армии, не сумев застать друг друга врасплох, остались на своих позициях и стали ждать рассвета. Некоторые пленные, попавшие в руки американцев, принесли новость, что армией противника командовал сам Корнуоллис, и они преувеличили ее численность, назвав ее 3000 человек. и удивлен Корнуоллисом. Удивленный Гейтс созвал своих офицеров и спросил, что делать. Несколько минут никто не говорил, пока генерал

Стивенс не воскликнул: «Ну, господа, разве *сейчас* не слишком поздно делать что-либо, кроме как сражаться?» Калб был за то, чтобы отступить в Клермонт и занять там прочные позиции, но его советы так часто оставались без внимания, что он больше не настаивал, и

МЕЧ КАЛБА, ИСПОЛЬЗОВАННЫЙ В КАМДЕНЕ

было решено начать сражение с атаки на правый фланг британцев.

Битва при Камдене, 16 августа 1780 г. Восходящее солнце вскоре показало, что две армии находятся близко друг к другу. Огромные болота, расположенные на небольшом расстоянии от дороги по обеим сторонам, покрывали оба фланга обеих армий. На западной стороне дороги левым флангом британцев командовал лорд Роудон, на восточной стороне их правым флангом командовал полковник Джеймс Вебстер, а Тарлтон и его кавалерия находились немного сзади. Правым флангом американцев, противостоявшим Роудону, командовал Калб, и он состоял из Делаверского полка и второй Мэрилендской бригады на переднем крае, поддерживаемых первой Мэрилендской бригадой, находившейся на некотором расстоянии сзади. Левый фланг американцев, противостоявший Вебстеру, состоял из ополченцев из Вирджинии и Северной Каролины под командованием генералов Стивенса и Касвелла. Такое расположение войск привело к катастрофе. Сражение должно было начаться с атаки на правый фланг британцев (), то есть на дисциплинированных солдат, а возглавить эту атаку было поручено неопытному ополчению, которое почти никогда не бывало под обстрелом и даже не понимало, как пользоваться штыком! Эта задача должна была быть поручена тем великолепным войскам из Мэриленда, которые отправились на помощь Самтеру. Милицию, опытную в лесных условиях, следовало отправить в эту экспедицию, а регулярные войска оставить для сражения. Милиция даже не

знала, как правильно наступать, и запуталась; и пока они выравнивали свои ряды, полковник Вебстер обрушился на них с яростной атакой. Удар британской колонны был непреодолим. Вирджинская милиция бросила оружие и бежала, не сделав ни одного выстрела. ополчение Северной Каролины поступило так же, и в течение пятнадцати минут весь американский левый фланг превратился в толпу сражающихся людей, охваченных смертельной паникой и сбивающихся в кучу, как овцы, в своем беспорядочном бегстве, в то время как кавалерия Тарлтона преследовала их и убивала десятками. Оставив Тарлтона разбираться с ними, Вебстер обернулся против первой бригады Мэриленда и после упорного сопротивления медленно вытеснил ее с поля боя. Вторая бригада из Мэриленда, с другой стороны, дважды отразив нападение лорда Роудона, прорвала его левый фланг энергичной штыковой атакой и оставалась победительницей на этой части поля сражения до окончания остальной части боя; когда же Вебстер атаковал их с фланга, эти стойкие войска отступили на запад по узкой дороге между болотом и холмом и в полном порядке спаслись. Спустя долгое время после того, как битва была проиграна во всех других районах, гигантская фигура Калба, сброшенного с лошади и сражавшегося пешком, была замечена, направляющей действия его храбрых войск из Мэриленда и Делауэра, пока он не упал, умирая от одиннадцати ран. Гейтс, попавший в толпу беглецов в начале сражения, был унесен в стремительном бегстве до Клермонта, где, взяв свежую лошадь, он преодолел расстояние почти в двести миль до Хиллсборо менее чем за четыре дня. Лавры Саратоги действительно превратились в ивы. Полное и позорное поражение Гейтса Это было самое катастрофическое поражение, когда-либо нанесенное американской армии, и притом позорное, поскольку оно было вызвано серией грубейших промахов. Войска Мэриленда потеряли половину своего состава, полк Делауэра был почти полностью уничтожен, а вся остальная армия была рассеяна. Число убитых и раненых так и не было точно установлено, но оно вряд ли могло быть меньше 1000, а в плен было взято более 1000 человек, семь артиллерийских орудий и 2000 мушкетов. Потери британцев в убитых и раненых составили 324 человека.

Его кампания была чередой промахов. Репутация генерала Гейтса так и не оправилась от этого внезапного поражения, а его быстрое бегство в Хиллсборо стало предметом безжалостных насмешек. Однако, если внимательно присмотреться, это была единственная часть его поведения, за которую его нельзя справедливо винить. Даже лучшие генералы могут оказаться в паническом бегстве и поспешно покинуть поле боя: бегство Фридриха Великого в Молвице было еще более позорным, чем бегство Гейтса в Камдене. Кроме того, когда полный масштаб катастрофы стал очевиден, было, безусловно, желательно, чтобы Гейтс как можно скорее добрался до Хиллсборо, поскольку именно оттуда управлялась государственная организация Северной Каролины и, соответственно, именно там можно было бы быстрее всего собрать новую армию. Бегство Гейтса было необычайно драматическим и уместным завершением его глупой карьеры, но наша критика должна быть направлена на жалкое командование, которое привело к катастрофе: на неправильный выбор дорог, роковое колебание в критический момент, ослабление армии накануне сражения и, прежде всего, на опрометчивость в ведении боевых действий после того, как стало известно о реальном положении дел. Эта кампания была воплощением тех ошибок, которых Вашингтон всегда избегал, и она прекрасно иллюстрировала бессмысленность тоста Джона Адамса «Короткая и жестокая война» против превосходящего по силе врага.

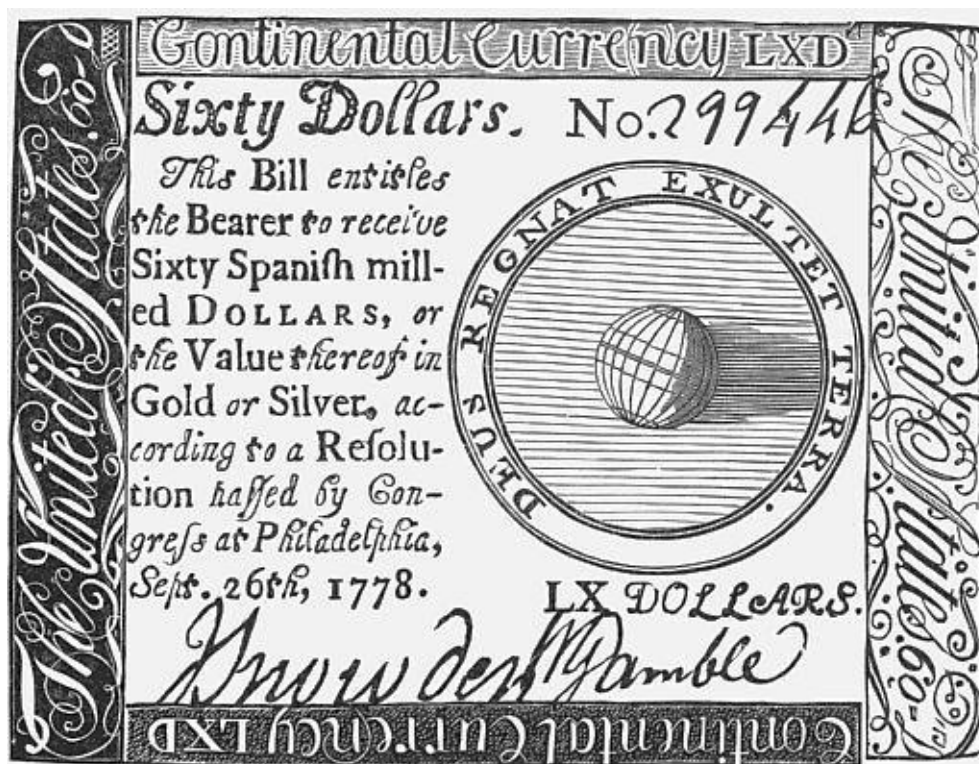
Партизанские операции Если бы 400 регулярных солдат из Мэриленда, которые были отправлены на помощь генералу Самтеру, остались с основной армией и им было поручено атаковать правый фланг британцев, результат этой битвы, несомненно, был бы совсем другим. Возможно, это не была бы победа, но точно не было бы разгрома. За день до сражения Самтер атаковал британский обоз, следовавший из Чарльстона, и захватил все

припасы, а также более 100 пленных. Но поражение при Камдене лишило этот подвиг его значения. Сумтер отступил вверх по реке Уотери к Фишинг-Крик, но 18-го числа Тарлтон застал его врасплох и разгромил, взяв в плен 300 человек, освободив захваченных британцев и вернув всю добычу. В тот же день американцы одержали победу в другом месте. В Масгроувс-Миллс, в западной части штата, полковник Джеймс Уильямс () разгромил отряд из 500 британцев и тори, убив и ранив почти треть из них. Два дня спустя Марион совершил один из своих характерных подвигов. Отряд британской армии приближался к Нельсонс-Ферри, где река Санти пересекает дорогу из Камдена в Чарльстон, когда Марион с горсткой людей внезапно напал на эти войска, захватил 26 из них, освободил 150 пленных из Мэриленда, которых они везли на побережье, и ушел, не потеряв ни одного человека.

Такие поступки показывали, что жизнь Южной Каролины еще не была полностью уничтожена, но они не могли значительно облегчить мрак, опустившийся на страну после поражения в Кэмдене. Второй раз за три месяца американская армия на юге была полностью уничтожена. Гейтс едва смог собрать 1000 человек в Хиллсборо, а Вашингтон не мог выделить больше из своих и без того истощенных сил. Набор и обучение новой армии регулярных войск было бы медленной и сложной работой, и было совершенно очевидно, что Корнуоллис немедленно приступит к попытке завоевания Северной Каролины ().

Усталость и уныние народа Никогда еще пословица о том, что самые мрачные времена наступают непосредственно перед рассветом, не находила более подходящего подтверждения, чем в общей картине американских дел летом и осенью 1780 года. Настроения народа не столько напоминали панику, сколько «времена, испытывавшие души людей», когда широкая река Делавер защищала быстро тающую армию Вашингтона от уничтожения. Теперь это было не столько чувство быстрой тревоги, сколько полная усталость и уныние. Прошло более четырех лет с момента принятия Декларации независимости, и хотя враг еще не закрепился в северных штатах, за исключением города Нью-Йорка, все же казалось невозможным вытеснить его оттуда, в то время как Корнуоллис, опьяненный победой, хвастался, что скоро завоюет всю страну к югу от Саскуэханна. На данный момент казалось, что политика лорда Джорджа Джермейна, направленная на изматывание американцев, в конце концов может оказаться успешной. Страна по-прежнему не имела ничего, что можно было бы назвать общенациональным правительством. После трех лет обсуждений Статьи Конфедерации, устанавливающие «союз дружбы» между тринадцатью штатами, все еще не были приняты. Континентальный конгресс продолжал терять свою репутацию и возможности. Из-за такого положения дел, а не из-за реальной бедности страны, наступил общий административный паралич, который продолжал усиливаться даже после окончания войны, пока не был преодолен принятием Федеральной конституции. Дело не в том, что тринадцати штатам не хватало материальных ресурсов или патриотизма, что ведение войны шло так вяло. Ресурсов было достаточно, если бы были средства для их концентрации и использования. Отношения между штатами не были определены; и хотя существовало тринадцать властей, которые могли планировать и критиковать, не было единой власти, которая могла бы действовать эффективно. В результате энергия народа была растрачена впустую.

Зло, причиненное бумажной валютой Эта болезнь была наиболее заметна в денежных вопросах, которые составляют основу всей человеческой деятельности. Состояние американских финансов в 1780 году было просто ужасающим. Иллюзия «гринбека» овладела умами людей даже сильнее, чем в дни после нашей Гражданской войны. Пелатиа Уэбстер, самый способный политический экономист в Америке того времени, мыслитель, далеко опередивший свое время, был почти единственным, кто настаивал на введении налогов. Настроения народа выразил один из делегатов Конгресса, который с невыразимым презрением спросил, почему он должен голосовать за обложение народа налогами, когда типография в Филадельфии может печатать деньги мешками.^[31] Но на самом деле, без поправки Конгресс не имел права вводить какие-либо налоги, за исключением реквизиций у правительств штатов. Казалось, что не было другой альтернативы, кроме как продолжать выпускать эти деньги, которые многие прославляли как «самую безопасную валюту», потому что «никто не мог вывезти их из страны». Как верно сказал Вебстер, страна пострадала от этого больше, чем от оружия врага. «В то время жители штатов были обеспокоены и раздражены, разочарованы и расстроены столькими мягкими мерами, ограничениями цен и другими принудительными методами, направленными на повышение стоимости бумажных денег и принудительное введение их в обращение, а также столькими тщетными финансовыми схемами, заявлениями и обещаниями, которые исходили от Конгресса, но умирали при самых рьяных попытках ввести их в действие, что их терпение было исчерпано. Эти раздражения и разочарования настолько подорвали мужество и уверенность народа, что он казался бездушным и почти глупым, когда его внимание привлекало какое-либо новое предложение». Летом 1780 года эта несчастная «континентальная» валюта стала предметом презрения. Как сказал Вашингтон, чтобы купить телегу провианта, нужно было целую телегу денег. В конце 1778 года бумажный доллар стоил шестнадцать центов в северных штатах и двенадцать центов на юге. В начале 1780 года его стоимость упала до двух центов, а к концу года на один цент требовалось десять бумажных долларов. В октябре индейская кукуруза продавалась оптом в Бостоне по 150 долларов за бушель, масло — по 12 долларов за фунт, чай — по 90 долларов, сахар — по 10 долларов, говядина — по 8 долларов, кофе — по 12 долларов, а бочка муки стоила 1575 долларов. Сэмюэл Адамс заплатил 2000 долларов за шляпу и костюм. Деньги вскоре перестали обращаться, долги не могли быть взысканы, и произошло общее падение кредита. «Не стоит континентального» Слова «не стоит континентального» стали самым сильным выражением презрения. Парикмахер в Филадельфии обклеил свою лавку банкнотами, а по улицам водили собаку, обмазанную дегтем и обклеенную этой несчастной «денежкой» — жалким заменителем золотых овец из старой норвежской легенды « ». За исключением скудных сумм золота, поступавших от французского союза, от небольшой оставшейся внешней торговли и от торговли с самой британской армией, страна не имела никаких средств обращения. Налоги, уплачиваемые в виде конкретных поставок При выдвижении своих требований к штатам Конгресс прибег к мере, напоминающей варварские времена бартера. Вместо того, чтобы просить деньги, он потребовал от штатов прислать «конкретные поставки» говядины и свинины, муки и риса, соли и сена, табака и рома. Таким образом, финансы страны, которая вскоре должна была стать одной из самых богатых, управлялись по принципу, по которому раньше дорабатывали скудные зарплаты сельских священников в Новой Англии. Это можно было бы назвать континентальной системой «пожертвований».

Колониальная валюта Вирджинии

Трудности с поддержанием армии В этих условиях стало практически невозможно прокормить и одеть армию. Комиссары, не имея ни денег, ни кредита, могли сделать очень мало, и Вашингтон, вопреки своей воле, был вынужден взимать пошлины с окружающих его лагерь земель. Это делалось как можно более мягко. Уездные магистраты были вызваны для предоставления определенного количества муки и мяса; привезенные припасы были должным образом оценены, и комиссары выдали в обмен на них сертификаты. Такие сертификаты принимались по номинальной стоимости в качестве оплаты налогов. Но эта мера, которая просто ввела новый вид бумажных денег, только усугубила общую

неразбериху. Эти трудности, усугубленные ощущением, что война затягивается на бесконечное время, сделали невозможным поддержание надлежащего набора в армию.

Saml^e Huntington

мир любой ценой. В августе, еще не зная о катастрофе в Камдене, Вашингтон написал президенту Хантингтону, напомнив ему, что срок службы половины армии истекает в конце года. «Тени армии, которая останется, — писал Вашингтон, — будут иметь все основания, кроме чистого патриотизма, чтобы покинуть службу, не имея надежды на перемены к лучшему, которая до сих пор поддерживала их. Эта надежда сейчас почти угасла и, безусловно, не переживет кампанию, если не найдет более существенной опоры. Мне покажется чудом, если наши дела смогут сохраниться в нынешнем состоянии еще долго. Если ни настроение, ни ресурсы страны не позволят изменить ситуацию, мы можем ожидать, что вскоре окажемся в унижительном положении, когда дело Америки в Америке будет поддерживаться иностранными войсками».

Французский союз Чтобы понять всю силу этого, мы должны помнить, что, за исключением Южной Каролины, в течение года не было никаких боевых действий, достойных

упоминания.

ФРАНКЛИН ПЕРЕД ЛЮДОВИКОМ XVI. Южная кампания поглотила энергию британцев настолько, что на севере они не предприняли ничего, кроме неудачной попытки вторжения в Нью-Джерси в июне. Хотя этот факт показывает, насколько сильно силы Англии были ослаблены коалицией, сформированной против нее, он еще более ярко демонстрирует, насколько жизнеспособность Америки была подорвана причинами, лежащими глубже, чем просто наличие войны. Действительно, становилось болезненно очевидным, что надеяться можно было только на помощь Франции. До сих пор союз принес американскому народу мало очевидных результатов, но на самом деле он принес нам огромную косвенную пользу. Как сама по себе, так и в связи с европейскими осложнениями, к которым она привела, деятельность Франции очень серьезно подорвала эффективную военную мощь Англии. Она заблокировала и нейтрализовала большую часть британской энергии, которая в противном случае была бы направлена против американцев. Французское правительство также предоставило Конгрессу значительные суммы денег. Но что касается непосредственного участия в военных операциях на американской территории или в американских водах, то Франция пока почти ничего не сделала. Злая звезда нависла над обеими совместными экспедициями по освобождению Ньюпорта и Саванны, и французская армия еще не высадилась на наших берегах, чтобы объединить свои силы с отважными континентальными войсками Вашингтона в великой и решающей кампании.

Louis

Marie Antoinette

Давно было ясно, что Франция не могла более эффективно продвигать интересы, которые она разделяла с Соединенными Штатами, чем путем отправки сильной группы обученных солдат для действий под командованием Вашингтона. Ничто не могло быть более очевидным, чем вывод о том, что такой генерал, получив в свое распоряжение достаточные силы, мог бы изгнать британцев из Нью-Йорка и тем самым нанести удар, который в значительной степени приблизил бы окончание войны. Визит Лафайета во Францию Это давно было самым заветным планом Вашингтона. В феврале 1779 года Лафайет вернулся во Францию, чтобы навестить свою семью и убедить короля предоставить такую помощь. Чтобы наказать его за непослушание и побег в Америку вопреки королевскому указу, король приказал поместить его на неделю под домашний арест в доме его тестя в Париже. Затем он довольно любезно принял его при дворе, а королева просила его «рассказать нам хорошие новости о наших дорогих американцах». Добрый Лафайет, к которому в страшные годы, которые должны были наступить, этот скучный король и его яркая, несчастная королева должны были обратиться за сострадательной защитой, теперь осмелился дать им несколько разумных советов. «Деньги, которые вы тратите на один из ваших старых придворных балов, — сказал он, — могли бы пойти на отправку в Америку боеспособной армии и нанесение Англии удара там, где она его почувствует сильнее всего». В течение нескольких месяцев он настойчиво убеждал Верженна отправить по крайней мере 12 000 человек с хорошим генералом и поставить их под командование Вашингтона, чтобы не было катастрофических споров о преимуществе и не повторились недоразумения, которые разрушили кампанию в Ньюпорте. Когда Эстен прибыл в Париж в начале 1780 года после своего поражения в Саванне, он дал аналогичный

совет. Эта идея понравилась Вержену, и когда в апреле 1780 года Лафайет вернулся в Соединенные Штаты, он был уполномочен сообщить Вашингтону, что Франция вскоре

ВЫСАДКА ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК

пришлет желаемое подкрепление.

Прибытие части французских вспомогательных войск под командованием Рошамбо 10 июля адмирал Терней с семью линейными кораблями и тремя фрегатами прибыл в Ньюпорт, привезя с собой 6000 человек под командованием хорошего генерала графа Рошамбо. Это была первая часть армии, остальная часть которой должна была быть отправлена, как только будут предоставлены надлежащие транспортные средства. По важному вопросу военного этикета был строго соблюден совет Лафайета. Рошамбо было велено подчиниться командованию Вашингтона и считать свои войска частью американской армии, в то время как американские офицеры должны были иметь преимущество перед французскими офицерами того же звания. Эта французская армия отличалась отличной дисциплиной и оснащением, а среди ее офицеров были такие, как герцог де Лозан-Бирон и маркиз де Шастеллу, которые заслужили высокое признание. Рошамбо написал Вергенну, что по прибытии он застал жителей Род-Айленда в печальном и унылом настроении. Все думали, что страна катится к гибели. Но когда стало ясно, что это лишь авангард значительной армии и что на этот раз Франция настроена совершенно серьезно, их настроение поднялось, и улицы Ньюпорта огласились криками «ура» и засияли фейерверками.

Однако сердца людей были еще более огорчены отложенной надеждой. Несколько британских линейных кораблей, прибывших в Нью-Йорк, дали врагу такое превосходство на воде, что Клинтон решил перейти в наступление и отправился вниз по проливу с 6000 человек, чтобы атаковать французов в Ньюпорте. Вашингтон сорвал этот план, совершив внезапное наступление на Нью-Йорк, что вынудило британского командующего поспешно отступить для его обороны; но французский флот все же был блокирован в бухте

Наррагансетт мощным британским эскадром, и Рошамбо счел необходимым оставить свои войска в Род-Айленде, чтобы помочь адмиралу в случае возникновения непредвиденных обстоятельств. Вторая часть французской армии, на которую были возложены их надежды, так и не прибыла, поскольку британский флот из тридцати двух кораблей удерживал ее в блокаде в гавани Бреста.

Общее уныние Таким образом, морское превосходство Англии продолжало препятствовать любым крупным предприятиям, и в течение целого года доблестная армия Рошамбо простаивала в Род-Айленде, с нетерпением и раздражением перенося ограничения. Великолепная работа, которую ей предстояло выполнить под руководством Вашингтона, оставалась скрытой в мраке будущего, и на данный момент уныние, охватившее страну, только усугубилось. Прошло три года с момента победы при Саратогe, но огромные последствия, которые уже вытекали из этого события, еще не раскрыли своего значения. Глядя только на поверхность вещей, можно было бы спросить — и многие спрашивали — действительно ли эта великая победа сделала что-то большее, чем продлила борьбу, которая была по сути бесполезной и безнадёжной. Такие темы были основными в разговорах за обеденными столами джентльменов и в задних залах загородных гостиниц, где крепкие йомены обсуждали положение дел сквозь облака табачного дыма; и, пожалуй, никогда тори не были более ликующими, а виги — более подавленными, чем в конце этого печального лета.

Именно в этот момент страна была потрясена внезапным раскрытием плана чернейшей измены. Для надлежащего объяснения этого дела потребуется целая глава.

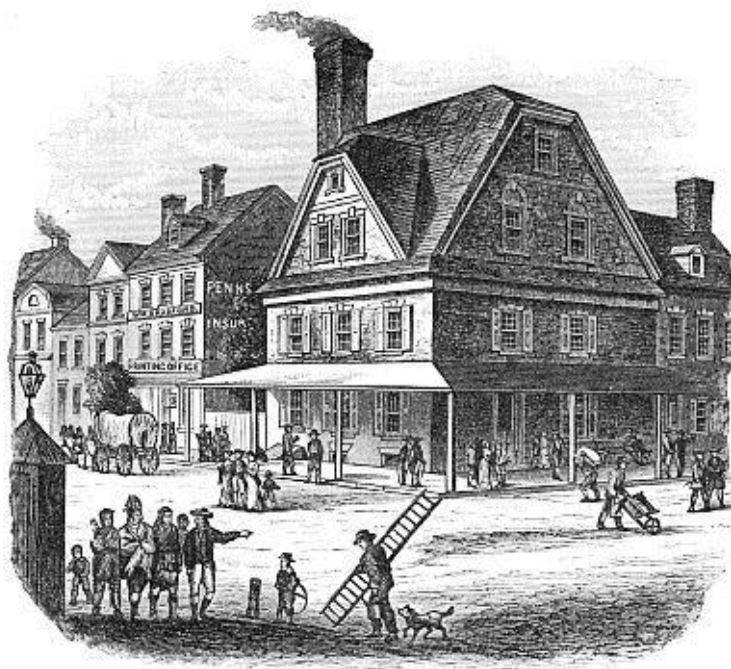
ГЛАВА XIV БЕНЕДИКТ АРНОЛЬД

Арнольд поставлен во главе Филадельфии 18 июня 1778 года Чтобы понять непосредственные причины измены Арнольда, мы должны начать с лета 1778 года, когда Филадельфия была эвакуирована британцами. В то время генерал Арнольд был неспособен к активной службе из-за ранения, полученного в Саратоге, и Вашингтон поставил его во главе Филадельфии. Этот шаг привел Арнольда в непосредственный контакт с Конгрессом, к которому он питал сильную неприязнь за проявленное к нему пренебрежение; кроме того, само по себе командование было сложной задачей. Полномочия, возложенные на коменданта, не были четко отделены от полномочий правительства штата, поэтому споры были неизбежны. Пока город удерживался британцами, многие жители оказывали им активную помощь и поддержку, и теперь было конфисковано немало имущества. По решению Конгресса все государственные склады, принадлежавшие врагу, должны были быть переданы в распоряжение армии, а главнокомандующему было поручено приостановить продажу или передачу товаров до тех пор, пока общий вопрос о праве собственности не будет решен совместным комитетом Конгресса и Исполнительного совета Пенсильвании. Выполнение этого приказа стало обязанностью Арнольда, что не только вызвало серьезные сбои в деловой жизни, но и превратило город в гнездо ссор и жалоб. Качества, необходимые для успешного решения такого вопроса, сильно отличались от качеств, которые отличали Арнольда на поле боя. Требовалась крайняя деликатность и такт, а Арнольд был резким и своевольным, и не обладал тактом. В результате он вскоре вступил в конфликт с правительством штата и, кроме того, утратил большую часть личной популярности, с которой он начинал. О нем ходили слухи, порочащие его репутацию. Арнольда обвиняли в том, что его расточительный образ жизни был оскорблением республиканской простоты и скандалом с учетом бедственного положения страны; что для покрытия своих огромных расходов он прибегал к хищениям и вымогательствам; и что он проявлял слишком большую благосклонность к тори. Эти обвинения, несомненно, не были лишены оснований. Эта эпоха бумажных денег и падения кредита была эпохой показной расточительности, не совсем непохожей на ту, которая в более поздние дни предшествовала финансовому краху 1873 года. Жители городов вели расточительный образ жизни, и ни в одном другом городе это не было так заметно, как в Филадельфии; при этом, пожалуй, никто в Филадельфии не держал лучшей конюшни и не устраивал более дорогих обедов, чем генерал Арнольд. Он влез в долги и занялся коммерческими спекуляциями, чтобы исправить положение; и, учитывая то, что впоследствии пролило свет на его характер, вполне вероятно, что он иногда использовал свое высокое положение, чтобы способствовать этим спекуляциям.

Мисс Маргарет Шиппен Обвинение в благосклонности к тори может найти свое объяснение в обстоятельстве, которое, возможно, проливает боковой свет на его расточительное использование денег. Мисс Маргарет Шиппен, дочь джентльмена с умеренными симпатиями к тори, который несколько лет спустя стал главным судьей Пенсильвании, в то время была королевой красоты Филадельфии; и как только новый комендант прибыл на свой пост, он был пленен ее пикантным лицом и очаровательными манерами. Даме было едва двадцать лет, а Арнольд был тридцатипятилетним вдовцом с тремя сыновьями; но его красивое лицо, галантное поведение и блестящая карьера перевешивали эти недостатки, и осенью 1778 года он обручился с мисс Шиппен, тем самым вступив в тесные отношения с видной тористской семьей. В умеренном крыле тори-партии « », к которому принадлежали Шиппены, было много людей, которые, хотя и решительно выступали против Декларации независимости, тем не менее считали бесчестным оказывать активную помощь врагу. Взгляды умеренных тори В 1778 году такие люди считали, что Конгресс поступил неправильно, заключив союз с Францией, вместо того чтобы принять либеральные предложения лорда Нортона. Они утверждали, что Декларация независимости никогда бы не была принята, если бы предполагалось, что конституционные свободы американского народа могут быть надежно защищены иным способом. Даже Сэмюэл Адамс признавал это. В войне, которая была начата в защиту этих свобод, события в Саратогe заставили британское правительство пообещать уступить их раз и навсегда. Так почему бы не проявить великодушие в час триумфа? Почему бы не считать победу в Саратогe окончательной, вместо того, чтобы

подвергать ресурсы страны ужасному напряжению в сомнительной попытке добиться результата, который всего три года назад даже сам Вашингтон считал нежелательным? Разве не было неразумным и непатриотичным отвергать предложения наших сородичей и связывать свою судьбу с той католической и деспотической державой, которая всегда была нашим злейшим врагом?

СТАРАЯ ЛОНДОНСКАЯ КОФЕЙНЯ, ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Склонность Арнольда к торизму. Таковы были аргументы, которые Арнольд, должно быть, слышал снова и снова в течение лета и осени 1778 года. Насколько он был предрасположен к таким взглядам, сказать невозможно. Он всегда заявлял, что испытывает отвращение к французскому союзу,^[32] и в этом нет ничего невероятного. Но то, что в данных обстоятельствах он постепенно склонился к торизму, было для человека его темперамента почти неизбежным. Он был горячим, импульсивным и легко поддающимся впечатлениям человеком, при этом ему не хватало широты ума и строгих моральных убеждений; его мнения по общественным вопросам в значительной степени определялись его личными чувствами. Неудивительно, что такой человек, устраивая великолепные приемы, приглашал на них тори-друзей дамы, чьей благосклонности он добивался. Его поведение вызвало гнев вигов. Генерал Рид с возмущением писал генералу Грину, что Арнольд устроил вечеринку, на которой присутствовали «не только обычные тори-дамы, но и жены и дочери лиц, объявленных государством вне закона и находящихся сейчас с врагом в Нью-Йорке», в значительном количестве. Когда его упрекали в этом, Арнольд обычно отвечал, что истинный солдат должен сражаться со своими врагами на открытом поле, а не преследовать и изгонять их жен и дочерей в частной жизни. Но такое объяснение, естественно, никого не удовлетворяло. Его ссоры с Исполнительным советом, обострившиеся из-за таких инцидентов, становились все более жестокими, пока в декабре его самый активный враг, Джозеф Рид, не стал президентом Совета, и он внезапно решил уйти в отставку и покинуть армию. Он решает покинуть армию. Он хочет уйти из бурной политической жизни, получить землю на западе штата Нью-Йорк, поселиться там со своими старыми солдатами, у которых он всегда был любимцем, и вести отныне простую аркадскую жизнь. В таком настроении он написал Шуйлеру письмо, слова которого сегодня кажутся странными и печальными, что

его амбиция заключалась не столько в том, чтобы «прославиться в истории», сколько в том, чтобы быть «хорошим гражданином»; и около 1 января 1779 года он отправился в Олбани, чтобы проконсультироваться с законодательным собранием Нью-Йорка по поводу желаемой земли.

John Jay —

План Арнольда был одобрен Джоном Джеем, который в то время был президентом Континентального Конгресса, а также несколькими другими влиятельными людьми, и, по всей вероятности, он бы увенчался успехом; но когда он остановился на день в Морристауне, чтобы навестить Вашингтона, его настигло письмо с информацией о том, что, как только он отвернулся от Филадельфии, он был публично атакован президентом Ридом и Советом. В январе 1779 года против него были выдвинуты официальные обвинения: 1) в том, что он неправомерно выдал пропуск на вход в порт для корабля; 2) в том, что он однажды использовал государственные повозки для перевозки частного имущества; 3) в том, что он узурпировал привилегию Совета, разрешив людям проникнуть в тыл врага; 4) в том, что он незаконно выкупил судебный иск по поводу призового судна; 5) за «возложение подневольных обязанностей на сыновей свободных людей», служивших в ополчении; и 6) за совершение покупок в личных интересах в то время, когда по его собственному приказу все магазины были закрыты. Эти обвинения были обнародованы самым необычным образом. Они не только были представлены Конгрессу, но и их копии были отправлены губернаторам всех штатов в сопроводительном письме президента Рида с просьбой довести их до сведения своих законодательных органов. Арнольд, естественно, был взбешен такой

тщательно подготовленной попыткой настроить общественность против него, но в первую очередь его беспокоило возможное влияние этого на мисс Шиппен. Он немедленно вернулся в Филадельфию и потребовал проведения расследования. В марте он был оправдан комитетом Конгресса (1). Он получил разрешение Вашингтона на отставку с должности, но отложил ее до окончания расследования. Обвинения были расследованы комитетом Конгресса, и примерно в середине марта этот комитет представил отчет, в котором говорилось, что все обвинения были безосновательными, за исключением двух, которые касались использования повозок и неправомерного предоставления пропуска; и поскольку в этих случаях не было доказательств злого умысла, комитет рекомендовал вынести безоговорочный вердикт об оправдании. Арнольд, считая себя оправданным, сложил с себя полномочия. Однако Рид заявил Конгрессу, что появятся новые свидетельства, и настоял на пересмотре дела. Соответственно, вместо того, чтобы действовать в соответствии с отчетом своего комитета, Конгресс вновь передал дело совместному комитету Конгресса и Ассамблеи и Совета Пенсильвании. Дело передано в военный трибунал. 3 апреля 1779 г. Этот совместный комитет уклонился от решения вопроса, порекомендовав передать дело в военный трибунал, и эта рекомендация была принята Конгрессом 3 апреля. Гнев Арнольда был теперь на пределе, но у него не было повода жаловаться на мисс Шиппен, поскольку их брак состоялся менее чем через неделю после этого решения Конгресса. Вашингтон, который сочувствовал нетерпению Арнольда, назначил военный трибунал на 1 мая, но Совет Пенсильвании попросил больше времени для сбора доказательств. И таким образом, так или иначе, лето и осень были потрачены впустую, так что суд начался только 19 декабря. Все это время Арнольд продолжал требовать скорейшего суда, а Вашингтон делал все возможное, чтобы успокоить его, уделяя при этом должное внимание заявлениям Совета.

Первая переписка с Клинтоном В разгаре этой ожесточенной полемики проект Аркадии, похоже, был забыт. До этого момента гнев Арнольда был направлен главным образом на власти Пенсильвании, но когда Конгресс отказался действовать в соответствии с отчетом своего комитета, оправдывающим его от обвинений, он возмутился против всей партии, которая, по его словам, так плохо отплатила ему за его услуги. Предполагается, что примерно в то же время, в апреле 1779 года, он написал письмо сэру Генри Клинтону, подписав его под вымышленным именем «Густав» и представившись высокопоставленным американским офицером, который, разочаровавшись в союзе с Францией и *других недавних действиях Конгресса*, мог бы, возможно, перейти на сторону британцев, при условии, что ему будет компенсирована любая убыток, который он может понести в результате этого. Начало этой переписки — если это действительно было в то время — странным образом совпало с датой бракосочетания Арнольда, но в высшей степени вероятно, что до самой катастрофы миссис Арнольд ничего не знала о том, что происходило.^[33] Переписка велась с перерывами, ответы сэра Генри писал майор Джон Андре, его адъютант-генерал, под подписью «Джон Андерсон». По-видимому, сначала никто не думал ни о чем, кроме личной измены Арнольда в пользу врага; предательство крепости было более поздним развитием этого позорного деяния. На данный момент мы также можем предположить, что Арнольд просто играл с огнем, ожидая результатов военного трибунала.

John Andre

Военный трибунал оправдал Арнольда по всем серьезным обвинениям, но поручил Вашингтону вынести ему выговор за два очень незначительных нарушения. 26 января 1780

года Лето было не самым счастливым. Его долги продолжали расти, а его счета с Конгрессом оставались неурегулированными, и он не мог взыскать большие суммы, которые ему причитались. Наконец, военный трибунал собрался и заседал в течение пяти недель. 26 января 1780 года был вынесен вердикт, который по сути полностью совпадал с вердиктом комитета Конгресса, вынесенным десятью месяцами ранее. Арнольд был полностью оправдан по всем обвинениям, связанным с предполагаемыми бесчестными сделками. Пропуск, который он выдал, был неправомерным, а государственные повозки, которые простаивали без дела, однажды были использованы для перевозки частного имущества, которое находилось под угрозой со стороны врага. Суд оправдал Арнольда от всех умышленных правонарушений, даже в этих незначительных делах, которые он охарактеризовал как «неосторожные», но, в качестве своего рода неубедительной уступки Совету Пенсильвании, постановил, что он должен получить публичный выговор от главнокомандующего за свою неосторожность в использовании повозок и за поспешное выдачу пропуска, в котором не были соблюдены все надлежащие формы. Решение военного трибунала было незамедлительно подтверждено Конгрессом, и Вашингтону не оставалось ничего другого, как вынести выговор, который он сформулировал как можно более деликатно и любезно.^[34]

Арнольд жаждет мести Конгрессу Однако было уже слишком поздно. Ущерб был нанесен. Арнольд давно чувствовал себя преследуемым и оскорбленным. Он уже поддался искушению, и яд теперь действовал в его жилах. Его чувство общественного долга было полностью искажено более острым чувством личной обиды. Можно представить, как он размышлял над некоторыми памятными эпизодами из карьеры Монка, великого Монтроза и еще более великого Мальборо, пока не убедил себя, что переход на другую сторону в

гражданской войне — в конце концов, не такое уж страшное преступление. Особенно пример Монка, который уже привел Чарльза Ли к позору, кажется, приковал внимание Арнольда, хотя только самое поверхностное исследование могло обнаружить какое-либо сходство между тем, что сделал великий английский генерал, и тем, что намеревался сделать Арнольд. В его время не было более честного солдата, чем Джордж Монк. Мысли Арнольда, возможно, были примерно такими. Он не хотел стать обычным дезертиром, мелким злодеем. Он не хотел дешево продаться дьяволу, но хотел сыграть в своей новой карьере такую же заметную роль, как и в прежней. Он хотела подавить этот некомпетентный Конгресс и торжественно вернуть страну к прежней верности. Однако для этого потребовалось бы совершить самое черное предательство. Представьте себе Джорджа Монка, «честного старого Джорджа», просящего о командовании крепостью, чтобы предать ее врагу!

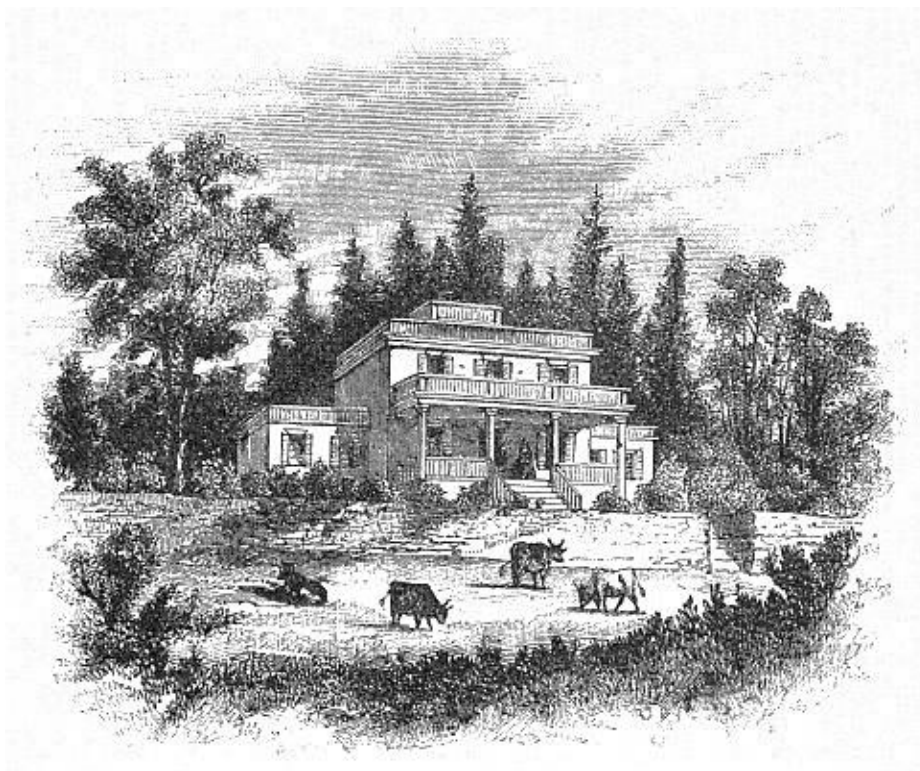
ДОМ БЕНЕДИКТА АРНОЛЬДА В ФИЛАДЕЛЬФИИ

Как только Арнольд вступил на этот злой путь, его история стала отвратительной, не лишенной ни одного элемента ужаса, будь то ее гнусное начало или жалкое окончание. Чтобы должным образом сыграть свою новую роль, он должен был получить важное командование, и местом, которое очевидно предлагало себя, был Вест-Пойнт.

Значение Вест-Пойнта После поражения Бергойна Вашингтон построил там цепь крепких фортов, поскольку не хотел, чтобы владение рекой Гудзон когда-либо снова было поставлено под сомнение, насколько это было возможно с помощью укреплений. Если бы эту ключевую позицию удалось передать Клинтону, то эта награда стоила бы в десять раз больше, чем недавние победы в Чарльстоне и Камдене. Это дало бы британцам то, чего тщетно пытался добиться Бергойн, и теперь герой Саратоги замыслил разрушить свое собственное доброе дело под диктатом извращенной амбиции и нечестивой мести.

Арнольд поставлен во главе Вест-Пойнта, июль 1780 г. Чтобы завладеть этой крепостью, ему нужно было воспользоваться доверием, которым его всегда окружал великий полководец. В письме из Вашингтона (, июль 1780 г.) Арнольд просил поставить его во главе Вест-Пойнта, ссылаясь на то, что из-за ранения в ногу он по-прежнему не может служить в полевых условиях; и Вашингтон немедленно поручил ему этот важнейший пост, тем самым дав ему самое веское доказательство своего неизменного доверия и уважения, которое он мог дать; и среди всех мрачных оттенков измены Арнольда, пожалуй, ни один не кажется мрачнее, чем эта личная измена по отношению к человеку, который всегда доверял ему и защищал

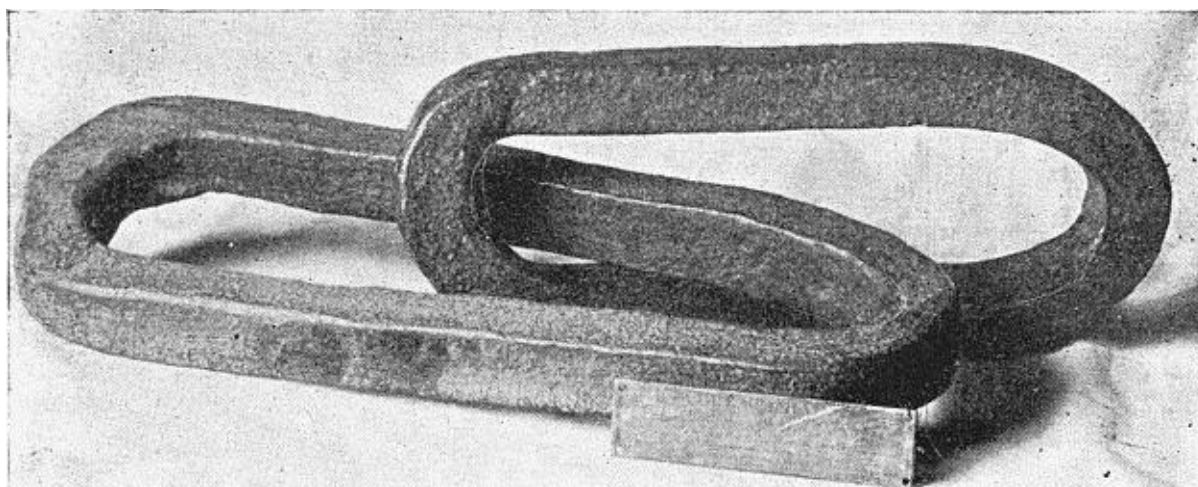
его. Какими должны были быть чувства предателя, когда он читал теплые письма, которые Шуйлер писал ему в это самое время? В лучшие дни он проявлял большую щедрость характера. Может ли это быть тот же человек, который на поле битвы при Саратого спас жизнь бедному солдату, который в честном бою () выстрелил в него и сломал ему ногу? Таковы странные контрасты, которые мы иногда видим в характерах, управляемых импульсами, а не принципами. Их добродетель может быть вполне реальной, пока она длится, но она не выдерживает бури; и когда она однажды разрушена, та же самая эмоциональная натура, которая была ее единственной опорой, часто подталкивает к невероятно злым поступкам.

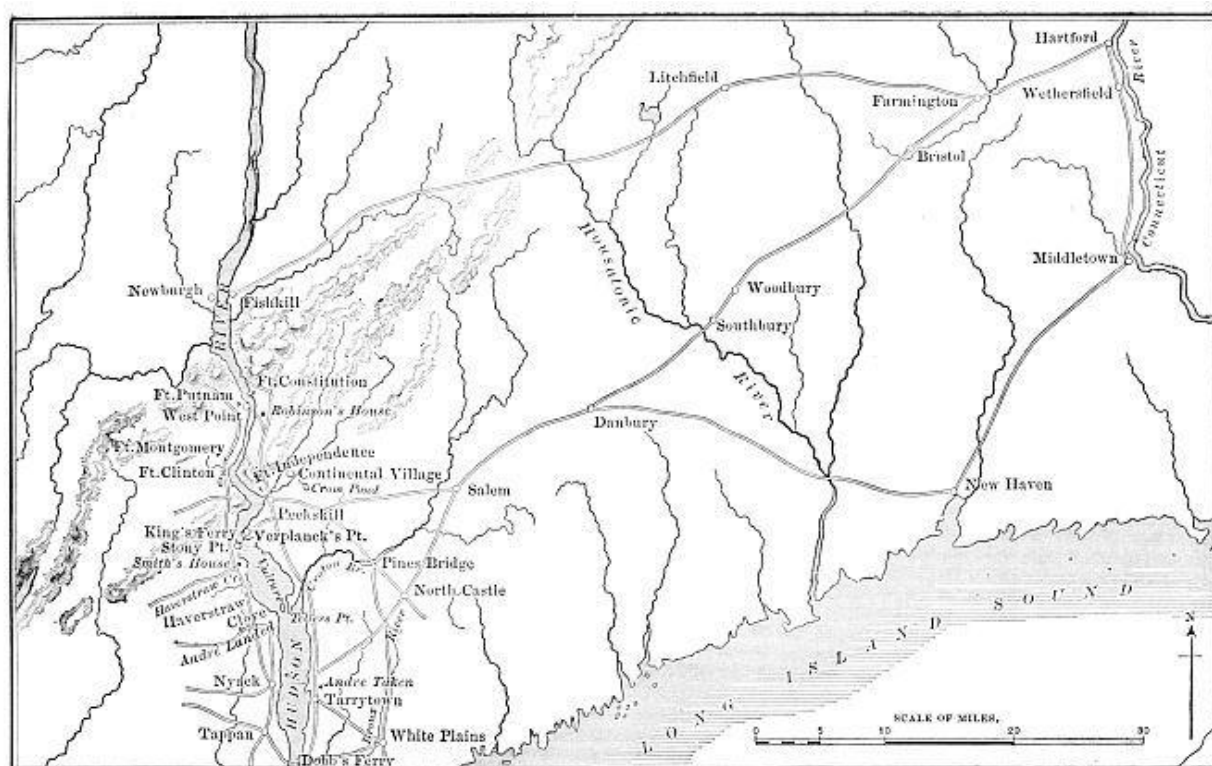
ДОМ ДЖОШУА СМИТА НА ТРЕСН-ХИЛЛ

После того как он принял командование Вест-Пойнтом, переписка с Андре, тщательно сформулированная так, чтобы она казалась относящейся к какому-то коммерческому предприятию, продолжалась в быстром темпе; и были сделаны намеки, которые убедили сэра Генри Клинтона в том, что автором был Арнольд, а его целью было предательство горной крепости. Соответственно, войска были погружены на Гудзон, и флотилия была передана под командование адмирала Родни, который заглянул в Нью-Йорк по пути в Вест-Индию. Чтобы скрыть цель погрузки, были усердно распушены слухи о том, что войска отправляются на юг, в Чесапик. Секретная встреча Арнольда и Андре, 22 сентября. Для согласования некоторых важных деталей дела казалось желательным, чтобы два корреспондента, «Густав» и «Джон Андерсон», встретились и обсудили вопросы, которые нельзя было безопасно изложить на бумаге. 18 сентября Вашингтон, в сопровождении Лафайета и Гамильтона отправился в Хартфорд на встречу с Рошамбо, и его отсутствие было использовано для организации встречи заговорщиков. 20-го числа Андре был доставлен вверх по реке на военном шлюпе «Vulture», а в ночь на 21-е Арнольд отправил лодку, которая высадила его на берег примерно в четырех милях ниже Стони-Пойнта. Там, в густой еловой роще, под покровом черной полуночи, план был доведен до совершенства; но когда наступил серый рассвет, а все детали еще не были согласованы, лодочники забеспокоились и отказались отвезти Андре обратно на корабль, и его, вопреки его воле, убедили

сопровождать Арнольда в американский лагерь. Два заговорщика прошли по берегу пару миль до дома некоего Джошуа Смита, человека сомнительной лояльности, который, по-видимому, не понимал сути и масштабов заговора и не знал, кто был гостем Арнольда (). Предполагалось, что они проведут день, обсуждая предприятие, а когда стемнеет, Андре сможет вернуться на «Вультур».

СВЯЗИ ВЕСТ-ПОЙНТСКОЙ ЦЕПИ

МЕСТО ПРЕДАТЕЛЬСТВА АРНОЛЬДА, 1780 Г.

Заговор с целью сдачи Вест-Пойнта Но тут произошел совершенно непредвиденный случай. Полковник Ливингстон, командующий укреплениями на противоположном берегу реки, был возмущен видом британского корабля, стоявшего так близко, и открыл такой огонь по «Вультуру», что тот был вынужден удалиться с места событий. Когда заговорщики ждали в доме Смита, пока им подадут завтрак, они услышали гул пушек, и Андре, бросившись к окну, с ужасом увидел, как корабль, от присутствия которого так много зависело, исчезает из виду

вниз по течению. Однако, поразмыслив, стало ясно, что он не уйдет далеко, так как его командир имел приказ не возвращаться в Нью-Йорк без Андре, и все еще считалось, что он может вернуться. После завтрака он пошел в верхнюю комнату с Арнольдом, и несколько часов они провели, дорабатывая свои планы. Сразу же после возвращения Андре в Нью-Йорк войска под командованием Клинтона и Родни должны были подняться вверх по реке. Чтобы помешать приближению вражеской флотилии, через реку была протянута массивная цепь, охраняемая водными батареями. Под предлогом ремонта одно звено должно было быть на несколько дней удалено и заменено веревкой, которую легкий удар мог бы разорвать. Приближение британцев должно было быть объявлено с помощью согласованной системы сигналов, а американские войска должны были быть распределены таким образом, чтобы их можно было окружить и захватить по частям, пока в подходящий момент Арнольд, воспользовавшись кажущимся поражением, не сдаст укрепления со всеми войсками — 3000 человек — под его командованием. Было не без оснований предполагать, что такая катастрофа, последовавшая за Чарльстоном, Камденом и общим банкротством, положит конец войне и приведет к переговорам, в которых Арнольд, учитывая столь решающую услугу, мог надеяться сыграть ведущую роль.

Андре берет компрометирующие документы Когда Андре отправился в это опасное предприятие, сэр Генри Клинтон специально предупредил его, чтобы он не надевал никаких масок и не брал с собой никаких документов, которые могли бы поставить под угрозу его безопасность. Но Андре проигнорировал этот совет и взял у Арнольда шесть документов, все, кроме одного, написанных рукой самого предателя, содержащих описания крепостей и информацию о расположении войск. Многие риски можно было бы избежать, зашифровав эту информацию или записав ее в меморандуме, который был бы бессмысленным для всех, кроме заинтересованных сторон. Но Андре, возможно, сомневался в верности Арнольда и боялся, что под ложным предлогом измены он может заманить британцев в ловушку. Документы, которые он взял, написанные рукой Арнольда и недвусмысленные по своему содержанию, ставили его в зависимость от Клинтона и заставляли его, ради собственной безопасности, выполнить свою часть договора. Андре намеревался, прежде чем сесть в лодку, связать эти бумаги в пачку, утяжелить ее камнем и бросить в воду в случае внезапной проверки, но пока он положил их туда, где их было не так легко избавиться, — между чулками и подошвами ног. Арнольд предоставил Смит и Андре необходимые пропуска, чтобы они могли отправиться на лодке или по суше, и, таким образом, по-видимому, предусмотрев все непредвиденные обстоятельства, ушел до полудня и вернулся на своей барже « » в свой штаб, расположенный в десяти милях вверх по течению. Ближе к вечеру Смит, который, по-видимому, был человеком с неустойчивыми нервами, отказался отвезти Андре на «Vulture» и с неохотой согласился вернуться в Нью-Йорк по суше 22 сентября. Он был встревожен утренней стрельбой и опасался, что попытка добраться до корабля будет сопряжена с большим риском, чем путешествие по суше к британским линиям, и пообещал ехать всю ночь с Андре, если тот согласится пойти этим путем. Молодой офицер с неохотой согласился и частично замаскировался, надев одежду Смита. На закате солнца они переправились через реку в Кингс-Ферри и продолжили путь верхом на лошадях в направлении Уайт-Плейнс.

Head Quarters Robinsons
Harris Sep: 22nd. 1780

Permit Mr. John Anderson to pass the
ground to the white Plains, or below
if the Cherokees. He being on Father
Business by my Direction

B. Arnold M Genl

ФАКСИМИЛЕ ПРОПУСКА АРНОЛЬДА ДЛЯ АНДРЕ

Дороги, кишящие разбойниками Дороги к востоку от Гудзона, между британскими и американскими линиями, в то время кишели разбойниками, которые совершали свои грабежи под предлогом ведения партизанской войны. Было две группы этих негодяев: «ковбои», или скотоворы, и «скиннеры» (), которые забирали все, что могли найти. Однако эти прозвища относились скорее к политической ориентации, которую они предпочитали принимать, чем к каким-либо различиям в их злодеяниях. Скиннеры заявляли, что они виги, а ковбои называли себя тори, но на самом деле обе партии были политическими врагами любого фермера или путника, чье незащищенное положение давало надежду на добычу, и хотя убийства совершались нечасто, ничья собственность не была в безопасности. Это был яркий пример деморализации, произошедшей в высокоцивилизованной части страны из-за того, что она так долго оставалась фактическим центром войны. Слухи о том, что ковбои вышли в полном составе, заставили Смита побояться продолжать путь ночью, и нетерпеливый Андре был вынужден остановиться в фермерском доме со своим робким спутником. Встав до рассвета, они продолжали путь, пока не достигли реки Кротон, которая обозначала верхнюю границу нейтральной территории между британскими и американскими линиями. Смит получил инструкции, что в случае выбора сухопутного маршрута он не должен покидать своего подопечного до достижения Уайт-Плейнс, но теперь он не хотел возвращаться, а Андре, который начинал считать себя вне опасности, возможно, не был против расстаться с товарищем, который раздражал его своим болтливym и любознательным характером. Так что Смит вернулся в штаб и сообщил Арнольду, что сопроводил «мистера Андерсона» до нескольких миль от британских линий, куда тот, без сомнения, к этому времени уже благополучно добрался.

John Paulding

Estimate of the Forces at W^h Point and its dependences
Sepr 13th 1780

A Brigade of Massachusetts Militia & two Regiments of ^{Rank & file} New Hampshire Indian in of 166 Battalions Men at
Vespers & Henry Partridge } 992

On Command & better Service at Fish Kill New
Windward or who may be called in occasionally } 352

3 Regiments of Connecticut Militia under the Com^d
John Wells on the lines near N^o Castle . . . } 488

a Detachment of New York Lines on the lines 115
Militia 2447

Colonel Lamb's Regiment 187

Colonel Livingston at Vespers & Henry ^{Rank & file} 600 Continents 247

Colonel Shidons Dragoons on the
lines about one half Mounted } 142

Battalions Men and Artificers 250
Total 3,086

ФАКСИМИЛЕ ОДНОГО ИЗ ДОКУМЕНТОВ, НАЙДЕННЫХ В ЧУЛКАХ АНДРЕ

Арест Андре, 23 сентября Тем временем Андре, оставшись один, вышел на дорогу, ведущую через Тарритаун, не ожидая встретить врагов хуже ковбоев, которые либо уважали бы британского офицера, либо, если бы были настроены на грабеж, могли бы удовлетвориться его деньгами и часами. Но в то утро группа из семи молодых людей вышла, чтобы перехватить ковбоев, которых ожидали на дороге; и около девяти часов, когда Андре приближался к ручью выше Тарритауна, недалеко от знаменитой Сонной лощины, он внезапно столкнулся с тремя членами этой группы, которые выскочили из кустов и, нацелив на него мушкеты, приказали ему остановиться. Эти люди пропустили без вопросов нескольких человек, чьи лица им были знакомы, и если бы Смит, которого знали почти все в этом районе, был с Андре, их тоже, несомненно, пропустили бы. Андре остановили, потому что он был чужаком. Один из этих людей был одет в мундир гессенского солдата. Считая, что они, должно быть, ковбои или члены так называемой «нижней партии», Андре выразил надежду, что это действительно так; и, получив подтверждение, он перестал быть осторожным и, испытав внезапное облегчение, которое обычно наступает после необычного и длительного напряжения, признался, что он британский офицер, путешествующий по очень важному делу. К его ужасу, он теперь понял свою ошибку. Джон Полдинг, человек в гессенском пальто, сообщил ему, что они американцы, и « » приказал ему спешиться. Когда он показал им пропуск Арнольда, они проигнорировали его и настояли на обыске, в результате чего были обнаружены шесть бумаг, которые он спрятал. «Боже мой, он шпион!» — воскликнул Полдинг, просматривая бумаги. Угрозы и обещания не помогли. Молодые люди, которых нельзя было подкупить или уговорить, отвели своего пленника на двенадцать миль вверх по реке и передали его в руки полковника Джона Джеймсона, офицера из Вирджинии, который командовал кавалерийским аванпостом в Норт-Кастле. Когда Джеймсон просмотрел бумаги, они показались ему весьма необычными документами, которые везли в Нью-Йорк в чулках незнакомца, неспособный дать удовлетворительного объяснения своему поведению. Полковник Джеймсон был в замешательстве, но, не подозревая Арнольда в каком-либо соучастии в этом деле, он не мог придумать ничего лучшего, чем отправить пленника прямо к самому Арнольду вместе с кратким письмом, в котором он рассказал о том, что произошло. Честному Джеймсону казалось, что это должна быть какая-то гнусная уловка врага, какой-то прием, чтобы вызвать подозрения в лагере, — в любом случае, что-то, о чем нужно как можно скорее сообщить своему генералу. Но сами документы он благоразумно отправил экспресс-курьером в Вашингтон, сопроводив их аналогичным письмом с объяснениями. Андре, под охраной военного караула, уже прошел некоторое расстояние в сторону Вест-Пойнта, когда заместитель Джеймсона, майор Бенджамин Талмадж, вернулся с какого-то поручения, которым он был занят. Узнав о случившемся, Талмадж заподозрил, что с Арнольдом не все в порядке, и настоял на том, чтобы Андре и письмо были отозваны. После спешного обсуждения Джеймсон отправил отряд, который привез Андре обратно; но он все еще считал своим долгом проинформировать Арнольда, и поэтому письмо, спасшее жизнь предателю, было отправлено по назначению.

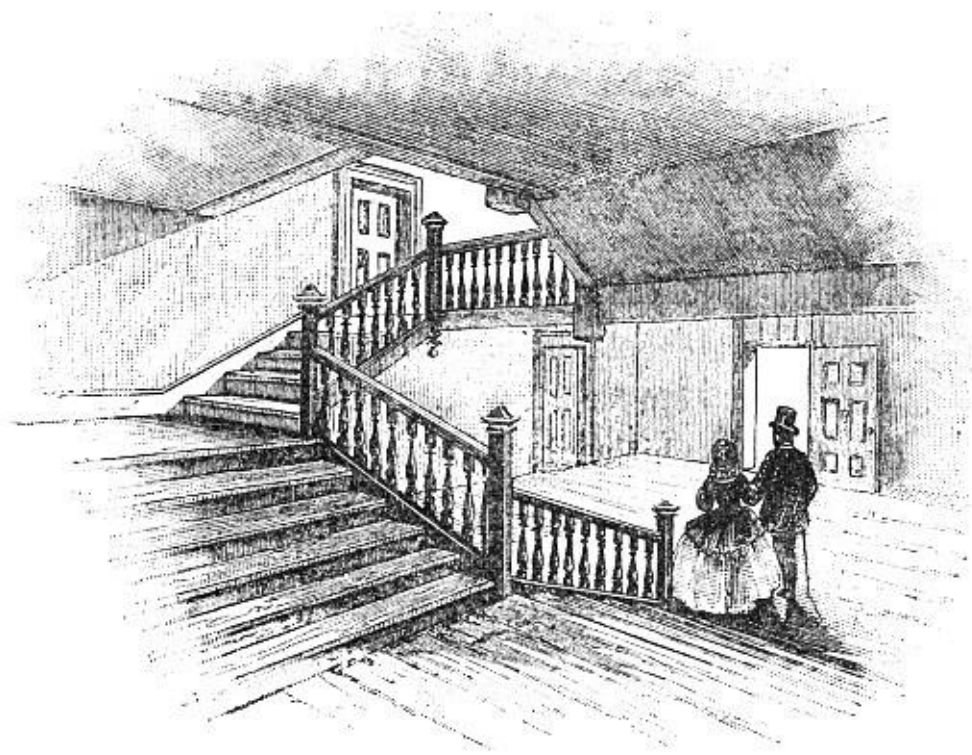

Lakeville Superior

ДОМ БЕВЕРЛИ РОБИНСОН

Вашингтон возвращается из Хартфорда раньше, чем ожидалось Если бы Вашингтон вернулся из Хартфорда по маршруту, который он должен был пройти, через Данбери и Пикскилл, Арнольд не был бы спасен даже в этом случае. По какой-то причине Вашингтон вернулся на два-три дня раньше, чем ожидалось, и, кроме того, выбрал более северный маршрут через Фармингтон и Литчфилд, так что гонец не смог встретиться с ним. Два письма Джеймсона были отправлены вечером в субботу, 23-го числа. В воскресенье днем Вашингтон прибыл в Фишкилл, в 18 милях выше Вест-Пойнта, и как раз собирался отправиться вниз по речной дороге, когда встретил французского министра Люцерна, который направлялся на консультацию с Рошамбо. Желая поговорить с этим джентльменом, Вашингтон повернул назад к ближайшей гостинице, где они сели ужинать и беседовали, совершенно не подозревая, что перед ними был тот самый Джошуа Смит, с которым Андре расстался на реке Кротон утром предыдущего дня. Арнольду было отправлено сообщение, что главнокомандующий и его свита будут завтракать на следующее утро, и до рассвета понедельника они мчались по лесной дороге. Когда они приблизились к конфискованному загородному дому лоялиста Беверли Робинсона, где Арнольд имел свой штаб, напротив Вест-Пойнта, Вашингтон повернул свою лошадь к реке, на что Лафайет напомнил ему, что они уже опаздывают и не должны заставлять миссис Арнольд ждать. «Ах, маркиз, — сказал Вашингтон, смеясь, — я знаю, что вы, молодые люди, все влюблены в миссис Арнольд: идите завтракать и скажите ей, чтобы она не ждала меня». Лафайет не принял это предложение. Он сопровождал Вашингтона и Нокса, пока они ехали осматривать несколько редутов. Гамильтон и остальные члены группы продолжили путь к дому и сели завтракать в его уютной столовой с деревянными панелями вместе с Арнольдом, его женой и несколькими его офицерами.

ЛЕСТНИЦА В ДОМЕ РОБИНСОНА

Бегство Арнольда, 25 сентября Когда они сидели за столом, вошел курьер и вручил Арнольду письмо, в котором полковник Джеймсон сообщал ему, что некий Джон Андерсон был задержан с компрометирующими документами, которые были переданы главнокомандующему. Проявив удивительное присутствие духа, Арнольд сложил письмо и положил его в карман, закончил фразу, которую произносил, когда вошел курьер, а затем, поднявшись, сказал, что его внезапно вызвали на другую сторону реки, в Вест-Пойнт, но что он немедленно вернется, чтобы встретиться с Вашингтоном, и приказал подготовить свою баржу. Ни один из офицеров не заметил ничего необычного в его поведении, но зоркий глаз его жены уловил неладное, и, когда он вышел из комнаты, она извинилась и поспешила за ним. Поднявшись в их спальню, он сказал ей, что он разоренный человек и должен бежать, чтобы спасти свою жизнь; и когда она закричала и упала в обморок в его объятиях, он уложил ее на кровать, позвал горничную, чтобы она позаботилась о ней, наклонился, чтобы поцеловать своего маленького сына, который спал в колыбели, бросился во двор, вскочил на стоящую там лошадь и помчался по боковой дорожке к своей барже. Его быстрый ум сразу же подсказал ему, что «Гриф» все еще будет ждать Андре в нескольких милях вниз по течению, и он велел гребцам немедленно вести его туда, так как ему нужно было скоро вернуться, чтобы встретиться с Вашингтоном. Быстрая гребля на протяжении восемнадцати миль привела их к «Стервятнику», командир которого все еще гадал, почему Андре не вернулся. Из каюты «Стервятника» Арнольд отправил письмо Вашингтону, заверив его в невинности миссис Арнольд и умоляя разрешить ей вернуться к своей семье в Филадельфию или приехать к мужу, по ее выбору. Затем злосчастный корабль снялся с якоря и на следующее утро достиг Нью-Йорка.

МИССИС БЕНЕДИКТ АРНОЛЬД И РЕБЕНОК

Раскрытие изменнического заговора Тем временем, около полудня Вашингтон пришел на завтрак и, услышав, что Арнольд переправился через реку в Вест-Пойнт, поспешил туда,

чтобы встретиться с ним, в сопровождении всей своей свиты, кроме Гамильтона. Когда они переправлялись через реку, их не встретили салютом из пушек, и, выйдя на берег, они с удивлением узнали, что Арнольд не был там утром, но пока никто и не подозревал о чем-либо. Когда они вернулись в дом Робинсона, около двух часов дня, они застали Гамильтона, который в сильном волнении ходил взад-вперед перед дверью. Прибыл курьер Джеймсона с письмами для Вашингтона, которые Гамильтон только что открыл и прочитал. Командующий и его помощник вошли в дом и вместе изучили документы, которые в совокупности с бегством предателя слишком ясно рассказывали всю историю. От миссис Арнольд, которая была в истерике, Вашингтон ничего не смог узнать. Он тайно послал Гамильтона и другого помощника в погоню за беглецом; а выйдя навстречу Лафайету и Ноксу, с задыхающимся голосом и слезами, катившимися по щекам, он воскликнул: «Арнольд — предатель и бежал к англичанам! Кому мы теперь можем доверять?» Однако через мгновение он восстановил свое обычное самообладание. Не было времени поддаваться эмоциям. Пока было невозможно сказать, как далеко мог пойти этот заговор. Даже сейчас вражеский флот мог подниматься по реке (как, не будь пойман Андре, он, несомненно, сделал бы в тот день), и атака могла быть начата еще до завтрашнего дня. С тревогой объезжая укрепления, Вашингтон вскоре обнаружил предательские приготовления и к семи часам вечера сделал многое, чтобы исправить их и подготовиться к атаке. Когда он ужинал в комнате, которую Арнольд так поспешно покинул утром, ему передали письмо предателя с «Вультура». «Идите к миссис Арнольд, — тихо сказал он одному из своих офицеров, — и скажите ей, что, хотя мой долг требует, чтобы не было упущено ни одного средства для ареста генерала Арнольда, я с большим удовольствием сообщаю ей, что он сейчас в безопасности на борту британского корабля».

Андре доставлен в Таппан, 28 сентября Но в то время как главный преступник был в безопасности, совсем иначе обстояли дела с агентом, который был задействован в этом опасном деле. В воскресенье из своей комнаты в квартире Джеймсона Андре написал Вашингтону письмо, трогательное в своей откровенной простоте, в котором он объяснял свое положение в британской армии и рассказывал свою историю, не пытаясь ничего утаить. С самого начала не было никаких сомнений относительно характера его дела, но Андре на тот момент не до конца это понимал. В четверг, 28-го числа, его переправили через реку в Таппан, где располагался лагерь основной армии. Его сопровождающий, майор Талмадж, был выпускником Йельского колледжа и однокурсником Натана Хейла, которого генерал Хоу повесил как шпиона четыре года назад. Талмадж начал испытывать теплый интерес к Андре, и когда они ехали на лошадях бок о бок в Таппан, его пленник спросил, как, по его мнению, будет рассмотрено его дело. Талмадж поник, и только после того, как вопрос был повторен дважды, он ответил, мягко намекнув на судьбу своего оплакиваемого однокурсника. «Но вы же не считаете, что его дело и мое дело одинаковы!» — сказал бедный Андре. «Они абсолютно одинаковы, — серьезно ответил Талмадж, — и одинаковой будет и ваша судьба».

Суд над Андре и приговор, 29 сентября На следующий день собралась военная комиссия из четырнадцати генералов под председательством Грина, чтобы вынести приговор несчастному молодому офицеру. «Его невозможно спасти», — сказал добрый Штойбен, один из судей. «Дай Бог, чтобы тот негодяй, который привёл его к смерти, страдал вместо него!» Суд единодушно постановил, что Андре действовал как шпион и заслуживает смертной казни. Вашингтон дал небольшую отсрочку, чтобы можно было учесть мнение сэра Генри Клинтона. Британский командующий, глубоко опечаленный опасностью, грозившей его молодому другу, не мог найти лучших оснований для его защиты, чем то, что он, по-видимому, высадился на берег под флагом перемирия () и что, когда его схватили, он, безусловно, путешествовал под защитой пропуска, который Арнольд, в рамках обычного осуществления своих полномочий, имел право выдать. Но очевидно, что эти гарантии были скомпрометированы предательскими намерениями командира, который их предоставил, и, воспользовавшись ими, Андре, который был посвящен в эти предательские намерения, рисковал своей жизнью так же, как и любой обычный шпион. Сам Андре уже откровенно признал перед судом, «что ему было невозможно предположить, что он высадился на берег под защитой флага», и Вашингтон, как всегда, пошел к корню проблемы в своем письме к Клинтону, где он сказал, что Андре «был занят выполнением мер, совершенно чуждых целям перемирия и таких, которые никогда не были предназначены для санкционирования или одобрения в самой отдаленной степени». Аргумент был убедительным, но неудивительно, что британский генерал не спешил признать его силу. Он просил, чтобы вопрос был передан на рассмотрение беспристрастной комиссии, состоящей из Кныпхаузена от одной армии и Рошамбо от другой; но поскольку не возникло ни одного

вопроса, который военная комиссия не была бы в полной мере компетентна решить, Вашингтон вполне обоснованно отказался разрешить столь необычное разбирательство. Наконец, Клинтон попросил обменять Андре на Кристофера Гадсдена, который был взят в плен при захвате Чарльстона и в то время находился в тюрьме в Сент-Огастине. В то же время письмо Арнольда Вашингтону, с характерным для него отсутствием такта, намекающее на месть в отношении различных пленных из Южной Каролины, было встречено молчаливым презрением.

Сообщение капитана Огдена, 30 сентября В американской армии царил общее мнение, что если самого Арнольда можно будет выдать правосудию, то, возможно, было бы хорошо освободить менее виновную жертву актом исполнительной милости; и Грин выразил это мнение в беседе с генерал-лейтенантом Робертсоном, которого Клинтон послал в воскресенье, 1 октября, чтобы просить о пощаде для Андре. Такое предложение не могло быть сделано в форме официального предложения. Ни при каких обстоятельствах нельзя было ожидать, что Клинтон предаст человека, от преступления которого он пытался извлечь выгоду и который теперь бросился к нему за защитой. Тем не менее, это предложение было сделано в обходной форме. В субботу капитан Огден с эскортом из двадцати пяти человек и перемирным флагом был отправлен в Паулус-Хук с письмами для Клинтона, и он сумел шепнуть там коменданту, что если каким-либо образом Арнольд попадет в руки американцев, Андре будет освобожден. Именно Лафайет уполномочил Огдена высказать это предложение, и, по-видимому, Вашингтон должен был с этим согласиться; но Клинтон, конечно, отказался даже на мгновение рассматривать эту идею.^[35] Переговоры между Грином и Робертсоном ни к чему не привели. Казнь Андре, 2 октября Просьба Андре, в которой он просил расстрелять его, а не вешать, была должным образом рассмотрена и отклонена; и, соответственно, в понедельник, 2 октября, на девятый день после его поимки йоменами в Тарритауне, генерал-адъютант британской армии был приведен к виселице. Его останки были похоронены недалеко от места казни, но в 1821 году их эксгумировали и перенесли в Вестминстерское аббатство.

ФАКСИМИЛЕ ЭСКИЗА АНДРЕ, НАПИСАННОГО ИМ САМИМ

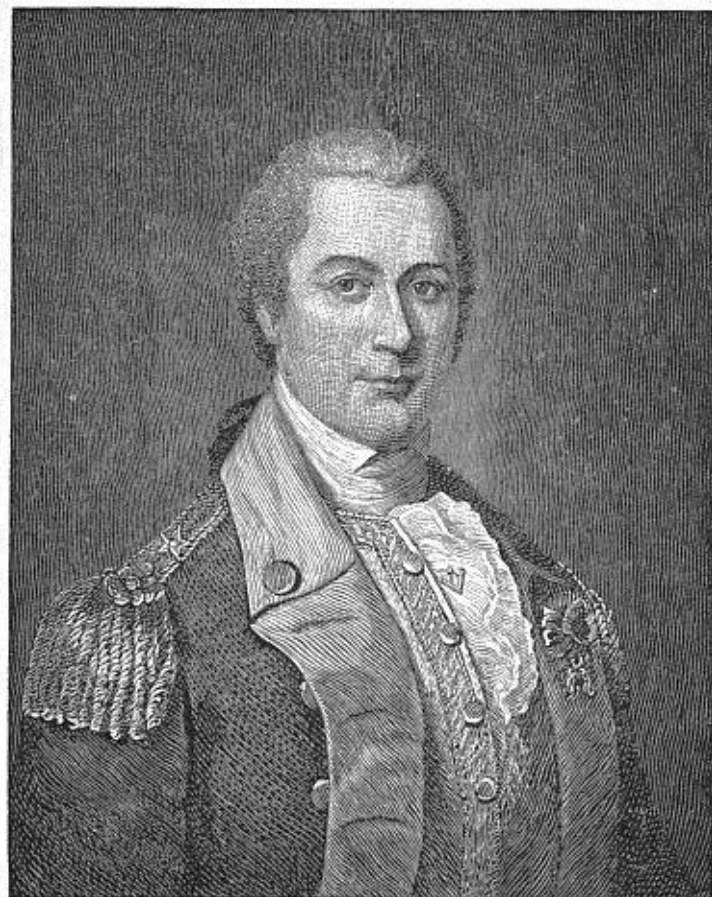
Судьба этого доблестного молодого офицера всегда вызывала искреннее сочувствие, отчасти из-за его высокого положения и привлекательных личных качеств, но главным образом, без сомнения, из-за того, что, в то время как он понес наказание по закону, главный заговорщик остался безнаказанным. Нелегко избавиться от смутного чувства несправедливости в этом случае, но эта несправедливость не была делом рук человека. Если бы не замечательная серия случайностей — если философски правильно называть их так — приведших к поимке Андре, измена, скорее всего, увенчалась бы успехом, и дело американской независимости могло бы на время быть разрушено. Если бы не столь же удивительная череда случайностей, Арнольд не получил бы вовремя предупреждения, чтобы сбежать. Если бы оба были пойманы, оба, вероятно, были бы повешены. Безусловно, оба заслуживали смертной казни. То, что главный преступник остался безнаказанным, не было виной Вашингтона или военной комиссии, и Андре ни в коем случае не был козлом отпущения для Арнольда.

Несознательная наглость лорда Стэнхопа Правильно, что мы сочувствуем судьбе Андре, но прискорбно, что сочувствие затуманивает суждение историка, как в случае с лордом Стэнхопом, который почти единственный среди компетентных писателей оспаривает справедливость приговора Андре. Мне хочется процитировать одно замечание лорда Стэнхопа как забавный пример той «высокомерности», которую Джеймс Рассел Лоуэлл однажды заметил у наших британских кузенов. Он пытается дискредитировать военную комиссию, серьезно предполагая, что американские генералы, конечно же, были невежественными людьми, «которые, вероятно, никогда даже не слышали имен Ваттеля или Пуффендорфа» и, следовательно, «не могли быть подходящими судьями по каким-либо тонким или сомнительным вопросам» военного права. Однако из двенадцати американских генералов, которые участвовали в суде над Андре, по крайней мере семь были людьми с отличным образованием. Двое из них получили ученые степени в Гарварде, а двое — в английских университетах. Грин, президент комиссии, самоучка, который в свободное время читал латинских поэтов при свете костра (), уделял особое внимание военному праву и внимательно прочитал и обильно аннотировал свой экземпляр книги Ваттеля. Мнение этих двенадцати человек совпадало с мнением двух образованных европейцев, Штойбена и Лафайета, которые заседали с ними в комиссии; кроме того, никаких тонких или сложных вопросов не возникало.

Не было никаких причин, по которым Андре следовало бы пощадить Вполне естественно, что друзья Андре постарались максимально использовать тот факт, что на момент поимки он путешествовал по пропуску, выданному командующим Вест-Пойнтом, но просьба к суду принять такой довод не была сложным или сомнительным вопросом; она просто утверждала, что «умышленное злоупотребление привилегией заслуживает такого же уважения, как и ее законное использование». Соответственно, историки по обе стороны Атлантики в целом признали справедливость приговора Андре, хотя иногда его строгое исполнение осуждалось как акт ненужной суровости. Однако если мы на мгновение отвлечемся от несущественного факта, что британский генерал-адъютант был дружелюбным и интересным молодым человеком, и сосредоточимся на существенном факте, что он проник в наши ряды, чтобы помочь вероломному командиру предать свой пост, мы не можем не заметить, что нет ни одного принципа военной политики, согласно которому обычные шпионы подвергаются строгой казни, который не применялся бы с удвоенной силой к делу Андре. Более того, хотя несомненно, что военная мораль допускает, а иногда и одобряет такие предприятия, как то, в котором Андре лишился жизни, я не могу не чувствовать, что привкус предательства, который витает вокруг этого дела, несколько ослабляет симпатию, которую мы в противном случае могли бы свободно проявить; и я

согласен с британским историком г-ном Мэсси, когда он сомневается, «заслуживают ли услуги такого рода честь быть похороненным в Вестминстерском аббатстве».

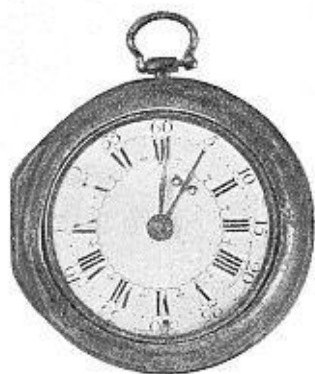
Рассказ капитана Баттерсби Что касается Арнольда, то его падение было столь же ужасным, как падение мятежного архангела Мильтона, и мы вполне можем поверить, что он находился в отчаянном состоянии. Говорили, что, услышав предложение капитана Огдена о единственном возможном способе спасти Андре, Арнольд пошел к Клинтону и предложил сдаться в качестве выкупа за своего соучастника. Эта история была опубликована в лондонской газете «Morning Herald» в феврале 1782 года капитаном Баттерсби из 29-го полка, одного из полков «Сэма Адамса». Баттерсби находился в Нью-Йорке в сентябре 1780 года и был в близких отношениях с членами штаба Клинтона. В отсутствие дополнительных доказательств не следует придавать слишком большого значения такой истории. Однако она не противоречит тому, что мы знаем об импульсивном характере Арнольда. В агонии своего внезапного падения ему, возможно, показалось, что жить больше не за что, и такая романтическая самопожертвовательная смерть могла бы облегчить бремя его позора, как ничто другое. Как и многие люди со слабой моральной позицией, Арнольд был чрезмерно чувствителен к общественному мнению, и его измена, как он ее планировал, хотя и была одинаково неоправданной с моральной точки зрения, была чем-то совсем иным, чем казалась теперь, когда она была сорвана. Не для этого он продал свою душу сатане. Ужасное падение Арнольда Он стремился к такой грандиозной цели, что, достигнув ее, можно было надеяться, что использованные для этого гнусные средства будут забыты, и что в Арнольде, блестящем генерале, вернувшем Америку к прежней верности, потомки увидят аналог того другого генерала, который за возвращение Чарльза Стюарта на престол своего отца был награжден герцогством Альбемарл. Теперь он потерял все и не получил ничего взамен, кроме 6000 фунтов стерлингов и звания бригадира в британской армии.^[36] В конце концов, он продал себя дешево и навлек на себя такую ненависть и презрение, что в течение долгого времени, по справедливому возмездию, даже его прошлые заслуги были забыты. Даже такие слабые существа, как Гейтс, теперь могли с презрением указывать на него пальцем, а Вашингтон, его верный друг, не мог больше говорить о нем без дрожи. От людей, менее сдержанных, чем Вашингтон, раздавались резкие слова. «Что вы думаете о проклятых поступках этого дьявольского пса?» — писал полковник Ото Уильямс с сильной аллитерацией старому другу Арнольда и соратнику по победе в Саратоге, Дэниелу Моргану. «Проклятие его глупости и вероломства», — сказал Грин, — «как унижительно думать, что он из Новой Англии!» Это были люди, которые лучше всех могли оценить жесткое обращение, которое Арнольд получил от Конгресса. Но в ужасной бездне его преступления все такие соображения были мгновенно поглощены и утрачены. Никакое личное зло не могло ни на мгновение оправдать или даже смягчить такой ложный шаг, который он сделал.

C. H. Williams

КОШЕЛЬОК АНДРЕ

ЧАСЫ АРНОЛЬДА

Через три месяца после того, как его измена была раскрыта, Арнольд был отправлен сэром Генри Клинтоном в грабительский поход в Вирджинию, и в ходе одного из своих набегов был взят в плен американский капитан. «Как ты думаешь, какова будет моя судьба, — спросил, по словам свидетелей, Арнольд, — если мои заблудшие соотечественники возьмут меня в плен?» Ответ капитана был быстрым и откровенным: «Они отрежут ногу, которая была ранена в Квебеке и Саратогге, и похоронят ее с воинскими почестями, а остальную часть тебя повесят на виселице». После окончания войны, когда Арнольд в сопровождении своей жены поселился в Англии, говорят, что ему иногда приходилось сталкиваться с подобными проявлениями презрения. Граф Суррей однажды, увидев его в галерее Палаты общин, попросил спикера вывести его, чтобы Палата не была заражена присутствием такого предателя. Эта история не подтверждена достоверными источниками, но известно, что в 1792 году граф Лодердейл () высказался о нем в Палате лордов таким образом, что это привело к бескровной дуэли между Арнольдом и благородным графом. Однако не похоже, что Арнольд был всеобщим предметом презрения в Англии. Под влиянием политических страстей того времени многие были готовы судить его снисходительно, а его щедрый и сердечный характер привлек ему много друзей. Говорят, что такой высоконравственный человек, как лорд Корнуоллис, привязался к нему и всегда относился к нему с уважением.

Семья Арнольда Миссис Арнольд проявила себя преданной женой и матерью;^[37] а ее четверо сыновей за долгие годы службы в британской армии заслужили высокую честь. Второй сын, генерал-лейтенант сэр Джеймс Робертсон Арнольд, отличился в войнах против Наполеона. Лорд Раглан особо отметил мужество и мастерство внука, погибшего в Крымской войне. Другой внук, преподобный Эдвард Арнольд, умерший в 1887 году, был ректором Грейт-Массингхэма в Норфолке. Семья вступила в брак с представителями пэрства и обеспечила себе почетное место среди землевладельческой аристократии Англии. Но позор их предка всегда остро ощущался ими. В 1804 году в Суринаме Джеймс Робертсон Арнольд, тогда лейтенант, просил разрешения возглавить отчаянную безнадежную авангардную группу, чтобы искупить позор, который пал на имя его семьи, и он оправдал себя так, как того был достоин его отец во времена Квебека и Саратогги. Все семейные предания свидетельствуют о том, что последние годы жизни Бенедикта Арнольда в Лондоне были годами горького раскаяния и самобичевания. Великое имя, которое он так доблестно завоевал и так жалко утратил (), не давало ему покоя ни днем, ни ночью. Железное тело, выдержавшее усталость стольких изнурительных сражений и еще более изнурительных походов по дикой местности, наконец сломалось под медленной пыткой утраченной дружбы и заслуженного позора. Его раскаяние и смерть, 14 июня 1801 года. По семейной традиции, в последние печальные дни в Лондоне, в июне 1801 года, мысли Арнольда постоянно возвращались к его старой дружбе с Вашингтоном. Он всегда бережно хранил американскую форму, которую носил в

день своего побега на «Vulture»; и теперь, когда, сломленный духом и уставший от жизни, он чувствовал приближение последних мгновений, он попросил принести эту форму, надел ее и украсил себя эполетами и шнуром для меча, которые Вашингтон подарил ему после победы при Саратоге. «Пусть я умру, — сказал он, — в этой старой форме, в которой я сражался. Да простит меня Бог за то, что я когда-либо надевал другую!»

Когда мы доходим до конца одного из самых печальных эпизодов в истории Америки, наше сочувствие не может не простираться на страдальца, и мы не можем не сравнить эти страстные предсмертные слова с последней циничной насмешкой другого предателя, Чарльза Ли, когда он просил, чтобы его не хоронили в пределах мили от любой церкви, так как он не хотел находиться в плохой компании после смерти. С самого начала и до конца история Ли — не более чем вульгарная мелодрама; но в истории Арнольда присутствует элемент благоговения и сострадания, который, как указал Аристотель, является неотъемлемой частью настоящей трагедии. Нельзя отрицать, что с Арнольдом обращались очень плохо задолго до того, как ему пришла в голову мысль о предательстве. Вполне возможно, что он искренне считал дело американцев безнадежным, что он действительно потерял к нему интерес из-за союза с Францией. Такие соображения могли оправдать его отставку с должности; или даже, если бы он открыто и честно перешел на сторону врага, как бы мы ни сожалели о таком шаге, всегда нашлись бы люди, которые судили бы его с милосердием и признали бы, что он действовал по принципу. Но темный и извилистый путь, который он выбрал, не оставлял альтернативы, кроме безоговорочного осуждения. Если мы испытываем меньше презрения и больше сожаления в случае с Арнольдом, чем в случае с таким слабаком, как Чарльз Ли, наш приговор от этого не становится менее суровым.^[38] Падение Арнольда было гораздо более ужасным, поскольку он упал с большей высоты и в бездну, глубже которой не могло быть. Справедливо вспомнить его заслуги перед делом американской независимости, которые, без сомнения, были больше, чем у любого другого человека в Континентальной армии, за исключением Вашингтона и Грина. Но частью естественного наказания, которое сопутствует такому отступничеству, как его, является то, что, когда мы слышим имя Бенедикта Арнольда, это не то, что приходит нам на ум, но это имя остается и всегда будет оставаться символом неверности доверию.

Грозость поведения Арнольда еще более выделяется, когда мы сравниваем его с поведением простых солдат, чей мятеж стал следующим серьезным препятствием, с которым Вашингтону пришлось столкнуться в этот период войны.

Мятеж войск Пенсильвании, 1 января 1781 г. Осенью 1780 года из-за финансового и административного хаоса, охватившего страну, армия находилась в действительно плачевном состоянии. Солдаты были одеты в лохмотья и почти голодали, а многие из них с начала года не видели ни цента жалованья. С наступлением зимних морозов недовольство усилилось, и наибольшее раздражение было среди солдат Пенсильванской линии, которые расположились лагерем на высотах Морристауна. Многие из этих людей вступили в армию в начале 1778 года, чтобы служить «в течение трех лет или до окончания войны», но в тот светлый и полный надежды период, сразу после победы при Саратоге, никто не предполагал, что война может продлиться еще три года, и альтернатива была включена

только для того, чтобы застраховать их от того, что они будут оставаться на службе в течение полного срока в три года, несмотря на прекращение военных действий. Теперь три года прошли, война не закончилась, и перспективы казались менее обнадеживающими, чем в 1778 году. Солдаты считали, что их контракт выполнен, и просили об увольнении. Но офицеры, не желая терять такие дисциплинированные войска, ветеранов Монмута и Стони-Пойнта, настаивали на том, что контракт предусматривал трехлетнюю службу или более, в случае если война продлится дольше, и отказывали в просьбе об увольнении. В день Нового года 1781 года, после дополнительного пайка грога, 1300 солдат из Пенсильвании вышли из лагеря в отличном порядке под командованием своих сержантов и, захватив шесть полевых орудий, отправились в Филадельфию с заявленным намерением напугать Конгресс и добиться возмещения за свои обиды. Их командир, генерал Уэйн, к которому они испытывали большое уважение и привязанность, не смог их остановить, и после стычки, в которой один человек был убит и дюжина ранена, им были вынуждены позволить продолжить свой путь. Были произведены предупредительные выстрелы, курьеры были отправлены, чтобы предупредить Конгресс и уведомить Вашингтона; а Уэйн в сопровождении двух полковников поспешил вслед за мятежниками, чтобы следить за ними и сдерживать их страсти, насколько это было возможно. Вашингтон не мог прибыть, чтобы лично заняться этим делом, поскольку Гудзон еще не замерз, а флот противника был готов подняться к Вест-Пойнту, как только он покинет свой пост. Конгресс направил из Филадельфии комиссию в сопровождении президента Рида для переговоров с мятежниками, которые остановились в Принстоне и вели себя прилично, не причиняя вреда людям и их имуществу. Они разрешили Уэйну и его полковникам войти в их лагерь, но дали понять, что не будут подчиняться их приказам. Главным командиром выступал старший сержант, и его приказам беспрекословно подчинялись. Когда Лафайет с Сент-Клером и Лоренсом прибыли к ним из штаба Вашингтона, им вежливо, но твердо сказали, чтобы они занимались своими делами. И так продолжалось в течение недели. Президент Рид приехал в Трентон и написал Уэйну письмо с просьбой о встрече за пределами Принстона, так как он не хотел сам приезжать в лагерь и рисковать подвергнуться такому унижению, как то, с которым только что обошлись офицерам Вашингтона. Когда войска собрались на параде, Уэйн зачитал им это письмо. Такой упрек от президента их родного штата задел этих бедняг за живое. Слезы текли по загорелым и изможденным щекам многих из них. Они стояли небольшими группами, разговаривали, размышляли и не очень-то любили дело, за которое взялись.

Jos. Reid

Судьба посланников Клинтона В этот момент обнаружилось, что в лагере находились два посланника сэра Генри Клинтона, которые пытались подкупить старшего сержанта, обещая высокую плату, награды и пенсии, если он перейдет на сторону Паулус-Хука или Статен-Айленда и присоединится к британцам. В ярости и гневе соблазнительей схватили и отвели к Уэйну, чтобы расправиться с ними как со шпионами. «Мы дадим понять генералу Клинтону, — сказали мужчины, — что мы не Бенедикт Арнольд!» Воодушевленный этим инцидентом, президент Рид пришел на следующий день в лагерь и был принят со всем должным уважением. Он сразу же предложил уволить всех, кто был зачислен на три года или на время войны, немедленно снабдить их самой необходимой одеждой и выдать бумажные сертификаты на задолженность по жалованью, которые должны были быть погашены в кратчайшие сроки. Эти условия, которые безоговорочно удовлетворяли все требования повстанцев, были немедленно приняты. Все, кто не был включен в эти условия, получили шестинедельный отпуск, и таким образом вся армия была распущена. Два шпиона были преданы военному суду и незамедлительно повешены.

Подавление дальнейших мятежей Быстрота, с которой были удовлетворены требования этих людей, свидетельствовала о тревоге, которую вызвало их дезертирство; и Вашингтон опасался, что их примеру последуют солдаты других штатов. Действительно, 20 января часть войск Нью-Джерси подняла мятеж в Помптоне и заявила о своем намерении поступить

так же, как и солдаты Пенсильвании. Ситуация становилась серьезной; она угрожала самому существованию армии, и требовалось нанести внезапный удар. Вашингтон отправил из Вест-Пойнта бригаду массачусетских войск, которая быстро маршировала в Помптон, застала мятежников врасплох до рассвета и заставила их сложить оружие без сопротивления. Двое из зачинщиков были казнены без суда и следствия, и таким образом восстание было подавлено.

Таким образом, катастрофический год, начавшийся с отправления Клинтона в Чарльстон, год, который стал свидетелем уничтожения двух американских армий и банкротства Конгресса, наконец подошел к концу на фоне измены и мятежа. Это был самый мрачный год войны, и неудивительно, что многие американцы отчаялись в своей стране. Однако, как мы уже видели, ресурсы Великобритании, подвергшейся нападению объединенных флотов Франции, Испании и Голландии, были почти так же истощены, как и ресурсы Соединенных Штатов. Настал момент, когда решительный военный успех должен был окончательно склонить чашу весов в ту или иную сторону; и на Юге уже произошли события, которые вскоре показали, что все бедствия 1780 года были лишь тьмой, предвещавшей рассвет.

ГЛАВА XV ЙОРКТАУН

При вторжении Корнуоллиса на юг, как и при вторжении Бергойна на север, первый серьезный удар по врагу нанесла милиция. После своей великой победы над Гейтсом Корнуоллис почти месяц оставался в Камдене, давая отдых своим войскам, для которых августовская жара была невыносимой.

Корнуоллис вторгается в Северную Каролину, сентябрь 1780 г. К середине сентября 1780 г. он начал свой поход на Северную Каролину, которую он надеялся легко завоевать. Но прием в этом штате был далеко не гостеприимным. Дойдя до Шарлотты, он оказался в центре знаменитого округа Мекленбург, который сразу же после получения известия о битве при Лексингтоне принял смелые революционные решения. Эти мятежники, по его словам, были самыми упорными из всех, которых он встречал в Америке, и он назвал их страну «осиным гнездом». Группы ополченцев, скрывавшиеся на каждой лесной дороге, перехватывали его отряды, убивали его курьеров и захватывали его депеши. Ему было трудно получить какую-либо информацию, но плохие новости, как известно, распространяются быстро, и вскоре он получил известие о страшной катастрофе.

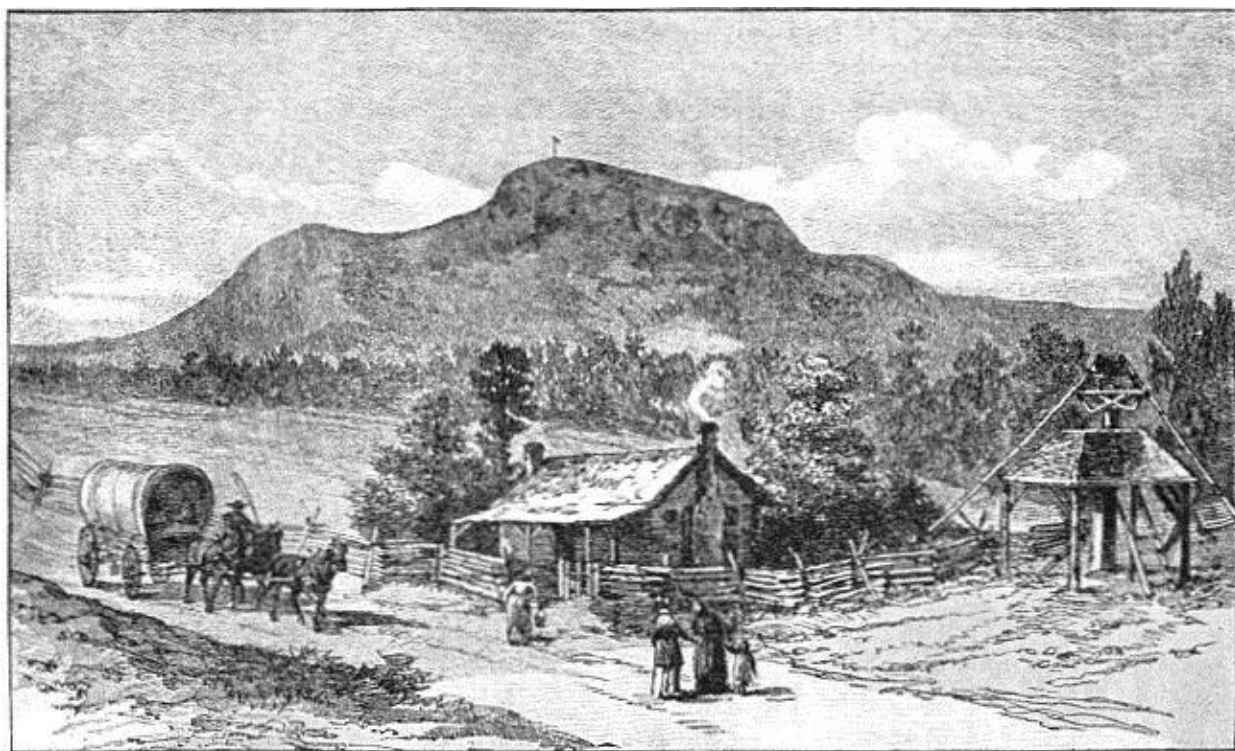
Экспедиция Фергюсона Перед тем как покинуть Южную Каролину, Корнуоллис отделил майора Патрика Фергюсона, которого он считал своим лучшим партизанским офицером после Тарлетона, чтобы тот прочесал высокогорье и набрал как можно больше торипомощников, после чего он должен был присоединиться к основной армии в Шарлотте. Фергюсон взял с собой 200 британских легких пехотинцев и 1000 тори, которых он тренировал до тех пор, пока они не стали отличными солдатами. Не предполагалось, что он встретит серьезное сопротивление со стороны, но в случае любой непредвиденной опасности он должен был отступить со всей возможной скоростью и присоединиться к основной армии. Теперь предприимчивый Фергюсон взялся за то, чтобы заманить в ловушку и захватить небольшой отряд американских партизан; и, преследуя эту добычу, он продвинулся в глушь до Гилберт-Тауна, в самом сердце того, что сейчас является округом Ратерфорд, когда вдруг он осознал, что враги роятся вокруг него со всех сторон. Восстание лесорубов Приближение вражеских сил и слухи о войне с индейцами пробудили отважных лесорубов, живших в этих диких и романтических долинах. Привычные к индейским набегам, эти быстрые и решительные люди всегда были готовы собраться по первому сигналу; и теперь они стекались со всех сторон, через ущелья Аллеганов, живописная и пестрая толпа, в бахромчатых и кисточчатых охотничьих рубашках, с веточками болиголова на шляпах, вооруженные длинными ножами и винтовками, которые редко промахивались. С юга прибыл Джеймс Уильямс из Найнти-Сикс со своими 400 людьми; с севера — Уильям Кэмпбелл из Вирджинии, Бенджамин Кливленд и Чарльз Макдауэлл из Северной Каролины с 560 последователями; с запада — Айзек Шелби и Джон Севир, чьи имена стали так известны в ранней истории Кентукки и Теннесси. К 30 сентября 3000 из этих «грязных метисов», как называл их Фергюсон, — люди, в жилах которых текла кровь шотландских ковенантов, французских гугенотов и английских морских разбойников,^[39] — собрались в такой угрожающей близости, что британский командующий поспешно начал отступление к главной армии в Шарлотте, посылая вперед гонцов, которые были должным образом задержаны и застрелены, прежде чем они смогли добраться до Корнуоллиса и сообщить ему об опасности. Преследование велось энергично, и в ночь на 6 октября, поняв, что бегство без боя невозможно, Фергюсон занял позицию на вершине Кингс-Маунтин, хребта длиной около полумили и высотой 1700 футов над уровнем моря, расположенного прямо на границе между двумя Каролинами. С трех сторон к гребню поднимается возвышенность,

над которой возвышается крутая вершина высотой в сто футов; с северной стороны — непрерывный обрыв. Гора была покрыта высокими соснами, под которыми земля, хотя и мало заросла подлеском, была завалена со всех сторон огромными покрытыми мхом валунами. Устроившись с 1125 верными людьми на этой естественной крепости, когда яркое осеннее солнце взошло утром 7-го числа, Фергюсон восторженно огляделся и воскликнул: «Ну, ребята, вот место, из которого все мятежники за пределами ада не смогут нас выгнать!»

Битва при Кингс-Маунтин, 7 октября 1780 г. Однако он имел дело с людьми, которые были привычны к восхождению на холмы. Около трех часов дня передовой отряд американцев, состоящий из 1000 отборных солдат, прибыл в ущелье под горой, привязал лошадей к деревьям и приготовился штурмовать позицию. Утёс на севере был слишком крут, чтобы враг мог спуститься, и таким образом эффективно отрезал им отступление. Разделившись на три равные группы, американцы одновременно поднялись по трём другим сторонам. Кэмпбелл и Шелби продвинулись вперед до вершины, где Фергюсон открыл по ним огонь. Тогда они разбежались за деревья, отвечая на огонь самым эффективным образом, но сами почти не страдая, и медленно подкрались ближе к вершине. Когда британцы бросились на них с штыками, они отступили, пока ряды британцев не были внезапно потрясены смертоносным фланговым огнем дивизии Севиера и Макдауэлла справа. Яростно повернувшись, чтобы встретить новых нападающих, британцы получили залп в спину от

левой дивизии под командованием Кливленда и Уильямса, в то время как центральная дивизия быстро собралась и атаковала их с того, что теперь было их флангом. Оказавшись в ужасном западне, британцы стреляли беспорядочно и с небольшим эффектом, в то время как деревья и валуны мешали им сформировать плотную шеренгу, необходимую для штыковой атаки. Американцы, с другой стороны, уверенные в своей добыче, неуклонно продвигались к вершине, почти не теряя людей и стреляя с большой обдуманностью и точностью, почти не произнося ни слова. Когда они приблизились к гребню, пуля пронзила сердце храброго Фергюсона, и он упал с белого коня, который в панике помчался вниз по склону горы. Поскольку дальнейшее сопротивление было безнадежным, был поднят белый флаг, и стрельба прекратилась. Из 1125 человек Фергюсона 389 были убиты или ранены, 20 пропали без вести, а остальные 716 сдались в плен, сдавшие вместе с 1500 единицами оружия. Общие потери американцев составили 28 убитых и 60 раненых, но среди убитых был знаменитый командир партизан Джеймс Уильямс, чья гибель могла быть расценена как компенсация за потерю майора Фергюсона.

ВИД НА КИНГС-МАУНТЕН

Последствия удара Эта блестящая победа на Кингс-Маунтин напоминала победу при Беннингтоне своей внезапностью и полнотой, а также тем, что ее одержала милиция. Она также стала предвестником более крупных побед на юге, так же как Беннингтон стал предвестником более крупных побед на севере. Лесорубы, нанешие такой удар, не продолжили его и не окружили фланги Корнуоллиса, как парни из Грин-Маунтин окружили фланги Бергойна. Если бы против Корнуоллиса стояла организованная армия, которая послужила бы для них ядром, возможно, они бы так и поступили. Но в действительности они вскоре рассеялись и вернулись в свои дома, опорочив свой триумф, повесив дюжину пленных в отместку за некоторых из своих товарищей, которые были убиты в Огасте. Тем не менее, они на время отразили угрозу вторжения в Северную Каролину. Сильно встревоженный этим ударом, Корнуоллис немедленно отступил в Уинсборо, чтобы

дождаться подкрепления, поскольку он не мог позволить себе потерю 1100 человек. Сэр Генри Клинтон отправил генерала Лесли с 3000 человек в Вирджинию, и Корнуоллис приказал этим войскам немедленно присоединиться к нему.

Прибытие Дэниела Моргана Теперь у патриотов Южной Каролины появилась надежда, и в октябре и ноябре их активность значительно возросла. Мэрион в северо-восточной части штата и Самтер на северо-западе удвоили свои усилия, и даже Тарлтон не мог справиться с ними обоими. 20 ноября Тарлтон был разгромлен Самтером в ожесточенном сражении при Блэксток-Хилл, и таким образом был смыт позор 18 августа. После отступления Корнуоллиса остатки американской регулярной армии, которые Гейтс постепенно собирал в Хиллсборо, продвинулись вперед и заняли Шарлотт. Всего их было едва ли 1400 человек, и их положение было весьма безнадежным. Но подкрепление с севера было уже близко; и первым прибыл Дэниел Морган, всегда представлявший собой целую армию. Морган, как и Арнольд, был плохо обращался с Конгрессом. Его заслуги в Квебеке и Саратоге уступали только заслугам Арнольда, однако в 1779 году он увидел, как младшие офицеры получают повышение, а его самого обходят, и подал в отставку, уехав в свой дом в Вирджинии. Когда Гейтс принял командование южной армией, Морган был приглашен вернуться на службу, но, поскольку ему не предлагали восстановить его прежнее звание, он отказался. Однако после Камдена, заявив, что сейчас не время придавать значение личным соображениям, он сразу же прибыл и присоединился к Гейтсу в Хиллсборо в сентябре. Наконец, 13 октября Конгресс проявил здравый смысл и присвоил ему звание, на которое он имел право; и, как мы увидим, вскоре у него появился повод поздравить себя с этим актом справедливости.

Грин назначен главнокомандующим на юге Но больше всего армия, которую теперь пытались восстановить, нуждалась в новом главнокомандующем. Было хорошо известно, что Вашингтон с самого начала хотел, чтобы на эту должность был назначен Грин. Конгресс настаивал на назначении своего фаворита и в результате потерял армию. Теперь, хотя и с опозданием, лучшим решением было последовать совету Вашингтона. Нельзя было рисковать повторением Камдена. В каждой кампании с начала войны Грин был правой рукой Вашингтона; по неутомимой трудолюбивости, силе и широте ума, а также бескорыстной преданности государственной службе он почти не уступал главнокомандующему. Однако и он неоднократно подвергался оскорблениям и нападкам со стороны людей, которые любили наносить удары по Вашингтону через его любимых офицеров. С весны 1778 года Грин, занимавший должность генерал-квартирмейстера, подвергался злобным преследованиям со стороны одной из партий в Конгрессе, пока в июле 1780 года его терпение не лопнуло, и он в отвращении подал в отставку. Его враги воспользовались случаем, чтобы добиться его увольнения из армии, и если бы не его острое чувство долга перед обществом и неизменный такт Вашингтона, его услуги могли бы быть утрачены для страны в самый критический момент. 5 октября Конгресс призвал Вашингтона назначить преемника Гейтса, и тот немедленно назначил Грина, который прибыл в Шарлотт и принял командование 2 декабря. Штойбен сопровождал Грина до Вирджинии и был поставлен во главе войск в этом штате, на него была возложена обязанность собирать и отправлять провизию и подкрепление Грину, а также отражать силы, которые сэр Генри Клинтон послал в Чесапик, чтобы отвлечь внимание Корнуоллиса. Первые войска такого рода под командованием генерала Лесли были вынуждены отправиться по морю в Южную Каролину, чтобы восполнить потери, нанесенные Корнуоллису в битве при Кингс-Маунтин; а чтобы заменить Лесли в Вирджинии, сэр Генри Клинтон в декабре послал предателя Арнольда, только что вернувшегося с места своего предательства, с 1600 человек, в основном лоялистами из Нью-Йорка. Задача Штойбена состояла в том, чтобы защитить Вирджинию от Арнольда и сохранить связь Грина с Севером. В то же время Вашингтон отправил с Грином инженера Костюшко и Генри Ли с его

замечательным кавалерийским легионом. Еще один великолепный кавалерийский командир впервые появляется на сцене в лице подполковника Уильяма Вашингтона из Вирджинии, дальнего кузена главнокомандующего.

W Washington

Смелая стратегия Грина: он угрожает Корнуоллису с обоих флангов Южная армия, хотя и была малочисленна, обладала необычайной силой благодаря таланту своих офицеров. Это были люди, которые знали, как достичь больших результатов с помощью небольших средств, и Грин понимал, насколько он может на них полагаться. Как только он принял командование, он начал серию маневров, которые, хотя и были чрезвычайно смелыми, были как можно дальше от необоснованной опрометчивости, которая характеризовала наступление Гейтса. Этот недалекий полководец пренебрежительно отзывался о кавалерии как о бесполезной, но Грин в значительной степени основывал свой план операций на том, что можно было сделать с помощью таких быстрых ударов, которые умели наносить Вашингтон и Ли. Гейтс презирал помощь партизанских вождей, но Грин сразу понял важность использования таких людей, как Самтер и Мэрион. Его армия как единое целое была слишком слаба, чтобы справиться с армией Корнуоллиса. Благодаря смелой и удачной идее он на время разделил ее на две большие партизанские группы. Более крупное подразделение численностью 1100 человек он лично повёл в Чероу-Хилл на реке Педи, где он сотрудничал с Мэрионом. Отсюда Мэрион и Ли проводили серию быстрых операций, которые угрожали связям Корнуоллиса с побережьем. В одном случае они даже ворвались в Джорджтаун и захватили командира этого поста. Корнуоллис был этим сильно раздражен, но не мог наступать на этих провокационных противников, не рискуя потерять Аугусту и Девяносто шесть (Ninety-Six), поскольку Грин направил другую часть своей небольшой армии, насчитывавшую 900 человек, под командованием Моргана на запад, чтобы угрожать этим важным внутренним

постам и сотрудничать с горной милицией. Вместе с войсками Моргана отправился Уильям Вашингтон, который совершил блестящий набег, проникнув в тыл врага и уничтожив отряд из 250 человек одним ударом.

Корнуоллис отвечает, посылая Тарлетона справиться с Морганом Таким образом, обеспокоенный и угрожаемый с обоих флангов, Корнуоллис едва ли знал, в какую сторону ему пойти. Он не недооценивал своих противников. Он сам видел, каким человеком был Грин, в Принстоне, Брандивайн и Джермантауне, а способности Моргана были не менее известны. Он не мог оставить Моргана и атаковать Грина, не потеряв контроль над внутренними районами; но если бы он пошел полной силой на Моргана, хитрый Грин наверняка напал бы на Чарльстон и отрезал бы его от побережья. В этой дилемме Корнуоллис наконец решил разделить свои силы. С основными силами в 2000 человек он продвинулся в Северную Каролину, надеясь заманить Грина за собой, а остальную часть армии в 1100 человек он послал с Тарлетоном, чтобы тот занялся Морганом. Это разделение в некоторой степени нейтрализовало превосходство британских сил. Оба командира вели умелую, но рискованную игру, в которой многое зависело от проницательности их лейтенантов; и теперь храбрый, но

слишком самоуверенный Тарлтон был обойден и побежден. При его приближении Морган отступил на пастбище, известное как Коупенс, в нескольких милях от Кингс-Маунтин, где он мог сражаться на выбранной им территории. Его выбор был действительно необычным, поскольку у него за спиной была широкая река, которая перекрывала отступление; но это, по его словам, было именно то, что ему нужно, поскольку его ополченцы знали, что бежать бесполезно. Положение Моргана в Коупенсе было дешевле, чем размещать регулярные войска в тылу, чтобы расстреливать трусов. Смелость Моргана оправдала себя результатом. Местность, представлявшая собой длинный подъем, позволяла контролировать приближение врага на большом расстоянии. Утром 17 января 1781 года, когда было замечено продвижение Тарлтона, Морган выстроил своих людей в боевой порядок. Сначала он расположил ополченцев из Каролины и Джорджии в линию длиной около трехсот ярдов и призвал их не сдаваться, пока не выпустят как минимум два залпа «с расстояния, с которого можно убить». В 150 ярдах позади этой линии, вдоль склона пологого холма, он разместил великолепную бригаду из Мэриленда, которую Калб возглавлял в Кэмпдене, и подкрепил ее отличными войсками из Вирджинии. Еще на 100 и 50 ярдах дальше, на втором возвышении, он разместил полковника Вашингтона с его кавалерией. Расположившись таким образом, армия ждала британского нападения.

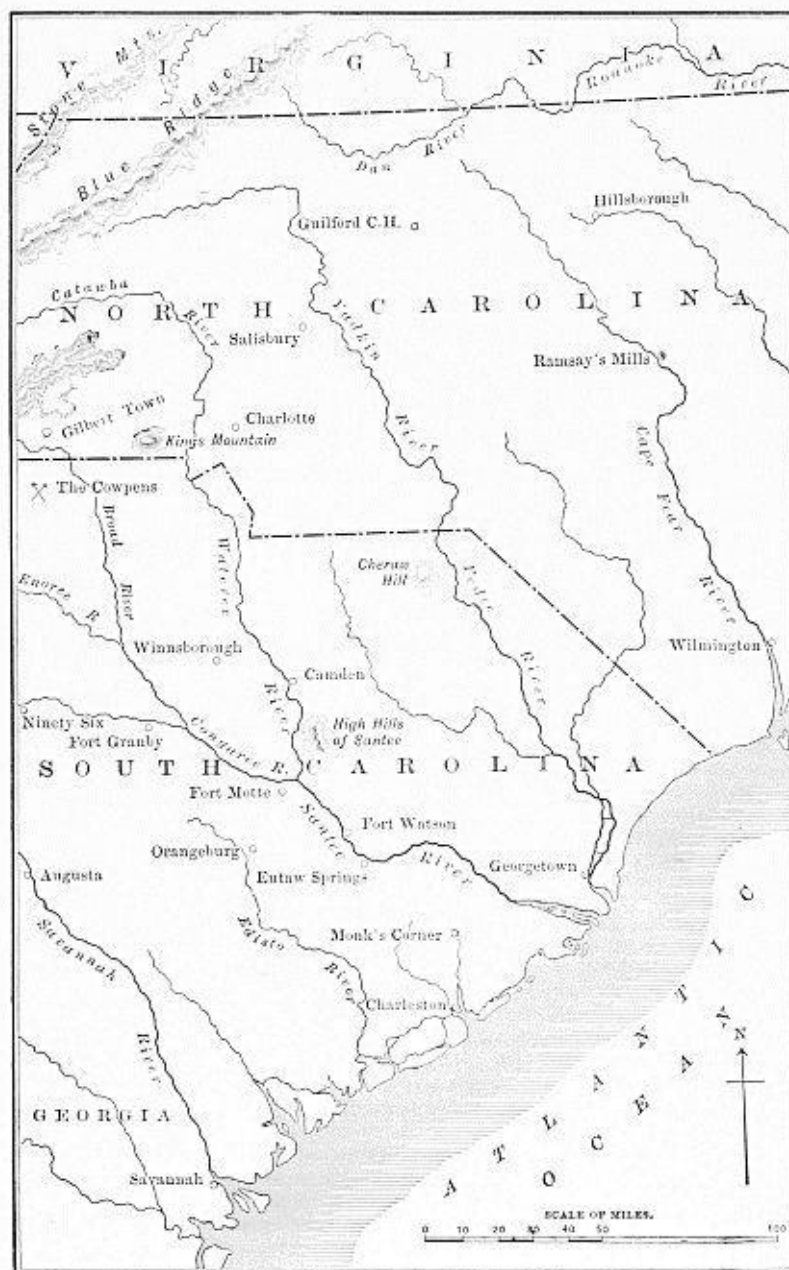
Битва при Коупенсе, 17 января 1781 года Люди Тарлтона половину ночи провели в тяжком походе по грязным дорогам и вброд через разбухшие ручьи, но ничто не могло сдержать его рвение нанести внезапный удар, и как раз на рассвете он атаковал первую американскую линию. Ополченцы, которыми командовал грозный Пикенс, проявили себя очень хорошо и выпустили не два, а много смертоносных залпов с близкого расстояния, заставив британские линии на мгновение поколебаться. Когда британцы пришли в себя и продолжили наступление, ополченцы отступили за линию континенталов, а британская линия, преследуя их, растянулась настолько, что угрожала флангам континентальной линии. Чтобы избежать окружения, континенталы отказались от своего правого фланга и немного отступили. Британцы последовали за ними поспешно и в некоторой суматохе, слишком уверенные в победе. В этот момент полковник Вашингтон, спустившись с холма по полукругу, атаковал правый фланг британцев с фатальным результатом; ополчение Пикенса, которое перестроилось в тылу и обошло холм, продвинулось на их левый фланг; в то время как континентальные войска, находившиеся впереди, разбили их ряды смертоносным огнем с расстояния тридцати ярдов и мгновенно бросились на них с штыками. Уничтожение войск Тарлтона Большая часть британской армии бросила оружие и сдалась, а остальные разбежались. Это было полное поражение. Британцы потеряли 230 человек убитыми и ранеными, 600 пленных, две полевые пушки и 1000 единиц оружия. Их потери были примерно равны потерям всех участвовавших в сражении американских войск. Только 270 человек смогли спастись с поля боя, среди них был Тарлтон, который едва спасся в яростном единоборстве с Вашингтоном. Потери американцев в этой удивительной маленькой битве составили 12 убитых и 61 раненый. С точки зрения тактики, это была самая блестящая битва войны. Морган обладал божественной искрой гениальности.

БИТВА ПРИ КАУПЕНС: СРАЖЕНИЕ МЕЖДУ ПОЛКОВНИКАМИ ВАШИНГТОНОМ И ТАРЛЕТОНОМ

Блестящие действия Моргана и Грина Нанеся этот сокрушительный удар, лишивший Корнуоллиса трети его сил, победитель не остановился ни на минуту. Единственная прямая дорога, по которой он мог присоединиться к Грину, лежала к северу, через броды реки Катауба, и Корнуоллис в этот момент был ближе к этим бродам, чем он сам. Благодаря великолепному маршу Морган первым достиг реки, переправился через нее и продолжил движение на северо-восток в Северную Каролину, а Корнуоллис следовал за ним по пятам. 24 января, через неделю после битвы при Каупенсе, новость о ней дошла до Грина в его лагере на Педи, и он узнал о действиях Моргана после битвы. Настало время для реализации обнадеживающего плана. Если ему удастся отвлечь британского генерала достаточно далеко на север, он сможет заставить его вступить в бой в невыгодных условиях и на большом расстоянии от своей базы. Соответственно, Грин привел в движение свою главную армию под командованием генерала Хьюгера, приказав ему неуклонно продвигаться на север, а сам, взяв с собой только сержантскую охрану из драгун (), мчался со всей возможной скоростью сто пятьдесят миль через всю страну и утром 30-го числа достиг долины Катауба, где встал во главе войск Моргана, которые все еще преследовал Корнуоллис. Теперь доблестный граф осознал смертоносный характер ударов, которые в Кингс-Маунтин и Каупенсе смели почти все его легкие войска. Грин ведет Корнуоллиса в погоню по Северной Каролине. В своем рвении и унижении он был вынужден уничтожить тяжелый багаж, который мешал его стремительному маршу. Он попадал в ловушку. В течение следующих десяти дней продолжалась захватывающая стратегическая игра: Грин неуклонно продвигался на северо-восток по линии, сходящейся с линией движения его основной армии, а Корнуоллис тщетно пытался приблизиться к нему настолько, чтобы заставить его вступить в бой. Погода была дождливой, и интересной особенностью отступления было разбухание рек, которое сделало их непроходимыми. Грин воспользовался этим обстоятельством, заранее предусмотрительно обеспечив себя лодками, которые перетаскивались по суше на легких колесах и быстро спускались на воду,

когда доходили до реки; в качестве части груза они несли колеса, на которые их снова устанавливали, как только они переправлялись через реку. 9 февраля Грин достиг Гилфорд-Корт-Хаус () в северной части Северной Каролины, всего в тридцати милях от границы с Вирджинией, и там он соединился с основной армией, которую Хьюгер привел из лагеря на реке Педи. На следующий день доблестный Морган, сломленный болезнью, был вынужден сложить с себя командование.

ОПЕРАЦИИ В КАРОЛИНАХ, ЯНВАРЬ-СЕНТЯБРЬ 1781 ГОДА.

Дальнейшие маневры: В планы Грина не входило отступать дальше. Он намеревался дать сражение в этом месте и послал сообщение Штойбену с просьбой направить для этой цели подкрепление из Вирджинии. Но вторжение Арнольда в Вирджинию настолько истощило ресурсы доброго барона, что он еще не смог отправить подкрепление; а поскольку силы Грина по-прежнему уступали силам противника, он решил продолжить отступление. После пяти дней маневров он разместил свою армию на северном берегу Дэна, широкой и быстрой

реки, которую Корнуоллис не имел возможности пересечь. Лишившись своей добычи, граф направился в Хиллсборо и издал прокламацию, в которой объявил, что он завоевал Северную Каролину, и призвал лоялистов собраться под его знаменем. Несколько тори вышли и вступили в армию, но эти действия были вскоре прерваны известием о том, что американский генерал переправился через реку и угрожающе наступал. Грин намеревался дожидаться подкрепления на вирджинской стороне реки, но вскоре понял, что не следует поощрять тори, давая им повод полагать, что он бросил Северную Каролину. 23-го числа он вновь переправился через Дан и заставил Корнуоллиса вести бессмысленную погоню, маршируя и контрмаршируя, и срывая все попытки загнать его в угол, пока 14 марта, наконец получив подкрепление, в результате чего его армия насчитывала около 1500 континентальных солдат и 1800 ополченцев, он внезапно остановился у Гилфорд-Корт-Хаус и предложил своему противнику долгожданную битву. Ветераны Корнуоллиса насчитывали едва 2200 человек, но сражение стало для него абсолютной военной необходимостью. Он рискнул всем в этом долгом походе и не мог удержаться в уязвимом положении, так далеко от подкрепления, не нанеся сокрушительного поражения своему противнику. Для Грина сражение теперь было почти столь же желательным, но оно не обязательно должно было привести к полной победе: достаточно было серьезно ослабить и нанести ущерб врагу.

Битва при Гилфорде, 15 марта Утром 15 марта Грин выстроил свою армию в три линии. Первая, состоящая из ополченцев Северной Каролины, была размещена перед открытым кукурузным полем. Ожидалось, что эти люди отступят перед наступлением британских регулярных войск, но считалось, что на них можно положиться, что они сначала выпустят две или три залпа, и, поскольку они были отличными стрелками, это создаст бреши в британской линии. В лесу в трехстах ярдах позади стояла вторая линия, состоящая из ополченцев Вирджинии, чей огонь, как ожидалось, еще больше затруднит продвижение врага. На холме в четырехстах ярдах позади них были размещены регулярные войска Мэриленда и Вирджинии. Фланги охраняли стрелки Кэмпбелла и кавалерия под командованием Вашингтона и Ли. В начале дня британцы открыли сражение атакой на ополчение Северной Каролины, которое вскоре было в смятении вытеснено с поля боя. Однако линия Вирджинии мужественно держалась, и только после отчаянной борьбы враг медленно оттеснил ее. Атака на третью американскую линию имела разные результаты. Справа войска Мэриленда одержали верх и оттеснили британцев штыками, но слева другая бригада Мэриленда была побеждена и оттеснена, потеряв две пушки. Атака кавалерии полковника Вашингтона восстановила положение, пушки были отбиты, и на время победа казалась обеспеченной для американцев. Корнуоллис был вынужден перейти в оборону, но после двух часов ожесточенных боев ему удалось восстановить порядок среди своих людей и сконцентрировать их на холме возле здания суда, где все попытки прорвать их линию оказались тщетными. С наступлением вечера Грин отступил, потеряв более 600 человек, оставив поле боя во владении врага, но слишком ослабленным, чтобы двигаться дальше. Британцы сражались великолепно — их можно сравнить с Томасом и его людьми в Чикамоге.^[40] За пять часов они потеряли не менее 600 человек, более четверти своего состава. Этот урон был непоправимым. Небольшая армия, сократившаяся таким образом до всего лишь 1600 человек, хотя и одержала победу, не могла позволить себе рискнуть еще одним сражением. Смелый план Грина увенчался успехом. Он заманил Корнуоллиса далеко в вражескую страну, более чем на двести миль от его оперативной базы. Отступление Корнуоллиса Граф теперь слишком поздно понял, что его переиграли. Возвращаться в Южную Каролину он не осмеливался, а оставаться на месте не мог. Поэтому на третий день после битвы при Гилфорде, бросив своих раненых, Корнуоллис поспешил в Уилмингтон, ближайший пункт на побережье, где он мог рассчитывать на помощь флота.^[41]

Он покидает Каролины и отправляется в Вирджинию Этим шагом лорд Корнуоллис фактически сдался. Битва при Гилфорде, хотя и была тактическим поражением для американцев, с точки зрения стратегии была решающей победой () и самой важной с момента пленения Бергойна. Ее полное значение скоро стало очевидным. Когда 7 апреля Корнуоллис прибыл в Уилмингтон, что ему было делать дальше? Переправить свою армию по морю в Чарльстон и таким образом начать все сначала было бы открытым признанием поражения. Наиболее практичным решением казалось полностью сменить место действия и маршировать в Вирджинию, где, по-видимому, открывались новые возможности. Сэр Генри Клинтон только что отправил генерала Филлипса в Вирджинию с войсками, которые в совокупности с войсками Корнуоллиса насчитывали более 5000 человек; с этой армией можно было нанести сильный удар по Вирджинии, а затем вторгнуться в Каролины с севера. Под влиянием таких соображений Корнуоллис 25 апреля вышел из Уилмингтона и 20 мая прибыл в Петербург, штат Вирджиния, где он соединился с войсками Арнольда и Филлипса. Это важное решение Корнуоллис принял на свой страх и риск. Оно никогда не было одобрено сэром Генри Клинтоном и в последующие годы стало поводом для ожесточенных споров между двумя генералами; но граф в то время был фаворитом лорда Джорджа Джермейна, и главнокомандующий был вынужден изменить свои собственные планы, чтобы поддержать движение, которое он не одобрял.

Гениальный ход Грина: он возвращается в Южную Каролину, 6-18 апреля Но пока Корнуоллис осуществлял это обширное изменение плана, что делал его противник? Грин преследовал отступающего врага примерно на пятьдесят миль, от Гилфорд-Корт-Хаус до Рамсей-Миллс, немного выше разветвления реки Кейп-Фир, а затем внезапно оставил его в покое и повернул назад, в Южную Каролину. Если бы Корнуоллис решил последовать за ним, по крайней мере, штат Северная Каролина был бы освобожден; но Грин построил план даже лучше, чем он сам предполагал. Он фактически вывел Корнуоллиса из игры, выбросил его за пределы шахматной доски; и теперь он мог приступить к работе, имея свободные руки, и освободить Южную Каролину. Стратегические точки там все еще удерживались врагом; Камден, Найнти-Сикс и Огаста все еще находились в их владении. Кэمدен, самый важный из всех, удерживался лордом Роудоном с 900 человек; и к Кэмдену, удаленному на сто шестьдесят миль, Грин повернул 6 апреля, оставив Корнуоллиса беспрепятственно продвигаться к побережью. Грин так хорошо хранил свои планы в тайне, что даже его собственные офицеры часто не понимали сути его глубокой и смелой стратегии. Движение, которое он теперь совершал, не было учтено Корнуоллисом, который рассчитывал своими собственными действиями по крайней мере задержать противника. То, что Грин фактически игнорировал его, было идеей, которую он еще не осознал, и к тому времени, когда он полностью понял ситуацию, он уже был на пути в Вирджинию и приступил к осуществлению своего нового плана. Патриоты в Южной Каролине также не смогли понять стремительные действия Грина, и его долгое отсутствие подорвало их надежды; но после его возвращения без Корнуоллиса настроения резко изменились. Люди начали надеяться на победу.

и, захватив форт Уотсон, перерезает линии связи лорда Роудона, 23 апреля 18 апреля американская армия приблизилась к Камдену, а Ли был откомандирован для сотрудничества с Мэрионом в захвате форта Уотсон. Эта крепость, расположенная на полпути между Камденом и Чарльстоном, контролировала линии связи лорда Роудона с побережьем. Выполнение этого важнейшего маневра было отмечено живописным инцидентом. Форт Уотсон был построен на индейском холме, возвышающемся на сорок футов над равниной, на которой он стоял, и, без сомнения, был свидетелем многих ожесточенных осад еще до прихода белых людей в Каролину. В нем находился гарнизон из 120 хороших солдат, но ни у них, ни у осаждающих не было пушек. Это должно было быть сражением с использованием винтовок. Ли с

отвращением смотрел на низменность вокруг себя. О, если бы только был холм, с которого можно было бы контролировать эту крепость, как Тикондерога была видна в тот памятный день, когда Филлипс вытащил свои пушки на гору Дефайанс! Счастливая мысль пришла в голову майору Мэйхэму, одному из офицеров Мариона. Почему бы не сделать холм? Рядом рос лес из великолепных желтых сосен (), тяжелых и твердых, как камень. Пять дней и ночей люди трудились как бобры в глубине леса, полностью скрытые от глаз гарнизона. Лесные деревья были срублены, а пилы, стамески и тесла придали им нужную форму. Большие балки были соединены с помощью шпунтов и шипов, и, наконец, за одну ночь их вытащили перед крепостью и собрали, как в старинном новоанглийском «домостроении». На рассвете 23 апреля британцы из « » обнаружили, что над ними возвышается огромная деревянная башня, увенчанная платформой, на которой толпились стрелки, готовые в любой момент расстрелять гарнизон, а ее основание было защищено брусьями, за которыми скрывались сотни смертоносных винтовок. Еще не прошло и часа после восхода солнца, как был вывешен белый флаг, и форт Уотсон сдался на милость противника.

Raulston

ЛОРД РАУДОН, ВПОСЛЕДНЕМУ МАРКИЗ ГАСТИНГС

Роудон побеждает Грина на холме Хобкирк, 25 апреля В то время как все это происходило, Грин достиг Камдена и, обнаружив, что его силы недостаточны ни для штурма, ни для осады, занял сильную позицию на холме Хобкирк, примерно в двух милях к северу. 25 апреля лорд Роудон двинулся вперед, чтобы вытеснить его с этой позиции, и началась битва, в которой победа, почти уже достигнутая, ускользнула из рук Грина. , знаменитая бригада из Мэриленда, которая во всех этих южных кампаниях выделялась, как десятый легион Цезаря, — которая была последней, покинувшей поле битвы при Камдене, которая разгромила Тарлетона при Каупенсе и почти одержала победу при Гилфорде, — теперь вела себя плохо и, впад в замешательство из-за непонимания приказов, нарушила гениальный план битвы Грина. но тем не менее был вынужден сдать Камден и спасти свою армию, 10 мая. Он был вытеснен со своей позиции и через три дня отступил на десять миль до Клермонта; но, как и в Гилфорде, его план кампании был настолько хорош, что он сразу же приступил к сбору всех плодов победы. Падение форта Уотсон, прервавшее связь Роудона с побережьем, сделало невозможным для него оставаться на месте. 10 мая британский генерал быстро отступил, пока не достиг Монк-Корнер, в тридцати милях от Чарльстона; и важнейший пост Камден, первая большая добыча кампании, попал в руки Грина.

Все внутренние посты были отбиты у британцев, и в мае-июне победы следовали одна за другой. В течение трех недель Ли и Мэрион захватили форты Мотт и Грэнби, Самтер взял Оранджбург,

а 5 июня, после упорной обороны, Аугуста сдалась Ли, тем самым открыв штат Джорджия. Британцам не осталось ничего, кроме Найнти-Сикс, который был сильно укреплен и теперь выдерживал энергичную осаду в течение двадцати восьми дней. Решившись не терять эту последнюю опору в глубине страны и стремясь, по возможности, разгромить противника в бою, лорд Роудон собрал все силы, которые мог, практически лишив Чарльстон его защитников, и таким образом с 2000 человек поспешил на помощь, чтобы снять осаду с Найнти-Сикс. Его смелое решение на тот момент увенчалось успехом. Грин, слишком осторожный, чтобы рисковать сражением, отступил, и пограничная крепость была освобождена. Однако Роудону было невозможно удержать ее и оставить там свою армию, так далеко от побережья, после того как все другие внутренние посты пали, и 29 июня он эвакуировал это место и отступил в Оранджбург, а Грин, преследуя его, занял сильную позицию на высоких холмах Санти. Таким образом, в течение трех месяцев после возвращения Грина из Гилфорда верхняя часть Южной Каролины была полностью отвоевана, и теперь требовалась только одна успешная битва, чтобы оттеснить врага обратно в Чарльстон. Но сначала необходимо было немного отдохнуть и пополнить небольшую армию, которая без перерыва сражалась с декабря прошлого года. Враг тоже чувствовал потребность в отдыхе, да и жара была невыносимой. Соответственно, обе армии оставались на своих позициях и наблюдали друг за другом до середины августа.

Роудон отправляется в Англию Во время этого перерыва лорд Роудон, измученный и больной после тяжелой кампании, отплыл в Англию, оставив полковника Стюарта командующим войсками в Южной Каролине. Грин занялся пополнением своей армии, пока ее численность не достигла 2600 человек, хотя 1000 из них были ополченцами. Его позиция на высоких холмах Санти находилась по прямой линии всего в шестнадцати милях от британской армии. Промежуточное пространство занимали луга, через которые протекали реки Уотери и Конгари, впадающие друг в друга; и часто, как и сейчас, когда быстрые воды, разбухшие от дождей, затопляли низменности, это место напоминало огромное озеро, за исключением верхушек высоких сосен, которые то тут, то там выглядывали из зеркальной глади, сияя насыщенной зеленью. Грин понимал ценность этой луговой местности как барьера, когда выбирал место для своего летнего лагеря. Грин выдвигается против британцев 22 августа. Враг мог достичь его только после 70-мильного обходного марша. 22 августа Грин очень тихо снял лагерь и отправился в последнюю из своих мудрых кампаний. Полдень был настолько жарким, что он шел только утром и вечером, чтобы его люди оставались свежими и активными; в то же время, благодаря бдительным разведывательным отрядам, он полностью перекрыл врагу доступ к информации, так что Стюарт не знал о его приближении, пока тот не оказался совсем рядом. Британский командующий отступил к Ютау-Спрингс, примерно в пятидесяти милях от Чарльстона, где он ждал в укрепленной позиции.

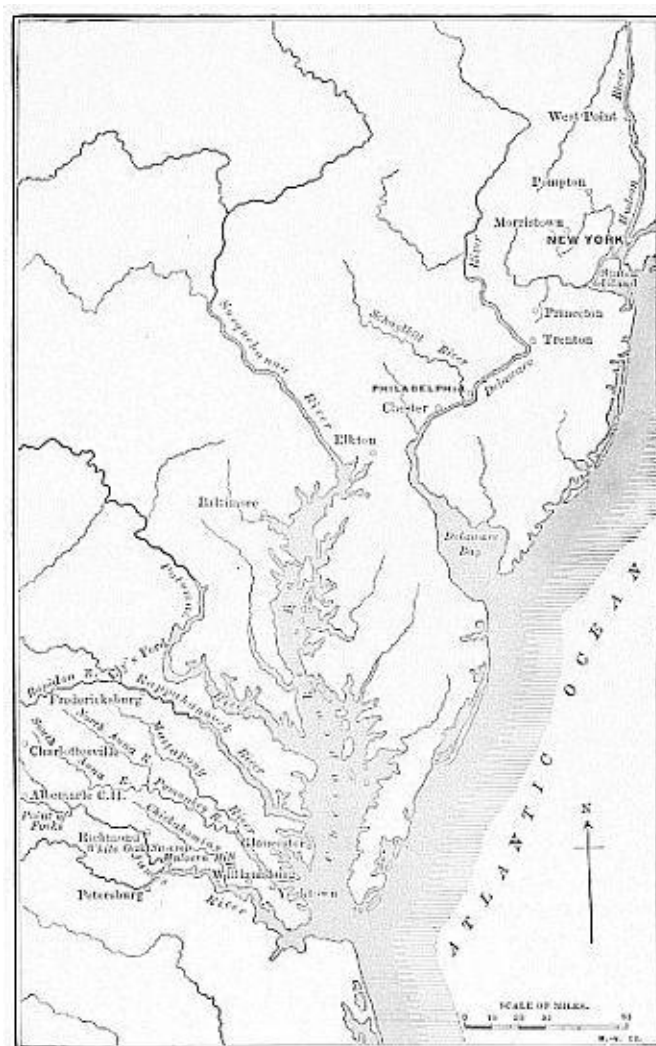
Битва при Ютау-Спрингс, 8 сентября Битва при Ютау-Спрингс может быть разбита на два коротких сражения между восходом солнца и полуднем 8 сентября 1781 года. В первом сражении британская линия была прорвана и вытеснена с поля боя. Во время второго Стюарту удалось сформировать новую линию, опираясь на кирпичный дом и огороженный сад, и из этой позиции Грин не смог его вытеснить. Поэтому это сражение было занесено в качестве победы британцев. Если так, то это была победа, за которой на следующий вечер последовало поспешное отступление победителей, которых Марион и Ли преследовали в течение тридцати миль. С стратегической точки зрения это была решающая победа американцев. Правительство штата восстановило свое господство, и, хотя партизанские стычки продолжались еще год, они были лишь угасающими углями пожара. Британцы были заперты в Чарльстоне до конца войны, защищенные своими кораблями. Прошло менее

тринадцати месяцев с момента катастрофы в Камдене (), которая, казалось, уничтожила всякую надежду на спасение штата. Все эти перемены были достигнуты благодаря великолепному полководческому таланту Грина. Появившись на сцене в почти всех мыслимых невыгодных условиях, он реорганизовал остатки разбитой и обескураженной армии Гейтса, с самого начала взял на себя инициативу и держал игру в своих руках до последнего удара. Великолепное полководческое искусство Грина Его стратегия была настолько совершенна, что независимо от победы или поражения на поле боя, он в каждом случае достигал цели, для которой была проведена кампания. Единственное, в чем он не испытывал недостатка, — это отличные офицеры. Редко можно было увидеть более блестящую группу, чем та, в которую входили Морган, Кэмпбелл, Мэрион, Самтер, Пикенс, Ото Уильямс, Уильям Вашингтон и отец Роберта Эдварда Ли. Однако только способный генерал знает, как использовать такие замечательные инструменты. Люди с ограниченным интеллектом не любят, когда рядом с ними находятся способные люди, и не знают, как с ними обращаться. У Гейтса были Калб и Ото Уильямс, и он поставил их на должности, где их талант был недоступен, и один из них, Ото Уильямс (), был бесполезно принесен в жертву, в то время как он был слишком туп, чтобы обнаружить исключительную ценность Мэриона. Но гений быстро распознает гения и знает, что с ним делать. Грин знал, на что способен каждый из его офицеров, и учитывал это при планировании своих масштабных действий. Если бы он не знал, что может полагаться на Моргана так же, как Наполеон в последующие годы полагался на Давуста в день битвы при Йене и Ауэрштадте, было бы опрометчиво с его стороны делить свои силы в начале кампании — ход, который, хотя и был явным нарушением военных правил, тем не менее дал ему инициативу в его долгой и триумфальной игре. Никто никогда не узнает, чего мог бы достичь Грин на более широком поле и с более обширными ресурсами. Но интеллектуальные качества, которые он проявил в своей южной кампании, были характерны для некоторых из ведущих стратегов современности.

Лорд Корнуоллис прибывает в Петербург, 20 мая 1781 года Когда лорд Корнуоллис время от времени слышал о том, что происходило в Южной Каролине, эти новости не радовали его. Но он был слишком далеко, чтобы вмешиваться, и именно в день битвы при Ютау-Спрингс вокруг него затянулась сеть, которая привела к его падению. Когда он прибыл в Петербург 20 мая, молодой Лафайет, которого Вашингтон послал следить и контролировать действия предателя Арнольда, находился в Ричмонде с небольшой армией из 3000 человек, две трети из которых составляли неопытные ополченцы. Против этой небольшой силы Корнуоллис имел теперь 5000 ветеранов, включая людей, которых он привез из Гилфорда, а также войска, недавно находившиеся под командованием Арнольда и Филлипса. Арнольд, после нескольких бесполезных поджогов и грабежей, был отозван в Нью-Йорк. Филлипс умер от лихорадки незадолго до прибытия Корнуоллиса. Граф питал большие надежды. Его неудача в Северной Каролине грызла его душу, и он жаждал совершить грандиозный удар и восстановить свою репутацию. Если бы удалось завоевать могущественное государство Вирджиния, то, как казалось, все к югу от Саскуэханны должно было бы пасть, несмотря на успехи Грина. С душой, полной рыцарских замыслов, Корнуоллис на тот момент видел все в розовом свете и сделал неверные выводы. Он ожидал, что половина населения будет состоять из тори, а также ожидал найти хроническую вражду между рабами и их хозяевами. В обоих случаях он сильно ошибался.

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН

ОПЕРАЦИИ В ВИРДЖИНИИ, МАЙ-ОКТЯБРЬ 1781 Г.

Его кампания против Лафайета Но хотя Корнуоллис недооценивал сложность задачи, он тем не менее понимал, что 5000 человек недостаточно для завоевания столь сильного штата, и пытался убедить Клинтона в случае необходимости отказаться от Нью-Йорка, чтобы все имеющиеся британские силы могли быть сосредоточены на Вирджинии. Клинтон мудро

отказался.

ВЕЛИКАЯ ПЕЧАТЬ ВИРДЖИНИИ (АВЕРС) Такой штат, как Вирджиния, который из-за отсутствия лоялистской партии можно было удержать только путем прямого завоевания, не подходил в качестве базы для операций против других штатов; в то время как отказ от Нью-

Йорка, признанного стратегического центра атлантического побережья, был бы интерпретирован всем миром не как смена базы, а как признание поражения. Таким образом, мнение Клинтона было основано на более верном и ясном видении всей ситуации, чем мнение Корнуоллиса; вряд ли последний когда-либо предложил бы такой план, если бы не был таким необычным и неожиданным образом вытеснен из Северной Каролины. Находясь теперь в Вирджинии, он был обязан что-то предпринять, и, располагая имеющимися в его распоряжении силами, казалось, что он мог бы легко начать с разгрома Лафайета. «Этот мальчишка не ускользнет от меня», — сказал Корнуоллис, но молодой француз оказался вполне способным позаботиться о себе (). Хотя Лафайет и не был человеком оригинального гения, он обладал здравым смыслом и быстро учился. Ему было теперь двадцать три года, он был жизнерадостным и добрым, полон здорового энтузиазма и наделен недюжинной проницательностью. На данный момент можно было применять только фабианскую политику. Когда Корнуоллис продвинулся из Петербурга в Ричмонд, Лафайет начал умелое отступление, которое доказало, что он был способным учеником в

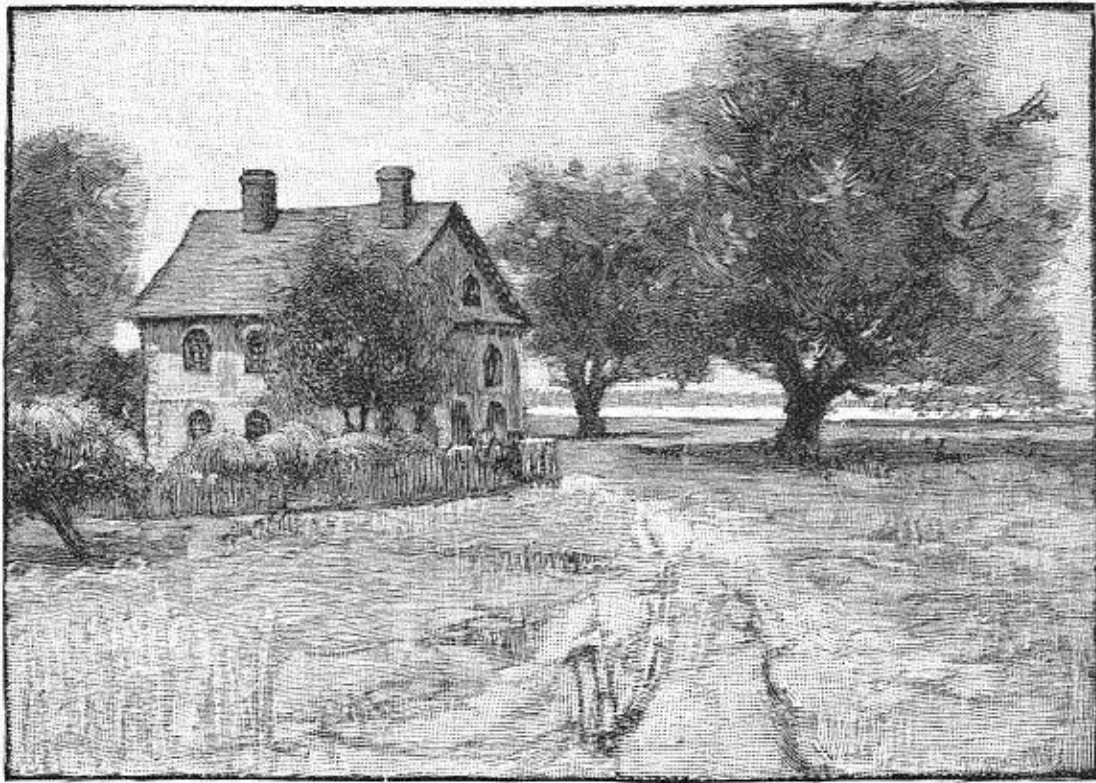
школе Вашингтона и Грина.

ВЕЛИКАЯ ПЕЧАТЬ ВИРДЖИНИИ (ОБРАТНАЯ СТОРОНА) От Ричмонда к Фредериксбургу — по земле, дважды прославленной действиями Ли и Гранта, — молодой генерал продолжал отступать, не давая нетерпеливому графу возможности нанести ему удар, поскольку, как он с наивным юмором писал Вашингтону, «я не достаточно силен, чтобы меня можно было победить». 4 июня Лафайет пересек Рапидан у Элис-Форд и занял безопасную позицию, а Корнуоллис, воздержавшись от преследования, послал Тарлетона на рейд на запад, в Шарлоттсвилль, чтобы разогнать законодательное собрание, которое там заседало, и захватить губернатора Томаса Джефферсона. Набег, хотя и проводившийся с обычной для Тарлетона энергией, не достиг своей главной цели, поскольку Джефферсон, предупрежденный в последний момент, успел скрыться в горах примерно за двадцать минут до того, как кавалерия окружила его дом в Монтичелло. Тарлетону оставалось захватить военные склады, собранные в Альбемарле, но 10 июня Лафайет соединился с 1000 регулярными войсками Пенсильвании под командованием Уэйна и тем самым сумел разместить все свои силы между Тарлетоном и добычей, к которой тот стремился. Не имея возможности прорвать эту преграду, Тарлетону не оставалось ничего другого, как присоединиться к Корнуоллису; а поскольку армия Лафайета была усилена подкреплениями из разных источников и насчитывала более 4000 человек, он смог досадить графу настолько, что тот решил, что стоит приблизиться к морю. Корнуоллис, повернув на юго-запад от реки Норт-Анна, продвинулся вглубь суши до Пойнт-оф-Форкс, когда к нему присоединился Тарлтон. 15 июня британский командующий Эдмунд Торнс (), поняв, что не может поймать «мальчика» и ничего не достигает своими маршами и контрмаршами в глубине страны, отступил вниз по реке Джеймс к Ричмонду. Корнуоллис отступает к побережью Тем самым он еще не перешел в оборону. Лафайет был все еще

слишком слаб, чтобы рисковать сражением или помешать ему уйти, куда ему заблагорассудится. Но Корнуоллис был слишком осторожным генералом, чтобы оставаться на большом расстоянии от своей оперативной базы, среди народа, который, к его большому разочарованию, оказался совершенно враждебным. Отступив к побережью, он мог обеспечить себя продовольствием и подкреплением и вскоре возобновить вторжение. Соответственно, 20-го числа он продолжил отступление из Ричмонда, пересек Чикахомини чуть выше болота Уайт-Оук и продвинулся по полуострову Йорк до Вильямсбурга. Лафайет, получивший дополнительное подкрепление от Штойбена, так что его армия насчитывала более 5000 человек, плотно прижимался к тылу британцев на всем протяжении полуострова; и 6 июля произошло сражение между частями двух армий в Грин-Спринг, недалеко от Вильямсбурга, в котором американцы были отбиты с потерями в 145 человек.^[42] и занимает Йорктаун Кампания закончилась в первую неделю августа, когда Корнуоллис занял Йорктаун, добавив к своей армии гарнизон Портсмута, так что она насчитывала 7000 человек, в то время как Лафайет расположился на Малверн-Хилл и ждал дальнейшего развития событий. На протяжении всей этой стратегической игры Лафайет продемонстрировал похвальные навыки, доказав, что он достойный противник для самых способных британских генералов. Но на сцену неожиданно вышел гораздо более великий полководец, чем француз или англичанин. Все элементы катастрофы были подготовлены, оставалось только мастерской руке нанести удар.

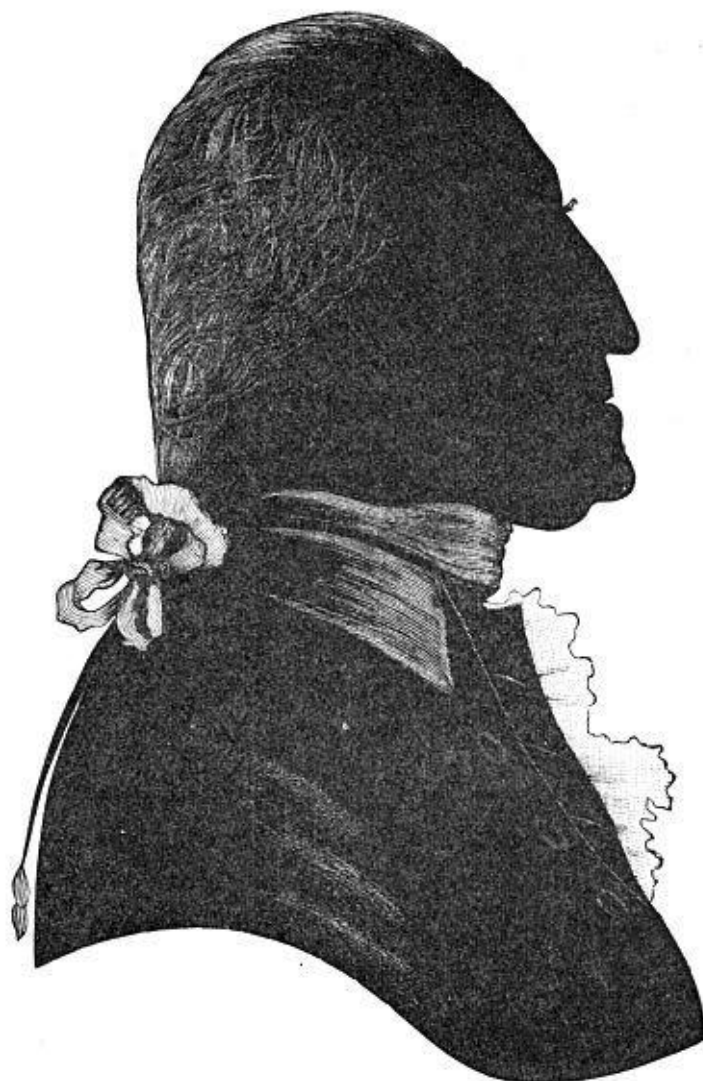
Элементы окончательной катастрофы: прибытие французского флота Еще 22 мая, всего за два дня до начала этой кампании в Вирджинии, Вашингтон провел совещание с Рошамбо в Уэзерсфилде, штат Коннектикут, и там было решено, что французская и американская армии должны нанести совместный удар по Нью-Йорку. Если бы им удалось захватить город, это разрушило бы дело британцев; и в любом случае надеялись, что если Нью-Йорк окажется под серьезной угрозой, сэр Генри Клинтон возьмет подкрепление у Корнуоллиса и таким образом ослабит давление на южные штаты. Для захвата Нью-Йорка была необходима помощь мощного французского флота, и наконец настал момент, когда можно было с уверенностью рассчитывать на такую помощь. Морская война между Францией и Англией в Вест-Индии бушевала уже два года, с переменным успехом. Французское правительство приложило все усилия и в начале весны этого года отправило великолепный флот из двадцати восьми линейных кораблей и шести фрегатов, несущих 1700 орудий и 20 000 человек, под командованием графа де Грасса, одного из самых способных французских адмиралов. Его целью было отбить у Англии большой остров Ямайка, но поскольку французское министерство настоятельно требовало сотрудничества на североамериканском побережье, Грассу было приказано связаться с Вашингтоном и Рошамбо и при первой же возможности действовать совместно с ними.

Прибытие этого флота привнесло бы в войну элемент, которого не было с самого начала военных действий. Он прервал бы контроль британцев над морем. Максимальная сила, которую британцы были готовы противопоставить ему, составляла всего девятнадцать линейных кораблей, несущих 1400 орудий и 13 000 человек, и это неравенство было слишком велико, чтобы его мог преодолеть кто-либо, кроме гения Нельсона. Таким образом, условия борьбы должны были внезапно и решительно измениться. Отступление Корнуоллиса в Йорктаун было основано исключительно на предположении о непрерывном доминировании британского флота. Безопасность его позиции полностью зависела от способности британского флота контролировать воды Вирджинии. Как только французы получили бы там преимущество, граф, подвергшийся нападению с фронта со стороны превосходящих сил суши, оказался бы буквально «между молотом и наковальней». Он оказался бы в не лучшем положении, чем Бергойн в лесах северной части штата Нью-Йорк.

ШТАБ КОРНУОЛЛИСА В ЙОРКТАУНЕ

Новости от Грасса и Лафайета Однако еще не было ясно, где Грасс найдет лучшее место для высадки на побережье. Элементы ситуации раскрывались очень медленно, и для их объединения требовался гениальный ум Вашингтона. В те дни разведданные поступали в штаб-квартиру Вашингтона () с черепашей скоростью, и операции такого масштаба были под силу только величайшему военному гению. Вашингтону потребовалось десять дней, чтобы получить известия от Лафайета, и месяц, чтобы получить известия от Грина, при этом было неизвестно, когда придут точные сведения от Грасса. Но как только Вашингтон в апреле получил известия от Грина о том, как тот заманил Корнуоллиса в Вирджинию, он начал тайно обдумывать возможность оставить небольшой отряд для охраны Гудзона, а основную часть своей армии направить на юг, чтобы разгромить Корнуоллиса. На конференции в Уэзерсфилде он говорил об этом Рошамбо, но никому больше; а в депеше Грассу он дал ему выбор: плыть либо к Гудзону, либо к Чесапикскому заливу. Так дела обстояли до середины августа, пока Вашингтон, понимая все аспекты проблемы, бдительно наблюдал за всем полем, держась в готовности к любому из двух вариантов — нанести удар по ближайшему Нью-Йорку или бросить свою армию на расстояние четырехсот миль. 14 августа от Грасса пришло сообщение, что он как раз отправляется из Вест-Индии в Чесапикский залив со всем своим флотом и надеется, что все, что армии должны сделать, будет сделано быстро, так как он будет вынужден вернуться в Вест-Индию к середине октября. Вашингтон мог теперь сопоставить эту информацию с только что полученными от Лафайета сведениями о том, что Корнуоллис обосновался в Йорктауне, где с трех сторон его окружала глубокая вода, а спереди — узкая перешеек.

СИЛУЭТ ВАШИНГТОНА, АВТОР ФОЛУЭЛЛ

Тонкий и смелый план Вашингтона Настал кульминационный момент военной карьеры Вашингтона — момент реализации замысла, который не имел ничего общего с фабианской тактикой, поскольку был схож с замыслами Цезаря и Наполеона. Он сразу же решил перебросить свою армию в Вирджинию и разгромить Корнуоллиса. Все было готово. Армия Рошамбо прошла через Коннектикут и присоединилась к нему на Гудзоне в июле. Он мог позволить себе оставить Вест-Пойнт с относительно небольшими силами (), поскольку эту крепкую крепость можно было взять только путем регулярной осады, и он спланировал свой марш так, чтобы полностью ослепить сэра Генри Клинтона. Это был один из лучших моментов в плане Вашингтона, в котором совершенство деталей соответствовало смелому величию целого. Сэр Генри совершенно не подозревал о таких действиях, которые собирался предпринять Вашингтон, но с тревогой ожидал нападения на Нью-Йорк. Теперь, из американского штаба недалеко от Вест-Пойнта, Вашингтон мог провести свою армию более чем на половину пути через Нью-Джерси, не вызывая никаких подозрений, поскольку враг наверняка истолковал бы такое движение как подготовку к занятию Статен-Айленда, откуда можно было бы атаковать Нью-Йорк. Сэр Генри знал, что французский флот может появиться в любой момент, но он не обладал той информацией, которой располагал Вашингтон, и его тревожные мысли были связаны с гаванью Нью-Йорка, а не с Чесапикским

заливом. Кроме того, сама дерзость этого движения еще больше скрывала его истинный смысл. Врагу потребовалось бы некоторое время, чтобы понять столь масштабный маневр от Нью-Йорка до Вирджинии, и, без сомнения, Вашингтон мог бы достичь Филадельфии, прежде чем его замысел был бы раскрыт.

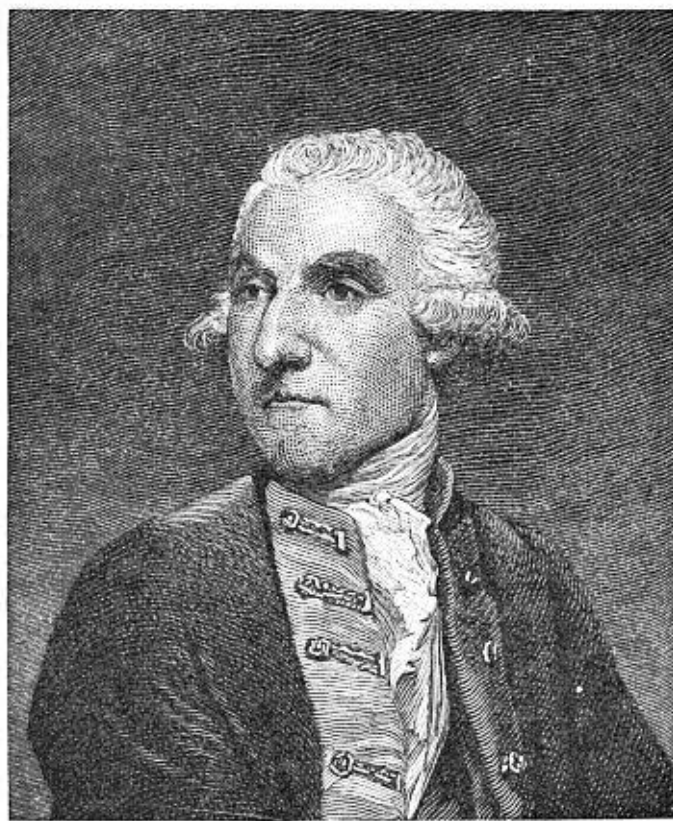
Он переводит свою армию в Вирджинию, 19 августа — 18 сентября События оправдали его предвидение. 19 августа, через пять дней после получения депеши от Грасса, армия Вашингтона пересекла Гудзон у Кингс-Ферри и начала свой марш. Лорд Стирлинг остался с небольшим отрядом в Саратоге, а генерал Хит с 4000 человек остался в Вест-Пойнте. Вашингтон взял с собой на юг 2000 континенталов и 4000 французов. Это был единственный случай за всю войну, когда французские и американские сухопутные войска шли вместе, за исключением катастрофического нападения на Саванну. Никто, кроме Вашингтона и Рошамбо, не знал, куда они направляются. Секрет был настолько ценным, что даже генералы до тех пор, пока не прошли Нью-Брансуик, полагали, что их целью является Статен-Айленд. Движение было настолько быстрым, что, как бы ни начали удивляться солдаты, они достигли Филадельфии, прежде чем цель экспедиции стала им ясно понятна.

Le Ste de Rochambeau

Когда армия прошла по улицам Филадельфии, раздался взрыв ликующей надежды. План больше нельзя было скрывать. Конгресс был проинформирован о нем, и новый свет озарил

народ, и без того воодушевленный новостью о триумфальной карьере Грина. Из окон выглядывали прекрасные дамы, которые бросали свежие цветы на пыльных солдат, когда те проходили мимо, а небо оглашалось криками, предвещающими великое освобождение, которое должно было наступить очень скоро. Колонна солдат, выстроенная в свободном порядке, подходящем для быстрого марша, имела длину почти две мили. Первыми шли измученные войной американцы, одетые в грубую одежду, которая красноречиво свидетельствовала о скудных ресурсах страны без правительства. За ними следовали доблестные французы, одетые в роскошные костюмы, которые могло предоставить правительство, которое в то время забирало три четверти доходов своего народа в виде несправедливых налогов. Эти солдаты прошли парадом перед президентом Конгресса, но время было дорого. Вашингтон, в своем нетерпении мчась в Честер, получил и отправил обратно радостную весть о том, что Грасс прибыл в Чесапикский залив (), и тогда радость народа не знала границ. На улицах играли музыкальные оркестры, каждый дом вывесил флаг с звездами и полосками, а все придорожные таверны кричали «ура» смелому генералу. «Да здравствует Вашингтон!» — таков был тост дня. «Он пошел ловить Корнуоллиса в свою мышеловку!»

A stylized, cursive signature of George Washington, written in dark ink.

Но все это ни на минуту не остановило стремительного продвижения армии. 1 сентября они оставили Трентон позади, а к 5-му достигли вершины Чесапикского залива, откуда их перевезли на кораблях, и к 18-му достигли места действия, недалеко от Йорктауна.

Движения флотов Между тем, все складывалось самым благоприятным образом. 31 августа на место событий прибыл большой французский флот, а единственный англичанин, способный победить его при существующих условиях, был далеко. Флот адмирала Родни следовал за ним из Вест-Индии, но сам Родни не был у руля. Он внезапно заболел и отплыл в Англию, а командование флотом принял сэр Сэмюэл Худ. Худ обогнал Грасса, прошел мимо него в океане, не зная об этом, заглянул в Чесапик 25 августа и, не найдя там врага, отплыл в Нью-Йорк, чтобы получить инструкции от адмирала Грейвса, командовавшего военноморскими силами на севере. Это было первое известие о надвигающейся опасности, которое получили Грейвс и Клинтон. Нельзя было терять ни минуты. Ветер был благоприятный, и Грейвс, теперь главный командующий, направил флот к Чесапику и прибыл туда 5 сентября, в тот самый день, когда армия Вашингтона садилась на корабли в устье большой бухты. Грейвс обнаружил, что французский флот блокирует вход в бухту, и немедленно атаковал его. Решающая морская победа британцев в этот момент разрушила бы все. Но после ожесточенного сражения, длившегося два часа, в котором около 700 человек были убиты и ранены на двух флотах, адмирал Грейвс отступил.

Три его корабля были сильно повреждены, и после четырех дней маневров он вернулся, разочарованный и унылый, в Нью-Йорк, оставив Грасса в полном владении водами Вирджинии. Таким образом, сети быстро сжимались вокруг лорда Корнуоллиса. Он еще ничего не знал о приближении Вашингтона, но была вероятность, что он осознает опасность и, перейдя реку Джеймс, будет искать спасения в отступлении в Северную Каролину. Лафайет предотвратил эту единственную возможность. Сразу же по прибытии французской эскадры войска маркиза де Сен-Симона в численности 3000 человек были высажены на берег и присоединились к армии Лафайета; и с этой увеличенной силой, теперь насчитывающей более 8000 человек, «мальчик» 7 сентября спустился вниз и занял позицию на перешейке полуострова в Вильямсбурге, отрезав Корнуоллису отступление.

МАРКИЗ ДЕ ЛАФАЙЕТ

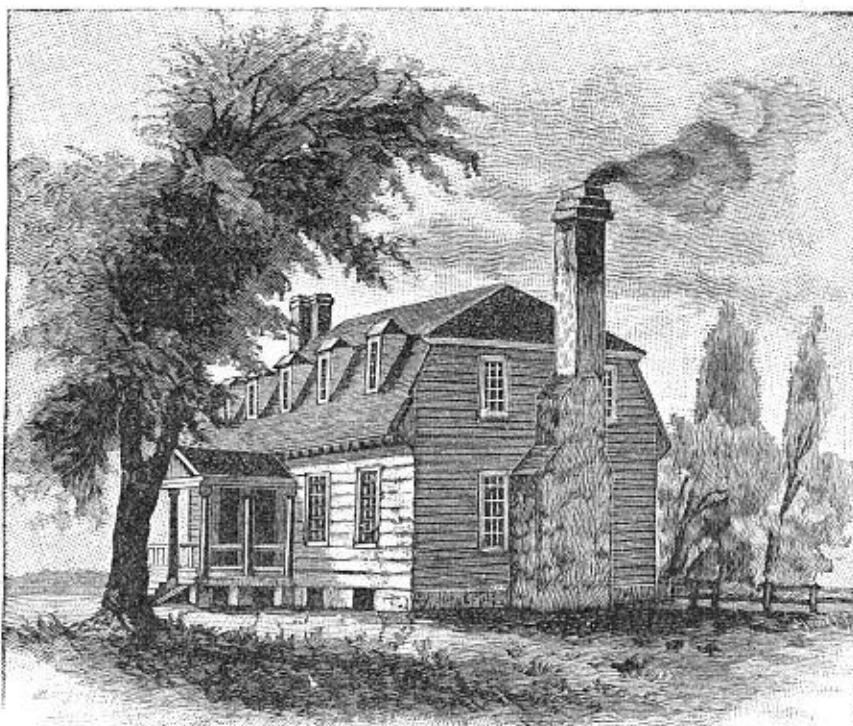
Корнуоллис окружен в Йорктауне Таким образом, утром 8 сентября, в тот самый день, когда Грин в Южной Каролине сражался в своей последней битве при Ютау-Спрингс, лорд Корнуоллис в Вирджинии оказался в окружении. Дверь мышеловки была закрыта. Однако, если бы не прибытие Вашингтона, план, вероятно, провалился бы. Корнуоллис все еще мог выбить дверь. Его войска были почти равны по численности войскам Лафайета, но превосходили их по качеству, поскольку в состав войск Лафайета входило 3000 ополченцев. Корнуоллис тщательно разведal американские позиции и серьезно подумывал о прорыве, но риск был значительным, и тяжелые потери были неизбежны. Он не имел ни малейшего представления о передвижениях Вашингтона и полагал, что Грейвс скоро вернется с силами, достаточными для того, чтобы прогнать блокирующий эскадрон Грасса. Поэтому он решил подождать, прежде чем наносить рискованный удар. Это было упущением его последнего шанса. 14-го числа по каналу Энн-Анне () Вашингтон прибыл в штаб Лафайета и принял командование. 18-го числа северная армия начала прибывать отрядами, и к 26-му числу она была полностью сконцентрирована в Вильямсбурге, насчитывая более 16 000 человек. Проблема была решена. Капитуляция Корнуоллиса была лишь вопросом времени. Это был великий военный сюрприз Войны за независимость. Если бы кто-нибудь предсказал за восемь месяцев до этого, что Вашингтон на Гудзоне и Корнуоллис на Катаубе, разделенные восьмисот милями, так скоро сойдутся и положат конец войне на побережье Вирджинии, его бы сочли за сумасшедшего пророка. По тщательности подготовки и скорости выполнения это движение со стороны Вашингтона было столь же замечательным, как поход Наполеона осенью 1805 года, когда он ворвался с берега Ла-Манша в Баварию и захватил австрийскую армию в Ульме.

Попытка Клинтона нанести ответный удар К 2 сентября сэр Генри Клинтон, узнав, что американская армия достигла Делавэра, и сопоставив эту информацию с данными, полученными от адмирала Худа, начал подозревать истинную природу действий

Вашингтона и был в полном замешательстве. Единственное, что ему пришло в голову, было нанести контрудар на побережье Коннектикута, и он соответственно отрядил Бенедикта Арнольда с 2000 человек для нападения на Нью-Лондон.

Действия Арнольда в Нью-Лондоне, 6 сентября Этот маленький, но крепкий штат мог похвастаться тем, что ни одна вражеская армия никогда не ночевала на его земле. Удары, которые наносились его прибрежным городам, наносились врагом, который отступал так же быстро, как и наступал, и так было и в этот раз. Подступы к Нью-Лондону охраняли два форта на противоположных берегах реки Темзы, но войска Арнольда вскоре захватили западный берег, подавив всякое сопротивление и захватив город. В форте Грисволд на восточном берегу собралось 157 ополченцев, которые оказали отчаянное сопротивление. Форт был атакован 600 регулярными войсками, и после потери 192 человек, или на 35 больше, чем всего численность гарнизона, они взяли его штурмом. Пощады не было, и из небольшого гарнизона форта Грисволд () только 26 человек уцелели.^[43] Город Нью-Лондон был превращен в пепел; сотни ополченцев стекались со всех сторон; враг вновь сел на корабли перед закатом и вернулся в пролив. И так, 6 сентября 1781 года, с этим бессмысленным нападением на мирный район, где прошли первые годы его жизни, блестящий и злобный Бенедикт Арнольд исчезает из американской истории.^[44]

Капитуляция Корнуоллиса, 19 октября 1781 года Это было совершенно бессмысленное нападение, поскольку оно не оказало и не могло оказать ни малейшего влияния на действия Вашингтона. К тому времени, когда новость об этом дошла до Вирджинии (), союз против Корнуоллиса был уже сформирован, и с каждым днем кольцо вокруг обреченной армии сжималось все сильнее. Йорктаун был осажден, и 6 октября генерал Линкольн открыл первую параллель. 11 октября Стюбен открыл вторую параллель в трехстах ярдах от укреплений противника. В ночь на 14 октября Александр Гамильтон и барон де Виомениль штурмом взяли две британские редуты. На следующую ночь британцы совершили отважный, но безуспешный выпад. К полудню 16-го их укрепления быстро рушились под огнем семидесяти пушек. 17-го — в четвертую годовщину капитуляции Бергойна — Корнуоллис поднял белый флаг. Условия капитуляции были такими же, как и у Линкольна в Чарльстоне. Британская армия стала военнопленной и подлежала обычным правилам обмена. Единственный деликатный вопрос касался американских лоялистов в армии, которых Корнуоллис считал неправильным бросать на произвол судьбы. Этот вопрос был аккуратно решен, позволив ему отправить корабль сэру Генри Клинтону с известием о катастрофе и погрузить на него тех солдат, которых он сочтет целесообразным отправить в Нью-Йорк, без каких-либо вопросов. В небольшом вопросе этикета американцы были более требовательны. Практика исполнения мелодий врага всегда ценилась как неотъемлемая привилегия британских солдат; и при капитуляции Чарльстона, в знак унижения, армии генерала Линкольна было строго запрещено играть какие-либо мелодии, кроме американских. Полковник Лоуренс, который теперь вел переговоры, распорядился, чтобы генерал Линкольн принял меч лорда Корнуоллиса, а армия, выходя для сдачи оружия, играла британскую или немецкую мелодию. Ничего не поделать; и 19 октября армия Корнуоллиса, насчитывавшая 7247 человек и 840 моряков, вышла с свернутыми и убранными в чехлы флагами, а оркестр играл старинную английскую мелодию с многозначительным названием «Мир перевернулся с ног на голову!».

ДОМ МУРА В ЙОРКТАУНЕ, В КОТОРОМ БЫЛИ СОГЛАСОВАНЫ УСЛОВИЯ КАПИТУЛЯЦИИ

Важность помощи, оказанной французским флотом и армией В тот же день, когда Корнуоллис сдался, сэр Генри Клинтон (), получив подкрепление от флота, отплыл из Нью-Йорка с двадцатью пятью линейными кораблями, десятью фрегатами и 7000 лучших солдат. Через пять дней он достиг устья Чесапикского залива, где узнал, что опоздал, как и четыре года назад, когда пытался прийти на помощь Бергойну. На две недели раньше эти силы, возможно, могли бы серьезно изменить исход сражения, поскольку флот был достаточно силен, чтобы побороться с Грассом за контроль над побережьем. Французы всегда приписывали себе заслугу в победе при Йорктауне. Во дворце Версаля есть зал, стены которого покрыты огромными картинами, изображающими бесчисленные победы Франции, начиная со времен Хлодвиг и заканчивая Наполеоном. Ближе к концу длинной серии американский посетитель не может не заметить сцену под названием «Bataille de Yorcktown» (с ошибкой в написании, как это принято у французов, когда они имеют дело со словами внешних варваров), на которой генерал Рошамбо занимает самое почетное место, а генерал Вашингтон вынужден довольствоваться подчиненным положением. Это не соответствует исторической действительности, поскольку слава за разработку и проведение этой операции, несомненно, принадлежит Вашингтону. Но никогда не следует забывать, что для успешной реализации плана были необходимы не только 4000 человек Рошамбо и 3000 человек Сен-Симона, но и грозный флот Грасса, без которого этот план вообще не мог бы быть разработан. Сколько еще могла бы затянуться эта утомительная война и каким был бы ее конечный исход без этой своевременной помощи, мы никогда не узнаем; и наша благодарность Франции () за ее помощь в этом важнейшем случае — это то, что всегда должно быть должным образом признано.^[45]

Charles Earl Cornwallis Lieutenant General
in Chief of His Majesty's Forces ———

Do acknowledge myself a Prisoner of War to the
States of America, having promised from His
Highness General Washington, agreeable to Capitulation to
proceed to New York or Charlestown, or either, & to Europe.

Do pledge my Faith & Word of Honor, that I
will not do or say any thing injurious to the said United States
or America, thereof or their Allies, untill duly exchanged, I do
further promise that whenever required, by the Commander in
Chief of the American Army, or the Commissary of Prisoners
for the same, I will repair to such place or places as they or
either of them may require. ———

GIVEN under my Hand at York Town 28th day
of October 1781 ———

Cornwallis

СЛОВО КОРНУОЛЛИСА

Реакция на новость в Англии Рано утром в темное октябрьское утро четвертой недели старого честный немец, медленно шагая по улицам Филадельфии во время ночного дозора, начал кричать: «Basht dree o'glock, und Gornvallis ish dakendt!» (Три часа ночи, и Корнуоллис сдался!), и люди с легким сном вскочили с постелей и открыли окна. Курьер Вашингтона доставил депеши в Конгресс до полудня, а после обеда в лютеранской церкви была отслужена молитва и благодарственная служба. В Нью-Хейвене и Кембридже студенты пели торжественные гимны, а на каждой деревенской площади в стране горели костры. Герцог де Лозан отплыл во Францию на быстром корабле, а 27 ноября все дома в Париже были освещены, и в проходах Нотр-Дама раздалось Те Деум. В полдень 25 ноября новость донесли лорду Джорджу Джермейну в его дом на Палл-Малл. Сев в карету, он поспешно отправился к дому лорда-канцлера на Грейт-Рассел-стрит, Блумсбери, и забрал его; затем они поехали в офис лорда Норта на Даунинг-стрит. Узнав эту ошеломляющую новость, премьер-министр потерял всю свою привычную веселость. Он бегал по комнате, размахивая руками и крича: «О Боже! Все кончено! Все кончено! Все кончено!» В Кью была отправлена депеша королю, и когда лорд Джордж получил ответ вечером за ужином, он заметил, что его величество писал спокойно, но забыл поставить дату на письме, чего раньше никогда не случалось.

«Эта весть, — говорит Враксалл, который рассказывает об этих событиях, — была способна омрачить даже самое веселое общество и открыла широкое поле для политических спекуляций». Однако в Англии было много людей, которые смотрели на этот вопрос иначе, чем лорд Норт. Это сокрушительное поражение было именно тем, на что герцог Ричмонд в

начале войны публично заявлял, что надеется. Чарльз Фокс всегда испытывал особое удовольствие, читая о поражениях вторгшихся армий, начиная с Марафона и Саламина и далее; и, услышав новость о капитуляции Корнуоллиса, он вскочил со стула и зааплодировал. Четыре месяца назад в ходе дебатов в парламенте молодой Уильям Питт осудил американскую войну как « проклятую, злобную, варварскую, жестокую, противоестественную, несправедливую и дьявольскую», что побудило Берка заметить: «Он не просто вылеплен из того же теста, что и его отец, он сам — это тесто!».

Трудное положение Великобритании Падение министерства лорда Норта и вместе с ним свержение личного правления Георга III были теперь близки. В течение долгого времени правительство теряло популярность. Летом 1780 года британские победы в Южной Каролине несколько укрепили его позиции, но когда осенью того же года парламент был распущен (), новый парламент оказался едва ли более благосклонным к министерству, чем старый, хотя король жаловался, что его расходы на коррупцию были в два раза больше, чем когда-либо прежде. Несчастья и затруднения преследовали лорда Норта и его коллег. Пример сопротивления американцев повлиял на Ирландию, и именно в разгар той агитации, которая ассоциируется с именами Флуда и Граттана, была получена весть о капитуляции Корнуоллиса. Более года шла война в Индии, где Хайдер Али на тот момент побеждал во всем. Франция, стремящаяся вернуть утраченные позиции в Индостане, направила туда сильное вооружение и настаивала на том, что Англия должна отказаться от всех своих индийских завоеваний, за исключением Бенгалии. На мгновение новая восточная

империя Англии пошатнулась и была спасена только благодаря сверхчеловеческим усилиям Уоррена Гастингса (Warren Hastings) при поддержке замечательного военного гения сэра Эйра Кута (). В мае 1781 года испанцы захватили Пенсаколу, вытеснив таким образом британцев с их последней позиции во Флориде. В феврале 1782 года испанский флот захватил Менорку, а осада Гибралтара, которая продолжалась почти три года, была усилена с удвоенной энергией. Зимой французы отбили Сент-Эстатиус и передали его Голландии, а великий флот Грасса смел все британские владения в Вест-Индии, за исключением Ямайки, Барбадоса и Антигуа. Все это время Северная лига продолжала ревниво следить за британскими крейсерами в узких морях, и среди всех держав Европы правительство Георга III не могло найти ни одного друга.

Победа Родни над Грассом, 12 апреля 1782 года Однако морское господство Англии было нарушено лишь на мгновение. Родни был отправлен обратно в Вест-Индию, и 12 апреля 1782 года его флот из тридцати шести кораблей столкнулся с французами у острова Сент-Мари-Галант. Последовавшая за этим одиннадцатичасовая битва, в которой 5000 человек были убиты или ранены, была одной из самых грандиозных сражений, когда-либо происходивших на океане до времени Нельсона. Французы были полностью разгромлены, а Грасс был взят в плен — он стал первым французским главнокомандующим на море или суше, попавшим в руки врага с тех пор, как маршал Таллард сдал свой меч Мальборо в тот страшный день в Бленхейме. Франция не могла ничего сделать, чтобы исправить это сокрушительное поражение. Ее морская мощь была уничтожена одним ударом, и в течение лета англичане добились еще одного большого успеха, разгромив испанцев в Гибралтаре после борьбы, которая по своей упорной стойкости едва ли имеет себе равных в анналах современной войны. К осени 1782 года Англия, потерпевшая поражение в Соединенных Штатах, оставалась победоносной и непоколебимой по отношению к другим участникам войны.

Rockingham

Но эти великие успехи пришли слишком поздно, чтобы спасти обреченное министерство лорда Норта. После капитуляции Корнуоллиса никто, кроме короля, не думал продолжать войну в Америке. Даже король отказался от всякой надежды на покорение Соединенных

Штатов, но настаивал на сохранении штата Джорджия с городами Чарльстон и Нью-Йорк и поклялся, что, прежде чем признать независимость Соединенных Штатов, он отречется от престола и удалится в Ганновер. Лорд Джордж Джермейн был отстранен от должности, сэр Генри Клинтон был заменен сэром Гаем Карлтоном, и король начал мечтать о новой кампании. Но его упрямство не принесло результата. Зимой и весной генерал Уэйн, действуя по приказу Грина (), изгнал британцев из Джорджии, а в стране помещики начали переходить на сторону оппозиции; лорд Норт, полностью разочарованный и возмущенный, отказался дальше проводить политику, которую он не одобрял. Разочарованный и побежденный король, как лиса в басне, заявил, что американцы — жалкая banda мошенников, и он рад избавиться от них. Палата общин начала обсуждать вопрос о вотуме недоверия правительству. Предложение Конвея, просящее короля прекратить войну, было отклонено всего одним голосом; и наконец, 20 марта 1782 года, лорд Норт уступил буре и подал в отставку. Две фракции партии вигов объединили свои силы. Лорд Рокингем стал премьер-министром, а вместе с ним в правительство вошли Шелбурн, Камден и Графтон, а также Фокс и Конвей, герцог Ричмонд и лорд Джон Кавендиш, все из которых были верными друзьями Америки, и чье назначение означало признание независимости Соединенных Штатов.

ГЕОРГ III

Лорд Норт заметил, что его часто обвиняли в публикации лживых бюллетеней, но он никогда не говорил такой большой лжи, как та, с которой новое министерство объявило о своем вступлении во власть; ведь, представляя имя каждого из этих джентльменов, официальный бюллетень использовал слова «Его Величество *благоволил* назначить!». Это был действительно день горького унижения для Георга III и людей, которые были его

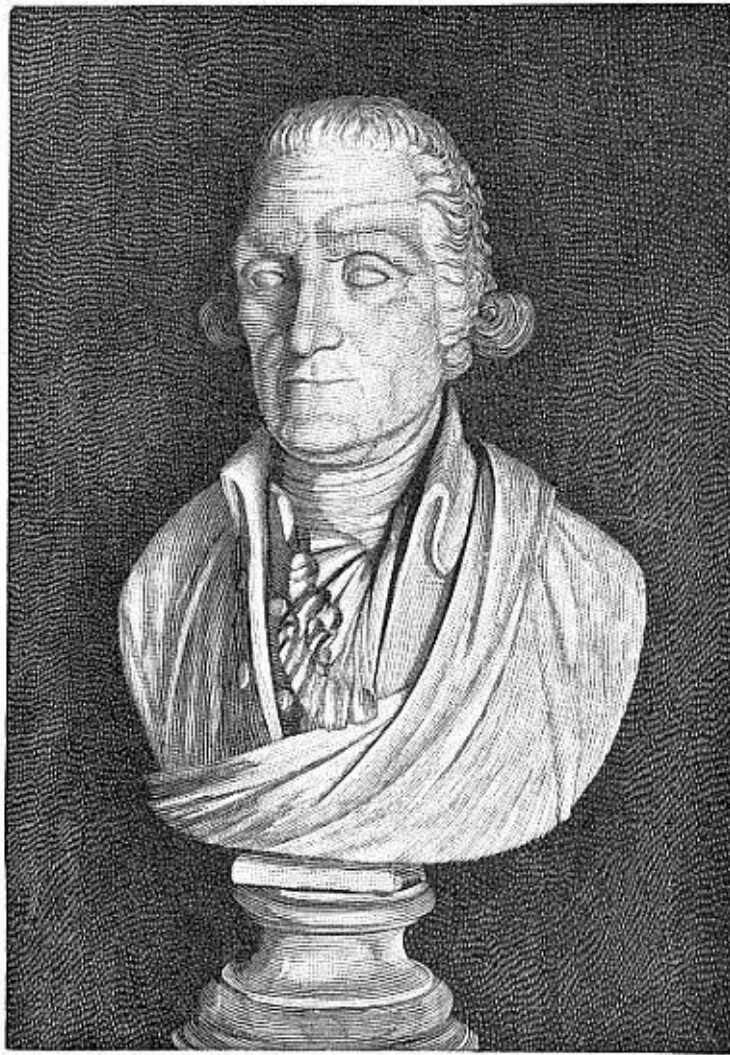
инструментами.

Но это был день счастливого предзнаменования для английской нации, как в Старом Свете, так и в Новом. Появление министерства лорда Рокингхэма означало не только независимость Соединенных Штатов, но и падение единственной серьезной угрозы, которая нависала над английской свободой со времени изгнания Стюартов. Личное правление, которое пытался установить Георг III, с его всеобъемлющей коррупцией, бесстыдными нарушениями публичного права и посягательствами на свободу слова и печати, было безвозвратно дискредитировано и пошатнулось, в то время как великая Англия Вильгельма III, Уолпола, Чатема, младшего Питта, Пиля и Гладстона обрела свободу для продолжения своей благородной карьеры. Таким было бесценное благо, которое молодая нация, благодаря своему твердому настаиванию на принципах политической справедливости, оказала старой. Решающая битва за свободу в Англии, а также в Америке и в том обширном колониальном мире, которому Чатем предсказывал господство в будущем, была теперь выиграна. И главную роль в достижении этой славной цели сыграли высокий гений Вашингтона и непоколебимая

доблесть людей, которые страдали вместе с ним в Вэлли-Фордж и которых он привел к победе в Йорктауне.

В свете вышеизложенного становится ясно, что, хотя Американская революция была связана с военной борьбой между правительствами Великобритании и Соединенных Штатов, она не означала какого-либо существенного противостояния интересов или целей между британским и американским народами. Это была не борьба между англичанами и американцами, а между двумя противоположными принципами правления, каждый из которых имел своих сторонников и противников в обеих странах. Это была борьба между принципами вигов и тори, и именно временное преобладание торизма в британском правительстве привело к политическому разрыву между двумя странами. Если бы идеи Уолпола или идеи Чатема () продолжали преобладать в Вестминстере до конца XVIII века, вряд ли произошел бы такой политический разрыв. Самоуправление американских колоний не подвергалось бы вмешательству, и такие незначительные недовольства, которые существовали здесь и там, могли бы быть легко устранены обычными мирными методами. Американская революция, в отличие от большинства политических революций, была по сути своей консервативной. Она была вызвана не реально существующим угнетением, а решимостью избежать возможного угнетения в будущем. Ее целью было не приобретение новых свобод, а сохранение старых. Принципы, провозглашенные на Конгрессе по Закону о гербовом сборе 1765 года, ничем существенным не отличались от тех, которые были провозглашены пятью веками ранее, в парламенте графа Симона 1265 года. Политическая свобода не была изобретением западного полушария; она была принесена на эти берега из Великобритании нашими предками в XVII веке, и их дети в XVIII веке естественно отказались сдавать сокровище, которым они пользовались с незапамятных времен.

Решающим событием, которое в ретроспективе кажется сделавшим революцию неизбежной, поскольку фактически привело к ее началу, был Закон о регулировании от апреля 1774 года, который аннулировал хартию Массачусетса и оставил это содружество под управлением военного губернатора. Эта жестокая мера, которая была решительно осуждена наиболее просвещенными кругами Англии, была принята полубезумным молодым королем и прошла через парламент, в котором более ста членов представляли коррумпированные округа. Это было первое явное проявление деспотических наклонностей в правительстве с 1688 года; в этой связи интересно вспомнить, что в 1684 году Карл II предпринял попытку поступить с Массачусетсом точно так же, как девятью годами спустя попытался поступить Георг III. В обоих случаях хартия была аннулирована и назначен военный губернатор; и в обоих случаях свободы всех колоний были открыто угрожаемы тираническим замыслом. Но в более раннем случае поведение Якова II сразу вызвало острое раздражение в Англии, так что зло было быстро устранено. В более позднем случае зло было осознано гораздо раньше и гораздо острее в колониях, чем в Англии, что привело к политическому отделению. Вместо общей революции, свергающей или быстро ограничивающей власть короля, произошла частичная революция, которая отделила колонии от их прежней верности; но в то же время успех этой частичной революции вскоре привел к ограничению власти короля. Личное правление Георга III было практически прекращено в результате выборов 1784 года.

БЮСТ ВАШИНГТОНА, ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ, БОСТОН

На протяжении всей войны виги метрополии лояльно поддерживали принципы, за которые боролись американцы, и результаты войны в полной мере оправдали их. С другой стороны, тори в Америке были далеки от единодушия в одобрении политики Георга III. Некоторые из них соперничали с Терлоу и Джермейном в искренности, с которой они поддерживали короля; но другие, и, по всей вероятности, гораздо большее число, не одобряли меры короля и осознавали их опасную тенденцию, но не могли заставить себя принять участие в разрушении великой империи, которая олицетворяла все, что их умы считали лучшим в цивилизации. История не призвана осуждать этих членов проигравшей партии. Дух, которым они были одушевлены, нелегко отличить от того, который вдохновлял победившую партию в нашей Гражданской войне. Расширение английского влияния в мире было делом, к которому американские колонии внесли немалый вклад, и радость по поводу победы Вольфа едва улеглась, как на горизонте появился призрак братоубийственной войны. Американец, искренне не одобрявший благонамеренную ошибку Гренвилля и злонамеренный вызов Тауншенда, мог по-прежнему верить, что ситуацию можно исправить без разрушения империи. Такова была позиция Томаса Хатчинсона, который, несомненно, был патриотом, столь же честным и бескорыстным, как и его противник Сэмюэл Адамс. Позицию Хатчинсона можно прекрасно понять, если сравнить ее с позицией Фолкленда во времена Долгого парламента. В том и в другом случае здравый

смысл был на стороне умеренных, но их роковой слабостью было то, что они не могли предложить никакого практического решения. Между Георгом III и Сэмюэлем Адамсом любой реальный компромисс был столь же невозможен, как между Карлом I и Пимом.

Многие патриотически настроенные тори, такие как Хатчинсон, серьезно опасались, что если политическая связь между колониями и метрополией будет разорвана, новые американские республики либо разорвутся на части в мелких и позорных войнах, как государства древней Греции (), либо погрузятся в положение инструментов Франции или Испании. История тридцати лет после Йорктауна показала, что эти опасения не были вымышленными. Дрейф к анархии, от которого мы начали спасаться в 1787 году, был очевиден; а после 1793 года решимость Франции сделать Соединенные Штаты своим инструментом на несколько лет стала тревожным и деморализующим фактором в политической ситуации. Но когда мы смотрим на эти события ретроспективно, мы приходим к выводу, прямо противоположному тому, который высказывали тори. Страх перед надвигающейся анархией привел к созданию нашей Федеральной конституции в 1787 году, и ничто другое не могло этого сделать. Если бы не острая нужда, вызванная отсутствием более сильного правительства, чем Континентальный конгресс, американский народ в 1787 году не был бы более готов вступить в строгий федеральный союз, чем в 1754 году. Вместо анархии отделение от Великобритании, угрожая анархией, привело к более совершенному союзу. Для успешного решения американских проблем была необходима независимость.

Жаль, что достижение этой независимости было сопряжено с горькими воспоминаниями, неотделимыми от войны. В такой политической атмосфере, как в древнегреческом мире, этого не должно было произойти. Греческие колонии, за исключением двух-трех случаев, пользовались полной автономией. Коринф не принимал законов для Сиракуз, но сиракузцы не переставали считать коринфян своими соотечественниками. Концепции верности и территориального суверенитета, которые созрели в условиях феодальной системы, сделали такие отношения между колонией и метрополией невозможными в XVIII веке. Автономия не могла быть само собой разумеющейся, ее нужно было завоевывать мечом.

Но хотя в этих условиях война была неизбежна, только грубое незнание истории может найти в такой войне () оправдание отсутствию сердечности между народами Соединенного Королевства и Соединенных Штатов. Как уже отмечалось, это была не война между двумя народами, а между двумя принципами (). Принцип государственного управления, против которого боролся Вашингтон, больше не существует ни у британцев, ни у американцев; он исчез, как динозавры. Во всех добрых делах, которые нации могут совершать в мире, британский народ является нашим лучшим союзником; и одним из самых обнадеживающих признаков прогресса цивилизации в последние годы является тот факт, что серьезный вопрос, который в прежние времена и между другими нациями несомненно привел бы к кровопролитию, был урегулирован мирным путем с помощью арбитража. Воспоминания о том, что было достигнуто в 1872 году в Женеве, вызывают большее чувство гордости, чем Саратога или Йорктаун. С такого благоприятного начала вполне вероятно, что в скором времени будет разработана система, при которой все международные вопросы, которые могут возникнуть между англоязычными народами, будут разрешаться путем мирных переговоров. Это было бы одним из самых замечательных дел, когда-либо совершенных для благополучия человечества, и есть надежда, что последние годы нашего века могут быть навсегда прославлены таким достижением.

СНОСКИ:

[1] См. мою книгу *«Критический период американской истории»*, гл. i.

[2] В своем описании Американской революции г-н Леки склоняется на сторону тори, но он чрезвычайно справедлив и откровенен.

[3] На пьедестале этой статуи, стоящей перед Северным мостом в Конкорде, выгравирована следующая цитата из «Гимна Конкорда» Эмерсона:

У грубого моста, возвышающегося над потоком,
Их флаг развевался на апрельском ветру,
Здесь когда-то стояли вооруженные фермеры
И выстрелили, что услышал весь мир.

Дед поэта, преподобный Уильям Эмерсон, наблюдал за сражением из окна Старого Мансе.

[4] Именно в этой церкви 23 марта 1775 года Патрик Генри произнес свою знаменитую речь, в которой сказал: «Слишком поздно отступать от борьбы. Нет пути назад, кроме как в покорность и рабство. Война неизбежна, и пусть она начнется! Следующий порыв ветра, дующий с севера, донесет до наших ушей звук сражения! Я не знаю, какой путь выберут другие, но что касается меня, то дайте мне свободу или дайте мне смерть».

[5] В письме, факсимиле которого приводится здесь, Аллен указывает дату взятия Тикондероги как 11-е число, но тщательное изучение современных газет и других источников информации показывает, что это, должно быть, опечатка. В своем личном «Рассказе» Аллен правильно указывает дату как 10-е число.

[6] Этот эскиз был сделан на месте для лорда Роудона, который тогда входил в штаб Гейджа. Шпиль на переднем плане — это шпиль Старой Западной церкви, где проповедовал Джонатан Мэйхью; она стояла на месте, которое впоследствии заняла церковь доктора Бартола на Кембридж-стрит, ныне филиал Бостонской публичной библиотеки. Ее положение на картинке показывает, что художник стоял на Бикон-Хилл, на высоте 138 футов над водой. Первый холм справа от шпиля, на другом берегу реки, — это Банкер-Хилл, высотой 110 футов. Вершина Бридс-Хилл, высотой 62 фута, где стоял редут Прескотта, почти скрыта пламенем горящего Чарлстауна. На аукционе по продаже имущества маркиза Гастингса, потомка лорда Роудона, этот эскиз был куплен моим другом доктором Томасом Аддисом Эмметом.

[7] [Происходя из семьи, всегда занимавшей видное положение в Род-Айленде, он с ранних лет стал самым уважаемым и почитаемым гражданином колонии. Его отец, узколобый квакер, хотя и богатый землями, мельницами и кузницами, был против образования и заставлял сына работать в кузницах. Но сын имел сильную жажду знаний и, не пренебрегая своими обязанностями, покупал книги и стал хорошо разбираться в истории, философии и общей литературе].

[8] Первым этапом было изменение сплошного красного цвета британского флага на чередующиеся красные и белые полосы, как показано на флаге справа, который символизировал тринадцать объединенных колоний. После того как была отвергнута верность британской короне, союз красного креста Святого Георгия и белого креста Святого Андрея на синем углу стал неуместным, и в июне 1777 года Конгресс заменил его кругом из тринадцати белых звезд на синем фоне, чтобы обозначить возникновение нового созвездия штатов.

[9] Джонатан Трамбулл, губернатор Коннектикута, окончил Гарвард в 1737 году в одном классе с Хатчинсоном. Вашингтон называл его «брат Джонатан». Он был отцом Джона Трамбулла, известного художника.

[10] Этот вид снят с реки Гудзон, и на нем справа виден форт Джордж. Улица, выходящая на реку, была Гринвич-стрит, с которой был крутой спуск к воде. Скалистый вид берегов был впоследствии уничтожен за счет добавления новой земли, плавно спускающейся к уровню воды на Уэст-стрит. Самая заметная церковь на картинке — старая Троица, которая была сожжена в 1776 году.

[11] Это современный вид дороги, по которой Хоу продвигался к тылу Салливана.

[12] Я оставляю это так, как написал в июне 1883 года. С тех пор другая версия фактов была предложена У. Л. Стоуном в *«Энциклопедии американских биографий»* Апплтона. В этой версии мистер Джонс посылает группу индейцев под командованием метиса Дулута, чтобы сопроводить мисс Маккреа в лагерь, где они должны пожениться с мистером Бруденеллом, капелланом. Это должна была быть довольно красивая маленькая свадьба, и баронесса Ридезель и леди Харриет Аккланд должны были быть среди зрителей. Прежде чем Дулут достиг дома миссис Макнил, индеец из племени

виандотов по прозвищу Пантера (здесь известный под именем другого зверя, Ле Луп) со своей группой напал на дом и увез обеих дам. Группа Пантеры встречает группу Дулута у источника. Дулут настаивает на том, чтобы взять Дженни с собой, и между ним и Пантерой завязывается громкая ссора, пока последний, в приступе ярости, не вытаскивает пистолет и не застреливает девушку. Эта версия, если она верна, в некоторой степени согласует легенду с наблюдаемыми фактами.

[13] Эта современная британская карикатура изображает новых союзников, «благородную пару братьев», Георга III и индейского вождя, сидящих вместе за банкетом каннибалов. Она выражает живое отвращение, с которым в Англии относились к использованию индейцев.

[14] Весной 1776 года Ли написал Эдварду Рутледжу: «Клянусь вечным Богом! Если вы не провозгласите свою независимость, вы заслуживаете быть рабами!» В нескольких таких письмах Ли буквально ревел о независимости.

[15] Ситуация, казалось, приближалась к той, что была изображена на сатирической гравюре «Человек на Луне», которая появилась на титульном листе трактата, опубликованного в Лондоне в 1776 году под названием «Защита колоний по обвинениям, выдвинутым против них лордом Мэнсфилдом и другими». Человек на Луне — это Георг III, смотрящий в телескоп, который держит его тори-главный судья, на рукаве которого виден шотландский клетчатый узор клана Мюррей. Он смотрит на перевернутый и перевернутый с ног на голову мир, в котором Нью-Йорк (чья истинная широта почти такая же, как у Неаполя) находится дальше на север, чем Лондон, а Америка — к востоку от Европы. Американское побережье покрыто огромными армиями, и весь британский флот направляется туда, оставляя Англию беззащитной перед нападением французского войска, собравшегося в Дюнкерке. Тем временем галльский петух громко поет, а схематичный контур Великобритании указывает на то, что художник предполагает, что остров «к 1800 году может быть настолько разрушен, что люди едва ли будут знать, где находилась нация, которая когда-то была столь грозной». См. *Трактаты* 985, Библиотека Гарвардского университета.

[16] «Этот эпизод кажется мне самым преступным за все время правления Георга III, и, по моему мнению, он столь же преступен, как и любые из тех действий, которые привели Карла I на эшафот». Леки, *«История Англии в XVIII веке»*, т. IV, с. 83.

[17] Как обычно в таких случаях, существуют очень разные свидетельства о том, что было сказано. В моем первом издании я привел известную историю, скудную версию которой можно найти у Бэнкрофта, а гораздо более полную — у Ирвинга: «Что все это значит?» и т. д.; но я подозреваю, что эта история слишком литературна. Маловероятно, что в такой момент мог произойти подобный разговор. Молодой сержант Джейкоб Мортон стоял рядом, когда Вашингтон встретил Ли. Этот Мортон, который впоследствии стал майором, был известен своей точностью и аккуратностью в высказываниях. В 1840 году он рассказал о том, что произошло, мистеру Харрисону Робертсону из Шарлоттсвилля, штат Вирджиния, а в 1895 году мистер Робертсон любезно написал для меня свои воспоминания об этом рассказе. По словам Мортон, Вашингтон просто крикнул: «Боже мой! Генерал Ли, что вы делаете?» Это имеет признаки правды. Другой рассказ, восходящий к Лафайету и также вероятный, гласит, что, когда Вашингтон яростно промчался мимо, он с горьким подчеркиванием воскликнул: «Проклятый трус!»

[18] Таково было собственное свидетельство Штойбена на военном трибунале. Ли был настолько разгневан этим, что высказал замечания в адрес Штойбена, которые вскоре вызвали вызов со стороны этого джентльмена. (*Документы Ли*, iii. 96, 253.) Жаль, что у нас нет ответа, в котором Ли отказался от встречи. Об этом упоминается в письме Александра Гамильтона барону фон Штойбену, написанном через две недели после вызова: «Я с удовольствием прочитал ваше письмо Ли. Оно было сформулировано в терминах, соответствующих проступку, и, если у него есть чувства, он должен был это почувствовать. Учитывая остроту и суровость ваших выражений, его ответ был, безусловно, очень скромным и доказал, что он не испытывал сильного желания вступить в столь близкое *тет-а-тет*, на котором, как вы, похоже, настаивали. Его уклончивость, если бы она стала известна миру, принесла бы ему очень мало чести». На каких основаниях Ли отказался сражаться со Штойбеном, трудно предположить, поскольку через неделю мы видим его вовлеченным в дуэль с полковником Лоренсом, о чем будет упомянуто в тексте.

[19] *Сочинения Вашингтона*, под ред. Форда, vii. 90.

[20] «Я никогда не видел генерала в столь выгодном свете... В руках любого другого, кроме него, вся армия потерпела бы полное поражение, погрузилась бы в смятение и позор. Своим здравым смыслом и мужеством он изменил ход событий... Он не остался в стороне, не оставив Арнольду возможность завоевать лавры за него, а своим присутствием навел порядок в

хаосе, воодушевил свои войска и привел их к победе». — *Гамильтон Будино*у, 5 июля 1778 г. Обратите внимание на своевременную насмешку над Гейтсом. Будино отвечает: «Я всегда уважал и любил генерала с тех пор, как узнал его, но в этом случае он превзошел самого себя. Все только и говорят о его похвалах, потому что даже его мнимые друзья (поскольку никто не осмеливается признать себя его врагами) вынуждены хвастаться этим». — *Будино Гамильтону*, 8 июля 1778 года.

[21] Иногда его неправильно описывают как метиса и даже как сына сэра Уильяма Джонсона. Его отец был могавком из клана Волков и сыном одного из пяти вождей, посетивших двор королевы Анны в 1710 году. Имя иногда неправильно пишут как «Брандт». Индийское имя произносится так, как будто оно пишется «Thayendanauga», с ударением на предпоследней слог. Брант не был вождем. Его авторитет был личным, а не официальным. См. Морган, «*Лига ирокезов*», стр. 103.

[22] Было доказано, что в этом случае Тайенданега сделал все, что мог, чтобы сдержать жестокость своих диких последователей. См. Stone, *Life of Brant*, i. 379-381. Позднее было доказано, что Тайенданега командовал только своими могавками в Черри-Вэлли, а зверства были совершены в основном сенеками под командованием Сайенкератты. См. письмо Молли Брант в книге Hayden, *The Massacre of Wyoming*, Wilkes-Barré, 1895, стр. xxiv.

[23] Пушки были перевезены на колесах по твердому льду со Статен-Айленда в город. См. Stone's *Life of Brant*, ii. 54.

[24] В докладе, прочитанном перед Историческим обществом Мэриленда. См. также его работу «*Логан и Кресан*», Олбани, 1867. Эта история хорошо рассказана г-ном Теодором Рузвельтом в его замечательной книге «*Завоевание Запада*», Нью-Йорк, 1889. Хотя я оставляю настоящую главу в основном в том виде, в каком она была написана в 1883 году, при ее переработке для публикации я почерпнул один или два ценных намека из работы г-на Рузвельта.

[25] Этот момент хорошо освещен г-ном Рузвельтом в его книге «*Завоевание Запада*», т. I, стр. 240, 306.

[26] См. мою книгу «*Критический период американской истории*», гл. I.

[27] «Поведение американцев в этой ситуации было весьма похвальным: ведь они имели полное право убить весь гарнизон, но ни один человек не был казнен, кроме как в честном бою». *История американской войны* Стэзмана, Лондон, 1794, т. II, стр. 145. Это замечание, по-видимому, является неосознанным свидетельством несколько более высокой степени гуманности, которой достигла американская цивилизация по сравнению с европейской. Согласно обычаю, унаследованному от так называемой эпохи рыцарства, считалось уместным убивать плененный гарнизон в качестве «наказания», призванного удержать командиров от бессмысленной гибели людей при попытках защитить не защищаемые места. В тринадцатой статье международного соглашения, предложенного на Брюссельской конференции 1874 года, такая резня называется «убийством» и строго запрещается; в настоящее время она не была бы допущена общественным мнением нигде в Европе, за исключением Турции. Во время нашей Войны за независимость гарнизон форта Вашингтон был подвергнут угрозе резни со стороны генерала Хоу, но эта угроза не была осуществлена. (См. выше, т. I, стр. 230.) При взятии форта Грисволда 6 сентября 1781 года массовое убийство сдавшегося гарнизона всегда справедливо считалось грязным пятном на репутации британцев. Г-н Леки не раз признает гуманность американцев и объявляет их превосходящими в этом отношении британцев. (*История Англии в XVIII веке*, т. IV, стр. 145 и др.) Однако в интересах исторической правды следует быть осторожным и не заходить слишком далеко в этом мнении. О «варварстве» британских солдат в Войне за независимость написано много пафосных слов. Джон Адамс сравнивал этих честных и добрых джентльменов, братьев Хоу, с такими негодьями, как Борджиа и Альва, и предложил «чеканить медали из золота, серебра и меди в память о шокирующих жестокостях, зверских варварствах и дьявольских безбожиях этой войны; и их следует противопоставить доброте, нежности, человечности и филантропии, которые отличали поведение американцев по отношению к своим пленникам». (*Известные письма Джона Адамса и его жены*, стр. 266.) Дух этой цитаты пронизывает повествование покойного Джорджа Бэнкрофта о Революции и наполняет его просто глупой злобной враждебностью. На самом деле между британцами и американцами не было заметных различий в отношении гуманности. Много говорилось об ужасах британских тюремных кораблей в гавани Нью-Йорка и в других местах (см. «*Исторический обзор*» Грина, стр. 351); но ужасы старой тюрьмы Ньюгейт недалеко от Грэнби, в моем родном штате Коннектикут, были еще хуже (см. «*Историю тюрьмы Ньюгейт*» Фелпса), а тюрьмы Массачусетса были не намного лучше. Честные люди, неспособные заплатить свои долги, бросались в эти ужасные подземелья и подвергались такому же жестокому обращению, как и британские военнопленные.

Британцы заслуженно подверглись осуждению за использование индейских вспомогательных войск, но американцы в некоторой степени также должны разделить эту вину, поскольку в начале 1775 года, до кровопролития в Лексингтоне, Провинциальный конгресс Массачусетса нанял индейцев из Стокбриджа в качестве ополченцев и пытался убедить Шесть Наций «принять активное участие в этом славном деле». Индейцы сражались на стороне американцев в битвах при Лонг-Айленде и Уайт-Плейнс (*New York Colonial Documents*, viii. 740; *Jones's Annals of Oneida County*, p. 854; *Winsor, Narr. and Crit. Hist.* vi. 612-618). В известном отрывке из Декларации независимости король обвиняется в том, что «он пытался натравить на жителей наших границ безжалостных индейских дикарей, известных тем, что их правило ведения войны заключается в безразборном уничтожении людей всех возрастов, полов и положений». Лицемерие этого обвинения раскрывается тем фактом, что 3 июня Конгресс уполномочил Вашингтона нанять 2000 индейцев в Канаде, а 8 июля дал ему дополнительные полномочия на вербовку племен в восточной части штата Мэн и Новой Шотландии. Эти приказы были выполнены в соответствии с постановлением от 25 мая, в котором говорилось, что «крайне целесообразно привлечь индейцев на службу Объединенных колоний». (*Secret Journals of Congress*, p. 44; cf. *Washington's Writings*, ed. Ford, iv. 140, 154, 168.) Вашингтон одобрил наем индейцев. В целом, как это часто бывает, мы с святым ужасом поднимали руки на других людей за то, что сами без зазрения совести делали.

Среди статей, принятых на Брюссельской конференции 1874 года, была одна, гласившая, что «население оккупированной территории не может быть принуждено участвовать в военных операциях против своей страны, ни присягать на верность вражеской державе» (Фаррер, *Военные обычаи и традиции*, стр. 12). Столетие назад такого правила не признавалось. В Южной Каролине британские командиры расстреливали как дезертиров лиц, захваченных в бою после того, как они однажды приняли британскую защиту. Казнь полковника Исаака Хейна, видного гражданина, при особо отягчающих обстоятельствах по приказу лорда Роудона вызвала сильное возмущение. Но не следует забывать, что Грин также несколько раз расстреливал как дезертиров лиц, обнаруженных в рядах врага после службы в его собственных войсках. Таковы были военные обычаи того времени.

Многие из обвинений в жестокости, выдвинутых обеими сторонами, следует рассматривать с учетом значительного преувеличения. Например, 19 апреля 1775 года в Конкорде фермерский парень в бою с раненым солдатом ударил его топором по голове и убил. Этот инцидент, преувеличенный британцами, дал повод для заявления, что американцы калечили и скальпировали раненых солдат, лежащих на дороге; это заявление до сих пор иногда повторяется, хотя давно доказано, что оно ложно.

В целом, хотя я согласен с г-ном Леки в том, что американцы вели себя более гуманно, чем их противники, разница, по-видимому, не была большой. К чести обеих сторон можно сказать, что в этих войнах было меньше варварства, чем обычно в европейских войнах до XIX века.

[28] Первым главнокомандующим ВМС США был Эзекиль Хопкинс из Род-Айленда, назначенный Конгрессом в декабре 1775 года. Его звание в ВМС должно было соответствовать званию Вашингтона в армии. В газетах того времени его часто называли «адмиралом», но среди моряков он был более известен как «коммодор». Офицеры, стоявшие ниже него по званию, были капитанами. В феврале 1776 года Хопкинс вышел в море с небольшим флотом; в апреле, имея в своем распоряжении два военных шлюпа и три небольших брига, он атаковал британский шлюп «Глазго 20», но не смог его захватить. Его неудача была встречена суровым и, возможно, чрезмерным осуждением; в октябре того же года Конгресс принял резолюцию о его порицании, а в январе 1777 года уволил его со службы. До конца войны главнокомандующий флотом не назначался.

Одним из кораблей Хопкинса, бригам «Лексингтон 14», командовал Джон Барри, уроженец графства Уэксфорд в Ирландии, который долгое время проживал в Филадельфии. В апреле 1776 года, через несколько дней после неудачи Хопкинса, «Лексингтон» встретил британский тендер «Эдвард» у мыса Вирджиния и захватил его после часового боя. Это был первый захват британского военного корабля американцами. Барри прославился во время войны и умер во главе флота в 1803 году.

[29] В марте 1780 года флот Соединенных Штатов состоял из следующих кораблей:

- «Америка» 74, капитан Джон Барри, на стапеле в Портсмуте, штат Нью-Гэмпшир.
- «Конфедерация» 36, капитан Сет Хардинг, на переоборудовании в Мартинике.
- «Бурбон» 36, капитан Томас Рид, на стапеле в Коннектикуте.

«Альянс» 32, капитан Пол Джонс, во Франции.

«Трамбулл» 28, капитан Джеймс Николсон, готов к выходу в море в Коннектикуте.

Deane 28, капитан Сэмюэл Николсон, в плавании.

Providence 28, капитан Абрахам Уиппл,

Бостон 28, капитан Сэмюэл Такер,

Queen of France 20, капитан И. Ратборн,

Рейнджер 18, капитан С. Сэмпсон,

Saratoga 18, капитан Дж. Янг, на стапеле в Филадельфии.

} защищающий гавань
Чарльстона, Южная Каролина

См. *Sparks MSS.* xlix. т. iii. в библиотеке Гарвардского университета.

[30] Картина Ричарда Пэттона, изображающая это морское сражение, фотогравюра которой приведена здесь, несколько отступает от строгой исторической правды, как это часто бывает с историческими картинами. «Альянс» изображен в момент, когда он наносит беспристрастный залп по корме «Сераписа» и носу «Бон Ом Ричарда», что произошло вскоре после десяти часов. В то же время главная мачта «Сераписа» изображена опрокинутой за борт, тогда как она упала только после того, как корабли разошлись после капитуляции, уже в половине двенадцатого. Несмотря на эту неточность, общая концепция картины восхитительна. Гравюра, опубликованная в 1780 году, была посвящена сэру Ричарду Пирсону, капитану «Сераписа», который был заслуженно посвящен в рыцари за свое героическое сопротивление, спасшее Балтийский флот, хотя он и потерпел поражение в сражении. Существует предание, что Пол Джонс, услышав о чести, оказанной Пирсону, добродушно заметил: «Если я когда-нибудь встречу его снова, я сделаю его лордом».

[31] Сельскохозяйственные общины не имеют достаточного опыта для понимания истинной природы денег, и фермеры особенно подвержены финансовым иллюзиям. Это неоднократно иллюстрировалось в американской истории с плачевными последствиями, начиная с выпуска «бумажных денег» в Массачусетсе в 1690 году и заканчивая бессмысленными замыслами серебряных сумасбродов в настоящее время.

[32] История о его попытке поступить на службу к Люзерну, французскому министру, сменившему Жерара, основана на недостаточно достоверных источниках.

[33] Обвинение против миссис Арнольд, приведенное в книге Партона «Жизнь Берра», i. 126, окончательно опровергается Сабиним в его книге «Лоялисты Американской революции», i. 172-178. Я думаю, что нет никаких сомнений в том, что Берр лгал.

[34] Однако версия выговора, данного Марбуа, несколько апокрифична.

[35] Для такого джентльмена, как Клинтон, такое предложение было грубым оскорблением, на которое единственным подходящим ответом было бы: «За кого вы меня принимаете?» Этот план был крайне позорным для всех участников, и если Вашингтон был одним из них, то это должно быть признано пятном на его репутации. Единственным объяснением может быть то, что упомянутое ниже «расплывчатое чувство несправедливости» должно было быть настолько сильным, что на мгновение исказило его моральное суждение.

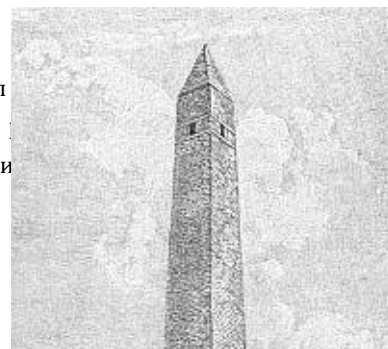
[36] В 1782 году британское правительство предоставило ему пожизненную пенсию в размере 1000 фунтов стерлингов в год для него и его жены. Арнольд умер в 1801 году, миссис Арнольд — в 1804 году.

[37] Как правильно замечает Леки, «есть что-то невыразимо трогательное в нежной привязанности и непоколебимом восхищении ее мужем, которые она сохранила на протяжении всех перипетий его мрачной и беспокойной жизни». *История Англии в XVIII веке*, iv. 136. Кажется, что ее любовь была вознаграждена безупречной верностью со стороны Арнольда. Его семейная жизнь, по-видимому, была безупречна, в чем он резко контрастирует с такими совершенно развращенными негодяями, как Чарльз Ли и Аарон Бёрр.

[38]

ПАМЯТНИК В САРАТОГЕ

Это самое подходящее место, чтобы упомянуть о памятнике в Саратоге, который был не завершен. Обелиск высотой 155 футов стоит на утесе примерно в 300 футах над Шуйлервилля в Саратога-Спрингс. Фотография сделана с юго-востока. Большие ни

основании, прямо над дверными проемами, занимают бронзовые статуи героического размера. Одной из них должен был быть недостойный Гейтс, который командовал армией и принял капитуляцию Бергойна. Вторая и третья — это, очевидно, Шуйлер и Морган. Четвертая ниша пуста. Это место принадлежит Арнольду, который был настоящим героем Саратоги. Если бы не Арнольд, армия Сент-Лежера могла бы спуститься по долине Мохок. Если бы не Арнольд, 19 сентября позиции Гейтса были бы прорваны в Бемис-Хайтс. Если бы не Арнольд, победа 7 октября, вероятно, была бы неопределенной, и у Клинтона было бы время подняться по Гудзону. В память о Саратоге невозможно было бы оставить Арнольда незамеченным. Поэтому у него есть своя ниша, но она пуста. Когда памятник будет завершен, имена четырех генералов будут высечены под их нишами, и тогда пустая ниша будет говорить так же красноречиво, как черная вуаль, которая в длинной серии портретов венецианских дождей покрывает место Марино Фалиерио.

На представленном здесь изображении пустая ниша видна слева. В нише справа, или на востоке, находится (в почти слишком маленьком масштабе, чтобы быть видимым здесь) статуя Шуйлера со скрещенными руками, взорающего на поле капитуляции, где он должен был председательствовать. На северной стороне стоит Гейтс с подозрительной трубой, как в последней битве; пока Арнольд одерживал для него победу, он стоял на Бемис-Хайтс, наблюдая за тем, что, как он полагал, будет отступлением американцев! На западной стороне Морган изображен в позе, как будто он приказывает своему снайперу Тиму Мерфи стрелять в генерала Фрейзера. Эти позы были предложены полковником Уильямом Литом Стоуном, секретарем Ассоциации памятника Саратоге, которому, по сути, памятник и обязан своим существованием.

Внутренняя часть памятника изящно украшена барельефами с сценами из кампании Бергойна.

[39] Именно сыновья этих непобедимых людей победили ветеранов Веллингтона в короткой, но острой агонии в Новом Орлеане; именно их внуки и правнуки были так близки к победе над Грантом в Шило и Роузкрансом в Стоун-Ривер.

[40] «История, пожалуй, не знает другого примера [он имеет в виду другой пример] сражения, выигранного при всех тех неблагоприятных условиях, с которыми британские войска ... пришлось бороться в Гилфорде. Возможно, в исторических хрониках нет и другого примера сражения, которое было бы ведено с большей решимостью и упорством, чем то, которое продемонстрировали британские войска в тот памятный день». Стэдман, *«История американской войны»*, Лондон, 1794, ii. 347.

[41] Интересно сравнить действия Корнуоллиса с действиями выдающегося генерала более позднего времени. В начале 1865 года генерал Шерман находился в Колумбии, на реке Конгари, примерно в тридцати милях к юго-западу от Камдена, и перед ним стояла сложная задача: без какой-либо надежной базы для операций ближе, чем Саванна, оттеснить войска Конфедерации на север и нанести им решающее поражение в Северной Каролине. С этой целью Шерман притворился, что нацелился на Шарлотт, а на самом деле перебросил основную часть своей армии на северо-восток через реки Педи и Кейп-Фир в Голдсборо, недалеко от побережья, где он создал новую и надежную оперативную базу. Сражение при Бентонвилле, которое произошло незадолго до того, как Шерман достиг этой базы, было неудачной попыткой его искусного противника Джозефа Джонстона помешать ему достичь ее. Марш Шермана на северо-запад от его новой базы был хорошо обеспечен, и капитуляция Джонстона недалеко от Хиллсборо была естественным следствием. Но, как однажды отметил в письме ко мне мой друг Джон Кодман Роупс, «если бы Шерман продолжил свой марш из Колумбии в Шарлотт, а оттуда до встречи и сражения с Джонстоном, то в результате неизбежных потерь в бою, не говоря уже о вопросе победы, ему, возможно, пришлось бы отступить в Саванну».

[42]

СТЫЧКА ФРАНСИСКО С ДРАГУНАМИ ТАРЛЕТОНА

Сразу после сражения при Грин-Спринг Тарлтон совершил набег на округ Амелия и дошел до Бедфорда, расположенного в ста милях к западу от Петербурга. Один из эпизодов этого набега стал предметом гравюры, которая была опубликована в 1814 году и вскоре стала привычным зрелищем на стенах общественных кофеен и частных салонов. Питер Франциско был португальским беспризорником, наемным слугой Энтони Уинстона. Когда он стал взрослым, его сила была такова, что он мог поднять на плечо пушку весом в полтонны, а его ловкость была не менее замечательной. В 1777 году, в семнадцать лет, он поступил на службу в Континентальную армию и сражался при Брэндивайн, Джермантауне, Форт-Миффлине, Монмуте, Стони-Пойнт, Камдене, Коупенсе и Гилфорде, где был ранен и оставлен умирать. Однако в нем еще оставалось много жизни. В один июльский день, где-то в округе Амелия, один и безоружный, он столкнулся с девятью драгунами Тарлетона, один из которых потребовал у него пряжки для ботинок. «Сними их сам», — сказал сообразительный соотечественник Магеллана. Когда тот наклонился, чтобы расстегнуть пряжки, молодой великан выхватил его меч и одним ударом разбил ему череп. Затем, быстро повернувшись, он убил еще двоих, один из которых сидел на лошади и стрелял в него из мушкета. В этот момент вдали появился отряд Тарлетона из 400 человек, после чего пронзительный Франциско громким голосом прокричал несколько команд, как будто обращаясь к приближающейся группе своих людей. Шесть невредимых драгун, которые случайно были без лошадей, были ошеломлены внезапной яростью атаки Франциско, и под его оглушительный крик они в панике бежали, оставив своих лошадей. Все это произошло в мгновение ока. Затем Франциско вскочил в седло одной из лошадей, схватил других за уздечки и усакал через лес к Принц-Эдуард-Корт-Хаус, где продал всех лошадей, кроме одной благородной кобылы, которую он назвал Тарлетон и держал в качестве любимца в течение многих лет. См. Уинстон, *«Питер Франциско, солдат революции»*, Ричмонд, 1893.

Вышеупомянутые события отражены на картине без особого внимания к точности.

[43] Эта резня, хотя и санкционированная европейскими правилами ведения войны того времени, не соответствовала обычаям английской Америки, ни со стороны британцев, ни со стороны континенталов. Это был случай исключительной жестокости, который следует считать серьезным пятном на репутации британцев. См. выше, стр. 116.

[44] Он умер в Лондоне 14 июня 1801 года, и о его похоронах на кладбище Бромптон упоминается в *Gentleman's Magazine*, lxxi. 580.

[45] Используя в этом контексте такое слово, как «благодарность», не следует забывать, что цели Франции, помогавшей нам, были чисто эгоистичными. Отношение французского правительства к нам не было действительно дружелюбным, и

его помощь оказывалась с максимально скупой щедростью. Пример этого был продемонстрирован сразу после капитуляции Йорктауна, когда Лафайет предложил Грассу совместную операцию на Чарльстон в сотрудничестве с Грином, но Грасс упорно отказался. См. Библиотека Гарвардского университета, *Sparks MSS*. Такое наступление обещало успех, хотя и могло повлечь за собой сражение с британским флотом. Но Грасс был верен политике Верженна, заключавшейся в том, чтобы помогать американцам ровно настолько, насколько это было необходимо, но не более того. Эта политика обсуждается в моей книге *«Критический период в истории Америки»*, глава I, «Результаты Йорктауна», в которой история продолжается с настоящей главы.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА

Исправления

В оглавлении тома 2 слово «surrounded» (окруженный) было ошибочно напечатано как «surrendered» (сдавшийся). Сдача происходит двумя пунктами ниже. Это было исправлено.

Следующие незначительные типографские ошибки, все в томе 2, также были исправлены.

Стр. x Корнуоллис [сдался/был окружен] в Йорктауне

Стр. а [а] чудо	удалено повторение буквы «а» в конце строки
Стр. 17 с теми из Великобритании	исправлено
стр. 142 обычный	пропущено «п» в переносе слова на разрыве строки
Стр. 275 без дополнительных кампаний[,/.]	непреднамеренная запятая

Транскрипции

Транскрипция текста газеты «[» цены на бумагу](#)» .

ПОЧТОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ,
Lincoln's-Inn, 1765.

A

ТАБЛИЦА

Цены на пергамент и бумагу для служебных нужд
Америки.

Пергамент.

Бумага

18 дюймов на 13, по четыре пенса	} каждый
22 — на 16, по шесть пенсов	
Шкуры 26 — на 20, по восемь пенсов	
28 — на 23, по 10 пенсов	
31 — на 26, по тринадцать пенсов	

Рог по семь пенсов	} 1 с. } каждый тетрадь
Шляпа дурака по девять пенсов	
Сделать с напечатанными уведомлениями	
для контрактов	
Фолио Пост за один шиллинг	
Демы — по два шиллинга	
Средний — за три шиллинга	
Роял — за четыре шиллинга	
Супер королевский за шесть шиллингов	

Бумага для печати

Новости.

Альманахи.

Двойная корона по 14 шиллингов.	} каждая пачка
Двойной Деми по 19 шиллингов.	

Книга — бумага Crown по 10 шиллингов 6 пенсов.	} каждая пачка.
Книга — Fools Cap по 6 шиллингов 6 пенсов.	
Карманная — Фолио Пост по 20 шиллингов.	
Лист — Demy по 13 шиллингов.	

Транскрипция текста из «Уведомление» .

БОСТОН, 27 сентября 1774 г.

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ,

Комитеты по переписке этого и нескольких соседних городов, учитывая огромную важность отказать находящимся здесь войскам в предоставлении рабочей силы, соломы, древесины, решетчатых изделий, досок и, короче говоря, всех предметов, за исключением продовольствия, необходимого для их существования, и будучи вынуждены в силу их поведения считать их настоящими врагами, мы полностью убеждены, что наш долг — отказать им во всем, кроме того, что требует простая человечность; поэтому мы просим вас внимательно и серьезно относиться к прилагаемым решениям, которые были приняты единогласно; и поскольку единодушие во всех наших мерах в этот день сурового испытания имеет первостепенное значение, мы настоятельно рекомендуем вам сотрудничать в этой мере, поскольку она способствует благу всех.

Мы,

Ваши друзья и соотечественники,

Подписано по поручению объединенного комитета,

Уильям Купер, секретарь

Транскрипция текста Прокламация короля .

От имени КОРОЛЯ,

ПРОКЛАМАЦИЯ

О подавлении мятежа и бунта.

ДЖОРДЖ Р.

В то время как многие из наших подданных в различных частях наших колоний и плантаций в Северной Америке, введенные в заблуждение опасными и злонамеренными людьми и забыв о верности, которую они должны власти, которая их защищала и поддерживала, после различных беспорядков, совершенных в нарушение общественного порядка, препятствовавших законной торговле и угнетению наших верных подданных, занимающихся этой торговлей, в конце концов приступили к открытому и явному восстанию, выстроившись в враждебном порядке, чтобы противостоять исполнению закона, и вероломно готовя, организуя и ведя войну против нас. И поскольку есть основания полагать, что такое восстание было в значительной степени поддержано и поощрено предательской перепиской, советами и поддержкой различных злобных и отчаявшихся лиц в пределах этого королевства: чтобы никто из наших подданных не пренебрегал или не нарушал свой долг по незнанию или из-за каких-либо сомнений в защите, которую закон предоставляет их верности и рвению; Мы сочли целесообразным, по совету Нашего Тайного Совета, издать настоящую Нашу Королевскую Прокламацию, настоящим объявляя, что не только все Наши гражданские и военные должностные лица обязаны приложить все усилия для подавления такого мятежа и привлечения предателей к ответственности; но и что все наши подданные этого королевства и принадлежащих ему владений обязаны по закону содействовать и помогать в подавлении такого мятежа, а также раскрывать и сообщать обо всех изменнических заговорах и покушениях против нас, нашей короны и достоинства; И Мы, соответственно, строго предписываем и приказываем всем Нашим должностным лицам, как гражданским, так и военным, и всем другим Нашим послушным и верным подданным прилагать все усилия для противостояния и подавления такого мятежа, а также раскрывать и сообщать обо всех изменах и изменнических заговорах, о которых им станет известно, направленных против Нас, Нашей короны и достоинства; и с этой целью передавать одному из наших главных государственных секретарей или другому соответствующему должностному лицу полную и достоверную информацию обо всех лицах, которые будут уличены в переписке с лицами, открыто восставшими против нашего правительства в любой из наших колоний и плантаций в Северной Америке, или в любой степени () помогающими или пособничающими им, с тем чтобы подвергнуть заслуженному наказанию авторов, исполнителей и пособников таких предательских замыслов.

Дан в Нашем дворе в Сент-Джеймсе, двадцать третьего
августа тысяча семьсот семьдесят пятого года,
в пятнадцатый год нашего правления.

Боже, храни короля.

ЛОНДОН:

Напечатано Чарльзом Эйром и Уильямом Страханом, печатниками
Его Величества Короля. 1775 год.

Транскрипция [Страница из «ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ»](#) .

Солнце никогда не светило на дело более достойное. Это дело не одного города, графства, провинции или королевства, а всего континента — по крайней мере, одной восьмой части обитаемого земного шара. Это дело не одного дня, года или века; потомки фактически вовлечены в эту борьбу и будут в той или иной степени затронуты нынешними событиями даже до конца времен. Сейчас настало время сеять семена континентального союза, веры и чести. Малейшее раскол сейчас будет подобен имени, выгравированному острием булавки на нежной коре молодого дуба; рана будет увеличиваться вместе с деревом, и потомки прочитают ее полными буквами.

Перенеся вопрос из области споров в область оружия, мы вступаем в новую эру политики — возникает новый метод мышления. Все планы, предложения и т. д., предшествовавшие 19 апреля, т. е. началу военных действий, подобны альманахам прошлого года, которые, хотя и были уместны тогда, теперь устарели и бесполезны. Все, что тогда выдвигали сторонники обеих сторон, сводилось к одному и тому же — союзу с Великобританией; единственное различие между сторонами заключалось в методе его достижения: одни предлагали силу, другие — дружбу, но пока что первые потерпели неудачу, а вторые утратили свое влияние.

Столько было сказано о преимуществах примирения, которое, как приятный сон, прошло и оставило нас в прежнем положении, что вполне справедливо рассмотреть противоположную сторону аргумента и изучить некоторые из многих существенных ущербов, которые эти колонии несут и всегда будут нести, будучи связанными с Великобританией и зависимыми от нее.—Рассмотреть эту связь и зависимость с точки зрения принципов природы и здравого смысла, чтобы понять, на что мы можем надеяться в случае отделения и чего нам следует ожидать в случае зависимости.

Транскрипция текста [письма Кларка](#) « » (Кларк выражает уважение г-ну Гамильтону и просит разрешения сообщить ему,

Полковник Кларк выражает уважение г-ну Гамильтону и просит разрешения сообщить ему, что полковник Кларк не согласится ни на какие другие условия, кроме как на сдачу г-на Гамильтона и его гарнизона в плен на условиях, которые он сочтет нужными.

Если мистер Гамильтон желает провести переговоры с полковником Кларком, он встретится с ним в церкви вместе с ^{капитаном} Хелмсом.

24 февраля 1779 г. Джордж Кларк